

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет

Всероссийская научная конференция
УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНЫМИ ИЗМЕНЕНИЯМИ
В НЕСТАБИЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ

MANAGING SOCIAL CHANGE
IN THE TURBULENT ENVIRONMENT

МАТЕРИАЛЫ КОНФЕРЕНЦИИ

*24 мая 2016 г.,
Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
Социологический факультет*

МОСКВА
МАКС Пресс
2016

ISBN 978-5-317-05286-7

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
имени М.В. ЛОМОНОСОВА
Социологический факультет

Всероссийская научная конференция

**Управление
социальными изменениями
в нестабильных условиях**

**Managing Social Change
in the Turbulent Environment**

Материалы конференции

*24 мая 2016 г.,
Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова
Социологический факультет*

МОСКВА – 2016

УДК 316
ББК 60.5
У67

Редакционно-издательская группа:
В.П. Васильев (руководитель),
А.И. Антонов, С.А. Барков, Н.Г. Деханова, А.В. Маркеева

Управление социальными изменениями в нестабильных условиях:
У67 Всероссийская научная конференция; 24 мая 2016 г., Москва, МГУ имени М.В. Ломоносова, социологический факультет: Материалы конференции / Под общ. ред. В.П. Васильева. – М.: МАКС Пресс, 2016. – 768 с.
ISBN 978-5-317-05286-7

Сборник составлен из материалов, присланных российскими и иностранными учеными в Оргкомитет Всероссийской научной конференции «Управление социальными изменениями в нестабильных условиях». Тексты публикуются в авторской редакции; мнение Оргкомитета может не совпадать с позицией авторов.

Издание предназначено для преподавателей и научных сотрудников, аспирантов и студентов, интересующихся актуальными проблемами и разработками социологической науки.

Ключевые слова: социальные изменения, социальное управление, демографические факторы социальных изменений, организационные изменения, социальное государство.

УДК 316
ББК 60.5

Все материалы публикуются в авторской редакции

Managing Social Change in the Turbulent Environment: All-Russian scientific conference; May, 24, 2016, Moscow, MSU, Faculty of Sociology: Materials of the All-Russian scientific conference / Under the general editorship of Vasiliev V.P. – Moscow, MAKS Press, 2016. – 768 p.

The book consists of materials submitted by the Russian and Foreign scientists to the Organizing Committee of Russian scientific conference "Managing Social Change in the turbulent environment." The texts are published in author's edition. Organizing Committee's point of view may not correspond with the authors' opinion.

The publication is oriented to teachers and researchers, post-graduate students and students who are interested in contemporary problems and development of social science.

Key words: social change; social politics, social management; demographic factors of social change; the corporate change; the welfare state.

Электронное издание

Данное издание доступно:
http://socio.msu.ru/documents/sbornik-social-change_2016.pdf

Издательство ООО «МАКС Пресс»
Лицензия ИД N 00510 от 01.12.99 г.

119992, ГСП-2, Москва, Ленинские горы, МГУ им. М.В. Ломоносова,
2-й учебный корпус, 527 к. Тел. 8(495)939-3890/91. Тел./Факс 8(495)939-3891.

ISBN 978-5-317-05286-7

© Коллектив авторов, 2016
© Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

СЕКЦИЯ 1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

<i>Авраамова Елена Михайловна</i>	16
Социальная политика перед лицом новых вызовов	
<i>Александрова Ольга Аркадьевна</i>	19
Экономическая и идейная десоверенизация как угроза социальному государству	
<i>Белан Алина Владимировна</i>	23
Принципы адресной государственной социальной поддержки	
<i>Бубнова Мария Ивановна</i>	26
Человеческий капитал в зарубежном и отечественном опыте инвестиций	
<i>Васильев Владимир Петрович</i>	31
Государственное управление: социальные цели реформирования	
<i>Власов Сергей Сергеевич</i>	33
Критерий доверия к профессии предприниматель в современной России	
<i>Галлямова Рушана Альбертовна</i>	36
Влияние развития инновационного кластера в Республике Башкортостан на социальное развитие субъекта РФ.	
<i>Грабельных Татьяна Ивановна, Саблина Наталья Александровна, Кузьмина Елена Сергеевна</i>	39
Реализация принципов инновационной политики в регионе в нестабильных условиях	
<i>Гришина Елена Евгеньевна</i>	44
Влияние экономического кризиса на уровень жизни населения	
<i>Громова Наталья Сергеевна</i>	48
Социальное государство через призму общественного восприятия	
<i>Гудилина Екатерина Николаевна</i>	53
Проведение процедуры оценки регулирующего воздействия как способ реализации социальной политики государства	
<i>Деханова Наталья Геннадьевна</i>	56
Формирование человеческого капитала: роль государства	
<i>Дюжев Дмитрий Владимирович</i>	59
Проблемы государственного управления в условиях информационного прогресса	
<i>Ермилова Анна Вячеславовна</i>	63
Тенденции развития социальной политики (на примере Нижегородской области)	

<i>Ионов Александр Анатольевич</i>	67
Компоненты социальной мобильности в университетских рейтингах	
<i>Кильмашикина Татьяна Николаевна</i>	70
Сущность управления конфликтом как вида социального управления	
<i>Ковалёва Маргарита Сергеевна</i>	74
Молодёжный экстремизм глазами экспертов Краснодарского края	
<i>Козырев Геннадий Иванович</i>	77
Несбывшиеся надежды социального государства: конфликтологический анализ	
<i>Коркия Эка Демуриевна</i>	81
Социокультурная модернизация в условиях управления современным обществом	
<i>Косиченко Анатолий Григорьевич</i>	86
Актуализация традиционных ценностей России в созидании новой социальной реальности в условиях нарастания нестабильности	
<i>Кошелева Елена Георгиевна</i>	89
Социальная безопасность как результат взаимодействия государства и субъектов бизнеса	
<i>Кувакова Ирина Михайловна</i>	93
Основания и концепт феномена социальной самоорганизации: от мирочувствия разной природы социумов и образа реальности до управления жизнеспособностью	
<i>Кутепова Наталья Ивановна</i>	98
Социальное государство в условиях кризиса: обуза для госбюджета или условие экономического роста?	
<i>Ламскова Наталья Николаевна</i>	102
Публичные слушания как инструмент диалога власти и общественности	
<i>Левашов Виктор Константинович</i>	106
Социальное государство: диалектика и практика становления	
<i>Лось Наталья Александровна</i>	112
Центры молодежного инновационного творчества как форма производственной поддержки проектной деятельности молодежи	
<i>Лужикова Елизавета Александровна</i>	116
Демократизация механизмов государственного управления избирательным процессом: роль института международных избирательных стандартов	
<i>Макарова Мария Викторовна</i>	120
Особенности молодежной политики в условиях социальных изменений	
<i>Маликова Наилья Рамазановна</i>	124
Ресурсный потенциал преодоления рисков управления социальными изменениями в условиях нестабильности	

<i>Мальшиев Максим Алексеевич</i>	128
Социальное партнерство в муниципальных образованиях	
<i>Молдабекова Айсулу Турсынбаевна</i>	133
Роль социологических исследований при управлении социальными изменениями в нестабильных условиях	
<i>Мурзин Антон Дмитриевич, Мурзина Светлана Михайловна</i>	138
Социальная сфера как фактор устойчивого развития	
<i>Никифоров Илья Игоревич</i>	142
Новая социальная политика в РФ: анализ и перспективы	
<i>Попов Максим Евгеньевич</i>	144
Социокультурная интеграция как инструмент государственного управления и способ преодоления региональных рисков и угроз	
<i>Потапов Валерий Петрович</i>	148
Определение эффективности реализации принципов социального государства	
<i>Романович Нелли Александровна</i>	152
Иерархия прав и свобод в глазах населения	
<i>Савченко Ирина Алексеевна</i>	156
Деятельность органов социальной защиты по поддержке социально незащищенных слоев населения в г. Москве	
<i>Салий Екатерина Андреевна</i>	159
<i>Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова</i>	
Социальная стратификация в современной России: основные факторы формирования	
<i>Саликжанов Ринат Саттарович</i>	162
Общность интересов социального государства и установок молодежи в сфере труда	
<i>Севостьянова Ирина Евгеньевна</i>	167
Реализация принципа социальной справедливости как ключевого принципа социального государства	
<i>Селезнёв Игорь Александрович</i>	170
Перспективы формирования единой социальной политики ЕАЭС и уроки европейской интеграции	
<i>Селиверстова Надежда Игоревна</i>	175
Интерпретация угроз национальным интересам РФ	
<i>Семенов Валентин Владимирович</i>	180
Оценка перспектив обеспечения правопорядка Российской Федерации в период нестабильной ситуации	
<i>Синица Арсений Леонидович</i>	190
Социальное государство и система дошкольных образовательных организаций	

<i>Смирнова Татьяна Леонидовна</i>	194
Рынок рабочей силы как экономический и социальный институт государственной поддержки в национальной экономике	
<i>Соловьев Аркадий Константинович</i>	197
Пенсионная реформа в условиях бюджетного кризиса: гарантии государства и ответственность человека	
<i>Сутырина Ольга Николаевна, Куприянова Елена Игоревна</i>	201
Взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений Республики Марий Эл по гармонизации межэтнических отношений среди молодежи	
<i>Таджибова Лариса Низамиевна</i>	205
Реализация принципов социального государства в сфере трудовых отношений	
<i>Тюплина Ирина Анатольевна</i>	208
К вопросу о роли социального менеджмента в управлении муниципальным образованием	
<i>Холоденко Юрий Александрович</i>	212
Социальная политика Российского государства в условиях кризиса	
<i>Цацура Елена Алексеевна</i>	217
Региональные системы социальной защиты: принятие решений в условиях нестабильности	
<i>Чаргешивили Алёна Владимировна</i>	221
Изменение роли государства в эпоху глобализации	
<i>Шушпанова Ирина Сергеевна</i>	223
Право российских граждан на жилище в практиках социального государства	
<i>Щекотин Евгений Викторович</i>	227
Реальность «турбулентного общества»: вопросы безопасности и управления рисками	
<i>Якушев Евгений Львович</i>	231
Моделирование будущего пенсионной системы России как часть государственного управления в социальном государстве	

СЕКЦИЯ 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

<i>Абрамов Александр Петрович</i>	235
Реформирование армии и модернизация военного образования в условиях институциональных трансформаций	
<i>Алетдинова Анна Александровна, Кравченко Максим Сергеевич</i>	238
Развитие новых форм обеспечения продвижения социальных проектов в сетевой экономике	
<i>Амозова Лариса Николаевна</i>	243
Трансформация организационной системы на основе аутсорсинга	

<i>Арпентьева Мариям Равильевна</i>	247
Мультиагентные и мультиакторные технологии управления	
<i>Барков Сергей Александрович</i>	250
Радость прогресса и счастье дауншифтинга: модерн и постмодерн	
<i>Бессокирная Галина Петровна</i>	257
Дополнительное профессиональное образование рабочих в организациях: состояние, динамика, проблемы	
<i>Блинов Андрей Олегович</i>	261
Особенности управления изменениями в системе образования в России	
<i>Бурмыкина Ирина Викторовна</i>	265
Пределы управляемости сложных социальных систем	
<i>Ванина Клавдия Ивановна</i>	268
Пантехнологизм в сфере управления	
<i>Вартанян Армен Самвелович</i>	271
Проблемы трудовой мотивации и стимулирования труда в организациях	
<i>Вялых Никита Андреевич</i>	275
Векторы трансформации института здравоохранения в современной России	
<i>Гавриленко Ольга Владимировна</i>	279
Изменение институционального контекста функционирования организации	
<i>Гайдай Вячеслав Олегович</i>	284
К вопросу о процессе формирования вовлечённости и лояльности клиентов в маркетинге взаимоотношений на B2B рынке	
<i>Ганин Владислав Валентинович, Зайцева Ольга Федоровна</i>	288
У семи нянек дитя....	
<i>Гречушникова Юлия Сергеевна</i>	294
Трансформация корпораций в XXI веке: использование опыта Европейского Союза в Российской Федерации	
<i>Григорянц Анна Игоревна</i>	298
Кадровая служба: основные аспекты трансформации в XXI веке	
<i>Грищенко Алексей Валерьевич</i>	303
Налоговое регулирование деятельности некоммерческих организаций	
<i>Данилова Елена Александровна</i>	306
Сущность социальных изменений в организации	
<i>Демидов Андрей Владимирович</i>	310
Корпоративная дорожная карта как инструмент управления организацией в период кризиса	

<i>Дергунова Нина Владимировна</i>	313
Общественная палата как институт межсекторального взаимодействия	
<i>Джунусова Жаньылжан Хасымовна</i>	317
«Правительство для граждан» как новый социальный институт Казахстана	
<i>Добреньков Владимир Иванович, Афонин Юрий Алексеевич</i>	321
Инновационное развитие: лучший мировой опыт коммерциализации интеллектуальной собственности	
<i>Долгоруков Александр Михайлович</i>	326
Эффективность власти и институциональные преобразования	
<i>Дорохина Ольга Васильевна</i>	329
Влияние семейно-демографических факторов на развитие семейного бизнеса	
<i>Егорова Анастасия Юрьевна</i>	332
Трансформация восприятия бюрократической организации: от оптимального механизма до повсеместного порицания	
<i>Жилко Варвара Александровна</i>	334
Актуальные вопросы социального прогнозирования	
<i>Жуйкова Елена Сергеевна</i>	338
Внеучебная деятельность студентов ВУЗов как будущая профессиональная площадка глазами выпускников	
<i>Захарова Наталья Игоревна</i>	342
Влияние культуры на национальную модель управления	
<i>Злотникова Лидия Михайловна</i>	345
Социализация человека в контексте новой институционализации	
<i>Зубков Владимир Иванович</i>	349
Выявление и оценка рисков в деловых организациях	
<i>Зырянов Владимир Викторович</i>	352
Укрупнение образовательных организаций высшего образования в России: мотивы и риски	
<i>Иванова Ольга Николаевна</i>	356
Трансформация институциональной структуры в аграрном секторе как фактор развития	
<i>Кильмашкина Татьяна Николаевна</i>	360
Функции организационных патологий	
<i>Ковель Татьяна Александровна</i>	364
Институционализация волонтерских движений в России	
<i>Когай Евгения Анатольевна</i>	366
Тренды гражданского участия социально-ориентированных НКО Центрального Черноземья	
<i>Коклданова Гиляна Федоровна</i>	370

Социальная реклама как один из инструментов социально ответственного бизнеса

<i>Колмыкова Марина Александровна</i>	373
О культуре государственных и муниципальных служащих	
<i>Косарева Виктория Александровна</i>	377
Изменение роли студенческого самоуправления в формировании жизненных и профессиональных стратегий выпускника ВУЗа	
<i>Ксенофонтова Елена Геннадьевна</i>	381
Эволюция взаимоотношений заказчиков с управленческими консультантами в конце XX века	
<i>Левашов Виктор Константинович, Шушпанова Ирина Сергеевна, Афанасьев Владимир Александрович, Новоженина Ольга Петровна</i>	384
Потенциал гражданского общества	
<i>Лесниковская Екатерина Викторовна</i>	388
Институционализация социального творчества	
<i>Липатова Александра Евгеньевна</i>	392
Мотивация персонала в условиях кризиса	
<i>Лубяницкая Екатерина Сергеевна</i>	396
Использование SMM-менеджмента в коммуникационной политике организации	
<i>Лядова Анна Васильевна, Лядова Мария Васильевна</i>	399
Особенности формирования модели взаимоотношений в системе «врач-пациент» в условиях институциональных изменений системы здравоохранения РФ	
<i>Майорова Людмила Васильевна</i>	401
Исследовательская культура как основа для поддержания и развития научно-образовательной среды вуза	
<i>Макаров Сергей Николаевич</i>	404
Особенности категории «руководство» при осуществлении внутриорганизационного управления в органах государственной власти	
<i>Максимова Александра Максимовна</i>	408
Трансформирование корпоративной культуры организации в сторону инновационности как фактор повышения конкурентоспособности компании	
<i>Маркеева Анна Валерьевна</i>	410
Умения и навыки работников: постиндустриальные императивы	
<i>Меремьянина Елена Сергеевна</i>	414
Бренд работодателя как фактор конкурентоспособности современных организаций	
<i>Михайлова Александра Сергеевна</i>	416
Высококвалифицированная иммиграция в условиях меняющегося рынка труда: причины и	

последствия (на примере г. Санкт-Петербурга)

<i>Молодов Олег Борисович</i>	420
Институт общественного контроля в современной России: проблемы становления на региональном уровне	
<i>Муханова Мария Николаевна</i>	424
Занятость сельской молодежи в неформальном секторе	
<i>Нархов Дмитрий Юрьевич, Хорова Полина Андреевна</i>	428
Исследование модернизационных изменений в профессиональном образовании	
<i>Невенченкова Анастасия Валерьевна</i>	431
Перспективы применения принципов управления зарубежных организаций в России	
<i>Обрывалина Ольга Андреевна</i>	435
К вопросу о содержании и необратимости процесса трансформации моделей университетов	
<i>Панич Наталья Александровна</i>	439
Трансформация института образования в современных условиях: Болонский процесс.	
<i>Петренко Светлана Николаевна, Бессарабов Владислав Олегович</i>	442
К вопросу о сущности института социальной ответственности бизнеса	
<i>Поздеева Елена Геннадиевна</i>	446
Институционализация доверия в организации: управленческий аспект	
<i>Преображенская Тамара Викторовна</i>	450
Социометрический подход к оценке эффекта от стандартизации	
<i>Рахманова Юлия Викторовна</i>	453
Модели сетевых структур и формы контроля	
<i>Ребров Арсений Андреевич</i>	456
Влияние дискурсивных интернет-технологий на динамику общественных движений	
<i>Рыбина Ксения Сергеевна</i>	460
Социальные изменения в организациях: переход к ответственному лидерству	
<i>Свердликова Елена Альбертовна</i>	463
Изучение феномена инновационности в контексте ценностей российской деловой культуры	
<i>Селезнёв Игорь Александрович</i>	466
Социальный институт образования и науки: динамика эволюции в нестабильных условиях меняющегося мира.	
<i>Слинько Александр Анатольевич</i>	469
Политические процессы в контексте институционального кризиса и формирование новых политических систем	
<i>Смирнов Владимир Петрович</i>	473

Исследование предпринимательства в постиндустриальной экономике

<i>Теребихин Владимир Михайлович</i>	477
Политико-управленческие идеи к проектированию стратегии духовно-нравственного преобразования российского общества, формирования российского нравственного государства	
<i>Трегуб Илона Владимировна</i>	481
Корпоративные социальные инвестиции как фактор управления трансформацией организаций	
<i>Третьякова Лариса Александровна</i>	485
Мобильность трудовых ресурсов в условиях неравновесного развития рынка труда	
<i>Тюхтяева Ксения Германовна</i>	492
Новые формы занятости в современном обществе - трансформация экономических, социальных и правовых институтов	
<i>Чернышева Елизавета Вячеславовна</i>	495
Развитие негосударственного сектора дошкольных образовательных учреждений как элемент институциональной трансформации (по материалам Иркутской области)	
<i>Шестакова Наталья Николаевна</i>	499
Трансплантация институтов и изменение институциональных условий в российском образовательно-воспитательном пространстве	
<i>Шиняева Ольга Викторовна, Илямакова Елена Алексеевна</i>	503
Взаимодействие организаций высшего образования с рынком труда как фактор повышения функциональности выпускников	
<i>Юрасова Мария Владимировна</i>	507
Проектирование и разработка концепции перспективных территорий	

СЕКЦИЯ 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

<i>Антонов Анатолий Иванович</i>	511
Современная динамика населения и приоритеты семейнодемографической политики	
<i>Акьюлов Роберт Ишкалеевич</i>	516
Репродуктивное поведение молодежи в условиях трансформации института семьи	
<i>Антонов Георгий Вячеславович, Лактюхина Елена Геннадьевна</i>	524
Развод: «до» и «после». Сравнительный анализ установок брачности	
<i>Аракелян Алиса Агароновна</i>	528
Противоречивый характер семейной политики Советского государства	
<i>Афонин Михаил Викторович</i>	531
Репродуктивные установки молодых женщин	

<i>Багун Светлана Валерьевна</i>	534
Модели и удовлетворенность супругов своим браком (на примере супругов, находящихся от пяти лет в браке)	
<i>Бутуева Зинаида Арсентьевна, Козулин Андрей Владимирович</i>	537
Влияние миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в регионе	
<i>Васильева Анжелика Сергеевна</i>	543
Наркомания и наркотизации молодежи и подростков – угроза генофонду нации	
<i>Вершинина Инна Альфредовна</i>	549
Социальные изменения в городах Европы в контексте миграционных процессов	
<i>Викторов Александр Шагенович</i>	553
Факторы социально-демографической безопасности современной России	
<i>Винокурова Елена Игоревна</i>	556
Социально-экономические последствия демографических факторов в условиях глобализации	
<i>Гильманова Елена Маратовна</i>	561
Культура участия и коллективное поведение граждан города Екатеринбурга: потенциал и перспективы.	
<i>Глотов Михаил Борисович</i>	564
Изменение в системе образования в условиях современной демографической ситуации	
<i>Гольдберг Александра Яковлевна</i>	568
Представления молодежи о семье в условиях трансформации института семьи и брака в России	
<i>Гончарова Наталья Петровна, Вараксина Наталья Владимировна, Вараксин Сергей Владимирович</i>	572
Потенциал математических моделей в прогнозировании демографического поведения населения	
<i>Грудина Татьяна Николаевна</i>	576
Экономический фактор рождаемости в условиях нестабильности	
<i>Гуслякова Людмила Герасимовна, Говорухина Галина Владимировна, Яйтакова Аруна Васильевна</i>	579
Ценность семьи как фактор влияния на демографические процессы в современном обществе	
<i>Дугаржапова Дулма Баировна</i>	583
Проблема оттока молодежи из Иркутской области	
<i>Елизаров Валерий Владимирович</i>	586
Региональные аспекты реализации демографической политики России	
<i>Злотников Андрей Анатольевич</i>	592
Некоторые аспекты реформирования пенсионной системы	

<i>Караваева Юлия Игоревна</i>	595
Семья и демографическая ситуация в Вологодской области в условиях социальных изменений	
<i>Караханова Татьяна Муртазаевна</i>	598
Семейные ценности и роль религиозного фактора в отношении к ним рабочих	
<i>Каржаубаев Серик Сеитович</i>	603
Социальные изменения и институт семьи	
<i>Кильмашкина Татьяна Николаевна</i>	607
Некоторые причины современного социально-демографического кризиса	
<i>Климова Елена Владимировна</i>	611
Современная демографическая ситуация в России	
<i>Козлитина Анна Евгеньевна</i>	616
Доминирование в семье: результаты социально-психологических измерений	
<i>Козлова Татьяна Захаровна</i>	619
Влияние социальных изменений на демографические процессы	
<i>Кочергин Алексей Анатольевич</i>	621
Состояние и перспективы миграционных процессов в Краснодарском крае	
<i>Леденёва Виктория Юрьевна</i>	625
Роль миграции в динамике численности населения в Сибирском Федеральном округе	
<i>Лепин Александр Петрович</i>	630
Демографический вызов молодежной политике: к вопросу о здоровье молодого поколения россиян	
<i>Ляликова Софья Викторовна</i>	634
Применение шкалограммного анализа при изучении семейно-детных ориентаций и установок	
<i>Маякова Вера Владимировна</i>	638
Личностная интерпретация половозрастных ролей в рамках социокультурного контекста	
<i>Москалевич Галина Николаевна</i>	642
Влияние демографических факторов на социальные изменения в обществе	
<i>Мусихина Ирина Андреевна, Черепанина Наталья Вадимовна</i>	646
Анализ факторов, влияющих на демографическую ситуацию Российской Федерации в Новейшее время	
<i>Нежданов Владимир Анатольевич</i>	649
Трансформация региональной системы расселения	
<i>Новикова Лариса Васильевна, Куликов Андрей Михайлович</i>	653

Демографическое измерение социальных процессов в современном российском обществе: проблемы и перспективы

<i>Новоселова Елена Николаевна</i>	657
Пенсионный возраст в России: демографический аспект	
<i>Носкова Антонина Вячеславовна</i>	661
Гендерные уязвимости: гуманистический поворот в исследованиях народонаселения	
<i>Пархоменко Евгения Ярославовна</i>	665
Безработица на рынке труда Белгородской области	
<i>Пасовец Юлия Михайловна</i>	670
Демографические факторы модернизационных преобразований российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)	
<i>Полетунова Анна Васильевна</i>	674
Роль женщины в управлении: российские стереотипы	
<i>Поплавская Ирина Анатольевна</i>	678
Молодое и старшее поколения как потенциальный ресурс управления	
<i>Потапов Валерий Петрович</i>	682
Необходимость проведения социальных изменений, ориентированных на преодоление демографического кризиса в РФ	
<i>Пчёлкина Ксения Константиновна</i>	685
Добровольно бездетные как альтернативная форма брачно-семейных отношений	
<i>Рогачева Виолетта Алексеевна</i>	687
Имидж семьи и брака в печатных средствах массовой информации: социологический анализ	
<i>Руденко Лариса Дмитриевна</i>	692
Представления молодежи о семейно-брачных отношениях: поколения 1980-х и 1990-х годов	
<i>Савинов Леонид Иванович</i>	695
Влияние семейно-демографических факторов на социальную сплоченность российского общества	
<i>Савинов Леонид Вячеславович, Шевцова Елена Владимировна</i>	699
Миграция и социальные сдвиги в восприятии мигрантов	
<i>Сазонова Анна Львовна</i>	703
Любовь как демографический фактор	
<i>Сбитнева Наталья Андреевна</i>	706
Миграция как фактор устойчивого развития сельских территорий	
<i>Сидорова Екатерина Петровна</i>	710
Динамика этнической структуры США как фактор социально-экономических изменений	

<i>Сизоненко Зарина Лероновна</i>	714
Семья как система: состав, структура, функции	
<i>Силантьева Ангелина Александровна</i>	717
Вопросы браков и разводов в работах В.В. Розанова	
<i>Синельников Александр Борисович</i>	720
Демографические последствия стремления к личной независимости	
<i>Синица Арсений Леонидович</i>	723
Причины разводов по материалам региональных обследований 2011-2015 годов	
<i>Соловьев Аркадий Константинович</i>	727
Риски демографических факторов развития пенсионной реформы	
<i>Сонюшкина Ксения Антоновна</i>	730
Сравнительный анализ: портрет современной женщины 18-30 лет и современного мужчины 18-30, на основе результатов исследования "Влияния социальных сетей на формирование отношения современной молодежи к семье"	
<i>Сухинин Сергей Александрович</i>	734
Демографический фактор как ограничитель социально-экономического развития периферийной зоны Ростовской области	
<i>Сущенко Ольга Александровна</i>	738
Распространение незарегистрированных партнерских союзов как показатель кризисного состояния института семьи и брака	
<i>Фомичева Татьяна Владимировна, Салистая Г.С.</i>	741
Здоровье как фактор демографических изменений в России	
<i>Хромачева Анастасия Юрьевна</i>	747
Современное состояние института семьи в России	
<i>Цыплакова Ольга Геннадьевна</i>	753
Социально-демографические детерминанты развития современного российского общества	
<i>Шапошников Евгений Сергеевич</i>	757
Пространственная дифференциация социально-экономического развития регионов	
<i>Янкина Екатерина Александровна</i>	762
Антисемейный характер первых декретов Советской власти	
<i>Яровенко Артем Анатольевич, Бочанов Эдуард Святославович</i>	764
Основные черты современной урбанизации, ее перспективы	

СЕКЦИЯ 1.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: РЕАЛИЗАЦИЯ ПРИНЦИПОВ СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА

Социальная политика перед лицом новых вызовов

Аврамова Е.М.

Институт социального анализа и прогнозирования (ИнСАП) РАНХиГС

Россия, Москва

Негативные явления в российской экономике затронули, по данным мониторингового исследования ИНСАП «Социальное самочувствие россиян»^{*} до 80% россиян.

В сфере занятости наиболее негативные изменения связаны с уменьшением размера зарплат: о снижении реальной зарплаты в марте 2016 г. сообщили 30% респондентов. Растут негативные ожидания в отношении возможной потери работы – их испытывает 34% респондентов, а 12% уже лишились работы[†]. Выросла доля работающих неполный день, ушедших в отпуск без сохранения содержания, тех, кому задерживают выплату зарплат.

В результате о снижении уровня материального положения в марте 2016г. сообщили 50,6% опрошенных. Бедные и малообеспеченные страдают от кризиса больше: среди них 48,8% сообщили, что кризис затронул их в сильной степени, в то время как среди средне обеспеченных соответствующая доля составила в марте 2016 г. 22,7%, а среди относительно высоко обеспеченных – 9,5%.

Неудивительно, что за снижением уровня благосостояния последовало заметное снижение покупательной способности россиян. Потребительская активность, снизившаяся в первом полугодии 2015г., не растет. При этом сокращают расходы не только бедные слои населения, но также средне обеспеченные.

---

^{*} Ежемесячно опрашивается 1600 респондентов по репрезентативной для России в целом выборке.

[†] Часть потерявших работу (46%) смогла вновь трудоустроиться.

Укрепилась тенденция, обозначившаяся в конце 2015 г. – сокращается численность оптимистов, считающих, что положение вскоре улучшится, и одновременно растет доля тех, кто ожидает продолжения кризисных явлений в течение еще нескольких лет. Таким образом, горизонт выхода из кризиса в представлениях населения отдалается. При этом по-прежнему высока неопределенность в оценке экономической ситуации и перспектив ее развития.

В такой ситуации социальная политика не может ограничиваться выполнением лишь одной – компенсаторной – функции, в рамках которой осуществляется социальная защита и поддержка тех групп населения, которые не имеют ресурсов и возможностей повышения собственного материального положения (многодетные семьи, семьи, имеющие в своем составе инвалида, семьи пенсионеров и пр.). Социальная политика, имманентная остроте стоящих проблем, должна «работать» не только с проблемой бедности как нехватки доходов, а бедности как исключения из продуктивных социально-экономических практик. При такой постановке меры поддержки должны быть направлены на организацию доступа соответствующих групп населения к ресурсам, использование которых может вывести их на более высокий уровень развития (доступ к образованию, рабочим местам, социальным услугам). Подобная политика реализует стимулирующую функцию и направлена на сокращение численности бедных и выходу домохозяйств из зоны застойной бедности. Кроме того, стимулирующая социальная политика должна быть направлена на поддержку российского среднего класса и расширение его численности за счет усилий, направленных на поддержание интенсивной вертикальной мобильности.

Именно такой подход обозначен в современных теориях социальной политики, проводимой в относительно стабильных экономиках, и именно он, как представляется, может быть наиболее эффективен в период утраты стабильности, когда финансовая поддержка социально незащищенных групп населения сокращается.

Релевантность подобного теоретического построения зависит от того, какая социально-экономическая диспозиция сложилась в современном россий-

ском обществе, какие представления о путях повышения собственного благосостояния и ожидания в отношении социальной политики государства сложились у различных слоев и групп российского населения. В случае, если пограничные в плане материальной обеспеченности группы имеют интенции к повышению активности в образовательной и трудовой сферах, но их активность сдерживается недостатком финансовых средств либо институциональными барьерами, социальная политика может быть направлена на преодоление подобных преград. Если же соответствующие группы в силу разных причин инертны и патерналистски ориентированы, то социальная политика будет находиться перед развилкой: ограничиваться исключительно компенсаторными мерами, либо начинать практиковать стимулирующие меры с расчетом на то, что они постепенно будут восприняты группами, к которым эти меры обращены.

Данные проведенного мониторингового исследования свидетельствуют о том, что рост пессимистических настроений и негативных ожиданий в отношении развития кризиса, тем не менее, не вызвал массовых алармистских настроений. Несмотря на ползучее распространение негативных явлений кризиса, до настоящего времени основная масса населения не переносит индивидуальные лишения, связанные с трудовой и/или потребительской сферой, на свое отношение к происходящим в экономической жизни страны изменениям. Это не предполагает пересмотра сложившихся у населения моделей экономического, в частности, трудового поведения, а, напротив, приводит большинство россиян к мысли, что неблагоприятный период следует переждать, не предпринимая каких-либо усилий, помимо включения режима экономии.

Ответом на негативные явления в экономике стало сокращение потребительской активности - в режим экономии вошли не только малообеспеченные, но и средние слои. Трудовые стратегии адаптационного характера не находят ни развития, ни распространения: 3,3% респондентов нашли вторую работу; 12% - разовые подработки; 5% - регулярные. Отсутствие массовых трудовых

стратегий заменяет архаичная форма выживания – 24% опрошенных стали выращивать больше овощей и фруктов на приусадебных участках.

Можно заключить, что сырьевой тип экономики определенным образом повлиял на складывание массовых моделей социально-экономического поведения. В их формировании население исходило из того, что, во-первых, рост личного и семейного благосостояния происходит сам собой, вне зависимости от усилий по повышению индивидуальной конкурентоспособности и роста производительности труда; во-вторых, источником повышения личного и семейного благосостояния является государство. Результатом таких представлений стал рост патерналистских ориентаций и соответствующих моделей поведения. Реализация таких моделей носила рациональный характер при благоприятной экономической конъюнктуре, но контрпродуктивно в ситуации кризиса. Проблема состоит в том, что смена доминирующих ранее моделей поведения затруднительна в силу того, что институциональный контекст для реализации моделей поведения, основанных на использовании собственных социальных ресурсов развития, не создан. Этот вывод важен для актуальной социальной политики, которой придется иметь дело со значительными по численности слоями населения, не способными самостоятельно решать проблемы роста индивидуально или семейного благосостояния, в силу чего они будут апеллировать к государству как главному патрону.

**Экономическая и идейная десоверенизация
как угроза социальному государству**

Александрова О.А.

ИСЭПН РАН, Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия,

Москва

По мере разрастания кризиса в стране происходит заметная интенсификация секвестирования социальных расходов, оптимизации сети учреждений социальной сферы, инициирования и реализации шагов по сокращению социальных гарантий. Налицо следование курсу на сворачивание социального госу-

дарства в прежних объемах. Резкое расширение коммерциализации социальной сферы вкупе с падением реальных доходов населения негативно влияют на доступность значимых социальных благ (образования, здравоохранения), что не может не сказаться на качестве человеческих ресурсов, а, значит, и на перспективах развития страны.

Причины происходящего связаны с процессами десоверенизации в идейной и, как следствие, социально-экономической сфере. Начнем с последней. Так, тот факт, что к радикальным инициативам в отношении социальных гарантий приводит изменение цены всего лишь на один, хотя и основной, товар российского экспорта, а также отлучение российского бизнеса от возможностей заимствования у зарубежных кредиторов позволяет говорить об ограниченной «суверенности» российского бюджета [1].

В последние годы проблема уязвимости российского бюджета в силу сырьевого характера экономики усугубилась последствиями присоединения к ВТО – организации, участие в которой требует от государств-членов уступки части своего экономического суверенитета. Обычно говорится о негативном влиянии, оказываемым членством в ВТО на ситуацию в наиболее уязвимых секторах экономики - прежде всего, высокотехнологичных отраслях и сельском хозяйстве через ограничение полномочий государства в сфере таможенно-тарифного регулирования. Однако воздействие ВТО на возможности реализации государством своих социальных функций не ограничивается лишь влиянием на занятость и доходы бюджетов, отвечающих за финансирование социальных отраслей. Посредством Соглашения по торговле услугами (ГАТС), включающее в число услуг образование, медицину и социальное обслуживание, трансформируется сама сущность и организация деятельности социальной сферы. В рамках ГАТС государства-члены ВТО принимают на себя обязательства по либерализации социальной сферы, причем либерализации перманентной и практически необратимой, поскольку отказ от ранее данных обязательств возможен лишь через определенный промежуток времени (три года) и при условии прямой или косвенной компенсации партнерам их упущенной выгоды. По-

сколькx финансирование государством учреждений социальной сферы трактуется ГАТС как нарушение принципа равенства условий работы для национальных и иностранных компаний, государству приходится сокращать бюджетные ассигнования. В этих условиях интенсивно внедряющийся в социальную сферу частный капитал максимизирует свою прибыль, либо повышая цены (регулирование цен невозможно, так как это трактуется как торговый барьер), либо снижая издержки путем сокращения штатов и ухудшения условий труда, что не может не снижать качества услуг, доступных основной массе населения [2].

Кроме того, ВТО обладает правом контроля над национальным законодательством. Члены ВТО обязаны информировать руководящие органы торговой организации о готовящихся в данных странах законодательных инициативах. Суд ВТО, которому предписано исходить из соображений эффективности и отклонять ссылки ответчиков на гарантирование доступности общественных благ, может признать их «более обременительными, чем необходимо» и потребовать отмены. Таким образом, в рамках ВТО социальные блага переводятся в разряд услуг и в этом качестве трансформируются в предмет торговых переговоров [3].

Итак, присоединение к ВТО оказывает существенное влияние на занятость, наполнение отвечающих за работу социальных отраслей региональных и местных бюджетов, порядок функционирования социальной сферы и продовольственную безопасность. Для России, присоединившейся к ВТО в не самое удачное время и на весьма невыгодных условиях, это создает серьезные риски, поскольку ограничивает возможности государства проводить социальную политику, эффективную как в части социальной защиты, так и в части социального развития.

Что касается десоверенизации в идейной сфере, то о ней говорит то, что, как и во время предшествующих кризисов, неизбежным и единственным лекарством от кризиса объявляется прямое или опосредованное сокращение социальных расходов или, как минимум, их консервация на неадекватно низком уровне. При этом даже беглый анализ позволяет говорить о бесосновательности

утверждений о «нехватке» у государства средств в условиях, когда оно не использует целый ряд хорошо известных инструментов пополнения казны и, в то же время, не пресекает непродуктивное отвлечение бюджетных средств внутри страны, а также вывод материальных ресурсов за рубеж [4]. Таким образом, наблюдается следование неолиберальной парадигме, в рамках которой социальные расходы выставляются антагонистами экономического роста. Притом, что с опорой на данные представительных международных сравнительных исследований западные же оппоненты такого подхода убедительно доказывают, что критичным является не масштаб государственных расходов на социальную сферу, а характер и организация системы соцобеспечения – ее способность создавать массовый платежеспособный спрос и обеспечивать национальных производителей высокопроизводительной рабочей силой [5]. Не случайно и во времена Великой депрессии, и в условиях послевоенного восстановления, и в период нынешнего кризиса основной акцент делался развитыми странами Запада на поддержке занятости и массового платежеспособного спроса, вложениях в человеческий потенциал, стимулировании инвестиционной активности за счет включения эффективных механизмов перераспределения доходов[6].

Литература:

1. Дегтев А.С. Суверенен ли российский бюджет. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://rusrand.ru/analytics/suverenen-li-rossijskij-bjudzhet> (дата обращения 16 ноября 2015 г.).
2. Гоулд Е., Ждановская А. Почему все же ГАТС ведет к коммерциализации общественных благ? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://wto-inform.ru/experts/aleksandra_zhdanovskaya_vto_inform_ellen_gould_ekspert_po_gats_kanada_pochemu_vse_zhe_gats_vedet_k_k/ (дата обращения 4 марта 2013 г.)
3. Sinclair S. GATS. How the WTOs new «services» negotiations threaten democracy. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.ratical.org/globalize/GATSSummary.pdf> (дата обращения 6 марта 2013 г.)

4. Александрова О.А. Социальная политика в условиях социально-экономической и идейной десоверенизации//Народонаселение.- 2015.- №4 (70).- С.15-30.
5. Taylor-Gooby P. Social change, social welfare and social science. N. Y.; L., 1995.
6. Александрова О.А. Институциональные проблемы становления социального государства в современной России. – М.: А-Студио, 2009.

Принципы адресной государственной социальной поддержки

Белан А.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В 2015 году в ежегодном послании к Федеральному Собранию Президент РФ Владимир Путин обратил особое внимание на необходимость справедливости в распределении социальной защиты. «Необходимо поддержать людей с низкими доходами, наиболее уязвимые категории граждан, перейти, наконец, к справедливому принципу оказания социальной помощи, когда ее получают те, кто в ней действительно нуждается»[1]. Другими словами Президент указал на важность адресности социальной поддержки, на необходимость поддерживать людей, реально нуждающихся в помощи, людей попавших в трудную жизненную ситуацию.

Сейчас в Российской Федерации происходит постепенный переход от категориальной поддержки к адресной. Категориальная поддержка – социальная помощь отдельных категорий населения, без учета их нуждаемости, такими категориями могут быть участники войны, пенсионеры, многодетные, инвалиды и т.д. Адресная поддержка – меры социальной помощи населению, осуществляемая на основе проверки нуждаемости.

Сейчас ведутся дискуссии по поводу категориальной помощи, многие считают, что ее нужно отменить. Например, в Европе данная поддержка минимальна, у них идет акцент на адресную помощь. Есть как сторонники, так и противники этой точки зрения. С одной точки зрения, при категориальной под-

держке очень много денег направляется тем, у кого есть достойный источник дохода и нет необходимости в доплатах. Но с другой стороны, есть категории: ветераны войны, пострадавшие в Чернобыле, лица награжденные знаком «Жителю блокадного Ленинграда», которые заслужили некие льготы. Государство в таких случаях этой помощью показывает свою заботу, внимание и благодарность, ведь это те категории, которым обязано общество. Поэтому отменять категориальную помощь нельзя, ее необходимо реформировать.

Адресная поддержка, в отличие от категориальной более экономична, и дает возможность преодолеть абсолютную бедность.

Однако некоторые исследователи считают, что адресный подход не дает долгосрочного эффекта, поскольку не нацелен на профилактику повторений кризисных ситуаций, на перспективную социальную защиту каждого конкретного человека и населения страны в целом[2]. Поэтому необходимо разработать эффективные принципы адресной поддержки.

Адресная помощь имеет множество преимуществ: экономия бюджетных средств; поддержка граждан, которым она жизненно необходима; снижение нарушений при распределении средств; эффективность поддержки; помощь в выходе из бедственного положения и др.

Для того, чтобы найти реально нуждающихся граждан в социальной поддержке, адресная поддержка должна следовать определенным принципам.

Во-первых, данная поддержка должна проверяться[3]. Органы социальной защиты должны проводить экспертную оценку уровня доходов домохозяйств не только путем сопоставления их с величиной прожиточного минимума и другими официальными показателями, но и путем посещения экспертами места жительства граждан, желающих получить социальную поддержку. Во-вторых, поддержка должна выводить гражданина из бедственного положения. А значит, некоторая поддержка, например, поддержка семей с детьми, семей потерявших кормильца, малообеспеченных семей, должна быть не в форме денег, а в форме реальной помощи в поиске работы, устройству детей в детский сад, обеспечении детей школьного возраста группами продленного дня, чтобы родители

имели возможность зарабатывать деньги. В-третьих, должна учитываться специфика района. В-четвертых, поддержка должна эффективно использоваться, средства должны тратиться на реально необходимые вещи, например, на еду, а не на алкоголь и табак. Некоторая материальная помощь может быть заменена на продовольственную, с ограничением в покупке вредных товаров. В-пятых, поддержка должна варьироваться от дохода населения. Сейчас гражданин, получающий 4 тыс. рублей в месяц, и гражданин, получающий 8 тыс. рублей, если они оба попадают под категорию малообеспеченные, получают одинаковый размер пособий. Такого быть не должно, данные граждане должны получать разные пособия, то есть пособие должно быть больше у того, у кого доход меньше.

Конечно, эта проблема затрагивает не только социальную сферу, необходимо реформировать экономическую, политическую и духовную сферы. В сфере экономики, необходимо решить вопрос с неофициальными доходами граждан. Ведь эти доходы нигде не отражаются, и граждане могут, имея достаточный доход, получать социальную поддержку. Так же люди должны понимать, что они в первую очередь рассчитывают на себя, в обществе должно создаваться мнение, что работать престижно, а это затрагивает духовную сферу. В политической сфере должны приниматься законы, закрепляющие принципы адресной помощи, эффективные критерии.

Литература:

1. Послание Президента Федеральному Собранию: стенограмма. [Электронный ресурс] / Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/messages/50864> (дата обращения: 28.04.2016).
2. Золотарева, А. Б. Состояние и перспективы развития системы социальной защиты в России / Золотарева А. [и др.]. – М. : Ин-т Гайдара, 2011. с. 242-243.

3. Терещенко Ю.А. Принцип адресности как важнейшее требование оказания социальной защиты в современной России// Новая наука: Современное состояние и пути развития. 2015, № 6-2. с. 128-130.

**«ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ КАПИТАЛ»
В ЗАРУБЕЖНОМ И ОТЕЧЕСТВЕННОМ ОПЫТЕ ИНВЕСТИЦИЙ**

Бубнова М.И.

*Факультет государственного управления МГУ им. М.В. Ломоносова,
Россия, Москва*

Являясь одним из центральных разделов современной экономики, человеческий капитал является исходной клеточкой всех форм капитала. Как социально-экономическая категория «человеческий капитал» сформировалась только в середине 20 века. Базовая теоретическая модель человеческого капитала была разработана в книге Г.Беккера «Человеческий капитал», 1964 г. [1, с. 49-144].

Большая заслуга в разработке проблем образовательных технологий как процесса инвестиций в человеческий капитал в новых условиях российской экономики принадлежит Р.И. Капелюшникову, который справедливо констатирует, что развитие теории человеческого капитала шло в русле неоклассического направления мировой экономической мысли [2, с. 49-144].

В странах, где наблюдается высокий уровень образования населения, появляются объективные преимущества для дальнейшего роста экономики. Ученые отмечают прямую зависимость между уровнем развития образовательной сферы и темпами экономического роста. По данным Всемирного банка, установлено, что экономический рост обусловлен на 16 % физическим капиталом, на 20 % – природными ресурсами и на 64 % человеческим капиталом. Таким образом, в структуре национального богатства доминирует человеческий капитал, составляющий в среднем 2/3 от общего национального богатства. Однако для России соотношение иное: 72% составляет сырьевой фактор и только 14% – человеческий капитал. [3]

Информационно-технологическая цивилизация оказались в парадигмальных условиях экономического кризиса, который привел к тяжелым потрясениям всей мировой экономики – не даром его сравнивают с Великой Депрессией, в масштабах планеты. Многие ведущие зарубежные и отечественные экономисты считают, что фрагментация единых рынков разрушают существующую систему мирового разделения труда, которая обеспечивала повышение эффективности производства. В таком случае мировая производственная экономика будет продолжать деградировать.

Воспроизводство интеллектуального капитала как по качественно-количественным параметрам, так и по временным несет в себе импульсы преобразования являясь при этом неограниченным ресурсом, в условиях кризиса это имеет особое значение.

Кризис не исключает того, что человеческий капитал в экономике – один из основных факторов развития рынков, производства, бизнеса и домохозяйства. В России достаточно образованных, изобретательных и предприимчивых людей, чей интеллектуальный потенциал может являться важнейшим стратегическим ресурсом капитализации отечественной экономики.

Расширенное воспроизводство интеллектуального капитала является основной постиндустриальной и информационной экономики. «Индивидуумы представляют собой главный источник ресурсов для инвестиций в человеческий капитал, говорит Л. Туроу. Каждый индивидуум располагает некоторым первоначальным запасом времени жизни, который, является столь же базовым, как и запас ресурсов. Человеческое время и финансовые ресурсы – главный актив человеческого капитала, который позволяет индивидууму приобретать другие активы человеческого капитала». [3, с. 124]

Следует также учитывать, что инвестиционный период у интеллектуального капитала значительно длиннее, чем у физического. У последнего он составляет в среднем от 1 года до 5 лет, а инвестиции в интеллектуальный капитал может достигать 12-20 лет и продолжать его воспроизводство в дальнейшем всю трудовую жизнь.

В одном из подходов относительно основы инвестиций в человеческий капитал выделяется три вида инвестиций в человеческий капитал:

- расходы на образование, включая общее и специальное, формальное и неформальное, подготовку по месту работы;

- расходы на здравоохранение, складывающиеся из расходов на профилактику заболеваний, медицинское обслуживание, диетическое питание, улучшение жилищных условий;

- расходы на мобильность, благодаря которым работники мигрируют из мест с относительно низкой производительностью в места с относительно высокой производительностью. [4]

В развитие данной классификации необходимо учитывать и то, в какой сфере будет реализовываться человеческий капитал. Он может проявляться как уникальная орудийная деятельность, может выступать как управленческий ресурс, а может выступать в соответствующих сферах интеллектуальным ресурсом. В любом случае человеческий капитал выступает формой собственности. Любой продукт собственного творчества будь то музыкальное произведение, философская идея, изобретение технического устройства или результат социологического исследования, предполагающее научные рекомендации для последующих социальных преобразований, и т.п., требует обладания творческого созидания (оригинального, возможно даже гениального), а значит уже в этом виде выступает духовной ценностью.

Человеческий капитал как форма интеллектуальной собственности означает творения человеческого разума, это результат свободной творческой деятельности, потенциально предполагающий доход от этой деятельности и в независимости от эффективности, сложности и последующего предназначения, требует одного – правовой защиты, авторского права на данную интеллектуальную собственность.

В современной отечественной экономике, государственной политике и образовательных технологиях отсутствует теоретически обоснованное понимание сущности и ценности человеческого капитала, нет единой, четко обосно-

ванной концепции его формирования, развития, а самое главное – применения его в целях стратегии и оптимизации экономических процессов, соответствующего экономического поведения.

Должно сложиться четкое понимание, что человеческий капитал относится к новым, более сложным формам капитала, обладающим большим потенциалом экономической активности, выступающим, своего рода, вектором развития любой национальной экономики.

В современных условиях люди любых профессий, способные к творческому мышлению и обладающие способностью принимать неординарные решения могут обладать человеческим капиталом. Но человеческий капитал неотделим от его носителя – живой человеческой личности, и вследствие этого в качестве актива он почти полностью неликвиден, эффект от интеллектуально-креативной деятельности должен превосходить выгоды простых носителей рабочей силы.

Кто и как будет приобретать человеческий капитал, наращивать, развивать, приумножать, воспроизводить его, казалось бы – дело индивидуальное, особенно в контексте собственности. Однако, если учесть роль значение человеческого капитала в общественных процессах – экономических, управленческих, социокультурных, духовных, то необходимо признать, что это проблема, прежде всего – государственной важности и требует ее решения в первую очередь в системе образования, но как комплекс социальной и экономической политики.

Очевидно, что идеи, заложенные в концепции человеческого капитала, оказывают серьезное воздействие на экономическую политику государства.

Вложения в интеллектуальный ресурс человека уже обеспечивают производственный, долговременный по своему характеру, эффект, что существенно меняет отношение общества к значению человеческого капитала.

Современные образовательные программы, должны учитывать тот факт, что сегодня молодое поколение инвестируя в свое образование, сознательно отдает предпочтение низким текущим доходам с тем, чтобы получить впоследствии доступ к высокооплачиваемым рабочим местам, это может свидетельство-

вать о том, что инвестиции в интеллектуальное развитие можно рассматривать еще и как одно из эффективных средств в решении вопроса бедности. Возможно, в государственной стратегии инвестиций в человеческий капитал, стоит внимательнее относиться к обучению и переучиванию людей в возрасте 30-60 лет.

Сегодня в условиях рыночных преобразований на первый план выходят проблемы подготовки и переподготовки кадров, способных эффективно действовать в условиях рынка. С учетом наличия большого количества специалистов, имеющих нерыночный опыт деятельности и нуждающихся в его адаптации к новым условиям, можно говорить о важности образовательных услуг, понимая под ними связанные с переподготовкой, адаптацией уже сложившихся специалистов к новым условиям хозяйствования. Как особый вид адаптационные образовательные услуги имеют свою специфику и сходство. В любом случае, они являются образовательными услугами, а, следовательно, включают в себя их характеристики. Согласно теории человеческого капитала, он имеет как частную, так и общественную природу, поскольку доходы общества от инвестиций в человеческий капитал оказываются весьма значительными. Отсюда общество, наряду с индивидом, – ещё один непосредственный субъект отношений по поводу инвестирования и присвоения человеческого капитала, при этом он достаточно сложно поддается количественному измерению. Поэтому в рамках теории человеческого капитала основной формой экономической отдачи от инвестиций в человеческий капитал (образования) является денежный эффект, выражающийся в росте заработной платы работника вследствие повышения его общеобразовательного и специального уровня подготовки. Человеческий капитал, накопленный в ходе обучения, или навыки, приобретенные в ходе работы, представляют собой ценность для получения более престижной, хорошо оплачиваемой работы.

Литература:

1. Беккер Гэри С. Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории / Пер. с англ. / Сост., науч. ред. Р.И. Капелюшников. – М.: ГУ ВШЭ, 2003.
2. Избранные труды по экономической теории: Пер. с англ. / Сост., науч. ред. Р.И. Капелюшников. М.: ГУ ВШЭ, 2003.
3. Туроу Лестер К. Будущее капитализма. Как сегодняшние экономические силы формируют завтрашний мир: Пер. с англ. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 1999.
4. Макконнелл К.Р., Брю С.Л. Экономикс: принципы, проблемы и политика. Т. 2. М: Республика, 1992.

Государственное управление: социальные цели реформирования

Васильев В.П.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Общественное развитие всегда нестабильно. Социально-экономическая динамика не линейна, чередуется ускорениями и замедлениями в зависимости от темпов инновационного развития. Наряду с этим в рыночной экономике объективно существует известная цикличность развития, видоизменяются лишь сроки различных фаз экономического цикла. В целом периоды хаотичности сменяются равновесием, которое нарушается

Кризисные потрясения 2008-2009 гг. и новая нестабильность 2014 и последующих лет поставили много вопросов об эффективности созданной социально-экономической системы и способности государственных органов управления своевременно и адекватно реагировать на современные вызовы.

Однако вопрос не сводится к проблеме замены нефти и газа во внешней торговле на другие товары или масштабной денежной эмиссии и раздачей денег под низкий процент. Как выяснилось повысить экономический рост нельзя и введением государственного программирования – с 2014 г. все органы исполнительной власти затвердили такие программы и их реализуют, а роста нет.

Прежде всего необходимо выстроить систему социальных целей, от реа-

лизации которых зависит экономическое развитие. Таких целей две: формирование адекватной развитому обществу социальной структуры и форсированные меры по развитию человеческого капитала.

В социальной структуре необходимо формирование не только среднего слоя по доходному принципу. Доминирующими должны стать созидательные профессии, соответствующие задачам новой инновационной экономики. Между тем, реформы РАН, массовые сокращения научного персонала в университетах, продолжающаяся утечка умов за рубеж усиливают социальные диспропорции. О депрофессионализации свидетельствует новая социальная диспропорция – рост занятости в сфере торговли, которая сравнялась с занятостью в обрабатывающей промышленности

Следует выделить обязательные экономические условия реализации социальной цели: во-первых, это устойчивость национальной валюты, от самочувствия которой во многом зависит уровень инфляции и, следовательно, уровень реальных доходов населения. Во-вторых, государственное финансирование мер социальной политики. Вместо многолетнего обсуждения и практики по сокращению социальных статей консолидированного бюджета в целях разработки стратегических планов развития общества и государства следует проработать направления эффективного использования общегосударственных ресурсов.

Академическая дискуссия о векторе затрат государства корректируется социальной практикой последних 6-7 лет. Развитые страны, во-первых, стали увеличивать налоговую нагрузку и больше тратить на социальные цели развития, во-вторых, увеличились расходы на отрасли, формирующие человеческий капитал (образование, здравоохранение).

В последние годы в условиях углубления процессов глобализации и повышения роли и масштабов транснациональных компаний в теоретических исследованиях ставится вопрос о социальной ответственности бизнеса и возможности замещения им социальных функций государства. Сама по себе идея утопична – реальная помощь незащищенным слоям общества может прийти только

от государства. Корпорации тратят финансовые средства на стейхолдеров по критерию минимальности, всегда сопоставляя эти затраты со своей рентабельностью. Главными и реально востребованными формами социальной ответственности бизнеса является создание рабочих мест и добросовестная выплата налогов. И в том, и в другом направлении российский бизнес выполняет свои обязательства перед обществом далеко не в полной мере. Российские кризисы, катализаторами которых послужила существенная задолженность зарубежным финансовым структурам, ставит вопрос об использовании бизнесом средств в размере 700-800 млрд. долл. Хроническим на протяжении многих лет стали невыплаты налогов, которые только по пени составляют ежегодно 300-350 млрд. руб.

Реализация социальных целей общества во многом определяется эффективностью власти. В России назрела масштабная реформа властных структур, прежде всего исполнительной власти. В первую очередь для реализации социальных целей необходимо комплексирование программ и действий структур, отвечающих за социальное развитие. Здесь центральными управленческими проблемами должны стать доступность и инновационность развития. Финансовый диктат необходимо элиминировать. Другая проблема-эффективность контрольных служб в социальной сфере. Они оказались вне основных задач министерств, во-первых, и, во-вторых, не связаны с общественными структурами контроля.

Разработка стратегических планов социально-экономического развития должна на предплановом этапе решить два застарелые проблемы – выровнять в России минимальный размер оплаты труда и перейти к новому критерию определения бедности. И та, и другая мера позволят реально перейти к адресной социальной поддержке населения.

**Критерий доверия к профессии предприниматель
в современной России**

Власов С.С.

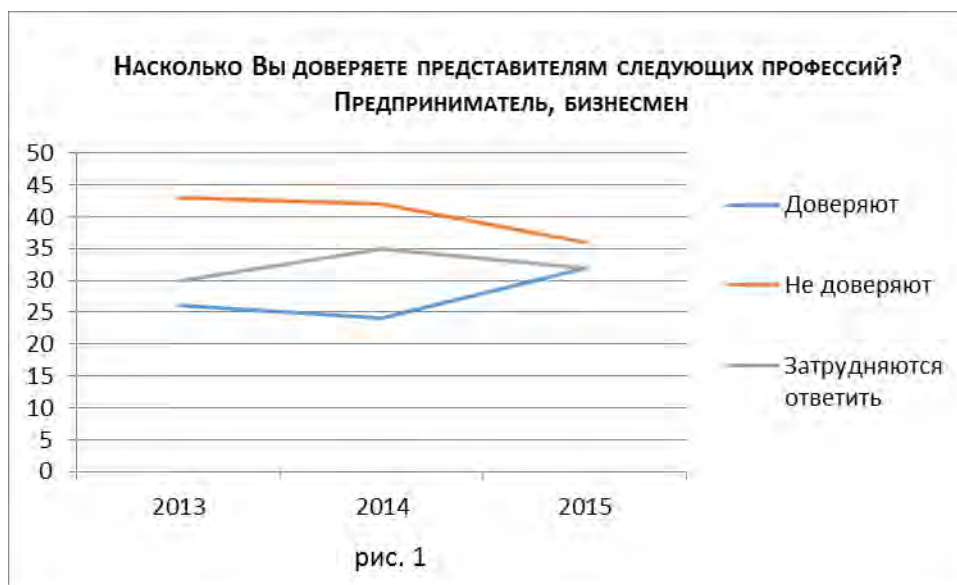
В современной России остро наблюдается проблема социальной ответственности организаций и индивидуальных предпринимателей. Проводимая государственная политика по оздоровлению российской экономики всё более подтверждает свою несостоятельность на фоне глубокого экономического и политического кризиса в России, что невольно заставляет бизнес «уходить в тень», придумывая всё новые способы для сокрытия доходов и ухода от уплаты налогов, добросовестная уплата которых является одним из главных критериев, определяющих понятие «социальная ответственность» применительно к бизнесу.

Одним из критериев эффективности государственного управления в сфере регулирования экономики можно выделить критерий доверия населения к профессии предприниматель (бизнесмен).

Юрий Витальевич Веселов, являющийся современным исследователем проблемы доверия в социологии, называет стороной социальной функции доверия — интеграцию группы, общности и общества в целом. Доверие в обществе, по его мнению, инициирует совместные действия, т.е. воспроизводит кооперативные отношения (сотрудничество, взаимопомощь, поддержка, участие, согласие). Связи индивида и группы становятся более устойчивыми, его включение в общность более полным[1].

Доверие также играет компенсаторную функцию в общественных изменениях. Доверие, как на личностном, так и на социальном уровне может накапливаться. Это накопление успешного опыта социальных взаимодействий может использоваться далее как некий социальный ресурс, что особенно значимо в периоды резких социальных потрясений. Такой социальный ресурс придает большую эластичность и стабильность обществу в период социальных изменений. Но ресурс доверия не безграничен, накопление его происходит медленно, а растрачивается он быстро. Поэтому основное правило накопления остается прежним: доверие легче трансформируется в недоверие, чем недоверие в доверие [1].

Однако, негативный социальный эффект, связанный с тяжелым положением ряда социально-значимых отраслей экономики, вызвавший серьезное повышение уровня бедности в России, не отражается негативным образом на мнении россиян о профессии предпринимателя. Наоборот, согласно исследованиям ВЦИОМ за 2013-2015 годы уровень доверия к данной профессии увеличивается (см. рис. 1) [3,4,5].

Данная динамика может свидетельствовать о характерном свойстве ментальности русского человека. В.С. Соловьев в своей работе «Спор о справедливости» преподносит терпение в виде особого душевного качества русского человека[2]. Несмотря на то, что в русском менталитете прочно укоренилось отношение к бизнесмену, как к «вору», россияне ему сопереживают, что невольно находит своё отражение в официальной статистике.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что государственное управление в сфере бизнеса позитивно сказывается на доверии населения к профессии предпринимателя, как находящегося в аналогичном другим профессиям бедственном положении в условиях сложившейся экономической ситуации.

Литература:

1. Веселов Ю.В. Проблема доверия // Экономика и социология доверия / Под ред. Ю.В.Веселова. СПб.: Социол. об-во им М.М. Ковалевского, 2004. С. 5-15.
2. Соловьев, В.С. Спор о справедливости / В.С. Соловьев // Соловьев, В.С. Сочинения. В 2 т. Т. 2. М.: Правда, 1989.
3. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=898&q_id=62442&date=03.03.2013
4. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=945&q_id=64906&date=19.01.2014
5. http://wciom.ru/zh/print_q.php?s_id=1037&q_id=71649&date=23.08.2015

Влияние развития инновационного кластера в Республике Башкортостан на социальное развитие субъекта РФ.

Галлямова Р.А.

Финансовый университет при Правительстве РФ, Россия, Москва

Инновации являются движущей силой нашего государства. Юная Корея, Япония и Израиль благодаря инновационному развитию обогнали такие развитые страны как США и страны Европы. Президент Российской Федерации В.В. Путин после инаугурации в 2012 году объявил, что нашей стране необходимо уходить от сырьевого экспорта и развивать инновационное производство, и в будущем экспортировать высокотехнологичные товары в зарубежные страны.

Если посмотреть стратегию социально-экономического развития республики Башкортостан до 2020 года, то можно увидеть, что основное финансирование стратегии идет с поступлений от нефте-газового сектора.[1] Но в связи с резким падением цены нефти, значительно сократились и поступления в бюджет республики, что привело к сокращению бюджета и финансированию различных региональных программ, принятых в данном субъекте.

В связи с сокращением количества организаций, занимающихся научными разработками, стремительно падает и количество научных работников в регионе.

Кроме сокращения количества сотрудников, происходит и старение со-

трудников. Если в 1995 году средний возраст научного сотрудника составлял 40 лет, то в 2015 году средний возраст равен 42 годам. Что указывает на негативную тенденцию, нежелания молодежи участвовать в научной деятельности. Но когда эти люди выйдут на пенсию и не смогут больше работать не будет нового поколения на замену им. Ежегодно сокращается количество поступивших в аспирантуру, молодежь не заинтересована идти в науку, так как заработная плата низкая по сравнению с промышленным сектором и данная профессия в регионе не является престижной.

Не смотря на все негативные тенденции в республике, здесь за последние годы сформирована базовая инновационная инфраструктура, которая включает в себя технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансферта инновационных технологий. Создаются и развиваются индустриальные парки и другие элементы инновационной инфраструктуры.

Регулирование инновационной деятельности происходит законами республики Башкортостан «Об инновационной деятельности в республике Башкортостан» и «О научной и научно-технической деятельности в республике Башкортостан».

Для привлечения молодых умов к инновационной и научной деятельности в регионе развивается взаимодействие со странами БРИКС. Проводятся научные конференции, которые позволяют наиболее хорошим проектам получать финансирование не только на территории России, но из стран БРИКС особенно из нового банка развития БРИКС, созданного в феврале 2016 года.

Создана образовательная программа «Путеводитель по инновациям». Победителям оказывается всесторонняя государственная поддержка для реализации проекта и его коммерциализации. Данный проект уникальный и реализовывался в регионе впервые.

Кроме того, в 2015 году из федерального бюджета были выделены деньги на развитие образования в республике Башкортостан. Целью республики было

повысить привлекательность начального и среднего профессионального образования, а также повысить интерес молодежи к техническому образованию. Результаты расходования средств поражают, если в 2011 году на технические специальности шло всего 19% из всего количества абитуриентов, то в 2015 году этот процент вырос до 69%. Теперь молодежь в республике Башкортостан стремится получать техническое образование.

В 2008 году в закон «Об инновационной деятельности» были внесены поправки, касающиеся мероприятий, связанных с привлечением молодежи к инновационным разработкам. В регионе пытаются создать все условия для развития участия молодежи в инновационных разработках. Возрождаются кружки радиоэлектроники и радиотехники.

Для решения проблем в области привлечения молодежи к инновационной деятельности и научным разработкам, для начала необходимо создать программу поддержки молодых ученых в республике Башкортостан.

Необходимо внедрить гранты на инновации среди молодых ученых, так как это даст больше времени на исследовательскую работу и проявлению творчества, что привлечет к научно-исследовательским разработкам молодых талантливых людей.

Помощь молодым ученым должна происходить в трех направлениях: социальная поддержка, материальное поощрение и помощь во внедрении разработок в производство.

Кроме того, у большинства молодежи существует проблема трудоустройства после окончания учебы, поэтому в республике начинается процесс создания инновационных предприятий при вузах, такие предприятия создаются у ведущих вузах республики.

Основной отраслью республики был нефти-газовый сектор, который пополнил бюджет в течении многих лет. Но из-за наступления кризиса в 2014 году, у региона возникли огромные проблемы, так как все стратегии и программы

были прописаны на цену нефти около 100\$ за баррель, тогда как в настоящее время цена в среднем равняется 40-50\$. Следовательно, невозможно выполнить все поставленные цели и реализовать стратегию развития региона. В результате кризиса в регионе пострадала нефтехимическая отрасль, что привело к увольнению населения и потере мест работы. Выросло социальное напряжение в регионе.

Инновационное развитие региона позволит создавать новые рабочие места, благодаря созданию малых и средних компаний, производящим инновационную продукцию. Привлечение крупных корпораций по примеру Томской области позволит развивать другие, более перспективные отрасли развития. В результате привлечения корпораций будут создаваться новые инновационные заводы, которым потребуются квалифицированный персонал.

Будут происходить тенденции привлечения молодежи к инновационной деятельности и открытию собственных бизнесов. Следовательно, молодежь после получения образования не будет оставаться в стороне и будет работать по специальности. Данный фактор принесет положительный эффект к привлечению молодежи из других регионов.

Также развитие инновационного кластера позволит увеличить человеческий потенциал региона и повысить уровень жизни населения. Поэтому развитие инновационного кластера необходимо для Республики Башкортостан. Оно позволит не только вывести регион в лидеры, но и снизить социальную напряженность и улучшить уровень жизни населения.

Реализация принципов инновационной политики в регионе в нестабильных условиях

Грабельных Т. И., Саблина Н. А., Кузьмина Е. С.

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

Первое десятилетие XXI века символизирует непрерывную смену векторов институциональных и системно-структурных трансформаций, отражаю-

щуюся в типологии стратегических поисков и подходов в процессе принятия решений, в том числе при реализации инновационной политики в регионе. Среди доминантных типов проводимого «инновационного курса», на наш взгляд, наиболее отчетливо выделяются три: первый – *«инновационно-институциональный»*, отражающий новые стратегические параметры и базисные основы социального института и предусматривающий ответы («социальные эффекты») на новые угрозы и вызовы»; второй – *«инновационно-деятельностный»*, требующий от отдельных субъектов реализации инновационного потенциала при постановке и реализации новых целей в рамках определенного вида деятельности; третий – *«инновационно-фрагментарный»*, учитывающий новые принципы инновационного развития, но не обеспечивающий их реализацию на системном уровне, иными словами, не гарантирующий как в стабильных, так и в нестабильных условиях «инновационный порядок». При такой постановке вопроса представляется важным изучить глубинные взаимосвязи самого «движения стратегии инновационной политики в России в нестабильных условиях», динамики трансформаций инновационных структур и инфраструктур в регионах, технологий управления инновационными процессами на разных уровнях.

В 2005-2006 гг., как известно, были заложены на долгосрочную перспективу основы национальной инновационной системы, предприняты меры по развитию сектора исследований и разработок, формированию инновационной инфраструктуры, а также по модернизации экономики на основе технологических инноваций [3]. По происшествию 10 лет возникает вопрос - какие из мероприятий стратегического порядка за этот период были реализованы и с каким социальным эффектом?

В эти же годы значительные усилия были направлены на стимулирование исследовательской деятельности и инновационного развития в высшем образовании. Как следует из Стратегии инновационного развития, «...реализована финансовая поддержка инновационных программ 57 вузов (в 2005-2008 годах на эти цели было выделено 30 млрд. рублей). На конкурсной основе 29 универ-

ситетам был присвоен статус национальных исследовательских университетов и выделены средства на реализацию программ развития, включая создание инновационной инфраструктуры и развитие исследовательской деятельности (в 2009-2010 годах на все программы развития было выделено 8,42 млрд. рублей)» [3]. О системном «инновационно-институциональном» курсе государства свидетельствует и тот факт, что именно в этот период начата работа по формированию национальных исследовательских центров, созданию инфраструктур поддержки инновационной деятельности, в числе которых выделяются технопарки, бизнес-инкубаторы, центры трансфера технологий и др. На уровне государства поставлен вопрос о создании и развитии инновационных кластеров [3].

Формирование инновационной экономики с необходимостью предусматривает производство новых идей, технологий и социальных инноваций [2]. Как следствие, пришло осознание необходимости выхода Субъекта на инновационную деятельность и ее расширение, что собственно и закрепило «инновационно-деятельностный» курс. В эти годы в вузах активно создаются *опорные инновационные площадки*. Формируются новые модели партнерства высшей школы с наукой и производством [1].

В этой связи показательна «инновационная история» любого региона. В Иркутской области, например, на этом этапе реализации инновационной политики успешно функционирует Министерство экономического развития, труда, науки и высшей школы; проводятся Инновационные форумы, в том числе в составе экономических форумов региона; носят открытый характер (для вузов) венчурные ярмарки с представлением инновационных проектов и др. Между тем, в последние пять лет в Иркутской области фактически не проводятся мероприятия такого характера и формата. В регионе действуют другие субъекты координации «инновационной деятельности», с определенной периодичностью сменяющие друг друга. По-прежнему ставятся вопросы о новых принципах кластерной политики, моделях и технологиях партнерства, роли инновационных площадок в вузах. Через концепцию эффективности вузов идет процесс определения новых точек их роста и выстраивания векторов стратегического

развития. В нестабильных условиях прослеживается распад устойчивых связей в существующих моделях партнерства и продолжает утверждаться «инновационно-фрагментарный» тип «инновационного курса» с элементами «псевдоинноваций». Сложившаяся ситуация в данной сфере нами определяется как кризисная.

Что касается инновационной деятельности отдельного вуза в современных условиях, то здесь мы зачастую на примере региональных университетов наблюдаем различие возможностей и «точек опоры». Так, опорной инновационной площадкой для Института социальных наук Иркутского государственного университета выступает Социологическая лаборатория региональных проблем и инноваций ИСН и НИЧ ФГБОУ ВО «ИГУ» (зав. лабораторией - д-р социол. наук, профессор Т.И. Грабельных), которая в своей деятельности (с 2008 г.) предусматривает и инновационное проектирование среди студентов. В развитии инновационной активности студентов за рассматриваемый период отчетливо прослеживаются пять вех: I веха – «антикризисная», ориентирующая на поиск новых подходов и возможностей в условиях экономического и финансового кризиса (2008-2009 гг.); II веха – «стратегическая», когда подготовка инновационных проектов осуществлялась в русле корректировки долгосрочных комплексных программ социально-экономического развития муниципальных образований и региона в целом с привлечением студенческого сообщества (2010 г.); III веха – «период поступательного развития», сопровождающийся государственной поддержкой новых идей и проектов, в том числе в сфере высшего образования (2011-2013 гг.); IV веха – «период глубоких структурных преобразований и социальных трансформаций», вызывающих необходимость принятия новых управленческих решений в условиях новых угроз и обеспечения национальной безопасности (2014-2015 гг.); V веха – «стабилизационная», предполагающая системный поиск эффективных мер с целью противодействия внешним и внутренним социальным угрозам и вызовам (2016 г.).

Учитывая важность достижения «стабилизационного эффекта», осуществляются научное руководство и поддержка социально-значимых инновацион-

ных проектов для Иркутской области. Среди проектов 2016 г., представленных на IX Региональную инновационную научно-методическую сессию «Разработка и реализация социально-значимых инновационных проектов в условиях кризиса», – «Инновационный проект по формированию новых ЭКО-брендов российского производителя в Восточной Сибири» (Игнатъева Т.О.); «Государство – Банк: адаптивное взаимодействие по регулированию социальных потребностей»: инновационный проект по регулированию кредитного поведения населения в Иркутской области» (Герасимова Т.А.); «Инновационный проект по созданию студенческого специализированного портала по культуре Российской Федерации и Республики Кореи» (Нимаева Б.Б.); «Инновационный проект по созданию механизмов корректировки стереотипов восприятия и поведения молодежи Иркутской области в сети Интернет» (Богданова А.Ю.); «Инновационный проект по созданию Регионального центра анализа и оценки образовательных услуг «Обратная связь» (Потанина Т.С.) и др.

Проведение инновационной молодежной сессии, с одной стороны, является свидетельством развития новых традиций в научно-образовательном пространстве региона (с ориентацией на инновационное проектирование, активное позиционирование во внешней среде, углубление сотрудничества с органами власти и общественными структурами и др.); с другой стороны, - символизирует выход на новый уровень инновационной активности студентов посредством их вовлечения в инновационное проектирование и участия в молодежных конкурсах инновационных проектов различного уровня.

Литература:

1. Грабельных Т.И. Новая роль университета в инновационном развитии региона и механизмы взаимодействия с работодателями / Т.И. Грабельных // Подготовка специалистов для экономики и социальной сферы региона: приоритеты инновационной политики в образовании, науке, экономике: сборник научных трудов / Ответ. ред. д-р ф.-м. наук А.В. Аргучинцев, д-р социол. наук, проф. Т.И. Грабельных. – Иркутск: РИО НЦ РВХ ВСНЦ СО РАМН, 2009. – С. 30-47.

2. Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 17.11.2008 № 1662-р (ред. от 08.08.2009).

3. Об утверждении Стратегии инновационного развития Российской Федерации на период до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 08 декабря 2011 г. № 2227-р // Собр. законодательства РФ. – 2012. – № 1. – Ст. 216.

Влияние экономического кризиса на уровень жизни населения

Гришина Е.Е.

Институт социального анализа и прогнозирования

РАНХиГС, Россия, Москва

Устойчивое снижение реальных располагаемых денежных доходов населения, реальной заработной платы и реального размера назначенных пенсий наблюдается с ноября 2014 г. по декабрь 2015 г.

В 2016 г. реальные располагаемые денежные доходы населения продолжили свое падение и составили в первом квартале 2016 г. 96,1% от уровня аналогичного периода предыдущего года. Увеличение реальной заработной платы в феврале-марте 2016 г. можно объяснить эффектом «низкой базы» и в целом в первом квартале 2016 г. реальная заработная плата составила 99,5% от уровня аналогичного периода предыдущего года. Реальный размер назначенных пенсий составил в первом квартале 2016 г. 97,1%. [1] (Рисунок 1).

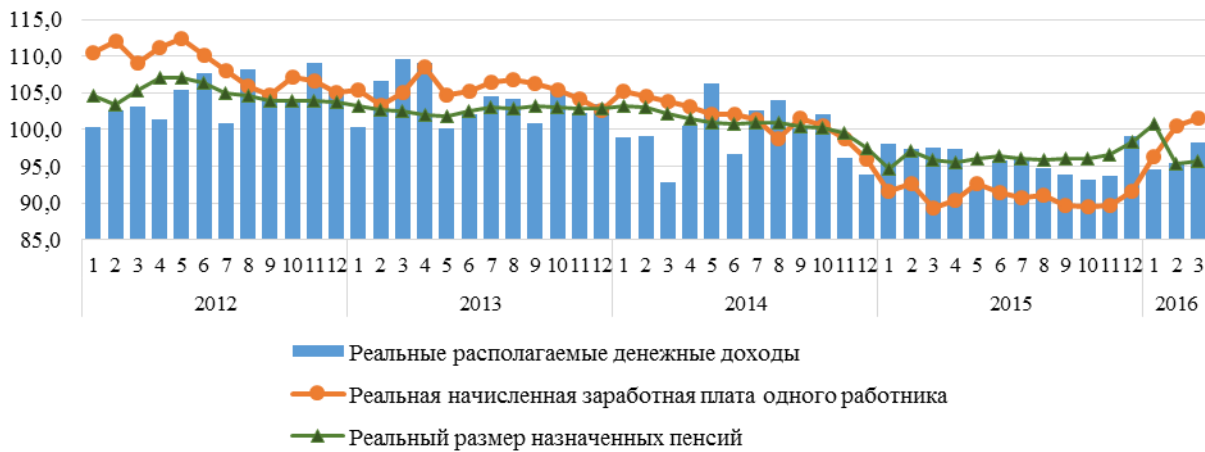

Рисунок 1 – Динамика реальных располагаемых денежных доходов населения, реальной назначенной заработной платы и реального размера назначенных пенсий, в 2012- 2016 гг, в % к соответствующему периоду предыдущего года

Падение доходов привело к ухудшению материального положения населения. По данным выборочного обследования потребительских ожиданий населения Росстата доля респондентов, положительно оценивающих свое текущее материальное положение, сократилась в I квартале 2016 г. до 4,9% (для сравнения в I кв. 2014 г. она составляла 9%), а доля респондентов, негативно оценивающих свое материальное положение увеличилась в I квартале 2016 г. до 33,9% (для сравнения в I кв. 2014 г. она составляла 28,0%) [3] (см. рисунок ниже).

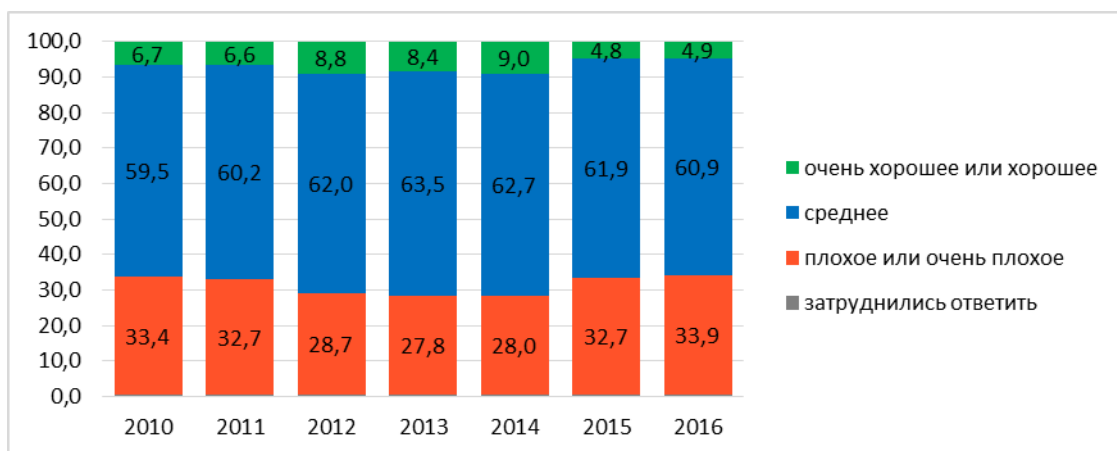

Рисунок 2 – Мнение населения о текущем материальном положении, в IV кв. 2013-2015 гг., %

Доля бедных по итогам 2015 г. составила 13,4% от численности населения, что превосходит значение аналогичного показателя, наблюдавшегося в 2009-2014 гг. (см. рисунок 3).

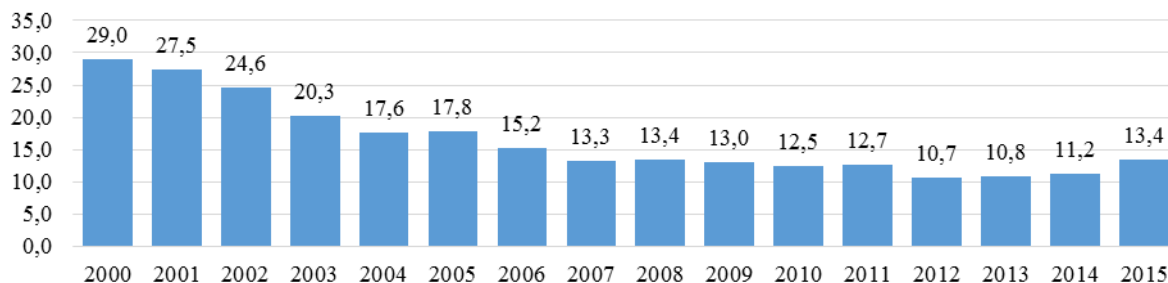

Рисунок 3 – Уровень бедности, 2000-2015 гг., %

Данные репрезентативного по Российской Федерации опроса населения, проведенного в Институте социального анализа и прогнозирования РАНХиГС в марте 2016 года,[‡] показывают, что материальное положение 59% домохозяйств ухудшилось по их самооценке за последние полгода. Наибольшая доля домохозяйств, отметивших ухудшение своего материального положения, наблюдается среди домохозяйств с инвалидами и лицами, нуждающимися в длительном уходе (66%), а также среди домохозяйств с неработающими лицами (68%).

Ухудшение своего материального положения отмечают как бедные, так и более обеспеченные домохозяйства, однако среди бедных домохозяйств доля тех, чье материальное положение ухудшилось за последние полгода существенно выше: 68% против 38% среди домохозяйств со среднедушевыми денежными доходами более трех прожиточных минимумов. В целом среди домохозяйств, в которых по их самооценке ухудшилось материальное положение, доля бедных домохозяйств составляет 41%. При этом среди домохозяйств, не имеющих сбережения доля тех, кто отметил ухудшение материального положения, составляла 79%, а среди домохозяйств, имеющих сбережения, - лишь 47%.

[‡] Количество респондентов 3039 чел., опрос затрагивает в т.ч. вопросы материального положения домохозяйства респондента.

Текущий экономический кризис в большей степени негативно отразился на жителях городов: среди домохозяйств, проживающих в городах, доля ощущающих ухудшение своего материального положения составила 62%, в то время как среди домохозяйств, проживающих в сельских населенных пунктах, - 61%.

Ухудшение материального положения домохозяйств отразилось на их потребительском поведении: в целом более 70% домохозяйств стали экономить. Причем к режиму экономии перешли не только бедные (77%), но и более обеспеченные домохозяйства со среднедушевыми денежными доходами более трех прожиточных минимумов (51%). Домохозяйства экономят как на покупке одежды и обуви (55%), так и на продуктах питания (49%), развлечениях (49%) и отпусках (42%). Кроме того, 28% домохозяйств экономят даже на лекарствах. Если обеспеченные домохозяйства несколько чаще отмечают, что стали экономить на развлечениях, то бедные домохозяйства в первую очередь экономят на покупке одежды и обуви. Также экономия на развлечениях в меньшей степени актуальна для жителей сельских населенных пунктах.

Для улучшения своего материального положения в течение последнего года 15% от опрошенных домохозяйств стали больше выращивать овощей и фруктов на своих подсобных хозяйствах, завели скотину; 10% домохозяйств нашли вторую работу и подработку, а 4% получили образование по востребованной профессии. Кроме того, существенная часть опрошенных домохозяйств пыталась сохранить в кризисный период накопленные сбережения: 21% домохозяйств купили товары длительного пользования, 8% купили автомобиль или недвижимость; 2% купили валюту, ценные бумаги, 13% просто отложили деньги, в т.ч. положили в деньги в банк. В то же время половина всех домохозяйств не предпринимала никаких действий, направленных на улучшение своего материального положения и связанных с реализацией трудового потенциала или сохранением накопленных денежных средств.

В трудной финансовой ситуации, по словам опрошенных домохозяйств, они чаще надеются только на себя (75%), а также на родственников (40%) и

друзей (9%). Лишь небольшая доля домохозяйств рассчитывает на поддержку государства, предприятия, церкви и общественных организаций: соответственно 3,1%, 2,6%, 1,2% и 0,7%. Наиболее критическая ситуация с домохозяйствами, состоящими только из пенсионеров, 82% которых рассчитывают в трудной финансовой ситуации только на себя.

Таким образом, проведенный анализ позволил выявить следующие тенденции: с одной стороны, в период кризиса население все больше рассчитывает на себя и свои социальные связи и не ждет помощи от государства, с другой стороны, доля домохозяйств, активно использующая свой трудовой потенциал для смягчения последствий кризиса, невысока и большая часть населения использует в кризис пассивные стратегии, например, переход к режиму экономии.

Отсутствие у населения надежды на государство в кризисный период связано во многом неэффективностью существующей системы социальной поддержки. Низкий размер социальных выплат, существенное падение реального размера социальных выплат в силу их индексации ниже уровня инфляции [3], а также низкая адресность социальных программ не позволяют оказывать значимую поддержку малоимущим гражданам для выхода их из состояния бедности.

При затяжном характере кризиса существенного роста бедности можно избежать лишь при переходе к адресной социальной поддержке, предоставляемой с учетом нуждаемости, что позволит увеличить размер социальных выплат наименее обеспеченным получателям, а также при реализации мер по поддержке занятости для лиц, испытывающих трудности при трудоустройстве.

Литература:

1. Росстат, Социально-экономическое положение России, январь-март 2016
2. Росстат, Потребительские ожидания в России в I квартале 2016 года
3. 2014–2015 годы: экономический кризис – социальное измерение / М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС, 2016

Громова Н.С.

Уральский институт коммерции и права, Россия

Конституция РФ наряду с базовыми характеристиками государства такими, как форма правления, форма государственного устройства, политический режим, устанавливает и не менее важные принципы – социальное, светское, суверенное и пр. В ч. 1 ст. 7 Основного закона определяется, что политика социального государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. С этой целью в России охраняются труд и здоровье людей, обеспечивается государственная поддержка различным категориям граждан, развивается система социальных служб и др.

Социальное государство представляется такой формой организации взаимодействия общества и государства, где конституционно закрепленные права человека обеспечены гарантиями государства. Так, государство в определенной степени «служит обществу» [1] и обеспечивает индивида необходимыми условиями для реализации его потребностей. Однако не стоит предполагать, что только государство имеет в этом аспекте обязанности, общество также наделяется целым рядом определенного рода обязательств, без осуществления которых государственная деятельность будет сведена к нулю.

Результативность социальной политики в государстве определяется не количеством принятых законов или сданных социальных объектов, она определяется степенью общественного одобрения. Если общество выражает одобрение и поддержку государственной политики, то социальные обязательства были выполнены. Если же общество недовольно и дает негативную оценку деятельности государства, то социальные механизмы не работают. Нужно понимать, что оценка выражает не объективную, а субъективную сторону, и зависит от целого ряда факторов, о которых речь пойдет ниже. Но, тем не менее, именно субъективная оценка общества определяет уровень развития социальных институтов и результативность социальных реформ, поскольку все они направлены на усовершенствование жизни человека.

Можем отметить, что, безусловно, присутствуют расхождения между самой политической деятельностью и ее общественным восприятием. Как отмечает А. Е. Чирикова, анализируя особенности социальной политики в современной России, «социальные реформы мыслились властью как путь «выравнивания» социального пространства и сглаживания региональных различий. Однако, как свидетельствуют эмпирические исследования, полученный эффект оказался прямо противоположенным» [5]. Результаты опросов общественного мнения демонстрируют устойчивое негативное отношение к современной социальной политике. По материалам опросов Хакасского регионального отделения КПРФ, большинство респондентов (54,5%) утверждают, что их не устраивает социальная политика государства [4]. По результатам опросов студентов г. Санкт-Петербурга, примерно такой же процент (52 %) считает наиболее важными социальные проблемы в современной России [3].

По итогам опросов студентов, проведенных автором в г. Екатеринбурге, результаты находятся в границах от 38 до 65 %, процент озабоченности социальными проблемами растет пропорционально повышению возрастной группе опрашиваемых. Студенты 1-2 курсов очного отделения не уделяют особого внимания социальной политике, поэтому часто оценивают ее на основании высказываний более взрослых родственников или друзей, не имея собственного негативного восприятия. Студенты же старших курсов, особенно заочного отделения, так или иначе сталкивающиеся с решением каких-либо социальных проблем, более негативно оценивают деятельность государства.

Таким образом, мы можем заметить серьезные расхождения в деятельности государства и оценке этой деятельности обществом. В связи с этим возникает вопрос о причине таких разногласий и возможных путях решения имеющихся проблем.

Первая группа проблем может быть квалифицирована как неразрешимые. Сюда стоит отнести целевой антагонизм общества и государства как имманентную характеристику, отражающую специфику потребностей субъектов, базирующихся на разнице статуса. Необходимо оговориться и об ущемлении прав

меньшинства как неизбежной составляющей демократии, когда воля большинства определяет принципиальные вопросы развития государства. Воля меньшинства при этом должна подчиниться воле большинства, но стоит понимать, что индивидуальные потребности лиц, оставшихся в меньшинстве, не будут реализованы, что породит социальное недовольство. При этом часто индивидуальные потребности ставятся выше общественных нужд. В частности, в вопросах получения социальных льгот на жилье многие граждане идут на откровенные махинации (выписки и приписки родственников в жилом помещении, отказ от права собственности, рождение и усыновление детей) с одной целью – получение жилья за счет муниципалитета. Однако стоит понимать, что подобные действия нарушают принципы социального государства и только отдаляют его построение, поскольку реально нуждающиеся в помощи государства граждане не могут реализовать свое право.

Вторая группа проблем имеет вполне гибкий характер и может быть разрешена с учетом некоторой корректировки стратегии взаимодействия государства и общества. Государственная политика часто направлена на решение проблем, не воспринимаемых обществом в качестве приоритетных. Это связано с тем, что государство не может наладить конструктивный диалог с гражданами. В этом виновато не только государство, но и общество, которое не хочет проявлять активность. В связи с тем, что отсутствует реальный контакт между общественными и государственными институтами, наблюдается хаотичность действий государства, которое пытается устранить мифические проблемы. Но не решает насущных вопросов. Низкий уровень гражданской активности и неразвитое гражданское сознание приводят к изоляции общества от государства. Нежелание граждан участвовать, к примеру, в выборах является показателем неготовности брать на себя ответственность за собственные решения, выражать свою позицию открыто. Но любые, даже самые благие намерения государства, должны базироваться на общественном одобрении. Без общественного одобрения, опирающегося на высокий уровень правовой культуры, невозможно принятие государством значимых решений [2]. При молчании же общества госу-

дарство действует на свой страх и риск и может ошибаться, т. к. само общество еще не расставило приоритеты в оценке тех или иных событий и действий. Например, многие граждане невысоко оценивают деятельность волонтеров и активистов, некоторые уверены, что она негативна или в принципе совершенно бессмысленна. Однако именно эти люди пытаются обратить внимание на определенные проблемы общества, существующие на сегодняшний день.

Таким образом, необходимо повышать уровень гражданской ответственности за результаты построения социального государства, с молодости прививая гражданам ответственность за собственную судьбу и развитие государства в целом. Социальное государство не предполагает «вертикальных» отношений, оно базируется на активном участии общества в определении принципов жизни государства, на четком выражении общественных потребностей и контроле самим обществом за их реализацией.

Литература:

1. Борисов А. Б. Большой юридический словарь. М.: Книжный мир, 2010. 848 с.
2. Громова Н. С. Свобода слова и вербальный экстремизм в России: лингво-правовой аспект: монография. Екатеринбург: Уральский институт коммерции и права, 2015. 200 с.
3. Захарова Е.М. Отношение современной молодежи к политической жизни общества // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 9-2. С. 198-201.
4. Молодежь и политика (экспресс-анализ социологического опроса). [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://khakkprf.narod.ru/PravdaXakasii/29_12_molodezh.htm
5. Чирикова А. Е. Социальная политика в современной России: субъекты и региональные практики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.civisbook.ru/files/File/Chirikova_soc_pol.pdf

Проведение процедуры оценки регулирующего воздействия как способ реализации социальной политика государства

Гудилина Е.Н.

*Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Россия, Москва*

Необходимость социального развития Российской Федерации и создание со стороны государства необходимых правовых условий для такого развития не вызывает сомнения [1]. Именно поэтому особый интерес представляют институты, конституцирование и функционирование которых направлено на осуществление эффективной политики. Рассмотрим оценку регулирующего воздействия (далее – ОРВ) как институт, предполагающий активное участие гражданского общества при разработке нормативно – правовых актов.

Введение института ОРВ связано с принятием Указа Президента от 7.05.2012 № 601 [2] и может быть рассмотрено как одно из направлений совершенствования системы государственного управления как на федеральном, так и на региональном и местном уровнях.

На федеральном уровне правовые рамки осуществления процедуры ОРВ связаны с такими подзаконными нормативно – правовыми актами, как Постановлением Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 [3] и Приказом Минэкономразвития России от 27.05.2013 № 290 [4], в которых:

- определяются как проекты нормативных правовых актов, в отношении которых проводится ОРВ, так и проекты, на которых не может распространяться ОРВ;

- закрепляются цели проведения ОРВ;

- подробно регулируются правила проведения каждого из этапов ОРВ (например, на этапе размещения уведомления о подготовке проекта акта разработчик обязан соблюдать требования к содержанию уведомления и извещать определенный круг субъектов о начале процедуры ОРВ);

- осуществляется внедрение публичных обсуждений как действенного механизма влияния общественности на принимаемые федеральными органами

исполнительной власти нормативные правовые акты.

В ходе реализации ОРВ возникает ряд трудностей, которые должны быть устранены в ходе дальнейшего совершенствования системы государственного управления. Среди проблем, характерных для текущего этапа проведения ОРВ, выделим следующие:

-рассмотрение ОРВ как одного из инструментов правового мониторинга позволяет говорить об отсутствии системности в закрепленных процедурах (например, таких как различные виды экспертиз, проведение оценок регулирующего воздействия и фактического воздействия, процедура финансово – экономического обоснования и т.п.); возникающие противоречия при проведении правового мониторинга требуют комплексного подхода к повышению качества правотворческого процесса, особенно на стадии разработки проектов нормативных правовых актов;

-проекты нормативных правовых актов, в отношении которых проводится ОРВ, закреплены с помощью бланкетных статей, отсылающих к Постановлениям Правительства; при этом закрепляется возможность разработки «проектов актов, подготовленных на основании поручений или указаний Президента Российской Федерации или поручений Председателя Правительства Российской Федерации, в которых содержится прямое указание на необходимость их разработки в сжатые сроки (не более 10 дней)» [3], в отношении которых ОРВ проводится не будет. Т.е., анализ указанных правовых норм сразу выявляет возможность преодоления проведения процедуры ОРВ. Отметим, что другие проекты актов, в отношении которых ОРВ не проводится, связаны с наличием положений, содержащих государственную тайну; сведений конфиденциального характера; требований в области использования атомной энергии и обеспечения радиационной безопасности;

-несмотря на закрепление процедур публичных обсуждений и публичных консультаций можно говорить о низком уровне влияния гражданского общества на принимаемый нормативный правовой акт, т.к. неурегулированные разногласия, возникающие в ходе проведения публичных обсуждений и публичных

консультаций не являются препятствием для принятия нормативного правового акта. Следовательно, можно говорить о нивелировании роли гражданского общества в принятии государственных решений, т.к. закрепление процедур, не оказывающих существенного влияния на осуществление правотворческой функции государством, не может рассматриваться как эффективное.

-публичные обсуждения предполагают возможность участия гражданского общества в разработке проекта нормативных правовых актов. На данном этапе можно как отвечать на поставленные разработчиком вопросы, так и оставлять свое мнение или отправлять файл с предложениями (указанные действия осуществляются на официальном сайте regulation.gov.ru в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»). При этом высказанные предложения доступны разработчикам: обмен мнениями между заинтересованными субъектами гражданского общества в рамках проведения ОРВ не предусмотрен.

Итак, институт оценки регулирующего воздействия отражает существующую в мире тенденцию вовлечения гражданского общества в правотворческий процесс. Совершенствование же системы государственного управления, требующее введения новых институтов (в том числе и такого института, как оценка регулирующего воздействия), связано не только с положительными, но и с отрицательными эффектами. Своевременное же реагирование на возникающие проблемы способствуют достижению целей, поставленных не только перед ОРВ, но и перед государством в целом.

Литература:

1. Эффективное государственное и муниципальное управление как фактор социально-экономического развития России / Под ред. Ивлевой Г.Ю. – М.: Проспект, 2014. – 752 с.
2. Указ Президента РФ от 07.05.2012 № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления» // «Собрание законодательства РФ». 07.05.2012. № 19. ст. 2338.
3. Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1318 (ред. от 21.10.2015)

«О порядке проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» (вместе с «Правилами проведения федеральными органами исполнительной власти оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов, проектов поправок к проектам федеральных законов и проектов решений Евразийской экономической комиссии») // «Собрание законодательства РФ». 24.12.2012. № 52. ст. 7491.

4. Приказ Минэкономразвития России от 27.05.2013 № 290 (ред. от 22.06.2015) «Об утверждении формы сводного отчета о проведении оценки регулирующего воздействия, формы заключения об оценке регулирующего воздействия, методики оценки регулирующего воздействия» // «Российская газета». № 184. 21.08.2013.

5. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов (Официальный сайт для размещения информации о подготовке федеральными органами исполнительной власти проектов нормативных правовых актов и результатах их общественного обсуждения) [Электронный ресурс] // URL: <https://regulation.gov.ru/> (дата обращения: 10.02.2016).

Формирование человеческого капитала: роль государства

Деханова Н.Г.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В условиях постиндустриального общества ведущая роль человеческого капитала является общепризнанной. Однако до сих пор не выработано общепринятого определения понятия «человеческий капитал», структуры и способов его измерения. Так, Г. Беккер полагал, что человеческий капитал формируется за счёт инвестиций в человека: на общее и профессиональное образование, расходы на воспитание детей, здравоохранение, поиск информации, смену работы,

миграцию и другие вложения, так или иначе способствующие развитию производительной силы человека, способствующие развитию производительной силы человека, содействующие её культурному и интеллектуальному росту» [1].

При определении человеческого капитала выделяются финансовые характеристики: «инвестиции – доход», но в расчёт принимаются только реализованные через доход вложения. При этом представляется необходимым отличать понятия «человеческого капитала» и «человеческого потенциала». При определении «человеческого потенциала» трактовка расширяется за счёт включения скрытых возможностей и качеств, не всегда реализованных в данных условиях в данный момент времени через повышение доходов, но проявляющихся в более высоком качестве жизни иными способами. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «человек, обладающий большим накопленным потенциалом, необязательно будет иметь большой доход, но будет иметь более качественный круг общения, творческий досуг, ...более интересная, приносящее удовлетворение работа. Как правило, такой человек будет иметь более высокое качество жизни и удовлетворённость её различными аспектами» [2, 86].

Тенденцией последних десятилетий является значительное увеличение и качественное изменение роли человеческого капитала как важнейшего ресурса постиндустриального общества как на микро уровне (отдельных домохозяйств, организации), так и на макро уровне (региона, государства). Как известно, к институтам, непосредственно влияющим на воспроизводство человеческого капитала, прежде всего, относят образование, в том числе и непрерывное обучение, повышение квалификации на протяжении всей жизни, и здравоохранение.

Необходимо отметить, что современная Россия обладает значительной спецификой в процессе накопления и реализации человеческого капитала. Во-первых, в России существует огромный разрыв между потенциальной и наблюдаемой эффективностью использования человеческих ресурсов. Хотя экономическая отдача на человеческий капитал в нашей стране достаточно высока, значительная часть инвестиций в него остаётся невостребованной, а потому малоэффективной.

Во-вторых, имеют место институциональные особенности различных регионов в современной России, влияющие на процессы формирования, накопления и использования человеческого капитала. Колоссальное региональное неравенство в плане доступности качественного образования и медицинского обслуживания, доступе к рабочим местам, обеспечивающим достойный уровень и качество жизни, характерное для современной России, ведёт к крайне неравномерному инвестированию в человеческий капитал, консервации бедности в определённых регионах, и в итоге к повышению социальной напряжённости и снижению доверия к государству. Между тем, как одним из важнейших факторов, оказывающих влияние на воспроизводство человеческого капитала, является качество жизни населения. Отсутствие в России устойчивого тренда в динамике социальных инвестиций со стороны государства не позволяет вести речь об установлении принципа «социально-экономической ответственности» в качестве базового.

Важнейшим фактором для повышения мотивации к инвестированию в человеческий капитал является и открытость каналов вертикальной мобильности для населения. В условиях, когда сильны традиции nepoтизма, клановости, неразвитой конкуренции на рынке труда (неравного доступа к высокооплачиваемым рабочим местам), отсутствии инновационных секторов, отдача от человеческого капитала будет невысокой. Кроме того, структура человеческого капитала зависит от того, насколько разнообразные элементы человеческого капитала востребованы в экономике. Если преобладает первичный сектор, крупное производство с примитивными технологиями, государственные корпорации с минимальными возможностями для инициативы, то и возможностей для реализации различных сторон человеческого потенциала будет немного [2,89].

Естественно, что процессы формирования человеческого капитала не должны происходить стихийно, ведь он может реализовываться только при благоприятных условиях. В данном контексте роль государства является ведущей.

Литература:

1. Becker G.S. Human Capital: Theoretical and Empirical Analysis. – N.Y., 1964.
2. Сахаровский С.Н. Институциональные факторы формирования человеческого потенциала // Журнал институциональных исследований. Том 4, №2, 2012.

Проблемы государственного управления в условиях информационного прогресса

Дюжнев Д.В.

Донецкий институт рынка и социальной политики, г. Донецк

В процессе современного общественного развития происходят изменения в социальной, экономической, политической, научной, культурной сфере. Внедрение новых информационных методов и технологий создает возможность совершенствования системы государственного управления. Трансформация общественных отношений формирует состояние нестабильности в силу необходимости адаптации существующего состояния к новым условиям. Особое значение приобретает проблема информационной безопасности. Развитие правового социального государства актуализирует вопрос защиты информационных прав человека. Социальные изменения в условиях постиндустриального общества требуют всестороннего изучения характера, степени и последствий информационного прогресса в сфере управления.

Актуальность данной тематики определяется необходимостью всестороннего научного исследования проблем управления социальными изменениями в нестабильных условиях современного мира.

Развитие системы государственного управления определяется совокупностью социально-экономических, политических, научно-технических и других условий. Важную роль в обеспечении эффективного управления играет информация, от наличия, достоверности и полноты которой зависит планирование, осуществление и результат управленческой деятельности.

Информационные методы применялись в сфере государственного управления на протяжении всего периода существования цивилизации. Важным эта-

пом информационного развития стало изобретение современных средств сбора, копирования, хранения и передачи информации. С середины XIX до начала XXI столетия в сфере управления последовательно внедрялись качественно новые информационно-технические средства (телеграф, телефон, радио, телевидение, компьютерные сети, мобильная связь и т.п.).

Информационный прогресс всесторонне и неоднозначно влияет на развитие системы государственного управления.

Использование современных информационных технологий позволяет обеспечить: доступ к информации для принятия решений; общение в режиме «реального времени» независимо от расстояния; формирование баз данных и организационных структур виртуального характера; использование электронной документации и т.д.

Вместе с тем, при осуществлении управления в условиях современного информационного развития возникает ряд проблемных вопросов:

- зависимость процесса управления от нормального функционирования компьютерных систем и сетей;
- увеличение количества разноплановой информации и трудности отбора нужных сведений при принятии решений;
- необходимость защиты информационных баз данных;
- потребность в техническом обеспечении всеобщего доступа к необходимой информации;
- угроза несанкционированного сбора и распространения охраняемой законом информации;
- опасность использования информационных средств без соблюдения конституционных прав и свобод человека;
- техническая возможность неконтролируемого информационного воздействия на общество и личность и т.п.

Система управления имеет определенные особенности в условиях общественных перемен, социально-экономической нестабильности и отсутствия устойчивой общепризнанной системы ценностей. В постиндустриальном мире

актуализируется необходимость исследования эффективности, правомерности и допустимости использования информационных методов и технологий для обеспечения управления.

В условиях правового социального государства особого внимания требует проблема защиты прав личности от негативного информационного воздействия. Управление связано с осуществлением определенного контроля над поведением человека. Эффективным средством воздействия на индивидуальное и общественное сознание являются компьютерные средства массовой информации. В современном мире значительную угрозу для личности представляет манипуляция сознанием, лишаящая человека реальной возможности самостоятельного выбора модели собственного поведения.

Тщательного исследования и осторожности требуют опасные идеи по усовершенствованию управления: имплантация на теле человека технических устройств для идентификации и связи; воздействие на подсознание человека через органы чувств с использованием информационных способов (звук, изображение и т.п.); применение технических средств сбора и распространения информации без соблюдения предусмотренных законом условий; использование информационно-психологических способов для контроля над личностью (нейролингвистическое программирование, гипноз и т.п.) и другие.

Функционирование системы управления требует решения ряда вопросов информационного характера: нормативно-правовое регулирование; получение специальных знаний и опыта; установление надлежащей коммуникации; преодоление барьеров, препятствующих общению (социально-культурных, мировоззренческих, морально-этических); наличие информационно-технических средств и т.п.

Проблемы управления в условиях информационного прогресса усиливает специфика формирования мировоззрения современного человека. Развитие управленческой культуры связано с вопросами воспитания, образования, нравственности. Возможность найти в компьютерной сети Интернет готовое мнение об окружающем мире уменьшает необходимость развивать самостоятельное

мышление. Процесс обучения должен предусматривать полноценное изучение учебных предметов, связанных с развитием мировоззрения и мышления (философия, логика, психология, риторика и т.п.).

Решению проблемных вопросов государственного управления в условиях информационного прогресса может способствовать создание целостной кодифицированной системы информационного законодательства с целью нормативно-правового регулирования соответствующих вопросов.

Социально-философский анализ основных проблем управления в условиях информационного прогресса позволяет сделать ряд выводов. Информационные методы и технологии имеют важное значение для развития современной системы управления. Потенциал современных технологий требует исследования информационного воздействия на общество и личность при осуществлении управления. В условиях современного мира необходима адаптация управления к особенностям информационного развития.

Литература:

1. Васильев В.П., Деханова Н.Г., Холоденко Ю.А. Государственное управление: учебное пособие. - М.: Дело и Сервис, 2010.
2. Дюжев Д.В. Проблема защиты сознания человека от информационного воздействия // Наука. Релігія. Суспільство. - Донецьк: 2007. - № 1. - С. 90-95.
3. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. - Москва: Алгоритм, 2000. - 685 с.
4. Клементьев Д.С. Социология управления: учебное пособие. - М.: МГУ, 2010.

Тенденции развития социальной политики (на примере Нижегородской области).

Ермилова А.В.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия,
Нижний Новгород*

В условиях развития современного российского общества, положение которого характеризуется процессом социально-экономической неустойчивости, особое внимание населения Нижегородской области, значительная часть которого подвержена патерналистским настроениям, сосредоточено на социальной политике государства. Большинство людей надеются на поддержку государства, так как по определению термина «социальная политика», деятельность государства должна быть направлена, прежде всего, на удовлетворение социальных потребностей людей, на сохранение или изменение к лучшему их социального положения, на оптимизацию социального развития общества. Традиционными сферами социальной политики считаются образование, здравоохранение, жильё и социальное страхование. Однако, действительно ли социальная политика в условиях экономической нестабильности справляется с возложенными на нее обязательствами?

Естественно, в Нижегородской области, как и в любом другом регионе РФ, есть свои проблемы. Особую тревогу вызывает проблема низкого уровня жизни значительной части населения. Около 15 районов области (30% общего числа) можно отнести к территориям с бедным населением (покупательная способность средней заработной платы меньше прожиточного минимума), 24 района (48%) – к территориям с низкообеспеченным населением (средняя зарплата – 1-1,5 прожиточного минимума). [1] Тем не менее, как сообщает управление государственной службы занятости населения Нижегородской области, уровень регистрируемой безработицы одни из самых низких по стране и составляет 0,6% на 20 января 2016 года [2]. Указанный факт можно объяснить, во-первых, достаточно высоким уровнем развития промышленного производства в данном регионе, а также действующей, в настоящее время, подпрограммой «Меры соци-

альной поддержки молодых специалистов Нижегородской области на 2011-2023 г.», которая направлена на устранение дефицита педагогических, врачебных кадров и кадров в сфере спорта и культуры Нижегородской области. В ближайшие три года планируется привлечь около 1500 тыс. молодых специалистов в указанные выше сферы.

Благоприятное воздействие на социально-экономическую ситуацию в Нижегородской области оказывает Областная целевая программа «Обеспечение жильем молодых семей в Нижегородской области», направленная на поддержку молодых семей, нуждающихся в жилье, в частности, оказывается материальная помощь на приобретение жилья молодым семьям при рождении детей. [3] Кроме выше указанной программы, в Нижегородской области успешно реализуются и ряд других жилищных программ: «Ветхий фонд», «Жилье шаг за шагом», программа выделения работникам городской бюджетной сферы субсидии на приобретение жилья за счет средств городского бюджета, что способствует формированию в сознании населения образа доступного жилья. Следовательно, в основе решения жилищной проблемы должно лежать положение, принимаемое без доказательств – «Доступность жилья», а также обязанность государства обеспечивать жильем социально незащищенные слои. Общее повышение уровня жизни, в частности, решение жилищной проблемы, будет способствовать увеличению численности населения, снятию демографической напряженности. В связи с этим, уместно остановиться на программах и проектах, которые реализуются в сфере образования:

- Федеральная целевая программа «Доступная среда»;
- Государственная программа Нижегородской области «Развитие образования в Нижегородской области на 2014-2016 годы на период до 2022 года»;
- Национальная стратегия действий в интересах детей на 2012-2017 г.;
- Стратегия развития физической культуры и спорта в РФ на период до 2022 г.;

- Государственная программа «Ликвидация очередности в дошкольных образовательных организациях в Нижегородской области в возрасте 3-7 лет» на период до 2023 года;

- Государственная программа «Гармонизация межнациональных отношений в Нижегородской области» на 2014-2016 г.;

- Концепция развития математического образования в Нижегородской области.

В результате реализации этих программ в Нижегородской области можно наблюдать положительные тенденции: во-первых, снижение уровня подростковой преступности; во-вторых, увеличение доли оздоровленных детей из семей, находящихся в трудной жизненной ситуации; увеличение количества детей, участвующих во Всероссийских олимпиадах и др.

В ходе претворения в жизнь Государственной программы "Ликвидация очередности в дошкольных образовательных организациях Нижегородской области детей в возрасте 3-7 лет на период до 2023 года" уже сейчас получены первые положительные результаты: к 2015 году построено 15 новых детских садов, возвращено и отремонтировано 2 здания детских сада, отремонтированы группы в 2-х существующих детских садах, создано 3338 дополнительных мест.[4]

В настоящее время пристальное внимание уделяется инклюзивному образованию, что предполагает равный доступ к образованию для всех обучающихся с учетом разнообразия особых образовательных потребностей и индивидуальных возможностей. Нижегородской региональной организацией «Верас» был реализован проект «Внедрение современных технологий обучения детей с расстройствами аутистического спектра в коррекционных образовательных учреждениях». Цель проекта – дать возможность детям с аутистическими расстройствами и имеющим выраженные нарушения коммуникации, интеллекта и поведения учиться в школе. Основные усилия направлены на обучение педагогов коррекционных школ принципам организации обучения таких детей.

Для участия в проекте было выбрано 6 коррекционных школ города Н.Новгорода (№ 142, 92,95, 86,56,39). В этих школах были открыты отдельные классы для обучения детей с аутизмом. Было открыто 34 класса, где обучаются 110 детей, в том числе 65 детей с аутизмом. 102 педагога прошли обучение. [5]

Таким образом, несмотря на то, что состояние социальной политики в РФ на сегодняшний день невозможно признать удовлетворительным, тем не менее, говорить о том, что поставленные задачи не реализуются, тоже нельзя. Естественно, что социальная политика требует модернизации, которая возможна только при условии применения комплексного подхода к решению социальных проблем. Для этого, в первую очередь и в ближайшее время, необходимо изменить приоритет в расходах бюджета, в результате чего, экономический механизм, будет способствовать смягчению социальной напряженности в российском обществе, сбалансирует противоречивые интересы различных социальных слоев и поддержит социальное развитие в РФ, так и в Нижегородской области.

Литература:

1. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации: О стратегическом плане социально-экономического развития Нижегородской области на период до 2015года. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 20.04.2016. docs.cntd.ru/document/944922654
2. Новости Нижнего Новгорода. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 20.04.2016. <http://newsnn.ru/news/2016/01/22/153077/>
3. Министерство социальной политики: Областная целевая программа «Обеспечение жильем молодых семей в Нижегородской области. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 21.04.2016. <http://www.minsocium.ru/index.php/funkcional>
4. Министерство образования Нижегородской области. [Электронный ресурс]. Дата обращения: 21.04.2016. minobr.government-nnov.ru/?id=42524

5. Нижегородская региональная общественная организация поддержки детей и молодежи «Верас». [Электронный ресурс]. Дата обращения: 22.04.2016. veras-nn.ru/tsikl-seminarov-po-sensornoj-integratsii-sostoyalsya-v-shkol.

Компоненты социальной мобильности в университетских рейтингах

Ионов А.А.

Институт развития образовательной политики

МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В современных условиях социальная мобильность приобретает все большее значение для развития экономики. С учетом важности этой проблемы в различных странах прилагаются значительные усилия к ее решению. Одним из инструментов решения этой проблемы являются национальные рейтинги университетов. Данные университетских рейтингов по социальной мобильности показывают, что с проведением определенной политики, университеты могут быть существенным фактором развития экономики, а также важным условием социальной стабильности в обществе.

Поэтому поиск адекватных показателей и критериев оценки социальной мобильности в университетских рейтингах имеет не только методологическое, но и важное практическое значение.

Для анализа показателей социальной мобильности мы исходим из того, что социальная мобильность представляет собой перемещение индивидов или их групп между различными уровнями социальной иерархии, определяемой с точки зрения широких профессиональных или социально-классовых категорий [1]. То есть социальная мобильность - это изменение места в социальном пространстве, и оно в определенной степени тождественно понятию равенство возможностей.

Сравнительный анализ университетских рейтингов, в которых отражаются компоненты социальной мобильности, позволяют сделать важные выводы о преимуществах и недостатках той или иной национальной системы образования.

Так, например, рассматривая, социальную мобильность в национальном рейтинге университетов один из ведущих научно-популярных журналов США «Washington Monthly» своей главной целью объявил оценивание университетов на основе их вклада в общественное развитие [2].

В данном рейтинге ранжирование университетов осуществляется на основе комбинированного подхода, в котором учитываются показатели трёх направлений:

- **социальная мобильность;**
- **научные исследования;**
- **участие в общественно-полезной деятельности.**

Самым сложным критерием, по мнению разработчиков методологии данного рейтинга, является социальная мобильность.

Рассматривая, социальную мобильность, авторы выделяют четыре индикатора университетского рейтинга и определяют каждому индикатору соответствующее значение. (Таблица 1).

Таблица 1

Индикаторы социальной мобильности

Индикаторы
Доля студентов, которые получили гранты Пелла 1
Стоимость обучения в университете, которая отражает среднюю стоимость обучения студентов за вычетом суммы финансовой помощи по Пелл грантам.
Прогнозируемый уровень численности выпускников.
Фактический уровень численности выпускников.

Основой для оценки социальной мобильности данного рейтинга являются студенты, которые получили гранты Пелла (гранты Пелла – это финансовая поддержка, оказываемая Федеральным правительством США для малоимущих студентов, которые нуждаются в финансовой помощи для получения образова-

ния).

Процентное соотношение студентов, получивших гранты Пелла и общим числом обучающихся в университете, по мнению разработчиков методологии рейтинга университетов США, является существенным индикатором социальной мобильности.

Другим важным показателем социальной мобильности авторы методологии считают стоимость обучения в университете, которая отражает среднюю стоимость обучения студентов за вычетом суммы финансовой помощи по Пелл грантам.

Кроме того, социальная мобильность в данном рейтинге включает в себя такие показатели как прогнозируемый уровень численности выпускников и фактический уровень численности выпускников. Такие расчёты осуществляются с учетом использования данных по приему и выпуску в высших учебных заведениях.

Американская компания «CollegeNET» в рейтинге университетов выделяет пять компонентов социальной мобильности.

Наиболее важными переменными в индексе социальной мобильности являются стоимость обучения и зачисление студентов из семей, чей доход ниже или равен национальному среднему доходу семьи. Три других переменных в порядке их убывания также имеют важное значение, тем не менее, они составляют около 50% значимости первых двух показателей.

Основная причина этого заключается в том, что не только стоимость обучения и экономические предпосылки поступающих в вуз являются наиболее важными факторами, определяющими доступность высшего образования, они также являются такими переменными, над которыми разработчики политики в сфере образования имеют почти 100 процентный контроль.

С другой стороны, трудоустройство выпускников или окончание учебного заведения имеют важное значение для экономической мобильности и требуют более значительных политических и системных изменений в течение более длительного периода времени.

Один из способов стимулирования изменений в системе высшего образования – это внесение изменений в конкуренцию престижности университетов факторов, которые улучшат доступность высшего образования, финансовые возможности поступающих, показатели завершивших обучение в учебном заведении, трудоустройство выпускников университетов, продвижение экономической мобильности студентов. Конкуренция университетов по этим факторам будет стимулировать систему высшего образования содействовать общественным интересам. Именно поэтому в систему оценки деятельности университетов целесообразно ввести показатели социальной мобильности, которые позволяют измерить (определить) численность обучающихся в университете из экономически неблагополучных семей (семейный доход которых ниже национального среднего дохода), стоимость обучения в вузе, получение высшего образования и трудоустройство выпускников. Рейтинги социальной мобильности показывают, что с помощью определенной политики, университеты могут быть важной частью улучшения экономических ситуаций и социальной стабильности в стране.

Литература:

1. Аберкромби Н. Социологический словарь. - М.: ЗАО "Изд-во
2. "Экономика", 2004. - с. 434-436.
3. Robert Kelchen. Affordable Elite Rankings Methodology. National
4. University Ranking. «Washington Monthly». September/October 2014.

Сущность управления конфликтом как вида социального управления

Кильмашкина Т.Н.

Академия управления МВД России, Россия, Москва

Социальный конфликт - это объективно существующее универсальное явление, процесс развития и разрешения острых труднорегулируемых противоречий в обществе, состоящем из больших и малых групп.

Он связан с осознанием и реализацией людьми своих потребностей и ценностей как членов тех или иных социальных групп в контексте других субъектов. Их несовпадающие интересы провоцируют открытое или скрытое противоборство, предполагающее реализацию действий оппонентов, направленных на нейтрализацию или устранение друг друга [3, 109].

Ю.Г. Запрудский под социальным конфликтом понимает особую форму исторического движения к новому социальному единству, которое проявляется в явном или скрытом состоянии противоборства объективно расходящихся интересов, целей, тенденций развития социальных объектов, прямое или косвенное столкновение социальных сил на почве противодействия существующему социальному порядку [1, 54].

А.Г. Здравомыслов определяет социальный конфликт как определенную форму взаимоотношений между потенциальными или актуальными субъектами социального действия, мотивация которых обусловлена противоположными ценностями, нормами, интересами и потребностями [2, 96].

Под социальным конфликтом в узком смысле понимается столкновение, непосредственной причиной возникновения которого становятся разногласия социальных групп, ухудшение их экономического и статусного положения в целом или в сравнении с другими группами, снижение степени удовлетворенности совместной работой и пр.

Под социальным конфликтом в широком смысле понимается объективное проявление социальных связей людей, специфический способ взаимодействия личностей и социальных групп при расхождении их во мнениях и взглядах, столкновении их интересов и целей, провоцирующих противоборство.

Сущность социального конфликта определяется целями и стремлениями противоборствующих сторон, направленными на овладение материальными ресурсами (социально-экономический конфликт), достижение статуса, власти (политико-правовой), навязывание ценностей (духовно-идеологический) и пр. Она проявляется в борьбе за ресурсы, статус, власть, ценности, интересы и др.

Сущность социального конфликта реализуется в возникновении и разви-

тии субъективно-объективных острых противоречий, трудноразрешимых проблем и коллизий, связанных с неудовлетворением (блокированием) базовых, фундаментальных, смыслообразующих потребностей двух или более субъектов конфликтного взаимодействия, осознаваемых ими как важных, требующих разрешения и обуславливающих открытое или скрытое (латентное) столкновение оппонентов. Перечисленные характеристики конфликта позволяют дифференцировать реальные социальные противоборства и от мнимых квазистолкновений.

Постоянная смена войны и мира, порядка и хаоса, конфликта и консенсуса – нормальное явление общественной жизни. Однако общепризнанными высшими ценностями человеческого бытия – не война и борьба, а мир и согласие. Народная мудрость гласит: «Худой мир лучше доброй ссоры». Тем не менее, без конфликтов существование и функционирование общества невозможны. Конфликт выступает источником изменений общественных отношений, норм поведения и жизнедеятельности. Социальные противоборства, столкновения идей, теорий, научных направлений и др. являются двигателями общественного развития.

Таким образом, социальный конфликт рассматривается как объективное, закономерное, типологическое, повторяющееся, универсальное социальное явление, являющееся, вместе с тем, средством совершенствования всех видов социальных отношений.

Социальный конфликт управляем.

Категория «управление социальным конфликтом» в науке и практике понимается в узком и широком смыслах.

Управление социальным конфликтом в узком смысле сводится к принятию мер по обеспечению диалога, организации переговоров противоборствующих сторон.

Управление социальным конфликтом в широком смысле включает три основных элемента управленческого воздействия, распределенных по пространству динамики социального конфликта:

- предупреждение возникновения конфликтогенных проблем на предконфликтной стадии;
- разрешение противоречий на этапе открытого противоборства;
- урегулирование послеконфронтационных коммуникаций в постконфликтный период.

Управление конфликтом как элемент социального управления организованными системами рассматривается как деятельность, функция и процесс.

Управление конфликтом как деятельность подразумевает управленческое воздействие аппарата управления по реализации функций управления, направленных на совершенствование управляемой системы или ее перевод в желаемое состояние в ситуации социального противоборства.

Управление конфликтом как функция призвано сохранять структурную и функциональную определенность объектов управления в условиях конфронтации, поддерживать стабильный режим их деятельности для достижения социальных целей.

Управление конфликтом как процесс представляет собой комплекс взаимосвязанных и осуществляемых в определенном порядке алгоритмов и технологий управленческих действий и отношений в контексте динамики развертывания противоборства.

Сущность управления конфликтом как вида социального управления проявляется:

- в системном характере субъекта управления и его объекта – участников противостояния;
- в социально направленных целеполагании и целедостижении, преследующих реализацию позитивных функций социального конфликта;
- в необходимости нормирования, институционализации конфликтного взаимодействия;
- в организационном обеспечении управления социальным конфликтом с привлечением системного, деятельностного, исторического подходов.

Таким образом, сущность управления социальным конфликтом в контек-

сте системного, деятельностного, исторического подходов проявляется не столько в возникновении противоречий, сколько в их способах предупреждения, разрешения и урегулирования.

Литература:

1. Запрудский Ю.Г. Социальный конфликт. Ростов н/Д, 1992. С. 54.
2. Здравомыслов А.Г. Социология конфликта. М., 1996. С. 96.
3. Фролов С.С. Основы социологии. М., 1997. С. 109.

Молодежный экстремизм глазами экспертов краснодарского края

Ковалёва М.С.

Кубанский государственный университет, Россия, Краснодар

Одним из приоритетных направлений работы стало выявление и последующий анализ мнений экспертов в отношении проблем молодёжного экстремизма и уровня конфликтности в Краснодарском крае, также их прогнозов возможных тенденций развития межнациональных отношений. В качестве экспертов были отобраны специалисты, осуществляющие свою деятельность в сфере изучения межнациональных и межконфессиональных отношений, профилактики экстремизма и гармонизации.

За счёт средств гранта Российского научного фонда № 15-18-00038 «Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона: прогнозирование и профилактика» выполнены исследования, методом стандартизированного интервью, в котором приняли участие 324 респондента, из них: представители органов исполнительной власти Краснодарского края – 133 человека (41 %); правоохранительных органов – 25 человек (7,7 %); общественных объединений – 31 человек (9,6 %); системы образования/науки – 95 человек (29,3 %); сферы культуры/искусства – 6 человек (1,9 %); СМИ – 3 человека (0,9 %); другое – 31 человек (9,6 %) [1]. В выборке явно преобладают представители органов исполнительной власти Краснодарского края и представителей образования/науки. Это неслучайно, так как именно на них возлагается

комплекс мер, по профилактике молодёжного экстремизма и др.

Респондентам задан вопрос о том, насколько часто они сталкивались с проблемой экстремизма в своей профессиональной деятельности. Ответы распределились следующим образом: постоянно – 18 человек (5,6 %), довольно часто – 37 человек (11,4 %), время от времени – 69 человек (21,3 %), редко – 110 человек (34 %); практически никогда – 90 человек (27,8 %) [1].

Данные показывают, что профессионально с проблемой экстремизма более-менее регулярно сталкиваются не более 40 % экспертов. Это заставляет поразмышлять: во-первых, по-видимому, так складывается из-за того, что всё больше ведомств подключается к работе в данном направлении, в том числе и тех, кто ранее этим не занимался; во-вторых, возникает вопрос о квалификации экспертов. Возможно предположить, что какая-то их часть, не всегда имеют достаточный уровень знаний об этом сложном явлении. Кроме того, в зависимости от профиля работы, эксперты не всегда соглашаются друг с другом в понимании природы и сущности экстремизма, основных форм его проявления [2].

Следующий вопрос касался существования в муниципальных образованиях края экстремистских/националистических группировок. Ответы распределились следующим образом: таких группировок нет – 118 человек (36,5 %); есть обычные хулиганы, но это не организованные группировки – 150 человек (46,4 %); такие группировки существуют и это серьёзная проблема для общества – 25 человек (7,7 %); такие группировки существуют, но проблемы в этом местные жители не видят – 27 человек (8,4 %); другое – 4 человека (1 %) [1].

Ответы указывают на наличие вполне заметной экстремизации какой-то части молодёжи края. Это довольно тревожный сигнал, который является одним из показателей существования в крае определённой межэтнической напряжённости.

Ещё один вопрос касался частоты происходящих межэтнических/межрелигиозных конфликтов в муниципальных образованиях: довольно часто – 13 человек (4 %); довольно редко – 102 человека (31,7 %); очень редко – 95 человек (29,5 %); 114 человек (34,8 %) [1]. Также отметим, что 45,8 % экс-

пертов основным каналом распространения экстремистских идей считают Интернет-сообщества.

Ответы показывают, что 61,2 % экспертов считают подобные конфликты редкостью. В то же время примерно треть затруднились с ответом, и только 4 % считают, что такие конфликты происходят часто. В основном противостояния происходят между коренным славянским населением и выходцами из республик Северного Кавказа, несколько реже с представителями республики Адыгея и выходцами из Средней Азии.

Ещё один из наиболее важных вопросов заданный экспертам, какие мероприятия оказывают реальное влияние на профилактику экстремизма в молодёжной среде. Известно, что многие деяния, в том числе и экстремистской направленности, совершаются от скуки [3]. Тем самым мнения экспертов разделились заметным образом. Среди мероприятий, которые оказывают реальное влияние, в большинстве ответов упоминалось активное привлечение школьников к внеурочной деятельности и уроки толерантности. Второстепенно в основном указывались профилактические беседы со школьниками. Наибольшее недоверие вызвали участковые инспектора и их тесный контакт с подростками.

Таким образом, анализ мнений экспертов показал, что к проблемам, существующим в сфере межнациональных и межконфессиональных отношений в молодёжной среде Краснодарского края могут быть отнесены: столкновения и конфликты между представителями различных национальностей, проживающих в крае, при этом стоит отметить, что зачастую это бытовые конфликты или хулиганские выходки, принимающие межнациональную окраску; второй момент – это наличие негативной информации в сети Интернет.

Помимо этого, указывалась важность интенсивной миграции, падение общего культурного уровня населения и другое.

Представляется, что дальнейшие исследования в данной сфере могут быть значительно расширены.

Литература:

1. Экстремизм и этносоциальные конфликты в молодёжной среде полиэтничного региона. Опыт эмпирического исследования. Коллективная монография / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2015.
2. Кубякин Е.О. Готовность молодёжи к совершению экстремистских поступков по идейным соображениям // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2010. № 3.
3. Профилактика экстремизма в молодёжной среде. Учебное пособие для педагогов и специалистов по воспитательной работе / Под научн. ред. Т.А. Хагурова. Краснодар: Парабеллум, 2015.

Несбывшиеся надежды социального государства:

конфликтологический анализ

Козырев Г.И.

Российский химико-технологический университет имени Д.И. Менделеева,

Россия, Москва

Социальное государство возникает в результате борьбы и компромиссов между государством и гражданским обществом по поводу справедливого распределения произведенного общественного продукта между всеми социальными слоями. Основная цель социального государства состоит в общем стремлении избежать крупномасштабных социальных конфликтов путем согласования интересов, «справедливого» распределения ресурсов и создания эффективных социально-политических механизмов управления обществом [1].

Многие развитые страны Запада в состоянии обеспечить каждому нуждающемуся своему гражданину или человеку, имеющему вид на жительство, определенный достойный прожиточный уровень и другие социальные гарантии. Эти страны считаются социальными государствами.

Однако, в условиях международной нестабильности, сформировавшееся в странах Западной Европы «социальное государство» оказалось незащищенным от внешних вызовов, которые создают и внутренние проблемы. Относительно

высокий жизненный уровень и гарантированные социальные пособия привлекают в развитые страны мира значительное количество мигрантов из слабо развитых стран. Эти мигранты, в большинстве своем представители иной культуры и религии, не могут или не желают адаптироваться в новых условиях. Они, как правило, менее образованы, не в достаточной степени владеют языком страны пребывания, имеют низкую профессиональную квалификацию и поэтому трудятся на не престижных и низко оплачиваемых рабочих местах. Среди них большой процент безработных, многие из них живут лишь на пособие и случайные заработки, проживают они в самых бедных районах и считаются людьми второго сорта.

Такое «обособление» обусловлено тем, что мигранты являются не только представителями иной культуры и религии, но и другой (в основном традиционной) цивилизации. Их менталитет не предполагает индивидуальную обособленность, индивидуальную субъектность, инициативу и ответственность.

Парадокс социального государства заключается и в том, что мало зарабатывающим и безработным гражданам с экономической точки зрения выгодно иметь многодетные семьи. Ведь каждый рожденный ребенок – это дополнительное социальное пособие. Поэтому число иждивенцев постоянно увеличивается, а анклав социальной напряженности в странах Запада растут в геометрической прогрессии. При этом «благотворителям» завидуют и ненавидят их по определению (Ф. Ницше), и их же винят в своей неспособности (нежелании) самореализоваться. Окружающий их мир относительного благополучия является для них чужим и враждебным. Таким образом, социальное государство, не желая того, создает конфликтные ситуации на различных уровнях социально-политического взаимодействия.

В этой связи можно выделить следующие линии конфликтных противоречий:

1. Конфликт между национальным государством, принимающим инородных мигрантов и значительной частью «не адаптивных» мигрантов и их потомков, ставших гражданами принимающей стороны.

2. Конфликт между частью патриотически (националистически) настроенного гражданского общества и «чужаками».

3. Конфликт между двумя частями гражданского общества: либеральной, защищающей права мигрантов и патриотической, видящей угрозу национальной культуре в притоке чужеземцев.

4. Конфликт между частью патриотически (националистически) настроенного гражданского общества и государством в лице правящего класса, которому экономически выгодно привлекать в страну дешевую рабочую силу.

5. Конфликт цивилизаций. Это конфликт, прежде всего, между западно-европейской и исламской цивилизациями. О таких конфликтах писал в начале 1990-х годов С. Хантингтон [2]. Но лишь после создания так называемого «Исламского государства» и целого ряда террористических актов, совершенных исламскими боевиками в 2015-2016 годах во Франции и Бельгии, стали более четко просматриваться контуры и масштабы этого геополитического конфликта. А ведь уже несколько десятилетий такие исламские страны как Саудовская Аравия, Катар, Турция и др., стремясь распространить влияние ислама, всячески стимулируют приток мусульманских мигрантов в Европу, выделяя значительные средства на строительство в европейских странах мечетей и других исламских культурных центров. Такую же политику они проводят в отношении России.

Итак, социальные государства Запада, в результате недальновидной либеральной политики, аккумулировали в себе целый «букет» конфликтных противоречий, которые, в той или иной мере, накладываются друг на друга и создают общий очаг социальной напряженности. При этом какая из перечисленных выше конфликтных ситуаций может обостриться, предсказать сложно.

Однозначно можно говорить лишь о том, что на ближайших парламентских и президентских выборах во Франции, Германии и других странах Евросоюза значительного успеха добьются правые (националистические) партии. Это позволит им сформировать более национально ориентированные правительства и пересмотреть миграционное законодательство Евросоюза в целом и

каждой страны в отдельности. Но этот достаточно «благополучный» сценарий может быть разрушен новыми террористическими актами. И тогда возможна националистическая радикализация ведущих стран Евросоюза с последующим его распадом.

В целом же можно констатировать, что социальное государство вполне преуспело в создании средств к жизни, но с воспроизводством самого человека что-то не заладилось. Европейская цивилизация оказалась не способной к самовоспроизводству (и в смысле репродукции «своего» этноса, и в смысле интеграции мигрантов). Она принимает чужих «детей», в надежде на то, что они в последствии обеспечат «приемным родителям» достойную старость. Но из этого ничего не получается, потому что «родители» заняты в большей мере не воспитанием и обучением, а своими гедонистическими увлечениями или карьерой.

Идеологическая безнравственность Европейской цивилизации приводит к тому, что ислам стали принимать «коренные» датчане, норвежцы и шведы – преимущественно молодые люди и женщины. Для первых ислам является своего рода протестом против «либеральных» устоев общества, для вторых – спасением от «зацикленности» западного общества на сексе и внешней привлекательности [3].

Все приведенные факты свидетельствуют о том, что ценности западного общества теряют свою привлекательность даже для «чистокровных» европейцев. Но существует неизменный закон природы: если живые существа не воспроизводятся в достаточных количествах, то их род постепенно вымрет. Место вымирающего вида займет другой, более жизнеспособный вид, но это будет уже другая цивилизация, другая культура, другое социальное или не социальное общество и государство.

Литература:

1. Левашов В.К. Социальное государство: исторический генезис и динамика становления в России // СОЦИС. 2014. № 7.

2. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций М.: ООО «Издательство АСТ», 2003.
3. Смирнов А. Шариат идет на север. // «Новые известия». 3 мая 2006. № 76. С.

**Социокультурная модернизация в условиях управления
современным обществом**

Коркия Э.Д.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Проблемы и вызовы современной реальности диктуют российскому обществу, государственным институтам новые требования, реализация которых позволит России занять устойчивые позиции в трансформирующемся мироустройстве. Выход из дестабилизационного периода 1990-х годов, вхождение в мировое экономическое и политическое пространство, формирование нового вектора социально-экономической политики и курс на модернизационные преобразования 2000-х годов с наибольшей ясностью показал, что современное развитие России связано не столько с проводимыми экономическими, социальными, политическими реформами, сколько со способностью населения принимать и поддерживать модернизационные преобразования. Эта способность напрямую связана с совпадением предлагаемых властью модернизационных программ с ожиданиями населения и зависит, в первую очередь, от социокультурных ценностей и норм, которые детерминируют цели, стремления, поведенческие стратегии российского общества и определяют, в конечном итоге, человеческий потенциал модернизации. Именно проблема совместимости определяет главный тренд современной стратегии модернизации.

Пришло понимание того, что успешное и эффективное модернизационное развитие основывается на определенных социокультурных ценностях и нормах и невозможно без формирования качественно нового социокода, культуры в целом, основанной на значимости человеческого капитала. Процессы модернизации и культурного развития взаимосвязаны и взаимообусловлены, так как модернизационное развитие, формирование общества нового типа не-

возможны без культуры, воспитания, науки и образования, без деятельности качественно новых социокультурных институтов, работающих по «новым правилам».

В данном контексте можно выделить следующие стратегии:

1. Взаимодействие культурной и экономической политики в формировании культуры модернизационного развития. Модернизационный вектор экономического развития России будет эффективен только в том случае, если главным его направлением станет формирование особого типа организационной культуры экономических субъектов, формированием экономического поведения, направленного на качественные изменения институциональных форм и структур. Исходя из этого, модернизация рассматривается как совокупность качественных общественных и организационных перемен, целью которых является улучшение технических основ жизни общества, обеспечивающих вывод страны на постиндустриальный уровень цивилизационного развития. В синтезе культурной и экономической политики можно выделить три основных направления. Первое – это системная модернизация, предполагающая совершенствование базовых принципов функционирования экономической сферы, в частности, демократизацию процессов управления или же деbüroкратизацию экономики, мотивацию частнопредпринимательской инициативы, структурные преобразования экономических систем через четкую и конкретную политику государственного регулирования, направленную на снижение сырьевой ориентации и увеличения доли инновационных отраслей. Второе направление – институциональная модернизация, реализация которой должна обуславливать процесс формирования устойчивых институтов рыночной экономики, не только выполняющих строго определенные функции, но и мобильно адаптированных к модернизационным преобразованиям. В данном случае эффективным инструментом является государственно-частное партнерство, способное обеспечить взаимодействие и взаимосвязь уже существующих институтов. Институциональная модернизация позволит деблокировать институциональные барьеры. Третий вектор культурно-экономического синтеза – это технологическая мо-

дернизация, основой которой является развитие новой экономической парадигмы – «экономики знаний», то есть экономики, основанной на творческом потенциале личности, человеческом капитале.

2. Взаимодействие культурной и социальной политики в формировании и развитии культуры модернизационного развития. Значимость взаимодействия социальной и культурной составляющей была обозначена как важнейшая стратегия развития страны еще в 2000 году, когда в Послании Президента РФ В.В. Путина Федеральному собранию была поставлена задача разработки программы государственного строительства в качестве продуманной системы мер модернизации различных институтов власти, одним из направлений которой стала задача формирования и реализации реалистической социальной политики. Президентом было определено, что по значимости ее можно поставить на первое место, отдавая приоритет развитию сферы здравоохранения, образования и культуры [3]. В рамках этого были разработаны и реализуются сегодня Федеральные целевые программы, координатором которых является государство. По мнению многих ученых [1, с.560] трансформации 1990-х годов, по сути разрушившие потенциал российской школы, требуют безотлагательного восстановления системы среднего образования, в том числе, восстановление системы нравственного и духовного воспитания молодежи. Доминирующей проблемой является разработка не столько новых стратегий развития школы, сколько пересмотр содержания образовательных программ, обеспечение соответствующей подготовкой педагогические кадры, в том числе в области психологии и методике воспитательной работы [5, с.480]. Исследователи обращают внимание, что решение данной проблемы – процесс исключительно сложный, так как ее практическая реализация требует достаточно долгого времени и значительного финансирования [4, с.479]. Однако необходимо понимание того, что стратегическая важность этой проблемы оправдывает и длительность ее реализации и финансовые затраты, так как без образовательного, нравственного и духовного потенциала цели и стратегии модернизационного развития не

могут быть решены. Такая же ситуация в настоящее время наблюдается и в области высшего образования и в области здравоохранения. Заявленные приоритетные программы находятся в начальной стадии их реализации и, не имея потенциала для их реализации, приобретают формы разложения имеющихся социальных институтов. Тем не менее, взаимодействие культурной и социальной политики – главное условие модернизационного развития, так как инвестирование в человека является основой и залогом экономического роста страны.

В настоящее время социальная политика имеет архаичные экономико-центристские формы, так как все национальные программы опираются на экономическую составляющую их реализации, не будучи связанными с переносом интересов в плоскость культуры. Тем не менее, несомненным является тот факт, что образовательная, эстетическая, этическая и иные культурные компоненты являются базовыми условиями эффективности национальных проектов. По сути, какие-либо изменения в обществе невозможны, если в практической деятельности не учитывается специфика обычаев, нравов и традиций каждого отдельного народа, не ведется работа по повышению творческого потенциала личности и ее общей культуры, развитию интеллектуальных навыков, духовного здоровья нации в целом. Стратегии, игнорирующие сохранение и обогащение культурных ценностей людей, этнического наследия, нормальную совместную жизнь социальных групп, базирующуюся на их самобытности и чувстве общности, являются тупиковыми, ведущими к многочисленным конфликтам [2, с.12-14].

3. Взаимодействие культуры и политики. Эта взаимосвязь является отличительной чертой современного этапа развития, как в России, так и во всем остальном мире. Современная цивилизация политизирована по своей сути, взаимодействие культуры и политики является очевидным фактом. В области культуры, как и в других сферах общественной жизни, политика направляет социальную деятельность людей. В свою очередь, культура оказывает огромное влияние на политику своими представлениями о мире,

ценностями и образцами поведения. В основе этого взаимодействия лежат процессы цивилизационного развития. Исторически естественные процессы производства материальных благ являются основой, на которой формировался и развивался и государственный и общественный строй, а также духовная жизнь общества. Последняя, с одной стороны, отражала результат действия совокупности социальных, экономических и политических факторов, а с другой – формировала новые парадигмы развития.

Таким образом, власть как часть культурного пространства, рассматривается в качестве силового механизма во многом чуждого обществу, его ценностям и идеалам. А в условиях культурной разнородности современного российского общества это разногласие детерминирует восприятие действительности, способы ее оценки и как следствие – способы политического действия со стороны общества. Решение этой проблемы во многом обусловит эффективность модернизационной парадигмы и будет способствовать социальному балансу в обществе.

Литература:

1. Ильинский И.М. Образование, молодежь, человек (статьи, интервью, выступления). – М.: Изд-во Моск. гуманитар. ун-та, 2006.
2. Колин К.К. Духовная культура общества как фактор обеспечения национальной безопасности // Социально-гуманитарные знания. – 2011., № 3.
3. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации от 8 Июля 2000 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Президента России – 2000. – URL: http://archive.kremlin.ru/appears/2000/07/08/0000_type63372type63374type82634_28782.shtml.
4. Семенов В.Е. Российская полиментальность и социально-психологическая динамика на перепутье эпох: Избранные научные работы (1997-2007гг.). – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008.

5. Троицкий В.Ю. Судьбы русской школы. / Отв. ред. О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2010.

Актуализация традиционных ценностей России в созидании новой социальной реальности в условиях нарастания нестабильности

Косиченко А.Г.

Институт философии, политологии и религиоведения

Министерства образования и науки Республики Казахстан, Казахстан

Современный мир в высокой степени нестабилен, причем нестабилен стратегически. Глобальная нестабильность на практике проявляется как нарастание вызовов и угроз разного рода и разного уровня в адрес всего мирового сообщества, в адрес каждой страны, любого общества и каждого человека. Истоки этих угроз можно усмотреть и в кардинальной смене парадигмы экономического развития современного мира, и в ярко проявляющемся геополитическом противостоянии ведущих государств мира, и в почти полной утрате человеком и человечеством духовного содержания своего бытия - все перечисленное присутствует одновременно и все провоцирует рост нестабильности.

В этих условиях государство должно усилить свое присутствие в стратегически важных сферах жизнедеятельности общества, в том числе и в социальной сфере. Следует напомнить, что государство не есть лишь продукт деятельности политиков или реализация тех или иных их намерений. Согласно классическому пониманию государства, оно есть результат отчуждения части сущностных сил человека (в том числе и его свободы) в пользу общественного блага и системы поддержания безопасности и прогресса человека и общества. Тем самым, государство есть функция общества, направленная на обеспечение стабильности общественной системы и развития человека. В условиях нестабильности эта система подвергается сильному давлению и деформируется. Если у системы есть «запас прочности», то система способна самосохраняться. Если такого запаса нет, то система с большой долей вероятности распадется. «Запас прочности» обеспечивается социальной ориентацией государства и сохранени-

ем им принципов социальной справедливости, хотя бы на минимальном уровне. Роль государства здесь велика: если «невидимая рука рынка» не способна регулировать даже рынок, то, что говорить о возможностях этой «руки» регулировать социальные отношения, особенно в случае социального государства, находящегося в условиях нарастания нестабильности. Вместе с тем и у общества нет реальных форм и механизмов самоподдержания, саморегуляции, так как гражданское общество, как правило, не развито за редким исключением, в постсоциалистических странах. Как следствие, граждане оказываются незащищенными ни государством, ни общественными институтами. «Ручное управление» общественными и государственными процессами в этих условиях – едва ли не единственная форма, еще позволяющая что-то делать. Но для этого управления потребна воля, причем воля, исходящая из некой цели, которую преследует (или реализует) власть. Тем самым «ради общества», «ради человека» происходит еще более жесткая концентрация власти. Хорошо, если власть удерживает интересы общества и человека в горизонте своих намерений. А если нет?

Общественные институты в этих условиях, если и возникают, то преимущественно в форме оппозиции власти. Патриотические силы разрознены, обвиняют друг друга в предательстве государственных интересов, не способны на консолидацию. Это отдельная и довольно интересная тема – почему патриоты не способны на объединение? Вроде бы и платформа для объединения есть, но объединения не происходит. То ли патриоты оказываются в плену только своей правды и общественных целей, то ли их видение «общего дела» ущербно, то ли самая критика «неправды» с разных позиций разделяет патриотов на различные лагеря, но исторической закономерностью остается неспособность патриотов к единению. Следует также отметить, что общественные силы и движения в условиях нестабильности склонны к поляризации как собственно позиций, так и целей. Консолидация общества, которая является первейшей необходимостью, для преодоления вызовов и угроз, умножающихся в условиях нестабильности, становится недостижимой, что усложняет вся ситуацию многократно.

Выход видится нами в творческой актуализации традиционных ценностей - духовных, культурных, общественных и государственных. Говоря метафорически, возникает потребность «импортозамещения» не только в сфере экономики, но и в сфере социального развития, социального творчества. Необходимо актуализировать общественные ценности прошлого России, как, впрочем, и ряда иных государств, образующих евразийское пространство. Надо творчески переосмыслить социальные проекты наших стран XIX и начала XX веков. В последнее время стала находить поддержку мысль о том, что следует заимствовать не только зарубежный опыт, но и опыт собственного прошлого, тем более, что этот опыт органичен народу и потому в высокой степени продуктивен.

В известном смысле даже хорошо, что вызовы и угрозы множатся и нарастают – этот контекст требует сосредоточения сил и концентрации духа: и здесь-то как раз и возможна творческая актуализация прошлого, позволяющая порождать новые измерения социальности, такие, например, как выработка механизмов трансформации вызовов и угроз современности в формы развития человека, общества и государства. Этот подход к вызовам и угрозам представляется более продуктивным, нежели позиция, при которой вызовы рассматриваются как нечто, от чего необходимо избавляться и чему надо изо всех сил противостоять.

В этой связи надо обратиться к духовной сфере, как истоку и внутренней причине бытия, и в ней найти глубинные решения многих проблем, которые, казалось бы, не имеют никакого отношения к сфере духа. При этом не следует преувеличивать духовности российского общества, как характерной его особенности: и в истории и в современности России не все и не всегда было проникнуто духовностью. Но необходимо отметить, что для России свойственно сочетать деятельность во внешних, ориентированных на экономический успех формах, с духовными поисками и совестью, весьма странной для представителей многих этносов, общностей и государств. Вот это стремление к осмыслению своей жизни, к несогласию жить только материальными интересами – есть то основание, на котором можно развить новые формы социальности, со-

вмещающие экономическое развитие с правдой, справедливостью и совестью. Это достойное, прочное основание, базирующееся на целостном отношении к миру, позволяющее не просто существовать в горизонте доминирующей сегодня стратегии потребления, но и активно участвовать в построении справедливого и духовно оправданного мира. Новые социальные практики и новые формы социальности, возникающие на этом основании, смогут интегрировать экономические, социально-политические и культурные импульсы, идущие от вызовов и угроз современности и трансформировать их негативную энергетику в энергию прогрессивного развития.

Социальная безопасность как результат взаимодействия государства и субъектов бизнеса

Кошелева Е.Г.

Донецкий национальный университет, г. Донецк

Одним из важнейших принципов социального государства является развитие и экономическая эффективность социального рыночного хозяйства, построенного на взаимодействии рыночного хозяйства и социальной обеспеченности (безопасности).

Эффективное функционирование рыночного хозяйства является фундаментом и материальной основой построения социального общества, обеспечивая, с одной стороны, возможность государству реализовать свои социальные функции, с другой – субъектом бизнеса качественно реализовать принципы социальной ответственности. Более того, чем эффективнее и стабильнее развивается бизнес, тем больше возможности расширять и качественно совершенствовать реализацию социальных принципов. В результате растет уровень экономической защиты, повышается социальная безопасность.

По мнению Зеркалова Д.В., социальная безопасность – это совокупность мер по защите интересов страны и народа в социальной сфере, развитие социальной структуры и отношений в обществе, системы жизнеобеспечения и социализации людей, образа жизни в соответствии с потребностями прогресса,

нынешних и будущих поколений [1]. Профессор Лига В.Б. подчеркивает, что социальная безопасность – это такое состояние социальной сферы, при которой обеспечивается ее устойчивое состояние, оптимальное удовлетворение потребностей, достойное качество жизни, создание условий для развития личности [2].

Ряд исследователей поддерживает подход к социальной безопасности, как комплексному понятию, используемому для обозначения безопасности населения страны от целого комплекса разных угроз, причем не только социального, но и экономического, экологического характера и т.д.

Соглашаясь в целом с предложенными определениями, позволим некоторое уточнение, основанное на том, что социальная безопасность должна включать в себя удовлетворение всех потребностей: как духовных (в образовании, культуре) и социальных (в общении, самовыражении), так и материальных или биологических (в пище, одежде, жилище, благоприятной окружающей среде, физическом здоровье и физической безопасности и т.д.), что не является целью функционирования социальной сферы. Следовательно, социальная безопасность представляет собой такое состояние экономики, при котором обеспечивается устойчивое состояние социальной сферы, оптимальное удовлетворение материальных, социальных и духовных потребностей, достойное качество жизни и создание социально-экономических условий для развития личности.

Следуя этому подходу, сложно разграничить понятия социальной безопасности государства, общества и личности в силу того, что безопасность данных объектов является результатом целенаправленного действия социальной политики государства и функционирования субъектов бизнеса, а также их взаимодействия.

Если основной целью социальной политики государства является создание условий для полного удовлетворения материальных, социальных и духовных потребностей, то основной целью функционирования бизнеса является эффективное экономическое функционирование и удовлетворение материальных потребностей, а впоследствии, социальных и духовных потребностей стейкхолдеров, т.е. как нанятых сотрудников, так и потребителей.

Поэтому качественное удовлетворение материальных, духовных и социальных потребностей общества, создание комфортных социально-экономических условий для развития личности формируют основу социальной безопасности, которая, в свою очередь, является основным фактором устойчивого экономического развития и базисом социального государства.

Отметим, что основным субъектом ответственности за социальную безопасность является государство, что обуславливает наличие первоочередной задачи:

1) координация совместной деятельности государственных структур, научных организаций и институтов гражданского общества по разработке и внедрению системы социальных стандартов качества и уровня жизни;

2) стимулирование субъектов бизнеса не только к соблюдению социальных стандартов, но и к созданию благоприятных условий для всестороннего развития личности.

В зависимости от поставленных целей, государство, в рамках построения системы государственного управления, может использовать всю совокупность методов прямого и косвенного регулирования социальных процессов. Так, система прямого государственного управления включает совокупность административно-правового регулирования, формируя правовое поле и условия функционирования всех субъектов экономики. Однако, устанавливая определенный уровень социальных стандартов, например минимальный размер заработной платы, государство не должно перекладывать «социальное бремя» на субъекты бизнеса, формируя тем самым налогооблагаемый фонд оплаты труда. Именно данный социальный стандарт имеет как положительные, так и отрицательные эффекты. К положительным, например, относим тот факт, что нанятым сотрудникам гарантированно выплачивают установленную законом сумму вознаграждения, что является гарантией социальной защиты или безопасности. Отрицательным же может выступать демотивирующий фактор, т.е. гарантированный размер оплаты труда не стимулирует нанятых работников (неквалифицированных специалистов) к самосовершенствованию и повышению уровня своей

квалификации, т.е. удовлетворению своих духовных и социальных потребностей.

Косвенное регулирование может применяться для формирования экономических стимулов. Например, субъект экономики, предоставляющий весь социальный пакет нанятым работникам, может рассчитывать на налоговые льготы, предоставляемые по налогу на доходы, и государственные гарантии. Не имея сформированного и на законодательном уровне закрепленного понятия «социальный пакет», субъекты бизнеса в его состав включают законом утвержденные минимальные социальные условия, такие как продолжительность рабочей недели, отпуска, условия по охране труда и компенсации за неиспользованные отпуска, что является особенно недостаточным и ошибочным. Социальный пакет, как инструмент социального обеспечения (безопасности) нанятых работников – это набор льгот или дополнительных услуг, оплату которых может брать на себя субъект бизнеса. Следовательно, в рамках косвенного государственного управления может быть сформирована система стимулирования субъектов бизнеса к расширению социальных пакетов, предоставляемых нанятым работникам.

В странах с развитой рыночной экономикой широко применяется стимулирование социального инвестирования в рамках реализации принципов социальной ответственности субъектов бизнеса, т.е. инвестирования в объекты социальной сферы с целью получения дохода и повышения уровня и качества жизни людей посредством удовлетворения их материальных, духовных и социальных потребностей.

Таким образом, исследование показало, что социальная безопасность – комплексное понятие, которое является, с одной стороны, целью управления в рамках реализации принципов социального государства, а с другой – результатом реализации принципов социальной ответственности бизнеса и залогом долгосрочных и взаимовыгодных отношений с нанятыми работниками.

Литература:

1. Зеркалов Д.В. Социальная безопасность и права человека: Монография / Д.В. Зеркалов [Электронный ресурс]. – К.: Основа, 2013. – 670 с.
2. Лига М.Б. Социальная безопасность и качество жизни: концептуальный анализ / М.Б. Лига // Ученые записки ЗабГУ. – 2013. – №4(51). – С. 170-177.

Основания и концепт феномена социальной самоорганизации: от мирочувствия разной природы социумов и образа реальности до управления жизнеспособностью

Кувакова И.М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ (РАНХИГС), Россия, Москва

Подходы (способы, методы) преобразования реальности – образцов отражений, опыта «идей», интеллектуальных «вещей», инновационных и иных приложений – *уникальны*; модели (механизмы, технологии, инструментарий) познания (самопознания) – *универсальны*. Практики управления - реализации идей и представлений, теоретических и практических конструкций, начиная со времен древней Античности и всех последующих социально-исторических периодов, «геополитических осей» и «лучей», демонстрирующих свою энергию «идей и вещей», свобод и волю, «мнений и знаний» посредством логик и технологий – *унифицированы*, ибо составляют «стержень» развития разной природы «неделимых целостностей» - социумов в лоне целого - общества. Естественно, от зарождения присущая целому (и его целостностям) логика *диалектического* отображает стройную систему тождеств и противоречий, роста и переходов количественного в качественное,,,

Так, в комментариях А.Ф. Лосева к учению Платона говорится, например, что «... платонова диалектика,.. как таковая... сразу и дискурсивна, и интуитивная, производя всевозможные логические разделения,.. умеет и все сливать воедино...», обладает «совокупным видением» и «видит все сразу», в целостности, единстве.

Концепт Платона описывает «Единое» как систему, состоящую из частей: первой (подсистема - 1) - «... тождественной самой себе» и второй (подсистема - 2) - состоящей из всего, что «... по ту сторону бытия»; взаимодействия сил (подсистема - 3) - изменения частей, отношений и связей целого (1-3) дают в зависимости от условий разные - привычные, типовые и другие, новые или «иные» качества одного и того же (подсистема - 4). Отсюда образ Единого и восходящая к нему «картина мира» (подсистема - 5), а далее - предопределяемые ими (1-5) образцы «бытия» (подсистема - 6) – от прошлого к настоящему и будущему, изучаемые исключительно как многослойные, мультипликатирующие и связанные: полимерные (многообразные), валюативные (ценностные), многоуровневые.,,

Топика Платона усваивается через «инициацию», «инициатическое знание» (А.Г. Дугин): феномен - «идеи либо парят, либо умирают» - это самосборка именований, инноваций и смыслов, энергий, воли, знаний, опыта и практик...

Мирочувствие, как самоорганизация целого и, предположительно, самосборка качественно-количественных атрибутов, состояний, структур и функций «сущего» или, согласно Платону, «Единого» («Бога»), «бытия» и «небытия», планов экзистенции (существования) и взаимосвязанных «идей и вещей» - носителей априорных «мыслеформ» и апостериорного разномыслия - множественности; *оснований языка – слов* (понятий, категорий, терминов - «добродетели», «универсалии», пр.); *мнений* – множества разнообразных впечатлений, широты и охвата представлений, глубин умозаключений, пр.; *воззрений* - разнонаправленных, тождественных и противоречивых, рациональных и нет логик, траекторий, согласующихся и объединяющихся (или наоборот) в системы (арсеналы, своды) знаний: полимерные и разной формы, многоуровневые, вариативные... Все указанные уровни воззрений включают трансцендентные («припоминаемые», «врожденные») и неопределенные, знаковые, семантические, заимствованные и создаваемые самими людьми идеи, сигналы и прочее, в том числе как «позитивного» (О. Конт), так и отрицательного или апофатического толкования, когда высказывания строятся на

аргументах отрицания присутствия действий некой «сущности» (Бога в богословии) путем постепенного отказа от всех возможных фактов и определений.

Постепенная скачкообразная, развертывающаяся смена пониманий, «картин мира», нравственных ориентиров и идеалов связана с динамикой изменений ценностей: быстро обновляющееся мыслительное - интересы, цели, идеалы, мораль подчиняют сначала социальные, а затем и всё множество само- и организующихся отношений под влиянием разнородных факторов: управленческих, трудовых, экономических, властно-политических... От смыслоценностных искажений, закрадывающихся в сердцевину социальных отношений не спасают ни инновационно-технологические достижения, ни производственные, технические или трудовые усовершенствования: власть, политика, экономика и общественный уклад становятся «заложниками» социальных систем взаимодействий со всем объемом идущих в них процессов естественной, поступательной или резкой, через шок, насилие и террор реализуемой сменой воззрений. Неизбежные, лавинообразно наступающие перемены человеческого бытия ревизируют «картину мира»: усложняя, выводя за пределы доступного понимания или выхолащивая, упрощая «образ будущего» («небытия») люди воспроизводят такие типы человеческого мироустройства – семейного, общественного, мирового уклада, которые, не отвечая многоцветной палитре свобод и разномыслия, соотносятся с его вынужденной, насильственной, порабощающей унификацией до одного (!) на всех, что и создает объективные условия для конфликта по причинам всегда (!) многомерного мирочувствия.

Смена мировоззрений обусловлена не только объективной необходимостью, но и, что важно, развитием потенциала самого человека, его мышления, знаний и общественных возможностей, неразрывно связанных с изменением состояний природной среды, народно-хозяйственного комплекса и общественных институтов - институциональных образцов (семья, школа, религия, мораль, образование, наука, армия, пр.) и созданных ими эталонных систем взаимосвязей (понятия, идеалы, порядки, правила, режимы, нормы, пр.) – а каждое из них беспрецедентно. Указанное

требует анализа факторов целостных рядов многомерных переходов - *от* личного, коллективного волеизъявления и свобод самоорганизации сообществ *до*: 1) **координации** практик воспитания, просвещения, образования, развития научно-исследовательских и трудовых потенциалов; 2) **управления (самоуправления)** мировоззренческими, экономическими, гео- и политическими, социокультурными пространствами; 3) **менеджмента** стратегией многоуровневого, долгосрочного, инновационного роста в условиях риска и неопределенности; 4) **регулирования** стержня общественных (гражданских) отношений, властных, конституционных и государственных (законодательных, исполнительных, судебных, пр.) взаимосвязей, широкого демократического волеизъявления, прав и свобод многонационального народа (Конституция РФ, ст. 2, 3, 17-63); 5) **контроля** за профессиональной деятельностью и моральным обликом представителей государственных корпораций, органов государственной и муниципальной власти, народной демократии, по вопросам науки, образования, противодействия коррупции и девиантного поведения, то есть становления архитектуры общественного мироустройства.

Все указанное, а также не изложенное, но не выходящее «за пределы» суждений о природе, человеке и обществе, происходит в русле многомерного – мультипликативного, интегративного. Известным примером служит архитектура общественно-экономической формация (К. Маркс, Ф. Энгельс, В.И. Ленин, др.), не потерявшей актуальности по причине уникально-универсально-унифицированной многослойности (отношений, взаимодействий, их связей, пр.), отражающей логику диалектики неуклонных перемен и **устойчивой (стабильной) жизнеспособности**.

Логика устойчивого жизнеспособного демонстрирует неуклонный рост – непрерывных, релятивно-редукционных, направленных актов самоорганизации: 1) *человеческого* - мыслительного, научно-познавательного, творческого, инновационного; 2) *мировоззренческого* - ценностного, духовно-интеллектуального, идеологического, политического; 3) *дееспособного* – социально ответственного, неравнодушного, трудоспособного, гражданского; 4) **профессионального** – трудового, ресурсного, производительного труда, квалификационного, предопределивших сум-

мы воздействий 4) **управленческого (самоуправление, менеджмент)** – методов исследования, моделей развития, механизмов принятия решений и реформ, детерминирующих 5) **мирочувствие** разной природы людей, социумов и территорий: «картину мира», идеалы, ценности и образцы бытия, примеры для подражания, поддержания (или отторжения) перемен во имя «светлого» образа будущего и иные факторы, касающихся всех людей или всего мира планеты.

Смена мирочувствий, как сочленение смыслоценностных «идей и вещей», образов «бытия» и «со-бытия» влечет изменение условий частной, общественной (государственной) и в целом жизни на планете. Важным импульсом сотворчества и цикличной сменяемости форм общежития являются законы самоорганизации – *от* разработки «мыслеформ», сущностная роль которых состоит в понимании реалий *до* осознания и согласия, принятия или несогласия, враждебности к устройству мира, объективно зависящего от систем понятий (оснований) и воззрений (основ).

Эти представления, по-видимому, лишь приоткрывают тайну еще недооцененного потенциала, роли и законов феномена социальной самоорганизации (человека, группы, общности, сообщества, территории, пр.), незаменимой логики и пользы целостного общественного (национального) мировоззрения, собирающегося из многообразия единичных и коллективных мирочувствий, часто фрагментарных, но действующих в русле единой для всех (!) «картины мира», характерных для нее пониманий бытия, откуда и произрастают взаимосвязи большинства людей и узких элит, устремления мировых держав и, как следствие, конкретные условия социально-исторической реальности – многомерного, мультипликатирующего интегрального «продукта», производного от ментальности («склада ума») сообществ и национальных лидеров, от достигнутого общими усилиями и ценой невероятных жертв уровня устойчивой (стабильной) жизнеспособности и выбранных демократическим большинством (или иным путем) моделей, форм и механизмов «цветущей сложности» (К. Леонтьев) цивилизационного мироустройства.

Литература:

1. Лосский Н.О. Ценность и бытие. Париж 1931;
2. Лосев А.Ф. Платон и его эпоха. М., 1979;
3. Кувакова И.М. Выбор траектории саморазвития: повышение устойчивой жизнеспособности человека и управляемости общества./ Ученые Записки. Роль и место цивилизованного предпринимательства в экономике России. Сб. трудов (Под ред. В.С. Балабанова), Вып. VII, М. 2004, с.260-279.
4. Гайденок П.П. Бытие и разум. - «Вопросы философии», 1997, №7;
5. Кувакова И.М., Соседов Г.А. Процессы институционализации и самоорганизации в сфере образования: вопросы научной методологии. Тамбов, 2009.
6. Дугин А. Основы геополитики. Арктогея.- М., 2012
7. Кувакова И.М. Самоорганизация, опыт мирознания и трудности творческого мышления / Российское предпринимательство история и современность: Материалы XI Международной,, конференции, 12 мая 2015 г., Москва РАП, 2015, с.151-155;
8. Kahn C.N. Being In Parmenides and Plato. – «La Parola del Passato» 43, 1988.

Социальное государство в условиях кризиса: обуза для госбюджета или условие экономического роста?

Кутепова Н. И.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Россия, Москва

В соответствии с заявленной темой попытаемся показать необходимость в условиях экономического кризиса и планируемого правительством сокращения бюджетных расходов сохранить социальный фундамент для преодоления кризисных явлений и проведения политики модернизации экономики. В связи с этим обратимся к некоторым страницам отечественной и зарубежной истории, а также к современным тенденциям эволюции социального государства. Особую актуальность такой постановке вопроса придает усилившаяся в по-

следнее время критика патернализма, без которого невозможна реализация принципа справедливости – основного принципа социального государства, со стороны не только ряда российских политиков, общественных деятелей, но и высших должностных лиц государства.

Патерналистские настроения населения (причем самому понятию «патернализм» дается неверная трактовка) в ряде официальных выступлений рассматриваются как социальный недуг, препятствующий модернизации. Их критика имеет не только теоретическое, но и важное практическое значение. Она используется для обоснования ряда принятых законов, вызвавших неоднозначную оценку общественности, а также намечаемых «непопулярных мер», в частности для изменения пенсионного возраста (последние заявления на эту тему символично были сделаны руководителями экономического блока правительства накануне Первомайского праздника), отмены пенсий работающим пенсионерам и ряда других реформ в социальной сфере, связанных с уходом из нее государства.

Для обоснования демонтажа социального государства, которым РФ является в соответствии с Конституцией, используется также постулат об «экономической невозможности и политической нецелесообразности всеобщего государственного патернализма», высказывается точка зрения, согласно которой формирование социального государства жестко определяется возможностями экономики. Из «экономического детерминизма» следует вывод (и реализуется на практике, так было в России в первой половине 90-х годов, когда экономические реформы проводились без социальных амортизаторов) о необходимости сокращения бюджетных расходов на образование, медицину, науку и другие отрасли социальной сферы, о достаточности для населения нашей страны обязательного семилетнего образования и т.д.; лишь в отдаленном будущем, когда появится необходимый экономический фундамент, можно будет заняться социальной сферой. Дополнительным аргументом для «оптимизации» социальной сферы в современных условиях стало резкое падение цен на энергоносители.

Подобная позиция опровергается всем мировым опытом, в первую очередь нашим собственным опытом. Во-первых, именно развитие важнейших отраслей социальной сферы стало важнейшей составляющей современного этапа НТП и начиналось оно не в самых благоприятных экономических условиях; во-вторых, экономический рост не влечет за собой автоматического роста благосостояния и развития социальной сферы.

Анализ основных этапов развития, а также современных тенденций эволюции социального государства в социально-экономической сфере показывает, что, несмотря на важность экономического фундамента для реализации социальных функций государства, сам по себе экономический фундамент не является решающим фактором устойчивости и развития социального государства. Более того, многие важнейшие шаги в его строительстве были сделаны в неблагоприятных экономических условиях, что создало предпосылки для будущего экономического роста.

Самый весомый аргумент из послевоенной отечественной истории, подтверждающий первый тезис, - это резкое усиление внимания к поддержке науки и образования, повышение заработной платы работникам этой сферы в то тяжелейшее для нашей страны время, когда требовались колоссальные затраты для восстановления разрушенных городов и сел (заметим, что установленные сразу же после войны ставки для специалистов высшей квалификации в области науки и образования практически не изменялись до конца советского периода). Именно это дало такой мощный импульс для последующих прорывов, воплотившихся в создании того экономического фундамента, который на пределе возможностей продолжает служить до сих пор.

Похожие примеры можно привести также из истории первых послевоенных десятилетий других стран, относимых к числу социальных государств. Так, статья о социальном государстве была включена в конституцию ФРГ в 1949 г., а идея «общества без обездоленных» была выдвинута основоположником социального рыночного хозяйства Л.Эрхардом в 50-е годы, ознаменовавшиеся массовой безработицей и бедностью. Именно тогда стала складываться

германская модель социального партнерства, создавались наблюдательные советы с участием рабочих, контролировавшие производство и финансовую отчетность.

Не очень «подходящим», с точки зрения экономических условий, для реализации социальных функций государства кажется середина 70-х гг. прошлого века, когда разразился самый глубокий за послевоенный период экономический кризис. Однако именно тогда под давлением профсоюзов на первый план в политике занятости были выдвинуты меры в области образования, профессиональной подготовки и переподготовки. Еще одно важное требование профсоюзов в рамках борьбы за обеспечение занятости, которое реализовалось на практике в ведущих западноевропейских странах, - сокращение продолжительности рабочего времени. Данные завоевания профсоюзов создали условия для нового витка НТП, поскольку способствовали формированию условий для развития личности, способной к напряженной творческой деятельности, требующей все больше времени, свободного от непосредственных производственных функций, что обосновали теории, рассматривавшие образование как фактор роста, теория человеческого капитала.

На современном этапе эволюция социального государства связана с попытками его демонтажа, с атакой на важнейшие его постулаты. Однако «неприкасаемыми» составляющими этой системы в ведущих промышленно развитых странах остаются те области, которые обеспечивают инновационное развитие – важнейший фактор конкурентоспособности в современном мире. Поэтому «непопулярные» меры в социальной политике - это путь к консервации самых архаичных форм эксплуатации и закреплению сырьевой структуры российской экономики. Модернизация и инновационное развитие невозможны без прочного социального фундамента, повышения качества трудового потенциала, что диктует необходимость резкого увеличения расходов на образование и науку и изменения политики в этих областях, в том числе и для преодоления кризиса.

Публичные слушания как инструмент диалога власти и общественности

Ламскова Н.Н.

Самарский государственный аэрокосмический университет

имени академика С.П. Королева

(национальный исследовательский университет), Россия, Самара

Успехи социальных преобразований, переход к устойчивому развитию, демократизация и движение к гражданскому обществу в России во многом зависят от человеческого фактора, в том числе от того, как преобразования моделируются, осознаются и реализуются гражданами. В этих условиях роль гражданской инициативы и лидеров, возглавляющих эти инициативы, чрезвычайно велика. Совместные усилия членов местного сообщества позволяют создать потенциал для успешного решения существующих проблем, наращивания конкурентных преимуществ территории.

Формируются и получают развитие практики взаимодействия публичных социологов с властью и общественностью на поле социальной политики, значимую роль в динамике которых играют сегодня публичные слушания по бюджетам регионов страны. Однако эти практики, участие в них публичных социологов до сих пор фактически не стали предметом научного интереса.

Публичные слушания – очень действенный инструмент, с помощью которого органы власти могут получить обратную связь от граждан и представителей общественных организаций при принятии важных для муниципального образования решений в той или иной области. Иными словами, публичные слушания – это одна из форм диалога органов местного самоуправления и представителей местного сообщества. Публичные слушания необходимы для того, чтобы проинформировать все заинтересованные стороны о намечаемых управленческих решениях, выявить весь спектр мнений по обсуждаемому вопросу, учесть точку зрения общественности при принятии решения, выявить возможные конфликтные ситуации и попытаться предотвратить их. Кроме того, учитывая законодательно закрепленную открытость процедуры публичных слуша-

ний, граждане имеют возможность в ходе проведения слушаний своевременно отстаивать и защищать предоставленные им права.

В ряде случаев граждане, общественные объединения способны предоставить такую информацию, которой органы местного самоуправления не располагают и не могут располагать, внести ценные идеи и предложения, которые можно с успехом реализовать на практике. Но все это может быть выявлено только в ходе диалога между органами местного самоуправления и общественностью, и диалог этот обеспечивается посредством проведения публичных слушаний.

Заметим, что в Самарской области интерес жителей к взаимодействию с органами власти по поводу бюджета области проявился еще в 90-е годы XX в., чему способствовал ряд обстоятельств. Во-первых, в 1999г. появился «Бюджет Самарской области. Пособие – путеводитель» [1] – серьезный шаг к развитию взаимодействия с населением. Во-вторых, регион стал участником проекта «Городские жители и власти – на пути к сотрудничеству: бюджет, который можно понять и на который можно влиять» Санкт-Петербургского центра «Стратегия». В рамках данного проекта представители НКО региона учились читать, понимать и оценивать бюджет города. В результате появилась группа общественных экспертов по бюджету и брошюра «Бюджет и бюджетный процесс Самары глазами независимых экспертов» [2].

Подчеркнем, что первые публичные слушания по проекту бюджета Самарской области на 2006г. состоялись в 2005г. Иными словами, за плечами общественной экспертизы Самарской области – 10тилетняя история. Именно с 2005-2006 гг. и начал происходить, как постулирует один из генераторов идей на поле изучаемого процесса от общественности В.И. Пестрикова, реальный диалог общественности и власти, содержание которого зависело от степени компетентности представителей НКО, среди которых, однако, не всегда находились подготовленные общественные эксперты [3].

Тем не менее, точкой отсчета в формировании современной системы публичных слушаний можно считать заседание Общественного собрания Са-

марской области в апреле 2007г., в результате которого принято решение разработать проект положения о публичных слушаниях по бюджету Самарской области. Затем появляется «Порядок проведения публичных слушаний по проекту закона Самарской области об областном бюджете на очередной финансовый год и на плановый период и по годовому отчету об исполнении областного бюджета за истекший финансовый год», позволяющий в определенной степени проследить процесс развития коммуникации власти и общественности на поле публичных слушаний. В данном официальном тексте встречаем определения общественности и общественных экспертов.

К участию в публичных слушаниях, как правило, приглашаются представители общественности, общественные эксперты, представители местного самоуправления, эксперты по вопросам влияния власти на общество, СМИ, активные граждане города.

Основные принципы публичных/общественных слушаний:

- вынесение на обсуждение альтернативных мнений и проектов;
- привлечение квалифицированных экспертов;
- обеспечение независимого анализа проблем;
- концентрация на сопоставлении в первую очередь проверенных фактов;
- обсуждение проблем на ранней стадии их рассмотрения органами власти;
- обеспечение представительства на слушаниях и информирования об их итогах всех заинтересованных в их теме общественных групп;
- обеспечение присутствия на слушаниях и информирования об их итогах представителей органов власти, в компетенцию которых входит решение обсуждаемых проблем.

Органы власти получают в результате публичных/общественных слушаний:

- дополнительную информацию о фактах и мнениях по обсуждаемой проблеме;
- результаты независимого анализа проблемы и путей ее решения;

- новые предложения по решению проблемы (возможно, альтернативные известным);

- оценку актуальности проблемы для общественности и информацию о группах ее заинтересованных представителей.

Общественность, кроме этого, получает:

- возможность узнать и сопоставить различные (возможно, альтернативные) точки зрения на проблему и пути ее решения (возможно, понять позицию и органов власти);

- возможность повлиять на формирование широкого общественного мнения;

- возможность повлиять на решения и действия властей.

Таким образом, публичные слушания одновременно информируют общественность о проводимой властями политики в области социальной сферы, и конструируют способы обратной реакции на данную деятельность. Общественные слушания выступают в этом случае как «уникальные дискурсивные поверхности», в рамках которых общественность может поделиться своими тревогами и страхами, получить ответы на интересующие их вопросы, услышать мнение специалистов (представителей соответствующих министерств и ведомств).

Литература:

1. Кондратенко Н.М. Бюджет Самарской области (пособие – путеводитель), Самара, 1999.
2. Бюджет и бюджетный процесс Самары глазами независимых экспертов, Самара, 2000.
3. Пестрикова В.И. Региональные диалоги. Самарский опыт участия граждан в бюджетном процессе / СРОО ИЭКА «Поволжье». – Самара: АРТЕЛЬ, 2011. – С. 36.

Социальное государство: диалектика и практика становления

Левашов В.К.

Центр стратегических социальных и социально-политических исследований

ИСПИ РАН, Россия, Москва.

Тезисы подготовлены по результатам исследований, поддержанных РГНФ, грант № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

Практика и теория социального государства в единстве гражданского общества и правового государства складывалась из многих составляющих социальной реальности и отражает сущность и логику развития социально-политических процессов, происходивших в мире на протяжении многих веков. **Социализация государства и этатизация общества resultируются в эффектах проявления и становления социального государства, протекают как медленный, сквозь века идущий процесс солидаризации и практической реализации жизненных интересов членов общества – граждан посредством оптимизации правовых институтов собственности и механизмов демократического управления.**

Государства с развивающимися системами гражданских, политических, правовых и др. институций появилось в глубокой древности (Древний Египет, государства древней Месопотамии, Шумер и Аккад, Ассирия, Вавилон, государства долин Инда и Ганга, Древний Китай, древнегреческие полисы, Древний Рим, государства автохтонных народов Северной Америки) как результат общественного разделения труда, выделения из простого собирательства земледелия, скотоводства, ремесла, торговли. **Государство возникло как гарант гражданских отношений, в основе которых лежат отношения собственности.**

Многообразие форм собственности, а вместе с этим изобретением цивилизации многообразие гражданских и государственно-правовых отношений прорастает сквозь века и уходит в своём развитии в будущее. **Институт собственности развивается по законам социального мира – устойчивость государства зависит от единства многообразия социально-экономических форм**

собственности и поддержания актуального баланса интересов граждан, обладающих этой собственностью.

В основе древнейшей системы самоуправления славянской общины лежало копное право. Копа как единство множества домохозяйств выступала в качестве первичной ячейки гражданского самоуправления. **Копа в своей философии, традициях, социальной сущности и практиках является предтечей социального государства.**

Этапом становления социального государства в единстве гражданского общества и правового государства стало развитие сословной демократии в средние века. В 1215 г. английские бароны заставили короля Иоанна Безземельного подписать Хартию вольностей, которая по сути дела стала Декларацией политических свобод зарождающейся буржуазии в недрах сходящего с исторической сцены феодального общества на Британских островах. Великая Французская революция сделала возможным принятие Учредительным собранием Декларации прав человека и гражданина, в которой были выражены социальные и политические интересы буржуазии, крестьянства и городского плебейства: свободы личности, слова, совести, равенства граждан перед законом, права на сопротивление угнетению. Это были первые шаги европейцев на пути к социальному государству.

Фундаментальные противоречия между провозглашенными лозунгами и неравноправными социальными отношениями, утвердившиеся после победы буржуазных революций в Европе, увидели и вынесли на суд общества социалисты-утописты и просвещенные мыслители XVIII века. Детальный анализ ограниченного характера социального государства буржуазной демократии дали в своих работах К. Маркс и Ф. Энгельс.

Американский экономист Дж. Гэлбрейт считает, что начало процессу становления государства всеобщего благоденствия было положено в Германии в 1870 году и явилось следствием революционных настроений германского рабочего класса [1, 80-81]. Противоречивый характер социальных реформ О. Бисмарка дал повод Ф. Энгельсу назвать их «прусским социализмом».

Мощнейшим импульсом, резко ускорившим эти процессы в XX веке, стала Великая российская революция 1917 года. Она дала новый толчок развитию новых механизмов и инструментов социального государства посредством возникновения советской формы демократии и впечатляющих результатов социальной политики советского государства.

В 30-е годы не только в России, но в других странах, в первую очередь промышленно-развитых, начались интенсивные поиски новых социально-политических технологий. Историческая, национальная, социокультурная специфика в каждой конкретной стране по-своему отражалась в социальных инновациях, формах, механизмах взаимодействия общества и государственных институтов. Но сутью и направлением этих процессов было общее стремление – избежать крупномасштабных социальных конфликтов путем согласования интересов, раздела ресурсов и создания эффективных социально-политических механизмов на национальном и международном уровнях.

В США правительство президента Ф. Рузвельта в 1933–1938 годах для ликвидации социальных последствий мирового экономического кризиса и смягчения противоречий американского капитализма проводило политику «Нового курса», которая сочетала методы по усилению государственного регулирования национальной экономики и активной социальной политики. В основе этой политики лежали идеи Дж. Кейнса, основоположника теории государственного регулирования экономического цикла.

В первой половине XX века, еще во времена господства национал-социализма, идеи социального рыночного хозяйства получили развитие в школе неолибералов в Германии. В 1932 году Александр Люстов сформулировал принципы неолиберализма. В 1937 году профессора Франц Бель, Вальтер Ойкен и Ганс Гросман-Дерт начали публикацию серии работ, в которой показывали, что основная задача государства заключается в осознанной необходимости формулирования социально ориентированного политического и экономического порядка. А. Гитлер использовал эту потребность в своих целях. Пообещав

немцам рай за счет других наций, он стал добиваться мирового господства на основе антигуманной национал-социалистской идеологии.

Очевидно, что ни И. Сталин, ни А. Гитлер, ни Ф. Рузвельт не абсолютизировали методы тотального администрирования в политической и экономической жизни своих стран. Это были вынужденные политические мобилизационные социальные технологии, вызванные задачами концентрации военной и экономической мощи в период II мировой войны.

Во второй половине XX века теоретические и практические поиски путей строительства социального государства как средства, позволяющего избегать новых глобальных конфликтов, начались практически во всех идейно-политических течениях общественной мысли – от консервативных либералов до ортодоксальных и левых коммунистов. Именно это обстоятельство позволило известному политологу либеральной ориентации Ральфу Дарендорфу констатировать: история последнего столетия, особенно последних тридцати лет, показывает, что сопротивление правящих групп заканчивалось признанием тех ценностей, которые они раньше отвергали. «В своих лучших возможностях XX век был социал-демократическим. Таким его сделали не одни социал-демократы. В конце концов мы (почти) все стали социал-демократами» [2, 11-12].

Заслуга практической реализации социального рыночного хозяйства в ФРГ принадлежит Людвигу Эрхарду и статс-секретарю Федерального министерства экономики профессору Альфреду Мюллер-Армаку. Именно они создали организационные предпосылки возникновения феномена «германского чуда».

Социально ориентированное рыночное хозяйство возникло и успешно развивается в Японии. Факторы производства: труд, земля и капитал в оккупированной Японии были удачно наложены на систему национальной корпоративной нравственности и этики.

Свою особую траекторию в мировом социальном движении нашла шведская модель развития, основные узлы и конструкции которой были заложены

У. Пальме в 1975 г. Основная цель шведских социал-демократов сформулирована Э. Вигфорсом и отражает идеи функционального демократического социализма – «изменить экономическую организацию буржуазного общества таким образом, чтобы право принятия решения на производстве находилось в руках всего народа, чтобы большинство освободилось от власти меньшинства, владеющего капиталом, и на основе нового типа экономики создало общество, основанное на сотрудничестве граждан на принципах свободы и равноправия» [3, 10].

Второе дыхание получила китайская социалистическая модель развития после того, как традиционные формы социальной организации общества, регулируемый государством рынок и созданный в мобилизационный период развития индустриальный потенциал были задействованы в балансе интересов общества, государства и личности. Китайское государство нашло механизмы социального развития, которые позволяют обеспечивать в обществе устойчивый консенсус интересов и высокую мотивацию труда.

Традиции, уходящие вглубь веков, и масштабные заделы в социально-политической реальности, работающие на социальное государство, имеет российское общество. В фундаменте развития государственности в нашей стране лежала община как форма организации жизнедеятельности славянских и русских племен. Идея социального и производственного самоуправления проходит через общину, вече, земские соборы, институты земства к Советам народных депутатов, органам местного самоуправления и является основой политики и практики социального государства в России. **Сердцевиной этой социальной традиции – технологии, развивавшейся через века, является служение народу и Отечеству, контроль за исполнительной властью – чиновничеством, бюрократией, чрезмерным обогащением в ущерб интересам общества.**

Если на Западе реализация прав и свобод человека, как правило, шла на принципах индивидуализма сверху, через институты государства или церкви в интересах растущего богатого меньшинства, то в России на протяжении веков она осуществлялась через коллективизм русской общины, которая в лучшие

времена на самом нижнем социальном горизонте традиционно обладала такими демократическими инструментами и правами, о которых не могла и мечтать любая средневековая европейская демократия: полное самоуправление, невмешательство центральной власти, гласное единодушное решение дел на сходке, совместное владение землей. Еще в VI веке византийский летописец Прокопий Кесарийский писал, что славянские племена «не управляются одним человеком, но издревле живут в народоправстве (демократии), и поэтому у них счастье и несчастье в жизни считается делом общим» [4, 344-345].

Русское национальное и гражданское самосознание, впитало в себя ценности и традиции тысячелетнего исторического опыта социокультурной коммуникации с другими народами, сформировало социополитическое ядро культуры самого большого в мире государства эпохи модерна и постмодерна. Российское сознание на протяжении последних четырех веков формировалось в условиях сменяющих друг друга военных побед и поражений. Многократное чередование социальных и экономических подъемов и спадов в развитии, периодическое прохождение общества и государства через кризисы и катастрофы, социополитические «оттепели» и «зимы» создали сущностное своеобразие великой русской политической культуры, привели к закалке и стойкости русского духа: знаний, памяти, ценностных ориентаций, убеждений, веры и воли. Время и интенсивный исторический опыт выковали русский национальный характер и его стратегию жизни: довольствоваться малым и собирать ресурсы для великого – во имя правды и социальной справедливости. Эта жизненная патриотическая гражданская стратегия продолжает работать и сегодня в обстановке «радостей» и «ужасов» современного российского капитализма, в условиях разворачивающихся процессов цивилизационной глобализации.

Литература:

1. Гэлбрейт Дж.К., Меньшиков С. Капитализм, социализм, существование. - М.: Прогресс, 1988.

2. Социал-демократия в конце 80-х годов. Научно-аналитический обзор. ИНИОН, М., 1990.
3. Проект новой программы социал-демократической рабочей партии Швеции. Реферативный сборник. М., ИНИОН, 1990.
4. История СССР с древнейших времен до наших дней. - В 12 т. - М., 1966.

Центры молодежного инновационного творчества как форма производственной поддержки проектной деятельности молодежи

Лось Н.А.

ГК АКИГ, Россия, Москва

С 2012 года в рамках Программы государственной поддержки малого и среднего предпринимательства Минэкономразвития России реализуется проект по созданию и обеспечению деятельности центров молодежного инновационного творчества.

Приоритетным направлением выступает – некоммерческое использование оборудования детьми и молодежью с целью приобретения навыков работы на высокотехнологичном оборудовании. Получателями субсидий федерального бюджета являются субъекты малого предпринимательства. Максимальный размер субсидии составляет 10,0 млн. рублей на одного получателя, а с 2013 года – 7 млн. руб.

Субсидии федерального бюджета направляются только на приобретение высокотехнологичного оборудования (с комплектом запчастей и расходных материалов), электронно-вычислительной техники (оборудования для обработки информации), программного обеспечения, периферийных устройств, копировально-множительного оборудования, обеспечение связи. По итогам реализации мероприятий планируется создание 54 центров.

По результатам конкурсного отбора в 2014 году из федерального бюджета на финансирование мероприятий выделено 111 млн. рублей 13 регионам на создание 29 центров, в том числе наибольший объем средств федерального бюджета на реализацию данного мероприятия получили: Респуб-

лика Башкортостан (22,4 млн. рублей), Республика Мордовия (12,7 млн. рублей), Пензенская область (16 млн. рублей), Саратовская область (16 млн. рублей).

Основными направлениями работы ЦМИТ выступают:

- обучение молодежи работе на новом современном оборудовании, внедрение образовательных программ, нацеленных, в том числе, на развитие проектного мышления, навыков исследовательской и проектной деятельности, анализу экономической эффективности создаваемых изделий, прототипирования образцов и т.д.;
- отбор и подготовка кадров для работы с молодежью из числа изобретателей, инженеров различных специальностей, дизайнеров, предпринимателей, преподавателей вузов и педагогов школ; создание команды ЦМИТ, способной реализовать на практике основные цели и задачи деятельности ЦМИТ;
- отработка механизмов вовлечения целевой аудитории молодежи в инновационную деятельность Центра на основе принципа открытости для всех желающих в возрастной категории детей от 10 лет до 24 лет, имеющей свои реальные проекты и идеи;
- проведение регулярных обучающих мероприятий и реализация обучающих программ в целях освоения возможностей оборудования пользователями Центра молодёжного инновационного творчества;
- организация конференций, семинаров, рабочих встреч, выставок и т.п.;
- формирование базы данных пользователей Центра молодёжного инновационного творчества;
- взаимодействие, обмен опытом с другими Центрами молодёжного инновационного творчества в Российской Федерации и за рубежом.

В настоящее время во многих регионах России назрела потребность в современных Центрах молодёжного инновационного творчества, которые могли бы предоставить творческой молодежи и малым инновационным компаниям

доступ к технологиям и оборудованию современного цифрового производства и центрам прототипирования. В мае 2012 года Министерство экономического развития РФ был объявлен конкурс на создание Центров молодежного инновационного творчества, взаимодействующих с международной сетью Fab Lab. Эта инициатива направлена на создание в России собственной саморазвивающейся сети Центров молодежного инновационного творчества, интегрированных в мировое технологическое развитие.

Первым практическим примером сети Fab Lab является проведение исследований, и оно же самое «некоммерческое» направление из всех функциональных направлений деятельности Fab Lab. Второй пример это деятельность в сфере образования. Данное направление тесно связано с предыдущим, если реализуется в исследовательских университетах. В таких вузах исследовательская деятельность является неотъемлемой частью учебного плана для студентов и аспирантов. В вузах, осуществляющих подготовку инженеров, Fab Lab является площадкой, в рамках которой студенты инженерных специальностей, не покидая стен учебного заведения, могут получить практические навыки работы с самым современным цифровым производственным оборудованием и программным обеспечением. Третье - решение локальных проблем. К примеру, в Индии был реализован проект по созданию датчика качества молока, в Гане создана маломощная турбина, позволяющая генерировать электричество из пара, полученного нагреванием воды с помощью солнечного света, а в Афганистане реализован проект FabFi – сеть передатчиков сигнала Wi-Fi, снабженных большими самодельными параболическими антеннами, для покрытия значительной территории беспроводным интернетом.

Разработками афганской Fab Lab воспользовались в Кении, где локальная беспроводная сеть была реализована уже на коммерческой основе. Решение локальных проблем при определенных условиях может лечь в основу и коммерческой модели. Четвертое - удовлетворение потребностей творческого сообщества. Fab Lab реализуются в рамках коммерческой модели в регионах с высокой концентрацией специалистов в области искусства.

Самыми яркими примерами подобных лабораторий являются лаборатории в Барселоне и Амстердаме. В Детройте, США, в Fab Lab приглашаются художники на длительный срок, в течение которого за определённую плату они получают неограниченный доступ к оборудованию Fab Lab и консультациям сотрудников, что значительно расширяет возможности для реализации их арт-проектов. Пятое - удовлетворение потребностей технологического сообщества (изобретателей, учёных, предпринимателей). Fab Lab развивают инженерное мышление и популяризируют техническое творчество, создают условия и среду для развития будущих высококлассных инженеров, изобретателей и инновационных предпринимателей. Fab Lab может оказывать различные услуги уже существующим технологическим компаниям своего региона. Эти услуги связаны, как с предоставлением оборудования и площадок для изготовления функциональных прототипов изделий, так и с консультированием по вопросам использования оборудования и программного обеспечения.

Одним из примеров эффективной реализации проекта по созданию и обеспечению деятельности центров молодежного инновационного творчества. Является ЦМИТ «СуперЛаб», запущенный на базе Коммуникационной группы АМС (в составе Группы компаний АКИГ).

Основными направлениями Центра станут ракетостроение (изучение принципов ракетостроения и космического комплекса) и биомеханика (использование технологий в лечении и изучении человека, животных; изучение человекоподобных роботов, механики их движения и принципов работы). Центр открыт для всех желающих (школьников, студентов, аспирантов, молодых ученых, предпринимателей), но ориентирован при этом в большей степени на школьников и студентов.

Для популяризации деятельности Центра и вовлечения молодежи в научно-техническое творчество специалисты центра организуют презентации возможностей оборудования ЦМИТа. Специально разработанные экскурсионные форматы в ЦМИТ для детей школьного возраста позволяют дать теоретические знания о современном оборудовании и практический опыт использования того

или иного станка. Кроме того, специалисты центра проводят выездные площадки включаясь различные партнерские мероприятия, такие как: форумы, конференции, выставки и прочее.

С сентября 2016 г. планируется запуск долгосрочных образовательных программ в формате тематических курсов, которые также направлены на популяризацию технического творчества в среде молодежи.

На сегодняшний день ЦМИТ «СуперЛаб» оснащен оборудованием для 3D-моделирования - 3D-принтерами, 3D-сканерами, 3D-ручками и специализированным программным обеспечением, а также для лазерной гравировки и резки. Кроме того центр располагает оборудованием для обработки дерева и мелких металлических деталей.

**Демократизация механизмов государственного управления
избирательным процессом: роль института международных избиратель-
ных стандартов**

Лужикова Е.А.

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко, Украина, Киев

Актуальность исследования международных избирательных стандартов продиктована как их фундаментальным значением, так и специфическими характеристиками представленного феномена.

Основой создания данного института стал принцип «добровольного отказа» в политике, когда в условиях вызовов глобализации, государства делегируют часть своих полномочий в области политического развития на международный уровень и добровольно принимают выработанные данными организациями рекомендации и требования к избирательному процессу. Таким образом, необходимость существования международных избирательных стандартов обусловлена тем, что вопросы политического устройства государств на сегодня выходят за пределы национальных границ [4, с.16].

Вместе с тем, международные избирательные стандарты являются некими «критериями» оценки качества функционирования института выборов на

различных уровнях политики и определенной системой координат в области развития национальных законодательств.

На сегодня с учетом глобальных политических изменений и опыта проведения демократических выборов, накопленного в различных странах мира, крайне актуальным для мирового и научного сообщества становится вопрос изучения анализируемой совокупности норм.

В процессе имплекации международных норм на национальный уровень ключевым моментом становится способ их «юрисдикции», то-есть создание соответствующей нормативно – правовой базы и контроль за исполнением заложенных в ней норм.

Здесь особая роль принадлежит не только законодательной деятельности соответствующих органов, но правоохранительных органов и судебных структур, а так же таким государственным механизмам защиты избирательных прав человека.

Государством должны быть созданы специализированные независимые структуры для проведения выборов – избирательные комиссии, под руководством которых осуществляются все избирательные действия и процедуры в рамках их компетенций. Статус и механизмы осуществления деятельности этих комиссий должны быть подробно описаны в соответствующих правовых актах.

Правоохранительные органы, в свою очередь, обязаны пресекать нарушения фундаментальных политических прав человека. Особое внимание следует обратить на их роль в контроле за ходом избирательной кампании, в частности деятельности кандидатов.

Что касается судебных органов, то в избирательном процессе они являются гарантом реализации политических прав граждан. В их компетенцию должны входить решение споров, складывающихся в ходе выборов, а так же осуществление правосудия в случае нарушения существующих правовых норм [2, с.105].

В целом, в процессе организации выборов, деятельность государства

должна соответствовать следующим принципам:

1. Соблюдение хронологических рамок и процессуальных стадий выборов, их последовательность, закрепленных в государственном законодательстве.

2. Соблюдение гласности, что означает публичный характер деятельности уполномоченных на проведение выборов органов.

3. Соблюдение «строгой документальности», т.е. полное документальное фиксирование деятельности уполномоченных органов.

4. Соблюдение законности, в частности, невмешательство органов государственной власти в избирательный процесс, если это выходит за рамки их полномочий [1, с.63].

О реализации вышеуказанных принципов электоральной демократии можно говорить только при условии соблюдения данных критериев: всеобщее, равное избирательное право; прямые выборы; периодичность выборов; открытость, гласность и справедливость избирательных процедур [6, с.55].

Однако, несмотря на общность взглядов международных объединений на принципы организации выборов, с содержательной точки зрения их трактовка в нормативно-правовых актах различается.

Именно проблема систематизации и универсализации международных избирательных стандартов является самой спорной и тяжелой в разрешении.

Остро ощущается нехватка единой терминологии, и унифицированных электоральных процедур: методик подсчета голосов, учёта избирателей, критериев финансирования избирательных кампаний кандидатов, политических партий и контроля за таким финансированием, принципов обеспечения свободного и независимого наблюдения за подготовкой и проведением выборов, принципов деятельности политических партий и средств массовой информации в избирательных кампаниях, принципов формирования и функционирования избирательных органов, отсутствие четкой методологии оценки проведения электоральных процедур и закрепления их в соответствующих международных ак-

тах приводят к хаосу в международных отношениях, связанных с защитой политических прав граждан [3, с.79].

Расплывчатость формулировок международных избирательных стандартов становится причиной повышения международной напряженности, ведь следствием этого становится проблема «исключений из правил», когда определенные национальные избирательные практики (такие как принцип «пропорционального представительства», во время предвыборной агитации, голосование по доверенности, обязательное голосование и т.д.) не могут оцениваться с точки зрения правомерности, что потенциально ведет к отходу от соблюдения прав человека отдельными государствами [7, с.30].

Здесь же можно упомянуть об отсутствии эффективного механизма международных санкций за нарушение государством принципов международного права (ярким примером является «рекомендательный характер» решений Европейского суда по правам человека) [5, с.18].

Таким образом, в отсутствие четко прописанных процедурных механизмов институт международных избирательных стандартов не выполняет своей основной функции.

Литература:

1. Автономов А.Ю., Бузин А.С. «Российские выборы в контексте международных избирательных стандартов» // М.: Независимый институт выборов, 2005. – 104 с.
2. Борисов И.Б. Соотношение норм международного и внутригосударственного права в вопросах избирательного процесса // Журнал российского права. 2002. №4. – С. 104 – 108
3. Веденеев Ю.А., Миронов Н.М. Современное избирательное право: понятие и система // Вестник ЦИК России. 2004. № 8. – С. 76 – 84
4. Вылегжанин А.Н. Становление глобального правового пространства в 21 веке // Международные процессы. 2010. № 2 (23) – С. 15 – 29

5. Любарев А.М. Проблемы систематизации международных избирательных стандартов // Московский журнал международного права . 2009. № 3. – С. 5 – 25
6. Кофман Б.Я., Баймуратов М.О. Міжнародні виборчі стандарти: досвід системного дослідження // Вісник Центральної виборчої комісії 2013. №1 (25) - С. 53- 57
7. Шемелин А.В. Проблемы реализации международных избирательных стандартов и имплементации зарубежных избирательных моделей в России / А. Шемелин// История государства и права. 2009. №20. С. 29 - 31

Особенности молодежной политики в условиях социальных изменений

Макарова М.В.

*Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия,
Москва*

В последние годы в России возросло внимание общественности к проблемам молодежи, проводятся мероприятия по оказанию молодежи практической помощи в социализации. Однако пока не создано условий для осуществления долговременной эффективной молодежной политики, а влияние государства на ситуацию в молодежной среде не носит системного характера [4].

В современных трактовках под молодежью принято понимать социально-демографическую группу, включающую выделенных на основе обусловленного возрастными особенностями социального положения людей, их места и функций в социальной структуре общества, интересов и ценностей.

Приведенное определение показывает, что основной и неизменной характеристикой молодежи является возрастной признак. В определении молодежи, представленном в первом российском учебнике по социальной политике, этот признак является даже единственным: «Молодежь – это социально-демографическая группа, главной количественной характеристикой которой являются возрастные показатели». В данном учебном пособии

указывается также и возрастной интервал группы, подпадающей под понятие «молодежь» - 16 – 30 лет[3].

Определение молодежной политики, на первый взгляд, не отличается особой сложностью. В «Энциклопедическом словаре» молодежная политика рассматривается как «комплекс специальных мероприятий государства, направленных на создание благоприятных условий развития подрастающего поколения, на адаптацию специфической возрастной социальной группы (с 18 до 25 лет) к общественной и личной жизнедеятельности» .[5]

В целом молодежь представляет собой естественным образом восполняемый и мобильный по своему характеру потенциал для поступательного развития общества в социально-политическом прогрессе. Политические реалии, интересы общества и молодежи в значительной мере учтены при реализации молодежных проектов, в том числе Стратегии государственной молодежной политики в РФ до 2016 г., Стратегии до 2025 г., «Молодежь России» на 2012-2016 годы и т.д.[8]

В настоящее время молодежная политика стала рассматриваться в двух значениях: 1) как «отношение общества, различных его групп, слоев, социальных институтов к молодежи как социальной группе, а также самой молодежи к другим социальным группам, социальным институтам, ценностям общества»; 2) как «особое направление деятельности государства, политических партий, общественных объединений и других субъектов общественных отношений, имеющая целью определенным образом воздействовать на социализацию и социальное развитие молодежи, а через это на будущее состояние общества».[9] Главными направлениями молодежной политики является быть духовно-нравственным, ответственным, стремиться к целостности страны, и гордиться своей Родиной, несмотря на ведение санкций, трудности обусловленными современными геополитическими реалиями.[7]

Государственная молодежная политика в Российской Федерации основывается на конституционных гарантиях равенства прав и свобод граждан, реализация которых в отношении молодежи осуществляется на следующих

принципах:

- ответственности государства за соблюдение прав и законных интересов молодежи;

- приоритетности государственной поддержки молодежи на этапе социального, культурного, духовного и физического развития, выбора жизненного пути, образования, начала профессионально-трудовой и предпринимательской деятельности, создания семьи, приобщения к культурным ценностям;

- ответственности молодых граждан за реализацию ими конституционных прав и обязанностей в процессе деятельности в основных сферах государственной и общественной жизни;

- единства государственной молодежной политики на федеральном, региональном и местном уровнях;

- обеспечения предоставления молодому гражданину гарантированного государством необходимого объема социальных услуг в сфере образования, воспитания, культурного, духовного и физического развития, в области охраны здоровья, трудоустройства, их дополнение и развитие на уровне субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления;

- осуществления поддержки, координации и взаимодействия федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, неправительственных организаций, иных юридических и физических лиц в реализации государственной молодежной политики в Российской Федерации; [6]

Государственная молодежная политика в Российской Федерации осуществляется в целях:

- возрождения России, как государства, обеспечивающего достойную жизнь и свободное развитие своих граждан;

- создания правовых, социально-экономических, организационных условий для выбора молодыми гражданами своего жизненного пути;

- содействия социальному, культурному, духовному и физическому развитию молодежи;

- использования инновационного потенциала молодежи в интересах государственного и общественного развития, в интересах развития самой молодежи;

- недопущение дискриминации по возрасту, защиты прав и законных интересов молодых людей.

Цели государственной молодежной политики реализуются органами государственной власти, органами местного самоуправления. В их осуществлении участвуют неправительственные организации и иные юридические и физические лица.[1]

Для достижения поставленных целей необходимо планировать и реализовывать государственные проекты в силах молодежной политики.

Молодежные проекты разрабатываемые, как органами государственной власти, так и институтами гражданского общества, должны быть ориентированы на сохранение целостности государственного устройства.

Чтобы, разобраться в перспективе реализации молодежных проектов и развития молодежной политики хотя бы схематично, как минимум следует установить:

а) что необходимо изменить в молодежной политике;

б) в каком направлении должны реализовываться национальные и молодежные проекты;

в) на что необходимо ориентироваться для достижения нужного результата или эффекта;

г) что в итоге даст реализация молодежной политики органам государственной власти и обществу в обозримом будущем.[2]

Поэтому, акцентируя внимание, хотя бы схематично у всех заявленных программ, развитие сводится к регулирующей функции государства в сфере национальных интересов.

Литература:

1. Закон г. Москвы «О молодежи» от 30 сентября 2009 года N 39
2. Фролова Н.А., Николаева А.А. Социальные технологии формирования молодежной активности в современном российском обществе 2012 с 51-56
3. В.Т. Лисовский. М. 2006. Социология молодежи: учебник в 2 т. С. 564.
4. Ильинский И.М. Образование, молодежь, человек. М., 2006. – С. 377.
5. Социология молодежи. Энциклопедический словарь, М., 2008. С. 264.
6. Молодежь новой России: ценностные приоритеты. Аналитический доклад Института социологии РАН в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Ф. Эберта в РФ. – М., 2007. [Электронный ресурс] – URL: http://www.isras.ru/analytical_report_Youth (дата обращения 23.04.2016).
7. Положение молодежи и реализация государственной молодежной политики в Российской Федерации: 2002 год/Министерство образования Российской Федерации. М., 2003. – С. 120.
8. Манько Ю.В., Оганян К.М. Социология молодежи: учебное пособие. СПб: ИД «Перополис», 2008. – С. 189.
9. Зубок Ю.А., Чупров В.И. Социальная регуляция в условиях неопределенности. Теоретические и прикладные проблемы в исследовании молодежи, М.: Academia, 2008. – С. 110.

Ресурсный потенциал преодоления рисков управления социальными изменениями в условиях нестабильности

Маликова Н.Р.

*Высшая школа современных социальных наук МГУ им. М. В. Ломоносова,
Россия, Москва*

Преодолены ли многочисленные риски транзитивного перехода социального реформирования, государственного управления в условиях нестабильности? Каков ресурсный капитал управления социальными инновациями в современных российских организационных структурах? В какой мере учитываются в организационном взаимодействии интегративный

ресурсный потенциал национального капитала, который, не является безграничным ресурсом? Прежде всего, необходимо обращение к ресурсному потенциалу *«человеческого капитала»* (совокупности профессиональных знаний, умений и навыков). Затем важно воспринимать ресурсы *«интеллектуального капитала»* (интеллектуальной собственности, опыта сотрудников) как *«новое богатство организаций»* (Stewart, 1997). И, наконец, следует учитывать эффекты *«социального капитала»*, ядром которого является *«социальное доверие»*, определяющее качество социальных связей, на межличностном и институциональном уровнях, взаимное доверие общества и различных структур власти, социальных институтов, оптимизацию организационного взаимодействия, устойчивость экономического роста, социальной стабильности, социально-политической интеграции.

Эффективность органов власти, следование принципам, провозглашенного в Конституции РФ, социального государства является одним из определяющих факторов динамики социально-экономического развития, условий жизнедеятельности россиян. Несомненно, что даже в условиях нестабильности, проблемы повышения эффективности органов власти в РФ остается в числе приоритетных задач реформирования.

Административные реформы, направленные по повышению эффективности органов власти проводятся по четырем направлениям. 1. Развитие интегрированной автоматизированной информационной системы «Управление» (ГАС «Управление»), для совершенствования информационно - аналитического обеспечения принятия управленческих решений, сокращения дублирующих информационных потоков, формирования единого информационного пространства. 2. Реформирование системы общественных советов органам власти предоставлена возможность образовывать их для социального партнерства и участия представителей гражданского общества в обсуждении принимаемых органами власти решений. 3. Разработка и внедрение показателей эффективности деятельности органов государственной

власти, с целью качественного улучшения госслужбы. 4. Противодействие коррупции. Отмечается, что ведется систематическая работа. Однако, к сожалению, осуществляется она, по всей видимости, скорее ~~post facto~~”.

Показателен проект Минэкономразвития РФ по ориентации государственного контроля на общественно значимые результаты. Все бы ничего. Однако, вызывает удивление, что спустя четверть века постсоветского административного реформирования, все еще речь идет лишь о начале работы по разработке показателей результативности и эффективности, которые будут осуществляться (с применением риск - ориентированного подхода) с 2017 года.

Заняты разработкой индикаторов мониторинга межэтнических отношений в ФАДН, «изобретая велосипед», забыв, что задача эта была поставлена не в 2012-ом, а еще в 1992-ом году. Проигнорирован опыт 10 лет эффективной работы Миннаца РФ в условиях нестабильности, преодоления многочисленных рисков по налаживанию многовекторного социального партнерства, достижению межэтнического согласия и межконфессионального мира, урегулирования этнополитических конфликтов. Кстати, ФАДН занимает лишь пятую часть площади здания бывшего Миннаца РФ, на остальном пространстве расположилось Министерство по делам Северного Кавказа, эффективность деятельности которого остается в «тени» общественного внимания.

Как не вспомнить, применительно к нынешнему дню, строки о прошлых ревнителях административных реформ: *«узок круг их интересов, страшно далеки они от народа»*, Все также мала заинтересованность в познании ресурсного потенциала социального капитала, общественного доверия россиян. В то время, как, по мнению Президента РФ В. В. Путина, главным критерием оценки эффективности государственной власти, организаций социальной сферы должно стать общественное мнение самих граждан.

Особую озабоченность вызывает то, что, тем не менее, по данным Левада -Центра, снижается доверие россиян к опросам общественного мнения, к воз-

возможностям учета их результатов, востребованности в реальной политике. Оттого видимо, вдвое выросло число тех, кто совершенно не интересуется опросами общественного мнения (40% - «эти опросы мешают», «публикуются только те результаты, которые показывают деятельность властей в выгодном свете»). Снижается и роль СМИ, как в интенсивности трансляции, репрезентации, так и формирования социально-политической, государственно-гражданской идентичности россиян. Неоднозначны социальные эффекты технологий манипулятивного воздействия на массовое сознание ТВ, с замещением экспертного знания «рейдерским захватом» публичного информационного пространства.

Показательны векторы целевой направленности общественного мнения на актуальные проблемы, которые были сканированы в левадовском опросе накануне проведения «прямой линии» обратной связи с россиянами. политика №1 (14.04.2016), определялись «открытые вопросы» Президенту РФ. Выяснилось, что россияне в первую очередь обеспокоены жизненно важными вопросами социальной политики (41%); затем внимание обращено к экономической ситуации в стране (21%), к теме коррупции, чиновников, произвола олигархов, власти (12%); ЖКХ (11%). На периферии общественного внимания - проблемы образования и науки, локальные проблемы (по 6%), «плохие дороги» (4%). Мало внимания международной политике (4%), проблемам преступности и терроризма (1%). **Внимание россиян обращено к локальным вопросам жизнеобеспечения. Высок уровень этно/мигрантофобии, а реформа ФМС дает мало шансов для ее снижения, после внедрения в специфическую структурно-функциональную организацию МВД. Общественное мнение россиян оценивает многие институты управления, как не эффективные (Левада-Центр, ВЦИОМ, ФОМ).**

Растет потребность в социальном проектировании, прогнозировании и информационно – аналитическом обеспечении социального развития в долгосрочной перспективе. Работа эта возложена на Центр стратегиче-

ских разработок при Правительстве РФ. «Мы стоим на пороге изменений, которые назрели», заявил 20.04.2016, на конференции в НИУ ВШЭ А.Л. Кудрин. Он отметил, что для него необычно говорить о ценностях, институтах и доверии, но ценности и институты являются очень важными и существенно влияют на результаты реформ, а нынешний уровень развития судебной системы, взаимодействия правоохранительных органов и общества, эффективности власти стали препятствием для дальнейшего развития. Что надо делать? Осуществлять программы реформирования управления, с помощью демократических процедур институциональных изменений, с опорой на структуры гражданского общества, укрепляя потенциал социального капитала, общественного доверия к реформам, которые должны осуществляться, как говорилось некогда, *«все, во имя человека, для блага человека»*. Начинать надо с демократизации управления, по возможности, преодолевая привычные, рутинные практики авторитаризма, государственного патернализма в управлении, содействуя полезным инновациям, во всех сферах жизнедеятельности россиян.

Социальное партнерство в муниципальных образованиях

Мальшев М.А.

*Факультет государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова,
Россия, Москва*

Лауреат Нобелевской премии Дж. Стиглиц подчеркивает, что «успешная деятельность экономики... связана не только с энергичным экономическим ростом, но и с общим благосостоянием. Она предусматривает обеспечение работы экономики на благо общества, а не работы общества на благо экономики... Преодолеть власть денег в политике будет нелегко. Но если мы это не сделаем, то мы будем сталкиваться с разочарованием в нашей экономике и в нашей демократии» [1, 19].

По данным мониторинга Центра социально-трудовых прав «Трудовые протесты в России», за четыре месяца 2015 года количество протестов увели-

чилось по сравнению с 2014 годом на 60 % - всего прошло 134 протестных акции. Как полагает ведущий специалист социально-экономических программ ЦСТП П.В. Бизюков, «динамика макроэкономических показателей, рост стоимости жизни, снижение реальной зарплаты и, прежде всего, увеличение безработицы позволяют предполагать, что за сезонным снижением может опять возникнуть резкий рост числа протестов. Количественный скачок уровня протестности 2015 г. не позволяет надеяться то, что ситуация успокоится и вернётся на прежний уровень» [2]. При этом, начиная с 2014 года, в протестах отмечается нарастание стихийности и неорганизованности. «Профсоюзы, которые неплохо контролируют ситуацию в юнионизированных отраслях, вряд ли заслуживают упрека в том, что они снизили активность или боятся включаться в активную борьбу, - отмечает П.В. Бизюков. - Если их и можно в чем-то упрекнуть, то только в том, что они не осуществляют экспансию в отрасли, где нет профсоюзов, не несут туда свой опыт и влияние» [3].

В этих условиях повышается роль социального партнерства как цивилизованного механизма разрешения проблем, существующих в социально-трудовой сфере, и в особенности его территориального уровня.

Вопрос муниципального экономического развития, договорного регулирования социально-трудовых отношений на территориальном уровне приобретает особую актуальность, когда речь идет о смягчении негативных последствий кризисных явлений в экономике для работающих граждан и в целом для населения.

Как справедливо отмечалось в научной литературе, «уровень территориальных соглашений - это тот уровень, на котором возможно комплексное решение социальных и экономических проблем, сочетание отраслевого и территориального подходов» [4, 34].

Рассмотрим на примере Вологодской области, с какими проблемами сталкивается развитие социального партнерства на уровне муниципальных образований и какие возможности оно в себе содержит.

Социальное партнерство – один из важнейших элементов социальной политики Вологодской области, призванный обеспечить социальную стабильность в регионе. По словам губернатора области О.А. Кувшинникова, «Россия испытывает мощное внешнеполитическое давление, что, безусловно, сказывается на всех регионах страны. В столь непростой ситуации мы можем выжить, консолидировав усилия на поддержке государственного курса, объявленного Президентом. Ситуация в Вологодской области, ее социально-экономическая устойчивость во многом зависит от наших договоренностей с политическими, парламентскими партиями, органами власти, общественными организациями и профсоюзами» [5].

В социологическом срезе социальное партнерство – это система цивилизованных общественных отношений, направленных на согласование и защиту интересов представителей различных социальных групп, слоев, классов, объединений, органов государственной власти и местного самоуправления, коммерческих и некоммерческих структур, государственных учреждений [6, 4].

За 2012-2014 годы сторонам социального партнерства удалось добиться ликвидации задолженности по заработной плате во всех организациях города Череповца, за исключением организаций, в отношении которых проводится конкурсное производство. Надо отметить, что в целом по области эта проблема стоит довольно остро. По состоянию на 1 июля 2015 года просроченная задолженность по выдаче средств на заработную плату по данным территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Вологодской области составила 109033 тыс. рублей [7].

Отметим основные проблемы, замедляющие развитие социального партнерства в Вологодской области, как на территориальном, так и на региональном уровне.

Во-первых, это уменьшение количества профсоюзных организаций, действующих на предприятиях, потери в их рядах и, как следствие, снижение роли профсоюзов и их влияния на решение социально-трудовых вопросов.

Во-вторых, это проблема легитимности участия регионального объединения работодателей в заключении территориальных соглашений в районах области.

В-третьих, на территориальном уровне крайне мало отраслевых объединений профессиональных союзов и работодателей, что сказывается на заключении отраслевых территориальных соглашений.

В-четвертых, теневая экономика и сокрытие работодателями реальных доходов в организациях малого и среднего бизнеса негативно влияют на наполняемость и без того скудных бюджетов муниципальных образований (среднее значение показателя поступления собственных доходов в местный бюджет в среднем по области составляет 3,9 тыс. руб. на 1 жителя) [8], на моральный климат в коллективах, провоцирует социальную напряженность.

В-пятых, отраслевые соглашения зачастую воспринимаются работодателями как формальность и не становятся в полной мере действенным инструментом в регулировании трудовых отношений.

В-шестых, следует отметить наличие недооценки роли социального партнерства в социально-экономическом развитии территорий со стороны отдельных глав муниципальных образований области.

В-седьмых, это многолетняя проблема отсутствия «законодательной и иной нормативно-правовой базы, определяющей взаимосвязи системы социального партнерства на уровне муниципальных образований в структуре страны в целом» [9, 38], отмечавшаяся в научной литературе еще в 2005 году.

В целом, современное состояние договорного регулирования социально-трудовых отношений на уровне муниципальных образований характеризуется ещё недостаточной содержательностью соглашений и коллективных договоров, их необязательностью и отсутствием необходимых санкций за их несоблюдение, низкой финансовой обеспеченностью их положений. Очевидно, что стороны социального партнерства должны уделять регулярному контролю выполнения принятых обязательств соглашений и условий коллективных договоров, в необходимых случаях, принимать меры оперативного реагирования.

Многое в решении местных социально-экономических проблем зависит от самих муниципальных образований, которые «в состоянии добиться улучшения ситуации при условии отказа от иждивенческих настроений, развитии собственной инициативы и предпринимательства» [10, 9] - это утверждение И.С. Пильман, сделанное в 2000 г., по-прежнему не потеряло своей актуальности.

Местное самоуправление не может существовать без постоянного использования демократических форм выработки и принятия решений, поскольку оно «представляет собой пограничное явление между государством и обществом, соединяющее их между собой, в нем имеет место сочленение общественных форм и властных полномочий» [11, 3].

Развитие социального партнёрства на уровне муниципального образования позволяет совмещать и регулировать, посредством соглашений, интересы работников и работодателей, органов местного самоуправления и, в силу этого, влиять на социально - экономическое развитие муниципальных образований, способствовать созданию условий, обеспечивающих развитие человеческого капитала, снижение уровня социального неравенства, повышение эффективности производства, стимулирование позитивных трудовых и предпринимательских мотиваций.

Литература:

1. Финансы и развитие. Сентябрь 2014, страница 19.
2. Бизюков П. Мониторинг ЦСТП «Трудовые протесты в России», апрель 2015 // URL: <http://trudprava.ru/monitoring/1452> (25.06.2015).
3. Бизюков П.В. Аналитический отчет "Трудовые протесты в России в 2008-2014 гг." по результатам мониторинга трудовых протестов ЦСТП // URL: <http://trudprava.ru/expert/analytics/protestanalyt/1357> (25.06.2015).
4. Актуальные проблемы развития социального партнерства в сфере труда на современном этапе и предложения по их развитию: аналитическая записка / кол авторов. М.: ИД «АТИСО», 2009, страница 34.

5. Вологжанам будут прививать «санаторный патриотизм» // Губернатор Вологодской области Кувшинников Олег Александрович. URL: http://okuvshinnikov.ru/news/vologzhanam_budut_privivat_sanatornyj_patriotizm/ (25.06.2015).
6. Малышев М. А. Уровень развития социального партнерства в России // Государственное управление. Электронный вестник. 2012. №34, страница 4.
7. Показатели уровня жизни населения и заработной платы на территории области // Департамент труда и занятости населения Вологодской области. - URL: <http://www.depzan.info/relation/standard-of-living/im/index.php> (30.07.2015).
8. Ежемесячный мониторинг социально-экономического развития муниципальных образований Вологодской области на 1 июня 2015 года // Официальный портал Правительства Вологодской области.- URL: http://vologda-oblast.ru/vlast/ispolnitelnaya_vlast/departament_strategicheskogo_planirovaniya_vologodskoy_oblasti/makroekonomika_i_strategicheskoe_planirovanie/ (15.07.2015)
9. Коленков И.И. Муниципальное образование как основа территориального уровня системы социального партнерства // Труд и социальные отношения. Спецвыпуск «Соискатель». 2005. № 1 (28), страница 38.
10. Пильман И.С. Муниципальное развитие: возможности социального партнерства. М.: Фонд «Институт экономики города», 2000, страница 9.
11. Смольков В.Г. Муниципальное образование. М.: АТиСО, 2001, страница

Роль социологических исследований при управлении социальными изменениями в нестабильных условиях

Молдабекова А.Т.

*Институт экономики Комитета науки Министерства образования и науки
Республики Казахстан, Казахстан*

Тенденции конца XX века свидетельствуют о переходном развитии общественной системы к социально ориентированной модели развития социума и

экономики. На этом фоне социальная стабильность общества является одним из важных компонентов стабильности общества наряду с политической, экономической.

Как в экономической сфере, где для выявления ранних источников нестабильности принимаются экономические, математические методы исследования, так и в социологии с помощью социологических методов исследования проводятся диагностика современного состояния социума и прогнозирование возможных социальных отклонений общества для принятия управленческих решений.

Так, социологическое исследование социальной нестабильности общества выделяет кризисное развитие общества и нестабильные состояния социальной действительности в качестве объекта своего исследования. При этом основные интересы данных исследований сосредоточены на выявлении социокультурных механизмов, определяющих поведение как отдельных социальных акторов, так и социальной системы в условиях нестабильного, кризисного развития, а также на изучение изменений соотношений между социальными нормами и патологиями – отклонениям и от нормального в ситуациях риска и неопределенности.

В исследовании социальной нестабильности общества применяются количественные и качественные методы социологического исследования.

С помощью количественных методов устанавливаются причинно-следственные связи между отдельными параметрами, измеряются взаимосвязь фактов и событий.

Например, анкетные опросы позволяют оценить социальное самочувствие общества и возможное протестное поведение населения.

Социальное самочувствие население играет немаловажную роль при выявлении источников социальной нестабильности общества и управления ими. Социальное самочувствие является обобщенным индикатором реакции населения на социальные преобразования. Поскольку люди поддерживают те или иные изменения в обществе, надеясь улучшить свое собственное положение.

ние в нем, оценка восприятия ими собственного благополучия в основных сферах социальной жизнедеятельности является решающим критерием определения направленности (положительной или отрицательной) общественных изменений.

В рамках международного научного проекта [1] социологи исследовали социальное самочувствие населения стран таможенного союза. В качестве индикаторов социального самочувствия выделяли удовлетворенность человека различными аспектами своей жизни и жизнью в целом, его внутреннее состояние (здоровье, настроение, испытываемое чувство тревоги, страха или счастья, оптимизма) восприятие собственного положения в современных условиях и представление о своем будущем. Показатели социального самочувствия были сгруппированы по трем группам: 1) удовлетворенность экономическими, политическими, социальными условиями жизнедеятельности; 2) удовлетворенность различными аспектами своей жизни; 3) внутреннее эмоциональное восприятие своей жизни в целом [2].

Из всей совокупной выборки людей с «хорошим» социальным самочувствием большего оказалось в Казахстане (53%), а меньше всего в России (34%) (Табл.1). Респондентов с «плохим» социальным самочувствием меньше всего оказалось в Казахстане (1,4%), а больше всего в России (4%).

Таблица 1. Количество респондентов с «хорошим» и «плохим» социальным самочувствием, 2010 г.

Страна	Количество респондентов с «хорошим» социальным самочувствием		Количество респондентов с «плохим» социальным самочувствием	
	Кол-во	%	Кол-во	%
Беларусь (N=1800)	779	43,3%	53	2,9%
Казахстан (N=1800)	961	53,4%	26	1,4%
Россия (N=3000)	1021	34%	133	4%

По данным исследования наблюдается что, мужчины, в отличие от женщин, лучше воспринимают действительность и реже попадают в зону пло-

хого самочувствия. Хорошее социальное самочувствие характерно молодым людям до 34 лет. Среди людей с плохим самочувствием преобладают пенсионеры. По семейному положению в группе с плохим самочувствием почти половина респондентов – разведенные респонденты, больше всего таких людей в Беларуси и России. В группе с плохим самочувствием – люди с неполным средним образованием или без образования, а в группе хорошего социального самочувствия треть респондентов имеют высшее образование.

Важным фактором социального и психологического самочувствия является уровень экономического благосостояния. Во всех странах более двух третей респондентов, попавших в зону негативного социального самочувствия, оценивают материальное положение своей семьи как «плохое» и «очень плохое». У половины респондентов данной группы за последние 10 лет ухудшилось материальное положение семьи. В Казахстане и в России около 30% этой группы думают, что и через 5 лет материальное положение их семей ухудшится. В Беларуси эта цифра составляет всего 4% [2].

Основные области, которыми больше всего не удовлетворены респонденты всех стран – это система здравоохранения, затем система социальной защиты и решение вопросов на региональном уровне. Жителей изучаемых стран беспокоят больше социальные проблемы, касающиеся их лично, они меньше беспокоятся о глобальных, общегосударственных проблемах.

Таким образом, для обеспечения социальной стабильности общества властям государств-таможенного союза необходимо уделять внимание решению социальных вопросов таких как: здоровье населения, социальная защита, занятость и т.п.

Качественные методы социологического исследования проводятся для глубокого изучения отдельных тем, ситуации, индивидуальных аспектов социальной практики – реального опыта жизни людей в конкретных обстоятельствах. В этом случае анализу подвергаются данные, полученные путем наблюдения, интервью, экспертного интервью, фокус-группы, case-study и др.

Подробно хотела, остановиться на метод case-study (перевод с англий-

ского «изучения случая»), ориентированный на всестороннее описание исследовательского объекта, которое предусматривает выделение его структурных элементов, фиксацию особенностей их взаимодействий. На этой основе проводится анализ факторов функционирования объекта, выдвигается объяснение его состояния и дается прогноз дальнейшего развития. Объектами могут выступать отдельные случаи, сообщество людей и т.п. [4]. В case-study наиболее часто используются различные виды наблюдения, разговорный анализ, нарративное и глубинное интервью, анализ документов, текстов и визуальных материалов. Нужно учитывать, что case-study как качественная стратегия предполагает сбора данных в реальных, естественных условиях.

К сожалению, качественные методы особо не применяются при выявлении ранних источников социальной нестабильности. Например, с помощью case-study можно исследовать большие трудовые коллективы, где наблюдается критичные социально-трудовые отношения. При тщательном исследовании социально-трудовых отношении внутри трудового коллектива выявляются симптомы дальнейших проблем и предлагаются пути их решения. Необходимо отметить, что толчком почти всех социальных протестов, революции являются социально-трудовые отношения: трудовые конфликты, недовольства работников к заработной плате, условиям труда и т.п.

Подводя итоги, хочу отметить, что если государственные органы с помощью социологических инструментов заранее не будут выявлять ранних источников социальной нестабильности общества и предпринимать соответствующие политические и экономические меры, то социально-экономическая напряженность способствует углублению социальных и этнических конфликтов, что в целом приведет к неопределенности в сфере обеспечения безопасности общества.

Литература:

1. Результаты социологического исследования международного сравнительного проекта «Охрана здоровья в условиях переходного периода: тенден-

ции в здоровье населения и здравоохранения в странах СНГ» (НИТТ-СНГ, www.hitt-cis.net).

2. Заболотная А.А., Алимбекова Г.Т. Социальное самочувствие граждан Таможенного союза, перспективы дальнейших интегративных процессов (результаты социологических исследований) http://www.hitt-cis.net/wp-content/uploads/2011/08/Paper-about-customs-union_Alimbekova-ulzhan_Zabolotnaya-A.pdf Просмотрено 17.01.2016 г.

3. Киблицкая М. Масалков И. Методология и дизайн исследования в стиле кейс-стади. М.: Социологический факультет МГУ, 2003.

Социальная сфера как фактор устойчивого развития

Мурзин А.Д., Мурзина С.М.

Донской государственный технический университет, Россия, Ростов-на-Дону

Современная научная литература нередко отдает предпочтение термину «социальная сфера», прочно заменившему употреблявшееся ранее определение «непроизводственная сфера» [1, 2, 3].

И вместе с тем само определение «социальная сфера» может трактоваться по-разному. К примеру, по мнению одних авторов она представляет собой совокупность отраслей социально-культурного комплекса [2]. Другие исследователи определяют «социальную сферу», как некую совокупность работ и услуг, оказываемых объектами социальной инфраструктуры, или трактуют ее как территориально-отраслевой комплекс, который включает в себя социальную инфраструктуру и сферу социального обслуживания [3].

С учетом того, что главная цель устойчивого развития состоит в повышении качественных показателей жизни населения, то соответственно, задачей эволюции социальной сферы является [1]: во-первых, повысить качество человеческого потенциала, во-вторых, обеспечить стабильность в обществе, без которой невозможно эффективное развитие его экономических процессов. То есть, социальная сфера является неотъемлемой частью и социальной инфраструктуры как комплекс определенных отраслей, и

социального пространства, где реально происходит жизнедеятельность населения, осуществляются процессы общения и взаимодействия жителей.

В связи с этим социальную сферу характеризует в первую очередь конкретные условия и формы жизнедеятельности, рассматриваемые с точки зрения таких показателей, как протяженность, структура и взаимодействие.

В последнее время наряду с традиционными эволюционными факторами появляются относительно новые условия. К ним можно отнести совокупность человеческого капитала, культуру городских сообществ, уровень развитости коммуникаций и их инновационной системы. Поэтому при разработке стратегических планов имеет смысл акцентировать внимание не только на проблемах эволюции экономической системы, но и рассматривать в качестве приоритетных возможности развития систем жизнеобеспечения и социальной сферы, включая здравоохранение, образование, спорт, культуру и т.д. (рис. 1).

Рис. 1. Основные компоненты социальной сферы

Главной задачей развития социальной сферы должно стать повышение качества жизни населения. Само определение «качество жизни» является комплексным, в полной мере описывающим состояние ряда важных для человека факторов, таких как уровень и степень, присущей ему свободы, благосостояния, духовного и личностного развития. Исследователями нередко используются и другие близкие понятия, например «уровень жизни населения».

С нашей точки зрения более уместным будет именно определение «качество жизни населения», так как именно его используют зарубежные

исследователи, что дает возможность проводить сравнение на международном уровне. К основным структурным составляющим этого понятия можно отнести (разделение весьма условно, т.к. они в определенной мере связаны между собой) ряд следующих элементов: уровень продолжительности жизни и показатели здоровья населения, уровень его жизни, а также тот образ жизни, который ведут граждане (рис. 2).

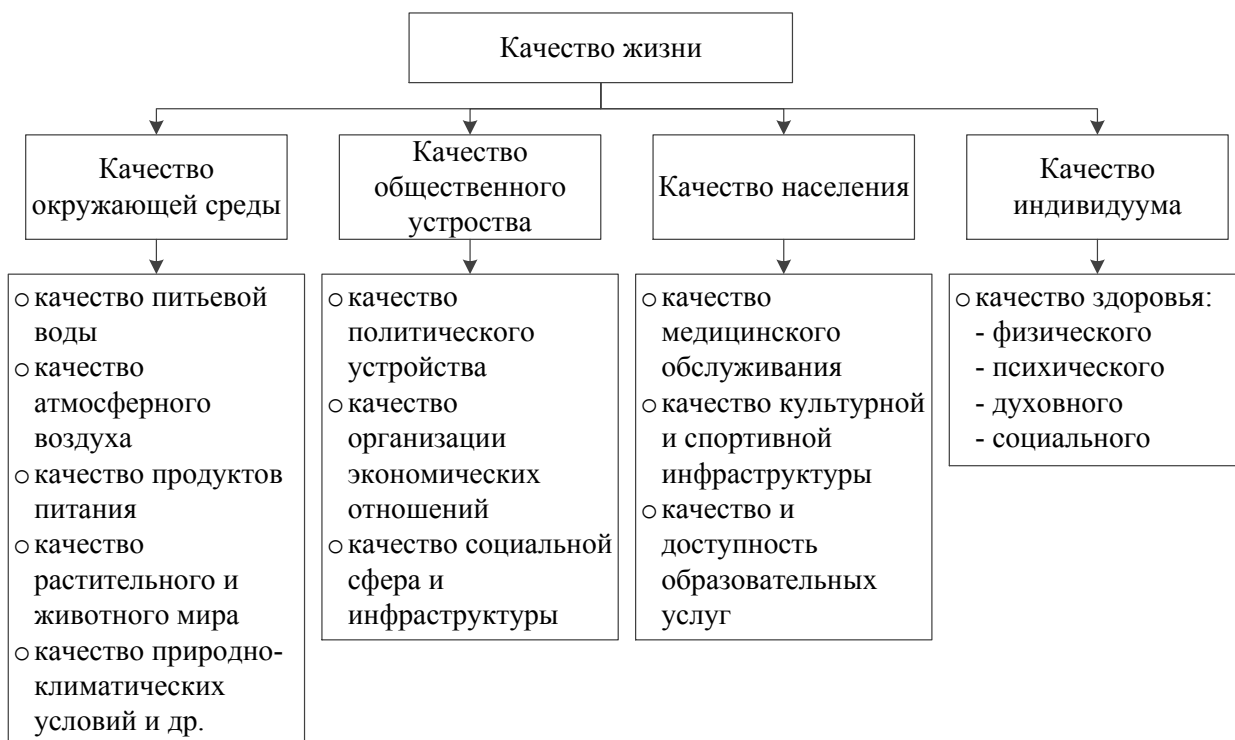

Рис. 2. Структурные элементы качества жизни территории

Проведения анализа жизненного уровня жителей осуществляется как в целом по стране, так и отдельно по территориально-административным единицам, основным социальным группам в сравнении с принятыми в обществе стандартами жизни с учетом оценки уровня дохода, потребления и расхода денежных накоплений, наличия собственности, объектов торговли, культуры, транспортной сети и т.д.

В ходе выполнения анализа могут использоваться разные виды индикаторов. Общую оценку уровня жизни позволяет дать индекс потребительских цен, который отображает колебания стоимости стандартного

набора продуктов и услуг с учетом реальной структуры потребительских издержек за текущий период по отношению к базовому.

Анализ социальной безопасности устойчивого развития предусматривает определение предельных критериев характеризующих состояние социальной сферы. По нашему мнению, данных критерии могут определяться по-разному.

В одном случае могут преобладать требования, которые предъявляются непосредственно к самому существованию индивида, как биологического вида. То есть в расчет берутся минимальные требования к таким критериям, как питание, состояние здоровье и т.д.

Другой подход базируется на социальном развитии личности. Речь идет о минимальных требованиях к уровню образования, социальной защиты и т.д., на которые в целом влияют возможности региональных органов государственного управления и федеральных государственных органов. Этим пороговым значениям свойственна тенденция к росту.

Еще одним аспектом аналитических работ является анализ уровня взаимного влияния экономических, экологических и социальных факторов. В первую очередь представляется очевидным, что степень воздействия социальной сферы на экономическое развитие выражается в виде основополагающих параметров, характеризующих текущую ситуацию. При этом экономические перемены (снижение цен, освоение внешнего рынка и т.д.) образуют фундамент совершенно новых социальных явлений взаимоотношений. К примеру, в некоторых случаях потери важных источников дохода вынуждают сокращать социальные издержки.

Практически также обстоят дела и в плане взаимовлияния экологии и социальной сферы (а точнее, качества жизни граждан). Несмотря на различие подходов к характеристике качества жизни доказано, что принципиальное значение имеет конкретный набор проблем и факторов. К ним, прежде всего, относятся экология и демография. В то же время, так как экологические составляющие отличаются многогранностью, их следует рассматривать лишь в комплексе с экономикой и социальной сферой [1].

Таким образом, в научной литературе практически не уделяет внимания воздействию качества жизни на состояние окружающей природной среды и конкретной экологической ситуации. Гораздо чаще исследуется обратные взаимосвязи – уровень влияния природной среды на качество жизни. Но в современном мире, где именно условия жизни формируют особенности так называемой «среды обитания», сильно возрастает значимость качества жизни, являющегося продуктом прогресса и эволюции.

Литература:

1. Анопченко Т.Ю., Мурзин А.Д., Рогова Т.М., Мурзина С.М. Глобальные риски в аспекте социально-экологической безопасности национального устойчивого развития // Крымский научный вестник. 2015. № 6. С. 10-35.
2. Найденова Р.И. Обеспечение безопасности через устойчивое развитие экономики и социальной сферы регионов // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2007. № 9. С. 19-23.
3. Чоросова О.М. Управление устойчивым развитием образования как объективная социальная необходимость в обеспечении безопасности страны // Мир образования - образование в мире. 2012. № 1. С. 33-37.

Новая социальная политика в РФ: анализ и перспективы

Никифоров И.И.

Факультет политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В ст. 7 Конституции РФ закреплено положение, согласно которому Российская Федерация является социальным государством, «политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

В современных условиях одной из важнейших функций государства является регулирование отношений в социальной подсистеме общества с целью гармонизации взаимосвязей между составляющими его социальными группами и представляющими их институтами обеспечения жизнедеятельности

населения страны в целом, развития социально-культурных отраслей – образования, культуры, искусства, здравоохранения, социальной защиты, степень развития и уровень которых определяют качество жизни граждан. [Васильев В.П. Государственное и муниципальное управление. М. : 2014. С. 207-208.]

Для достижения этих целей, государственная социальная политика призвана обеспечить реализацию двух взаимосвязанных функций:

1. Социальное развитие – наука, образование, здравоохранение, культура, которые мы можем условно объединить в группу «инвестиции в человеческий капитал».

2. Социальная защита – помощь гражданам, оказавшимся в сложной жизненной ситуации.

Характерной особенностью российской действительности является то, что социальная защита населения находится в совместном ведении федеральных органов государственной власти РФ и органов государственной власти субъектов федерации.

При этом важное место в дискуссиях среди экспертного сообщества вызывает вопрос о переходе к новой модели социальной политики, которая, по мнению аналитиков составивших доклад «Стратегия-2020», должна характеризоваться новой моделью роста. А она с вою очередь ориентирована на постиндустриальную экономику, которая включает в себя сервисные отрасли, напрямую связанные с развитием человеческого капитала посредством образования, медицины, информационных технологий и пр. Становится очевидным, что социальная политика здесь тесно переплетается с инновационной политикой и процессами управляемой децентрализации, которые требуют от государства существенного увеличения бюджетных расходов, согласно мнению некоторых экспертов, эта сумма дополнительных расходов должна составить не менее 4 % ВВП к 2020 году. [Василенко И.А. Современная российская политика. М.: 2014. С. 211-212.]

В условиях стагнации экономики и постепенного снижения расходов го-

сударства на социальную сферу, становится очевидным тот факт, что переход к новой социальной политике замедлил свои темпы. Немаловажно будет заметить, что процессы снижения доли населения с доходами ниже прожиточного минимума характерные для 2000-2013 гг. [Данные Росстата. http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/level/#], на сегодняшний день имеют обратную тенденцию. В этих условиях, лица нетрудоспособного возраста, семьи которых живут за порогом бедности, попадают в ситуацию падения качества человеческого капитала, что ведет к общему снижению человеческого потенциала страны.

Таким образом, перспективы перехода РФ к новой социальной политике, на сегодняшний день представляются крайне важными и актуальными для изучения, но при этом теряющими свои темпы, в силу как объективных причин, которые были изложены выше, так и субъективных причин, природа которых может быть раскрыта в терминах: коррупция, кумовство, неэффективность государственного управления.

Социокультурная интеграция как инструмент государственного управления и способ преодоления региональных рисков и угроз

Попов М.Е.

Северо-Кавказский федеральный университет, Россия, Ставрополь

Проблема исследования социокультурной интеграции как инструмента государственного управления и способа преодоления региональных рисков и угроз связана с решением следующих задач: 1) анализом региональных конфликтов как вызовов безопасности и модернизации Северного Кавказа; 3) выявлением факторов эскалации этнической напряженности в северокавказском регионе; 2) концептуализацией социокультурной интеграции в качестве инструмента политики гражданской идентичности и способа разрешения этносоциальных противоречий.

Исследования антиконфликтного потенциала социокультурной интеграции и анализ механизмов адаптации региональных сообществ к изменяю-

щимся условиям российской модернизации являются одними из актуальных в теоретическом и практическом аспектах. Это обусловлено фундаментальным положением проблемы интеграции в социальных науках, а также поиском новых консолидационных ресурсов и способов преодоления региональных конфликтов.

Специфика региональных этнических конфликтов как угроз и вызовов модернизации северокавказского социума заключается в том, что они протекают на фоне столкновения конкурирующих идентичностей и ценностей. В структурном отношении региональные конфликты выступают следствием эскалации социальных неравенств и фрагментаций, угрожающих интеграционным процессам в полиэтническом регионе. Социальная дезинтеграция усугубляет регионализацию Северного Кавказа, порождает аномию, апатию, пассивность населения, а носителей радикальных идеологий подталкивает к этнополитическому и религиозному экстремизму. В качестве факторов, определяющих остроту этнической напряженности и, как следствие, эскалацию региональных конфликтов, выступают этническая мобилизация и регионализация. Основной источник конфликтов на Северном Кавказе – противоречие между системной модернизацией и социальной дезинтеграцией.

Выявление антиконфликтных механизмов социокультурной интеграции связано с необходимостью выработки светской и надэтнической модели консолидации, поддерживающей межэтническое сотрудничество и культурный диалог. Социокультурная интеграция как процесс конструирования и продвижения гражданских ценностей, идентичностей, институтов, позволяющий этносоциальным субъектам бесконфликтно взаимодействовать на основе принципов толерантности, справедливости и равноправия, становится основным методом разрешения региональных конфликтов.

Необходимость государственного стимулирования социокультурной интеграции в полиэтническом сообществе обусловлена ценностными и инструментальными причинами: с этической точки зрения, создание интегрированного «общества для всех» является самоочевидной социетальной целью; струк-

турные факторы интеграции связаны с необходимостью уменьшения культурных и социальных различий, ведущих к социальной фрагментации и оказывающих негативное воздействие на модернизационные процессы и предотвращение этнических конфликтов: социокультурная интеграция подразумевает наднациональную и надрелигиозную гражданскую солидарность.

Социокультурная интеграция как инструмент государственного управления и политики гражданской идентичности находится в зависимости от трех различных, но взаимосвязанных факторов: 1. Признание плюрализма этнических идентичностей в рамках единого нормативно-правового пространства. 2. Представительство этнических групп в целях предоставления гарантии того, что их интересы учитываются в процессе принятия государственных решений. 3. Перераспределение экономических ресурсов между различными этносоциальными субъектами в целях предотвращения социальных неравенств, поляризации, диспропорций, фрагментаций на основе экономического статуса, этнической и религиозной идентичности.

Теория интеграции стремится к сочетанию концептов индивидуальной свободы и групповой лояльности как контр-нарративов насильственной ассимиляции, что можно рассматривать в качестве движения к плюрализму и уважению к культурным различиям на индивидуальном и коллективном уровнях. В этнонациональной сфере социокультурная интеграция формирует рационально-коммуникативные механизмы гражданской консолидации на основе принципов равенства и справедливости. Социальная справедливость, создание «общества для всех», является всеобъемлющей целью интеграции. Справедливость относится к социетальным принципам и ценностям, которые позволяют каждому человеку получать справедливую долю выгоды за справедливую долю ответственности в рамках совместной жизни в обществе. Концепции социальной справедливости определяют гражданское общество как наиболее желательное и достижимое при условии, если права и обязанности распределяются в соответствии с согласованными принципами равенства; это интегрированное бесконфликтное общество, в котором все люди могут принимать участие в соци-

альной, экономической и политической жизни на основе равенства прав и возможностей, справедливости и достоинства. Таким образом социокультурная интеграция снижает этническую напряженность, что связано с высоким уровнем солидарности и безопасности, ослаблением этнической мобилизации и редукцией негативной стереотипизации «других» как «культурных врагов».

При обсуждении антиконфликтогенных механизмов социокультурной интеграции на Северном Кавказе необходимо учитывать следующее. Во-первых, социокультурная интеграция – это политический проект, содержание которого в значительной степени определяется проблемами обеспечения безопасности полиэтнического российского общества. Во-вторых, развитие северокавказского региона после окончания вооруженных конфликтов показывает недопустимость и невозможность ориентации на политический изоляционизм и культурную исключительность той или иной этносоциальной системы. Интеграционные задачи обеспечения социальной безопасности и разрешения региональных противоречий в их наиболее деструктивной форме – конфликтов идентичностей – носят системный общероссийский характер. Социокультурная интеграция в этом аспекте должна выступать в качестве инструмента конфликтного предупреждения – упреждающего воздействия на конфликтную среду путем структурных изменений и рационализации противоречий.

Социокультурная дезинтеграция, вызванная затяжными региональными конфликтами, может быть преодолена целенаправленным конструированием интеграционной гражданской идентичности, культивированием плюрализма и толерантности. В северокавказском социуме стратегия интеграции должна строиться не на ассимиляционной политике и подавлении культурных различий, но на принципах гражданской солидарности и межэтнического сотрудничества.

Определение эффективности реализации принципов социального государства

Потапов В.П.

Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, Россия, Москва

Для относительно полного измерения эффективности реализации принципов социального государства требуется многомерная система показателей, приближение которых к предельно-критическим величинам означает, что социальная сфера находится в состоянии кризиса, и для укрепления стабильности общества объективно необходимо изменение политического курса.

Наиболее важным среди всех социальных показателей является, по нашему мнению, средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении, по которой РФ занимала в 2014 году 151 место в мире (69,1 лет) [4].

В связи с началом «реформ», сопровождавшимся быстрым распадом социальных основ повседневного существования людей, демографическая ситуация в РФ, связанная с ускорением процессов старения и депопуляции нашего населения, значительно ухудшилась. Происходило не только беспрецедентное для мирного времени вымирание народа, прежде всего русского, но и падение уровня и качества жизни абсолютного большинства населения. Россия становится страной бедных и больных людей. Так, по оценке Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) минимальные расходы на здравоохранение должны быть равны 5% расходов бюджета, в России величина этого показателя составляет в бюджете 2016 года 2,7%, а фактическое исполнение бюджета по этой статье с учётом секвестра бюджета будет значительно меньше.

С началом «реформ» реальные доходы россиян снизились, по оценкам специалистов, в 2-3 раза [3]. Социальная практика экономически стабильных стран показывает, что на пороге бедности по объективным причинам могут проживать не более 10% населения. В нашей стране около четверти населения имеют доходы ниже прожиточного минимума, исчисление которого до сих пор вызывает споры у специалистов, считающих, что реальная доля людей, живущих за чертой бедности, достигает 50% (в первом квартале 2016 года прожи-

точный минимум предполагается довести для трудоспособного населения до 10436 рублей, а минимальный размер оплаты труда составляет всего 6204 рубля).

Вместе с тем усилился процесс такого имущественного расслоения социума, при котором богатство и бедность концентрировались на разных его полюсах [1]. Степень социальной дифференциации измеряют децильным коэффициентом (отношением доходов 10% наиболее обеспеченных к доходам 10% наименее обеспеченных), который для сохранения социальной консолидации не должен превышать десятикратной величины.

В России, по официальным данным, в 2015 году данное соотношение составляло 16,8:1, но, если учитывать скрываемые и нелегальные доходы, этот децильный коэффициент возрастет более чем втрое, что чревато социальной нестабильностью [2].

Неблагоприятны и показатели соотношения средней и минимальной заработной платы: в целом по России последняя в 2014 году составляла лишь 14% от средней, в то время как в социально ориентированном обществе она обычно не ниже 40%.

Минимальное отношение средних пенсий и средних зарплат, установленное Международной организацией труда, также не должно быть менее 40%, в России оно в два раза меньше. «Нормативная» доля оплаты труда составляет не менее 60% от стоимости производимой продукции. В России этот показатель - 18%.

Важнейшим следствием углубления социально-экономического кризиса становится безработица. По прогнозам экспертов, безработица в РФ достигнет в 2016 году 6% активного населения, а с учётом колоссальной по масштабам скрытой безработицы реальный уровень безработицы оценивается в полтора раза выше. В западных странах 8-10-процентный уровень безработицы квалифицируется как тревожный. В России ситуация усугубляется тем, что Государственный фонд занятости способен обеспечить реальную поддержку занятости при уровне безработицы около 3%.

Социологи доказали: повышение безработицы на один процент ведет к росту преступности на 5 % и увеличению числа суицидов также на 5%. Всё это сопровождается ростом чрезвычайных и стрессовых ситуаций, следствием которых является эскалация психического травматизма населения. До революции 1917 года в России фиксировалось 3 самоубийства на 100 тыс. населения, критическим уровнем, по оценке ВОЗ, считается 20 суицидов на 100 тыс. населения, в РФ этот показатель превышен почти вдвое.

По уровню финансирования образования наше государство с одной из передовых позиций в мире (в дореформенный период) опустилось в 2014 году на 98 место. Если в 1970 г. ассигнования на образование составляли 20,3% расходов госбюджета, в 1980 г. - 11,1%, то в 2016 году они должны составить всего 3,8% (а с учётом секвестра бюджета будут ещё меньше), хотя по Закону РФ «Об образовании» должно быть не менее 10% (в Японии и США ассигнования на образование составляют около 14%) [6]. По средней продолжительности получения образования (11,7 лет) Россия занимала в 2014 году 49 место в мире (в продвинутых странах мира этот срок составляет 12-14 лет). Следует особо отметить, что в США в расчете на душу населения расходы на образование в 30, а на здравоохранение в 70 раз больше отечественных.

Не лучше в нашей стране ситуация и с развитием культуры. Предельно-критическим уровнем доли затрат на культуру в государственных расходах, принятым в мировой практике, считается 2,5%. В РФ по закону полагается 2%, в бюджете на 2016 год определено 0,6%, а фактически, с учётом секвестра бюджета, будет выделено ещё меньше.

Все эти показатели, в совокупности являющиеся социологическими индикаторами результативности функционирования существующей российской социально-экономической и политической системы, свидетельствуют о низкой эффективности реализации принципов социального государства [5].

Литература:

1. Горшков В.К. Общественные неравенства как объект социологического

анализа // Социологические исследования. - 2014. - № 7. – С. 29-31.

2. Гуриев С., Цывинский О. Россия – лидер по неравенству распределения богатства // Ведомости. - 2012. - 6 ноября.

URL:http://www.vedomosti.ru/opinion/news/5739241/pervaya_sredi_neravnyh (дата обращения: 26.04.2013).

3. Исследование Всемирного банка: В 2014 году Россия переживает экономический спад и кризис доверия. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 2014.04.04. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/04/04/6683/> (дата обращения 27.01.2015).

4. ООН: Индекс человеческого развития в странах мира в 2014 году. [Электронный ресурс] // Центр гуманитарных технологий. — 2014.07.24. URL: <http://gtmarket.ru/news/2014/07/24/6843/> (дата обращения 27.01.2015).

5. Потапов В.П. Повышение эффективности управления – важнейший фактор преобразования России в XXI веке // Политическая система России: развитие в условиях современных внешних вызовов: Сб. материалов всероссийского научно-политического обсуждения за круглым столом в Государственной Думе Российской Федерации 16 октября 2015 года /под ред. А.П. Кошкина. - 2016. – С. 163-169.

6. Тавокин Е.П. Российское образование под прицелом «реформ» // Социологические исследования. - 2012. - № 8. – С. 134-142.

Иерархия прав и свобод в глазах населения

Романович Н.А.

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы при
Президенте РФ (Воронежский филиал), Россия, Воронеж*

В современной политической концепции демократические права и свободы являются основой легитимности существования государственной власти. Права и свободы обеспечиваются властью, оправдывая тем самым её наличие. Чичерин утверждал, что существование прав и свобод невозможно без охраны государства, а следовательно, население должно подчиняться государственным

органам [1].

Обязанность защищать права и свободы государством, а также значимость этих прав подчеркивается в ст. 2 Конституции РФ, где сказано: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина - обязанность государства» [2].

Но вот насколько для населения важны сами права и свободы, которые предоставляет им Конституция РФ? Какие из прав более актуальны, а какие менее?

Представление об этом позволяют получить результаты опроса жителей Воронежской области, проведенного Институтом общественного мнения «Квалитас» в декабре 2014 года методом телефонного интервью по репрезентативной для населения Воронежской области выборке размером 1609 человек. Формулировка вопроса, обращенного к населению, была таковой: «Оцените, пожалуйста, по 10-бальной шкале (где оценка 10 означает высшую степень важности, а 1 – наименьшую степень важности) степень важности лично для Вас следующих прав и свобод». Далее следовал перечень конституционных прав, начиная правом на жизнь и заканчивая правом на информацию (ст. 20-29 Конституции РФ). В результате удалось получить иерархию значимости для населения отдельных статей, гарантированных Конституцией РФ.

1. ПРАВО НА ЖИЗНЬ – 9,44 (ст. 20 Конституции РФ).

Право на жизнь весьма ценно в глазах населения (приближается к 10 баллам), ведь без этого права все остальные права утрачивают смысл. Интересно, что женщины право на жизнь ценят больше, чем мужчины. Наибольшую ценность это право имеет среди жителей областного центра. А по мере уменьшения размера населенного пункта уменьшается и ценность этого права в глазах населения.

2. ПРАВО НА ЛИЧНОЕ ДОСТОИНСТВО – 9,14 (ст. 21 Конституции РФ).

Ценность права на достоинство личности (9,14) в глазах населения несколько уступает значимости права на жизнь (9,44). Право на личное достоин-

ство равноценно в глазах мужчин и женщин. Высшую степень значимости оно имеет в малых городах, самую низкую – в селах.

3. ПРАВО НА ГУМАННОЕ ОБРАЩЕНИЕ – 8,89 (ст. 21 п.2 Конституции РФ).

Право на гуманное обращение предусматривает запрет пыток, насилия и всякого жестокого обращения или наказания. Это право население оценило почти столь же высоко (8,89) как и право на личное достоинство (9,14). На этом праве чаще настаивают женщины.

4. ПРАВО НА СВОБОДУ И ЛИЧНУЮ НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ – 9,31 (ст. 22 Конституции РФ).

Право на свободу и личную неприкосновенность в глазах населения имеет даже более высокую ценность (9,34), чем право на личное достоинство (9,14%) и гуманное обращение (8,89).

Право на личную неприкосновенность и свободу равноценно в глазах мужчин и женщин. Особенно важно это право для жителей сел и деревень, а по мере роста размера населенного пункта значимость этого права уменьшается.

5. ПРАВО НА НЕПРИКОСНОВЕННОСТЬ ЧАСТНОЙ ЖИЗНИ, ЛИЧНУЮ И СЕМЕЙНУЮ ТАЙНУ, ЗАЩИТУ ЧЕСТИ И ДОБРОГО ИМЕНИ – 9,46 (ст. 23 п.1 Конституции РФ).

Право на неприкосновенность частной жизни, охрану личных и семейных тайн менее всего значимо для молодежи. В селах и небольших городах это право ценится выше, чем в областном центре.

6. ПРАВО НА ТАЙНУ ПЕРЕПИСКИ, ТЕЛЕФОННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ, ПОЧТОВЫХ, ТЕЛЕГРАФНЫХ И ИНЫХ СООБЩЕНИЙ – 8,53 (ст. 23 п.2 Конституции РФ).

Можно видеть, что значимость первого пункта статьи 23 Конституции РФ (9,46) для населения почти на бал выше, чем второго (8,53). Иными словами, люди снисходительнее отнесутся к прослушиванию их телефонных переговоров, если при этом гарантируется защита их чести и доброго имени. Показательно, что право на защиту чести (9,46) люди ценят выше, чем само право на

жизнь (9,44). Право на тайну переписки женщинами ценится выше, чем мужчинами; бедными – выше, чем богатыми.

Представленные выше и прочие ответы респондентов были проранжированы по степени значимости.

ИЕРАРХИЯ ЗНАЧИМОСТИ НЕКОТОРЫХ СТАТЕЙ КОНСТИТУЦИИ РФ В ГЛАЗАХ НАСЕЛЕНИЯ

1. право на неприкосновенность жилища – 9,59
2. право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени – 9,46
3. право на жизнь – 9,44
4. право на пользование родным языком – 9,34
5. право на свободное передвижение, выбор места пребывания и жительства – 9,33
6. право на свободу и личную неприкосновенность – 9,31
7. право на личное достоинство – 9,14
8. свобода совести и вероисповедания – 8,99
9. право на гуманное обращение – 8,89
10. право на информацию – 8,88
11. право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими права и свободы – 8,74
12. свобода мысли и слова – 8,69
13. право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений – 8,53
14. право на свободный выезд за пределы РФ и на беспрепятственное возвращение – 8,53
15. право на определение и указание своей национальной принадлежности – 8,18

Подводя итоги, следует сказать, что все права и свободы, отраженные в Конституции РФ достаточно важны для населения – все они получили в среднем от 8 до 10 баллов по десятибалльной шкале.

В начале списка оказались права, связанные с неприкосновенностью жилища, частной и семейной жизни, направленные на защиту достоинства, чести и, наконец, самой жизни.

На первое место опрошенные поставили даже не право на жизнь, а право на неприкосновенность жилища. История этого права восходит к документу «Установления английского права», опубликованного в британском законодательстве в 1628-1644 гг. Именно тогда английский юрист Эдуард Кок прокомментировал это право: «Мой дом – моя крепость». Смысл этого выражения таков: мой дом — это то место на земле, где я могу и должен чувствовать себя в полной безопасности. Очевидно, этот психологический момент для человека всегда был чрезвычайно важен.

В конце списка – свобода слова и передвижения, право на тайну различных способов коммуникации. Самое последнее место занимает право на определение национальной принадлежности, которое связывается не столько с национальностью родителей, сколько с осознанием лицом своей принадлежности к определенной этнической общности, к людям, духовно связанным общим языком и культурой. Но если человек не хочет указывать национальность, он может этого и не делать – в Конституции России закрепляется, что никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. В этой связи паспорт гражданина Российской Федерации в настоящее время не содержит графы «национальность».

Литература:

1. Искра Л.М. Борис Николаевич Чичерин о политике, государстве и истории. Воронеж, 1995.
2. Конституция Российской Федерации. – М.: Ось-89, 2006. - 48с.

Деятельность органов социальной защиты по поддержке социально незащищенных слоев населения в г. Москве

Савченко И.А.

Московский городской психолого-педагогический университет, Россия, Москва

Согласно Конституции РФ, Российская Федерация является социальным государством, деятельность которого нацелена на обеспечение достойного уровня жизни своих граждан. Сегодня перед государством стоят такие задачи как повышение уровня жизни населения, оказание помощи гражданам, не имеющим возможности обеспечить себя минимальным доходом, который хотя бы достигал прожиточного минимума.

Социальная защита является деятельностью, направленной на удовлетворение потребностей граждан, поддержание достойного уровня жизни населения, и, что самое главное, на соблюдение и защиту прав человека. Социальная защита выполняет распределительную и уравнивательную функции, что способствует сокращению уровня социального неравенства, и повышает уровень благосостояния социально незащищенных граждан.

К социально незащищенным слоям населения принято относить граждан, которым необходима социальная поддержка. Такими гражданами являются люди, попавшие в трудную жизненную ситуацию, которую можно определить как совокупность обстоятельств, нарушающих полноценную жизнедеятельность человека, с которыми он не может справиться самостоятельно. Такими обстоятельствами являются инвалидность; слабое физическое состояние, связанное с болезнью или пожилым возрастом, препятствующее самообслуживанию; безработица; бездомность; сиротство; бедность; жесткое обращение и др.

К данной категории, по данным официальных источников, на сегодняшний день можно отнести значительную часть населения города Москвы, которая довольно разнообразна по своему составу и включает в себя инвалидов, пенсионеров, бездомных, безработных, детей-сирот, малообеспеченные и многодетные семьи.

Ориентируясь на нужды незащищенных граждан, государство расширя-

ет сеть органов социальной защиты, образуя новые виды социальных организаций, например геронтологические центры, социально-реабилитационные центры, комплексные центры социального обслуживания и многие другие.

Существуют центры социальной помощи семье и детям, основными направлениями деятельности которых является выявление причин неблагополучия семей и оказание им поддержки, помощь в адаптации детей-сирот, реализация социальной реабилитации детей-сирот, и т.п.

Социальная поддержка может заключаться в предоставлении гражданам социально-медицинских услуг, различных льгот, пособий, компенсаций за оплату услуг ЖКХ, а также в осуществлении социальной реабилитации и адаптации.

В Москве на данный момент функционирует примерно 50 центров социально-психологической реабилитации, работающих с различными группами населения: инвалидами, пожилыми, несовершеннолетними, ветеранами войн и вооруженных сил, бывших заключенных и т.д., открыто 75 отделений социальной реабилитации инвалидов, из них 22 отделения для детей-инвалидов и 10 реабилитационных центров.

В Москве широко развита структура социальных услуг, а главным образом, сеть центров социального обслуживания людей пожилого возраста, востребованность которых в последнее время набирает обороты. Первый центр социального обслуживания был построен в 1989 году, а сейчас же в Москве функционирует 113 таких центров и 9 филиалов в других регионах. [3]

Центры социального обслуживания высоко востребованы среди пожилых людей, так как в их состав входят разные отделения социальной помощи: отделения социального, социально-медицинского, специализированного, срочного обслуживания на дому; отделения дневного пребывания и др.

Больше всего распространены отделения, оказывающие помощь на дому, они работают в основном с одинокими пожилыми людьми и одинокими пожилыми парами, которые не во всех случаях могут самостоятельно за собой ухаживать. На данный момент существует 996 отделений оказания обслужива-

ния на дому, которые помогают 119 тысячам пожилых людей.

Несмотря на то, что система социальной поддержки населения Москвы развита лучше, чем региональная, она все равно имеет ряд недостатков, как свойственных этой отрасли в целом, так и особенных, характерных только для Москвы.

Одной из основных проблем социальной защиты является высокий уровень социального расслоения населения Москвы, выраженный неравенством доходов московских домохозяйств. Несмотря на то, что процент бедных семей в Москве ниже, чем в других регионах, выделяются на общем фоне они сильнее в силу более высокой обеспеченности среднестатистических семей. Одной из причин, осложняющих сокращение уровня бедности в Москве, является низкая осведомленность о существующих в городе пособиях, льготах и программах [1, с. 167].

К проблемам социальной поддержки социально незащищенных слоев населения в г. Москве можно также отнести: недостаточную приспособленность городской инфраструктуры к требованиям инвалидов; противоречие нормативно-правового характера, связанное с распределением обязанностей органов социальной защиты по федеральному и региональному уровням; недостаток финансирования на инновации, способствующие повышению уровня жизни нуждающихся, пассивный и бюджетно-затратный способ социальной поддержки, который не способствует укреплению материальной независимости граждан от государства, а также низкую заработную плату социальных работников, которая ниже средней заработной платы по Москве. Этот факт негативно сказывается на обслуживании социально незащищенных граждан.

Еще одним недостатком является малый процент некоммерческих, благотворительных организаций, ориентированных на социальную помощь гражданам. Несмотря на возрастание числа таких организаций в последнее время, в Москве их всего 1,3% от общего числа, что, разумеется, недостаточно для оказания полноценной поддержки государству. При этом нужно отметить недостаточно высокий уровень взаимодействия государственных органов социальной

защиты с некоммерческими организациями.

Решение указанных проблем требует значительных усилий, как со стороны государства, так и со стороны общества. Увеличение финансирования программ социальной защиты, разработка новых методик сокращения численности социально незащищенных граждан, повышение квалификации работников социальных служб, вовлечение с помощью современных социальных технологий молодежи в волонтерскую деятельность [2, с. 53] будут способствовать совершенствованию социальной защиты населения в г. Москве.

Литература:

1. Баскакова М. Е., Соболева И.В., Токсанбаева М.С. Бедность среди семей с детьми в Москве: зоны уязвимости и приоритеты городской социальной политики // Журнал Новой экономической ассоциации. 2013. № 2(18). С. 164-171.
2. Николаева А.А., Фролова Н.А. Социальные технологии формирования молодежной активности в современном российском обществе // Образование и общество. 2012. №3. С. 51-56.
3. Портал открытых данных Правительства Москвы. [Электронный ресурс]. Территориальные центры социального обслуживания и филиалы. – Режим доступа: <http://data.mos.ru/opendata/602> (дата обращения 15.04.2016)

Социальная стратификация в современной России: основные факторы формирования

Салий Е.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Для анализа стратификационной системы первое, что необходимо рассмотреть, это факторы оценок гражданами России своего социального статуса. Этими факторами являются: заработная плата, душевой доход, соотношение уровня благосостояния индивида и среды, в которой он находится, социальное самочувствие и так далее. Этот набор факторов оценки социального статуса

сильно изменился, причем, сохранив старую конфигурацию. На первое место, после благосостояния (питание, отдых, одежда и прочее), выходит статус родительской семьи. Такая ситуация говорит о том, что увеличилась межгенерационная консервация социальных статусов, произошло закрытие своего рода лифтов социальной мобильности [5; С.27]. Уровень образования родителей оказался тесно связан с социальным статусом. Чем выше статусное положение индивида, тем большее значение он имел. Факторы, которые характеризуют стабильность занятости индивидов и ситуацию на работе являются следующими по значимости. В 2010-2013 годах на первый план выходят характеристики рабочих мест, к которым имеется стабильный и перспективный доступ, определяющийся происхождением индивида. Из этого можно сделать вывод о том, что усилились немеритократический характер и риски остановки (временной) формирования классовой структуры в российском обществе. Если, например, чтобы занять статусную позицию в частном секторе рыночной экономики России, необходимо было иметь личные характеристики, то в современный период они становятся не так важны, на первое место выходит происхождение. Следующие факторы, которые необходимо выделить – напрямую связаны с особенностями рыночной позиции человека и соответственно местом на рынке труда. В эти факторы входят:

- наличие собственного дела или бизнеса,
- профессиональный статус индивида,
- официальная занятость, предусматривающая «белую» зарплату и социальные гарантии.

Важно сказать о том, что между работающими группами, которые откосятся к первичному и вторичному сегментам рынка, формируются глубокие социальные неравенства. Это говорит о некачественной политике государства в сфере занятости. Кроме того, Тихоновой был разработан специальный индекс для определения факторов принадлежности к стратам, имеющим различия по уровню жизни. На основе этого индекса (по состоянию на 2012 год) выделяются 10 страт, которые объединяются в 5 основных слоёв:

- бедствующие (с 1-ой по 3-ю страты, 8- 9% населения);
- малообеспеченные (с 4-ой по 5-ю страты, чуть более половины населения);
- среднеобеспеченные (с 6-ой по 7-ю страты – 21%);
- обеспеченные (с 8ой по 9-ю страты, 15%);
- слой высокообеспеченных, в который входит 10 страта и составляет 1% от общего числа населения России [5; С. 30].

Эти слои характеризуются качественно разными жизненными шансами. У бедствующих и малообеспеченных страт главные различия состоят в степени их маргинализированности, а также люмпенизированнойности. Это непосредственно влияет на возможности выхода их представителей из состояния бедности.

Последнее, о чём необходимо сказать при анализе факторов, которые влияют на вероятность принадлежности к той или иной страте, это место жительства. В мегаполисах и сёлах, представляющих (по своей социальной структуре) полярные локальные сообщества – соотношение нижних трёх и верхних трёх страт составляло в 2012 г. приблизительно 8:1 и 2,3:1. Это означает большой разрыв, который подразумевает разные локальные модели социальной структуры.

Опираясь на данные Лежиной, важно отметить, что в 2012 году малообеспеченные слои продолжали оставаться самой многочисленной группой России:

- в мегаполисах их доля составляла 37%, а если брать совокупность с бедствующими неблагополучными слоями населения 41%;
- тогда как в других областных центрах доля этих слоев была уже больше половины (51%), в райцентрах поднялась до 56%, а в ПГТ и сёлах превышает 60%. [3; С. 25]

Подводя итоги, можно сказать, что стратификационная система новой России характеризуется резким снижением уровня бедного населения. Этот показатель достиг самой низкой отметки за всю историю современной России. Важ-

но отметить и укрепление так называемого «среднего класса». Конечно, показатели не впечатляющие, но даже рост на 3-4% является положительной тенденцией. В это время максимально укрепляются профессионально-статусные отношения, все больше на рынке труда требуются действительно квалифицированные работники, претендующие на высокие зарплаты.

Литература:

1. Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014.
2. Лапин Н. Беляева Л. От стабилизации к интегрированной модернизации России. Аналитический доклад центра изучения социокультурных изменений. М., 2012.
3. Лежнина Ю. П. Социально-демографические причины бедности в современной России // Социологические исследования. 2014. № 1. С. 20–28.
4. О чем мечтают россияне: идеал и реальность / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2013.
5. Тихонова Н. Е. Факторы стратификации в современной России: динамика сравнительной значимости // Социол. исслед. - 2014. - № 10.
6. Тихонова Н. Е. Социальная стратификация в современной России: опыт эмпирического анализа // Эл. Библиотека Гражданское общество в России М.– 2007.

Общность интересов социального государства и установок молодежи в сфере труда

Саликжанов Р.С.

*Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилёва, Казахстан,
Астана*

Социальное государство представляет собой социально-политическое явление, порожденное прогрессивной направленностью и логикой развития современной цивилизации. В результате целенаправленного политико-правового

и социального конструирования типа общества, который позволяет обеспечить более равномерное распределение материальных и духовных благ, удастся выровнять посредством социальных стандартов стартовые возможности граждан и создать для них благоприятную социально-культурную среду обитания.

В целом утверждая принципы социального государства, традиций которого заложены в трудах немецкого ученого Лоренца фон Штайна во второй половине XIX века, а в России продолжена правоведом П. И. Новгородцевым, Конституция Республики Казахстан провозглашает построение социального государства путем активного устремления государством гарантировать обеспечение достойного человека уровня жизни, а также удовлетворения базовых потребностей всех слоев общества согласно существующим стандартам.

В последнее время официальная риторика властей Казахстана, в большинстве своем озвучиваемая президентом Н.А.Назарбаевым, все больше акцентируется вокруг идей развития социальной ценности труда и экономической активности личности. По его мнению, «... весь мир с особой остротой убедился, что ... идеология потребления оказалась губительной. Она породила массовое социальное иждивенчество в развитых странах мира и является одной из главных причин глобального кризиса» [1]. В качестве альтернативы руководство страны предложило идею Общества Всеобщего Труда. Приводимый аргумент о том, что, все ценности мировой цивилизации, все экономические и культурные богатства создаются человеческим трудом, а не виртуальными финансовыми институтами, достаточно бесспорны.

Труд составляет неотъемлемое, объективное условие человеческой жизни, то есть жизни человека в качестве человека. Он выступает как универсальная категория, охватывающая все стороны рефлексии сугубо человеческой деятельности. Являясь исторически основным фактором самосозидания и самореализации личности, но меняющим сегодня свой характер, он позволяет не только по-новому взглянуть на сущность человека и его место в мире, но и осмыслить новое содержание мировоззренческих ориентаций и ценностных установок современного социального устройства.

В этом смысле понятие «ценность труда» используется как синоним понятия «социальная значимость труда». Признание обществом ценности результатов конкретного вида труда и отражение их в приписываемом статусе представителей определенной социально-профессиональной группы [2].

Следует признать, что труд и трудовая деятельность подвержена изменениям в исторических периодах. В зависимости от особенностей экономики в различных странах имеется большое разнообразие профессий и специальностей. Так, например, в Казахстане имеется 219 специальностей и более 2000 квалификации [3], еще более разнообразен Общероссийский классификатор, где определены более 48 тысяч наименований квалификации [4].

В 2013-2014 годах НИЦ «Молодежь» при ЕНУ им.Л.Н.Гумилева реализовал республиканский исследовательский проект по изучению проблем социокультурной адаптации молодежи городов Казахстана. В данной статье анализируются данные массового опроса, проведенного с применением стратифицированной многоступенчатой территориальной кластерной выборки ($N=1200$, точность в $\pm 5\%$ при вероятности $p=0,5$ может быть обеспечена с доверительным интервалом в 95%).

Каким трудом хочет заниматься современная молодежь? Как выяснилось в ходе опроса, работа должна быть по душе и приносить существенный доход. Так, по мнению современной молодежи «хорошая» работа это, прежде всего работа по призванию (31,1%) и с высокой оплатой труда (29,8%). Вопросы карьеры (выбор 22,6 процентов опрошенных) и социального признания (15,8%) менее важны. Следовательно, для подрастающего поколения более важные личные составляющие, нежели общественные факторы восприятия труда.

В тоже время, вполне вероятно, что изменения установок в сфере труда могут иметь новые контексты и принятие новых моделей поведения. Как считает американский исследователь Ф.Фукуяма, общественное признание для человека постиндустриального общества обретает все большую значимость. Трудовая мотивация и стремление к зарабатыванию денег в современных условиях не просто символ материального благосостояния в обществе, а признак социаль-

ного статуса и признания в сообществе себе подобных [5]. Мы думаем, что социальные процессы макросреды личности заставляют искать молодежь возможности пути интеграции требованиям времени и возможностей личности.

Среди опрошенных респондентов работу по призванию чаще выбрали старшекласники (38,7%). Высокую оплату труда – студенты и взрослая молодежь (35,8%). Как видим, с жизненным опытом происходит пересмотр приоритетов связанных с трудоустройством и результатами труда.

В нынешних условиях в казахстанском обществе мы наблюдаем ряд основополагающих изменений: наряду с материальным прогрессом меняется ценностные ориентиры человека, его отношение к самому себе и к своему месту в окружающем мире, главным мотивом деятельности становится совершенствование своего собственного потенциала. Удовлетворив материальные потребности, человек постиндустриальной культуры получает возможность осваивать и культивировать в себе потребности более высокого порядка – потребность в самосовершенствовании и самовыражении. Как утверждает российский ученый В.Л.Иноземцев, «с изменением мотивационной структуры начинает формироваться тип личности, ориентированной не на максимизацию материального потребления, а на достижение внутренней гармонии и совершенства. В этих условиях развитие человека оказывается тождественным развитию производства знаний – главной составляющей богатства современного общества. Круг замыкается; новая система воспроизводства общественного достояния становится самодостаточной и самоподдерживающейся» [6].

Среди способов трудоустройства наиболее распространено прямое обращение к работодателю об этом отметили 36,5% опрошенных. На втором месте службы занятости и агентства по трудоустройству (23,2%). На третьем месте – трудоустройство через знакомых и родственников (17,2%). Находят работу через рекламу в газетах, телевидение и радио только 14,8% респондентов.

В целом мы можем утверждать о наличии в молодежной среде позитивных ожиданий и высокого оптимистического настроения. Так, например, на вопрос «Как Вы смотрите на свое будущее?», значительное большинство ответи-

ли, что им присуще уверенность и оптимизм (66%). Неуверенность и тревогу испытывают около 6% респондентов.

Результаты опроса свидетельствуют, что те респонденты, которые на будущее смотрят с уверенностью и оптимизмом, меньше беспокоятся о возможной безработице. В целом, среди молодежи наблюдается активная жизненная позиция и личная ответственность за свое будущее. Из числа опрошенных 66,5% респондентов рассчитывают на себя, на свою целеустремленность и активность.

Таким образом, можно утверждать, что в целом молодежь Казахстана готова работать и рассматривает труд для достижения своих жизненных целей. В этом отношении социальная политика государства находит благодатную почву. Молодые люди в решении своих проблем рассчитывают в первую очередь на себя, в большинстве своем оптимистично оценивая свое будущее. В целом стремление руководства страны создать позитивный образ человека труда, как основа благополучия каждого и всего общества, находит поддержку в общественном мнении молодежи.

Литература:

1. Назарбаев Н.А. Социальная модернизация Казахстана: Двадцать шагов к Обществу Всеобщего Труда / «Казахстанская правда», 10 июля 2012 год.
2. Саакян А.К. Социокультурная обусловленность ценности труда // Вестник КРСУ. 2011. Том 11, № 2.
3. см.: www.enbek.kz/ru/node/157 (дата обращения 5.03.2016 г.)
4. см.: www.znaytovar.ru/gost/2 (дата обращения 5.03.2016 г.)
5. Фукуяма Ф. Доверие. Социальные добродетели и создание благосостояния // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В.Л. Иноземцева. – М.: Academia, 1999. с. 142-159.
6. Иноземцев В.Л. Современное постиндустриальное общество: природа, противоречия, перспективы. – М.: – «Логос», 2000. С. 36.
7. см.: www.oecd.org (дата обращения 30.03.2016 г.)

8. <http://stat.gov.kz/faces/wcnavexternalId/home> (дата обращения 5.03.2016 г.)

Реализация принципа социальной справедливости как ключевого принципа социального государства

Севостьянова И.Е.

Севастопольский государственный университет, Россия, Севастополь

«Справедливое – середина между двумя родами несправедливости: нарушении закона и неодинаковым отношением к равным»

Аристотель

Принципы социального государства составляют несущую конструкцию всего общества. Эффективная реализация их обеспечивает возможность решения задач стабильного, сбалансированного экономического положения граждан, сохранения в обществе социального равновесия, гарантий социальной безопасности. Справедливость – это глубокое понятие, и в каждой сфере общественной жизни она по-разному воссоздает стремление общества к бесконфликтному существованию. Однако, в любом случае, справедливым считается то, что с равными условиями подходит всем участникам общественных отношений. Справедливость всегда отождествлялась с законом и порядком. Жить справедливо означает жить по закону, установленному государством. Таким образом, справедливость не только формирует общество, но и создает право.

С точки зрения задач государственного управления принцип справедливости означает законное и рациональное использование властных полномочий, защиту прав и законных интересов граждан, удовлетворение их социальных ожиданий. Принцип справедливости в государственной и муниципальной службе конкретизируется в ряде этических норм: никогда не дискриминировать одних путем предоставления льгот другим, не допускать субъективизма в оценке лично-деловых качеств людей и др.

Федеральные законы "О государственной гражданской службе в Российской Федерации" и "О муниципальной службе в Российской Федерации" в качестве приоритетного принципа ставят на первое место приоритет прав и сво-

бод человека и гражданина [1].

Среди человеческих ценностей социальная справедливость занимает особое место как существенная мировоззренческая ценность и понимание того, что действительно является благом для человека и социума. Социальная справедливость является общепризнанной ценностью современного демократического общества, которая закреплена в документах мирового сообщества, в частности в Международных пактах ООН [2].

Сущность социального государства, заключается в признании законных интересов, свобод и прав человека. Это означает, что государство служит обществу и признает равенство социальных прав всех его граждан. Принцип социальной справедливости предполагает, что для всех граждан независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения создаются равные возможности осуществления ими своих способностей; равная оплата за равный труд; равенство всех перед законом и судом при осуществлении правосудия.

Принцип социальной справедливости невозможен без соответствующего регулирования механизма его реализации, который проявляется в следующем: в обществе осуществляется справедливое распределение деятельности (труда); социальных благ (прав, возможностей, власти, вознаграждений, признания), уровня и качества жизни; информации и культурных ценностей. Предпосылки справедливого распределения труда - конституционно гарантированное право на труд, отсутствие социального закрепления тяжелых, вредных, неквалифицированных, малоквалифицированных, нетворческих, исполнительных его видов за теми или иными социально-демографическими, территориальными или национальными группами, равенство возможностей в социально-профессиональном перемещении, в образовании и профессиональном обучении, последовательное осуществление принципа вознаграждения и признания по труду, обеспечение минимального социально гарантированного уровня и качества жизни [3].

Являясь категорией социально - психологического восприятия принципов

и форм организации общества, социальная справедливость, отвечая интересам и потребностям людей, выступает оценкой качества общественных отношений.

Социальная справедливость - это обобщенная нравственная оценка общественных отношений, один из основных общечеловеческих социальных идеалов. При определении социальной справедливости чаще всего ее соотносят с социальным равенством, и в этом контексте социальная справедливость понимается как мера равенства и неравенства в распределении материальных и духовных благ в обществе, статусов и власти, а также в жизненном положении различных общественных групп [4].

Важнейшим показателем социально-справедливой направленности общества выступает характер социальных отношений. Вектор их развития может быть развернутым в сторону усиления неравенства, что приводит к господству одних социальных групп и подчинению им других, и как следствие - роста социальной напряженности. Поэтому, социальная политика государства должна способствовать социальной стабильности и смягчению социальной напряженности.

Главной задачей социальной политики Российской Федерации является достижение благосостояния человека и общества, обеспечение равных и справедливых возможностей для развития личности.

Реальная социальная защита, повышая жизненный уровень малообеспеченных граждан, способствует увеличению их потребительского спроса на товары и услуги, стимулируя тем самым экономический рост. Социальное государство подтверждает высокий уровень сближения целей и гармонизации отношений государственных институтов и общества. Поэтому, на первый план выступает задача разработки механизмов реализации принципа социальной справедливости, на основе которых должны проводиться конкретные практические мероприятия: формирование общей концепции и разработка способов осуществления социальной политики на различных уровнях и обеспечения соответствующих нормативных основ.

Только существование сильного, сплоченного и активного государства

обеспечит высокий уровень социальной защищенности всех граждан, соблюдая требования принципа социальной справедливости, как в законодательстве, так и в реализации его в общественной жизни.

Литература:

1. Омельченко Н. А. Этика государственной и муниципальной службы: учебник и практикум для академического бакалавриата. — Москва. Издательство Юрайт, 2016. 408 с.
2. Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. ООН, 1966-76. Преамбула // Электронный ресурс. Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml
3. Лобанов К.Н. Политология: Краткий тематический справочник. — Белгород: ООНИ и РИД Белгородского ЮИ МВД России, 2005. 73 с.
4. Гриненко А.М. Социальная политика. — Учебное пособие. — К.: Изд-во КНЭУ, 2004. С. 41.

Перспективы формирования единой социальной политики ЕАЭС и уроки европейской интеграции

Селезнёв И.А.

Институт социально-политических исследований РАН, Россия, Москва

В глобализирующемся мире макрорегиональную интеграцию можно рассматривать как метод повышения конкурентоспособности, когда в конкуррировать между собой станут уже не отдельные национальные экономики, а крупные региональные экономические союзы. Поэтому не удивительна потребность как России, оказавшейся подверженной экономическим санкциям, так и других постсоветских государств в евразийской интеграции. Собственно, хотелось бы различать глобализацию мировой экономики как новое качество интернационализации на стадии её предельно возможного развития вширь и региональную экономическую интеграцию как высшую степень развития данного процесса вглубь. В этом отношении представляется, что регио-

нальная интеграция в современных условиях скорее ближе к идее «автаркии больших пространств» Фр. Листа.

Говоря о формировании евразийского социального пространства, констатируем противоречивый характер интеграционных процессов. Так, руководители и Белоруссии, и Казахстана неоднократно заявляли, что ЕАЭС не предусматривает политической интеграции, не уделялось внимания при подготовке договора о ЕАЭС и интеграции социальной. При этом странами ЕАЭС уже в предыдущие годы на межгосударственном уровне и в рамках Евразийского экономического сообщества и Таможенного союза был принят ряд соглашений относительно социальной политики.

Достаточно назвать Концепцию согласованной социальной политики государств-членов Евразийского экономического сообщества (КССП, 2007 г.), обозначившую актуальные проблемы в социально-трудовой сфере и обращающую внимание на то, что решение указанных проблем осуществляется при различных уровнях социально-экономического развития и моделях социальной политики стран-участников.

Тем не менее, провозглашая «поэтапную интеграцию» и создание «единого евразийского экономического и социального пространства» следует разобраться с очередностью форм межстрановой конвергенции. По оценкам специалистов в настоящее время существуют четыре степени межгосударственной интеграции: (1) зона свободной торговли (2) таможенный союз; (3) единое экономическое пространство, общий рынок, международное экономическое сообщество; (4) экономический и (5) валютный союз. Поэтапная реализация этих пяти процессов означает полное осуществление экономической интеграции.

На данном этапе страны ЕАЭС находятся на третьем этапе интеграции (единое экономическое пространство - международное экономическое сообщество - общий рынок). Вот здесь и стоит разобраться, что из опыта ЕС может быть полезно для ЕАЭС. В том числе, в области социальной политики. Ведь объединённая Европа прошла весь этот путь в прошедшие десятилетия. Сего-

дня ЕС столкнулся с рядом непреодолимых противоречий и находится в кризисе. Тут и последствия наплыва переселенцев из стран Азии и Африки, и проблемы неравномерности развития внутри самого ЕС, долг Греции и других стран группы PIGS. Тем не менее, как позитивный, так и негативный опыт интеграции европейских стран, в частности, применительно к становлению социальной системы в ЕС может оказаться небезынтесным.

Как известно, всё начиналось не с социальной интеграции, а с интеграции корпоративной, решавшей заодно проблему безопасности в Европе: учреждение Европейского объединения угля и стали (ЕОУС), Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейского сообщества по атомной энергии (Евратом). Социальная же программа этих евросообществ на раннем этапе интеграции отличалась противоречивостью в целях (политические – социальный консенсус, практические – приспособление рынка рабочей силы к новым условиям хозяйствования). В то время страны-участники евросообществ еще не были готовы к принятию единой согласованной социальной политики, более того, существовали мнения, что она может помешать конкурентоспособности национальных экономик и ущемлять национальные суверенитеты. Однако следует отметить принятие Европейской социальной хартии (1961 г.). Но, по оценкам специалистов, даже после внесённых в хартию в 1996 г. дополнений и обновлений, она носит общий декларативный характер, не предписывающий обязательств участникам договора.

Постепенно, под давлением рабочего движения социальная политика выдвигается в число более важных направлений деятельности евросообществ. Пришло понимание необходимости активной наднациональной социальной политики и в качестве фактора, способствующего формированию экономического и валютного союза и как одного из звеньев будущей европейской системы регулирования экономики. На Парижском саммите стран-участниц ЕЭС (1972 г.) впервые был поднят вопрос о разработке общеевропейской социальной политики, которая рассматривала бы наиболее важные социальные проблемы госу-

дарств евросообществ в комплексе с основными направлениями дальнейшей интеграции. Была принята формулировка, согласно которой цель интеграции должна состоять в создании «социальной Европы», «Европейского социального союза». И, начиная с этого времени, было разработано более 50 директив в области трудовых прав работников, регламентирующих уровень оплаты труда, продолжительность труда и отдыха, продолжительность оплачиваемого отпуска и др. Представляется, что данный опыт важен и для государств ЕАЭС.

Относительно же интеграции социальной политики после образования ЕС, формирования экономического и валютного союза, можно отметить, что хотя решение социальных проблем остаётся в ведении каждого отдельного государства, продолжаются поиски путей унификации социальных систем, гармонизации социальных отношений в ЕС. В совершенствовании социальной политики всё больше внимания уделяется социальной ответственности бизнеса, помимо основных субъектов социального партнёрства возрастает роль НКО.

Выработке общей социальной модели в ЕС способствует наличие следующих факторов: общее интегрированное экономическое пространство с единой валютой, способствующее экономической и социальной стабильности развития и усиления мировых позиций ЕС; общие социально-демографические тенденции на территории ЕС; развитие процессов глобализации и информационных технологий, требующее изменений в формах организации труда и повышения требований к мобильности рабочей силы.

Согласно Лиссабонской декларации развития ЕС в XXI в. в объединённой Европе предполагается формирование вслед за экономическим и валютным и других единых европейских пространств: информационного, научно-технологического, социального, образовательного. Но насколько успешно происходит создание единой европейской социальной модели? Приводятся аргументы, что социальные системы в ЕС во многом несовместимы и наибольшее различие между странами ЕС наблюдается именно здесь. Основной проблемой ЕС в социальной сфере остаётся наличие межгосударственных разногласий в

области согласования законодательств стран-участников в этой сфере. Общая социальная политика ЕС носит скорее рекомендательный характер и, таким образом, создание «социальной Европы» отстаёт от темпов экономической и валютной интеграции.

На сегодняшний день специалисты обозначают, по меньшей мере, три модели, обнаруживающих различие в социальной политике европейских государств: «нордическую» («скандинавскую», «шведского социализма»), «континентальную» («корпоративистскую», «патерналистскую», «социального рыночного хозяйства») и «островную» («англосаксонскую»), связанных с социал-демократическим, консервативным и либеральным пониманием социальной политики, соответственно. А существует ли четвёртая модель - «средиземноморская» («южноевропейская»)? Это остаётся дискуссионным, хотя появление группы стран PIGS свидетельствует, скорее, о существовании «средиземноморской» модели. И еще возникает ряд вопросов, поскольку за чертой рассмотрения оказывается так называемая «Новая Европа».

В пользу формирования единой европейской социальной модели говорит наличие ценностей, разделяемых всеми национальными моделями социальной политики в странах ЕС: конкурентоспособная экономика и экономический прогресс, социальная справедливость, социальная безопасность, социальная солидарность, признание роли социальных партнеров и социального диалога, благоприятная для общества экология, всеобщий доступ к образованию, высококачественное и общедоступное здравоохранение, демократия и человеческое достоинство, отказ от любых форм дискриминации, гендерное равенство. Хотя, собственно, на декларативном уровне большинство этих положений нашли отражение и в документах по социальной политике стран ЕАЭС, в том числе и в КССП.

Итак, ситуация с формированием единой социальной политики стран ЕАЭС соответствует ранним и средним этапам развития европейской интеграции, когда вопросам социальной политики уделялось недостаточное внимание.

Если в Европе 1960-70-х гг. проблемы усиления социальной политики решались путём массовых выступлений трудящихся, то в условиях неразвитости рабочего и профсоюзного движения в сегодняшней РФ, РБ и РК эффективность такого пути гораздо ниже.

В то же время, в условиях внешнеэкономических санкций со стороны стран Запада (включая ЕС), с которыми столкнулась РФ в 2014-16 гг. и с которыми сталкивается Республика Беларусь на протяжении ряда лет, переход на стандарты ЕС в социальной политике, включая положения «Европейской социальной хартии», представляется скорее химерическим. При этом, в ситуации потенциальной изоляции наших стран со стороны Запада скорее будут проявляться те или иные мобилизационные формы, что в конечном счете повышает нормы эксплуатации труда. С другой стороны, сложная международная обстановка диктует потребность в повышении социальной солидарности и снижения социальной напряженности. И здесь вполне следует ожидать инициатив со стороны государства, по старому опыту Бисмарка, обращающегося к активной социальной политике. Ведь в условиях, когда глобализация как процесс, ведущий к снижению суверенитета государств, явно «буксует», обозначаются противоположные, центристремительные и изоляционистские тенденции в политике многих государств и объективно возрастает роль государства (которое ещё рано списывать со счетов) и его патерналистской политики.

Интерпретация угроз национальным интересам РФ

Селиверстова Н.И.

Оренбургский государственный университет, Россия, Оренбург

Социальное государство – вектор развития многих современных стран, в том числе и России, достижим только благодаря деятельности государства, реализуемой им политики. Благодаря социальному аспекту политика превращается в маневрирование между интересами разных общественных групп внутри страны и за ее пределами. От результатов данного маневрирования зависит эффек-

тивность государственного управления и легитимность государственной власти.

Отметим, что именно социальный аспект политики наиболее востребован в настоящее время, так как повсеместно наблюдается необходимость защиты и поддержки государством жизнедеятельности своих граждан. Многие направления государственной политики начинают приобретать социальные аспекты, то есть ориентацию на потребности населения, что находит отражение в исследованиях. Так, отметим статью Л. В. Сухиной «Социальный аспект экономической политики государства» [4, 4-6], в которой отмечено, что внимание к социальным проблемам всегда отличало наиболее дальновидных руководителей государства. Экономическая политика рассматривалась как важное условие роста благосостояния граждан, роста богатства государства, его экономической и военной мощи.

Полагаем, что социальная направленность государства реализуется в рамках каждой его функции. Причем, в рамках каждой функции государственного управления можно определить национальные интересы, которые фиксируются в экологической, экономической, налоговой доктринах, доктрине инвестиционного климата, культурной доктрине, национальной доктрине образования и других [3, 27].

Так или иначе, но при определении национальных интересов нельзя забывать об угрозах их реализации, определяемых одновременно с самими интересами, что приводит нас к практике определения стратегии, которая не может рассматриваться как адекватная без учета угроз ее реализации. То есть речь идет о некоторых барьерах на пути реализации национальных интересов. Последние в масштабе государства должны рассматриваться и как внешние и как внутренние, причем их соотношение постоянно меняется.

Только государство имеет рычаги по охране и реализации национальных интересов и обеспечению национальной безопасности. Совокупность действий по сохранению национальных интересов со стороны государства именуется обеспечением национальной безопасности. Впервые термин «национальная

безопасность» был введен в политический лексикон президентом Америки Теодором Рузвельтом в 1904 году. До 1947 года он употреблялся в смысле «обороны», а не интеграции внешней, внутренней и военной политики. В 1947 году в США был принят закон о национальной безопасности, закрепивший за Советом национальной безопасности функцию координации внешней, внутренней и военной политики, относящейся к национальной безопасности.

Развитие мира идет по пути глобализации всех сфер международной жизни. Между государствами обострились противоречия, связанные с неравномерностью развития в результате глобализационных процессов, углублением разрыва между уровнями благосостояния стран. Ценности и модели развития стали предметом глобальной конкуренции.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года сделан вывод о том, что угрозу национальным интересам России будут представлять:

- односторонний силовой подход в международных отношениях;
- противоречия между основными участниками мировой политики;
- угроза распространения оружия массового уничтожения и его попадания в руки террористов;
- совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической области и в сфере высоких технологий.

Кроме того, усилится глобальное информационное противоборство.

Краткий анализ основных вызовов и угроз безопасности Российской Федерации в условиях современного глобального мира показывает, что существенную роль в их природе и содержании играет военная составляющая.

Угрозами военной безопасности России является превосходство ряда ведущих зарубежных стран в развитии высокотехнологичных средств ведения вооруженной борьбы, формирование в одностороннем порядке глобальной сис-

темы противоракетной обороны и милитаризации околоземного космического пространства.

Кандидат политических наук М. Кучерявый предлагает потенциальные угрозы национальной безопасности России сгруппировать как наиболее актуальные в контексте рассматриваемой проблемы:

- угрозы геополитического и геоэкономического характера;
- угрозы в ресурсной и энергетической сферах;
- угрозы военного плана.

Полагаем, что с учетом значимости экономической составляющей, целесообразно при определении угроз национальным интересам РФ обратиться к данным ежегодного рейтинга глобальной конкурентоспособности (The IMD World Competitiveness Yearbook) – глобальное исследование и сопровождающий его рейтинг стран мира по показателю экономической конкурентоспособности по версии Института менеджмента (Institute of Management Development). Несмотря на некоторое недоверие к иностранным оценкам развития России в современных условиях, отметим проблемы в конкурентоспособности нашего государства, с которыми сложно не считаться – недостаточная эффективность государственных институтов, слабый инновационный потенциал, а также административные барьеры и коррупция [2].

Российское руководство периодически предпринимает попытки если не устранения, то смягчения данных проблем в ходе проводимых реформ и мероприятий. Обратим внимание на социологический подход к восприятию угроз национальным интересам России, воспользовавшись мониторингом индекса страхов ВЦИОМ (рис. 1) [1].

янв.15 фев.15 мар.15 апр.15 май.15 июн.15 июл.15 авг.15 сен.15 окт.15 ноя.15 дек.15 янв.16 фев.16

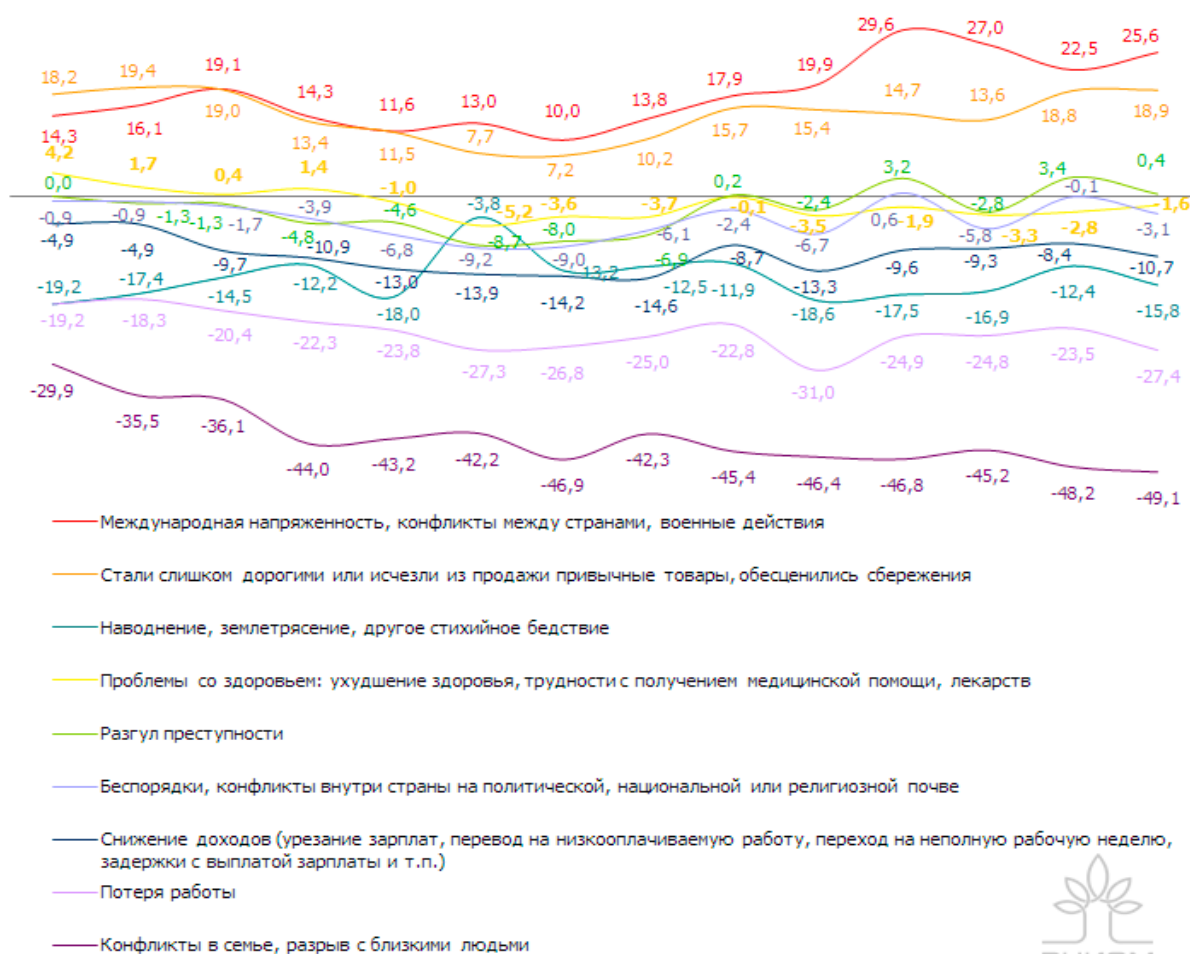

Рисунок 1 – Динамика индекса страхов россиян по данным ВЦИОМ

Не все «типы страхов», исследованные ВЦИОМ, можно отнести к угрозам национальным интересам в их государственном понимании. Тем не менее, интересы каждого гражданина должны лежать в основе национальных интересов России. Так вот наиболее значимые интересы, полагаем, состоят в безопасности от ряда угроз, показанных на рисунке 1.

Итак, превалируют «внешние» угрозы национальным интересам России, что соответствует информационному контенту. Между тем, известно, что существует практика государственной политики отвлечения населения от внутренних проблем путем преувеличения внешних, в том числе посредством правильно выработанной политики. В России, считаем, на данный момент внешние проблемы серьезно отвлекают внимание граждан.

Тем не менее, внутренние проблем не менее значимы, и в первую очередь они связаны с уровнем жизни населения. Также актуальными продолжают оставаться проблемы внутренней общественной безопасности. Положительным можно считать снижение роли семейных проблем в восприятии граждан России.

Литература:

1. Индекс страхов // ВЦИОМ. – Режим доступа: http://wciom.ru/news/ratings/indeks_strahov/ - дата обращения 11.04.2016.
2. Кучерявый М. Угрозы национальной безопасности России // Ориентир. – Режим доступа: <http://orientir.milportal.ru/ugrozy-natsional-noj-bezopasnosti-rossii/> - дата обращения 11.04.2016.
3. Политическая социология: учебник / Под ред. Ж.Т.Тощенко. – М.: Издательство Юрайт, 2012. - 624 с.
4. Сухина, Л. В. Социальный аспект экономической политики государства / Л.В. Сухина // Современные проблемы науки и образования. – 2015. – №1. – С. 2-15.

Оценка перспектив обеспечения правопорядка Российской Федерации в период нестабильной ситуации

Семенов В.В.

Научно-исследовательского института ФЦИН России, Россия, Москва

Российская Федерация как Великая держава, постоянный член Совета Безопасности ООН проводит активную внешнюю политику, направленную на построение миропорядка на основе верховенства права[1]. Гражданское общество есть неотъемлемая часть государства, участвующая в правоотношениях как между собой, так и с государственными и муниципальными органами. Мы должны условиться о том, что именно понимаем под гражданским обществом и в каком ракурсе должны его рассматривать при возникновении общественно-опасного деяния.

Как известно государство в лице представителей (государственных органов) обязаны вступать в правоотношения между физическими лицами (юридическими лицами) если создаются предпосылки к юридическим последствиям уголовно-правового, административного или иного характера. Юридические последствия являются не единственными причинами вмешательства государственных органов в правоотношения гражданского общества. Процессы выявления, предупреждения, фиксации, раскрытия правонарушений и правосудия также являются государственными функциями, выполнением которых занимаются физические лица, которые относятся как к государственным органам, так и к гражданскому обществу.

В настоящее время в Российской Федерации совершается огромное, даже для такой большой страны, количество преступлений, только за 2015 год было зарегистрировано более двух миллионов преступлений, в результате преступных посягательств погибло около 33 тысяч человек, и чуть меньше, 50 тысячам был причинен тяжкий вред здоровью, ущерб, который был нанесен в результате преступных посягательств составил 436 миллиардов рублей[2].

Анализ данных, весьма скверных показателей не может оставлять равнодушным человека, который стремится улучшить жизнедеятельность страны, поднять уровень правопорядка и обеспечить безопасность себя, своих родных и близких.

В данном исследовании мы предлагаем свое видение решения государственной проблемы борьбы с преступностью. Это видение подкреплено некоторыми весьма актуальными факторами:

- нынешняя система борьбы с преступностью, как бы не звучало это трагично, не справляется с сильным натиском преступных посягательств;
- предложенная система правопорядка, в том числе и борьбы с преступностью, является правильным, централизованным и успешным выходом государства из непростой преступной ситуации.

Основным субъектом в процессе обеспечения правопорядка должно быть гражданское общество. Оно есть главный субъект правоотношений, а значит

непосредственный и постоянный участник деятельности в стране.

По нашему мнению, основой и фундаментом не только отрасли науки, но и самой науки является философия. Она дает не только смотреть на область знаний с разных сторон, но и определяет направление толкования данной сферы.

Самое основное, которое хотелось бы подметить – это гражданское общество как целое. В этом кроется, по нашему мнению, основная причина почему оно, в большинстве своем, не предупреждает правонарушение и не содействует государственным органам в этом. Если мы рассматриваем такой процесс, при котором новая сила рождается в результате взаимодействия, то поймем, что действие гражданского общества в сфере предупреждения в частности, и правопорядка в целом, не урегулирована, но взаимодействие с государством все же существует, так как иного быть в правовом государстве не может. Таким образом, гражданское общество находится в нерегулированных, а значит в свободных от права отношениях. Соответственно, рождая такими отношениями новую силу, гражданское общество либо содействует, либо противодействует, т.к. правовой вектор не определен. Вследствие этого можем предположить возникновение социального противоречия, и как справедливо выразился В. Д. Филимонов: «Социальное противоречие - источник детерминирующих связей в системе элементов состава преступления»[3]. Данный вывод, который подтверждается нынешней криминальной обстановкой в стране указывает, что гражданское общество находится в хаотично-правовом состоянии, а значит необходимо устраивать новую идеологию по обеспечению правопорядка. Удачно отметил А.В. Кудрявцев при анализе негативных факторов, которые формируются в результате низкого правосознания гражданского общества:

- 1) Повышение «престижа» криминальной деятельности;
- 2) Трансформация мировоззрения сотрудников правоохранительных органов в целом и оперативных подразделений, в частности, приводящая к разрушению;

3) Неэффективность, а иногда и коррумпированное противодействие в законодательных органах федерального уровня принятию норм, обеспечивающих более результативное функционирование системы борьбы с преступностью, в том числе пенитенциарной, контроль над наиболее опасными ее проявлениями.

4) Девальвация морально-этических норм профессионального правосознания исполнителей наказаний в механизме обеспечения государственного контроля над преступностью[4].

В идеальном состоянии правового государства, вся деятельность реализуется согласно нормативно-правовому регулированию и все права и свободы человека защищены и соблюдаются, что подразумевает высокий уровень правопорядка. Как гласит Конституция Российской Федерации (далее – Конституция РФ)(ст. 2), обеспечение правопорядка это, в первую очередь, – обязанность государства. Несмотря на это, Конституция РФ разрешает человеку и гражданину реализовывать свои права и свободы любыми доступными способами, не нарушая права и свободы третьих лиц.

Как уже было сказано, государственные органы есть непосредственные представители государства, отражают волю законодателя и являются контролирующим и надзирающим звеном за неукоснительным соблюдением норм в стране. Правовой порядок является логичным и бесспорным требованием государства по отношению к гражданскому обществу. В процессе жизнедеятельности граждане всегда сталкиваются с правоотношениями, являются непосредственными участниками, именно в структуре таких отношений могут возникнуть проблемы, связанные с правовой безграмотностью, желанием нарушить порядок, предусмотренный законом и т.д. Необходимо сразу же заметить, что такой уровень правосознания граждан является противоположной стороной правового прогресса, следовательно, социальные факторы, обуславливающие формирование криминогенной психологии, выступают как условие преступности, а не как ее причина [5]. Для организации правильного и нормального протекания всех правовых вопросов созданы государственные органы. В их компетенции, в

зависимости от вида деятельности, находится обеспечивающая, охранительная, контролирующая, надзирающая и судебная сфера государственной деятельности. Каждая сфера деятельности очень важна для полноценной работы, функционирования и существования правового государства.

Государственные органы лучше других должны знать основные принципы, моменты, особенности и конкретные действия по предупреждению преступности, а исходя из научных разработок по предупреждению правонарушений, мы просто не в состоянии разработать основные и общие рекомендации в данном направлении.

Проблема в этой области прежде всего связана с тем, что организацию предупреждения правонарушений рассматривают как не самостоятельное направление, а скорее составную часть процесса борьбы с преступностью. Предупреждение правонарушений только тогда станет действенным, когда и государство, и гражданское общество будут рассматривать данный процесс как должную и обязывающую функцию.

Необходимо еще раз подчеркнуть, что правоохранительные органы физически не смогут побороть преступность, в виду правового положения гражданского общества, описанного в начале исследования. Переходя на конкретные действия со стороны правоохранительных органов, стоит уточнить одну немаловажную деталь, которая связана с уточнением обеспечения правопорядка. Правоохранительные органы как часть государства могут и должны выполнять не только деятельность по предупреждению правонарушений, хотя по нашему мнению, это их одна из основных задач, а в целом обеспечивать правопорядок, т.к. это их основная деятельность. Если мы говорим, что гражданское общество должно обеспечивать правопорядок, мы имеем ввиду, что оно примет все усилия, которые необходимы для искоренения преступности, но только в той области где они могут его обнаружить. Специальную же функцию по обеспечению правопорядка должны осуществлять правоохранительные органы. Итак, государственные органы обеспечивают правопорядок тремя основными видами:

- 1) предупреждение правонарушений;
- 2) формирование у гражданского общества негативного отношения к правонарушениям;
- 3) обеспечение безопасности личности.

На данном этапе исследования вопроса первые два вида обеспечения государственными органами правопорядка для нас не являются основными. В свою очередь, процесс обеспечения безопасности личности очень важен именно в системе обеспечения правопорядка и в целом нормального функционирования правового государства.

Данный процесс является очень важным этапом обеспечения правопорядка, который подкреплён конституционными положениями, и положительные особенности наступят только в процессе осознания этого. Исходя из понимания правосознания как системы правовых проявлений (взглядов, оценок, установок, представлений и др.), выражающих отношение граждан Российской Федерации как к действующему праву, юридической практике, правам, свободам, обязанностям, так и к желаемому праву и другим желаемым правовым проявлениям [6]. Как только в правосознании граждан появится сила и авторитет государственных органов, тогда каждое физическое лицо будет не только ощущать себя в безопасности, но и будет поддерживать идею самостоятельного обеспечения правопорядка в стране.

Третьим самостоятельным субъектом обеспечения правопорядка в Российской Федерации являются общественные объединения. С одной стороны, мы могли бы их объединить с гражданским обществом, т.к. общественные объединения это одна из форм гражданского общества, но выделили в отдельную группу по ряду причин. Во-первых, в современной России все больше и больше появляются новые общественные объединения, которые борются за права граждан и другие общественные блага. Во-вторых, общественные объединения это, в первую очередь, является средства выражение воли и желания человека, рассмотрение которой мы можем выявить проблемы и составить основную картину решений.

Одно лицо, даже государственное, есть заложник системы, навязавшая ему основные принципы деятельности и порядок осуществления его функций. Система формируется, в большей степени, не законодательными нормами, а наоборот, своей неурегулированностью. Мы должны понимать и образно представлять себе на что направлена деятельность некоторых общественных объединений, общественных движений и т.д. на современном этапе развития общества. Многие движения, которые образовались в XXI веке, такие как: «СтопХам», «Оккупай-педофиляй», «Давидыч» и т.д., носят само защищающий характер от угроз нарушений прав и свобод человека. Их лозунги направлены на борьбу с произволом, мелкими и крупными правонарушениями, беспределом и т.д. Подобные общественные движения – это нормальная реакция общественности на бессилие государственных органов, в частности правоохранительных; это акции народа на конкретный, антисоциальный или аморальный поступок лица, или группы лиц. Необходимо заметить, что подобные выражения воли народа как создания вышеназванных движений, есть не действия, обеспечивающие правопорядок в стране, а действия, направленные на организацию и осуществление самосуда. В свою очередь существование самосуда в правовом государстве уже является сигналом к падению авторитета правоохранительных органов в глазах гражданского общества. Другими словами, яркий пример общественных движений, что не содействуя правоохранительным органам, а выполняя их функции подрывает весь механизм государства в области правоохранительной сферы.

В этом случае, мы должны объяснить значение термина «самосуд». Мы должны оговориться в том плане, что под наше рассмотрение подпадают только те самосуды, которые формируют состав правонарушения. Мы согласны с мнением А.М. Смирнова, который определяет самосуд как негативное социальное явление, представляющее собой самостоятельное противоправное реагирование индивидов в форме возмездия на нарушение установленных в обществе (субобществе) правовых предписаний, нравственных запретов, а также обычаев и традиций [7].

Анализ данного термина будет исходить из современных понятий, положений законодательства и направлений его осуществления. Во-первых, «самосуд» — это совокупность понятий «самостоятельность» и «суд». Примечательно, что самостоятельность в данном контексте будет означать беззаконие и своеволие, т.к. направлен на самостоятельное осуществление правосудия. Шаг, который предпринимают субъекты самосуда, направлен на умышленное, в обязательном порядке, осознанное умолчание по факту совершения правонарушения, а также разоблачение и расправа над правонарушителем.

Такие общественные движения, чья деятельность направлена на так называемую «справедливость», несут в себе массу отрицательных последствий. Разберем основные из них:

1) Способ осуществления своей деятельности. В данной рубрике все достаточно просто, но подобная простота несет в себе негативных последствий. Так, смысл всех «самосудных» движений направлен на поиск и совершение не запрещających действий, а как известно в правовом государстве «все разрешено, что не запрещено», в связи с этим гражданское общество начинает защищать свои права теми способами, которые не преследуются по закону. Конечно, мы должны условиться, что не все объединения используют только не запрещające приемы, многие нарушают закон, но их, как правило, ликвидируют либо относят к запрещенным объединениям.

Основным же способом осуществления такими объединениями самосудных операций в сфере выявления правонарушений закона является провокация. В российском праве провокация запрещена, иначе те сведения, полученные в ходе провокационных действий не будут иметь юридическую силу. Со стороны же общественных объединений такие действия являются приемлемыми. При осуществлении распространённой деятельности с их стороны, когда с помощью видеозаписи провоцируют лицо, а потом фиксируют данное правонарушение.

2) Конечная цель деятельности общественных объединений. Ввиду того, что не все общественные движения передают полученную информацию в

правоохранительные органы для рассмотрения вопроса о привлечении их к юридической ответственности, появляется вопрос о каких иных подходах к решению такой проблемы может идти речь. Итоговая цель таких общественных движений разнообразна, но мы можем сказать утвердительно, что это никак не связано с обеспечением правопорядка, а наоборот с его разрушением. Вся проблема в том, что их деятельность не способна осуществить благо государству и народу в области обеспечения правопорядка из-за их конечной цели. Вся цель таких организаций зарабатывание денег и увеличение своей популярности, путем выкладывания своих видео в интернет.

Несмотря на все вышеизложенное мы пророчим данному направлению светлое будущее, необходимый и незаменимый характер. Ведь данные действия, которые происходят в последнее время имеют современный характер и могут быть направлены в нужное русло, а кроме этого отличаться своей неподкупностью. Мы должны отметить, что подобные общественные объединения – это первые шаги к гражданскому предупреждению, когда гражданские люди выйдя на улицу, в ущерб своей основной занятости, и осуществляют борьбу с беззаконием, тем самым пытаются обеспечить правопорядок. Законодатель и государственные органы должны принимать данную действительность как необходимую и нормальную трансформацию самого процесса обеспечения правопорядка. Представление формы такого предупреждения правонарушений в свете помощи государству в процессе обеспечения правопорядка является выгодным для самого государства, но для более правильной, справедливой и правовой их деятельности следует ее грамотно урегулировать. Регулирование такой деятельности необходимо самому государству, это поможет: во-первых, и самое главное, уменьшить количество правонарушений в стране; во-вторых, обезопасить себя от правонарушений самих общественных организаций, в-третьих, максимально приблизить степень доверия и повысить уровень содействия правоохранительных органов и общественных объединений. Поэтому развитие конструктивного сотрудничества с общественными организациями в сфере

обеспечения правопорядка и общественной безопасности рассматриваются руководством страны, Министерством внутренних дел Российской Федерации в качестве стратегической задачи в деле укрепления российской государственности, от решения которой во многом зависит ускорение процесса формирования общественных институтов. Стратегической целью взаимодействия здесь должно быть реальное содействие решению волнующих граждан проблем, создание благоприятных условий для «включения» гражданских инициатив в правоохранительную сферу, что создаст необходимые предпосылки для достижения «мира и порядка» в обществе [8].

Литература:

1. *Кикоть В.Я.* место и роль органов МВД в политике российского государства по обеспечению международной законности и правопорядка // Право и политика. – М.: NotaBene, 2003, №10. – С. 72.
2. Состояние преступности в России за январь-декабрь 2015 года // Официальный сайт МВД России.
3. *Филимонов В. Д.* Детерминирующие связи в системе элементов состава преступления // Государство и право. – 2005. № 2. – С. 36.
4. *Кудрявцев А. В.* Теоретические и прикладные проблемы оперативно-розыскной деятельности в уголовно-исполнительной системе : монография ; Федер. служба исполн. наказаний, Владим. юрид. ин-т Федер. службы исполн. наказаний. Владимир, 2013. С. 99.
5. *Могилевский А. Л.* Истоки правонарушения. Социально-психологический аспект / под ред. Б. С. Сарыева. М., 1987. С. 12–13.
6. *Коробеев А. И.* Советская уголовно-правовая политика: проблемы криминализации и пенализации. Владивосток, 1987. С. 49.
7. *Смирнов А.М.* Самосуд: деяние или мотив преступления? // Актуальные вопросы образования и науки. 2014. №5-6. С. 39-42.
8. *Сердобинцев К. С.* Гражданское общество и государственный правопорядок: социально-философский анализ : автореф. ... дис. ... д-ра философ. наук:

09.00.11 / Сердобинцев Кирилл Станиславович. – М., 2013. – 4 с.

9.Гыскэ А.В. Современная российская преступность и проблемы безопасности общества (политический анализ). М., 2000. – С. 55-56.

Социальное государство и система дошкольных образовательных организаций

Синица А.Л.

Экономический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В соответствии со своими обязательствами (ст. 7 и п. 1 ст. 38 Конституции РФ) государство предоставляет всем своим гражданам социальную защиту и отвечает за «достижение условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека».

Регулярное вспомоществование со стороны государства важно для некоторых категорий граждан (семей с детьми дошкольного возраста, пожилых и других, ограниченных в трудоспособности). Тем не менее, более общим и универсальным принципом социальной политики является создание условий, необходимых для нормального осуществления права на труд. Это особенно актуально в условиях экономической нестабильности, поскольку позволяет снизить нагрузку на бюджет, подняв одновременно как размер налоговых поступлений, так и уровень жизни населения.

Формы достижения этой цели могут быть различными, так как зависят от приоритетов государства. Одной из наиболее важных является создание и развитие сети дошкольных образовательных организаций (далее – ДОО). О том, что она необходима и причинах этого написано много, поэтому рассмотрим уровень развития системы ДОО и его динамику в 2005-2013 годах на федеральном уровне. Для этого следует изучить степень удовлетворенности потребности семей в услугах ДОО. Она определяется следующими характеристиками:

- наличие развитой сети ДОО, которая имеет достаточное количество мест для всех желающих;

- эффективность размещения ДОО (насколько равномерно ДОО различного типа размещаются в пределах региона, могут ли родители выбирать необходимое им ДОО или есть препятствия);
- уровень качества услуг, предоставляемых ДОО (имеют ли родители возможность выбрать то учреждение, уровень услуг которого: график работы, размер оплаты, квалификация персонала, и т.п. – кажется им приемлемым);
- возрастной фактор (возможность отдать ребенка в ДОО в возрасте, который устраивает родителей).

С точки зрения собираемых статистических данных развитие сети ДОО определяется числом ДОО, численностью детей в них, охватом детей сетью ДОО и числом детей, приходящееся на 100 мест. Еще одним важным показателем является численность детей, стоящих для определения в ДОО.

Мы выделяем три группы детей: посещающие ДОО, не посещающие их из-за отсутствия мест и не посещающие их по желанию родителей. Под детьми дошкольного возраста мы понимаем детей в возрасте 0-6 лет, так как при рассмотрении детей только в возрасте 1-6 лет часть детей в возрасте до 1 года, ожидающих места в ДОО, оказывается вне поля зрения, что ведет к неправильной оценке долей каждой группы детей.

На основе этих предпосылок мы попытаемся определить, удовлетворяет ли текущая ситуация потребностям социально-экономического развития страны.

Таблица 1. Доли детей по посещаемости ДОО в РФ в 2005-2013 гг.

	2005	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013
Доля детей, посещающих ДОО	48,0	48,9	49,4	49,5	49,2	50,1	50,9	51,9	53,1
Доля детей, не посещающих ДОО по причине отсутствия мест	10,2	12,8	15,2	16,7	17,8	19,9	20,2	20,9	22,7
Доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей	41,8	38,3	35,4	33,8	33,0	30,0	28,9	27,2	24,2

Источник: расчеты автора на основе [1-5].

Из таблицы 1 мы видим, что охват детей сетью ДОО в рассматриваемый период возрос (примерно на 5 процентных пунктов). Однако, это связано не с увеличением числа ДОО, а с увеличением числа детей в группах, уплотнением групп и развитием групп кратковременного пребывания детей, так как количество ДОО продолжило снижаться (см. табл. 2). Доля детей, не посещающих ДОО по желанию родителей, снизилась почти в два раза (с 41,8% до 24,2%), однако, остается достаточно большой. При этом значительно возросла доля детей, не посещающих ДОО по причине нехватки мест (с 10,2% до 22,7%), что можно связать с неготовностью системы ДОО к значительному увеличению числа детей дошкольного возраста, которое мы наблюдаем последнее десятилетие.

Такую ситуацию также можно объяснить увеличением ажиотажного спроса, вызванного дефицитом мест в ДОО и широким обсуждением данного вопроса в обществе, а также повышением рождаемости.

Таблица 2. Число ДОО и мест в них в 2005-2013 годах

Год	Число ДОО	Число мест в ДОО	Год	Число ДОО	Число мест в ДОО
2005	46518	4765453	2010	45111	5031352
2006	46168	4763662	2011	44884	5322795
2007	45730	4686049	2012	44236	5708927
2008	45607	4863484	2013	43187	6046093
2009	45346	4938275			

Источник: данные Росстата [6,7].

Данные, приведенные в таблицах 1 и 2, свидетельствуют, что в отношении развития сети ДОО на федеральном уровне, государство не справляется со своей социальной функцией (на региональном тоже, но анализ региональных различий лежит вне темы данной работы).

За последние 10 лет потребность в местах в ДОО значительно возросла, но число мест не соответствует потребностям населения: в условиях слабого развития института гибкого графика занятости группы кратковременного пребывания позволяют социализировать детей, но не позволяют сочетать оплачи-

ваемую занятость с выполнением домашних обязанностей. Во многом это связано именно с продолжающимся сокращением числа ДОО. Между тем, в условиях экономического кризиса для многих семей важна занятость обоих родителей, чего нельзя достичь без полноценного развития системы ДОО.

Для улучшения ситуации необходимо не только увеличивать число мест в ДОО, но и повышать число самих ДОО (в том числе за счет увеличения числа частных ДОО, семейных детских садов и ведения института нянь), престиж труда по уходу за детьми и качество управления социальными процессами. Только сочетание всех трех факторов позволит повысить занятость и уровень жизни семей с детьми дошкольного возраста.

Литература:

1. Охват детей дошкольным образованием. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://fedstat.ru:7015/indicator/43553#>.
2. Численность детей в дошкольных образовательных организациях. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://www.fedstat.ru/indicator/data.do?id=33456>.
3. Численность детей, стоящих на учете для определения в дошкольные образовательные организации. Электронный ресурс. Режим доступа: <http://fedstat.ru:7015/indicator/34049>.
4. Численность постоянного населения - женщин по возрасту на 1 января. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/33459>.
5. Численность постоянного населения - мужчин по возрасту на 1 января. Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.fedstat.ru/indicator/31548>.
6. Число дошкольных образовательных организаций. <https://www.fedstat.ru/indicator/33471>.
7. Число мест в дошкольных образовательных организациях. <https://www.fedstat.ru/indicator/40548>.

Рынок рабочей силы как экономический и социальный институт государственной поддержки в национальной экономике

Смирнова Т.Л.

Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия,

Москва

Современное неудовлетворительное состояние методологии экономического познания инициирует поиск и разработку исследователями новых теорий, которые обеспечивают проведение комплексного анализа становления и направлений развития складывающихся рыночных взаимоотношений наёмных работников и работодателя, формирующих модель социального взаимодействия, занятости населения, динамику производительности труда в условиях реализации инновационно-технологического преобразования национальной экономики, основанного на внедрении прорывных технологий и высокоинтеллектуальных производств с информационными технологиями.

Взаимоотношения между наёмными работниками и работодателем, развивающиеся в процессе общественного производства товаров и услуг, носят двойственный характер. Социальный, так как любое действие человека, детерминированное его ценностной установкой, затрагивает, как правило, многих людей, порождая сложную схему социальных взаимосвязей. Экономический в виду того, что предложение работником своих профессиональных способностей и физической силы работодателю для выполнения работы есть экономическая категория, так как в контакт вступают собственники товаров: предприниматель, собственник средств производства, и работник, собственник своих профессиональных и физических способностей.

Используемая для анализа социально-экономических отношений, формирующихся между работником и работодателем в рыночных условиях, теоретическая концепция «рынок труда», построена на утверждении, что товаром, который продаёт работодателю работник, является его труд как осознанный созидательный процесс. Поэтому основное внимание в анализе уделяется исследованию труда, а работник рассматривается как элемент производственной функ-

ции. Понятно, что на основе этой концепции анализа невозможно исследовать процесс найма работника, так как целеполагающий труд работник может реализовать на рабочем месте, процедура оформления допуска к которому в зависимости от сложности работы может занимать значительный период времени.

Углубление анализа реальных рыночных процессов инициировало разработку теоретической концепции «рынок рабочей силы», сформированной на убеждении, что товаром, который наёмный работник предлагает работодателю, являются его потенциальные профессиональные навыки, подтверждаемые соответствующими документами, и физическая сила. Центральным объектом исследования социально-экономических отношений между работником и работодателем в этом анализе является работник, наделенный сложной системой психологических мотивов. Совокупные интеллектуальные, профессиональные способности и физическая сила, характеризующие потенциальные возможности работника, определяются, при этом, как «рабочая сила» работника, такой подход несет в себе антропоцентрическую направленность исследований.

Работник в этой концепции рассматривается как генератор эволюционных систем, инициируя социальную направленность развития экономики и общества, необходимость государственного учета социальных, гендерных и культурных особенностей работников для успешного осуществления намеченных целей преобразования национальной экономики. Работодатель реализует программы социальной ответственности через создание комплекса условий, закрепляющих гарантии профессионального развития работника и его самореализации. Работник как источник интеллектуального потенциала, активно реализуемого в экономической деятельности, является не объектом, а субъектом управления, заинтересованным участником общественного развития, самостоятельно принимает экономические решения и контролирует их реализацию на основе принципа необратимости.

Очевидно, что профессиональные и физические характеристики нельзя отделить от работника каким-либо способом, продать как товар или передать право собственности на них работодателю. Понятно, что концепция «рынок ра-

бочей силы» это созданный воображением исследователя образ системы определенных процессов и связей между субъектами. К имитации рынка в теоретическом экономическом анализе формирования реальных социально-экономических отношений работника и работодателя исследователь обращается в попытке найти общие закономерности и определить основные характеристики исследуемого явления.

Рынок рабочей силы как социально-экономический институт – это принятые в обществе правила взаимодействия индивидов, способ организации хозяйственной деятельности в процессе развития экономики и культуры [1, 2]. Институциональная природа взаимодействия участников рынка проявляется в реализации через рыночный механизм устойчивых и сохраняющихся ценностей, носителями которых выступают работники и работодатели. Институциональная национальная модель такого рынка, формируемая на основе поиска баланса развития элементов «сверху» и «снизу», объясняет логику развития экономической системы страны.

Государство через институциональные механизмы координации и гармонизации социально-экономических отношений (законодательную базу, целевые программы, госзаказ) корректирует соотношение формальной и неформальной составляющей структуры занятости населения. Непосредственным участником развития экономики и общества является работник, поэтому в анализе социально-экономических взаимоотношений работника и работодателя уделяется особое внимание побудительным мотивам его экономического поведения в процессе транзакции на рынке, формированию профессионально-квалификационных компетенций, факторам инновационной активности и рискам индивидуального оппортунистического поведения.

В узком смысле рынок рабочей силы рассматривается как комплекс социально-экономических отношений, по поводу найма работников работодателями на определенных предконтрактных расширенных условиях. Фокусировка исследователей на узком подходе взаимодействий работника и работодателя на рынке ограничивает использование системно-эволюционных методов анализа

социально-экономических отношений, возрастающей роли государства в формировании прогрессивных структурных сдвигов и динамики развития воспроизводственных процессов с учетом лаговых эффектов в национальной экономике.

Рынок рабочей силы в широком смысле может пониматься как сложившаяся система общественных, социально-экономических, формальных и неформальных отношений, обеспечивающих качественный процесс воспроизводства экономически активного населения. Выбор категории «рынок рабочей силы» в анализе на макроуровне позволяет выявить противоречия развития подсистем на основе межинституциональных социальных эффектов; лаговых эффектов; дифференциации прав собственности и рентных доходов работников, работодателей в системе социального партнёрства.

Литература:

1. Макаров В.Л. К вопросу о проектной экономике // Экономическая наука современной России. – 2013. – № 3. – С.8 – 14.
2. Полтерович В.М. Общий социальный анализ и проектирование реформ // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2013. – № 1 (17). – С.185 – 188.

Пенсионная реформа в условиях бюджетного кризиса: гарантии государства и ответственность человека

Соловьев А.К.

Пенсионный фонд Российской Федерации, Россия, Москва

Новый этап пенсионной реформы потребовал поиска ответа на вопрос о ее социальных и экономических результатах. Исходя из целевых ориентиров Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы современный этап пенсионной реформы направлен на совершенствование страховых механизмов всех сегментов пенсионной системы.

Для оценки эффективности реформы необходимо определить, насколько достигается поставленная цель – создание полноценных страховых институтов

пенсионного обеспечения, основанных на базовом принципе адекватности накопленных пенсионных прав и государственных пенсионных обязательств. Первые результаты реформы следует ожидать не ранее завершения переходного периода, а он по отдельным сегментам продолжается до 10 лет, в то время как синэргические эффекты появятся не ранее 2030-х годов. Это не означает, что в течение указанного периода не следует контролировать происходящие изменения.

Мониторинг изменений должен осуществляться по всем характеристикам пенсионной системы, в первую очередь связанным с долгосрочным бюджетированием и стратегическим планированием. Целевым же показателем, который наиболее точно отражает базовый принцип страхования и позволяет интегрально учитывать факторы страховой пенсионной системы с ориентацией на социальные результаты, общепризнанно соотнесение размера назначенной пенсии с утраченным заработком.

В научной литературе используется соотнесение среднегодового размера пенсии по старости с аналогичным размером заработка за один и тот же период. За данным показателем закрепилось название коэффициента замещения. Эксперты пытаются соотносить только новые назначения пенсии к соответствующему заработку. Другие относят размер пенсии к прошлым заработкам. Следует отметить, что и в западных странах также в аналитических целях используются разные показатели, которые при этом имеют разное экономическое содержание.

Актuarные методы позволяют рассчитывать все перечисленные показатели, но для поставленной цели – оценки эффективности – достаточно посмотреть хотя бы один из них – наиболее доступный и понятный. Динамика рассматриваемого показателя наглядно отражает тенденцию к снижению соотношения пенсии и заработка несмотря на то, что как абсолютный номинальный размер пенсии, так и его отношение к прожиточному минимуму пенсионера свидетельствуют о существенном и устойчивом увеличении.

Объяснение тенденции заключается – солидарный показатель коэффициента замещения учитывает весь комплекс факторов и результатов социально-экономического развития страны, которые полностью перекрывают влияние собственно пенсионных факторов, вовлеченных в пенсионную реформу.

Чтобы исключить отмеченное влияние «внешних» факторов и сосредоточиться на собственном объекте оценки – результаты для пенсионеров - мировая пенсионная практика выработала уникальный показатель оценки эффективности государственного пенсионного обеспечения, методология которого достаточно подробно сформулирована в самой известной социальной Конвенции МОТ №102 «О минимальных нормах социальной защиты».

Коэффициент замещения по методологии Конвенции №102 является интегральным индикатором эффективности функционирования пенсионной системы.

В зависимости от того, для каких групп защищенных пенсионной системой лиц рассчитывается данный показатель, может меняться как состав выплат, которые учитываются при его расчете, так и временной период, за который они учитываются.

Проблема заключается в том, что для выполнения оценки с его помощью уровень пенсионного обеспечения типичных групп пенсионеров в конкретной стране необходимо соблюсти целый комплект условий и привести все показатели пенсионной системы в сопоставимое измерение с заданными требованиями. Для России характерна именно такая ситуация – типовой получатель обеспечения по старости, инвалидности и по случаю потери кормильца согласно Конвенции не является типичным.

В условиях неуклонно возрастающей дифференциации и расслоения населения по уровню жизни и доходов, тенденция имеет обратный характер – данный показатель является наиболее нетипичным. Поэтому в отечественной пенсионной системе коэффициент замещения, рассчитанный по нормам МОТ, должен применяться исключительно в рамках предусмотренных Конвенцией условий.

В зависимости от того, какой процент населения охвачен пенсионной системой, Конвенция предусматривает несколько способов выбора заработка для исчисления коэффициента замещения

- 1) работающие по найму, составляющие не менее 50 % от общего числа работающих по найму;
- 2) самодельное население, составляющее не менее 20 % от общего числа жителей;
- 3) категории жителей, средства которых за время охватываемого случая не превышают установленные значительные суммы;
- 4) категории работающих по найму, составляющих не менее 50 % от общего числа работающих по найму на промышленных предприятиях, на которых занято не менее 20 человек.

Материально защищенными пенсионным обеспечением в старости, инвалидности и в случае потери кормильца в российской пенсионной системе являются все граждане Российской Федерации, иностранные граждане и лица без гражданства, постоянно проживающие на территории Российской Федерации.

Российская пенсионная система характеризуется полным охватом всего населения страны, однако условия и размер пенсионного обеспечения для разных групп населения принципиально различаются, что допускается соответствующими положениями Конвенции. Но во всех случаях минимальные гарантии соблюдаются на адекватном уровне.

В зависимости от условий предоставления пенсионного обеспечения защищенных лиц для целей расчета коэффициента замещения можно подразделить на две группы:

1 группа - работающие по найму лица, застрахованные в соответствии с законодательством об обязательном пенсионном страховании в Российской Федерации, которые при наступлении страхового случая приобретают право на трудовую пенсию по нормам действующего пенсионного законодательства. Эта группа полностью соответствует первому варианту охвата, предусмотренному Конвенцией 102 и даже превышает его по численности; 2 группа – защищенные

лица, за исключением относящихся к группе. Эта группа может быть отнесена и ко 2-му, и к 3-ему вариантам охвата согласно Конвенции.

Граждане, которые не приобретут права на трудовую пенсию, имеют право на государственную гарантию защиты по предусмотренным Конвенцией социальным рискам. В частности, для второй группы защищенных лиц брутто КЗ достигается для всех видов пенсий. При этом, в расчете на 2015 году для всех видов пенсий данной группы лиц уровень социальной защиты почти вдвое превышает уровень защиты первой группы и достигает около 79%. Однако к 2030 году данный КЗ также снижается на 20 пп., т.е. еще более быстрыми темпами, чем КЗ трудовых пенсий.

Взаимодействие органов государственной власти и общественных объединений Республики Марий Эл по гармонизации межэтнических отношений среди молодежи

Сутырина О.Н., Куприянова Е.И.

Поволжский государственный технологический университет, Россия, Йошкар-Ола

20 декабря 2012 года Президентом Российской Федерации была утверждена Стратегия государственной национальной политики до 2025 года, на основании которой наша страна перешла на новый уровень регулирования национальных отношений. Значимость данной стратегии весьма актуальна не только потому, что Россия - страна многонациональная, но и в связи с тем, что межнациональные отношения в модернизирующемся государстве находятся в постоянной динамике. Немаловажные последствия вызывает и недостаточность образовательных и культурно-просветительских мер по формированию общероссийской гражданской идентичности, воспитанию культуры межнационального общения.

Республика Марий Эл также характеризуется полиэтничностью и поликонфессиональностью населения. Реализацией государственной национальной политики и регулированием межнациональных отношений в Республике Марий

Эл занимается отдел межнациональных и межконфессиональных отношений Министерства культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл. В целом механизмы гармонизации межэтнических отношений реализуются в Республике на высоком уровне: проводятся форумы (слеты), ведется просветительская работа (через СМИ, школы) на языках народов, проживающих в Республике Марий Эл, используется мониторинг общественного мнения (социологические опросы) и другие формы, способствующие развитию дружбы народов. Заслуживающей внимания является и деятельность Молодёжного министерства по развитию межнациональных отношений при совете «Молодёжное правительство Республики Марий Эл». Все это во многом способствует тому, что Республика Марий Эл является одним из регионов РФ, характеризующимся спокойной межнациональной ситуацией. Но наряду с передачей из поколения в поколение традиций, благодаря феномену повседневности, происходит усиление интеграции культур. Вместе с этим ослабевает интерес к национальному языку молодежи народа мари, как составной части общероссийского сообщества. А поскольку для гармонизации межнациональных отношений вопросы сохранения и развития всех языков народов нашей страны имеют важнейшее значение, поиск релевантных форм взаимодействия с молодежью ведется постоянно как на уровне государственных органов власти, так и на уровне образовательных и общественных организаций.

Одним из новых инструментов гармонизации межэтнических отношений в Республике Марий Эл стал проект «Молодёжный культурно-исторический образовательный Форум «КРАВЕЦ: Культура. Россия. Активность. Величие. Единство. Целостность» (далее – форум), который проводился два года подряд, в 2014 и 2015 годах, на базе МОУ «Емешевская средняя общеобразовательная школа» Горномарийского района Республики Марий Эл. Символом Форума стал национальный марийский пирог «Кравец»,

Организационная и научная поддержка форума осуществлялась Министерством культуры, печати и по делам национальностей Республики Марий Эл, Министерством образования и науки Республики Марий Эл, Администра-

цией муниципального образования «Горномарийский муниципальный район», Советом «Молодёжное правительство Республики Марий Эл», Центром национальных и конфессиональных исследований Республики Марий Эл и Поволжским государственным технологическим университетом.

Цель форума - концентрация усилий по раскрытию потенциала российской провинции и создание условий для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи Горномарийского и Килемарского районов Республики Марий Эл, Васильсурского района Нижегородской области, Ядринского района Республики Чувашия.

Среди задач – повышение уровня компетентности участников Форума в вопросах социального взаимодействия по формированию эффективно работающей команды в многонациональной среде; **поддержка официальной группы социальной сети В контакте: http://vk.com/forum_kravec**; изучение эффективности мероприятий Форума на основе методики **социологического мониторинга, разработанной** Центром национальных и конфессиональных исследований Республики Марий Эл [1].

Указанная методика была использована при входной и заключительной социо-психологической диагностике, а также посредством наблюдения в процессе тренингов. В ходе мониторинга 2015 года было, например, выяснено, что за пять дней Форума увеличилась с 27% до 48% доля респондентов, чувствующих свою принадлежность к определенной национальности, сократилась при этом с 54% до 32% доля ответивших о принадлежности сразу к нескольким национальностям.

Большинство участников к началу Форума обладали достаточно развитым уровнем национальной идентичности («мари» и «Гражданин России»), а к концу Форума количество ответов «Гражданин России» увеличилось.

К концу мероприятия возросла доля респондентов, определивших себя как «Россиянин» (64%) и «Гражданин мира» (21%), участники стали меньше обращать внимание на национальность окружающих (88%); незначительно

снизилось желание иметь графу «национальность» в паспорте (до 38%), зато на с 6% до 9% увеличилась доля относящихся к ней отрицательно.

В ходе мероприятий форума, у 64% участников появилось желание называть себя «Гражданином России» и «Россиянином», на 11 % увеличились желающие после учебы остаться в Республике Марий Эл. Казалось бы, это патриотично. Однако, доля ответивших утвердительно на вопрос «Представьте, что Вы родились гражданином другой страны. Были бы Вы довольны?» почти на 10% увеличилась и составила 39%. Увеличилось в два раза и количество участников, согласных при любых обстоятельствах переехать жить в другую страну при любых обстоятельствах (35%).

В конце Форума родной язык, как главный признак определения национальности, стал более значимым для 64% респондентов, что на 14% больше, чем в начале форума. Кроме этого, 79% опрошенных считали желательным и обязательным знать марийский язык.

Почти половине опрошенных безразлично, какая национальность у коллег, и для 41% участников Форума комфортно было бы работать в многонациональном коллективе. В то же время возросла на 7% доля респондентов, предпочитавших, чтобы в городе жили люди только их национальности, 5% респондентов хотели бы общаться только с представителями своей национальности. Одобрили бы вступление в брак близкого родственника с представителем другой национальности 53% опрошенных, доля ответивших «мне все равно» увеличилась на 14%, ответивших «нет» - на 7%. Как в начале, так и в конце форума около 72% участников Форума, отметили, что межнациональному общению помогают знание языка, культуры и традиций.

Таким образом, в исследовании существующих тенденций в сфере межнациональных отношений особое место занимает мониторинг настроения молодежи, которая, как известно, является «барометром состояния общества». От позиции молодого поколения в общественно-политической жизни, её активности будет зависеть темп продвижения России по пути демократических преоб-

разований. Все вышеперечисленные выводы указывают на необходимость более глубокого изучения способов решения проблем незнания обычаев, языка и стереотипов, для преодоления межнациональных и межконфессиональных барьеров. Такие инструменты, как Молодёжный форум «КРАВЕЦ», укрепляют и гармонизируются межэтнические отношения в Республике Марий Эл.

Литература:

1. Рокина, Г.В. Национальное самосознание и конфессиональные предпочтения студенческой молодежи города Йошкар-Олы: монография / Г.В. Рокина, О.Н. Сутырина. – Йошкар-Ола: Поволжский государственный технологический университет, 2013. – 160 с.

Реализация принципов социального государства в сфере трудовых отношений

Таджибова Л.Н.

*Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации,
Россия, Санкт-Петербург*

В Конституции РФ закреплена норма, провозглашающая Российскую Федерацию социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, охрану труда и здоровья [1].

Условия труда являются фактором, влияющим на качество жизни и свободное развитие каждого человека. Именно поэтому регулирование сферы трудовых отношений является важным направлением государственной политики. Реализация принципов социального государства в данной сфере должна являться целью государственного управления.

В современных условиях сформировалась общественная потребность в развитии эффективного механизма регулирования трудовых отношений, направленного на достижение конструктивного взаимодействия их субъектов, способствующего устойчивому социально-экономическому развитию. Таким

механизмом выступает социальное партнерство – система взаимодействий участников трудовых отношений, направленная на решение основных вопросов трудовых отношений путем согласования их интересов. Формирование института социального партнерства происходило в ходе исторического развития производственных отношений, и было обусловлено объективными потребностями общества в регулировании трудовых отношений как общественно значимой сферы деятельности.

Социальное партнерство в сфере трудовых отношений выступает одним из факторов реализации трудового потенциала, повышения эффективности наемного труда в условиях преобладания частной собственности на средства производства, повышения уровня социальной защиты субъектов трудовых отношений. Таким образом, развитие института социального партнерства напрямую связано с реализацией принципов социального государства в управлении.

Институциональная структура социального партнерства включает в себя следующие элементы: формально-правовые и административные нормы, устанавливаемые и контролируемые государством; социокультурные нормы, контролируемые гражданским обществом; социальные роли, функции и позиции участников социально-трудовых отношений; институционализированные социальные практики. Функционирование, развитие общественных институтов проявляется в социальных практиках, воплощающих правовые и культурные нормы в жизнь.

Социальное партнерство в сфере трудовых отношений проявляется в следующих социальных практиках:

- согласование между субъектами трудовых отношений на национальном уровне социально-экономической политики в целом, включая распределение доходов, разработку критериев социальной справедливости и мер по защите интересов сторон;
- процедуры коллективных переговоров и заключение коллективных договоров и соглашений между главными субъектами трудовых отношений по поводу условий и оплаты труда;

- участие работников или их представителей на постоянной основе в управлении предприятиями, акционерными обществами;
- постоянно действующие органы и механизмы согласования интересов социальных партнеров на различных уровнях;
- внесудебные методы урегулирования возникающих между сторонами разногласий и споров.

В мировой практике формы социального партнерства в зависимости от национальных особенностей варьируются от консультационных форм сотрудничества субъектов трудовых отношений до принятия ими совместных решений, коллективных соглашений и договоров и охватывают участников от уровня предприятий и фирм до общенационального уровня. Рассмотрение форм разрешения трудовых конфликтов свидетельствует также об их многообразии и существенных отличиях, сложившихся с учетом национальных традиций.

Изучение зарубежного опыта регулирования трудовых отношений между работодателями и наемными работниками показывает, что, несмотря на сохранение противоречий интересов данных социальных групп, различные формы социального партнерства способствуют установлению определенной стабильности в сфере трудовых отношений, росту эффективности и производительности труда, повышению конкурентоспособности организаций.

В России на государственном уровне установлены нормативные основания социального партнерства в трудовой сфере. Основой социального партнерства является практика коллективных переговоров. Коллективные переговоры представляют собой процесс согласования интересов работников и работодателей с целью соглашения по поводу вопросов трудовых отношений.

Согласно Трудовому Кодексу РФ формами социального партнерства выступают коллективные переговоры по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и их заключению; взаимные консультации; участие работников, их представителей в управлении организацией; участие представителей работников и работодателей в досудебном разрешении трудовых споров. Основным средством регулирования систем и размеров

заработной платы, занятости, переобучения, условий высвобождения работников в механизме социального партнерства является коллективный договор [2].

Развитие института социального партнерства – это воплощение институциональных норм в деятельности субъектов трудовых отношений. На осуществление этого процесса оказывают влияние ряд факторов: законодательная и нормотворческая политическая деятельность; организационно-хозяйственная деятельность руководителей организаций (менеджеров); фактор социальной активности общественных групп.

В России развитие института социального партнерства должно осуществляться на основе проведения соответствующей государственной политики. Действующие в настоящее время правовые нормы, регламентирующие данную проблему, носят общий характер и нуждаются в конкретизации. В связи с этим представляется возможным рассмотрение соответствующего опыта Германии, где система участия работников в управлении предприятием подробно регламентирована на законодательном уровне и приносит определенные положительные результаты. Также возможно обращение к опыту функционирования советов трудовых коллективов (советов предприятий) на советских предприятиях.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации. Официальное издание. М., 2014.
2. Трудовой кодекс Российской Федерации. СПб., 2015.

К вопросу о роли социального менеджмента в управлении муниципальным образованием

Тюплина И.А.

Магнитогорский государственный технический университет

им. Г.И. Носова, Россия, Магнитогорск

Муниципальное образование - это не только место совместного проживания

ния людей, но и система экономических, политических, социальных и духовно-культурных отношений между членами местного сообщества. Муниципальное образование можно рассматривать как общность, реализующую свои интересы, обладающую правами и обязанностями, промышленно-финансовыми структурами, которые при определенных условиях могут быть самодостаточными.

Управление муниципальным образованием осуществляется муниципальным менеджментом, которому местное сообщество делегирует властные полномочия для выполнения общественных задач. Цель муниципального менеджмента - повышение качества жизни местного населения на основе налаживания партнерских отношений между органами местного самоуправления, населением и частным капиталом (в монопрофильных городах - градообразующим предприятием), эффективного использования местных ресурсов и формирования местной социально-экономической инфраструктуры [2]. Очевидно, что в экономике нельзя искать целевые установки управления: экономика - средство, а не цель цивилизованного общества. Целью может быть повышение качества жизни граждан. Реализация этой цели зависит не только от федеральных органов власти, но и от местного самоуправления, особенно его социальной составляющей.

Смысл социального менеджмента заключается не в управлении людьми, а в создании условий для свободного развития умственных и физических сил человека. Методологическим принципом социального менеджмента выступает идея о том, что ценность жизни выше целей производства [1, с. 192]. В настоящее время приходит осознание того, что люди всегда живут на определенной территории, в местном сообществе, где реализуются их важнейшие потребности, и никто лучше самих людей их проблемы не решит.

Особую роль в муниципальном менеджменте, на наш взгляд, занимает управление социальной сферой муниципального образования, которая характеризуется следующими составляющими:

- уровень жизни населения (в том числе - доход на душу населения, семейный доход, прожиточный минимум, потребительская корзина);

- трудовая занятость и безработица; охрана труда и заработная плата;
- доступность образования и состояние образования;
- медицинское обслуживание;
- экологическая ситуация;
- демографическая ситуация (рождаемость, смертность, продолжительность жизни, миграционные потоки);
- отклоняющееся поведение, уровень преступности и состояние личной безопасности;
- состояние социальных связей и социальное самочувствие; защита материнства и детства;
- состояние физкультуры и спорта;
- состояние культурной среды и ее материально-техническая база;
- сфера товаров и услуг;
- социальная поддержка незащищенных групп (пенсионеров, детей, инвалидов, малоимущих).

Все перечисленные элементы взаимосвязаны и образуют единую систему. Для решения задач разного уровня в социальной сфере требуются не только материально-финансовые, но социальные ресурсы. Их можно определить как потенциал личности, социальной группы, социальной организации и общества в целом. Перед социальным менеджером стоит задача раскрыть этот потенциал при помощи технологий управления социальными ресурсами и способов их количественного и качественного измерения. Следует отметить качественное отличие социальных ресурсов от природных:

- природные ресурсы исчерпаемы, а социальные практически нет;
- социальные ресурсы - это возобновляемые ресурсы, в процессе своего использования они не уничтожаются, как природные, а увеличиваются;
- социальные ресурсы из-за своей невостребованности деградируют и обесцениваются, тогда как природные ресурсы сохраняются длительное время;

– социальные ресурсы многообразны и взаимозаменяемы.

Сегодняшняя ситуация в РФ характеризуется недостаточным использованием социальных ресурсов на всех уровнях управления. Прежде всего, слабо используется мотивационный, интеллектуальный, информационный ресурс, особенно на уровне местного самоуправления. Очевидно, что само население местного сообщества должно быть включено в решение местных проблем. Пока же местное самоуправление в России не реализовало свою сущность. Главная задача, стоящая сегодня на местном уровне, - включение населения в решение собственных проблем под свою ответственность. Приоритетной стратегией развития местного сообщества, таким образом, является социальная стратегия. Социальный фактор выступает не только как средство развития муниципального образования, но и как смысл его жизнедеятельности.

Литература:

1. Тюплина И.А. Муниципальный социальный менеджмент монопрофильного города: теоретико-методологический аспект // Проблемы моноспециализированных городов. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы социально-экономического развития городов с градообразующими предприятиями чёрной металлургии». 13-14 марта 2003 года, г. Магнитогорск. – Екатеринбург, 2003. – С. 191-195.
2. Тюплина И.А. Идея социального партнерства и ее роль в социальной политике градообразующего предприятия // Управление социальными процессами в регионах: Вторая Российская научно-практическая конференция: Ч.2. Социология регионального управления: Сб. статей. – Екатеринбург, 2002. – С. 175 – 176.

Социальная политика Российского государства в условиях кризиса

Холоденко Ю.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Современная российская экономика находится в глубоком кризисе. В 2015 году ВВП страны сократился на 3,9 процента, цены выросли на 12,9 процентов, а численность бедного населения достигло 19,2 млн. человек или 13,4 %[1]. Это факты, которые трудно оспаривать. Также очевидно, что традиционная для нашей страны палочка-выручалочка – благоприятная конъюнктура международной торговли, и прежде всего глобального нефтяного рынка – вряд ли придет на помощь россиянам. На это указывает большинство ученых и специалистов. Следовательно, предстоит сложная, кропотливая работа, направленная на формирование новой социально-экономической модели, базирующейся на инновациях.

Следует подчеркнуть, что актуализация задачи перехода к новой модели российской экономики обусловлена как внешними, так и внутренними факторами. С одной стороны, снижение темпов роста глобальной экономики, падение цен на товары традиционного российского экспорта, углубление политических противоречий с Западом, санкции и антисанкции лишь актуализировали задачу ускорения глубоких социально-экономических преобразований.

С другой стороны, не они создали саму проблему. Архаичная, отсталая структура народного хозяйства, деиндустриализация, невосприимчивость к инновациям и неспособность эти инновации генерировать, дефицит экономической свободы на фоне всевластия неэффективной и расточительной отечественной бюрократии – вот далеко не полный перечень условий, препятствующих превращению России в современное государство с процветающей экономикой и активной социальной политикой.

Предстоящие преобразования вряд ли будут простыми и безболезненными. Они потребуют внесения серьезных изменений в подходах к выработке и реализации государственной социальной политики. Не исключено, что это приве-

дет к смене социально-экономической парадигмы, в том числе переоценке принципов и сути социального государства.

Как известно, социальное государство – форма организации государственной власти, при которой осуществляется забота о росте уровня общественного благосостояния, обеспечивается защита социальных прав граждан и повышение качества жизни населения [2. С. 49]. Социальное государство – ответ на вызовы середины XX столетия. Оно создавалось для решения социальных проблем капиталистического общества, обострившихся в ходе Второй мировой войны и в период послевоенной разрухи, нищеты и страданий миллионов людей на разных континентах.

Все современные развитые государства являются социальными. Они добились впечатляющих успехов в сфере обеспечения социальной защиты населения, высоких стандартов в образовании и здравоохранении, в создании благоприятных условий жизнедеятельности людей. Их фундаментальной основой стали идеи социального компромисса, социальной справедливости и социальной солидарности, разделяемые подавляющим большинством граждан. Поэтому нет ничего удивительного в том, что социальное государство западного типа с активной социальной политикой и высокой степенью социальной защищенности стало для других стран и народов идеальной моделью, к которой нужно стремиться.

Динамичное развитие экономики позволило многократно увеличить социальные расходы таких государств, как ФРГ, Франция, Италия, Нидерланды, Дания, Швеция и многих других, превратить их в своеобразную «витрину» социально ориентированного, справедливого общества.

Однако сейчас ситуация изменилась. Обеспечение высоких социальных стандартов требует значительных бюджетных средств. Между тем возможности налогового маневра в большинстве промышленно развитых стран исчерпаны. В частности, уровень налогового бремени в развитых странах ЕС достиг 45-50 процентов ВВП, а во Франции и Швеции превысил 50 процентов [3].

Сужение финансово-экономической базы социального государства на фоне обострения социальных проблем заставляет власти обратиться к таким источникам финансирования социальных обязательств, как внутренние и внешние заимствования. Большинство ведущих государств перегружены долгами.

В 2013 году государственный долг Греции составил 174 процента ВВП, Италии – 133 процента, Португалии, Ирландии, США и Бельгии – 129, 123, 104 и 100 процентов соответственно. Даже в такой стране, как Германия, которая считается образцом стабильности и порядка, этот показатель достиг 80 процентов [4]. Представляется, что ряд государств в принципе неспособны решить проблему государственного долга без «хирургического вмешательства» – списания большей его части, что может привести к глубоким потрясениям глобального финансового рынка.

Российская Федерация в силу особенностей исторического развития позже многих стран встала на путь формирования социального государства. Де-юре о его создании было заявлено в декабре 1993 года, с принятием действующей Конституции.

Первоначально российское социальное государство носило откровенно нормативный характер, став идеологией широких социальных слоев, стремившихся к равенству и социальной справедливости. Однако экономический рост, обусловленный в первую очередь благоприятной внешнеэкономической конъюнктурой на фоне динамического развития глобальной экономики, сформировал материальные предпосылки для практического воплощения принципов социального государства. Государство вспомнило о социальных обязательствах перед собственными гражданами и стало прилагать усилия для решения социальных проблем. Реальные доходы населения в 2000-2008 годах увеличились многократно.

Несмотря на очевидные успехи в области социально-экономического развития, многие социальные проблемы российского общества решены не были. Российское социально-экономическое пространство по-прежнему пронизано многообразными противоречиями: между целями экономического развития и

необходимостью выполнения текущих социальных обязательств, между властью и бизнесом, институтами государства и гражданского общества, между богатыми и бедными регионами

Мы неоднократно подчеркивали, что в нашей стране зарубежный опыт реализации государственной социальной политики в полной мере использован быть не может. Социальная политика в большинстве развитых стран превратилась в тормоз для развития экономики, ибо современное социальное государство – это дорогое удовольствие, базирующееся на масштабном перераспределении. Дорогостоящие социальные программы становятся непосильной ношей даже для богатых государств с высоким качеством и уровнем жизни населения.

Нужно ли нам повторять чужие ошибки? Ведь российское социальное государство вновь переживает непростые времена. Государственные социальные программы реализуются на чрезвычайно неблагоприятном экономическом фоне. Представляется, что современный кризис российской экономики значительно более глубок и серьезен по своим последствиям, нежели в 2008-2009 годах. Социальные проблемы будут нарастать и углубляться. Под угрозой социальная стабильность российского общества, и не замечать этого нельзя. Солидарность и общественная сплоченность – основа социальной стабильности – в России базируется даже не на трех, а на двух «китах»: доверии к действующему Президенту страны и неприятии основанной на двойных стандартах политики Запада по отношению к России. Ресурс значительный, но не безграничный в условиях высокой инфляции, резкого снижения реальных доходов большинства россиян и роста масштабов бедности.

Возникает извечный русский вопрос: «Что делать?». На наш взгляд, активнее инвестировать в человеческий капитал. Общеизвестно, что важнейшими формами инвестиций в человеческий капитал выступают образование, медицина, переподготовка и повышение квалификации. Очевидно, что России предстоит привести качество человеческого капитала в соответствие с требованиями инновационного развития, несмотря на кризисную ситуацию в экономике. Решение данной непростой проблемы потребует значительной концентрации

усилий со стороны российского государства, и прежде всего – хотя бы сохранения размеров финансирования образования, науки и здравоохранения. .

Кроме того, социальная политика российского государства нуждается в усилении адресности. Получать помощь государства должны те, кто в ней нуждается. Весомее должны стать пособия на детей, однако данный вид социальных выплат необходимо превратить в адресный социальный трансферт, цель которого – способствовать преодолению бедности и неравенства. Необходимо пересмотреть систему выплат пособий по безработице.

Наша страна – полноправный член глобального сообщества и в полной мере испытывает на себе влияние процессов глобализации. От способности российского общества и государства найти правильный ответ на глобальные вызовы зависит ответ на главный вопрос: сможет ли Россия занять достойное место в глобальной социально-экономической системе. Это потребует мощной политической воли от правящей элиты и понимания со стороны широких социальных слоев, отказа от сложившихся в последние десятилетия стереотипов и вульгарных идеологем. Мировое сообщество вступило в эпоху турбулентности. Оно стоит на пороге глубочайших перемен.

Литература:

1. Росстат: инфляция в России в 2015 г. составила 12,9% URL: <http://www.vestifinance.ru> (дата обращения:20.04.2016).
2. Государственное и муниципальное управление. Учебное пособие. Под ред. В.П. Васильева.– М., 2014.
3. Уровень налогов по отношению к ВВП. URL: <http://Mostinfo.su> (дата обращения:20.03.2016).
4. Госдолг стран мира в 2014 г. – URL: <http://RU-trade.info/> (дата обращения:20.03.2016).

Региональные системы социальной защиты: принятие решений в условиях нестабильности

Цацура Е.А.

*Институт социального анализа и прогнозирования Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия,
Москва*

Сфера социальной защиты населения на региональном уровне в последние годы активно меняется, прежде всего, под воздействием бюджетных ограничений. Происходят (1) приостановки и отмены мер социальной поддержки, (2) ужесточение условий получения и (3) внедрение учета доходов при назначении мер социальной поддержки. Однако можно отметить также (4) введение новых мер социальной поддержки для отдельных категорий получателей. Институт социального анализа и прогнозирования РАНХиГС сделал обзор, что и для каких категорий получателей поменялось либо в скором времени изменится относительно условий получения мер социальной поддержки. Рассматриваемый период – с 2014 года до марта 2016 года.

Приостановки и отмены мер социальной поддержки

Начнем с обзора региональных решений о приостановках или отменах определенных мер социальной поддержки. В течение рассматриваемого периода в 28 регионах были отменены или приостановлены какие-либо меры социальной поддержки.

В 11 регионах экономия бюджетных средств осуществлена за счет снижения мер поддержки беременных женщин и семей с детьми. В 9 регионах приостановка или отмена мер поддержки затронула категории пожилых льготников. В 5 регионах сократили меры социальной поддержки молодых и/или сельских специалистов, в Омской области - госслужащих. Еще в 5 регионах решения затронули различные другие категории получателей мер социальной поддержки – дружинников и граждан из подразделения особого риска, жителей, подвергшихся воздействию радиации, добровольных переселенцев, инвалидов и тех, кто попал в ТЖС. Отметим, что в 2 регионах сократили меры для наибо-

лее уязвимых категорий – поддержка в ТЖС и социальный контракт. В 5 регионах планируют принять решение по отмене ряда мер социальной поддержки во второй половине 2016 г. или в 2017 г.

Ужесточение условий получения мер социальной поддержки

В 55 регионах в течение 2014-начала 2016 гг. произошли изменения, связанные с ужесточением условий назначения мер социальной поддержки или снижением их объемов (без учета внедрения проверки доходов, так как далее это направление рассматривается отдельно). Из них в 32 регионах изменения касаются мер социальной поддержки семей с детьми. В частности, в 5 регионах произошло прямое сокращение объемов выплат или предоставляемой помощи в натуральной форме. В 14 регионах появились дополнительные условия в мерах социальной поддержки многодетных семей. В 19 регионах изменились или скоро изменятся условия предоставления других мер социальной поддержки семей с детьми.

В целом в 19 регионах изменения коснулись мер социальной поддержки пожилых и «заслуженных» категорий получателей. Изменения касаются различных направлений поддержки - ежемесячные выплаты, оплата жилья и коммунальных услуг, проезд и прочие меры.

Условия предоставления мер социальной поддержки различных других категорий претерпели изменения в 26 регионах.

Внедрение учета доходов при назначении мер социальной поддержки

В 57 регионах в рассматриваемый период произошло внедрение учета доходов или снижение пороговых значений дохода при назначении мер социальной поддержки с целью концентрации средств на наиболее нуждающихся домохозяйствах.

В 13 регионах усилили или планируют усилить адресность мер поддержки многодетных семей. В 6 регионах учет доходов внедряется при предоставлении различных ежемесячных выплат семьям с детьми. В 5 регионах учет доходов внедряется при предоставлении мер, направленных на обеспечение питанием. В 4 регионах учет доходов в течение 2014-2016 гг. был внедрен при предос-

тавлении мер по оздоровлению и отдыху детей.

Отчетливо выделяется стремление к концентрации ресурсов при предоставлении компенсации родителям части родительской платы за присмотр и уход за детьми в государственных образовательных организациях, реализующие образовательную программу дошкольного образования. В 3 регионах данная мера уже стала предоставляться с учетом доходов в 2016 г., еще в 11 такое условие планируется ввести в ближайшее время в течение 2016 г., в 5 регионах планируется учет доходов начать в 2017 г.

Перейдем к рассмотрению изменений, коснувшихся других категорий получателей. Так, в 8 регионах была усилена адресность при получении государственной социальной помощи, в том числе экстренной и в ТЖС.

Более знаменательно, что ряд регионов сделали попытку начать применение принципов адресности пожилых и «заслуженных» категорий льготников (как минимум 17 случаев).

Еще 10 регионов изменили или планируют изменить условия предоставления мер социальной поддержки с включением учета доходов для других категорий получателей - материальных выплат студентам, право приобретения единого социального проездного, возмещение расходов на найм жилого помещения молодым специалистам, бесплатное обеспечение протезно-ортопедическими изделиями.

В тоже время интересно отметить, что в регионах есть несколько примеров, когда напротив произошел отказ от учета доходов при назначении мер социальной поддержки или повышение порога доходов (4 случая).

Новые меры социальной поддержки для отдельных категорий получателей

В 47 регионах были внедрены новые меры поддержки либо расширены категории получателей. В период с 2014 по 2016 гг. принятие дополнительных мер социальной поддержки или продление заканчивавших действие программ поддержки многодетных семей произошло в 11-ти регионах. В половине всех случаев происходит введение или продление мер поддержки наиболее нуждающихся многодетных семей (назначение социальных выплат происходит с

учетом доходов заявителей).

Если для многодетных семей лишь часть новых мер социальной поддержки предоставляется на основе проверки доходов заявителей, то для семей с детьми, не являющихся многодетными (за исключением семей с детьми-инвалидами или родителями-инвалидами), все введенные регионами в 2014-2016 гг. меры социальной поддержки предоставляются на основе проверки доходов заявителей.

В 9-ти регионах социальный контракт для малоимущих семей был введен в 2014 году, еще в 2 в 2015 году (в большинстве регионов такая программа была введена ранее).

Отдельно стоит выделить такую меру, как компенсация расходов на уплату взноса на капитальный ремонт, появившуюся в 2016 году как минимум в 14 регионах для различных категорий получателей.

Что касается введения новых мер социальной поддержки пожилых граждан, то, в период с 2014 по 2016 гг. в 5-ти регионах были введены меры социальной поддержки пожилых граждан, чье детство пришлось на годы Великой Отечественной войны. Меры социальной поддержки данной категории граждан назначаются без учета их доходов и включают предоставление ежемесячных денежных выплат, единовременных выплат, связанных с компенсацией расходов на проезд и празднованием годовщины Победы.

В 3 регионах введены меры социальной поддержки ветеранов труда (причем в 2 из них меры социальной поддержки предоставляются на основе проверки доходов заявителей (порог доходов соответственно 1,5 ПМ и 2 ПМ)). В отдельных регионах введены дополнительные меры социальной поддержки участникам, ветеранам и инвалидам ВОВ. В целом большинстве регионов (в 8 из 11 регионов) новые меры социальной поддержки пожилых граждан, введенные в 2014-2016 гг., предоставляются получателям без учета их доходов. В 5-ти регионах в 2014-2016 гг. были введены новые меры социальной поддержки инвалидам и ветеранам боевых действий и членам семей умерших/погибших инвалидов и ветеранов боевых действий. Предоставление мер происходит с учетом

проверки доходов в 3-х регионах.

Кроме перечисленных выше категорий граждан в 13 регионах новые меры социальной поддержки были введены в 2014-2016 гг. для иных категорий граждан: инвалидам; гражданам, нуждающимся в процедурах гемодиализа; больным туберкулезом; гражданам, подвергшимся воздействию радиации; почетным донорам; заслуженным работникам из различных сфер; Героям Советского Союза, Героям Труда и пр. категориям граждан.

Проведенный анализ показал, что в 2015 году новые меры социальной поддержки вводились регионам чаще, чем в 2014 году.

Изменение роли государства в эпоху глобализации

Чаргеишвили А.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Мы живем в атмосфере множества изменений, происходящих в обществе, среди которых значительными являются изменение роли национального государства и его социальных функций, транснациональных корпораций, создание новых институтов, способствующих формированию нового мирового порядка и пр.

Национально-государственная модель общества в настоящее время поддается глобализацией. С одной стороны национальная власть все же продолжает играть ключевую роль, но с другой стороны влияние имеют и различные организации, концерны и пр. По-прежнему основные социальные проблемы решают национальные государства, но в последние годы все чаще ставится вопрос об исчерпании их роли и социальных функций в условиях глобализации.

Согласно исследователям, функции государства в данных условиях будет выполнять «космополитическое сообщество». Современные государства вступают в межгосударственные союзы во многом из-за попытки застраховать политические, экономические и прочие риски, тем самым передавая часть своего суверенитета. Такая ситуация характерна для стран Европейского союза.

Однако, как показывает европейский опыт, не происходит исчезновение государства, его замена другими институтами. Помимо того, институты межгосударственного характера оказались неспособны решить глобальные проблемы, что говорит о неэффективности складывающегося мирового порядка. Такие проблемы как неравенство, бедность, терроризм, экология и т.п. по-прежнему остаются в компетенции национальных государств.

Таким образом, все же выдвижение тезиса о вытеснении государства новыми субъектами, об исчезновении его суверенитета и утрате значения национальных интересов по мере развития глобализации выглядит явно преждевременным.

Одна из глобальных проблем заключается в разных возможностях национальных государств осуществлять социальную политику, т.к. она прямо связана с экономической динамикой страны. Следовательно, социальная эффективность государства напрямую зависит от институтов экономики и их эффективности.

В настоящее время отмечается кризис современного социального государства. Во многом сам кризис и критическое отношение населения к действиям социального государства обусловлены провозглашенным тезисом о «перезагрузке государства» социальными обязательствами (1970-1980-е гг.), а также последствиями кризиса 2008-2009 гг. Таким образом, данный кризис не предопределен государством как социальным институтом, его причины кроются в свойствах рыночной экономики.

Литература:

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества. М., 2004
2. Васильев В.П. Влияние глобальных процессов на эволюцию социальных функций государства / Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. М., №1. 2015
3. Гидденс Э. Ускользящий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. М., 2004

4. Социальное рыночное хозяйство. Концепции, практический опыт и перспективы применения в России / Под общ. ред. Р.М. Нуреева. М., 2007

Право российских граждан на жилище в практиках социального государства

Шушпанова И.С.

Институт социально-политических исследований РАН, Россия, Москва

Наличие жилья и комфортных жилищных условий – является базовой потребностью каждого человека и основой для обеспечения устойчивого развития гражданского общества и социального государства, задачей которого является создание условий для достойной жизни своих граждан. Тема обеспеченности жильем граждан является актуальной и наиболее проблемной в Российской Федерации. По оценкам Федеральной службы государственной статистики в конце 2014 года общая площадь жилых помещений ветхого и аварийного жилищного фонда составила 93,3 млн. кв. м.

Самооценка граждан своих жилищных условий позволяет фиксировать наличие актуальных проблем в реализации права на жилище и в создании государством условий, обеспечивающих достойную жизнь. По данным Фонда «Общественное мнение» в октябре 2015 года большинство россиян считали свои жилищные условия терпимыми или плохими (59%). Положение усугубляется тем обстоятельством, что чем ниже уровень доходов российских семей, тем хуже они оценивают свои жилищные условия. По данным Федеральной службы государственной статистики с 2013 по 2014 годы количество семей, состоявших на учете в качестве нуждающихся в жилых помещениях, выросло на 33 тыс. Согласно результатам исследования Фонда «Общественное мнение» мнение, в октябре 2015 года 47% россиян считали, что у них есть потребность в улучшении своих жилищных условий.

Покупка жилья требует реальной оценки своих денежных доходов в ближайшем и среднесрочном будущем. В тексте проводится анализ результатов исследований Центра стратегических социальных и социально-политических

исследований ИСПИ РАН, которые проведены при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг», проект № 15-03-18018 «Организация и проведение полевого этапа социологического исследования на тему: "Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг"». Согласно результатам исследования Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН в июне 2015 года 42% россиян затруднились с оценкой своего материального положения через 5 лет, а 18% посчитали, что их положение останется неизменным.

Анализ мнения российских семей о том, как они намереваются улучшить свои жилищные условия, позволяет выделить реальные и возможные пути решения жилищной проблемы. Согласно данным Федеральной службы государственной статистики в 2014 году наибольшее число российских семей намеревались выбрать путь улучшения своих жилищных условий через покупку другого жилья (47,1%). Строить новый дом или пристройку собирались 23,6% семей. На наследство рассчитывали 9,6% российских домашних хозяйств. Только 7,3% семей предполагали покупку дополнительного жилья. А в качестве источников денежных средств для улучшения своих жилищных условий российские семьи предполагали использовать различные возможности: собственные средства (39,5%), ипотечный кредит (45,4%), деньги от продажи имеющегося жилья (37,1%) и средства материнского капитала (20,8%).

Для граждан существует несколько возможных путей улучшения своих жилищных условий. Однако на практике все они являются труднодоступными. Первый способ – это покупка или строительство жилья за счет накопления собственных средств. Но этот путь трудно реализуем для большей части россиян. Согласно результатам исследования Центра стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН в декабре 2015 года 27% респондентов, по самооценке, живут в условиях нищеты и

бедности. У 56% респондентов денег хватает для приобретения необходимых продуктов и одежды. Российское общество постепенно беднеет, а проблема предоставления жилья малоимущим гражданам возрастает. Также по данным Федеральной службы государственной статистики в 2014 году большинство российских семей не имели возможности накопления средств (75,5%).

Вторым вариантом улучшения жилищных условий является банковский ипотечный кредит для покупки недвижимости. Результаты исследования Фонда «Общественное мнение» показали, что в октябре 2015 года 69% россиян исключили возможность, что возьмут ипотечный кредит на покупку жилья.

Третий способ улучшения жилищных условий – коммерческий найм жилья (коммерческая аренда жилья). В обследовании Федеральной службы государственной статистики российские семьи не указывали такой вариант как реальный путь улучшения жилищных условий. Главным критерием возможности коммерческого найма жилья является его стоимость, которая сейчас сопоставима с ежемесячными расходами выплат по кредитам.

Четвертое направление улучшения жилищных условий тесно связано с реализацией основ социального государства. Правительством РФ разработана государственная программа «Обеспечение доступным и комфортным жильем и коммунальными услугами граждан Российской Федерации». На ее реализацию в бюджете РФ на 2016 год заложено 25, 32 млн. рублей.

И в тоже время результаты исследования, проведенного в июне 2015г. Центром стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН показали, что 41% граждан считают, что российское государство не выполняет своих обязанностей по обеспечению права на жилье. Согласно результатам исследования Фонда «Общественное мнение», в октябре 2015 года более половины (61%) нуждающихся в жилье граждан, кроме тех, кому не удастся их улучшить в ближайшие 2-3 года, не рассчитывали на получение социального жилья и помощь государства.

В настоящее время существует практика социального найма жилья для улучшения жилищных условий граждан. Данный вариант является пятым

способом улучшения жилищных условий. Однако, согласно статье 49 Жилищного кодекса РФ, такое жилье может быть предоставлено, в первую очередь, малоимущим россиянам, которые признаны органами местного самоуправления нуждающимися в жилых помещениях. С 2011 по 2014 годы число семей, получивших жилое помещение по договорам социального найма, постепенно снижалось с 180 774 до 53 043 (данные Федеральной службы государственной статистики).

Шестой путь улучшения жилищных условий граждан может быть реализован через формирование некоммерческих жилищных объединений, которые являются частью ядра формирования гражданского общества. Для членов жилищных некоммерческих объединений граждан главной целью является совместное строительство жилья для собственного проживания. Поэтому итоговая стоимость кв. м. здесь может быть минимальной без наценок. Именно данный способ мог быть стать реальным путем улучшения жилищных условий граждан с невысоким уровнем дохода. Однако в настоящее время он не является востребованным на рынке жилья, поскольку законодательная база в России не до конца доработана. Существуют ограничения по категориям граждан и по возможностям реализации данного механизма в рамках существующих государственных программ. Интерес к данным объединениям привлек внимание Общественной палаты РФ.

Анализ способов улучшения жилищных условий показал, что необходимо объединить возможности гражданского общества, власти и бизнеса, предоставив соответствующие реальным возможностям и потребностям граждан различные способы улучшения жилищных условий, которые бы отвечали современным стандартам и способствовали улучшению качества жизни населения, как в настоящее время, так и в перспективе. Строительство доступного жилья должно, в первую очередь, учитывать потребности граждан в настоящем и будущем. Во-вторых, доступное жилье должно размещаться в благоустроенных всей инфраструктурой районах населенного пункта. Также доступное жилье должно отвечать требованиям

экологической, технологической безопасности не только окружающей среды, но и материалов, из которых возведено строение. Уровень обслуживания и доступности оплаты в жилищно-коммунальной сфере играет важную роль в улучшении жилищных условий граждан. Поэтому роль государства в создании условий для достойной жизни своих граждан является основополагающей как гаранта и регулятора механизма доступного жилья. В настоящее время такие условия в России пока находятся на стадии становления.

Реальность «турбулентного общества»: вопросы безопасности и управления рисками

Щекотин Е.В.

АНО «Правовой институт обращений граждан», Россия, Новосибирск

В современной социальной теории возникло ряд направлений, которые рассматривают понятие общества в терминах подвижности, мобильности, текучести. Так, З. Бауман пишет о «текущей современности», рассматривая постепенное размывание казавшихся еще недавно незыблемыми элементов социальной жизни, таких как труд, семья, государство и т.п. [1]. М. Кастельс предлагает концепцию «сетевого общества», которое организуется вокруг информационных потоков. В этой системе определяющее значение приобретает для людей и сообществ размещение в этом пространстве потоков [2]. Дж. Урри вообще рассматривает мобильность как определяющий признак социального и предлагает выстроить социальную науку, которая бы занималась изучением мобильности, а не такого понятия как «общество» [3]. Такой акцент на процессах перемещения, подвижности, текучести при рассмотрении современного общества позволяет ввести новый концепт – «турбулентного общества» (см., например, [4]). Следует подчеркнуть, что динамизм как черта современного общества не является единственным признаком этого общества, важно подчеркнуть, что подвижность приобретает такую интенсивность и проникает настолько глубоко, что это в движение приходят самые фундаментальные, «тектонические» основы социальной жизни.

Здесь весьма убедительными представляются две метафоры, по-разному схватывающие реальность современного мира, но точно фиксирующие его контур. Первая метафора – это метафора скорость, акселерации, которую предлагает П. Вирилио. Современность буквально одержима скоростью, это касается не только технических, но и социальных и политических вопросов. Ускорение процессов, происходящих в обществе, приводит к трансформации базовых форм человеческого существования (таких как пространство и время). Другая метафора – это образ «плоского мира» Т. Фридмана. Суть ее в том, что в результате сочетания определенных технологических, экономических и социально-политических процессов, в современном мире исчезли границы для перемещения людей и товаров. Мир стал плоским в том смысле, что технологические барьеры и политические границы больше не являются препятствием для свободного движения вещей и людей. Эти две метафоры, несмотря на различные позиции авторов, в значительной степени пересекаются и дополняют друг друга. Ускорение движения в физическом и символическом пространствах, в сочетании с исчезновением границ в этих пространствах формирует новый тип общества, основанный на онтологии потоков. При этом текучесть подразумевает не только мобильность людей и товаров, она характеризует также и мир вещей, артефактов. Сами вещи являются потоком в этой текучей среде [5]. При обилии различных теоретических схем, охватывающих те или иные аспекты современного мира, целостной концепции турбулентного общества пока не сложилось. Чаще всего констатируется наступление «турбулентных времен» (например, [6]) и анализируются отдельные формы проявления социальной турбулентности. Теория турбулентного социума базируется на принятии того тезиса, что неустойчивость, нестабильность, неконтролируемость значительной части явлений современного мира выступает его онтологическим признаком. Это мир постоянного становления, незавершенных структур и процессов, половинчатых гибридных форм.

«Текущее» состояние турбулентного социума помимо многих достоинств (отмеченных например Т. Фридманом) рождается также и специфические

вызовы. Социальная турбулентность обостряет различные проблемы, связанные с обеспечением безопасности. Турбулентное общество активно генерирует риски, и умение справляться с этой повышенной рискогенностью определяют успешность в этом обществе. В качестве примера остановимся на двух фактах, которые в полной мере отражают специфичность вызовов безопасности, обусловленных социальной турбулентностью. Первый пример – это участвовавшие случаи массовых убийств мирного населения своими же согражданами, в частности, наиболее резонансные такие случаи связаны с массовыми убийствами в школах. Этот факт подчеркивает спонтанность проявления разрушительных действий. Предсказать и предотвратить такого рода события не представляется возможным, поскольку они осуществляются одиночками и часто вызваны совершенно незначительными причинами. На такие вызовы можно только реагировать, а для этого система безопасности должна перейти на микроуровень отдельных людей, зданий и т.д. Второй факт – это периодические возникающие спонтанные беспорядки, которые происходили во многих европейских странах, начиная с 2005 г. (во Франции осенью 2005 г., в Великобритании в августе 2011 г., в Швеции в мае 2013 г.). Последним таким случаем стали нападения на массовые нападения на женщин в Кельне в новогоднюю ночь 2016 г., когда пострадали более 1000 человек [7]. Данные события также происходят совершенно спонтанно, их могут вызвать совершенно случайные причины. Стремление объяснить произошедшее экономическими, социальными, культурными или психологическими факторами представляется несостоятельным и обусловлено в большей мере необходимостью найти виновных, чтобы продемонстрировать состоятельность органов государственной власти. По своей структуре такие всплески социальной турбулентности идентичны событиям, которые Н. Талеб называет «черными лебедями». «Черный лебедь» является непредсказуемым событием, обладает огромной силой воздействия и объясняется уже после того, как оно произошло [8]. В Российской Федерации такого рода события также происходили, хотя и не так часто. Достаточно вспомнить беспорядки на Манежной площади (2010 г.), в Бирюлево (2013 г.), связанный с межэтническими

столкновениями. Можно резюмировать, что межэтнические взаимодействия являются потенциальными точками возникновения рисков нестабильности в РФ.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ «Философские основы доктрины безопасности в условиях турбулентного социума», проект № 15-33-01310.

Литература:

1. Бауман З. Текущая современность. СПб.: Питер, 2008. 240 с.
2. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
3. Урри Дж. Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 336 с.
4. Ядов В. А. Каким мне видится будущее социологии//СОЦИС. 2012. № 4. С. 3-7.
5. Mol A., Law J. Regions, Networks and Fluids: Aemaemia and Social Topology // Social Studies of Science. 1994. № 24. P. 641-671.
6. Яницкий О. Н. «Турбулентные времена» как проблема общества риска // Общественные науки и современность. 2011. № 6. С. 155-164.
7. Rund 1000 Silvester-Straftaten in vier NRW-Großstädten // <http://www.welt.de/regionales/nrw/article151138995/Rund-1000-Silvester-Straftaten-in-vier-NRW-Grossstaedten.html>
8. Талеб Н.Н. Черный лебедь: под знаком непредсказуемости. М.: КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2014. 736 с.

Моделирование будущего пенсионной системы России как часть государственного управления в социальном государстве

Якушев Е.Л.

НПФ "Европейский пенсионный фонд" (АО), Россия, Москва

Согласно Конституции РФ, Россия – это социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Без соответствующего пенсионного обеспечения реализация принципов социального государства в стране невозможна. Создание сбалансированной пенсионной системы – это одна из задач государственного управления.

В последнее время дискуссии вокруг направлений развития пенсионной системы России приобретают характер популистских и не приводят к практическим результатам. Между тем, сегодня можно, используя накопленную статистику и взяв за основу те сценарии дальнейшего развития, которые обсуждаются в обществе, спрогнозировать варианты развития пенсионной системы России.

Модель пенсионного будущего позволяет в наглядном виде представить возможные варианты развития событий и спрогнозировать эффект тех или иных шагов, предпринимаемых или только планирующихся к внедрению в России.

Моделирование пенсионных систем в современном мире относится к категории счетных задач (quantitative analysis). При создании модели мы использовали статистические данные: Росстат, ЦБ, ПФР. Инструментарий для моделирования был разработан специалистами исследовательской компании «Пенсионные и Актуарные Консультации» и Ассоциации профессиональных актуариев. В основе программы – различные демографические и макроэкономические предположения и сценарии реформирования пенсионной системы, предлагаемые в настоящий момент участниками пенсионной отрасли. Модель позволяет просчитать возможные эффекты и изменения основных параметров пенсионной системы.

Основа модели пенсионной системы - баланс доходов и расходов. Доходная часть бюджета Пенсионного фонда России состоит из страховых взносов официально работающих граждан и трансфертов из федерального бюджета. Расходная часть – это выплаты пенсий. Уровень дифференциации размеров пенсий крайне низкий, несмотря на наличие разных принципов и условий их расчета, поэтому для целей оценки сбалансированности пенсионной системы мы можем использовать данные о численности пенсионеров и усредненные размеры пенсий.

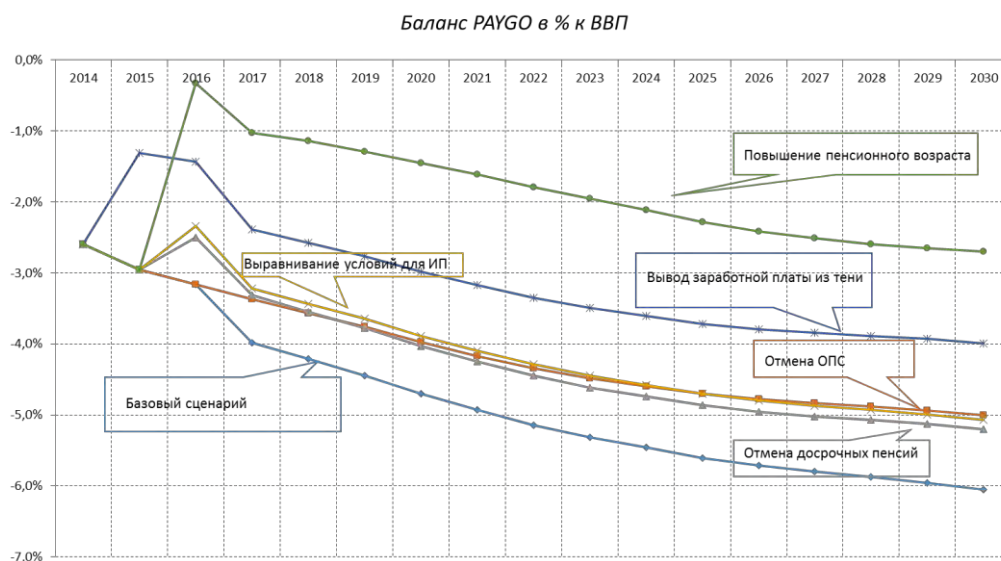
Доходы и расходы пенсионной системы зависят от прогнозов роста заработной платы и темпов индексации пенсий и пособий, которые, в свою очередь, зависимы от темпов роста ВВП и инфляции.

Наибольшее влияние на пенсионную систему оказывает демография. Рассмотрим объективные данные по соотношению работающих и пенсионеров. С одной стороны, в России сокращается количество работающих, так как в трудовую пору входят «внуки войны». С другой – растет число пенсионеров за счет общего старения населения и выхода на пенсию «бебибумеров» послевоенного поколения. Ежегодно в России в стране увеличивается количество получателей пенсий – почти на 0,5 млн, при этом снижается число наемных работников, платящих страховые взносы и финансирующих, таким образом, выплату пенсий. Кроме того, продолжительность жизни растет, а население стареет – это глобальный фактор, который оказывает серьезное влияние на число пенсионеров в стране.

Представляемая широкой публике программа моделирования пенсионной системы позволяет учитывать множество групп параметров – от демографических данных до макроэкономических, а также тестировать различные сценарии:

- базовый (сохранение текущих норм);
- выравнивание условий индивидуальных предпринимателей и наемных работников;
- вывод заработной платы из «теневого сектора»;
- отмена накопительной пенсии;

- изменение пенсионного возраста;
- реформа досрочных пенсий.

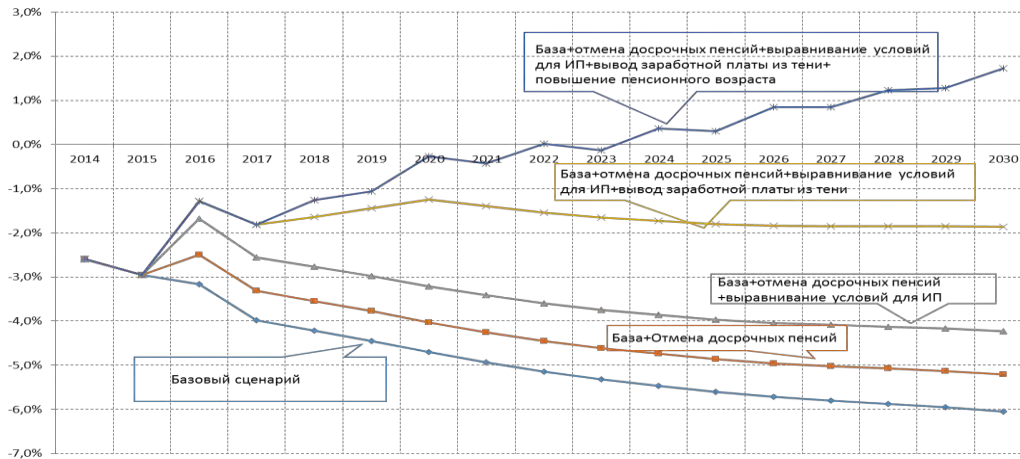
Моделирование пенсионной системы позволяет выявить возможные эффекты изменения основных параметров пенсионной системы. В представленной ниже таблице приведены возможные эффекты изменения основных параметров пенсионной системы:

Наименование	Влияние на дефицит ПФР	Влияние на размер страховой пенсии	Проблемы и долгосрочные риски
Изменение пенсионного возраста (повышение возраста до 65 лет для обоих полов)	Снижение: эффект 3% ВВП	Увеличение	Уменьшаются демографические риски Поддержка занятости в старших возрастах
Вывод заработной платы из «тени»	Снижение: рост фонда оплаты труда на 30% – эффект 1,5% ВВП	Увеличение	
Выравнивание условий для ИП (равные условия для всех застрахованных лиц)	Снижение: эффект 1,25% ВВП	Увеличение	Рост нагрузки на малый бизнес
Реформа системы досрочных пенсий (ликвидация такого вида пенсий)	Снижение: эффект 1,1% ВВП	Увеличение	Реализуется только для Списков 1 и 2 Необходимо создание системы страхования рисков утраты трудоспособности

Ликвидация накопительной системы	Снижение: эффект 1,1% от ВВП	Снижение	Потеря доверия граждан и ликвидация источника долгосрочных инвестиций
----------------------------------	---------------------------------	----------	---

Модель пенсионной системы позволяет оценить кумулятивный эффект от реализации реформ и их чувствительность к влиянию макроэкономических и демографических параметров.

Баланс PAYGO в % к ВВП

СЕКЦИЯ 2. ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ ОРГАНИЗАЦИЙ

Реформирование армии и модернизация военного образования в условиях институциональных трансформаций

Абрамов А. П.

Юго-Западный государственный университет, Россия, Курск

Новая реальность, характеризующаяся социальной нестабильностью и нарастающими рисками социальных изменений, предъявляет новые требования ко всем социальным. Трансформация всех сфер социальной жизни затронула все сферы деятельности человека и в первую очередь институциональную структуру современного российского общества, ключевой элемент которого – военная организация, которая находится на стадии реформирования.

Необходимость научного осмысления компонентов, ключевых характеристик, условий реализации социальных механизмов реформирования российской армии и модернизации военного образования объясняется комплексом существенных факторов. Эти факторы связаны с трансформационными процессами, происходящими в мире и в современном российском обществе, появлением новых парадигм, изменением роли военной организации.

Сегодня российское общество находится в процессе сложного качественного роста, а система российского образования, в том числе и военного, развивается в поиске новых парадигм. Суть этого поиска заключается в том, чтобы, с одной стороны, динамика образовательной системы отвечала лучшим мировым стандартам, находилась в русле общецивилизационного развития, а с другой, была адекватна отечественным социокультурным особенностям, воспроизводила передовой опыт образовательной деятельности, интегрированной многими поколениями россиян, то есть, другими словами, отвечала требованиям объективного закона ментальной идентичности.

На это обращает самое пристальное внимание Президент Российской

Федерации, подчеркивая необходимость последовательного укрепления Вооруженных Сил, соизмерения задач по их модернизации с социально-экономическими возможностями, социокультурными традициями, а также характером потенциальных угроз и динамикой международной политической обстановки. Современная Армия – это, прежде всего, грамотные, подготовленные люди, способные применять самые передовые системы вооружения. Специалисты, обладающие глубокими знаниями и высоким уровнем общего образования и культуры [3].

Именно это и является главным глубинно-психологическим и историко-эволюционным ресурсом модернизации системы военного образования.

Необходимо заметить, что в компетенцию системы военного образования входит не только реализация профессиональных образовательных программ в сфере военного дела, но и формирование у будущих офицеров системообразующей культурно-информационной конструкции, от которой зависит направленность профессиональной и политической социализации, динамика социального статуса и социальной мобильности, осознание государственной и общественной значимости военно-профессиональной деятельности, становление личности в целом [5]. Известно, что идея становится реальной силой тогда, когда она овладевает сознанием масс.

Поэтому, в контексте реформирования армии и модернизации военного образования актуальным становится поиск организационных механизмов, инновационно-управленческих стратегий, направленных на формирование сознания его субъектов в интересах совершенствования военного образования и военной реформы в целом. Главной проблемой становится разрешение дискурса «традиционное – современное», ядро которого – культура [2].

Как уравновесить старые традиционные институциональные практики с новыми инновационными, сохранив свою ментальность и идентичность?

Современному российскому обществу просто необходим новый интеллектуальный маневр, новый горизонт мышления.

Уже многие убеждаются в том, что западный образовательный проект с

обучением в США, в Великобритании, во Франции «пробуксовывает».

Сегодня необходимо со всей очевидностью признать, что выбор образовательной «услуги» модели для России – это ошибка. Как впрочем, и другая сфера – медицина, вместо того, чтобы окончательно вылечить, она ставит своей целью, как можно дольше привязать пациента приносящего деньги к своим услугам и «лечить» его всю жизнь.

Даже в значительной степени ущербной образовательной модели есть и свои точки роста – система военного образования, поскольку формирует не «узкие» компетенции, а закрепляет метанавыки. Не случайно военные достаточно легко интегрируются во все сферы общественной жизни.

Советская модель определяется автором как исходная базовая матрица военного образования современной России, поскольку содержала в себе основания, средства и механизмы реализации образовательных и воспитательных стратегий, отвечающих интересам общества, геополитике, типу войн и конфликтов, динамике военной техники и технологий, ментальности народа и социальной основе армии [1, с. 13-14].

Ростки будущего у России есть – креативная индустрия, опытные производства, оборонно-промышленный комплекс. И, конечно, человеческий капитал.

Где точки, по которым мы можем продвигаться?

Все, что повышает спрос на таланты, на воспроизводство человеческого капитала – это правильный вектор развития российской экономики. Мы страна умных людей, у нас есть собственный креативный класс, которому строить новую Россию. Опора на культурный потенциал даст новые возможности и для экономического роста, поскольку именно культура формирует экономику.

Но это довольно длинный трансформационный путь, который выходит за пределы одного поколения. При этом нам необходимо не забыть в какую сторону мы движемся, поскольку стратегий, программ (стратегия национальной безопасности, стратегия культурного воспроизводства, программы социально-экономического развития и т.д.) у нас большое множество, но все они идут свои

курсом. А необходима интеграционная установка с задачей – удерживать выбранную траекторию развития.

Таким образом, именно культура оказывает решающее воздействие на институциональную трансформацию социальной структуры современного российского общества. Поэтому воздействие культуры на все институциональные образования – главный маркер будущего развития России.

Литература:

1. Абрамов А.П. Модернизация среднего специализированного военного образования в условиях реформирования российской армии: автореф. дис. ... докт. социолог. наук. 22.00.06 / Абрамов Александр Петрович. – М.: ИСПИ РАН, 2016. – 40 с.
2. Абрамов А.П. Ценностные приоритеты личности в системе отечественного довузовского военного образования // Вопросы культурологии. 2009. – № 12. – С. 62-66.
3. Путин В.В. Быть сильными: гарантии национальной безопасности для России // Российская газета. – 20 февраля. – 2012. – № 35(5708).
4. Сорокин П.А. Человек. Цивилизация. Общество. – М.: Политиздат, 1992. – 251 с.
5. Abramov A.P. Cadet education in the imperial Russia: genesis, dialectics and the role in social structure of the society // Былые годы. Российский исторический журнал. – 2014. – № 32 (2). – С. 140-144.

Развитие новых форм обеспечения продвижения социальных проектов в сетевой экономике

Алетдинова А.А. Кравченко М.С.

Новосибирский государственный университет, Россия, Новосибирск

В России назрела необходимость решения двух стратегических задач:

- 1) построение социально-ориентированной рыночной экономики, перехода на инновационный путь и 2) развитие сетевого общества. Очевидно, что

без достижения баланса между экономической эффективностью и социальной справедливостью их решение невозможно.

Последнее время набирает популярность реализация социальных проектов в обществе. Основным фактором, обеспечивающим это, стали информационно-коммуникационные технологии, развитие которых привело к формированию новых форм социальных институтов, стиранию географических границ во взаимодействии общества.

Если не рассматривать собственные ресурсы, то, на наш взгляд, для обеспечения продвижения социальных проектов в настоящее время используются следующие инструменты:

1. организация личных встреч со спонсорами; отправка им писем;
2. подача заявок на гранты, целевое финансирование;
3. организация специальных мероприятий по сбору средств;
4. привлечение волонтеров;
5. организация советов учредителей и попечителей;
6. формирование фонда целевого капитала;
7. организация рекламы;
8. размещение проекта на краудсорсинг-портале;
9. получение кредита.

Они позволяют найти ресурсы, необходимые для реализации проекта. Для выявления наиболее востребованного инструмента нами производился опрос в социальных сетях, таких как Вконтакте, Одноклассники, Facebook и на форуме ССО Мицар. В общей сложности в опросе приняло участие около 900 респондентов. Больше 45 % опрошенных не занимались продвижением социальных проектов и в дальнейшем не участвовали в обследовании.

Среди самых популярных инструментов оказались: организация личных встреч со спонсорами (25 % респондентов), подача заявок на гранты и целевое финансирование (15 % опрошенных) и получение кредитов (7 % респондентов). В условиях сетевого взаимодействия появился новый инструмент – использование краудсорсинг-порталов. Они достаточно развиты за рубежом, и появи-

лись в России, в качестве примеров можно привести:

1. *Wikipedia*. В разработке электронной энциклопедии приняли участие более 19,5 миллионов граждан. Система всегда остается открытой для совершенствования, дополнения, расширения и уточнения.

2. Проект «Активный гражданин». Запущенная платформа направлена на организацию сетевого взаимодействия органов управления г. Москвы и общества. Ее основная цель – анализ мнения населения о деятельности мэрии, правительства, иных органов исполнительной власти и реализации отдельных проектов. Участие населения в сетевом взаимодействии стимулируется распространением среди активных пользователей приглашений на праздники, выставки и в музей; билетов в театры и спортивные мероприятия; вручением подарков и сувениров; обменом накопленных баллов на бесплатную парковку или проезд в метро и т. д.

3. Крупнейшая российская платформа «Планета». Занимается размещением общественных проектов для привлечения средств на реализацию с помощью коллективного финансирования. Схема работы достаточно проста. Любой участник сетевого взаимодействия может зарегистрировать и разместить свой проект на предлагаемом сайте. По истечении срока сбора средств, оно может быть продлено на время, не более изначально обозначенного. Если проект не набрал более 50 % средств, то деньги расходятся обратно донорам, в противном случае – автор проекта получает их с вычетом налогов и сборов за услуги платформы [1, 2, 3].

Популярны также в России платформы Краудсорсинг, Планета, Кикстартер, Бумстартер и др. [3, 4, 5, 6].

На наш взгляд, краудсорсинг – это организация социально-трудовых отношений в рамках сетевого взаимодействия с обществом без оформления трудовых договоров. Он позволяет задействовать ресурсы общества.

Только 2,2 % респондентов пользовались краудсорсинг платформами. Это объясняется не столько низкой заинтересованностью общества, сколько отсутствием в нашей выборке жителей таких мегаполисов как Москва и Санкт-

Петербурга. Например, число пользователей проекта «Активный гражданин» превысило 1 миллион, но они не участвовали в обследовании.

Такая организация социально-трудовых отношений по привлечению ресурсов общества, государства, организаций происходит на безвозмездной основе для реализации проектов, преимущественно социальной направленности, не связанных с предприятием с субъектом сбора ресурсов на основе сетевого взаимодействия. На сайте Краудсорсинг размещены 728 проектов (по данным на 25.04.2016), которые разделены на ряд рубрики (рис. 1). Их анализ показывает, что более 90 % проектов – социальные. Доля успешных проектов – 56,36 %. В категории «Благотворительность» наиболее популярен сбор денежных средств для помощи детям и престарелым, на втором месте – помощь животным.

Нами выдвинуты и доказаны эмпирически следующие предположения, что успешность сбора средств зависит от качества оформления проекта; категории, к которой принадлежит проект; планируемой длительности проекта. Средняя длительность проектов составила 67,62 дня. Предлагаем, что люди боятся вкладывать деньги в долгосрочные инициативы.

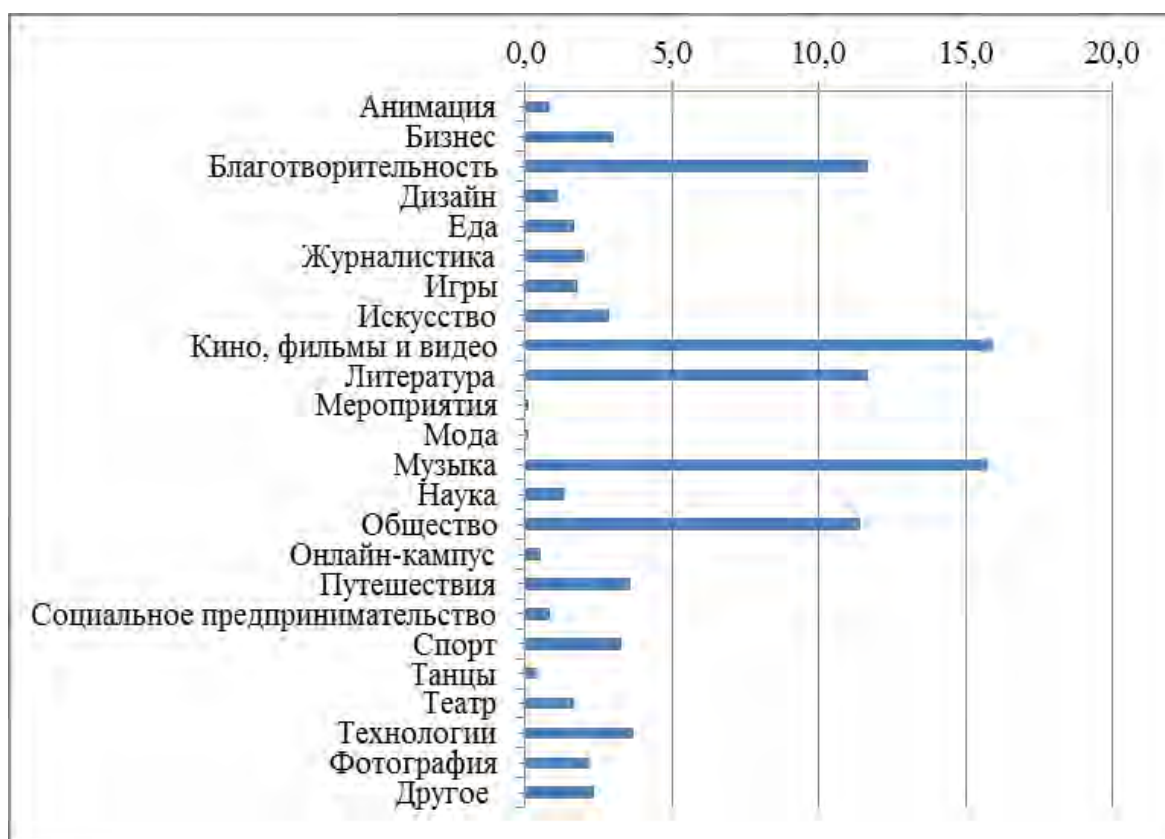

Рис. 1. Распределение проектов по рубрикам сайта Краудсорсинг

Таким образом, использование краудсорсинга, в частности на специализированных порталах, для реализации социальных проектов необходимо рассматривать как новый инструмент продвижения. Его развитие идет медленными темпами, но показатель успешности социальных процессов, равный 56,36 %, показывает высокий уровень самосознания российского общества.

Литература:

1. Краудсорсинг [Интернет-портал]. URL: <http://crowdsourcing.ru/> (дата обращения: 25.04.2016)
2. Планета [Интернет-портал]. URL: <https://planeta.ru/> (дата обращения: 05.12.2015)
3. Кикстартер [Интернет-портал]. URL: <https://www.kickstarter.com/> (дата обращения: 05.12.2015)
4. Википедия [Свободная энциклопедия]. URL: <https://ru.wikipedia.org/> (дата обращения: 05.12.2015)

5. Добрая покупка [Фонд социального финансирования]. URL: <http://dobraya-pokupka.ru/> (дата обращения: 05.12.2015)

6. Бумстартер [Интернет-портал]. URL: <https://boomstarter.ru/> (дата обращения: 05.12.2015)

Трансформация организационной системы на основе аутсорсинга

Амозова Л.Н.

Российская Открытая Академия Транспорта Московского Государственного Университета Путей Сообщения Императора Николая II, Россия, Москва

Практически перед каждой организацией может встать дилемма: переходить на аутсорсинг или нет. Аутсорсинг при всей своей выгодности влечет за собой существенные изменения для бизнеса. Принятие решения о применении аутсорсинга как комплексного стратегического решения требует тщательной проработки всех плюсов и минусов данного шага.

Основными причинами передачи на сторону функций по обслуживанию производственного процесса являются:

1. Возрастающая конкуренция на рынке;
2. Возрастающая технологическая сложность процесса производства, ввод новых технологий;
3. Высокая стоимость реконструкции/модернизации производственных мощностей;
4. Возрастающие требования к качеству продукции.

Некоторые виды деятельности можно полностью или частично выводить за пределы организации. Как вариант – распределение всех производственных функций на три типа: стратегически важные функции; функции, определяющие вектор развития для данной компании, и второстепенные, поддерживающие, которые дешевле передать на сторону. Выявление функций как потенциального объекта для аутсорсинга позволит менеджменту компании определить, какие виды деятельности являются стратегическими, а какие можно закупать у сторонних организаций.

Существуют несколько основных факторов, влияющих на принятие положительного решения по вопросу перехода на аутсорсинг:

1. Желание сосредоточиться на основных видах деятельности.
2. Острая потребность в снижении затрат.
3. Внедрение новых технологий и передового опыта.
4. Необходимость повышения качества и надежности обслуживания.
5. Достижение долгосрочного конкурентного преимущества.

При принятии решения о передаче процесса на аутсорсинг компания должна оценивать не только экономию на издержках (операционных, переменных и пр.), но и организационные факторы, в частности: степень технического развития предприятия, готовность сотрудников (непосредственно исполнителей и менеджеров среднего звена) принять новую бизнес-модель.

Важным критерием готовности перехода компании на аутсорсинг является уровень организационного развития компании. Следует обратить внимание – аутсорсинг не может работать в хаосе, все процессы должны быть строго регламентированы и упорядочены, в противном случае аутсорсинг становится очень дорогостоящим и громоздким проектом.

Желание менеджеров высшего звена внедрить систему аутсорсинга часто натывается на неприятие со стороны коллектива. Эксперты по управлению персоналом рекомендуют не сообщать о переходе ничего, пока не будет выбран провайдер услуг. Причина в том, что обычно процесс принятия решения о переходе на аутсорсинг и выбор поставщика занимает много времени. Сформировавшееся у персонала в этот период чувство неопределенности может привести к его текучести. Поэтому трудовому коллективу лучше сообщить о планируемом переходе после выбора поставщика. Вслед за тем возможно появление у персонала чувства обиды, справиться с которым возможно благодаря грамотной разъяснительной работе, помочь в организации которой может фирма-аутсорсер. Необходимо помнить, что аутсорсинг не будет достаточно эффективным (даже при поддержке руководства) без поддержки всех работников организации. Очень важно

сообщить сотрудникам о преимуществах аутсорсинга как для компании, так и для них, предоставив все необходимые сведения о переходе на новую систему, объяснить их место и роль в готовящихся изменениях.

С другой стороны руководство компании может воспользоваться данной ситуацией, чтобы избавиться от слабых специалистов. В других случаях изменения в процессе могут дать новые возможности для сотрудников, добросовестно выполняющих свои обязанности: возможность перейти на другие должностные позиции, повышать свой профессиональный уровень.

Необходимо учитывать, что одним из наиболее неприятных и трудоемких процессов для организации при переходе на аутсорсинг становится необходимость внедрения процесса регламентации и формализации всех процессов. Даже второстепенные функции, которые ранее выполнялись по остаточному принципу, при переходе на новую модель хозяйствования требуют пересмотра и ввода стандартов действий. Несмотря на то, что все заказчики соглашались, что данный процесс необходим, мало кто проходит его безболезненно.

При завышенных ожиданиях со стороны компании-заказчика нередко возникают разногласия с исполнителем. Распространено ошибочное мнение, что при передаче функций сторонней компании заказчик может полностью забыть о данном вопросе, всецело полагаясь на исполнителя по договору. Действительно, вопросы операционной деятельности отходят в ведение компании-аутсорсера: забота о повышении качества выполнения специалистами операций, вопросы отчетности, соответствие количества специалистов и объема работ. Но управление бизнес-процессом и принятие ответственных решений лежит на руководстве компании.

Приняв решение о переходе на аутсорсинг, следует тщательно подойти к выбору партнера. Ключевым моментом, определяющим успех проекта, является правильный выбор поставщика аутсорсинговых услуг, ведь аутсорсинг – это не просто вид партнерского взаимодействия (в отличие от обычных субподрядных отношений), а стратегия управления компанией.

Основными параметрами при отборе могут стать: цена, объем услуг, финансовая стабильность, опыт работы на рынке, наличие квалифицированного персонала и технических средств для реализации требуемых функций, рекомендации партнеров, соответствие корпоративной культуре клиента.

Основными критериями выбора партнеров является способность компании продемонстрировать возможности качественной реализации поставленной задачи, располагая аналогичным проектным опытом и сертифицированной системой поддержки разработки. Размер и известность поставщика услуг, а также совместный опыт работы являются второстепенными факторами при выборе партнера. Большинство подобного вида критериев сложно поддаются измерению и оценке, а измерение и оценка требуют больших затрат времени и средств от организации. Одним из способов решения данной проблемы может стать наличие у организации-аутсорсера системы менеджмента качества (СМК), удовлетворяющей требованиям стандарта ИСО 9001:2000. СМК дают предприятию прозрачность в части организационной структуры, бизнес-процессов и функций; управляемость улучшается потому, что при проектировании СМК строго распределяется ответственность за выполнение процедур, в процессе создания СМК также пересматриваются положения о подразделениях, должностные и рабочие инструкции, что также повышает управляемость; развитие обусловлено несколькими факторами: повышение компетенции персонала, вовлечение в процесс создания системы, повышение эффективности за счет устранения лишних функций, концентрация на существенном; конкурентоспособность – наличие сертификата значительно поднимает авторитет предприятия.

Мультиагентные и мультиакторные технологии управления

Арпентьева М.Р.

Калужский государственный университет им. К.Э. Циолковского, Россия, Калуга

Острота стоящих перед современным обществом проблем во многом связана с противостоянием государства, «власти» и общества. И традиционные, и современные исследования самых разных ориентаций и наук показывают, что фокус накопившихся между ними противоречий лежит в самой сути отношений «управления». Классическая модель управления настолько себя исчерпала, что управляемые не верят и не желают проявлять даже «электоральное доверие»: система управления как моноакторный монолит абсолютно далека от общества и ведет себя и его к краху – коллапсу [1; 3; 10; 12; 13]. В поисках выхода из коллапса практики и теории обращаются к самым разным моделям, в том числе, моделям, пересматривающим суть управления. В кибернетике как науке об управлении фокусом внимания в нынешнее время стали мультиагентные и мультиакторные технологии управления, ведущим моментом которых является диалогизм. Ученые отмечают возникновение и развитие кибернетик как онтологий управления третьего-четвертого порядка [2; 6]. При этом управление плавно трансформируется в широкий спектр процессов обеспечения саморазвития систем: социального контроля, стимулирования, поддержки, модерирования, организации, «сборки и разборки» субъектов и др.» Примером является эвергетика как одна из кибернетик «третьего порядка» [4; 5; 9; 11]. Эвергетика исходит из «суперпозиции» субъекта и объекта управления, «неоднородности» сообществ и акторов, выступающих и как исследователи, и как субъекты, участвующие в принятии решений, субъект и творит, и познает мир: актер находится «внутри» объекта (общества) и коммуницирует с другими актерами в общей для них проблемной жизненной ситуации. В рамках обучения и иных ситуаций исследований и принятия решений, направляемые стремлением найти выход, решение проблемы акторы вырабатывают соглашения как intersubjective знания и умения, систематизируют их для

принятия коллегиального решения [1; 3; 12; 13]. Согласно эвергетике, в повседневной жизни общества процессы управления будут реализовываться «тандемом» обыденных и профессиональных управленцев-теоретиков: первые, находясь в конкретной проблемной ситуации в повседневности, приобретают конвенциональные знания о ситуации и определяют направления её урегулирования, а вторые создают методы и средства, необходимые для осуществления их деятельности.

Сущность мультиакторных технологий можно описать на языке традиционной кибернетики по аналогии с мультиагентными технологиями. Агентами в кибернетике называются программы, которые выполняют те или иные действия в условиях неопределенности, согласовывая свои действия с другими агентами- программами [3; 10; 14]. Терминология и сущность мультиагентных систем (да и технологии) в целом весьма близки терминологии интерсубъективного управления, поэтому мультиагентные технологии могут также использоваться в качестве информационной поддержки принятия решений при интерсубъективном управлении. Интерсубъективные технологии управления также можно рассматривать как программу действий или совокупность способов коммуникативных действий по достижению консенсуса. Люди и группы людей также могут быть рассмотрены как программы, однако, в отличие от программ, внедрение и работа интерсубъективных и иных мультиакторных технологий связано со многими трудностями, прежде всего идеологического порядка. Мультиакторные, интерсубъективные, так же, как и мультиагентные технологии характеризуются рядом черт: для них типична автономность управляющих (агенты, хотя бы частично, независимы), субъективная или объективная ограниченность представлений каждого из агентов (ни у одного из агентов нет полного представления о системе и/или система слишком сложна, чтобы знание о ней могло быть прямо применено агентом); децентрализация (отсутствие агентов, управляющих всей системой). В мультиагентных системах управления также часто проявляется феномены самоорганизации, усложнение поведения даже в

том случае, когда стратегия поведения каждого агента отличается простотой. Это лежит в основе так называемого «роевого интеллекта» (swarm intelligence) как технологии оптимизации управления [8]. В мультиакторных системах управления возникает иной эффект: его описывает модель диалога: в процессе свободного, неконтролируемого извне диалога, направленного на решение конкретной задачи, люди приходят к решениям, знаниям и умениям, более полным и глубоким, чем в случае монологического принятия решений. Поэтому диалогические или мультиакторные, полностью децентрализованные сети в управлении практически всегда превосходят в скорости и качестве решений монологические [7].

Литература:

1. Арпентьева М.Р. Энергетические стратегии и управление развитием сообществ // Материалы XVII Международной конференции «Проблемы управления и моделирования в сложных системах» 22-25 июня 2015 г., Самара. – Самара: ИПУСС РАН, 2015. – С.174-180.
2. Боргест Н.М., Коровин, М.Д. Онтологии: современное состояние, краткий обзор // Онтология проектирования. 2013. - №2(8). С.49-55
3. Виттих В.А., Моисеева Т.В., Скобелев П.О. Принятие решений на основе консенсуса с применением мультиагентных технологий // Онтология проектирования. - 2013. - №2(8). С.20-25.
4. Лепский В.Е. Философия и методология управления в контексте развития научной рациональности // Труды XII Всероссийского совещания по проблемам управления. – М.: ИПУСС РАН, 2014. - С. 7785 – 7796.
5. Новиков Д.А. Кибернетика: Навигатор. - М.: ЛЕНАНД, 2016. - 160с.
6. Смирнов С.В. Онтологии как смысловые модели // Онтология проектирования. 2013. - №2(8). С.12-19.
7. Allport G.W. The Nature of Prejudice. — N.Y.: Addison-Wesley Publishing Company, 1979. — 537 с.

8. Beni G., Wang J. Swarm Intelligence in Cellular Robotic Systems, Proceed // NATO Advanced Workshop on Robots and Biological Systems. Tuscany, Italy, June 26-30, 1989. – N.-Y.: NATO, 1989.
9. Mancilla R. Introduction to Sociocybernetics (Part 1,3) // Journal of Sociocybernetics. 2011. Vol. 42. №9. - P. 35 – 56; 2013. Vol. 44. № 11. P. 47 – 73.
10. Rzevski, G., Skobelev, P. Emergent Intelligence in Large Scale Multi-Agent Systems// international journal of education and information technologies. – 2007. - Issue 2, Vol.1. – P.64-71.
11. Umpleby S.A Brief History of Cybernetics in the United States // Austrian Journal of Contemporary History. 2008. Vol. 19. № 4. P. 28 – 40.
12. Vittikh V.A. Evolution of ideas on management processes in the society // Group Decision and Negotiation. - September 2015- V. 24, issue 5. -P. 825 - 832.
13. Vittikh V.A. Introduction to the Theory of Intersubjective Management // Group Decision and Negotiation.- January 2015. - V. 24, issue 1. - P. 67-95.
14. Wooldridge M. An Introduction to multiagent systems. N.-Y.: John Wiley & Sons Ltd, 2002. - 366 p.

Радость прогресса и счастье дауншифтинга: модерн и постмодерн

Барков С.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Идея прогресса является одной из важнейших в формировании ценностных ориентаций современной цивилизации. Она выразила собой, кажется, саму суть индустриального общества. Неслучайно, что пик внимания к ней пришелся на вторую половину XIX- первую половину XX века. Еще основоположник социологии О.Конт видел общественный идеал в синтезе порядка и прогресса. Самые разные социальные мыслители, начиная от отечественных народников и заканчивая представителями франкфуртской школы, отдали дань этой идеи.

Главное, что побудило ученых к такому активному анализу прогресса, это радикальное изменение окружающего мира. Если в начале XIX столетия общество являлось еще традиционным, мало чем отличавшимся от того, каким оно

было многие тысячи лет, то в конце столетия паровозы, машинное производство, урбанизация совершенно преобразили его.

Идея прогресса вошла в обыденное сознание современного человека и стала определять его жизненные приоритеты. Люди стали жаждать прогресса и в своей собственной жизни, и в жизни окружающего его общества.

Вместе с тем с самого начала было понятно, что прогресс представляет собой скорее притягательную абстракцию, чем научно выверенную категорию. Это идеологема или мифологема в чистом виде. Очень хорошо определить прогресс на уровне обыденного сознания : *«Было плохо, а стало хорошо!»*. Естественно из этого понятного всем высказывания очень трудно вывести какие-либо рациональные атрибуты прогресса. Если мы попытаемся это сделать, то получится, что единственным таким атрибутом будет *усложнение*. Прогресс как усложнение легко иллюстрируется биологическим и техническим развитием. Амеба, как ни крути, проще млекопитающих и человека, а компьютер сложнее арифмометра.

Понятно, что тут же встает вопрос о том, зачем нужно это усложнение, и ответ на него может быть самым разным и одновременно может отсылать нас и к бессмысленности прогресса как такового.

Если же начать разбираться, зачем и для кого нужен прогресс. Выясняется очень любопытная ситуация. Категория прогресса хорошо применяется к *закрытой системе с единым центром власти, управления* и т.п. Такой системой может быть особь животного или целый вид, человек или организация, страна, цивилизация. Важно, чтобы это была одна сущность, и по какому-то критерию эта сущность усложнялась. Если же мы введем в систему некоторую или, даже лучше, некоторые другие сущности, выяснится, что прогресс будет идти на пользу или во вред другим. Тогда прогресс уже перестает во приниматься как однозначное движение вверх. Это скорее движение «вбок» к той сущности, которой это выгодно.

Прогресс легко наблюдать в *одномерном пространстве*, в крайнем случае, в двухмерном, где второе направление явно менее значимо, чем первое.

Такое положение вещей можно объяснить множеством примеров. Так, долгое время прогресс стран происходил в форме вестернизации. С Запада воспринимались технические достижения, экономическое устройство, политическая система и, как мы сегодня понимаем, образ мысли. Безусловно, для Запада такое развитие большинства стран было выгодно, и именно оно называлось прогрессом. Но выгодно ли такое развитие для самих стран, подвергшихся вестернизации?

В животном мире прогресс, как правило, связан с потерей адаптивности. Простейшие существа очень трудно уничтожить. Они могут жить в самых разных условиях. Для более сложных биологических форм всегда нужна благоприятная внешняя среда. Так что усложнение с точки зрения выживаемости часто является регрессом, а не прогрессом.

Таким образом, когда мы имеем открытую систему — система с многими измерениями и многими центрами власти — важнейшим вопросом становится, в пользу кого произошло то или иной усложнение.

Так или иначе социальные мыслители уже почти два века активно работают с категорией прогресса, стараясь выявить все больше его особенностей и критериев. За это время стало понятно, что сама эта категория применима не ко всему миру, что у этой категории есть свои яркие иллюстрации и есть негативные свойства, разрушающие подлинно рациональный строй науки. На некоторых из этих позиций следует остановиться отдельно.

Категория прогресса несовместима с *неживой природой*. Можно ли считать расширение Вселенной после «большого взрыва» прогрессом? Можно ли считать движение материков прогрессом? Можно ли считать преобразования химических элементов прогрессом?

Категория прогресса несовместима с *человеком и обществом в их надприродной сущности*. Можем ли мы говорить о прогрессе интеллекта? Даже вооруженный всеми гаджетами и ознакомленный с самыми современными достижениями науки современный студент не может быть признан умнее Аристотеля. То же самое касается и морали. Вообще, существует ли прогресс в облас-

ти нравственности или вечные аксиомы этой сферы, сформулированные тысячу лет назад в религиях, остаются неизменными и актуальными?

Прогресс применим к *соединениям человека и природы*. Главным таким соединением служит *техника*, и именно здесь мы обретаем области наиболее адекватного применения категории прогресса.

Наиболее понятен прогресс и его последствия в области *оружия*. Это прогресс проводил к сменам цивилизаций, к росту богатства одних сообществ за счет других. Он же приводит к заметным изменениям численности населения. Хотя именно в этой сфере прогресс в наименьшей степени совместим с моралью и извечным стремлением к тому, чтобы завтра было лучше, чем сегодня.

Очень ярко проявляется прогресс в области *медицины*. Одно изобретение пенициллина может служить самым ярким примером прогресса в любом его понимании. Прогресс же в фармакологии идет постоянно, и, хотя о результатах такого прогресса, можно дискутировать – само усложнение лекарственных препаратов и увеличение их эффективности вряд ли можно поставить под серьезное сомнение.

Третья сфера, где прогресс ощущается буквально всеми – это «мирная» *техника*, начиная от космических аппаратов, а также станков и механизмов производственного назначения и заканчивая «бытовыми» гаджетами. При этом здесь много псевдоновшеств — новшеств, которые хотя и показывают работу интеллекта и усложнение в результате такой работы того или иного предмета, но не всегда могут рассматриваться как безапелляционные свидетельства прогресса. Столь популярная в качестве подарка несколько лет назад мультимедиа – это прогресс или нет? Даже планшетник – это прогресс или нет? Тем более если мы говорим о гибком планшетнике, который так активно создают лидирующие в этой отрасли фирмы. Ну, можно будет наматывать планшетник на руку, и что? Неужели это свойство будет однозначно признано прогрессивным.

Несмотря на то, что применение категории или даже идеологии прогресса оказывается не таким уж широким, в индустриальную эпоху возникло стало

исключительно популярным прогрессистское понимание мира, прогрессистское мышление. Оно стало проникать во все сферы жизни, даже не приспособленные к тому, чтобы там обнаруживать прогресс или его элементы. И как достаточно стройная система мысли, во всем видящее движение от простого к сложному, от неразвитого к развитому, от плохого к хорошему, идеология прогресса не могла не сформировать свои аксиомы, причем, как и все подобного рода аксиомы, аксиомы прогресса представляет собой символ веры. Они в ряде случаев наглядно демонстрируются. Но сама идеология построена на том, что в них нужно верить, даже когда реальность явно им противоречит.

Первая аксиома гласит, что все *изменения ведут к лучшему*. Это и есть вера в прогресс. Самые главные эксцессы такой веры связаны с оправданием революций. Революции мыслятся не как хаос, не как разрушение нажитого достояния, а как однозначное движение вперед, разрушение устаревшего, какие бы жертвы ни были для этого принесены.

Вторая аксиома более сложная, но тесно связана с первой: *прогресс в основной части общества важнее регресса в других сферах*. Кто определил эту основную часть, не важно. Люди очень давно поняли, что нет однозначного движения вперед, что прогресс в одной из сфер всегда связан с регрессом в других. Наиболее четко это обосновали Р.Мертон. в своем учении о «латентных» функциях. Именно в силу существования латентных функций у любого социального феномена в обществе всегда будут консерваторы, которые «второстепенные» сферы жизнедеятельности воспринимают как главные. Но для того, чтобы верить в прогресс нужно уметь закрывать глаза на недостатки прогрессивного развития, какими бы они ни были. Чаще всего их просто не замечают или же отождествляют с необходимой данью прогрессу.

Наконец, третья аксиома заключается в бесконечности прогресса. Хотя наиболее адекватные сферы применения данного понятия постоянно ставят эту аксиому под вопрос, вера в нее отличает последовательно прогрессистское мышление. С появлением человека фактически закончился прогресс живых форм на Земле. Ученые вплотную подошли к пределам «вылечиваемости» сер-

дечно-сосудистых заболеваний. И таких тупиков прогресса можно привести очень много. Самый потешный» связан с усилением силы всасывания у пылесоса. Ученые так увлеклись прогрессом в этой области, что на свет появились модели, которые вытягивали паркет из пола.

Постмодернизм резко отреагировал на такую весьма неоднозначную и вместе с тем исключительно влиятельную идеологию эпохи модерна, как прогресс. Постмодернизм сегодня однозначно связывается с отвержением идеи прогресса. Сразу следует оговориться, что эта идея отвергается только частично. Никто не может остановить прогресс техники или отменить желание человека жить лучше. Но категорию прогресса нужно было «ввести в берега», ограничить только той небольшой частью социальной реальности, которой она была бы адекватна. Постмодернизм стал откровенно издеваться над стремлением мыслителей эпохи модерна видеть прогресс буквально во всем — в урбанизации, в скорости транспортных средств, в построении карьеры, в изменении природной среды...

Но одно дело философски развенчать категорию прогресса, и совсем другое — найти реальное, практическое применение такому развенчанию. И это применение есть не что иное, как дауншифтинг. Он не мог появиться ранее эпохи постмодерна, как не могла возникнуть идея приватизации до эпохи активного государственного регулирования экономики и развития госсектора. Именно после того, как модерн сделал идею прогресса основополагающей и стал внедрять ее во все сферы жизни людей, могло возникнуть явление, на практике отвергающее такое строение и понимание мира.

Дауншифтинг многообразен — это и переезд в сельскую местность (так называемый «экологический дауншифтинг»), и отказ от построения карьеры ради семьи заботы о детях (при этом человек не меняет радикально свое трудовое устройство), и поиск работы-хобби с потерей социального статуса, и переезд в другую (слаборазвитую) страну, и многое другое. Самое главное, что дауншифтер осознает многомерность социального пространства и относительность идеологии прогресса. Идея дауншифтинга в том, что, двигаясь против обычное

траектории развития личности в эпоху модерна, можно обрести новые возможности развития. Эти возможности реально превратить в положительные результаты, очень не схожие с тем, что сулил человеку традиционный высокий статус в обществе.

Частая *связь дауншифтинга с пространственными перемещениями* вполне понятна. Пространство модерна создавалось в соответствии с идеей прогресса и иерархического строения общества. На макроуровне центром, приобщенным к прогрессу и его достижением, декларировались развитые страны, и нормальные люди должны были стремиться мигрировать именно туда. На микро-социальном уровне символом прогресса был центр города с самой дорогой и престижной недвижимостью, он должен был завораживать жителей окраин своим богатством и своим потенциалом во всех областях жизни. Переезд на окраины и тем более в отдалённые деревни, лишённые «средств цивилизации», явный вызов идеи прогресса в её «географической» интерпретации.

Дауншифтер — не лузер, не неудачник. Это человек осознавший многовариантность развития как личности, так и общества. Более того, это человек, который на практике воплотил в жизнь то многомерное понимание общества, которое было уже давно сформулировано социальными мыслителями, но находилось до определенной поры под прессом всепоглощающей идеи прогресса.

Дауншифтинг как целостный феномен — это «новое» явление, свойственное именно эпохе постмодерна. Никакие веселые ссылки на то, что первым дрифтером был Диоген, или более серьезные попытки сравнивать дауншифтинг с уходом в монастырь не выдерживают критики. В доиндустриальном обществе, где не было идеологического главенства идеи прогресса, и социальный статус был кастовым или сословным образом закреплен за человеком, его социальные перемещения не имели такого принципиального (в какой-то мере, «цивилизационного») значения. В настоящее время само наличие дауншифтеров свидетельствует о том, что сознание человека стало меняться, и его жизненные приоритеты воспринимаются как нечто многообразное и разнонаправленное, а не выстроенное в форме четкой иерархии.

Трудно привести реальную статистику дауншифтинга. По некоторым данным до 30% западных управленцев склонны к дауншифтингу. Но как и по отношению ко многим социальным группами в истории, по отношению к дауншифтерам верно высказывание: *их социальное влияние непропорционально их численности*. На уровне изменения жизненных, даже, в каком-то смысле «бытовых», ценностей они зафиксировали (просто своим появлением) конец эпохи модерна, в рамках которой покушаться на идею прогресса в личной и общественной жизни было практически невозможно.

Дополнительное профессиональное образование рабочих в организациях: состояние, динамика, проблемы

Бессокирная Г.П.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

Дополнительное образование населения является одной из трех составляющих формирующегося института непрерывного образования взрослых в современной России. Доля населения в возрасте 25-64 лет, получивших дополнительное образование за последние 12 месяцев, росла во второй половине нулевых (с 8% в 2006 г. до 14,8% в 2010г.), но затем стала снижаться (2012 г. - 13,5%, 2013 г. - 12,4%) [1, с. 437].

Важная часть дополнительного образования населения - дополнительное профессиональное образование работников в организациях. По информации об обучении работников в организациях, подготовленной по итогам федерального статистического наблюдения о дополнительном образовании работников в организациях по наблюдению за 2013 год, только 5,7% рабочих, которые были и остаются самой многочисленной группой занятого населения, получили дополнительное профессиональное образование, прошли профессиональное обучение. Большинство рабочих (58%) прошли дополнительное образование и были обучены по программам повышения квалификации [2].

Сотрудники сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени Института социологии РАН изучали образовательную деятельность

рабочих в течение длительного времени, включая весь период экономических и политических реформ [3,4,5]. Результаты социологических исследований свидетельствуют о том, что образовательная деятельность является конструктивной стратегией адаптации рабочих к меняющимся условиям труда и жизни [6], повышение квалификации способствует улучшению отношения к труду рабочих [7].

Для анализа состояния и динамики образовательной деятельности рабочих в современной России привлечены данные исследований, осуществленных в Институте социологии РАН на промышленных предприятиях в трех областных центрах в 2003 г. и в 2007 г. (Брянск, Киров, Псков) и в пяти областных центрах в 2014 г. (Брянск, Киров, Псков, Омск, Владимир), а также данные мониторинга экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) о рабочих, проживающих в областных центрах РФ, за эти же годы[§]. Выборочная совокупность составила: 635 чел в 2003 г. , 744 чел. в 2007г. и 846 чел. в 2014 г.

Согласно данным мониторинга доля рабочих, которые учились или учатся в течение последних 12 месяцев, составляла 4% в 2003 г. и те же 4% в 2007 г., а затем снизилась до 1,4% в 2014 г. Абсолютное большинство рабочих не собираются продолжать образование в течение ближайших трех лет. Продолжать свое образование в 2007 г. собирались 16% рабочих и 7% в 2014 г. Не собирались, соответственно, 81 и 88%. При этом в 2014 г. почти половина рабочих поместили себя на «лестнице профессионального мастерства», состоящей из 9 ступенек, на 1-3 ступеньки (12%) и на 4-5 ступеньки (34%). Большинство (52%) рабочих поместили себя на 7-9 ступеньки «лестницы профессионального мастерства». Однако на 9 ступеньку («профессионал высокого класса») поместили себя всего 12 % опрошенных рабочих.

[§] Мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ (RLMS-HSE) проводится НИУ ВШЭ и ЗАО «Демоскоп» при участии Центра народонаселения Университета Северной Каролины в Чапел Хилле и Института социологии Российской академии наук. URL: <http://www.hse.ru/org/hse/flms>, <http://www.cpc.unc.edu/projects/flms>.

Реальное участие рабочих в образовательной деятельности снизилось за 2003-2014 годы и по данным социологических исследований, проведенных сотрудниками сектора изучения повседневной деятельности и бюджета времени на промышленных предприятиях в областных центрах РФ (см. таблицу). В то же время в двух последних исследованиях положительные самооценки повышения квалификации преобладали над отрицательными самооценками. Однако доля рабочих, которые значительно повысили свою квалификацию, снизилась с 26% в 2007 г. до 19% в 2014 г.

Таблица

Образовательная деятельность рабочих промышленных предприятий
в современной России, 2003-2014 годы

Показатели	2003г. (N=417)	2007г. (N=417)	2014г. (N=886)
Учеба в настоящее время, % от ответивших	9	5	6
Повысили свою квалификацию в течение последнего года, % от ответивших	47	55	53
Не повысили свою квалификацию в течение последнего года, % от ответивших	53	45	47
Не повысили свою квалификацию, поскольку работа не требует повышения квалификации, % от рабочих, которые не повысили свою квалификацию	34	36	44
Не повысили свою квалификацию, поскольку имею достаточно высокую квалификацию, % от рабочих, которые не повысили свою квалификацию.	19	26	25
Не повысили свою квалификацию, поскольку нет материальной заинтересованности в повышении квалификации, % от рабочих, которые не повысили свою квалификацию	28	19	17
Не повысили свою квалификацию, поскольку нет условий для повышения квалификации, % от рабочих, которые не повысили свою квалификацию	19	18	14
Постоянное повышение квалификации важно в работе, % от ответивших	52	45	52
Постоянное повышение квалификации не важно в работе, % от ответивших	14	29	37

Примечание: в таблице приведены данные о рабочих в трудоспособном возрасте: мужчины в возрасте 18-59 лет и женщины в возрасте 18-54 лет.

Отвечая на вопрос «Если Вы не повысили свою квалификацию, то почему?», рабочие во всех исследованиях наиболее часто выбирали вариант ответа «Моя работа не требует повышения квалификации». Среди других причин: «Имею достаточно высокую квалификацию», «Нет материальной заинтересованности в повышении квалификации» и «Нет условий для повышения квалификации».

В ходе повторных социологических исследований зафиксирован существенный рост доли рабочих, которые считали, что постоянное повышение квалификации не важно в их нынешней работе (с 14% в 2003 г. до 37% в 2014 г.). Только чуть больше половины рабочих придерживались в эти годы противоположного мнения.

Подводя итоги анализа, можно заключить, что масштабы дополнительного профессионального образования рабочих невелики и даже снизились в десятые годы. Их развитию в организациях в современной России препятствует, в первую очередь, невостребованность повышения квалификации на производстве.

Литература:

1. Образование в Российской Федерации: 2014: статистический сборник. М.: НИУ «ВШЭ», 2014.
2. Дополнительное профессиональное образование работников в организациях в 2013 году по видам экономической деятельности. Том 1. Статистический бюллетень. М. Росстат, 2013.
3. Бессокирная Г.П. Образование в повседневной жизни рабочих промышленных предприятий // Бюджет времени и перемены в жизнедеятельности городских жителей в 1965-1998 годах. Москва, 2001.

4. Бессокирная Г.П. Образование как ценность повседневной деятельности рабочих // Ценности повседневной деятельности горожан. М.: Институт социологии РАН, 2004.
5. Бессокирная Г.П. Динамика образовательной деятельности рабочих, 2003-2007 гг. // Образование и общество. Всероссийская социологическая конференция к 20-летию Российского общества социологов. 2009.
6. Бессокирная Г.П., Темницкий А.Л. Социальная адаптация рабочих в трансформирующемся обществе: основные положения программы и некоторые результаты исследования // Мир России: Социология, этнология. 2000. Т. 9. №4.
7. Бессокирная Г.П. Повышение квалификации и отношение к труду рабочих // Образование и общество. Всероссийская социологическая конференция к 20-летию Российского общества социологов. 2009.

**Особенности управления изменениями в системе
образования в России**

Блинов А.О.

*Российский государственный гуманитарный университет,
Домодедовский филиал, Россия*

Россия стоит на перепутье. Либеральная доктрина потерпела поражение. Нет никакого оправдания стремительному разрушению экономического и нравственного потенциала страны. Ибо разрушение потенциала делает неизбежным появление следующих кризисов. Оно безнравственно как по отношению к живущим сегодня, так и по отношению к нашим будущим поколениям. Чтобы выйти из кризиса и создать условия для новой волны экономического роста и модернизации экономики, мы все должны измениться – сделать то, что не сделали раньше. Невозможно работать и жить по-старому, если мы хотим обеспечить нормальную жизнь своим детям. Очень тревожит то, что за восемь благополучных лет выросло поколение политиков и топ-менеджеров, привыкших «управлять ростом благосостояния» в тепличных условиях, когда растут все рынки, когда нет конкуренции с более сильными

соперниками из-за рубежа и не нужны крупные инвестиции в новые технологии, когда население не интересуется политикой. У такой элиты нет опыта антикризисного управления, необходимых умений, они не заряжены на нелегкую постоянную борьбу. Постоянное обновление предприятий, технологий и людей становится доминирующей активностью.

Возникает необходимость разработки новой доктрины развития нашей страны с учетом российской ментальности.

Развитие человеческого капитала является важным фактором построения этой концепции. Назрела необходимость в формировании поколения профессиональных антикризисных кадров, способных обеспечить технологическое и организационное обновление российской экономики. В этой связи следует сделать вывод о том, что безопасность России и успех экономических преобразований будет определяться наличием качественно креативных специалистов, умеющих принимать решение в неопределенных ситуациях, а не количественными параметрами подготовки кадров.

На пороге третьего тысячелетия система образования России претерпевает кардинальные изменения, которые касаются не только структуры ее организации, методологии и технологии построения образовательных процессов во всех звеньях этой системы, но главным образом, в переопределении целей образования, его стратегических ориентиров, места в общественной жизни, позволяющих адекватно отвечать на вызовы XXI века.

Новая доктрина образования в условиях изменяющегося мира - это масштабная акция государства, политическая и общенациональная задача, это глубокие изменения в образовательном мировоззрении, все еще в немалой степени авторитарном и тоталитарном, в образовательной политике, пока еще оторванной от потребностей личности, общества, страны, осуществляемая при активном содействии общества.

Система образования призвана усиливать конкурентоспособность национальной культуры: новые технологии требуют более высокой культуры.

Пороков в современном российском образовании достаточно. Попробуем в них разобраться.

Во-первых, всё чаще приходится слышать о кризисе старой системы образования. В высшей школе выход был найден в переходе на систему бакалавриат и магистратура. Но остались не охваченными средняя школа и профессиональные училища. Недавно изданный закон об образовании призван решить и эту проблему. Сейчас же стала очевидной необходимость изменения подхода к процессу обучения. Современное общество находится на таком уровне развития, когда пора уже отойти от обучения как заучивания фактов. Нужно учить детей добывать информацию, понимать её и применять на практике. Второй порок образования в России называют излишнюю его теоретическую направленность. Воспитывая учёного-теоретика, мы создаем огромную нехватку узких специалистов. Получив определенную теоретическую подготовку, мало кто может применить знания на практике. Поэтому, устроившись на работу, новые сотрудники переживают серьёзную адаптацию, связанную с невозможностью сопоставить свои знания с практической деятельностью. Третий порок, который особо остро начинают ощущать мы, преподаватели, пришли студенты после ЕГЭ. Они привыкли зазубривать материал, а не рассуждать. Чтобы поступить в вуз, часто родители нанимают репетитора для сдачи ЕГЭ, т.к. школа не может дать соответствующий уровень подготовки. Четвертый порок вытекает из, казалось бы, положительной тенденции на увеличение спроса на вузы. Всё большее число вчерашних школьников стремится получить документ о высшем образовании. Но эта тенденция имеет свой недостаток, т.к. увеличилось число негосударственных вузов, с которыми нужно быть очень осторожными и внимательными. Они не учат, а дают только дипломы.

Американские социопсихологии утверждают, что необходимо учиться всю жизнь, «амортизация знаний» происходит через 1,5 года, поэтому необходимо их постоянное обновление и совершенствование.

Необходимо пересмотреть роль преподавателям по отношению к студентам. Необходимо сделать обучение более самоориентированным, студентам следует формировать, под руководством преподавателя следующие компетенции: постановку цели, планирование, анализ, способность адекватной оценивать обстановку, формировать команду. Необходимо построение модели партнерства в обучении. Способность учиться вместе с другими и на опыте других - путем наблюдений и приобретения знаний необходимо в сегодняшнем быстро меняющемся мире. Преподаватели должны стремиться не только стать эффективными партнерами студентов по учебному процессу, но и помочь им развить способности к сотрудничеству и пронести желание быть партнером по обучению через всю жизнь.

Студентам необходимо давать именно те знания и компетенции, на которые будет предъявлен наибольший спрос на каждом конкретном этапе экономического развития страны. Только в этом случае удастся повысить эффективность от инвестиций в образование. Содержание образования и профессиональной переподготовки должно соответствовать постоянно меняющимся требованиям рынка труда. В этом состоит стратегическая значимость сферы образования для российского государства.

Вместе с тем, хотелось бы отметить, что нельзя полностью отменить традиционные методики обучения. Подход к обучению, ориентированный на студента, должен дополнять существующие подходы, а не замещать их.

Система образования, с одной стороны, создает новые ресурсы для новых технологий; с другой - формирует национальную элиту, т.е. компетентные, энергичные и нравственные силы, способные перевести страну в новое качественно Настоящее самоориентированное обучение в обучении крайне редко применяется в российских образовательных учреждениях. Самоориентированный студент должен иметь полный контроль над процессом приобретения знаний под руководством преподавателя.

Вместе с изменением роли студента меняется и роль преподавателя – сегодня он уже не транслятор, а менеджер учебного процесса. Происходит

резкое расширение его профессиональной способности, он должен выступать консультантом, направлять и оценивать самостоятельную деятельность студентов. В этой связи возникает необходимость разработки новой модели взаимоотношений преподавателя и студента – модели партнерства в овладении и использовании накопленных знаний.

Способность преподавателей коммуницировать и мотивировать студентов к обучению с помощью новых образовательных технологий становятся наиболее востребованными. Сейчас проблема обучения преподавателей современным методикам стоит наиболее остро. Часто это проблема психологическая. Дело в том, что профессора, доктора наук не все не в должной мере освоили современные технологии в отличие от молодых преподавателей. Возникает психологический барьер: «стариков» учат «молодые мальчишки».

Мной разработаны основные вызовы, которое должно отечественное образование изменить.

Пределы управляемости сложных социальных систем

Бурмыкина И.В.

Липецкий государственный педагогический университет, Россия, Липецк

Современная постнеклассическая стадия развития науки, наследуя неклассические парадигмы (системную и кибернетическую), представлена синергетической парадигмой. В постнеклассической науке центральное место занимают так называемые «человекообразные объекты», то есть сложные, исторически развивающиеся, включающие в себя человека, и соразмерные с его действиями социальные системы, где само человеческое действие превращается в компонент системы [1, с. 459].

Следует признать, что достижения синергетики значительно расширяют наше представление о проблемах управления, однако распространение знаний о функционировании природных и технических систем на социальные, вызывает ряд трудностей. Это, прежде всего, проблемы определения предела

управляемости в социальной системе, а также роли и места управления в субъект-объектной дихотомии.

В «человекообразных» системах, где высок уровень спонтанности, саморегуляции и самоорганизации природных процессов и процессов производственной и общественной жизни, в соответствии с логикой размышлений академика Н.Н. Моисеева, следует говорить не об управлении в жестком техническом смысле слова, а о направляемости и управляемости этих процессов, о «тонкой настройке стратегий природы и стратегий разума» [2, с. 320-327]. При этом разум должен быть специально организован и вооружен знаниями о пределах управляемости того или иного локального процесса («принципом кормчего»), чтобы не впасть в жесткую рациональную заорганизованность или в попустительство спонтанному ходу событий.

Управление «работает» в относительно узком диапазоне управляемости процесса совместной деятельности, который определяется не только мудростью и опытом субъекта управления, но и наличием социально обусловленных пределов этой управляемости. Границы управления в «человекообразных» системах задаются как минимум следующими составляющими: 1) ограничения со стороны социальной среды и, прежде всего, они касаются средств реализации решений; 2) ограничения субъектной способности создавать альтернативную «информационную модель»; 3) ограничения со стороны интересов других субъектов; и 4) ограничения по критерию нравственного выбора, учитывающего последствия ущемления свободы других социальных индивидов.

Ключевым фактором поддержания процессов самоорганизации и саморегуляции в диапазоне управляемости становится гуманистическая функция управления. Управление, которое не выполняет в обществе гуманистическую функцию, превращаются в манипулирование людьми, достижение любой, в том числе аморальной и асоциальной цели. Такое управление становится источником социальных деформаций и патологий. В отличие от управления в природных и технических системах, в социальных

принципиально недостижима полнота информационного разнообразия субъекта управления в отношении управляемого объекта. Она восполняется только путем следования определенному нравственному идеалу. Управление в обществе не находится вне нравственных идеалов и критериев, которые только и определяют его социальное предназначение. Оно становится все более востребованным способом упорядочивания спонтанных процессов, придания им социально-ответственной направленности.

Работа управления в узком диапазоне управляемости требует значительных интеллектуальных усилий от практиков и новых научных знаний от теоретиков и исследователей. От тех и других требуется высокая нравственная ответственность перед природой и обществом, следование «экологическому императиву». Повышается роль конструктивного разума, находящего свое воплощение в социальных технологиях.

Новые технологии управления, в русле социальной синергетики, включают методы, средства и инструменты саморазвития социальной системы и вывода ее на такой аттрактор, где дальнейшее ее функционирование в конечном итоге автоматически войдет в рамки оптимальных режимов за счет действия механизмов самоорганизации. Такие социальные технологии направлены на создание благоприятных условий жизнедеятельности и является способом производства жизненных сил человека, оптимизации и устойчивости социального пространства.

Социальные технологии как прикладной аспект управления становятся адаптивными, динамическими, гибко реагирующими на процессы самоорганизации в социальной системе. Технологизация становится интерактивным процессом. Задача социальных технологов, практиков управления – создать условия для самоактуализации, раскрытия внутреннего потенциала социальной системы, функциональных связей второго и третьего порядка, которые по определению Ж.Т. Тощенко [3], напрямую зависят от общественного сознания и поведения людей через их самоорганизацию и

саморазвитие. В связи с этим изменяются требования к субъектам управления. Они должны обладать высокой социально-технологической культурой.

Таким образом, проблема пределов управляемости «человекообразных» систем - это проблема создания противоречивого единства искусственных и естественных элементов, линейных и нелинейных связей людей в процессе решения проблем, предметного содержания и социальных отношений. Именно управление способно стать конструктором новой реальности, сочетать способы линейной и нелинейной регуляции, прямого и косвенного воздействия на процессы самоорганизации и саморегуляции, поддержания их в диапазоне управляемости.

Литература:

1. Степин В.С. Теоретическое знание. – М., 2003.
2. Моисеев Н.Н. Современный рационализм. – М., 1996.
3. Тощенко Ж.Т. Социология. Общий курс. – М.: Юрайт-Издат, 2003.

Пантехнологизм в сфере управления

Ванина К.И.

Санкт-Петербургский государственный политехнический университет имени Петра Великого, Россия, Санкт-Петербург

Критическое переосмысление трансформации современной цивилизации в работах П. Друкера, Дж. Ривкина, В.Л. Иноземцева, Б.М. Шулындина и других привело к выводу учёных о том, что в постиндустриальном обществе в сфере высоких информационных технологий принципы эконоцентризма перестают быть эффективными. Многие привычные условия функционирования капитала становятся ненужными. Так, производство настолько усложняется, что требует не конкуренции, а планирования вплоть до логистики, прибыль получается не за счёт эксплуатации, а за счёт развития творческих способностей работника, эффективность труда обеспечивается не счёт утилитарной активности человека, а за счёт его творческой деятельности,

не мотивированной материальными факторами и т.д. В связи с этим важно выяснить, как постэкономические трансформации отражаются не только на общественном производстве, но и на субъективном уровне, на уровне личности. Являются ли изменения, происходящие в современном обществе, условием для духовного развития человека, или они представляют антропологическую угрозу?

Обратимся к такой области человеческой деятельности как управление. Во всех современных концепциях управления прослеживается гуманистический подход к пониманию данного рода деятельности. Однако в реальности управление движется к потере его субъектного характера. Волевое, харизматическое управление уходит в прошлое, прежде всего, в странах, вовлечённых в информационную революцию. На первый план в управленческой деятельности выступает поиск рациональной схемы работы, оптимизация взаимодействия материальных, энергетических и финансовых потоков. Работник рассматривается как звено общей технологической цепи. В случае его дисфункционального поведения или недостаточно эффективной работы он может быть заменён более действенным элементом. Так, например, в сфере торговли используется электронный эксперт под названием «РЕНОРАМА», что позволяет торговым сетям и покупателям не зависеть от продавца-консультанта. Данная экспертная система устанавливается на сенсорных панелях в торговых залах розничных сетей. Она выполняет самые сложные работы в 8-10 раз быстрее, чем это делает квалифицированный специалист, что позволяет закрепить за ней статус технологического лидера. Соответственно, работник торговли как элемент технологической цепи заменяется более современным элементом – электронным продавцом, который приносит прибыль и не требует зарплату [5, 39-41].

Что касается непосредственно самого управленческого процесса, то в новом подходе к пониманию предназначения менеджера прослеживается заказ объективных обстоятельств на чисто функциональное управление. Оптимизация бизнес-процессов вызывает необходимость создания матрицы

функций по каждому подразделению организации. В ней просматривается чёткое распределение ответственности и аккуратное выполнение каждой своей функции. Задача руководителя – сделать так, чтобы организация не зависела от конкретного человека или группы людей, даже от него самого [3, 33-39]. Таким образом, не только исполнители, но и руководитель превращаются в элементы технологического процесса. Ограничение круга обязанностей руководителя составлением инструкций и схем функциональной деятельности элементов организации ведёт к выхолащиванию из менеджерской практики активно-волевой, духовной компоненты. Следует также учитывать всё более широкое использование технологических средств автоматизации управленческой деятельности.

В организации, наравне с системами планирования ресурсов и автоматизацией производственных процессов, возможно использование технологий CRM. Они являются инновационными IT-технологиями в области управления процессами сбыта, маркетинга и обслуживания клиентов [1, 13-15]. Ещё более широкий охват системы хозяйствования и управления новейшими технологиями предполагает использование программного продукта Sage ERP X3. Его применение позволяет моделировать бизнес-процессы, начиная от управления производством и реализацией продукции и заканчивая вопросами подбора поставщиков, управления поставками, материально-технического обеспечения и финансового учёта. Программа Sage ERP X3 адаптирована к языкам, валютам и законодательствам разных стран, что свидетельствует о её международном уровне [2, 40-41]. Технологизация управленческой деятельности постепенно приобретает глобальный характер. В перспективе возможно появление транснациональной системы управления, предусматривающей включение конкретного предприятия через центральный компьютер в глобальную коммуникационную сеть, по которой данная организация будет получать руководящие программы [4, 61].

Таким образом, управленческое отношение сводится к технологическому, а, по сути, дела, - к программированию. Постепенно

формируется безсубъектное технологическое поступравление. Это, скорее всего, означает отказ от оптимистического представления о руководителе как об активном субъекте управленческой деятельности. Главное, что характеризует пантехнологизм – это превращение человека из субъекта в «технологического человека», в агента технос-системы. Для функционирования этой системы важен не сам человек, а те функции, которые он выполняет. Действия человека обезличиваются, у него отнимается право на рефлексивную аналитику себя как субъекта действия путём поиска ответов на вопросы: «Существую ли я в виде субъекта действия? Не разрушаюсь ли я как личность? Обладаю ли я свободой для принятия самостоятельного решения и действия?». Анализ формирующейся технос-системы свидетельствует о том, что человек-актор дрейфует не в сторону активной, социально-культурной личности, а в направлении превращения его в технологического агента этой системы.

Литература:

1. Кокуева Ж.М., Кулагин В.Е. Развитие и роль технологий CRM в производственном секторе // Менеджмент в России и за рубежом. 2009.№5.
2. «Лёгкое решение важных проблем»// Российская торговля. 2009.№3-4.
3. Офицеров П. Система сбыта как товар для продажи. //Современная торговля. 2009.№10.
4. Рувинова Э Управление производством XXI века. Фантастика и реальность.// Электроника (наука, технология, бизнес).1996.№6.
5. Электронный продавец: приносит прибыль и не требует зарплату// Современная торговля. 2009. №9.

Проблемы трудовой мотивации и стимулирования труда в организациях

Вартанян А.С.

Подольский институт экономики, Россия, Подольск

Любая деятельность организации направлена на удовлетворение потребностей не только общества, как целого, но и отдельных его элементов, и формируется на основе ценностных ориентаций. В общем, действие человека:

основано на различных мотивах, направляется на определенную цель, разрешает ту или иную задачу, выражает то или иное отношение человека к окружающему миру.

Для достижения целей организации руководству необходимо обеспечить эффективные действия социальных групп и отдельных работников. Для этого нужно не только обеспечить функциональную загрузку групп и работников, но и создать им необходимые условия, а также вызвать у них желание совершать именно те действия, которые приближают организацию к достижению поставленных целей. В связи с этим руководство организации должно выполнять весьма важную функцию — создание условий для мотивации работников и осуществление ее на практике.

Представляется, что мотивацию в организации можно трактовать как побуждение членов организации к действию. При этом мотивация представляет собой, с одной стороны, побуждение, навязанное индивидам извне, а с другой — это внутреннее или самопобуждение. Двойственная природа мотивации заключается в том, что поведение групп и человека в трудовом процессе определяется взаимодействием различных внешних и внутренних побудительных: сил, среди которых следует, прежде всего, выделить стимулы и мотивы. Стимул понимается как внешняя причина, побуждающая людей к деятельности, а мотив выступает как внутренняя побудительная сила. Если стимул заметен, его можно заранее спланировать или отменить, то мотив скрыт, его действие часто бывает неожиданным для наблюдателей, так как он зависит от инстинктивных импульсов, влечений, потребностей.

Вместе с тем стимулы и мотивы самым тесным образом связаны между собой. Процесс стимулирования деятельности члена организации — это такое воздействие на его поведение, которое включает в свою сферу все потребности, интересы, цели, стремления, мотивы. Следовательно, основу стимулирования составляет взаимодействие внешних условий и внутренней структуры личности члена организации. Стимулирование реализуется через создание условий,

изменяющих трудовую ситуацию, чтобы у работника возникало желание, стремление к эффективной деятельности.

Главными рычагами побуждения людей к труду, или мотиваторами, выступают значимые факторы социального и предметного окружения (стимулы) либо устойчивые потребности, интересы, ценностные и другие установки, убеждения и т.д., являющиеся основой побудительных мотивов человека трудиться.

Стимулирование труда (от лат. stimulus - стрекало, остроконечная палка, которой подгоняли животных) - система морального и материального поощрения, вознаграждение за трудовое усилие. Стимулы - это внешние факторы к труду, главные из которых до сих пор остаются деньги. Они относятся к форме косвенного воздействия на поведение человека в отличие от прямых - приказа, распоряжения, задания, норм,- которые относят к элементам принудительного управления трудом. Однако, труд в коллективе трудно разделить на подобные факторы, тем более, что нормируемое задание обычно связано с начислением денежной заработной платы, которую относят к материальным стимулам.

Мотивация труда (от франц. motif - побуждение) - побуждение к активной трудовой деятельности, основанное на удовлетворении важных для человека потребностей, таких как признание, самореализация, принадлежность к социально значимой группе, карьерный рост и т.п. Мотивы - это внутренние факторы, тесно связанные с ценностями, они как бы вырастают на их почве.

Процесс формирования мотива (или мотивации) к активному труду очень сложный и пока еще не изученный до конца ни психологами, ни социологами феномен. Но это не мешает строить вполне работоспособные системы мотивации, исходящие из упрощенного понимания сути этого процесса. Упрощенный, точнее - абстрагированный от других признаков - "экономический человек" и "социальный человек" лежит в основе западных концепций мотивации, хотя сегодня подобная абстракция вызывает уже сомнение и у теоретиков и у практиков управления.

Большинство авторов, рассматривая проблему содержания и источников (оснований) формирования мотивов, включают в их число потребности, установки, функциональные состояния личности, то есть тот потенциал, как физико-энергетического, так и интеллектуального плана, которым она обладает, а также внешние побуждения (стимулы).

Потребности в самом общем виде определяются как забота индивида в обеспечении необходимых средств и условий в собственном существовании и самосохранении, стремление к устойчивому сохранению равновесия со средой обитания, как жизненной, так и социальной.

Существует множество классификаций человеческих потребностей, основанием которых выступают: специфический объект (предмет) человеческих потребностей, их функциональное назначение, вид реализуемой деятельности и т.п.

Можно выделить три уровня мотивации: (материальные, культурные, социальные) в зависимости от того, какие виды потребностей являются приоритетными на той или иной фазе жизненного и трудового поведения. В их основе лежат потребности, установки и ценности, связанные с социально-экономическим воспроизводством человека и его семьи. Сюда входят следующие мотивы:

1) мотивы по обеспечению жизненно важных благ, посредством которых удовлетворяются первоочередные и наиболее важные социальные потребности; они связаны с материальной заинтересованностью, с ориентацией на заработок;

2) мотивы призвания, отражающие стремление человека соединить свою трудовую деятельность с определенным родом занятий; эта ориентация связана в наибольшей степени с интересом и удовлетворенностью трудовой деятельностью;

3) мотивы престижа выражают стремление работника реализовать свою социальную роль, занять достойный социальный статус.

Вторая группа мотивов связана с реализацией предписанных и усвоенных личностью социальных норм. Это могут быть социально значимые ценности, которые задаются, во-первых, социально-экономической системой и культурно-исторической средой в целом, во-вторых, конкретным коллективом или организацией, в-третьих - конкретной профессиональной группой. Среди мотивов трудового поведения в этой связи выделяют гражданские, морально-патриотические, идейно-политические мотивы. В последние годы под влиянием достижений японских специалистов большое внимание стали уделять национально-культурным и даже религиозным ценностям, реализуемых в различных культурных средах и составляющих основу для очень эффективного мотивационного управления трудом.

Третья группа мотивов относится к выбору индивидом широкого круга социальных и профессиональных целей, оптимизации жизненного цикла в качестве работника. Это мотивы социальной и профессиональной мобильности, возрастной приспособляемости и т.д.

Все перечисленные мотивы и потребности, так или иначе, отражаются, систематизируются и изучаются в различных теоретических концепциях трудовой мотивации, главной задачей которых, в конечном счете, является создание эффективных систем мотивации и стимулирования труда на предприятиях и организациях. Их задача - привлечь работника в организацию, увлечь его самим трудом, достаточно высокими заработками, убедить его в его значимости для организации и для общества, защитить от опасения и сознания незащищенности перед обезличенной общественной системой.

Векторы трансформации института здравоохранения в современной России

Вялых Н.А.

Южный федеральный университет, Россия, Ростов-на-Дону

За последние два с лишним десятилетия реформирования здравоохранения в России наметились определенные положительные

тенденции: увеличивается ожидаемая продолжительность жизни населения, в медицинские организации регионов России поставляется современное диагностическое и лечебное оборудование, развивается система первичного оказания медицинской помощи, внедряются стационарзамещающие и информационные технологии. В то же время статистические и социологические данные регистрируют значительные социальные барьеры в возможностях получения своевременной и адекватной медицинской помощи и, как следствие, происходит усиление негативного фона восприятия российским обществом профессионального сектора медицины [3].

На наш взгляд, в структуре отечественного здравоохранения отчетливо проявляется несколько кластеров противоречий, свидетельствующих о разновекторном характере трансформационных процессов.

1. Противоречие между процессом медикализации российского общества и широким распространением альтернативных форм и практик диагностики, лечения, оздоровления либо «добровольного» отказа от медицинского вмешательства.

2. Стратификационные процессы в современном российском обществе дифференцируют не только общественное здоровье (во всех его ипостасях: физической, психической, социальной, духовной), но и доступность частных функций института здравоохранения для различных социальных групп.

3. Нарастающий социокультурный диссонанс между идеологией государственного патернализма (традиционной для постсоветского общества) и новой для современного российского общества идеей личностной автономии и ответственности в сфере здравоохранения.

4. Развитие неформальных практик взаимоотношения потребителей с провайдерами медицинской помощи на фоне формализации и стандартизации процесса ее оказания.

Так, Н. И. Лапин выделяет два основных типа социокультурных трансформаций: традиционализацию и либерализацию. Очевидно, что российское общество и, в частности система здравоохранения, развиваются по

пути либерализации, предполагающей расширение зоны свободного выбора и ответственности субъектов, увеличения возможностей для «инновационных целерациональных действий путем дифференциации структуры общества, возникновения и включения в нее новых интегрирующих элементов – в соответствии с усложнением личности, возвышением ее потребностей и способностей» [5, с. 33–34].

Оценка национальной модели здравоохранения нередко сводится к вопросу об адекватности системы обязательного медицинского страхования социально-экономическим реалиям российского общества. Однако, как отмечает Н. И. Лапин, социальная трансформация – это комплексный процесс, который охватывает все основные структуры общества и не сводится к реформам «сверху», поскольку зависит от действий массовых социальных групп, что обуславливает «незаданность» его исхода [5, с. 33]. К тому же в условиях хронически дефицитарного финансирования здравоохранения [6], форматировать структуру социальных отношений ключевых «игроков» – большой риск.

Следовательно, все усилия направленные на позитивизацию лечебных, диагностических, профилактических и иных функций российского здравоохранения лишены перспектив без создания условий для социализации личности студентов-медиков в педпроцессе медицинского вуза и модернизации службы менеджмента качества и этических комитетов на микро- и макроуровне [1; 2]. Различные условия и оплата труда, информационные и технологические ограничения повышения квалификации, профессионального мастерства и культуры медицинских работников формируют определенный порог доступности медицинской помощи в различных социально-территориальных образованиях и регионах. Хотя, по словам А. Е. Чириковой, дифференциация врачебного сообщества существует, но если говорить о ценностных аспектах медицинской практики, то здесь сильнее действуют механизмы интеграции врачей, нежели их автономизации [7, с. 120].

Впрочем, позитивный сценарий трансформации здравоохранения зависит в первую очередь от знания и осознания населением значимости социального партнерства государства, профессионалов от медицины и их самих в интересах сохранения и укрепления общественного и индивидуального здоровья. Каждый «предпациент» обязан знать свои права, контролировать их соблюдение, своевременно реагировать обращением в адрес институтов, обязанных принять меры при несоблюдении этих прав. Это не означает, что спасение утопающих – дело рук самих утопающих. Дело в том, что закрывая глаза на нарушение своих прав, потребители символически углубляют и расширяют «институциональную ловушку», воспроизводя, таким образом, социальное неравенство в сфере потребления медицинской помощи.

С чего надо начинать? Думается, в федеральных государственных образовательных стандартах начального, среднего и высшего образования должен быть как минимум курс «Культура здоровья» или «Общественное здоровье», который бы читали организаторы здравоохранения и социологи, исследующие здравоохранение как социальный институт. Если мы говорим об образовательных программах подготовки медицинских кадров, то следует ввести в базовый компонент гуманитарного, социального и экономического цикла ФГОСов социологические дисциплины, например, социологию медицины и здравоохранения, социологию пациента, коммуникативную этику (хотя бы как модуль биоэтики или социологии пациента), а не просто общую социологию «для общего развития» будущих врачей. Только специалист с глубоким представлением логики социальных процессов, пониманием своего места и роли в социальной структуре общества восприимчив к полноценной медико-профессиональной социализации [3; 4].

Литература:

1. Агеева Н. А. Автоэволюция российской системы здравоохранения: проблемы и перспективы саморазвития // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 1 (57). С. 742–749.

2. Агеева Н. А. Социализация студентов-медиков: на пути от этического кодекса к зрелой форме правосознания // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 (58). С. 835–840.
3. Вялых Н. А. Стратегии потребления медицинской помощи: социологический анализ: монография. Ростов-на-Дону, 2015.
4. Карташова Е. А., Шаповал Г. Н. Социализирующий потенциал внеаудиторной деятельности студента-медика // Современные научные исследования и инновации. 2016. № 2 (58). С. 689–692.
5. Лапин Н. И. Социокультурная трансформация России: либерализация versus традиционализация // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. III. № 3. С. 32–39.
6. Основные направления бюджетной политики на 2015 год и на плановый период 2016 и 2017 годов / Официальный сайт Министерства финансов РФ. URL: <http://minfin.ru/> (дата обращения: 20.11.2015).
7. Чирикова А. Е. Этика взаимодействия врачей друг с другом: анализ неформальных практик // Социологические исследования. 2015. № 4. С. 113–120.

Изменение институционального контекста функционирования организации

Гавриленко О.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Глобализация и интернационализация бизнеса неизбежно умножают количество объектов управленческих технологий. Связь управления и культуры двойственная: 1) культурные «объекты», характеристики, «свойства» являются точками приложения управленческих технологий, манипуляций; 2) культурные и социальные порядки являются неустранимым контекстом применяемых технологий и моделей управления.

На уровне технологий управления это ставит вопрос о различных, говоря словами Б.Латура, сборках, которые должны содержать и координировать разнородные компоненты (в том числе, и так называемые

«культурные»), делающие возможным само существование организаций. Ведение бизнеса предполагает на управленческом уровне работу с неоднородными элементами, сводимыми (по крайней мере, в идеале) в единые системы, где сама неоднородность (социальная, историческая, культурная) является одной из основных управленческих проблем, требующих разработки и применения порой весьма нетривиальных управленческих технологий. Это управление представлениями и верованиями (например, техники формирования лояльности и вовлеченности), управление карьерными траекториями, управление организацией пространства и времени (организация рабочего места, временных регламентов, регламентов перемещений, нормирования рабочего дня) и др.

Практика показывает, что те технологии управления корпорациями, которые демонстрируют свою эффективность в одних странах, становятся абсолютно бесполезными в других. Нельзя автоматически переносить модели управления, модернизационные схемы, игнорируя контекст, не учитывая тот факт, что ценностные и культурные установки способны блокировать любые политические и экономические реформы и изменения. Догоняющая, вторичная модернизация исходит из необходимости заимствования западного опыта во всех сферах. Крах множества модернизационных проектов показывает, что сегодня уже нельзя оставаться в рамках классических представлений о модернизации как движении в сторону формирования западных экономических и политических институтов. Необходимо признание собственных оригинальных путей развития, конструктивной роли социокультурной традиции в ходе модернизационного перехода, отказ от эволюционистского телеологизма. Та же Япония является интересным примером осуществления модернизации без «равнения на запад», с акцентом на выраженную роль государства в экономике, сохранение социокультурных традиций, учет менталитета населения при проведении преобразований. Там культивируется модель коллективной продуктивности, использующая общинные семейные ценности как в жизни, так и на производстве. Это основа «японского чуда» -

освоения новых технологий, повышения производительности труда, использования трудовой этики, коллективной автономии, мастерства, групповой ответственности за результат.

Многие страны, в том числе и Россия, в попытках проведения модернизации попадают в пресловутый «эффект колеи» - институциональной инерции, которая удерживает страну на определенной траектории, не позволяя вырваться за ее пределы [1]. «Эффект колеи» может быть объяснен через «псевдомодернизацию», когда мы видим обычную рекомбинацию элементов вместо смены парадигмы, либо через ошибки первоначального институционального выбора, либо через разрыв формальных и неформальных институтов, за которыми стоит борьба доминирующих групп, стремящихся законсервировать выгодный для себя status quo. Не столь важно, чем вызван «эффект колеи», важнее найти способы его преодоления, что предполагает формирование договоренности между властью, бизнесом и обществом, заключения пресловутого общественного договора. В англо-саксонских странах, таких как США и Великобритания, именно бизнес диктует свои условия остальным субъектам взаимодействия, в континентальной Европе мы видим, скорее, баланс трех сил, в Австралии, Канаде, Новой Зеландии общество контролирует власть и бизнес. Что же касается России, то у нас всегда доминирует власть, контролируя и бизнес, и общество. Все это не может не сказаться на специфике функционирования современных организаций в разных странах и национальных моделях управления.

Система мотивации персонала, стили принятия управленческих решений, практика управления, корпоративная культура должны учитывать национальную специфику организации. Так, с точки зрения параметров деловой культуры, американские организации отличаются рядом характеристик: универсализм (четкое исполнение правил, соблюдение законов, равенство перед законом), индивидуализм, низкая дистанция власти, ориентация на достижения (акцент на личный вклад), внутренняя управляемость (интернальность, привычка рассчитывать на себя и отвечать за

решения), низкое избегание неопределенности, низкоконтекстность, моноактивность [3]. В то время как японским организациям, наоборот, свойственен партикуляризм (особое внимание к связям, личным отношениям, различные правила для своих и чужих, обстоятельства и ситуация диктуют правила), коллективизм, высокая дистанция власти, аскриптивность, внешняя управляемость, высокое избегание неопределенности, высококонтекстность, реактивность [4]. Японские клановые организации всегда отличались сплоченностью, «чувством мы», лояльностью, особым вниманием к человеческому фактору, выстраиванию неформальных связей и отношений. Американские компании культивируют жесткую рыночную корпоративную культуру, стимулируют внутреннюю конкуренцию, атомизацию сотрудников, делают акцент на индивидуальные успехи, решения и межорганизационную карьеру. Разрабатывая управленческие технологии формирования лояльности и вовлеченности, способы мотивации персонала и пр. данный социокультурный контекст нельзя игнорировать.

Если говорить о специфике российской модели управления, можно отметить двойственность системы ценностей. Двойственность связана, прежде всего, с тем, что Россия занимает пограничное положение между Европой и Азией, Западом и Востоком. Несмотря на промежуточное положение России между западной и восточной цивилизациями, она по ряду параметров чуть ближе к восточной (хотя идеологически мы чаще слышим о необходимости заимствования западных ценностей и моделей модернизации). В России, как было указано выше, при взаимодействии государства, бизнеса и общества всегда доминирует власть, государство, в стране низкие издержки осуществления принуждения, высокие издержки защиты прав собственности и высокие издержки коллективных действий. Все это совершенно не случайно, потому что у нас традиционно большая дистанция власти, склонность к этатизму. Российской деловой культуре свойственен партикуляризм, тяготение к коллективизму (хотя сегодня мы все больше наблюдаем крен в сторону индивидуализма, дистанцированности от власти, надежды на себя), высокое

избегание неопределенности, внешняя управляемость, высококонтекстность, полиактивность (не ярко выраженная) и т.д. Эксперты, анализируя российскую деловую культуру, отмечают также силу неформальных отношений в бизнесе, необходимость «дружить» с властью, привычку к аврамам, высокую адаптацию и быстроту реакции на изменения внешней среды, наличие взаимовыручки и круговой поруки и др. [2]. Все это в целом создает особый социокультурный контекст для выстраивания эффективных тактик и технологий управления.

Сегодня мы сталкиваемся с достаточно радикальными изменениями внешней среды и условий ведения бизнеса, с изменением институционального контекста функционирования организаций. Несмотря на процессы глобализации, унификации, универсализации управленческих практик, культура остается неустранимым контекстом ведения бизнеса современными компаниями, что необходимо учитывать при выборе стратегии и технологий управления организацией.

Литература:

1. Аузан А. Экономика всего. Как институты определяют нашу жизнь. – М. Манн, Иванов, Фербер, 2014.
2. Гавриленко О.В. Россия между западом и востоком: организация, культура, практики управления и отношения неравенства // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. № 3. 2014.
3. Льюис Р. Столкновение культур: Путеводитель для всех, кто делает бизнес за границей / Пер. с англ. – М.: Манн, Иванов и Фербер, 2013.
4. Тромпеннарс Ф., Хэмпден-Тернер Ч. 4 типа корпоративной культуры / пер. с англ. – Минск, Попурри, 2012.

К вопросу о процессе формирования вовлечённости и лояльности клиентов в маркетинге взаимоотношений на B2B рынке

Гайдай В.О.

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,

Санкт-Петербургская школа экономики и менеджмента,

Россия, Санкт-Петербург

В основе маркетинга взаимоотношений как нового этапа развития маркетинговой науки в целом, определёнno, лежит доверие клиентов. Именно доверие является важной предпосылкой формирования долгосрочных взаимоотношений, и именно от него зависит успешность дальнейших коммуникаций.

Основные идеи теории доверия были изложены Р. Морганом и Ш. Хантом в 1994 году в работе «Теория приверженности и доверия в маркетинге взаимоотношений». Термин «доверие» использовался по отношению к бренду, а основой, по их мнению, является рациональная или эмоциональная приверженность. [Цит.по: 4, с. 99]

Ю.В. Бусарина в работе «Формирование модели доверия в системе маркетинга взаимоотношений» отмечает, что доверие – это феномен потребительского поведения, основанный на когнитивном, социально-оценочном и поведенческом компонентах. В рамках авторской модели доверия Ю.В. Бусарина предлагает следующие показатели сформированности доверия: уровень знаний о тех условиях, которые способствуют формированию и развитию доверительных отношений; уровень критичности в осознании роли доверия для межличностных взаимодействий участников взаимоотношений; степень проявления ощущений, которые сопутствуют сложившимся доверительным отношениям; ощущение психологического комфорта и защищённости, эмоциональное удовлетворение участников взаимоотношений. [2, с. 135-137]

В.Н. Наумов, со ссылкой на учёных С. П. Куца и Ф. Уэбстера, отмечает важность доверия как предпосылки возникновения долговременных

взаимоотношений и одной из главных ценностей маркетинга взаимоотношений на рынке B2B. Факторы, вызывающие доверие у участников взаимоотношений, крайне разнообразны и многочисленны, к ним можно отнести: деловую репутацию, выполнение взаимных обязательств, предоставление большого объёма информации, уровень личных отношений, предоставление финансовых льгот, высокое качество обслуживания, имидж бренда, надёжность и т.д. [4, с. 99-100]

На этой основе перейдём к определению понятий «лояльность» и «вовлечённость». Необходимо учитывать, что, во-первых, в литературе используются сочетания «лояльность персонала», «лояльность клиента», «лояльность поставщика», «лояльность инвестора», но в данной работе лояльность ограничена только лояльностью B2B клиента. Во-вторых, лояльность клиента часто связывается с понятием его удовлетворённости, и это действительно так, поскольку при отсутствии удовлетворённости клиента не может идти речи о формировании лояльности. В-третьих, как уже отмечалось выше, на рынке B2B, в основном, возможна лояльность бренду компании или лояльность продукту (бренду продукта, торговой марке).

Итак, лояльность будем понимать как приверженность клиента бренду продукта и (или) компании, выражающуюся в постоянном приобретении продуктов этой компании, продолжительном взаимодействии с её персоналом и руководством, нечувствительности к предложениям конкурентов, основанную на удовлетворённости покупками и обслуживанием, доверительных взаимоотношениях, а также вовлечённости в бренд. [5, с. 64-66]

Вовлечённость клиента в бренд (взаимодействие с брендом или во взаимоотношения) – это совпадение ценностей и целей клиентов, положительное отношение и учёт ими интересов партнёров, основанные на доверительных межличностных и межфирменных отношениях, а также на основе идентификации клиентами себя с партнёром. [3, с. 305]

Особую роль в формировании вовлечённости и лояльности играет эмоциональная составляющая, тесно связанная с личностными и

профессиональными особенностями главных участников любого взаимодействия – людей. Эмоции, по сути, представляют собой реакцию, отношение человека к объектам и явлениям, переживаемые в различных формах.

Современные исследования нередко связывают эффективность деловых взаимоотношений с таким понятием как эмоциональный интеллект (EQ), при этом всё чаще учёные говорят уже о важности эмоциональной интеллигентности (EI). Эмоциональная интеллигентность – это способность контролировать, координировать собственные и чужие эмоции, придавать с помощью полученной информации правильное направление мыслям и действиям [6, с. 17-20]. В связи с этим нельзя не отметить, что эмоции – залог успеха любых взаимоотношений, ведь именно эмоциональная составляющая позволяет преодолеть барьеры рациональной составляющей, что в конечном итоге ведёт к укреплению взаимоотношений и росту прибыли компании.

В целом, на основе проведённого теоретического исследования можно представить все вышеназванные категории в виде концептуальной схемы процесса формирования вовлечённости и лояльности B2B клиентов как основы современного маркетинга взаимоотношений (см. рисунок).

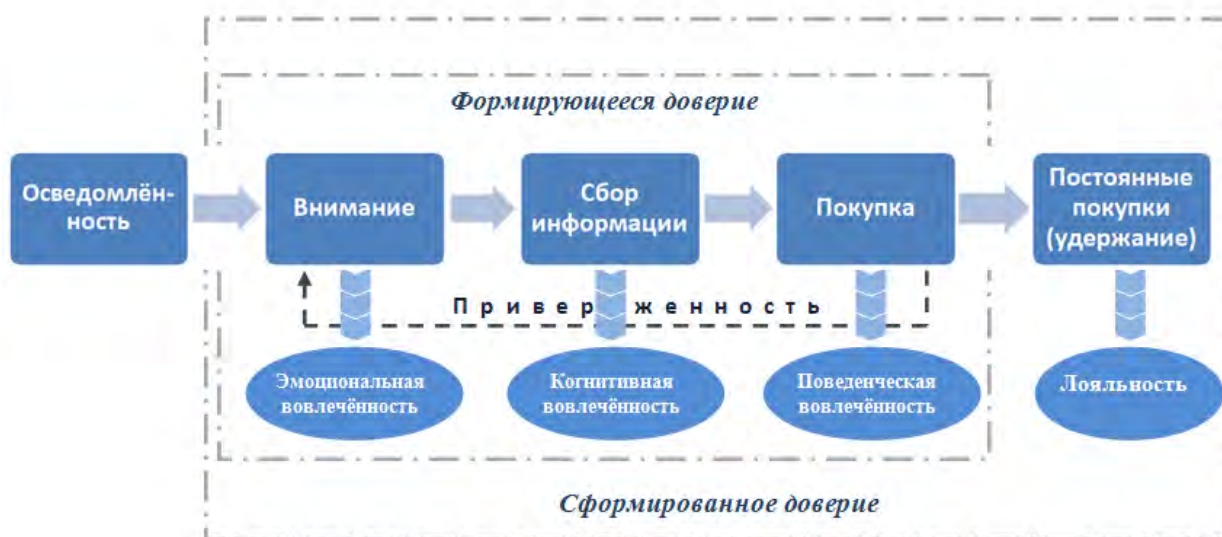

Рис. – Процесс формирования вовлечённости и лояльности B2B клиентов

Источник: [составлено на основе: 1, с.74]

Данная схема отражает, во-первых, тот факт, что приверженность формируется не после первой покупки, удовлетворившей клиента, а лишь в том случае, если покупка производится несколько раз. Во-вторых, доверие формируется в процесс формирования приверженности, следовательно, о лояльности и управлении лояльностью можно говорить только тогда, когда идентифицируется наличие доверительных отношений и приверженности продукту или компании. В-третьих, на разных этапах покупки наблюдаются разные этапы вовлечённости, что требует разного подхода к управлению взаимоотношениями.

Литература:

1. Багиев Г. Л. Как купить душу покупателя. Маркетинговая концепция вовлечения покупателей во взаимодействие с брендом [Текст] / Г. Л. Багиев, О. У. Юлдашева, Е. А. Боброва // Креативная экономика. – 2008. – № 8. – С. 70-78.
2. Бусарина Ю. В. Формирование модели «доверия» в системе маркетинга взаимоотношений [Текст] / Ю. В. Бусарина // Лесотехнический журнал. – 2011. – № 3. – С. 131-138.
3. Левблад М. Эмоциональная вовлечённость в отношениях поставщика и потребителя в промышленности: психологический контракт [Текст] / М. Левблад, А. Хайдер, Л. Леннштедт // Промышленный и B2B маркетинг. – 2013. – № 4. – С. 302-317.
4. Наумов В. Н. Маркетинг доверия: теория, принципы, практическое применение [Текст] / В. Н. Наумов // Маркетинг и маркетинговые исследования. – 2010. – № 2. – С. 98-108.
5. Широченская И. П. Новые тенденции в разработке программ лояльности и управлении отношений с потребителями [Текст] / И. П. Широченская, Э. В. Тарасенко // Академикум. – 2013. – № 4. – С. 64-69.
6. Park H. Determinants on Mechanism of Emotional Marketing: Emotional Intelligence, Perception of Emotional Labor «Action, Efficacy and Customer» Coping

Strategy on Customer Satisfaction [Text] : PhD Dissertation / H. Park; Oklahoma State University. – 2013. – 174 p.

У семи няnek дитя...

Ганин В.В., Зайцева О.Ф.

Академия народной дипломатии г. Севастополь, Международная академия социальных технологий, г. Симферополь

5 марта исполнилось 35 лет с момента учреждения в Осло должности детского омбудсмена – первого в мире официального уполномоченного по защите прав несовершеннолетних. На волне борьбы за социальную справедливость и права человека, особенно после принятия в 1989 г. Конвенции о правах ребенка, эта «норвежская инициатива» получила широкое законодательное и общественное признание. На сегодняшний день детские омбудсмены существуют более чем в 60 странах мира, в том числе практически во всех странах-членах ЕС.

В РФ должность детского омбудсмена («уполномоченного по правам ребенка») (УПР) была учреждена Указом Президента России 01.09.2009 г. Введение такой должности было обусловлено рядом причин, среди них: выделение в международном и отечественном праве фигуры несовершеннолетнего в качестве отдельного субъекта правоотношений; рекомендации Комитета ООН по правам ребенка, многочисленность (~ 20%) «детской» социально-демографической группы в структуре населения; большое число детей сирот (682 тыс. в 2009 г.); значительное количество нарушений прав детей (в том числе, со стороны властных структур) и преступлений, совершаемых в отношении несовершеннолетних (106 тыс. в 2009 г.); необходимость создания дополнительных механизмов обеспечения баланса интересов государства и гражданского общества при росте административного аппарата и всевозрастающем проникновении государства в социальные сферы жизни общества.

Институт УПР в РФ был задуман как специфический государственный институт дополнительного правообеспечения несовершеннолетних парламентского типа. Оригинальность данного института заключается в том, что, не обладая властными полномочиями, но призванный разрешать конфликты государственных и индивидуальных интересов, он сочетает в себе черты государственного и общественного институтов, в равной мере принадлежит и государству, и гражданскому обществу.

Следует отметить, что введение института УПР не отменило и не повлекло за собой пересмотра компетенций существовавших на тот момент в стране иных органов защиты прав детей.

Со дня учреждения должности УПР в России прошло почти 7 лет. Это время стало периодом практического становления нового правозащитного института, однако процесс далек от завершения.

Сегодня должности УПР учреждены во всех 85 субъектах РФ. По факту, на 25.04.2016 г. вакантны должности уполномоченных в Забайкальском крае, Ярославской области и г. Севастополе. Причем в последнем случае на сайте Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка уполномоченным числится чиновник, освобожденный от этой должности еще в 2015 г.

К сожалению, до сих пор отсутствуют Федеральные законы об Уполномоченном по правам ребенка в РФ и субъектах РФ. В ряде регионов УПР входит в аппарат губернатора, а в ряде случаев находится в структуре уполномоченного по правам человека. Более того – за эти годы не были сформулированы единые требования к кандидатам на должность уполномоченного, хотя она является государственной должностью субъекта РФ. Региональные законодательные акты отличаются большим разнообразием и в них сформулированы лишь самые общие требования к кандидатам на должность УПР (табл.).

Требования к кандидату на должность УПР*

№ п/п	Субъект РФ	Возраст	Образование	Знание проблем детства	Опыт защиты прав, свобод и законных интересов ребенка	Иное**
1	Республика Калмыкия	30+	высш.	-	-	познания в области прав и свобод человека и гражданина
2	Республика Карелия	35+	высш.	-	+	
3	Республика Крым	35+	высш. пед. или юр.	-	+	проживание на территории республики
4	Удмуртская республика	30+	высш. пед. или юр.	-	-	опыт работы по защите прав, свобод и законных интересов человека
5	Владимирская область	30+	высш.	-	+	
6	Волгоградская область	-	высш.	-	-	не менее 4 лет стажа гос. гражданской службы (гос. службы иных видов) или не менее 5 лет стажа (опыта) работы по специальности
7	Вологодская область	-	-	-	-	
8	Ивановская область	30+	высш.	-	-	
9	Кемеровская область	35+	-	-	+	проживание на территории области

10	Нижегородская область	35+	высш.	+	+	проживание на территории области, обладание избирательным правом, высокие моральные качества, безупречная репутация
11	Томская область	35+	-	-	-	
12	Тульская область	35+	высш.	-	+	
13	Москва	30+	-	+	+	отсутствие порочащих поступков, общественный авторитет
14	Санкт-Петербург	-	-	+	+	отсутствие порочащих поступков, общественный авторитет
15	Севастополь	35+	высш.	+	+	общественный авторитет

*на основании Законов субъектов РФ

**для всех – гражданство РФ

В этой ситуации социокультурный анализ корпуса действующих региональных УПР весьма интересен. Проведенное нами изучение биографий УПР, опубликованных на их персональных сайтах, дало следующие результаты: 1) большинство региональных УПР – женщины, их 75%; 2) средний возраст уполномоченного – 52 года, хотя есть и ветераны. Например, УПР в Тамбовской области Е.Л. Таможник родился в 1946 г. Одна из самых молодых среди уполномоченных – З.С. Чахкиева (Республика Ингушетия), которой недавно исполнилось 30 лет; 3) уполномоченные получали образование в самых разных вузах. При этом 29 человек имеют два высших образования, а 6 – три. Наиболее распространенным является педагогическое образование, его получили 57 человек. Юридическое образование есть только у 20 уполномоченных, а управленческое – у 16; 4) далеко не все уполномоченные

перед назначением на должность имели опыт работы с детьми и какой-либо правозащитной деятельности.

В условиях нынешнего обострения международной обстановки, особенно недружественной политики США по отношению к России вызывает некоторое недоумение сохранение поста Уполномоченного при Президенте РФ по правам ребенка за Павлом Астаховым, который писал после окончания школы права Питтсбургского университета: «Я никогда не забуду, что Питтсбургская школа права стала для меня моей второй альма-матер, а Соединенные Штаты – моей второй родиной».

В настоящее время в масштабах страны институт УПР (уполномоченные и аппарат), по нашим оценкам, насчитывает порядка 600-700 человек, а их содержание обходится государству не менее 1 млрд. рублей в год. Какова же эффективность работы института УПР?

Проведенный нами в Южном и Крымском федеральных округах опрос школьников, студентов, их родителей и учителей (всего 150 респондентов), показал, что практически никто не знает своего регионального уполномоченного по правам ребенка и лишь порядка 20% слышали фамилию Уполномоченного при Президенте Павла Астахова.

Большинство УПР ведут прием граждан один раз в неделю по предварительной записи. Число обращений весьма невелико.

Проведенный 26.04.2016 г. анализ 20% случайным образом выбранных личных сайтов УПР в регионах показал следующее: 1) в разделе «Анонсы»: ни на одном сайте уполномоченных не размещаются планы мероприятий на предстоящую неделю; на сайтах УПР в Алтайском крае, Амурской и Тверской областях информация не обновлялась с 2013 г., а на сайтах УПР в Республике Татарстан и Калининградской области – с 2015г., на сайтах УПР в Костромской, Тульской, Рязанской, Ивановской областях, Чукотском АО и Чеченской Республике информации нет вообще; 2) в разделе «Документы» 53% сайтов совершенно пусты.

За последние 2 года ни на одном социальном ток-шоу на первом канале российского телевидения с аудиторией 99,8% всего населения страны «Время покажет», «Пусть говорят», «Мужское/женское», где весьма часто поднимаются вопросы нарушения прав детей (сексуальные домогательства, жестокое обращение с детьми, проблемы многодетных семей и т.п.) уполномоченные по правам ребенка не присутствовали.

Проанализировав имеющиеся в открытом доступе отчеты региональных УПР в части предложений и рекомендаций органам законодательной и исполнительной власти на местах в период нестабильности и кризисной ситуации, мы не обнаружили в них никаких принципиально новых аспектов деятельности. Эти отчеты в основном составлены на основе событий и фактов, которые стали известны УПР из обращений граждан, официальных статистических данных, а также сведений, полученных Уполномоченным в ходе участия в совещаниях, встречах и конференциях. Складывается впечатление, что написание красивого отчета становится основной работой УПР. Задуманный когда-то как живой организм, институт УПР постепенно костенеет, превращается в формализованную структуру. Чего стоят, например, подписания соглашений о взаимодействии между УПР и региональными общественными палатами, прокуратурой...

Предлагаемые УПР «новые» методы и формы работы были заложены еще в Положении о комиссиях по делам несовершеннолетних от 1967 г., и действующие в настоящее время. Это вызывает сомнение в профессионализме и подготовленности кадров УПР. Формальный подход к определению полномочий УПР приводит к дублированию им функций различных государственных институтов по защите прав детей, что не способствует объединению усилий. Во всех субъектах РФ при губернаторах (Правительствах) имеются координационные советы по защите прав ребенка и семей с детьми, созданные с целью объединения усилий и контроля за деятельностью всех органов и служб, обеспечивающих условия нормального развития и воспитания детей.

В настоящее время в РФ, помимо УПР, действует достаточно много органов, содействующих защите прав и интересов несовершеннолетних. Среди них: прокуратура, комиссия по делам несовершеннолетних и защите их прав, полиция (подразделение по делам несовершеннолетних), органы опеки и попечительства, социальные службы для молодежи, органы управления социальной защитой населения, управление образованием, управление здравоохранением и множество социально-реабилитационных центров. К сожалению, при таком обилии институтов защиты количество нарушений прав детей практически не меняется: число преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних, остается на уровне 85 тысяч в год, причем количество преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности возрастает; остается стабильно высоким и число социальных сирот – детей, брошенных родителями.

По мнению группы экспертов, проводивших исследование эффективности нового института, необходимо пересмотреть его функции, обратив основное внимание на защиту прав и законных интересов детей, находящихся в местах лишения свободы, в условиях опасных для жизни и здоровья, а также вопиющих фактов насилия над детьми в семьях.

Трансформация корпораций в XXI веке: использование опыта Европейского Союза в Российской Федерации

Гречушникова Ю.С.

ЧУ ОДО «Британский банковско-финансовый колледж», Россия, Москва

Развитие социально-ориентированной экономики в Российской Федерации невозможно без соблюдения прав граждан в сфере труда и занятости. В этой связи особую важность приобретает регулирование деятельности крупных корпораций, которые предоставляют населению значительное число рабочих мест.

Изучая особенности функционирования крупных транснациональных корпораций представляется чрезвычайно полезным обратиться к опыту

Европейского Союза, где корпоративное право активно развивалось как на национальном уровне, так и в рамках интеграционного объединения.

Быстрый научно-технический прогресс после Второй мировой войны, а позднее и развитие информационных технологий, привели к смене моделей взаимодействия государства, гражданского общества и крупных корпораций. В развитых странах наблюдался постепенный отход от модели рациональной бюрократии как не соответствующей потребностям развития экономики и социальной сферы.

В настоящее время государственные структуры задают основные направления общественного развития, способствуют решению общественных проблем, в том числе в частно-предпринимательской сфере, устанавливают рамки ответственности компаний и их участников.

Управление транснациональными компаниями осуществляется на основе концепции социального партнерства, которое представляет собой интегрированную систему внутренних и внешних социально-управленческих отношений. На уровне отдельной организации социальное партнерство выступает как универсальная социальная система добровольного и равноправного сотрудничества работников, управляющих и собственников (работодателей) [3, 98].

В области развития трансграничного корпоративного права Европейский Союз пошел по пути создания унифицированных правовых норм. В 2001 году Совет Европейского союза принял Регламент, содержащий Устав Европейской компании и Директиву об участии рабочих в управлении компанией. Таким образом, впервые компании получили право осуществлять деятельность на всей территории Европейского Союза в рамках одного юридического лица. Работники компаний получили право участия в деятельности корпораций путем избрания представителей в совет директоров компании.

Введению Регламента, содержащего Устав Европейской компании, предшествовали многолетние интенсивные консультации по вопросам

разработки законодательства, работа над проектом законодательства началась еще в 1968 году. Представленный в 1975 году законопроект впоследствии неоднократно изменялся и дорабатывался и в итоге был разделен на два документа.

Процесс создания Европейских компаний активизировался после проведения серии консультаций и выработки рекомендаций хозяйствующим субъектам со стороны Европейской Комиссии в 2011 году. Наиболее острыми являлись вопросы предоставления работникам возможности участвовать в деятельности компаний и, даже в большей степени, вопросы соотношения норм правового регулирования, установленных на международном и национальном уровнях, в частности касающихся налогообложения создаваемых юридических лиц.

Э. Дюркгейм указывал, что граждане объединены не традициями и унаследованными общественными нормами, а своей взаимозависимостью, созданной увеличением разделения труда и специализацией [1, 40]. Вместе с тем даже в объединенной Европе по-прежнему сохраняются культурные и национальные различия между населением различных стран. Именно этим продиктована необходимость создания консультативного органа, в деятельности которого участвуют и сотрудники компаний, еще на этапе, предшествующем принятию решения о создании Европейской компании.

Необходимо также отметить, что Европейская компания не является национальной компанией, именно по этой причине работникам корпорации предоставляется возможность заключения транснациональных соглашений о сотрудничестве и выбора представителей в совет директоров компаний.

Предоставление работникам прав участия в деятельности корпорации свидетельствует о формировании неокорпоративизма, вписывающегося в плюралистическую модель демократии. Неокорпоративизм представляет собой систему представительства и согласования интересов трех субъектов — государства, предпринимателей и наемных работников, которые несут взаимные обязательства по выполнению взаимных соглашений [2, 6]. В основе

модели лежит система взаимоотношений между людьми, объединенными для достижения своих целей в самостоятельные субъекты права – юридические лица.

Современный неокорпоративизм предполагает сетевое управление государственными структурами, при котором отсутствует информационная асимметрия, жёсткая иерархия и соблюдение правил. Сетевой принцип, напротив, предполагает управленческую гибкость и оперативность, при этом повышается роль корпораций и их сотрудников в управлении обществом в целом и их воздействие на государственных структуры.

В Российской Федерации система социального партнерства только начинает развиваться. В статье 27 Трудового Кодекса РФ указано, что социальное партнерство осуществляется в формах коллективных переговоров по подготовке проектов коллективных договоров, соглашений и заключению коллективных договоров, соглашений; взаимных консультаций (переговоров) по вопросам регулирования трудовых отношений и иных непосредственно связанных с ними отношений, обеспечения гарантий трудовых прав работников и совершенствования трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; участия работников, их представителей в управлении организацией; участия представителей работников и работодателей в разрешении трудовых споров. При этом необходимо отметить, что защита прав сотрудников недостаточно эффективна: многие работники в современных условиях не являются членами профессиональных союзов, при сокращении персонала профсоюзы не могут оказывать влияние на решения работодателей, конкретные формы участия работников в деятельности компаний законодателем не установлены.

Таким образом, Российской Федерации только предстоит выстроить регулирование внутрикорпоративных отношений между работодателями и работниками эффективным образом. С этой целью необходимо обеспечить реальное участие работников в принятии решений руководящих органов корпораций. Весьма эффективным представляется создание в корпорациях

консультативного органа, который будет вырабатывать единую политику компании в сфере занятости с учетом позиции всех заинтересованных сторон...

Литература:

1. Бадзагуа Г.Ж. Противоречие понятие солидарности // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л.Н. Толстого. 2015. - №3.
2. Лаврентьев С.Н., Латыпов Р.Ф. «Гражданская корпорация» как форма политической активности российского общества // Власть. - 2012. - №12.
3. Шипитько А.Б. Методологические основы исследования социального партнерства хозяйственных организаций // Вестник Поволжского института управления. - 2013. - №1.

Кадровая служба: основные аспекты трансформации в XXI веке

Григорянц А.И.

Северо-Кавказский институт – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Пятигорск

XXI век представляет собой не только сменяемость формальных дат, но и принципиально новый виток, порождающий новые вопросы и вызовы, на которые только предстоит ответить. Это тот этап, когда важна значимость переосмысления парадигм управления и экономического мышления, в т.ч. и кадрового потенциала. В нынешних условиях именно профессионализм кадров компании выступает одним из самых весомых конкурентных преимуществ в борьбе за позиции на рынках. Теперь только высококвалифицированный персонал, выступает гарантом приспособления к неустойчивым и хаотическим переменам в рыночной среде. Происходит зарождение нового общества, составными характеристиками которого будут выступать – интерес, информация и интеллект. В свою очередь не труд в различных проявлениях, а разум совместно с наукой будут выступать основными источниками процветания. [1]

Но, тем не менее, данное обстоятельство резко повышает требования к

кадровой работе в компаниях. Различные изменения, происходящие в сфере человеческих ресурсов, приобретут революционный характер, что скажется и на деятельности специалистов в области кадрового менеджмента. Ожидается радикальный сдвиг ролевых стереотипов управленческого звена от исполнения роли администратора - бюрократа и управленца реактивного стиля до стратега и специалиста по управлению изменениями. Происходящая трансформация кадрового менеджмента нашла свое выражение в следующих основных тенденциях:

- все последние годы в развитых странах наблюдается относительный и абсолютный рост числа работников кадровых служб;
- повысился статус этой профессии: руководители кадровых служб в большинстве корпораций стали входить в состав правления и даже в состав советов директоров;
- резко возросло внимание к уровню профессиональной подготовки менеджеров по персоналу;

Речь идет о консолидации вокруг управленческой «вертикали» всех функций кадрового менеджмента, которая нашла отражение в появлении стратегического уровня в управлении человеческими ресурсами. Вместо довольно фрагментизированной структуры кадрового менеджмента, бытовавшей в эпоху доминирования первой и второй моделей управления персоналом, складывается система менеджмента, ориентированная в первую очередь на развитие человеческого капитала. Миссия этой системы — в числе других приоритетных стратегических целей корпорации реализовать и ключевые цели ее кадровой политики.

В условиях социально-экономического развития необходимо исходить из того, что каждая компания представляет собой открытую систему, неизменно связанную с внешней средой. Возможность адекватно реагировать на изменения факторов внешней среды зависит от личностных качеств персонала. В соответствие с этим кардинально меняются функции управленческого персонала, в частности работников кадровой службы, что

неизбежно приводит к изменению их статуса. Сегодня кадровые службы не только реализуют основные кадровые технологии, но и занимаются трансформацией профессиональной среды в организации, внедряют новые технологии управления персоналом, разрабатывают методы и способы управления изменениями, формируют новую кадровую политику и оказывают организующее влияние на претворение ее в жизнь организации [2, с.139-141].

В связи со становлением системного менеджмента была выявлена необходимость повышения интенсивной и целенаправленной кадровой политики, что и послужило поводом формирования новой политики - управления человеческими ресурсами. Управление человеческими ресурсами выступило компетенцией высших должностных лиц.

Вместе с тем, многие отечественные кадровые службы пока еще только овладевают технологиями кадрового менеджмента [3, с.54]. Руководство, осуществляя свои должностные полномочия, не в должной степени осознает роль эффективной кадровой политики в организации. Ориентация кадровой политики на развитие человеческих ресурсов, вводящих в действие все остальные ресурсы предприятия, выступает весомой предпосылкой для создания и усовершенствования технологий управления данными ресурсами[4].

В условиях современной экономики кадровая политика в отечественных компаниях должна больше ориентироваться на человеческие отношения, социальную политику и социальные ценности, охватывать новые области. Несмотря на то, что в настоящее время разрабатываются новые направления кадровой политики, ориентирующиеся на организацию социального управления и социальную политику, социальная некомпетентность отечественных кадров и руководителей значительно ослабляет данные преобразования [5, с.15].

Совершенствование кадровой политики непосредственно связано с возможностями развития деятельности организации, а использование инновационных технологий в данном вопросе представляют собой способы более эффективного управления компетенциями и детерминантами

компетенций, кадровыми процессами и состояниями организации.

Современные корпорации, пронизанные творческим духом [10] выступают как ячейки новой профессиональной культуры. Ядро кадрового потенциала таких корпораций образуют когорты людей, способных за счет рефлексивной организации коллективного мышления эффективно и творчески работать в различных полипрофессиональных средах. Данные команды профессионалов создаются и активно используют виртуальные формы самоорганизации. Переход к новому типу профессионализма и образует содержание той микрореволюции, которую переживают многие профессии в настоящее время. Адекватной формой профессиональной самоорганизации становятся профессиональные сети различной конфигурации, позволяющие при необходимости формировать команды для комплексного решения различных проблем. В отсутствие развитых форм партиципаторной организационной культуры в нашей стране распространение получили: номенклатура, блат и коррупция.

Очевидно, что для таких новых форм организации профессиональной деятельности нужна новая когорта менеджеров-профессионалов, в первую очередь, в области кадрового менеджмента. Тем не менее, сколь бы сомнительными с концептуальной точки зрения не выглядели результаты практического применения технологии управления человеческими ресурсами, микрореволюция в кадровом менеджменте за последние годы набирает темпы во всех развитых странах. И эта микрореволюция предъявляет совершенно новые требования к менеджеру по персоналу.

Таким образом, гармоничное развитие организации заключается в системном подходе к управлению персоналом, а также в использовании инноваций в управленческой деятельности. Для этого нужна соответствующая кадровая политика в организации, ориентированная на создание сплоченного, высокопроизводительного коллектива. Следовательно, кадровая служба должна трансформироваться в систему, способную интегрировать интеллект и энергию всего персонала организации и обеспечивать результативность

функционирования социально-экономической системы.

Литература:

1. Алиева С.В. Роль конкурсного отбора в трансформации профессиональной среды организации. /Международный научно-практический конгресс: тезисы докладов «Экономическое развитие стран Евросоюза и стран СНГ в условиях глобализации», (г.Берн, Швейцария, 31 мая 2013г.).- г.Берн, Швейцария,2013.- С.139 – 141.
2. Kreibich, R.: Die Wissenschaftsgesellschaft. - Frankfurt/Main: Suhrkamp Verlag, 1986
3. Гелета И. В., Калинская Е. С. Управление персоналом и регулирование рынка труда организации// Экономика: теория и практика. 2007. № 1(13). С. 54–58.
4. Сирченко А. Е. Кадровая политика как инструмент управления персоналом // Молодой ученый. — 2015. — №12. — С. 496-499.
5. Рябин А., Калашников Л. Кадровая политика предприятия// Служба кадров и персонал. 2008. № 3. С.15.
6. Сирченко А. Е. Кадровая политика как инструмент управления персоналом // Молодой ученый. — 2015. — №12. — С. 496-499.
7. Гелета И. В., Книга А. С. Аутсорсинг как значимый компонент оптимизации процесса управления персоналом// Экономика: теория и практика. 2011. № 2 (22). С. 62–65.
8. Базаров Т. Ю. Управление персоналом. М., 2012. С. 60.
9. Кибанов А. В. Разработка кадровой политики организации// Кадровик. Кадровое делопроизводство. 2013. № 1. С.23–25.
10. Иноземцев В.Л. Творческие начала современной корпорации. // МЭМО. - М. 1997.- № 11. - С. 18-30

Налоговое регулирование деятельности некоммерческих организаций

Грищенко А.В.

Московский городской университет управления Правительства Москвы, Россия, Москва

Российский некоммерческий сектор играет заметную роль в социально-экономической жизни страны, выступая источником различных социальных инноваций. Сегодня российский некоммерческий сектор – это более 226 тыс. организаций, которые работают на местном, региональном и федеральном уровнях. Именно некоммерческие организации в значительной степени обеспечивают право граждан на диалог с властью, обращают внимание органов государственного и муниципального управления на проблемы населения в целом и отдельных его групп, развивают демократические принципы организации общества, помогают в решении социально-значимых проблем, оказывают населению общественные социальные услуги.

Кризисные явления 2008-2009 гг. и падение валового внутреннего продукта в 2015 г. продемонстрировали, что Россия находится на новом, непростом этапе социально-экономического развития.

В значительной степени исчерпаны возможности прежней модели роста экономике, опиравшейся на быстрое расширение внутреннего спроса. Новая модель требует более интенсивного использования всех ресурсов. Вместе с тем и цели социально-экономического развития, и его условия выглядят совсем иначе. Современная задача государства - выход на траекторию устойчивого и сбалансированного роста в целях модернизации и догоняющего развития, перехода к инновационной стадии экономического развития и создания соответствующей социальной инфраструктуры.

Налоговая политика Российской Федерации должна быть ориентирована не только на удовлетворение фискальных целей, но и на ее социальную составляющую. Развитие социальной направленности современной налоговой политики Российской Федерации, несомненно, будет способствовать формированию социальной справедливости и защищенности [1]. Кроме того,

как показывает практика, активное развитие некоммерческого сектора находится в зависимости от регулирования государством деятельности некоммерческих организаций посредством предоставления различных налоговых преференций, а также продуманной целенаправленной налоговой политики государства.

В настоящее время происходит изменение правового поля, регулирующего деятельность некоммерческих организаций. Прежде всего, это касается отдельных аспектов налогообложения, внесение изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части реформирования организационно-правовых форм некоммерческих организаций, процедур государственной регистрации некоммерческих организаций в качестве юридических лиц и осуществления государственного финансового контроля финансирования некоммерческих организаций, в том числе из-за рубежа.

Повышенное внимание к исследованиям в области налогового администрирования некоммерческих организаций вызвано активизацией роли некоммерческих организаций в социально-экономическом развитии страны, отсутствием эффективной системы мониторинга и налогового контроля деятельности некоммерческих организаций, использования некоммерческих организаций коммерческими структурами для получения необоснованной налоговой выгоды, а также отсутствием системного подхода к созданию налоговых стимулов для благотворителей [2].

Некоммерческие организации, в силу специфики своего положения в архитектуре экономики страны, играют существенную социальную роль, нередко выполняя социальные функции государства. Принятие первой части Налогового кодекса Российской Федерации и ее дальнейшее совершенствование оказали позитивное влияние на деятельность некоммерческих организаций в части их взаимоотношений с налоговыми органами. Тем не менее, еще остались многочисленные методологические и организационно-процедурные вопросы, не получившие должного решения. Они возникают как со стороны налогоплательщиков (например, при

осуществлении благотворительности), так и налоговых органов (в частности, в силу специфики деятельности некоммерческих организаций).

Следовательно, разработка методологических подходов к налогообложению и налоговому администрированию некоммерческих организаций с учетом их тесной взаимозависимости, тенденций развития налоговой системы и некоммерческого сектора России представляет важное направление научного поиска. Его результаты позволят получить теоретико-методологическую основу эффективной реализации налоговой политики государства в отношении некоммерческих организаций как институтов инновационной экономики.

Кроме того, в отечественной науке отсутствуют исследования, комплексно охватывающие теоретико-методологические проблемы налогообложения и налогового администрирования некоммерческих организаций в условиях динамичности экономических процессов. Особенно выделяются вопросы развития налогообложения во взаимосвязи с налоговым администрированием применительно к новым направлениям деятельности некоммерческих организаций, современным формам их отношений с коммерческими структурами. Требуется уточнения понятийный аппарат, используемый в системе налогообложения и налогового администрирования некоммерческих организаций. Имеющиеся публикации на эти темы нередко содержат лишь анализ нормативной базы по отдельным видам налогов, но не рассматривают сам механизм влияния налогообложения на деятельность некоммерческих организаций. Развитие методологии налогообложения и налогового администрирования невозможно без критического изучения накопленного отечественного опыта становления некоммерческих организаций и реформирования налоговой системы, тенденций изменения налогообложения некоммерческих организаций во взаимосвязи с налоговым администрированием.

Проведенное исследование показало, что несмотря на обширную научную базу, не выработан комплексный подход к методологии

налогообложения некоммерческих организаций, а вопросы организационно-методического обеспечения налогового администрирования некоммерческих организаций не нашли должного теоретико-методологического обоснования.

Литература:

1. Грищенко А.В. Налогообложение некоммерческих организаций: проблемы и перспективы: монография: – М.: Дело и Сервис, 2013.
2. Грищенко А.В. Налоговое стимулирование благотворительных организаций и жертвователей. Налоговая политика и практика. 2014. № 8.

Сущность социальных изменений в организации

Данилова Е.А.

*Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), Россия,
Москва*

В подавляющем большинстве случаев проведение целенаправленных изменений в организации прямо или косвенно связано с изменениями внешней среды или изменениями внутри организации. Таким образом, имеет место ситуация порождения одних изменений другими изменениями. Можно сказать, что процесс осуществления инноваций в организации представляет собой приведение состояние всех компонентов организации в соответствие с изменяющейся ситуацией. В связи с этим важно определить суть социальных изменений, так или иначе связанных с организацией следующим образом.

Изменение — это процесс движения и взаимодействия предметов и явлений, перехода от одного состояния к другому, возникновение у них новых свойств, функций, отношений [1, стр. 209]. Социальное изменение — переход социального объекта из одного состояния в другое; любая модификация в социальной организации общества, его социальных институтах и социальной структуре, а та в поведении членов общества. Примерами таких изменений являются изменение взаимоотношений между различными структурными

единицами (личностями, организациями или социальными институтами), изменение их статусов, возникновение новых социальных объединений и т.д.

Изменения во внешней среде организации можно представить на основании типологии социальных изменений С. Виго (см.[2. стр. 105]), представленных в табл. 1.

Изменения во внешней среде воспринимаются не одинаково различными подразделениями внутри организации. Существуют, по крайней мере, два основных подхода в организации к этим изменениям:

- ассоциативный подход к изменениям — на изменения во внешней среде организация реагирует путем изменения своего отношения к различным объектам внешней среды; здесь возможны изменения в приоритетах, политических предпочтениях, косвенные и незначительные изменения целей организации;

Таблица 1. Типология социальных изменений

Размах изменений	Малые	Маргинальные	Всеобъемлющие	Революционные
Направление изменений	Упадок		Прогресс	
Временной горизонт	Краткосрочные (менее года)	Среднесрочные (1-5 лет)	Долгосрочные (более 5 лет)	
Уровень изменений	Индивид, группа, организация, институт, общество			

- каузальный подход предполагает, что модификации во внешней среде порождают модификации внутри организации, т.е. внешние перемены вызывают изменения во всех компонентах организации, прежде всего таких, как цели, структура, технологии, персонал и культура. Именно этот подход позволяет понять причины изменений в организации.

Изменения в организации могут затрагивать четыре основные сферы ее жизнедеятельности: техническую, политическую, культурную и социальную.

Изменения организации подразделяются на два основных типа.

1. Непланируемые, естественные изменения — изменения, появляющиеся без заранее поставленной цели, достаточно спонтанно. Причиной этих изменений может быть общение членов организации с представителями других социальных объединений, после чего возможно несанкционированное заимствование технических новшеств или новых методов поведения на основе подражания или признания полезности в отношении частных вопросов или в отношении отдельных групп организации. Обычно такие изменения протекают незаметно для организации и не затрагивают важных ее компонентов.

Естественными изменениями в организации управлять практически невозможно, так как они являются следствием воздействий внешней среды и не осознаются руководителями организации или рассматриваются ими как неизбежные последствия внешнего воздействия.

2. Искусственные изменения — изменения, осуществляемые сознательно, целенаправленно, в ходе которых меняются статус организации, ее структурные компоненты с целью адаптации организации к внешней среде, укрепления властных основ управления, интеграции отдельных структурных единиц. В теории социальных изменений все искусственные изменения делятся на инновации и диффузии.

Под инновацией понимается любое заранее спланированное и целенаправленное изменение в организации, содержащее элементы новых знаний, навыков или способов действий, касающееся политической (властной), технической и культурной сферы деятельности организации.

Под диффузией понимается любое заранее спланированное и целенаправленное изменение в организации, основные элементы которого привнесены в организацию из внешней среды. Целями инноваций и диффузии могут быть следующие:

1. создание оптимальной структуры управления, когда после осуществления инноваций наблюдаются положительные сдвиги в возможностях руководителей воздействовать на поведение подчиненных (например, инновации могут быть направлены исключительно на повышение авторитета руководства, престижа руководителей или изменении методов воздействия на подчиненных);
2. совершенствование системы целей организации (например, ориентация на создание новых продуктов или изменение критериев достижения успеха), что с неизбежностью приводит к значительным изменениям в структуре организации, работе с персоналом и т.д.;
3. создание более совершенных технологических условий или действий, что, в конечном счете, должно обеспечить повышение адаптируемости к условиям внешней среды;
4. формирование более эффективной системы мотивации членов организации способствовать интеграции всех компонентов организации, ориентации работников на цели организации, их удовлетворенности своей деятельностью;
5. изменение целей входа или выхода системы, т.е. изменение систем поставок ресурсов и их сбыта, что также может способствовать повышению адаптируемости системы к внешней среде.

Литература:

1. Aldrich H. Organizations and Environments. Prentice Hall, 1979.- 415 p.
2. Плотинский Ю.М. Теоретические и эмпирические модели социальных процессов. Москва: Логос, 1998. - 278с.
3. Фролов С.С. Социология организаций. Москва: Гардарики, 2001г. -342с.

Корпоративная дорожная карта как инструмент управления организацией в период кризиса

Демидов А.В.

ООО «Стройгазинжиниринг», Россия, Москва

Видение будущего, сформированная концепция развития компании является важной составляющей ее успешного функционирования. В период сложных социально-экономических перестроек значимость стратегического планирования возрастает, требуя к себе более детального внимания и выдвигая совершенно новые требования к подходам и инструментам. Одним из таких инструментов, который может помочь привести структуру компании и ее функции в соответствие с потребностями кризисного времени, является корпоративная дорожная карта (corporate roadmapping). Технология создания дорожных карт – это целенаправленный процесс планирования, предоставляющий лицам, принимающим решение, средства для определения, оценки и выбора между альтернативами, ведущими к достижению стратегических целей.

Другими словами, данный документ представляет собой разновидность сложного плана, в котором верные корпоративные решения касаются не выбора подходящей стратегии того, как, например, тратить деньги или как выполнять определенные обязательства, это в первую очередь поиск того главного плана, который выступит основой сложной высокоуровневой стратегии будущего развития компании. Данный инструмент имеет восходящую структуру, благодаря которому различные сотрудники могут принять посильное участие в стратегическом планировании развития компании, формировании долгосрочной перспективы. Работа над созданием дорожной карты выступает своеобразным коммуникатором, дает возможность группе заинтересованных людей возможность спланировать и осуществить определенный путь (маршрут) для достижения поставленных целей. Процесс создания документа на практике выступает также в качестве процесса обучения, посредством которого члены

группы выявляют пробелы в своей деятельности или обнаруживают новые возможности, раскрывают перспективные направления.

Без создания дорожных карт бизнес часто испытывает затруднения в связи с:

1. частыми изменениями в политике продукции, вызванными недостатком временной перспективы;
2. запоздалым началом деятельности, нацеленной на длительный срок, как например, подбор кадров и изменения технологического процесса;
3. разнонаправленными действиями команд;
4. упущенными возможностями на рынке.

Создание дорожных карт используется для выработки консенсуса относительно набора потребностей и технологий, необходимых для удовлетворения этих потребностей; предоставления механизма, помогающего экспертам прогнозировать технологические разработки в областях, являющихся объектами направленного воздействия; предоставления основы для содействия планированию и координации разработок как внутри компании, так и в целом в секторе.

Таким образом, процесс формирования дорожной карты занимает особое место среди инструментов, способствующих стратегическому планированию: управление портфелем активов, разработка новых продуктов, конкурентный анализ, бенчмаркинг, проектный менеджмент, он обеспечивает тесное взаимодействие таких важных компонентов как организации, функции, процессы и время.[1, с. 150]

Не менее важным, является процесс использование дорожной карты, в ходе которого организациям предоставляется возможность реагирования на меняющиеся условия в реальном времени. Может быть выбрано одно направление действий и разработан определенный план. Если существует большая неопределенность или риск, то может быть выбрано несколько направлений, которым можно следовать одновременно. Корпоративная дорожная карта должна быть вызвана к жизни реальной необходимостью, а не

чьим-то субъективным решением [2]. То есть основанием для ее создания должна быть конкретная проблема, потребность (например, занять лидирующие позиции на рынке). Соответственно, команда по разработке дорожной карты должна начать свою работу с изучения потребности, а не с predetermined идеи о возможном решении. В таком случае дорожная карта представляет собой способ выявления, оценки и выбора процессов, которые могут быть осуществлены для удовлетворения основных потребностей бизнеса [3]. Однако отметим, что для успешного внедрения разработанной стратегии требуются более детальные планы для конкретизации реальных проектов и процессов, при этом необходимо согласование всех действий по планированию на различных уровнях.

Таким образом, создание дорожной карты, безусловно, является эффективным инструментом стратегического планирования и управления организацией и реализует основные интересы руководства по достижению наилучших результатов компании в долгосрочном периоде. Главное преимущество корпоративной дорожной карты состоит в том, что она предоставляет ясную наглядную информацию, дает предписания для принятия «лучших» решений и обеспечивает инструменты контроля.

Литература:

1. Джемала, М. Корпоративная «дорожная карта»/ М. Джемала // Российский журнал менеджмента. – 2008. – № 4. – Том 6. – с 149–168.
2. Garcia, M., Bray, O., Fundamentals of Technology Roadmapping, Sandia National Laboratories, Strategic Business Development Department / M. Garcia, O. Bray. – P.O. Box 5800, Albuquerque (NM) USA 87185-1378. – 2002.
3. Lee S., Park Y. Customization of technology roadmaps according to roadmapping purposes: Overall process and detailed modules / S. Lee, Y. Park // Technology Forecasting & Social Change. – 2005. – №72 (5). – P.567–583.

Общественная палата как институт межсекторального взаимодействия

Дергунова Н.В.

Ульяновский государственный университет, Россия, Ульяновск

Общественная палата – сравнительно молодой институт российской демократии, возникший как инструмент поддержки «духа солидарности» в обществе. Общественная палата еще и выразитель позиции активной части общества по проблемам, волнующим граждан нашей страны, в диалоге с властью, в диалоге с бизнесом.[4] Таким образом, функция палаты будить общество через формирование общественного мнения, повестки дня, помогать тем, кто проявляет активность сам, вырабатывать механизмы взаимодействия общества и власти.[8]

Более десяти лет назад общественные палаты стали функционировать в регионах РФ, как институт, реально отражающий сложности становления демократии и развития гражданского общества, сложности взаимодействия с властью на всех уровнях.[5] Укорененный в общественном сознании этатизм значительным образом повлиял на формирование гражданского общества и независимых институтов гражданского общества. Советский строй, утверждавший примат государства удачно наложился на традиционную социокультурную матрицу российской государственности. [1] Государственная бюрократия, особенно региональная, изначально тяготела к патерналистской модели выстраивания отношений с бизнес-структурами, НКО, экспертным сообществом, отдельными активными гражданами.

Некоторые позитивные изменения за последнее десятилетие наметили тенденцию перехода к партнерской модели взаимодействия: повышение открытости органов власти; активное налаживание взаимоотношений с бизнес-ассоциациями и другими представительскими организациями бизнеса.[6] Начиная с 2009 года бизнес структуры стали привлекаться для разработки различного рода программ, экспертов для сопровождения законодательного процесса. Насколько серьезно эти новации затронули сознание различных групп региональной элиты, можно ли надеяться на существенное изменение

модели взаимодействия трех секторов регионального сообщества друг с другом? Исследование взаимоотношений бизнеса и государственной региональной власти в 2009 [2] и 2016 гг.[3] в Ульяновской области позволят в определенной степени ответить на данный вопрос.

По данным доклада Общественной палаты РФ о состоянии развития гражданского общества за 2015 год лишь 15 % официально зарегистрированных НКО активны. Эти данные говорят о низком уровне институционализации общественной активности, особенно в регионах и муниципальных образованиях.[7] Важнейшей проблемой во взаимоотношениях бизнеса и государства по результатам опроса в 2009 г. стало потребительское отношение государства к бизнесу. Большинство предпринимателей считало, что власть видит в бизнесе, прежде всего, «тугой кошелек» (41%). На втором месте (17%) – патерналистский тип государства, воспринимающего бизнес как младшего партнера. Только 3-10% опрошенных предпринимателей полагают, что власть относится к бизнесу как к локомотиву развития экономики и общества. Таким образом, в предпринимательской среде укрепилось мнение, что бизнес отеснен властью на периферию экономической и политической жизни, получив незавидную долю «дойной коровы».

В феврале 2016 года было опрошено 115 экспертов – представителей бизнес-элиты, правящего класса, руководителей некоммерческих организаций и муниципальных образований Ульяновской области на тему: «Власть, бизнес, гражданское общество: модели взаимодействия».

Большинство респондентов (57,69%) ответили, что отношения гражданского общества, государства и бизнеса направлены на обеспечение оптимального баланса в реализации интересов всех взаимодействующих субъектов. Однако менее всего в этом уверены представители НКО (36%), а наиболее всего в этом уверены представители политической элиты и МСУ (61-62%). Вместе с тем, подавляющее большинство экспертов трех групп: бизнеса (70%), НКО (68%) и МСУ (80%) уверены, что отношения между представителями гражданского общества, государства и бизнеса должны

строиться на принципах социального партнерства. И только 38% представителей политических структур поддержали данную позицию, а 32 % ответили, что главенствующая роль в данных отношениях должна принадлежать государству.

Недоверие к обществу со стороны представителей политических структур проявилось и в вопросе об основных целях взаимодействия. В отношении передачи ряда функций государства гражданскому обществу позиции бизнеса (23%), НКО (21%) и МСУ(18%) сопоставимы и позитивны, а среди представителей политических структур только 7% поддержали данную цель взаимодействия.

Неоднозначную картину показали ответы представителей всех четырех групп по вопросам соблюдения в России принципов правового и социального государства. Если в отношении правового государства ответы представителей бизнеса и НКО в целом сопоставимы и в значительной степени негативны (соблюдаются слабо - 40-43%, не соблюдаются – 28-29%), то политики более позитивно оценивают развитие правового государства в России.

Среди факторов, препятствующих эффективному взаимодействию гражданского общества, государства и бизнеса в современной России, респонденты отметили прежде всего несоответствие законов условиям реальной жизни (40%) и отсутствие общих интересов у субъектов данного взаимодействия (23,3%). Настораживает тот факт, что отсутствие общих интересов в наибольшей степени фиксируют представители политических структур (власти и политических партий), которые по роду своей деятельности должны находить компромиссы интересов больших социальных групп. Их задача - вести диалог, находить механизмы достижения компромиссов. На несоответствие законов условиям реальной жизни больше всего указывают бизнесмены (49%) и представителей НКО (37%).

Таким образом, данные опроса подтверждают тот факт, что в России пока доминирует патерналистская модель взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса. Интересы власти, с одной стороны, и

интересы бизнеса, НКО и МСУ, с другой, далеко не всегда совпадают в оценках существующих целей и механизмов взаимодействия, что служит значительным препятствием для перехода к партнерской модели.

Для всех субъектов общественно-политической жизни страны необходимо реальное взаимодействие с властью, без грубого диктата государственной исполнительной власти, без имитации взаимодействия, на партнерских основаниях. Пока различные общественные советы, Общественные палаты скорее являются декоративными институтами, выполняющими функцию формирования демократической культуры российского общества.

Литература:

1. Кинякин А. Особенности взаимодействия власти и бизнеса в условиях модели государственного капитализма в посткризисный период. – Государство, бизнес, общество: теории и российские реалии. Под ред. проф. Л.Е.Ильичевой. – М.:Аналитик, 2012 - С.11-20
2. Экспертный опрос предпринимателей г. Ульяновска с условным разделением выборки на крупных, средних и мелких предпринимателей. Тип предприятий определялся по самооценке предпринимателей. Метод проведения исследования - личное формализованное интервью по месту работы.. Всего опрошено 124 предпринимателя (14 крупных, 23 средних и 87 мелких). - ОГКУ Центр «Аналитика». 2009 г респондента
3. Опрос проводился в рамках проекта по изучению региональных элит факультета политологии Южно-Российского института управления – филиала РАНХиГС. Руководитель Понеделков А.В., д.полит.н., проф. Руководитель исследования по Ульяновской области Дергунова Н.В., д.полит.н., проф. / Опрошено гос. служащие и представители политико-административной элиты — 30 человек; муниципальные служащие – 25 чел.; представители крупного бизнеса – 5-6 чел.; представители среднего бизнеса – 15 чел.; представители малого

бизнеса – 25 чел.; члены общественных организаций – 5 чел.; представители СМИ, культуры и образования – 5 чел.

4. Авцинова Г. Теоретико-методологические основания и направления взаимодействия гражданского общества и государства в современной России. - Государство, бизнес, общество: теории и российские реалии. Под ред. проф. Л.Е.Ильичевой. – М.:Аналитик, 2012. С.207-209

5. Жихарев М. Региональная Общественная палата как фактор развития гражданского общества. - Государство, бизнес, общество: теории и российские реалии. Под ред. проф. Л.Е.Ильичевой. – М.:Аналитик, 2012. С.256-267

6. Мощелков Е. «Государство - гражданское общество» как научная и практическая проблема. – Проблемы взаимодействия гражданского общества, государства и бизнеса: опыт России и Германии. Коллективная монография. – Ростов н/Д: Изд-во СКАРГ, 2012. С.25-32

7. Дергунова Н.В. Институты гражданского общества в регионе: противоречия развития - VI Всероссийский конгресс политологов «Россия в глобальном мире: институты и стратегии политического взаимодействия». Материалы. М. 22-24 ноября 2012 г. – М.: РАПН, 2012. С.153;

8. Дергунова Н.В. Общественные палаты в политической системе российского общества. - Коммуникации в политическом пространстве России: материалы всерос. научно-образовательной конференции – Казань. КГУ. 2013

**«Правительство для граждан» как новый
социальный институт Казахстана**

Джунусова Ж.Х.

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Казахстан, Астана

Переход к демократизации казахстанского общества, рыночной экономике требовал новых институциональных форм государственного управления. Ключевыми направлениями реформ должны были стать:

- совершенствование административных услуг государства;

- снижение бюрократизации управления;
- оптимизация профессионального уровня государственного аппарата.

Первым этапом социально ориентированного государства стало создание «электронного правительства» - информационно-справочного и интерактивного веб-портала, предоставляющего государственные услуги и сервисы в электронном виде. «Это небольшое по численности Правительство, прозрачное в своей деятельности. Оно позволит сократить контакты между населением и чиновниками, повысит качество и уменьшит сроки оказания услуг. Это приведёт к новой административной реформе и сокращению госаппарата. Для осуществления такой работы нужна большая программа ликвидации компьютерной безграмотности и обеспечения доступа населения к интернету». [1]

На первом этапе (с 2004 г.) решались задачи по упрощению процедуры подачи заявок, созданию эффективной интеграции системы электронного лицензирования с другими ведомственными информационными системами, интеграционного взаимодействия с базовыми компонентами электронного правительства для запроса необходимых данных и т.д.

За счет проделанной работы была, во-первых, снижена нагрузка на бизнес: процессы стали более доступными, простыми, понятными и прозрачными, сняты барьеры для получения услуг в сфере лицензирования. Во-вторых, значительно уменьшилась коррупционная составляющая за счет исключения прямого контакта между представителями бизнеса и государственными органами-лицензиарами.

В настоящее время в актуализированном Реестре государственных услуг (по состоянию на 1 января 2016 г.) количество государственных услуг составляет 739. Из них порядка 70%, наряду с бумажной формой, могут быть оказаны и в электронном формате, а около 30% услуг все ещё оказываются только в бумажной форме самими государственными органами.

Развитие казахстанского электронного правительства оценивается как «развивающееся» (emerging leaders) и считается одним из самых успешных. По

данным исследования Департамента по экономическим и социальным вопросам ООН в 2012 г. по уровню развития электронного правительства Республика Казахстан в рейтинге заняла 38 место из 192 стран. При этом индекс онлайн-услуг вырос на 10 позиций, а телекоммуникационной инфраструктуры — на 14 позиций. По индексу е-участия, который определяет возможность общения граждан с правительством, Казахстан занял 2-е место, разделив его с Сингапуром.

В январе 2013 года была принята Государственная программа «Информационный Казахстан-2020». [2] Ее основная цель состоит в создании условий для перехода к информационному обществу, а для её реализации поставлены следующие целевые индикаторы:

- индекс «электронного правительства» (по методике ООН) в 2020 году должен находиться в числе первых 25 стран;
- доступность информационно-коммуникационной инфраструктуры в домохозяйствах Республики Казахстан - 100 %;
- количество пользователей сети Интернет в 2020 году - 75 %;
- уровень компьютерной грамотности - 80 %;
- доля государственных услуг, предоставляемых в электронном формате, - 50 %;
- доля оказанных электронных государственных услуг по отношению к общему числу услуг, полученных в традиционном виде, - 80 %.

В настоящее время в рамках институциональной трансформации ведется работа по формированию новой концепции государственной службы. Новые концептуальные подходы в данном направлении содержатся в рамках 5 институциональных реформ и Плана нации «100 конкретных шагов». [3] Пятая институциональная реформа «Транспарентное подотчетное государство» определяет поэтапные подходы перехода к новой программе «Правительство для граждан», главная цель которой - расширение возможности участия граждан в принятии решений. Актуальным является передача несвойственных государству функций в конкурентную среду и саморегулируемым

организациям. «Локомотивом» здесь должна выступить госкорпорация «Правительство для граждан», которая как юридическое лицо начала свое существование с января 2016 г.

Основным предметом ее деятельности является оказание государственных услуг в соответствии с законодательством Республики Казахстан, организация работы по приему заявлений и выдаче их результатов услугополучателю по принципу «одного окна», а также оказание государственных услуг в электронной форме. Однако основное предназначение Госкорпорации состоит в том, что граждане будут обращаться только к этому единому провайдеру государственных услуг. Это обеспечит прозрачность их представления, сократит ненужные административные барьеры и перечень запрашиваемых документов.

При этом несомненным преимуществом ее деятельности является объединение всех госуслуг под единым управлением, обеспечивается полная интеграция ведомственных баз данных с системами Госкорпорации с передачей ей всех государственных услуг к 2018 году. За Госкорпорацией закреплён существенный спектр социально-значимых функций.

Развитие электронных услуг и «электронного правительства» сдерживает ряд проблем. Это низкий уровень защищенности, информационных систем и ресурсов государственных органов; низкие темпы автоматизации бизнес-процессов государственных органов, направленных на оказание государственных услуг в электронной форме; слабое вовлечение казахстанского бизнеса в развитие «казахстанского содержания» в платформе «электронного правительства» и другие.

Таким образом, эффективное применение международного опыта и потенциала казахстанского государственного управления в контексте институциональной трансформации оказывают положительное воздействие на повышение уровня жизни населения; его активное вовлечение в использование информационно-коммуникационных технологий; формирование имиджа государства как поставщика услуг, его клиентоориентированность.

Литература:

1. Послание Президента народу Казахстана «К конкурентоспособному Казахстану, конкурентоспособной экономике, конкурентоспособной нации». 19 марта 2004 г // «Казахстанская правда» - 20 марта 2004 г.
2. Указ Президента Республики Казахстан «О Государственной программе «Информационный Казахстан – 2020» № 464 от 8 января 2013 г.// электронный ресурс http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31324378/, дата обращения – 18.04.2016.
3. Послание Президента народу Казахстана «План Нации «100 конкретных шагов по реализации 5 институциональных реформ» 20 мая 2015 г. //электронный ресурс <http://www.kazpravda.kz/rubric/100-shagov/>, дата обращения – 22.04.2016.

Инновационное развитие: лучший мировой опыт коммерциализации интеллектуальной собственности

Добреньков В.И., Афонин Ю.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Для формирования социально – экономических и финансовых основ инновационной деятельности, основанной на эффективном управлении интеллектуальной собственностью в России нужны инструменты раскрытия частной творческой инициативы, механизмы материальной и нематериальной поддержки новаторства, изобретательства и рационализаторства.

Пока что социальные аспекты ресурсного обеспечения интеллектуальной собственности находятся «на крайнем социологическом фланге экономических проблем» и поэтому в наименьшей степени поддаются формализации в рамках неоклассического подхода».[1]

Более всестороннее исследование данных аспектов социальной жизни общества, как оказалось, возможно в рамках институционально – эволюционной теории. Её основоположник американский социолог и экономист Т.Веблен ввёл понятие институтов (рутины) как устойчивых

привычек мышления, присущих большой общности людей и происходящих из инстинктов, стереотипов мышления, традиций, обычаев, правил, законов и социальных норм. По Веблену стабильность социальных институтов нарушается как внешними, так и внутренними процессами. Роль разрушителя стабильности выполняет инновационная деятельность, родственная по содержанию и значимости мутациям в биологической эволюции. Однако эти разрушения носят созидательный характер, если несут функцию экономической полезности для общества и предполагают наличие способности интегрировать дискретные элементы социологических знаний в новые, ранее неизвестные созидательные комбинации. Поэтому любая инновация должна нести элементы прибыли и готовности к внедрению в реальный сектор экономики. Но эту прибыль социальных позиций следует рассматривать как награду общества за полезность этого проекта.[2]

Согласно Веблену, успех от зарождения идеи и доведения её до экономической полезности обществу основана на создании новых институтов, которые, как показывает зарубежный опыт, предполагают обязательное наличие сильной правовой базы, современной инфраструктуры, заточенной на продвижение инновации, мощной корпоративной культуры и современной системы управления знаниями. Все это должно сопровождаться разделением труда учёного и специалистов по продвижению разработок.

Одним из важнейших направлений совершенствования законодательства в области интеллектуальной собственности является повышение заинтересованности всех участников инновационной деятельности в конечном результате – практическом внедрении новых научных разработок и технологий, созданных отечественными учеными.[3]

В США, например, еще в 1986 году Законом о трансфере научных технологий была установлена минимальная доля изобретателя - 15% от суммы доходов, полученных университетом от реализации исключительных прав на изобретение. Кроме этого, большинство американских университетов устанавливают размер авторских вознаграждений в размере 25-30% от суммы

дохода, получаемого университетом от лицензионных соглашений. В Российской Федерации совсем недавно - 4 июня 2014 года, а в Республике Казахстан в 2015 году установили минимальные размеры авторских вознаграждений за создание и использование объектов промышленной собственности – изобретений, полезных моделей и промышленных образцов. За создание служебного изобретения автору выплачивается поощрительное вознаграждение в размере 30% от среднемесячной заработной платы, за создание полезной модели или промышленного образца – 20%. При использовании изобретений в собственном производстве работодатель обязан выплатить автору вознаграждение в размере среднемесячной зарплаты, при заключении лицензионного договора – 10% от суммы лицензионных платежей, при заключении договора уступки – 15% от суммы договора.[4]

Однако при отсутствии внутренних нормативных актов, что сегодня, к сожалению, имеет место в большинстве организаций России, эти положения не выполняются.

Вторым важным моментом законопроекта является поддержка лиц, содействующих созданию и коммерциализации результатов научно-технической деятельности. Здесь речь идет, в первую очередь, о вузовских и региональных офисах коммерциализации технологий, патентно-лицензионных службах в вузах, НИИ и промышленных предприятиях. Они играют исключительно важную роль не только в выявлении, оформлении и правовой охране объектов интеллектуальной собственности, но и выступают «~~шлюзом~~» между наукой и промышленностью при коммерциализации результатов научно-технической деятельности. Без эффективной работы офисов коммерциализации технологии невозможна передача новых разработок и технологий от вузов и НИИ на предприятия реального сектора экономики. Это давно поняли за рубежом, где в каждом университете существуют такие подразделения, количество сотрудников в которых составляет в среднем 40-90 человек для крупных университетов и 30-40 - для средних и малых университетов. В большинстве вузов России в офисах коммерциализации

технологий работает от 1 до 4 сотрудников, что явно недостаточно. Всего же по России дефицит сотрудников в сфере коммерциализации и трансфера технологий составляет порядка 60000 человек. Любая инновационная идея по дороге к коммерциализации неизбежно попадает в Death Valley - «долину смерти». Это самый начальный отрезок пути, когда перспективы технологии еще неясны, впереди предстоят сплошные затраты на создание работоспособного прототипа продукта или услуги, а собственных средств инноватора может попросту не хватить. Поэтому важным направлением является создание механизмов продвижения идеи на начальном этапе, так называемой посевной стадии. Такими институтами поддержки являются бизнес – ангелы или посевные инвесторы. Далее в продвижении проекта участвуют бизнес - акселераторы, бизнес - инкубаторы и технопарки. Затем проекты финансируют венчурные фонды и портфельные инвесторы.[5]

В России «локомотивом» создания инновационной среды становится Московский государственный университет имени М.В.Ломоносова, который реализует стратегию третьей очереди своего развития: зарождения, становления и развития технологической долины «Воробьевы горы». В восстановлении инновационного сектора экономики безграничны возможности социологической науки. Важно включение социологических знаний в инновационное развитие организации, создание благоприятной инновационной экосистемы для раскрытия творческого потенциала общества. Вот почему культура успешных инновационных кампаний является вдохновляющей, культивирует уважение к инновациям.

Здесь энергия страха преобразуется в энергию энтузиазма и творчества. Включение социальной мысли в инновационный процесс могло бы заключаться в концептуальном осмыслении мирового опыта и разработке собственных механизмов поддержки рационализаторства и изобретательства. Потому что история показывает, что непосредственные заимствования и подражания даже самым эффективным инновационным системам мало что дают социально-политическим институтам и национальным экономикам. В своё время,

например, все южноамериканские и латиноамериканские страны скалькировали свои законодательные базы управления интеллектуальной собственностью у Соединённых Штатов Америки. Но многие из них за полтора года смогли создать инновационные экономики или хотя бы приблизились к США? Поэтому России нужна собственная система управления знаниями, основанная на самобытных духовных ценностях и неисчерпаемом интеллектуальном ресурсе.[6]

Литература:

1. Добреньков В.И.,Афонин Ю.А., Жабин А.П. Современные механизмы управления социальными изменениями - Московский гос. ун-т им. М.В.Ломоносова, Социологический фак., Москва,2012
2. [Dobrenkov V.I., Zhabin A.P., Afonin Yu A., Scalberg Ernest J., Fredric Kropp Contemporary control mechanisms of social change](#) место издания University of Houston C.T. Bauer College of Business Houston, Tex., United States, ISBN 978-5-8291-1362-9, 978-5-904993-23-8
3. [Dobrenkov V.I., Zhabin A.P., Afonin Yu A. Contemporary control mechanisms of social change.](#) LAP LAMBERT Academic Publishing (2015-05-19) место издания Германия, 2015.
4. Добреньков В.И., Афонин Ю.А., Жабин А.П. Современные механизмы управления социальными изменениями - изд-во Казахстанский университет,2014.
5. [Talent management and knowledge: theory, methodology, models](#) Orlova L.V., Afonin Y.A., Voronin V.V. [Review of European Studies](#). 2015. Т. 7. № 9. С. 75-82. (scopus).
6. [Financial accounting centers: concepts and tools](#) Orlova L.V., Afonin Y.A., Voronin V.V., Akopyan D.A. [Mediterranean Journal of Social Sciences](#). 2015. Т. 6. № 4. С. 339-344. (scopus).

Эффективность власти и институциональные преобразования

Долгоруков А.М.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Социальная эволюция, согласно Т.Веблену, сопровождается институциональными изменениями через отбор и закрепление таких форм поведения, которые в наибольшей мере способствуют выживанию и развитию всего сообщества. [4]

Вместе с тем, как отмечал Дуглас Нортон [3], институциональные изменения – это сложный процесс изменений в правилах, неформальных ограничениях, а также «в способах и эффективности принуждения» к исполнению правил и ограничений.

Вследствие этого, чем ниже эффективность принуждения, тем выше институциональная неуверенность руководителей и сотрудников организаций, которые нуждаются в преобразованиях. Это, в свою очередь, ведет к высоким социальным издержкам, связанным с организационными изменениями.

Очевидно, в основании успешных организационных изменений на институциональном уровне лежит эффективность власти.

Эффективность власти можно представить в виде структуры, на основе теории социального дизайна - российского направления развития конструкционизма в социологии. [1, 2].

Управление – это воздействие на людей, поощряющее их направлять свое мышление и ресурсы туда, где они дадут наибольшие результаты.

Чтобы достичь этого, независимо от области жизнедеятельности, управляющий должен осуществлять ряд базовых деятельностей:

1. Ставить цели.
2. Принимать решения о том, что должно быть сделано для достижения целей, гармонизируя в каждом своем решении требования близкого и отдаленного будущего.

3. Планировать и организовывать работу, разбивая цели на задачи, ставя этим задачам в соответствие определенные деятельности и связывая их в организационные структуры.

4. Создавать и поддерживать коммуникацию.

5. Мотивировать людей, придавая смысл их деятельности и, тем самым, обеспечивать «качество трудовой жизни» людей в организации, их служебный рост.

6. Анализировать, интерпретировать и оценивать результаты работы.

7. Заботиться о своем духовном росте.

Для того, чтобы все это осуществлялось необходима власть. Перейдем к теоретическим представлениям о структуре власти в социальных системах.

Власть – это форма социальных отношений, характеризующаяся способностью влиять на характер и направление деятельности и поведения людей и социальных групп посредством: экономических, идеологических, политических и организационно-правовых механизмов; а также с помощью угрозы насилия [1].

Власть как структура – это всегда неравенство, которое порождает борьбу «за справедливость» тех, кто оказался ниже и вынужден подчиняться. В социальных системах «ниже» оказываются все [1, 4].

Эффективность власти, таким образом, определяется целым рядом факторов, которые «сплетены» в довольно сложную структуру. Способность влиять без применения прямого насилия определяет эффективность власти; при этом, чем чаще власть применяет насилие за пределами «легитимности», тем меньше ее способность влиять. Применять насилие за пределами легитимности, как указывал в свое время Грозный, выражаясь языком современным, означает:

- Не применить наказание там, где общественная мораль считает правильным наказать – это «насилие» над общественными устоями, ибо власть «не спасает страхом» других.

- Применить насилие без «милости и рассмотрения».

- Действовать без учета «времени и обстоятельств».

Способность влиять имеет несколько источников, которые можно расположить в декартовом пространстве: «легитимные источники власти-квазилегитимные источники власти» (по вертикали) и «явная повестка дня - скрытая повестка дня» (по горизонтали). [1]

Легитимные источники:

1. Законная власть. Законная власть как властные отношения – это отношения распределения полномочий между определенными людьми, официально закрепленные в уложении, конституции, уставе, приказах и других документах конкретного сообщества.

2. Идеология (общепринятые убеждения). Человек, который изменяет ход событий в соответствии с требованиями обычая или во имя общепризнанных ценностей воспринимается как власть имеющий.

3. Экспертная власть. Распоряжения, целесообразность которых основана на научных знаниях, стандартах и нормах деятельности также воспринимаются как легитимные. Экспертная власть – это отношения, при которых один субъект отношений несет знания, отсутствующие у другого субъекта и, поэтому, обладает влиянием независимо от того, начальник он или нет.

Квазилегитимные источники:

4. Явная политика. Легитимные источники не способны обеспечить осуществление власти без применения прямого или косвенного насилия, которое и подрывает легитимные источники власти. Чтобы минимизировать насилие и тем самым, сохранить легитимность существует «социальная смазка» - политика: распределение ресурсов с «учетом обстоятельств»; социальное поощрение; социальное наказание; харизма.

5. Скрытая политика. Она многообразна в своих проявлениях. Люди и социальные группы могут, например, обменивать свою лояльность по отношению к вышестоящим инстанциям в обмен на приобретение дополнительных властных полномочий. Выстраивание альянсов из руководителей

среднего звена или экспертов через принятие взаимных скрытых обязательств помогать друг другу и т.п.

От высшего руководства и сложившейся культуры часто зависит то, какие политики станут явными, а какие уйдут в «тень». Будет ли структура карьеры «открытой игрой», правила будут скрыты или это будут «бои без правил». Как вырабатываются и принимаются важнейшие решения? Перечисление источников еще не указывает на то, как действует механизм усиления (ослабления) авторитета власти, являющегося энергией ее дееспособности. Мы объясняем этот механизм в [1].

Литература:

1. Долгоруков А. М. Социальный дизайн: создание жизнеспособных систем. М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2012
2. Andy Lock, Tom Strong. Social Constructionism . Sources and Stirrings in Theory and Practice .. Cambridge UniversityPress. 2010.
3. Нортон Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. / пер. с англ. А.Н. Нестеренко, пред. и науч. ред В.З. Мильнера. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.— С.8, 17, 21, 113
4. Veblen T. The Theory of Leisure Class. An Economy of Institutions. № 4. 1992.

Влияние семейно-демографических факторов на развитие семейного бизнеса

Дорохина О.В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при

Президенте РФ, Россия, Москва

Семейные предприятия, являясь одной из традиционных форм организации экономической деятельности, такой же древней, как сама цивилизация, и в наши дни продолжают демонстрировать свою эффективность и занимают весомые позиции в мировой экономике. В настоящее время в

семейном бизнесе сконцентрированы значительные материальные и трудовые ресурсы, а тенденции его развития напрямую связаны с социальными перспективами и благополучием большого числа людей во всем мире.

Семейный бизнес представляет собой уникальную форму социально-экономической организации, построенную на основе тесной взаимосвязи систем семьи, бизнеса и собственности. Изменения, происходящие в каждой из этих систем, в совокупности определяют ключевые векторы развития семейного бизнеса.

В последнее время все большее влияние на семейный бизнес оказывают трансформационные процессы, развивающиеся в семейно-демографической сфере. Институциональный кризис семьи и глобальные демографические тенденции (рост продолжительности жизни, старение населения, снижение рождаемости и т.д.) порождают серьезные проблемы и риски, воздействуют на все структурные элементы семейного бизнеса и в целом создают принципиально новую систему параметров его развития.

В результате роста продолжительности жизни семейные компании оказываются в новых реалиях, при которых в рамках одной семьи и одного предприятия объединены представители нескольких поколений, каждое из которых имеет свои специфические взгляды, предпочтения, стили поведения. Нередко из-за смещения позиций и установок в семье и бизнесе возникает дополнительное напряжение, усиливаются конфликты, что затрудняет процессы принятия решений и формирования логики развития бизнеса. Кроме того, усложняется планирование преемственности и возрастает конкуренция между поколениями. Чаще всего собственность находится в руках старших поколений, тогда как представители средних возрастных групп ожидают своей очереди на лидерство и собственность, при этом испытывая давление со стороны следующих поколений, претендующих на расширение своих полномочий в бизнесе. Такая ситуация, связанная с увеличением продолжительности сосуществования нескольких поколений в семейном бизнесе, может привести к противоречивым последствиям. С одной стороны,

конфликты и соперничество между поколениями могут дестабилизировать бизнес и закончиться его ликвидацией. С другой стороны, соединение опыта, знаний и усилий представителей разных поколений может существенно повысить эффективность деятельности семейных компаний и способствовать их развитию.

Одним из важнейших факторов, негативно отражающихся на состоянии семейного бизнеса и его перспективах, является институциональный кризис семьи. Он проявляется в ослаблении ценностей семейного образа жизни, сокращении рождаемости, росте числа разводов и многократных повторных браков, распространении массовой малодетности, увеличении числа неполных семей и бездетных пар. Деграция института семьи разрушает основы семейного бизнеса, деформирует его сущность, изменяет логику и траекторию развития. В частности, распространение практики кратковременных брачных союзов и многократных повторных браков, нередко сопровождающейся объединением в рамках одной семьи детей супругов от предыдущих браков и их общих детей, существенно усложняет процесс планирования преемственности в бизнесе и обостряет проблему наследования собственности. Серьезную опасность для семейного бизнеса представляют и усиливающиеся процессы нуклеаризации семьи, распространения массовой малодетности и добровольной бездетности. Сужение размеров семьи и разрыв родственных связей препятствуют развитию семейных предприятий, существенно ограничивают их потенциал. Добровольная бездетность деформирует логику семейного бизнеса, противоречит его базовому принципу преемственности и взаимосвязи поколений. В условиях добровольной бездетности жизненный цикл компаний фактически лимитируется пределами жизни одного поколения. Массовая малодетность приводит к снижению стимулов к созиданию и распространению потребительских установок у молодых поколений, что влечет за собой ослабление деловой активности, дробление собственности и деграцию семейного бизнеса.

Безусловно, институциональный кризис семьи подрывает основы существования семейного бизнеса и в случае усиления негативных тенденций семейных изменений в конечном итоге может привести даже к исчезновению семейного предпринимательства как такового. Однако такой сценарий не является фатальным. Политика государства, направленная на возрождение ценностей фамилистической культуры, укрепление института семьи и стимулирование семейной экономики, позволит принципиально изменить ситуацию, обеспечить стабильное функционирование семьи и развитие семейного бизнеса, что значимо не только для отдельных граждан, но и для общества в целом.

Литература:

1. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. - М., 2000.
2. Барков С.А., Дорохина О.В. Семейный бизнес как объект управления в постиндустриальном обществе. // Трансформация общества и проблемы управления: Коллективная монография. / Под ред. С.А. Баркова, В.И. Зубкова. - М.: Новый ключ, 2012.
3. Green M.T. The Five Trends of Family Business. www.efamilybusiness.com

Трансформация восприятия бюрократической организации: от оптимального механизма до повсеместного порицания

Егорова А.Ю.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Сегодня слово «бюрократия или производное от него «бюрократ» вызывает исключительно отрицательный отклик, для большинства граждан оно сродни ругательству, а ведь изначально бюрократический механизм задумывался как воплощение рациональности и эффективности. Уничжительный окрас термин получил в XIX в., благодаря либеральным противникам абсолютистских режимов, которые использовали данное понятие для обозначения произвола среди чиновников и изматывающих канцелярских

механизмов принятий решений. Сохранившись до наших дней, эта отрицательная интерпретация понятия стабильно подкрепляется реальными надставками и провалами в функционировании сложных многоуровневых организационных систем.

Однако социологи, политологи и представители смежных социальных наук рассматривают концепции бюрократии как определённый способ организации функционирования структуры, направленный на достижение целей управления.

Наиболее знаменитая концепция бюрократии принадлежит немецкому социологу, философу и политическому экономисту – Макс Веберу. Именно Вебер сформулировал «идеальный тип» бюрократии, включающий совокупность наиболее оптимальных характеристик структуры.

1. закрепление обязанностей за конкретными должностями, а не личностями;
2. четкая иерархия должностей;
3. узкая функциональная специализация должностей;
4. контрактное основание деятельности;
5. отбор сотрудников на основе квалификации;
6. безличный характер взаимоотношений;
7. строгая служебная дисциплина и контроль над ней.

Но «идеальный тип» - это утопия, поскольку абсолютное сочетание всех качеств в какой-либо организации невозможно, нельзя исключать и развитие разнообразных дисфункций, изучением которых занимался один из самых известных американских социологов XX в. – Роберт Мертон.

1. потеря способности принятия самостоятельных решений;
2. нормативы и их соблюдение как конечная цель;
3. отказ от творческого, самостоятельного мышления.

Рациональная бюрократия Вебера во многом совпадает с моделями классических американских теорий управления и организационного менеджмента Фредерика Тейлора и Генри Форда, (абсолютное следование

разработанным стандартам и директивам; разделение труда; тщательный отбор, обучение и развитие рабочих; контроль) которые в свою очередь неоднократно критиковались за излишнюю стандартизацию, недостаточное внимание к личности и переоценку роли материальных поощрений.

Очевидно, что бюрократия, представ перед нами сегодня, претерпела ряд трансформаций и преобразований во времени, под влиянием социальных, экономических, политических и идеологических факторов, веберовский «идеальный тип» может послужить в качестве отправной точки для сравнения с современным вариантом, его последующим анализом и даже практическим усовершенствованием. Некоторые западные исследователи ставят перед собой задачу создание оптимальной модели бюрократической организации, которая бы сводила к минимуму негативные черты, порождающие дисфункции и способствовала бы достижению целей развития, а не тормозила их реализацию в современных условиях.

Литература:

1. Бюрократия в современном мире: теория и реалии жизни / Отв. ред. Шевченко В.Н. М.: ИФРАН, 2008.
2. Кравченко А. И., Тюрина И. О. Социология управления: фундаментальный курс: Учебное пособие для студентов высших учебных заведений. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Академический Проект, 2005.
3. Мертон Роберт М. «Бюрократическая структура и индивидуальность» М., Изд-во МГУ, 2003.
4. Журнал «Harvard Business Review Russia» выпуск от №9 01.11.2005.

Актуальные вопросы социального прогнозирования

Жилко В.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Трансформации, происходящие во всех сферах жизни общества, влияние научно-технического прогресса, возрастающий доступ к различного рода

информации, развитие средств коммуникации – все это ведет к порой непредсказуемым последствиям для развития государств, рынков, организаций и, в конечном счете, конкретного человека. В этой связи возникает необходимость комплексного подхода к решению вызовов XXI века, в том числе и с применением методов социального прогнозирования для разработки и описания возможных сценариев социального развития.

Прошедший XX и начало XXI века показывают, что общественная система является неустойчивой при всем своем видимом рациональном функционировании. Поэтому прогнозирование общественного развития в целом или отдельных объектов требует междисциплинарного подхода с применением различных социальных технологий.

В научной литературе распространение получила точка зрения, согласно которой прогноз не предусматривает решения проблем будущего, а в качестве его основной задачи называют содействие научному обоснованию планов и программ развития. При прогнозировании характеризуется возможный набор необходимых путей и средств претворения в жизнь намечаемой программы действий. В этой части социальное прогнозирование выступает элементом социального планирования как системы научно обоснованного определения целей, показателей, заданий (сроков, темпов, пропорций) развития социальных процессов и основных средств их претворения в жизнь в интересах всего населения[1, 91].

С другой стороны, значительная часть специалистов, особенно в области Форсайта, склоняются к мнению, что социальное прогнозирование – это не только работа с альтернативами, глубокий анализ степени вероятности и многовариантность возможных решений, иначе говоря, это представление будущего в вариантах, но и элемент социального проектирования, создания и приближения «желаемого» образа будущего. В этой связи технологии социального прогнозирования представляют собой ценный инструментальный социальный предвидения и проектирования, исследования и разрешения социальных проблем современного мира.

Специфика социального прогноза состоит в том, что предвидение социальных явлений и процессов и управление ими тесно связаны. По своей сущности прогнозирование состоит из трех стадий. Во-первых, это выявление тенденций и факторов, обуславливающих возможные перемены. Затем идет процесс выявления альтернативных вариантов развития, их динамика в результате принятия тех или иных решений. Наконец, оценка хода и последствий реализации управленческих решений, непредвиденных изменений внешней среды, ситуаций для своевременного уточнения действий в случае необходимости. Надо отметить, что эти стадии взаимно обусловлены.

Глядя на нестабильность и неопределенность развития российской экономики, находящейся в переходном периоде, становится очевидна значимая роль прогнозов.

На практике чаще всего применяются различные сочетания методов прогнозирования, когда один и тот же прогноз делают различные группы экспертов. Конечно, такие прогнозы не лишены неточностей и просчетов, но они позволяют при благоприятном исходе прогноза действовать согласно выбранной стратегии и корректировать ее с целью улучшения результата или в ситуации, когда развитие пошло не по предполагаемому прогнозу, рассчитать все возможные исходы.

Разрешение глобальных проблем современного мира требует разработки достоверных прогнозов по различным направлениям общественного развития, в том числе экономических, социальных, демографических, технологических и других.

Так, например, к проблематике перспективных производственных технологий (ППТ) обращаются многие российские исследователи. Такой интерес обусловлен не только следованием модным мировым тенденциям, но и реальными потребностями экономики, которая держит курс на модернизацию, составляют аналитические доклады консалтинговых компаний, а не академические исследования.

Среди материалов по проблематике ППТ интерес представляют материалы Центра стратегических разработок «Северо-Запад». Деятельность Фонда заключается в проведении стратегических исследований и выработке экспертных рекомендаций по широкому кругу социально-экономических вопросов. В опубликованных материалах «Прогноз развития производственных технологий на период до 2030 года» описывается дальнейшее промышленное развитие, которое, по мнению авторов, будет связано с запуском следующего инновационно-технологического цикла (сменой технологической парадигмы), осуществлением трех связанных «революций»:

- революция в проектировании и организации производственных процессов (2013–2020);
- переход к новым материалам (2013–2020);
- революция в инфраструктурах, переход к «умным средам/сетям» как преодолению линейной архитектуры традиционных индустриальных инфраструктур (2020–2035)[2].

В социальном прогнозировании сложилась кризисная ситуация, когда невысокая предсказательная сила и низкий уровень доверия к социальным прогнозам со стороны общества существуют наряду с многочисленными попытками разработки различных социальных прогнозов. В этой связи обращение к новым технологиям социального прогнозирования, формированию комплексного подхода к разработке социальных прогнозов приобретает особую актуальность.

Литература:

1. Социология управления. Тощенко Ж.Т. Учебник. – М.: Центр социально-го прогнозирования и маркетинга, 2011. – 300 с.
2. Прогноз развития производственных технологий на период до 2030 года // Точка кипения (эл.ресурс) URL:
<http://tboil.ru/tboilevents/files/eventfiles/51/%D0%9B%D0%B5%D0%BA%D1%86>

%D0%B8%D1%8F%20%D0%9A%D0%BD%D1%8F%D0%B3%D0%B8%D0%BD%D0%B8%D0%BD%D0%B0.pdf (дата обращения: 25.04.2016).

Внеучебная деятельность студентов ВУЗов как будущая профессиональная площадка глазами выпускников

Жуйкова Е.С.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия,
Нижний Новгород*

В каждом высшем учебном заведении мира существует множество различных студенческих организаций и проектов, направленных на развитие студентов, и ННГУ им. Лобачевского не является исключением. На его базе существует 17 студенческих объединений. Студенческий совет на различных факультетах, Центр Творчества Студентов, Профком, Творческие проекты, Школы повышения компетенций. Также существует некоммерческая организация - Союз студентов, который обеспечивает дополнительную подготовку к уже получаемой профессии, и дает студентам возможность поработать еще во время процесса получения образования. Одним из таких направлений являются студенческие отряды, где существуют основные направления подготовки студентов: вожатство, обучение проводников, строителей, сервисные отряды. На территории Нижегородской области существует около 40 некоммерческих организаций: патриотические, волонтерские, социально направленные, политические, творческие. Ребята принимают в них участие зачастую за компанию с друзьями, оказываются в системе получения навыков, но встает вопрос, а те ли это навыки, что действительно им необходимы.

Для студентов, когда они поступают учиться, открывается новый мир с безграничными возможностями, позволяющий раскрыть свои таланты и приобрести множество практических навыков. Одной из целей участия во всевозможных студенческих проектах и организациях является способ весело и интересно провести студенческие годы, чтобы было, что вспомнить после

окончания ВУЗа и получения дипломов, кроме получения основного образования по профессии.

Многие из тех, кто задействован в этой деятельности, считают, что те навыки и умения, которые они приобрели в процессе участия, помогут им в будущем, например при трудоустройстве и в процессе работы.

В связи с этим встает вопрос, насколько данные виды активности действительно помогают дальнейшему трудоустройству. Трудно отрицать тот факт, что на студенческую жизнь и участие во всевозможных мероприятиях требуется немалое количество времени, из-за которого, если студенты не совсем правильно распределяют свое время, могут пострадать их успеваемость и учеба в целом. Совмещать, грамотно организовывая свой процесс обучения, посещать все занятия, и при этом вести активный образ жизни участвовать во всевозможных мероприятиях – задача не из легких.

На данный момент центром карьеры ННГУ на базе Университета Лобачевского проводится исследование, посвященное данной проблеме. Его цель – выяснить, насколько внеучебная жизнь студентов, то есть то, чем они занимаются в свободное от пар и подготовки к ним время, влияет на их дальнейший успех на рынке труда. В связи с этим проводится социологическое исследование путем анкетирования для того, чтобы узнать, чем занимаются современные студенты, чем увлекаются, в каких мероприятиях и проектах они участвуют, с какой целью они этим занимаются, и как они планируют использовать полученный опыт в дальнейшем. Выборка данного исследования – 2000 студентов с различных факультетов, направлений подготовки, и курсов, обучающихся в ННГУ им. Лобачевского (выборка квотная).

При выявлении общих тенденций по предварительным результатам, можно выделить следующее: студенты считают, что осмысленная деятельность и участие в студенческой жизни университета дает им возможность приобрести определенные связи, которые впоследствии могут помочь устроиться на работу и продвинуться по карьерной лестнице, а также ряд определенных навыков и компетенций, пусть и не связанных напрямую с будущей профессией. Этот

опыт и навыки, приобретаемые ими в рамках внеучебной деятельности, по их мнению, один из показателей конкурентноспособного специалиста, несмотря на то, что чаще всего это не касается их профильной сферы обучения. Конечно, зачастую те студенты, что были заняты во внеучебной деятельности или работали, как правило более коммуникабельны, и вправду более способны быстро адаптироваться к новым условиям, привыкли к стрессовым ситуациям, умеют принимать решения и нести за них ответственность.

Но одно дело, это то, как видят эту ситуацию студенты, которым только предстоит вступить во взрослую жизнь, устраиваться на серьезную работу.

Безусловно, существует риск того, что такие студенты после окончания ВУЗа придут устраиваться на работу, будучи уверенными в собственной компетентности, и будут претендовать на высокий уровень заработка, но их будет ожидать разочарование. Работодатели далеко не всегда важны бывшие заслуги студента, выходящие за рамки специализации, им необходим от специалиста определенный уровень компетенций, требуемых для той или иной должности. Работодателю малоинтересно, что этот студент в прошлом блистал на Студенческой весне и КВН, или организовывал выезды для огромного количества человек. И вот здесь происходит существенное несоответствие ожиданий студентов и работодателей.

Именно поэтому в дополнение к исследованию, описанному выше, нами было выявлено общие траектории развития и успеха на рынке труда бывших выпускников ВУЗов и по совместительству нынешних потенциальных работодателей в рамках интервью выпускников ННГУ им. Лобачевского, окончивших его 5 и 10 лет назад в количестве ста штук, чтобы узнать, насколько ожидания и надежды нынешних студентов совпадают с реальным положением вещей и мнением людей, занимающих руководящие посты, и в прошлом участвующих в подобных организациях, связанных со студенческим самоуправлением и развитием.

На данный момент по предварительным данным мы видим, что у студентов наблюдаются высокие зарплатные ожидания, ведь зачастую они в

прошлом получали различные премии за участие в интересных для них вещах, не соответствуют тому, с чем они сталкиваются после окончания ВУЗов. Рутинный труд и высокая ответственность за выполнение четких задач в сжатые сроки это те вещи, без которых нельзя обойтись практически ни на одной работе, и далеко не всегда неопытные специалисты к этому готовы. Также можно отметить самоуверенность и завышенную самооценку, которая не совпадает с реальными возможностями выпускника.

Следующая проблемная тенденция - это чрезмерный упор различных организаций на развитие лидерских способностей у студентов. Большинство существующих программ – лидерские, после которых ребята не могут работать на младших должностях, у них нет ни желания ни нужных для этого качеств. Также есть тенденция, что студенты во время обучения трудоустраиваются на подработки, но их опыт не учитывается при приеме на серьезную работу, так как раньше он работал не по специальности.

К сожалению наблюдается массовое трудоустройство не по специальности, одна из причин - не соответствие критериям работодателя, да и нежелание расти как специалист и устраиваться по полученной специальности со стороны самого выпускника.

Не стоит забывать, что сейчас практически каждый выпускник школа в дальнейшем идет в ВУЗ, желая получить высшее образование, ведь есть платные места, на которые возьмут любого желающего. Именно поэтому нельзя не отметить, что уровень образования и его значимость в целом снизилась. Раньше в первую очередь студенты стремились получить образование, а потом уже дополнительные знания, сейчас же наоборот для студента более привлекательны те связи и мероприятия, которые интересны именно ему.

Встает вопрос, какие направления деятельности университету развивать и поддерживать, чтобы помочь своим студентам приобрести именно те навыки и умения, которые пригодятся им в дальнейшем, а какие нет. Ведь главная цель получения образования – это дальнейшее трудоустройство, подготовка

квалифицированных специалистов, и чтобы ее достичь, необходимо повышение коэффициента трудоустройства выпускников по специальности

Литература:

1. Волокитина, А.А. Жизненные стратегии молодежи в условиях профессионального выбора: автореф. Кандидата соц. наук/ Москва, 2011.– 19 с.
2. Иванченко, Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора/ Г.В. Иванченко// Мир России, 2005.– №2.– С.97-125
3. Наумова, Н.Ф. Жизненная стратегия молодежи в переходном обществе/ Н.Ф. Наумова// Социологический журнал.– М.,1995.– №2.– С. 20-26.

Влияние культуры на национальную модель управления

Захарова Н.И.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В современном мире в эпоху глобализации усиливается взаимодействие и взаимовлияние различных культур мира. Наряду с процессом интеграции мирового сообщества происходит процесс, в основе которого – стремление государств и народов сохранить свою культурную самобытность.

В литературе принято деление на западный и восточный тип культуры. Запад и Восток – это два региона, значительно отличающихся спецификой национальной культуры и, как следствие, деловой культурой. Для исследователей становится необходимым изучение специфики этих различий.

Каждая конкретная организация существует в специфическом физическом, технологическом, культурном и социальном контексте. Анализ культур необходим для выработки стратегии взаимодействия различных организаций. Культура определяет структуру и стратегию компании, влияет на принятие решений. Понимание различий культуры позволит объяснить специфику национальных моделей управления[4].

Необходимо указать на условность разделения западной и восточной моделей культуры и управления. Ни культура Запада, ни культура Востока не однородны. Они представляют собой единство разнообразных национальных культур, по многим параметрам несоответствующих друг другу. Однако можно выделить основные черты, которые отделяют эти два типа культур.

Герт Хофстеде определяет культуру как коллективное программирование сознания, которое отличает членов одной группы или типа людей от других[3].

Западный тип культуры характеризуется рациональностью, изменчивостью и динамикой, неравномерным развитием, направленностью действия вовне, на преобразование окружающей среды. Запад отличает прогрессивность, идеал автономной личности и ценность научной рациональности.

Для Востока характерны традиционализм, созерцательность, замкнутость, гармония человека и окружающей среды и исходящий отсюда принцип невмешательства в природу, устойчивость, высокая степень интеграции и сильные взаимосвязи в социальной группе, строгая иерархия, ритуализм.

Специфика национальной культуры является важнейшим фактором влияния на модель управления организацией.

Эдвард Холл выделяет два типа культур – высококонтекстные и низкоконтекстные. В культурах первого типа для понимания другого необходимо небольшое количество дополнительной информации. Здесь важна роль информационных сетей, тесного общения представителей. Этот тип характерен для Востока, а также некоторых западных стран, таких как Франция, Испания, Италия. В культурах с низким контекстом отсутствует широко разветвленная система информационных сетей, четко различаются сферы личной и деловой жизни. Поэтому важнейшую роль играет дополнительная и детальная информация. Ярким примером страны с этим типом культуры служит Германия[1].

Ричард Льюис в своей модели выделяет три типа культур – моноактивные, полиактивные и реактивные.

Моноактивные культуры ориентированы на деятельность. К культурам этого типа Р. Льюис относит страны Центральной, Северной и Восточной Европы, Северной Азии, США.

Полиактивные культуры ориентированы на человека. Этот тип культуры преобладает в странах Латинской Америки, арабских странах, в Южной Европе и Средней Азии.

Реактивные культуры – это культуры «слушающие», патерналистские. Черты этого типа культуры можно найти в большинстве стран Восточной Азии. Представителями данного типа являются страны Юго-Восточной Азии[2].

Учет национальной специфики, культурного контекста позволяет определить основные черты организации и модели управления в ней.

В западной модели управления можно выделить наличие четких целей, прописанных инструкций. Организация в первую очередь ориентирована на достижение результата. Западным организациям присуща четкая индивидуалистическая тенденция: каждый член думает о себе и своей пользе.

В организации восточного типа преобладают коллективистские тенденции, важна польза всех участников. Ценится иерархия – отсюда почитание авторитета. Клиент играет крайне важную роль. Здесь существенна роль культурных и этических традиций, а также возраста, социального статуса, знаний и богатства. Отношения в таких организациях строятся на доверии партнеров.

Культура формирует контекст организации. Важно учитывать специфику национальности и менталитет при рассмотрении моделей управления. Деление моделей управления на западную и восточную условно, но даже здесь можно и нужно выделить основные черты, присущи каждой из двух моделей. Таким образом, существует необходимость концептуализации понятий западной и восточной модели управления.

Литература:

1. Куликова Л.В. Межкультурная коммуникация: теоретические и прикладные аспекты. – Красноярск: РИО КГПУ, 2004. – 196 с.
2. Льюис Р. Деловые культуры в международном бизнесе: от столкновения к взаимопониманию. – М.: Дело, 2001. – 448 с.
3. Hofstede G. Dimensionalizing Cultures: The Hofstede Model in Context. // Online Readings in Psychology and Culture, Unit 2. – 2011. URL: <http://scholarworks.gvsu.edu/orpc/vol2/iss1/8>
4. The cultural models in international business research: A bibliometric study of IB journals // WORKING PAPER N° 76. – 2011. URL: http://globadvantage.ipleiria.pt/files/2011/06/working_paper-76_globadvantage.pdf

Социализация человека в контексте новой институционализации

Злотникова Л.М.

Белорусский торгово-экономический университет, Беларусь, Гомель

В течение тысячелетий социальные и экономические изменения носили относительно предсказуемый характер. Социальная структура характеризовалась высоким уровнем стабильности. Собственность на средства производства, профессиональную занятость в буквальном смысле слова передавалась по наследству. Первые радикальные преобразования общественных отношений стали результатом технико-технологических изменений XIX в. Использование машин и оборудования, облегчающих труд человека, послужили основой революционных преобразований в социальной структуре. Стабильное разделение труда на мужской и женский, четко определенная ответственность членов семьи приобрела размытый характер. Проблемы формирования новой социальной структуры впервые были сформулированы Дж. Стюартом Миллем в работе «Подчиненность женщины». [2] На первое место, по мнению ученого, претендует противоречие между обычаями, традициями и новыми требованиями.

Важнейшим институтом социализации человека была и останется система образования. Но в ней сегодня остро проявляются противоречия между требованиями времени, методами обучения и ролью в социализации человека. Длительное господство традиционного мышления привело к ускоренной диверсификации и узкой специализации в образовании, нацеленности на удовлетворение сиюминутных потребностей материального производства. В тоже время тенденции развития цивилизации убедительно демонстрируют необходимость формирования социального человека, а не упрощенного фактора производства. Значимость человеческих качеств, эффективное их использование растет с каждым годом. Современная цивилизация, опираясь на силу традиций, обычаев, желания планировать, контролировать и усовершенствовать, существует в условиях неопределенности. Синергетическая сложность формирования и реализации социальных связей дано стала важнейшим источником непредсказуемости результатов. Широкое использование математических моделей в гуманитарных исследованиях, к сожалению, не позволяет повысить степень достоверности прогнозов социального и экономического развития. Неопределенность, по мнению известного философа современности Нассима Николаса Талеба, обусловлена структурой нашего сознания, которое организовано на постижение фактов и «определенном презрении абстрактного».[4, с.10] О возвеличивании фактов в начале XX в. писал П. Сорокин. Анализируя проблемы социологии, ученый отмечал, «социология имеет дело со всеми сферами пространства». ».[3, с.161]

В современной социологии увлеченность сбором фактов проявляется в разделенном изучении процессов социализации. Как следствие, огромный эмпирический материал остается невостребованным. Государственные решения в сфере управления социальными процессами часто носят эмоциональный характер, направлены на удовлетворение утилитарных экономических потребностей различных министерств и ведомств. Реформы науки, здравоохранения, образования, культуры и социального обеспечения - ярчайшее подтверждение.

Реальные условия жизни и общественного производства давно функционируют в условиях непредсказуемости. Человек в буквальном смысле слова оказывается «разорванным между необходимостью следовать традициям» и внедрением нового. Новшества в современном мире представлены радикальными изменениями принципов, структур и форм. Особую роль в процессах социализации занимают моральные принципы и нормы. Исторически создана жесткая иерархия морально-нравственной ответственности в семье, управлении производством, государством. Внедрение достижений научно-технической революции представляется нам катализатором разрушения традиционной семьи и вековых ценностей. Гипотетически непредсказуемость технико-технологических изменений делает возрождение традиционных ценностей иллюзорными и маловероятными. Предпринимаемые попытки внедрения традиционных ценностей сопровождаются различными системами торможения.

Человек, оказавшись перед выбором пути развития, должен ответить на вопросы о сущностной значимости институтов социализации. Обожествление материального богатства, подчиненность институтов социализации ускоряет процессы уничтожения жизни. Необходимо признать, что преодоление существующих угроз, возможно только на пути отказа от приоритетов материального над социальным. Беглый анализ изучения социальных процессов позволяет говорить о том, что они проводятся на основе некоторых допущений. В экономической науке, например, поведение человека априори принято считать «рациональным». В социальной сфере негласно допускается обязательное соблюдение общепринятых норм, правил, а большинство гуманитарных исследований нацелено на выявление отклонений. Редко обсуждаются и подвергаются сомнению следующие тезисы. Во-первых, абсолютизация рационального поведения и здравого мышления. Во-вторых, отождествление отклоняющегося поведения с особенностями человека. На наш взгляд, Э.Дюркгейм, подвергая сомнению влияние эмоций, четко установил влияние общества: «...человек по натуре своей двойствен, это значит, что к

человеку физическому присоединяется социальный, а последний неизбежно предполагает существование общества, выражением которого он является и которому он предназначен служить».[1, с.191]

Реформаторская методология, внедряя поведенческий индивидуализм, стимулирует максимальное получение выгоды. Несколько десятилетий активно насаждается политика второстепенности и подчиненности социализации человека. В результате общество получило систему латентных противоречий между экономическим индивидуализмом и объективно существующими тенденциями объединения. Последнее обеспечивается полноценной организацией и качественным функционированием институтов социализации. Поляризация индивидуализма и общности усугубляется господствующей идеологией экономического роста. Увлеченность экономическим ростом проявляется в нарастании глобальных, континентальных, местных и личностных проблем. Важнейшей глобальной проблемой признано социальное и экономическое неравенство. Использование экономических механизмов для его смягчения, не приносит результатов.

В заключении обратим внимание на прерывистый характер социального развития. Ален Турен по этому поводу писал: «Культурные ценности превращаются в социальные нормы к особым областям общественной жизни. Не существует непрерывности между ценностями и нормами, или, точнее культурными ориентациями и идеологиями». ». [5, с.73]

Осуществление процессов социализации по этой и другим указанным причинам требует особого внимания и соответствующих затрат.

Литература:

1. Дюркгейм Э. Самоубийство - М.: Мысль, 1994. – 399 с.
2. Милль Д. Подчиненность женщины. – СПб.:, 1870. – 102 с.
3. Сорокин П. Человек. Цивилизация. Общество. - М.: Политиздат, 1992. – 543 с.
4. Талев Н.Н. Черный лебедь. – М.: КоЛибри, 2007. – 528 с.

5. Турен А. Возвращение человека действующего. – М.: Научный мир, 1998. – 204 с.

Выявление и оценка рисков в деловых организациях

Зубков В.И.

Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Россия, Москва

Деятельность современных деловых организаций осуществляется в высоко динамичной трудно прогнозируемой среде, что связано с риском. Управление риском в организации как научно обоснованная деятельность включает:

1. выявление и оценку рисков;
2. выработку и оценку вариантов решений с риском;
3. принятие и реализацию рискованных решений.

Рассмотрим первый из указанных этапов управления риском.

Выявление (идентификация) и оценка рисков является творческой исследовательской деятельностью, которая должна осуществляться постоянно и планомерно посредством определения степени изменчивости и неопределенности макросреды, микросреды и внутренней среды организации. Как известно, творческие процессы поддаются алгоритмизации с большим трудом, поэтому качество работы по выявлению рисков во многом зависит от опыта и профессиональной интуиции руководителя. Вместе с тем эта работа облегчается, когда он владеет разнообразными методами ее реализации и комплексно применяет их (см.табл.).

Методы выявления и оценки рисков

Группы методов	Качественные		Количественные			Качественно-количественные
	Экспертных оценок	Рейтинговых оценок	Статистические	Эконометрические	Аналитические	
Их сущность	Оценка рисков специалистами	Ранжирование рисков персоналом	Вероятностные оценки риска	Оценка экономических показателей рисков	Математическое моделирование риска	Сочетание качественных и количественных методов

Экспертные оценки (заключения, предложения) являются результатом анализа компетентными лицами исследуемых проблем. Основными процедурами экспертиз являются генерирование вариантов, а также различные виды оценивания – классификация (группировка), последовательное, парное, множественное и бальное сравнения. Экспертный анализ может осуществляться с применением разовых и многоразовых методик. Следует считать, что для выявления рисков целесообразно применять разовые методики, а для оценки рисков – многоразовые.

Ранжирование (сравнение) объектов является одной из разновидностей экспертного оценивания. Однако поскольку в данном случае речь идет об оценке рисков персоналом, целесообразно выделить ранжирование в качестве самостоятельного метода. Смысл его применения состоит в том, чтобы выявить различия между субъективным восприятием рисков персоналом и их оценкой экспертами (специалистами), определить причины этих различий, при необходимости скорректировать восприятие рисков, поведение, должностные обязанности, подобрать исполнителей и т.п.

Количественные методы основаны на определении вероятностей событий и использовании статистических данных, поэтому их называют также вероятностно-статистическими. Принципиально статистические методы,

применяющиеся для прогноза будущих событий, основаны на расчете их вероятностей по формуле:

$$K_p = N_n / N_o,$$

где K_p – коэффициент риска;

N_n – число событий с неблагоприятным исходом;

N_o – общее число событий.

В эконометрических методах чаще всего осуществляется учет: собственных финансовых ресурсов, поступлений и расходов; максимально возможные убытки; индекс инфляции; затраты на ликвидацию последствий риска и приобретения нового имущества.

Аналитические методы выявления и оценки рисков представляют собой математические системы, стратегии и модели вариантов действий, рассчитываемые на ЭВМ. В аналитических моделях наиболее часто используются следующие математические операции: анализ чувствительности, проверка устойчивости, предельный анализ. В свою очередь расчет необходимых параметров и показателей может осуществляться с помощью различных методов, например, проверка устойчивости – с помощью метода Монте-Карло, предназначенного для проверки имитационных моделей, основанных на формализованном описании неопределенности. После расчета параметров осуществляется замена их проектных значений на ожидаемые и построение дерева решений.

Качественно-количественные или количественно-качественные методы представляют собой комбинацию количественного и качественного подходов к анализу риска.

В повседневной практике последовательно проводить в жизнь весь комплекс мероприятий по управлению риском могут лишь достаточно крупные организации. Однако в современных российских условиях даже в больших организациях, к сожалению, чаще всего используются лишь стратегии избегания и принятия риска.

Укрупнение образовательных организаций высшего образования в России: мотивы и риски

Зырянов В.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Десять лет назад в России начался процесс укрупнения университетов. Д.Ливанов и А.Волков объясняют этот шаг необходимостью повышения качества образования. В прежнем институциональном формате сделать это было, как они считают, весьма затруднительно, т.к., отраслевой принцип современных университетов и академий, тормозит развитие научных исследований и открытие новых междисциплинарных образовательных программ, кроме того, небольшие университеты не в состоянии содержать солидную материальную базу, необходимую для современного образования и науки. Сейчас... предстоит заново собрать университеты как организации, способные брать на себя большие и сложные задачи в региональном и федеральном масштабе [1].

Начиная с Сибирского федерального университета, созданного в 2006 году, институциональный ландшафт российского высшего образования (далее ВО) изменился существенно. Прежде всего было осознано, что рыночные силы в образовании вряд ли приведут к эффективным результатам, поэтому институциональные преобразования в ВО были начаты с создания федеральных университетов, запуска проекта 5-100, выделения НИУ, и параллельно, был запущен мониторинг эффективности вузов. Его результаты позволили закрывать неэффективные вузы – только «за последние два года (2014-15) в России было закрыто более 400 вузов, демонстрировавших недопустимо низкое качество обучения» [1]. Тем самым, ВО России постепенно из массового превращается в элитарное, как путём поддержки лучших, так и за счёт, «удаления омертвевших единиц псевдообразования» [1], или по выражению М. Эскендарова, «самоочищения» [2]. На этом поле в 2015 году Минобрнауки начало масштабную программу объединения региональных вузов в многопрофильные «опорные» университеты, которая, после создания

федеральных университетов, открыла второй этап реформирования ВО в регионах. Как следствие, складывающаяся система ВО становится гораздо более дифференцированной. Идёт процесс конструирования новой иерархии в ВО. Дифференциация была всегда, но сейчас она управляется другими мотивами и силами, чем те, которые создали и поддерживали прежнюю дифференциацию.

Инициатива слияний и присоединений идёт от государства, что заставляет обратить особое внимание на его интерес в этом процессе. Понятно, что университеты, если бы их к этому не подталкивало государство, к таким решительным шагам как слияние, приходили бы гораздо позже и реже. Каковы же объявленные и скрытые мотивы государства:

- сэкономить бюджетные средства,
- повысить эффективность научных исследований,
- поднять качество высшего образования,
- приспособить российское высшее образование к требованиям болонской системы, чтобы появились элитные вузы, имеющие аспирантуру и магистратуру, и обычные, готовящие бакалавров.
- сократить число студентов вузов, для того, чтобы появился контингент, благодаря которому можно было бы возродить среднее специальное образование.

На уровне программных заявлений, все поставленные цели и задачи выглядят очень рационально и перспективно. Косвенно об этом же говорят и результаты исследования, проведенного Группой "Интерфакс". Свои тревоги участники опроса связывают не с самой идеей как таковой, а с ошибками при ее воплощении. Так, только 16% респондентов выступают категорически против перемен, а 19% опрошенных, полностью принимают реформу. При этом 65% участников опроса опасаются, что реформа забуксует из-за административных и финансовых проблем [3].

Действительно, риски слишком серьёзны, чтобы о них не говорить.

- темпы объединения и время, через которое государство будет требовать отдачи от вложений в реорганизацию – всё происходит слишком быстро для столь инерционной системы как образование,
- сами финансовые вливания, точнее, их размеры, а они явно небольшие,
- выбранный для реформы период – вряд ли кризис, в котором сейчас находится Россия, будет способствовать успеху процесса объединения,
- недостаточная гибкость процедур объединения. Так, вполне можно бы было предоставить возможность получения статуса опорного сильным университетам, которые в будущем смогли бы органично присоединить к себе другие вузы. Но, условие о присоединении вузов исключает такую возможность [3]. Очевидно, можно было бы воспользоваться зарубежным опытом, например, в Норвегии, после ряда лет работы в объединённой структуре, вузы имеют возможность вернуться к самостоятельному существованию [4]. Интересен в этой связи также пример Германии и Австралии, где помимо институционального объединения есть форма союзов, которые позволяют, как бороться за умы выпускников немецких гимназий и студентов-иностранцев, так и улучшать сотрудничество с реальным сектором экономики, производством и бизнесом. Так, Германии в 2006 году был создан Союз технических университетов TU9, в октябре 2012 года в Союз U15 объединились уже 15 немецких университетов, в Австралии ведущие университеты в 1999 году объединились в Go8 «Группу Восьми» («Group of Eight») [5],
- «увлечение игрой в должности и статусы легко превращается в основной процесс модернизации вместо попытки содержательно пересмотреть, что адекватно современным требованиям, а что безнадежно устарело» [1],
- «болезненный вопрос – дефицит управленцев, способных руководить мегамашинами производства знаний и интеллекта» [1], и недавний скандал в ДВФУ лишнее тому подтверждение [6],

- сложный поиск баланса между администрированием и академической свободой [1], без которой немислимо научное творчество и образовательная креативность,
- сложившееся в последнее десятилетие тотальное недоверие университетского сообщества к государственным инициативам – яркий пример - бесконечные модернизации ФГОС,
- нередко отрицательный фон преобразованиям придаёт отрицательный имидж прежнего руководства университетами,
- «процесс слияния в ряде случаев разрушает профессиональную идентичность сотрудников университета» [4],
- явный недоучёт интересов и возможностей других, помимо государства, «игроков» образовательного пространства – студентов, родителей, администрации вузов, ППС, работодателей, педагогической науки [7].

Таким образом, на сегодня можно констатировать, что ситуация характеризуется неоднозначностью целей и неопределённостью результатов, а значит, требует особого внимания, т.к. именно от результатов этой реформы (учитывая всё, что уже сделано в высшем образовании) зависит роль и место высшего образования в будущем России.

Литература:

1. Волков А., Ливанов Д. Образование: Новые университеты // Ведомости № 3795 от 23.03.2015
2. [Муравьёва М.](#) Министерство реструктурирует десятую часть подведомственных вузов [Электронный ресурс]. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=47352#.Vy3LQPmLSUk
Дата обращения: 28.04.2016.
3. Тимошенко В. Сеть опорных университетов: костяк или костыль для образования? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.garant.ru/article/701532/>
Дата обращения: 28.04.2016.

4. Почему слияния вузов даются непросто? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.hse.ru/news/recent/64098302.html> Дата обращения: 28.04.2016.
5. Воронин А.В., Шегельман И.Р. Зарубежный опыт интеграции университетов// Инженерный вестник Дона, № 2, 2013.
6. Источник: ректор ДВФУ задержан во Владивостоке правоохранительными органами [Электронный ресурс]. URL: <http://tass.ru/proisshestviya/2757625><http://tass.ru/proisshestviya/2757625>) Дата обращения: 29.04.2016.
7. Аванесов В. Слияние российских вузов – очередная попытка реформирования образования [Электронный ресурс]. URL: <http://testolog.narod.ru/Education73.html>) Дата обращения: 29.04.2016.

Трансформация институциональной структуры в аграрном секторе как фактор развития

Иванова О.Н.

Самарский государственный экономический университет, Россия, Самара

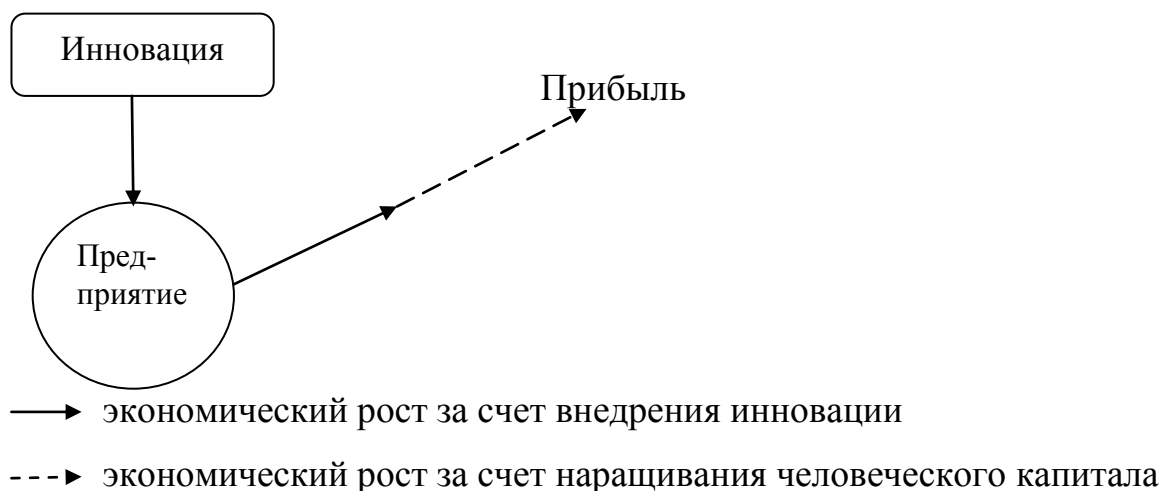
Механизмы торможения развития являлись неотъемлемой частью централизованной системы организации сельскохозяйственного производства [1, 2, 3, 4, 5]. Несмотря на это, институциональной трансформации аграрного сектора до сих пор не произошло.

В СССР государство создавало колхозы и совхозы с различными видами деятельности, сегодня считается необходимым «срочно создавать семеноводческие хозяйства не только по зерну, но и по картофелю, кукурузе и другим культурам» [6]. В СССР признавалось, что «мелочная опека и администрирование сдерживали инициативу масс, снижали их ответственность за конечные результаты» [7]. Но и сегодня государство указывает крестьянам, что «надо сократить продолжительность агротехнических работ, ... за ближайшие три года надо обновить парк техники, в том числе уборочной, ... надо создавать мощности по глубокой переработке зерна и подсолнечника, нужны элеваторные мощности» [6].

Одной из причин кризиса в отрасли в СССР справедливо считалось то, что «планирование «от достигнутого» приводило к отрыву заданных показателей от реальных возможностей хозяйств, которые при составлении планов даже не имели права голоса» [7]. Но разве современные руководители сельскохозяйственных предприятий имеют возможность влиять на развитие отрасли?

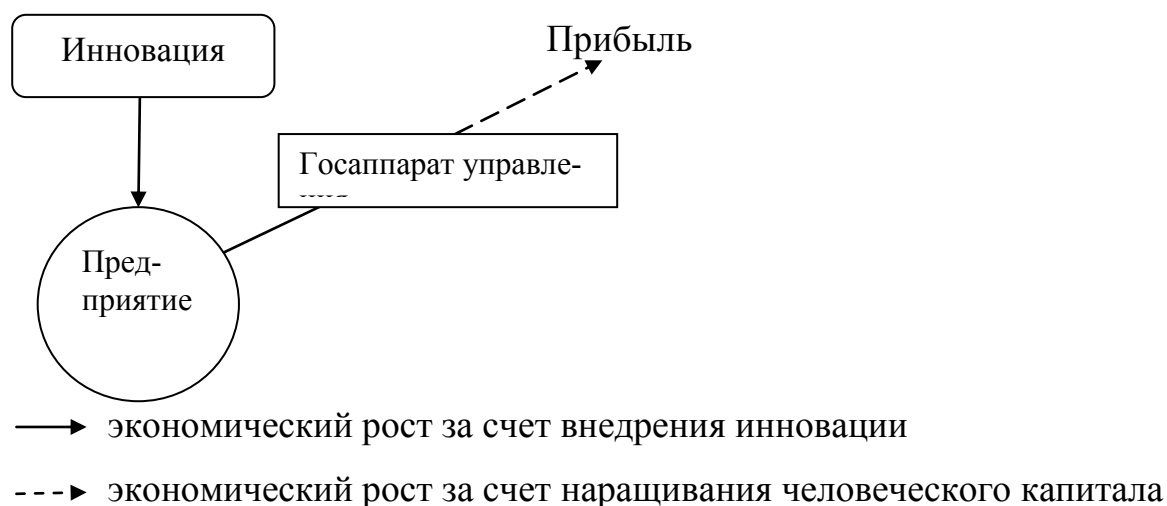
Д. Норт говорит о центральной роли неформальных ограничений в развитии экономики [8]. Функционирование аграрного сектора в рамках институциональной структуры, в которой нет места неформальным ограничениям, приводит к отсутствию отдачи от инноваций за счет наращивания человеческого капитала. Обучение, совершенствование навыков усиливают экономический эффект от внедрения новшеств (Рисунок 1) [9, С. 145].

Рисунок 1. Двойной экономический рост от внедрения инновации

Если государство нацеливает предпринимателей в аграрном секторе реализацию собственных программ, вопрос наращивания человеческого капитала перекладывается на чиновников-организаторов производства.

Рисунок 1. Двойной экономический рост от внедрения инновации

Человек лишен возможности проявлять свои собственные стремления к знаниям, он рассматривается как трудовая единица. Целью обучения и деятельности крестьян сегодня по-прежнему является четкое и быстрое выполнение формальных институтов (строительство и запуск нового комплекса, выполнение плана производства).

Трансформация институциональной структуры – актуальная проблема развития сельского хозяйства, разрешению которой могли бы способствовать отказ государства от искусственных реорганизаций, переход к методам опосредованного воздействия конкурентного аграрного рынка (сокращение отчетности, кредитные программы, налоговое регулирование). Некоторый поворот научной мысли от организационных преобразований или формального уровня (который, бесспорно, важен) [10,11,12,13,14] к вопросам финансового стимулирования (т.е. обогащения трудолюбивых крестьян), свободного, естественного наращивания человеческого капитала способствовал бы развитию аграрной отрасли.

Литература:

1. Васильев, М.С. Советское сельское хозяйство в годы хрущевского реформирования. 1953-1964 гг. (На материалах Тамбовской области). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Саратов, 2012.

2. Шаронов, А.А. Проблемы функционирования системы управления сельским хозяйством накануне и в годы восьмой пятилетки (1964-1970 годы) (на материалах Пензенской области). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2005.
3. Нечипас, Ю.В. Эволюция аграрной политики СССР в 1945-1984 гг. Автореф. дисс. ... д-ра ист. наук. Москва, 2005.
4. Кириченко, О.И. Исторические условия проведения и социальные проблемы аграрной реформы 50-х – 60-х гг. XX в. в СССР (на примере Адыгейской автономной области). Автореф. дисс. ... канд. ист. наук. Майкоп, 2004.
5. Эшанкулов, М. Региональные проблемы развития материально-технической базы сельского хозяйства Ферганской долины Узбекской ССР в условиях научно-технического прогресса (1960-1985). Автореф. дисс. канд. экон. наук. М., 1989. С. 10.
6. Послание Губернатора Самарской области Губернской Думе. Самара, 2015. С. 24-25.
7. Советское общество в 1970-е годы: опыт, проблемы (По материалам обсуждения в ИМЛ при ЦК КПСС). – М.: Знание, 1988. С. 31.
8. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997.
9. Хелпман, Э. Загадка экономического роста / пер. с англ. А. Калинина под ред. М. Ханаевой, Е. Синельниковой. М.: Изд. Институт Гайдара, 2011. 240 с.
10. Винокуров М.А. Роль государства в корректировке модели экономического роста России. – СПб.: Питер, 2014. – 192 с.
11. Григорьева Е.А. Институциональное обеспечение модернизации экономики как условие экономической безопасности: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 155 с.
12. Расков Н.В. Экономика России: проблемы роста и развития: Монография. – М.: ИНФРА-М, 2015. – 186 с.

13. Формирование инновационной системы АПК: организационно-экономические аспекты: науч. изд. – М.: ФГБНУ «Росинформагротех», 2013. – 216 с.
14. Перспективы развития экономики России: прогноз до 2030 года. Коллективная монография / под ред. Акад. В.В. Ивантера, д.э.н., М.Ю. Ксенофонтова. М.: Анкил, 2013. - 408 с.

Функции организационных патологий

Кильмашкина Т.Н.

Академия управления МВД России, Россия, Москва

Организационные патологии в науке понимаются как отклонения от нормы, серьезные сбои в функционировании организации, возникающие по важным и трудноискоренимым причинам.

Последствия организационных патологий для социальных субъектов могут быть различны. В социальной практике они, как не парадоксально, могут иметь и позитивный, и позитивно-негативный, и негативный эффект. Их функции очень подвижны, относительны.

Как всякая классификация, в том числе классификация организационных патологий и их функций, искусственна. Она зависит от критериев и параметров, определяемых теоретическими или практическими интересами исследователя. Тем не менее, рассмотрим основные виды организационных патологий и их функции.

Патологии организационного строения проявляются как господство структуры над функцией, в структурном, а не в функциональном решении проблем: возникла проблема - создается дополнительная структура. При этом забывается, что функция первична, структура вторична, а не наоборот: организационная структура определяется функцией социального института.

Данная патология, как правило, провоцирует рост численности персонала, в том числе бюрократического аппарата управления: возникает

другая разновидностью организационной патологии - бюрократия и бюрократизм.

Бюрократия и бюрократизм начинаются, когда работник начинает эксплуатировать имеющийся ресурс по личному усмотрению, гипертрофируя его, доводя до грани незаконности, подавляя целесообразность, эффективность должностного поведения, что отрицательно сказывается на результатах функционирования организации.

Стагнация, как организационная патология, проявляется как результат организационных дисфункций (например, гипертрофирование адаптивности в ущерб продуктивности), провоцирующих целенедостижение.

Стагнация связана с потерей адекватного реагирования социальных субъектов на изменяющиеся условия внутренней и внешней среды; с утратой способности развиваться или, напротив, с абсолютизацией целенаправленности, когда цели системы подавляют, подчиняют цели-задания, цели-ориентации, или когда цели-ориентации максимально совпадают с целями системы, отождествляются с ними.

Опасность стагнации как организационной патологии выражается в опасности жизнеспособности организации по причине откладывания нововведений, назревших изменений или из-за неспособности организовать их проведение. Несостоятельность организаций принимать и реализовывать неизбежные перемены сильно изменяет систему ценностей общества [3].

К организационным патологиям относятся «маятниковые» решения, когда новое решение заменяет прежнее лишь на время, а потом возвращается к старому решению следствии некачественного выявления, диагностики, ранжирования организационных проблем.

«Маятниковые» решения проводятся, в том числе, и на государственном уровне, когда то объединяют, то разъединяют различные структуры, нередко меняя только их названия. Такого рода реформы выступают как мощное средство социальной дезорганизации.

Разновидностью организационной патологии в сфере управленческих решений является дублирование организационного порядка. Ценность организационного порядка состоит в возможности придания определенного автоматизма функционированию организационной системы средствами постоянно действующих стабильных связей и норм. При этом опасен стиль, характерный для нашей деловой культуры, когда, не доверяя принятому легитимному организационному порядку, субъект управления пытается постоянно вводить дополнительные управленческие воздействия [5].

Существуют и другие виды организационных патологий.

Несмотря на релятивность (относительность) оценок функций организационных патологий, по своему значению, роли, результату их можно разделить на две группы:

1) при грамотном управлении - конструктивные (продуктивные, эффективные, положительные, созидательные);

2) при неграмотном управлении - деструктивные (непродуктивные, неэффективные, разрушительные).

Конструктивные функции организационных патологий в ситуации конструктивного реагирования на них выражаются в следующем:

- выполняют сигнальную функцию, вскрывая наиболее острые организационные противоречия социальных институтов, являются средством обнаружения и фиксации проблем в организации, свидетельствующих о том, что противоречия достигли своей кульминации и необходимы меры по их разрешению или устранению;

- являются средством диагностики организационных ресурсов, соотношения статусов и сил противоборствующих сторон в ситуации организационного конфликта, тем самым служат предостережению от разрушительных тенденций;

- стимулируют необходимость активации разрешения противоречий, способствующих устранению организационных недостатков;

- содействуют стабилизации организационных отношений, налаживанию сотрудничества, профилактике дальнейших противоборств;

- совершенствуют способы и содержание коммуникаций в организации;

- реализуют интегративную, объединительную функцию (сплочение группы, коллективный поиск эффективного взаимодействия);

- совершенствуют баланс индивидуальных, групповых, ведомственных интересов, вносит вклад в социальную интеграцию социальных субъектов.

Конфликт сотрудников с администрацией, с одной стороны, усиливает их конфронтацию, а с другой - повышает сплоченность персонала;

- реализуют инновационный потенциал, с помощью которого можно преодолеть препятствия на пути экономического, социального или духовного развития коллектива; мобилизуют энергию, стимулируют групповое творчество для качественного выполнения функциональных обязанностей;

- осуществляют оздоровление социально-психологического климата, содействуют снятию стрессовой ситуации;

- формируют общественное мнение и др.

Деструктивные функции организационных патологий связаны:

- с насильственными методами, материальными и человеческими потерями;

- с дезорганизующими и дестабилизирующими отношениями в организации, замедляющими темпы ее развития;

- с разрушением социальных коммуникаций, социокультурным отчуждением социальных субъектов;

- с падением нравственности и нарастанием пессимистических настроений;

- со снижением эффективности деятельности и дисциплину.

По мере перемещения внимания с конкретных организационных вопросов непосредственно на личности участников, они имеют тенденцию усиления негативной направленности [1, 2, 4].

Литература:

1. Большаков А.Г., Несмелова М.Ю. Конфликтология организаций: Учебное пособие. – М.: МЗ Пресс, 2001.
2. Пугачев В.П. Руководство персоналом организации: Учебник. – М.: Аспект Пресс, 2000.
3. Пригожин А.И. Нововведения: стимулы и препятствия. М., 1989.
4. Пригожин А.И. Современная социология организаций. М., 1995.
5. Пригожин А.И. Виды организационных патологий // Управление в России: стратегия, модель, технологии. – СПб., 1997.

Институционализация волонтерских движений в России

Ковель Т.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Процессы трансформации, затронувшие большинство социальных институтов, привели к появлению феноменов, невозможных еще пятьдесят лет назад. Одним из таких феноменов является волонтерство. За время своего бурного развития, желание людей помогать кому-либо породило тысячи волонтерских организаций и движений, заставило государства по-другому взглянуть на перспективы и возможности добровольчества как целой международной системы. Нельзя сказать о том, что это социальное явление свойственно лишь современному миру, проблемы помощи и благотворительности волновали общество и две тысячи лет назад. Однако явлением глобального масштаба волонтерство стало как раз в XX веке. К примеру, организованное в середине XIX века общество Красного креста сегодня насчитывает более ста миллионов сотрудников и волонтеров по всему миру. Сегодня волонтерство — деятельность, доступная не только малому кругу благотворителей. Добровольческая деятельность дает возможность каждому реализовать свои потребности в помощи окружающему миру. Включая в себя самые разнообразные виды деятельности от разовой финансовой помощи, до постоянной неоплачиваемой работы, волонтерская

практика становится повседневностью мира сегодня. Такая деятельность становится все более престижной и может работать в качестве социального лифта для молодых людей. Похожую динамику в развитии института добровольчества можно проследить и в России, однако проблемы, связанные с гражданским обществом, правами и свободами граждан в России последние несколько лет не дают возможности этому социальному феномену стать частью повседневных практик граждан. И государство, и общество относятся с опаской к организациям, занимающим место в некоммерческом секторе. Несмотря на то, что при взаимодействии государства и добровольческого движения, можно было бы решить множество социальных проблем, государство не спешит к объединению с волонтерским движением. Однако было бы неправильным говорить, о том, что волонтерское движение как социальный феномен не развивается в России. В докладе будут рассмотрены теоретические основания волонтерских движений, история волонтерства, место волонтерства в российском гражданском обществе. На основе проведенного исследования я также расскажу о существующих проблемах в процессе институционализации волонтерских движений, на основе четырех факторов, сопутствующих процессу институционализации:

1. Потребность общества – наличие запроса на появление того или иного социального явления.

Со сменой политического устройства в России и появления демократических институтов, в обществе встал вопрос о формировании институтов гражданского общества. В рамках европейской модели, с целью помощи и взаимодействия с гражданами появился запрос о появлении в системе общества такого явления как волонтерство и волонтерский труд.

2. Нормы поведения – типичная форма поведения индивидов и групп в рамках социального явления.

С точки зрения норм поведения в рамках волонтерской деятельности, общество должно было воспринять образ волонтера в другом свете, отойдя от восприятия данной деятельности с точки зрения советской системы.

3. Подготовка кадров – присутствие профессионально обученных людей, работающих в данной сфере и институтов, готовящих кадры.

Несмотря на то, что волонтерская деятельность распространена в основном среди не профессиональных работников, в той сфере, в которую они приходят работать как волонтеры, в процессе институционализации волонтерства должны появляться профессиональные кадры, основной целью которых является помощь приходящим волонтерам в профессиональной подготовке, психологическая поддержка, а также работа с юридическими документами. Так, например, если волонтерская организация взаимодействует с детьми в детских домах или других подобных учреждениях, волонтер должен быть подготовлен психологически, а также обладать основными профессиональными навыками в данной сфере.

4. Законодательные нормы – разработка и внедрение законодательной системы, регулирующей работу индивидов, групп и институтов, взаимодействующих в данной сфере общества.

С распространением волонтерства, волонтерской деятельности и появлением организаций в третьем секторе, формируется нормативная база, регулирующая и регламентирующая деятельность людей в сфере волонтерства. Основным законом можно считать федеральный закон о некоммерческих организациях.**

Тренды гражданского участия социально-ориентированных НКО Центрального Черноземья^{††}

Когай Е.А.

Курский государственный университет, Россия, Курск

Гражданские инициативы выступают важнейшим элементом «социального капитала», задающим импульс развитию общества. При этом

** http://www.consultant.ru/document/cons_doc_law_8824/

†† Работа подготовлена при поддержке РГНФ в рамках проекта «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья» (№ 15-03-00506).

социальная сфера выступает наиболее емкой областью, где находит свое проявление гражданский сектор. В современной России данный сектор постепенно захватывает все новые ниши, которые ранее были закреплены за государством, тем самым постепенно осуществляя институциональную трансформацию социальной сферы.

При этом деятельность некоммерческих организаций (НКО) является собой максимально действенный способ проявления гражданских инициатив. Среди данных организаций выделяют особую группу – социально ориентированные НКО (СО НКО). К ним относятся «организации взаимопомощи», «организации клубного типа», благотворительные организации, организации экологической направленности и ряд других [1]. В этих институализированных формах взаимодействия создаются условия для проявления гражданского участия, коллективной солидарности в решении социально значимых проблем страны, региона, населенного пункта и др.

Какие тренды гражданского участия социально-ориентированных НКО регионов Центрального Черноземья можно выделить в последние годы? В поисках ответа на данный вопрос нами был осуществлен контент-анализ ведущих сюжетов Докладов о состоянии гражданского общества в этих регионах и материалов электронных СМИ.

В качестве первого тренда следует отметить нацеленность на решение проблем духовно-нравственного и патриотического воспитания граждан. На это указывают материалы Докладов о состоянии гражданского общества Курской, Белгородской, Липецкой, Орловской и Тамбовской областей. Обратимся к докладу Орловской области: «В ушедшем году были открыты многие памятные доски в честь героев-освободителей Орловщины – г. Орле, Орловском, Шаблыкинском, Верховском, Свердловском, Глазуновском, Мценском, Малоархангельском и др. районах – инициировали эти события ветеранские организации, возвращая народную память о защитниках Отечества» [2, с. 9]. Годовщина победы в Великой отечественной войне активизировала тему

патриотического воспитания, по всей стране прошли масштабные акции, посвященные героям этого события.

В качестве второго тренда следует указать на активную фиксацию представителями гражданского общества Центрального Черноземья проблем социально-экологического характера. Это, прежде всего, активные выступления граждан области в защиту конституционного права на благоприятную окружающую среду (статья 42 Конституции). Данные выступления отмечены в 2014-2015 гг. в Воронежской и Курской областях, где жители населенных пунктов активно выступили против разработки УГМК никелевого производства на территории своей области и против строительства полигона бытовых отходов. Помимо этого, все больший вес приобретают общественные движения по сохранению культурного населения Центрального Черноземья. Включенные в данное движение организации «Центр сохранения культурного наследия Центрального Черноземья», «В защиту Черноземья» и ряд других ведут научно-исследовательскую, просветительскую и практическую работу по восстановлению памятников природы и культуры макрорайона.

Важным трендом приложения сил активистов является защита социально незащищенных групп населения. Именно на работу с этими группами нацелено значительное число проектов НКО, реализуемых в регионах ЦЧ при федеральной или региональной поддержке. Отметим, что данное направление работы НКО было названо чаще других (63 %) в региональном опросе, проведенном в июле 2015 г. (N=500) в рамках подготовки доклада о состоянии гражданского общества в Курской области [3, с. 34]. Среди сфер общественной деятельности, требующих усиления деятельности НКО, жителями региона были выделены такие, как «защита и помощь инвалидам», «помощь пенсионерам», «помощь малоимущим», «помощь бездомным, сиротам, мигрантам».

Еще одним трендом гражданской активности СО НКО является расширение сферы добровольчества и волонтерства. Исследование в Курской

области 2015 года продемонстрировало высокую степень готовности граждан региона к участию в благотворительной деятельности, а также весомый уровень доверия к благотворительным организациям, что является свидетельством значительного укрепления позиции сферы добровольчества и благотворительности на фоне нарастающих социальных и экономических проблем. При этом были также выявлены препятствия по осуществлению благотворительной деятельности – этот, прежде всего, нехватка денежных средств, недостаток времени, а порою и просто безразличие.

В рамках выстраивания взаимодействия гражданского общества и государства в последние годы отчетливо проявилась тенденция разделения действующих в РФ НКО на «социально ориентированные» и «политически ориентированные». В свою очередь, среди «социально ориентированных» НКО представители Общественной палаты РФ предложили выделить группу НКО «повышенной социальной пользы» [4, с. 62-63]. Отметим, что этот статус будет не заявительным, а разрешительным, определять его будут специально сформированные комиссии. Преференции данного статуса будут проявляться в максимально льготном налогообложении таких организаций, но и контроль над такими НКО будет максимально строгим.

Нельзя не отметить, что проявление гражданского активизма на уровне НКО, а тем более на уровне отдельных граждан Центрального Черноземья в настоящее время не соответствует вызовам современности. Соответственно перед общественными организациями макрорегиона, в том числе и перед региональными Общественными палатами, стоят задачи повышения эффективности деятельности общественных организаций через совершенствование методов и форм деятельности; достижения большей открытости; повышения профессионализма; активного рекрутирования в общественную деятельность энергичных, профессионально ответственных граждан. И очень важно, чтобы при этом в общественных организациях не получили широкого распространения имитационные практики, столь массово используемые сегодня в государственном и муниципальном управлении и

тормозящие реальное осуществление институциональных изменений в российских регионах.

Литература:

1. Доклад для стратегической программы развития России. Государственная политика в области содействия гражданским инициативам: позиция неправительственных организаций // Межсекторные взаимодействия. Настольная Книга – 2001. – М., 2001. – С. 7-55.
2. Доклад об инициативах гражданского общества ассоциации общественных объединений «Общественная палата Орловской области. – Орел, 2015. – 72 с.
3. Дремова Л.А., Когай Е.А. Доклад о состоянии гражданского общества в Курской области. – Курск: Общественная палата Курской области, 2015. – 100 с.
4. Доклад о состоянии гражданского общества в Российской Федерации за 2015 год. Проект-26.11.2015. – М., 2015. – 246 с.

Социальная реклама как один из инструментов социально ответственного бизнеса

Коклданова Г.Ф.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Бизнес сегодня – это одна из основных социальных сил, двигающих общество к процветанию и прогрессу. Причем это движение касается не только экономической стороны жизни общества. Бизнес может и должен быть также и социальной поддержкой развития и нормального функционирования общества. В связи с данным вопросом в середине XX века в деловой лексике и СМИ появилось понятие «социальная ответственность бизнеса». Данный термин обозначает «ситуацию, согласно которой бизнес, помимо соблюдения законов и производства качественного продукта, а также выполнения различных законных действий в соответствии с целями организации, добровольно берет на

себя дополнительные обязательства перед обществом, вносит значительный вклад в улучшение качества жизни людей» [2].

Стремительное развитие техники и расширение глобальной медиатизации сделало средства массовой информации главным актором многих ключевых социальных процессов, в связи с чем возросло влияние рекламы на сознание людей. По этой причине появилось понимание необходимости социальной рекламы для стабилизации жизнедеятельности и развития общества. В соответствии с Федеральным законом «О рекламе» социальная реклама – это «информация, распространенная любым способом, в любой форме и с использованием любых средств, адресованная неопределенному кругу лиц и направленная на достижение благотворительных и иных общественно полезных целей, а также обеспечение интересов государства» [4]. В своей работе я постаралась рассмотреть отношение между социальной рекламой и бизнесом, и выделить социальную рекламу в качестве одного из инструментов социально ответственного бизнеса.

Особенностью взаимоотношений бизнеса и социальной рекламы в России является то, что ввиду молодости данного направления рекламы в нашей стране четкого представления о социальной рекламе и понимания ее специфики еще не сформировалось.

Часть населения, в том числе бизнесмены, относятся к социальной рекламе как к государственной мере воспитания населения и считают, что инициатива создания социальной рекламы должна исходить от государственных органов [3].

Кроме того, попытки бизнеса участвовать в создании социальной рекламы часто заканчиваются тем, что под видом социальной рекламы преподносится реклама коммерческая. Происходит это по той причине, что на данный момент в российской бизнес-структуре главной и зачастую единственной целью видится прибыль. Лишь малая часть предпринимателей осознает ответственность своей организации перед обществом. Немногие

руководители организаций также понимают, что создание социальной рекламы может принести пользу как всему обществу, так и их конкретной организации.

Социальная реклама способна помочь бизнесу в достижении его прямых целей. К выгодам бизнеса от участия в социальной рекламе можно отнести улучшение имиджа организации; освещение активности организации в СМИ; привлечение работников и построение образца поведения для сотрудников, клиентов, покупателей, партнеров; улучшение отношений с инвесторами; установление связи с целевыми группами; появление ассоциации организации с высококачественным мероприятием; демонстрация социальной ответственности организации и даже налоговые льготы.

Однако необходимо отметить появление положительной тенденции к осознанию предпринимателями того, что государство не может самостоятельно решать все социальные проблемы. Наряду с этим в среде бизнеса в последнее время все активнее ведутся рассуждения о социальной ответственности самого бизнеса. Руководители организаций начинают понимать, что социальные конфликты могут реально угрожать общественному спокойствию и деятельности организации, поэтому их лучше предупреждать заранее. Кроме того, российский бизнес подошел к такой ступени, когда приобретение достаточного начального капитала позволяет часть этой накопленной суммы отвести на социальные нужды работников и потребителей, заодно работая над улучшением культуры менеджмента в России.

Тем не менее российский бизнес на данный момент в большей степени проявляет свою социальную активность в разовых благотворительных кампаниях или посредством адресной социальной поддержки конкретных групп населения или природных объектов. Пора перенять опыт участия западных коммерческих организаций в создании социальной рекламы и начать использовать социальную рекламу в качестве одного из мощнейших инструментов социально ответственного бизнеса. В таком случае предпринимательство сделает еще один шаг к тому, чтобы быть полноправной и действенной основой благополучия общества.

Литература:

1. Деревянко А. Р., Зыбин Олег Сергеевич Социальная реклама как вид коммуникационной деятельности в современных условиях // СИСП. 2012. №7. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnaya-reklama-kak-vid-kommunikatsionnoy-deyatelnosti-v-sovremennyh-usloviyah> (дата обращения: 29.04.2016).
2. Либоракина М.И. Социально ответственный бизнес: глобальные тенденции и опыт СНГ. Москва, Фонд «Институт экономики города», 2001. – С.9.
3. Опрос населения. Почему в России не развита социальная реклама? // Российский журнал о творческом брендинге «Рекламные идеи». 2002 г. URL: <http://www.advi.ru/archive/article.php3?pid=46> (дата обращения 29.04.2016).
4. Федеральный закон № 38-ФЗ «О рекламе» от 13 марта 2006 года. URL: <http://www.consultant.ru/popular/advert/> (дата обращения 29.04.2016).

О культуре государственных и муниципальных служащих

Колмыкова М.А.

Орловский Государственный Университет, Россия, Орёл

Главные усилия современного управления направлены на формирование сильной культуры профессионального сообщества, определяющей ее успех в изменяющихся условиях. Эффективность организационной деятельности определяется отношением достигаемых результатов к затраченным при этом усилиям.

Говоря о культуре государственных служащих, необходимо отметить различия в понимании корпоративной, организационной и профессиональной культуры чиновников. Государственная служба по сути своей выступает корпорацией, так как, во-первых, государственные служащие являются профессиональной группой, обладающей особым набором общих ценностей и норм, во-вторых, государственная служба представляет собой определенное сообщество людей, объединяющее государственные органы и основывающееся на межведомственных взаимосвязях и взаимоотношениях.

Не стоит забывать о Государственной символике, использование которой жестко регулируется законодательством. Правила использования Государственного герба РФ регламентируются Федеральным конституционным законом от 25 декабря 2000 года № 2-ФКЗ «О Государственном гербе Российской Федерации». В соответствии с этим нормативным правовым актом Государственный герб должен помещаться на зданиях, в которых расположены органы государственной власти, в кабинетах их руководителей, на бланках законов и других законодательных актов, бланках государственных документов и печатях государственных организаций. В основу разработки эмблем органов федеральной исполнительной власти встраиваются элементы Государственного герба РФ: они представляют собой двуглавого орла, у которого некоторые атрибуты (например, скипетр и держава в лапах, щит на груди) заменяются знаками, указывающими на профиль министерства, ведомства.

Можно предположить, что использование Государственной символики РФ как элемента культуры государственных служащих указывает их на государство и государственную власть, а это в свою очередь может способствовать возвышению честной и добропорядочной службы отечеству, и как следствие, снижению уровня потенциального конфликта интересов.

В исследовании культуры муниципальных служащих, по мнению автора, логичнее использовать термин «организационная», поскольку она затрагивает ценности, нормы, установки, традиции и верования отдельных муниципалитетов, которые могут представлять собой разнообразнейшие феномены и явления, сформированные особенностью, спецификой и историей отдельных территориальных образований.

По отношению к государственным и муниципальным служащим как категориям работников, объединенного в разговорном языке термином «чиновники», обоснованным является использование термина «профессиональная культура». Это связано с принадлежностью вышеуказанных служащих к особой социально-профессиональной группе.

В частности, Федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской Федерации» от 27 июля 2004 года № 79-ФЗ и «О муниципальной службе в Российской Федерации» от 02 марта 2007 № 25-ФЗ устанавливают профессионализм и компетентность в качестве основополагающих принципов как государственной, так и муниципальной службы [1, 2]. Это обуславливает первостепенность профессиональных навыков и компетенции в процессе трудовой деятельности: грамотное и эффективное использование средств и методов управления, рациональность принятия решений, профессиональная осведомленность и др. Так же важным элементов здесь является культура общения государственных и муниципальных служащих и их нравственно-профессиональная этика.

Одной из первых работ по проблематике организационной культуры можно считать научный труд Э. Шейна «Организационная культура и лидерство». По его мнению, феномен «организационной культуры» раскрывается через совокупность приемов и правил решения проблем внешней адаптации и внутренней интеграции членов организации [3].

Применительно к государственной и муниципальной службе, можно с уверенностью сказать, что формирование сильной культуры является отправной точкой формирования положительного имиджа вышеуказанных служащего в глазах общественности, а также создает уверенную команду профессионалов, способных решать самые актуальные вопросы на уровне государства и муниципалитетов.

Внешняя адаптация, как правило, формирует положительный имидж органов власти, создает деловую репутацию государственных и муниципальных служащих, способствуя выгодным партнерским и дипломатическим отношениям. Внутренняя интеграция позволяет сплотить служащих внутри своего профессионального сообщества, направляя совместные усилия к достижению общей цели.

На наш взгляд, культуру государственных и муниципальных служащих можно рассматривать в ряду важнейших факторов обеспечения внутренней

интеграции и внешней адаптации органов власти. Необходимо отметить, что из всех компонентов государственной и муниципальной службы только система ценностей не поддается стопроцентному копированию со стороны других учреждений. Сила организационной культуры определяется, по крайней мере, двумя важными факторами: степенью принятия государственными и муниципальными служащими основных ценностей определенных органов власти и степенью их преданности этим ценностям. Трудность поддержания требуемого уровня культуры заключается в том, что вновь принятые государственные и муниципальные служащие приносят с собой не только новые идеи и индивидуальные подходы к решению профессиональных задач, но и свои собственные ценности, взгляды, убеждения. Индивидуальные личностные ценности служащих могут существенно поколебать сложившиеся культурные ценности внутри органов власти. Для поддержания сложившейся системы культурных ценностей, как муниципалитета, так и государства в целом, необходимо постоянно оказывать влияние на формирование ценностных ориентаций служащих для максимального сближения их с ценностями органов власти различного уровня.

Несомненно, что только интенсивная и целенаправленная работа с кадровым составом государственных и муниципальных служащих может сформировать сильную профессиональную культуру. А это, в свою очередь, является отправной точкой формирования положительного имиджа государственных и муниципальных служащих в глазах общественности.

Литература:

1. О государственной гражданской службе Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 27.07.2004 № 79-ФЗ // Российская газета – Федеральный выпуск № 3539.
2. О муниципальной службе в Российской Федерации : Федеральный закон РФ от 02.03.2007 № 25-ФЗ // Российская газета – Федеральный выпуск №4310.

3. Шейн Э. Организационная культура и лидерство / Пер. с англ. под ред. В. А. Спивака. СПб: Питер, - 2002. – 336 с.

Изменение роли студенческого самоуправления в формировании жизненных и профессиональных стратегий выпускника ВУЗа

Косарева В.А.

*Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, Россия,
Нижний Новгород*

Студенческое самоуправление (далее – ССУ) получило свое развитие в России с 1755 г. при Московском университете. Основной его задачей стало усовершенствование знаний в риторике и стихосложении, но не получив должной поддержки от преподавательского состава в качестве кураторов, просуществовало недолго.

И только студенческие кружки с 1781 года, созданные для упражнения в сочинениях и переводах, считаются истинными родоначальниками студенческого самоуправления как студенческие корпорации, отличительные признаки которых – самостоятельность и самодеятельность.

В период 1991-2002 гг. массово создаются ассоциации студентов по профессиональным интересам. И, несмотря на то, что многие из них распались, со временем они трансформировались в студенческие профсоюзные организации и укоренились в учебных заведениях.

На сегодняшний день, почти в каждом ВУЗе есть студенческие советы, профсоюзные организации, и студенческие объединения по интересам и сферам деятельности.

Изначально ССУ – это созданные силами студентов объединения по интересам, решающие основные, волнующие их задачи вне зависимости от поддержки со стороны административных ресурсов учебных заведений.

Сегодня ССУ - это традиционная форма взаимодействия студентов, объединенных различными интересами и целями реализации собственных

целей саморазвития, а также достижения индивидуальных желаемых результатов через деятельность самой организации.

Так же, это способ самодеятельного участия молодежи в процессе преемственности поколений, освоения и реализации своей социальной субъектности в соответствии с реальным или желаемым социальным статусом.[1]

Современное российское общество характеризуется стремительной динамикой изменений во всех сферах жизни (экономической, политической, социальной), в связи с чем возникают риски, в частности, – в сфере трудоустройства молодежи. Студенту как самостоятельной личности требуется больше усилий, чтобы устоять перед трудностями и стать более востребованным специалистом на рынке труда по окончании ВУЗа. Необходимо соответствовать требованиям работодателей для получения желаемого заработка, показатели которого по данным исследования «Профессионально-карьерные ожидания студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского» 2015 года, проводимого Центром карьеры ННГУ им. Н.И. Лобачевского, у студентов завышены.

Одной из форм саморазвития и внеучебной занятости студента является участие в различного рода студенческих организациях, где $\frac{3}{4}$ участников точно знают для чего они пришли и что они ожидают получить по окончании университета. Но получают ли они на самом деле то, к чему стремятся?

Саморазвитие и стремление – основа для достижения определенных желаемых жизненных результатов в ценностных сферах жизни для студента. Одно из направлений, отвечающее данному запросу – ССУ.

Существуют жизненные стратегии, оказывающие влияние на развитие позитивного отношения студентов к учебной деятельности. К их числу относятся стратегии, связанные с профессиональной самореализацией, достижением внутренней гармонии, автономности и независимости личности.[2] Таким образом, с учетом ценностной ориентации в саморазвитии,

у студенческой молодежи проявляется потребность в получении практического применения знаний, получаемых в ВУЗе.

По результатам исследования 2015 года «Факторы формирования жизненных стратегий студентов ННГУ им. Н.И. Лобачевского: социальный капитал, человеческий капитал, образ жизненного успеха», проведенного методом интервью выпускников ННГУ им. Н.И. Лобачевского, ССУ является для студентов площадкой для практического применения теоретических знаний и развития собственных компетенций для повышения уровня конкурентоспособности и возможность накопления связей (социального капитала). По их мнению, данные компетенции и связи, помогут в получении высокой должности в организациях, в которых они будут работать в дальнейшем и продвижению по карьерной лестнице.

Основными компетенциями, которые они развивают являются: коммуникабельность, управление людьми и проектами, администрирование, планирование, стрессоустойчивость и накопление практического опыта вне официального трудоустройства.

Взаимодействие с людьми в рабочем пространстве – ключевой аспект в любой организации, поэтому студенты развивают свои навыки, в процессе совместной деятельности с другими студентами, в условиях обмена опытом и информацией.

Как мы видим, из данных выводов студентов, компетенции, которые они развивают, не связаны с профессиональной подготовкой по специальности, что влияет в дальнейшем на трудоустройство по профессии.

Как отмечает Г.В. Иванченко [3], изменения сферы возможного на больших временных отрезках задают основу жизненных стратегий. Главным критерием их оптимальности является усложнение и обогащение жизненного мира, расширение границ возможного.

Но, студенты, принимающие участие в ССУ могут определить только краткосрочные жизненные стратегии, как и студенты, не занимающиеся данной деятельностью, при этом не имеющие на момент выпуска официального

трудоустройства. Первичными стратегиями являются: окончание ВУЗа, устройство на работу, достижение финансовой стабильности, но «куда идти?», ответ на этот вопрос они не осознают.

В связи с этим встает проблема эффективности ССУ как площадки развития необходимых компетенций и формирования реальной оценки у студентов, принимающих участие в данной форме занятости, своих возможностей и ожиданий. Поскольку по окончании ВУЗа студент, как правило, не готов к реальному трудоустройству, и большая часть имеет завышенные ожидания в сфере своего профессионального развития.

По данным мониторинга трудоустройства выпускников ННГУ им. Лобачевского 2015 года, трудоустройство по профессии не достигает 50% в первые три месяца после получения диплома о высшем образовании.

Получение образования идет вразрез с получаемыми практическими знаниями в ССУ.

В рамках данной проблематики Центр карьеры ННГУ им. Н.И. Лобачевского в 2016 году проводится социологическое исследование «Влияние внеучебной деятельности студентов на успех на рынке труда» (студенты и выпускники прошлых лет), где одной из форм занятости рассматривается ССУ.

Если в истории ССУ – это форма развития студента по получаемой специализации и интересам, то на данный момент – это развитие «лидера-управленца», организатора мероприятий и личности с активной жизненной позицией.

Главной задачей является выявление эффективности нового современного ССУ, влияющего на жизненный и профессиональный успех выпускника ВУЗа.

Литература:

1. Ковалева А.И., Луков В.А. Социология молодежи: теоретические вопросы.– М.: Социум, 1999. – 351 с.

2. Воронина, О.А. Жизненные стратегии как фактор отношения студентов к учебной деятельности: автореф. Кандидата псих. наук/ Курск, 2008.– С.8.
3. Иванченко, Г.В. На пороге профессиональной карьеры: социальные проблемы и личностные стратегии выбора/Г.В. Иванченко// Мир России, 2005.– №2.–С. 101.

Эволюция взаимоотношений заказчиков с управленческими консультантами в конце XX века

Ксенофонтова Е.Г.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Начнем издалека – с советских времен. А было ли тогда управленческое консультирование? Да, было: НИИ (Научно Исследовательские Институты) и кафедры вузов осуществляли «хозрасчетные работы» по направлению Министерств и запросам руководства организаций. Немногочисленные тогда психологи и социологи распределялись на предприятия и назывались «инженер-социолог», занимаясь серьезными внутриорганизационными исследованиями в сфере управления и труда, влияя как на руководство конкретного предприятия, так и на систему управления на других предприятиях страны. Все кандидаты и доктора наук были лекторами Общества «Знание», просвещавшего на очень разнообразные темы как рядовых работников любых предприятий, так и высшее руководство крупных предприятий, а многие из них вели курсы в Институтах повышения квалификации руководящих работников, куда в обязательном порядке прикомандировывали весь управленческий состав страны. После таких занятий директора нередко приглашали заинтересовавшихся их специалистов к себе в организацию – посмотреть..., обсудить..., подсказать..., поговорить с коллегами, помочь принять трудное решение и т.д.

Резкое изменение социально-политической и экономической ситуации в 90е годы привело к бурным процессам перехода прав собственности на бывшие советские предприятия к частными лицам и новообразовавшимся структурам. Процессы банкротства, слияния и поглощения, а также санации, предполагали

скорее финансово-юридическое сопровождение сделок, нежели помощь в повышении эффективности управления. Тогда же на коммерческой основе началась подготовка аудиторов и оценщиков бизнеса, а на государственной - бюджетной основе, началась подготовка антикризисных управляющих, а также серьезная комплексная оценка их компетенций методом ассесмент-центра. Те из антикризисных управляющих, кто получил направление в конкретные компании и приобрел неоценимый опыт в работе по обеспечению финансового оздоровления предприятий, находящихся на грани банкротства, в настоящее время составляют ядро саморегулируемых организаций арбитражных управляющих.

В то же время создавались новые бизнесы, развивавшиеся в малые, и даже средние предприятия. Они возглавлялись людьми, энергично экспериментирующими и готовыми к изменениям, но явно испытывающими недостаток соответствующих знаний. Направляя своих детей в вузы на отделения предпринимательства, менеджмента и экономики, они с восхищением интересовались изучаемыми ими предметами, для решения текущих задач искали помощи со стороны личных знакомых любого профиля специализации («Я ими управляю, а они не управляются, что делать?»), поступали учиться сами в открывающиеся в то время школы бизнеса, узнавали много новых подходов и технологий и тут же незамедлительно приглашали к себе тех, кто готов был или обещал внедрить у них ту или иную новейшую методику. Сотрудники часто с ужасом ждали возвращения «шефа» с очередной сессии обучения, поскольку он обязательно привозил с собой новую «вдохновившую его игрушку». (Однажды в командировке на юг России, мы столкнулись с интерпретацией сотрудниками предприятия внедряемого шефом процесса диверсификации как «диверсии по отношению к устоявшемуся у них уже бизнесу»).

В целом сомнения и тревожность у руководителей, действующих в новых экономических условиях, были достаточно высоки, что порождало чувство доверия и желание положиться на советы и помощь каких-либо

авторитетов. В консалтинговых проектах осваивалось в то время всё: необходимость стратегического планирования; слово «маркетинг» («Уже взяли мальчика-программиста!» - «?!» - «Ведь для маркетинга нужно работать с компьютером и выходить в Интернет!!!»); управление затратами («Не котловым способом – разве такое возможно?!») и отличие бухгалтерского от финансового и управленческого учета, не говоря уже об МСФО – международных стандартах финансовой отчетности. Специалистов своих было мало; иностранные компании, пришедшие в Россию обучали в первую очередь тех, кто способен был говорить по-английски, а те, в свою очередь, наработав практический опыт, часто уходили в консалтинг, что ценилось тогда и ценится до сих пор. Однако предложения от заказчика\собственника иногда звучали так: «Не надо консалтинга, приходите ко мне генеральным \ исполнительным директором (вариант – руководителем проекта)». Кратко это можно выразить следующим образом: задач много, и они все очень трудные, вот бы кто-нибудь пришел и взял часть из них на себя... Однако пришлось всё-таки, справляться самим. И те, кто пережили кризис 1998 года и сумели сохранить свой бизнес, стали ощутимо опытнее и увереннее в себе.

А что же со специалистами – консультантами? Еще на границе советских и постсоветских времен МГУ совместно с Бременским университетом проводилось сравнительное исследование системы управления на отечественных предприятиях и предприятиях Германии (руководитель от МГУ – Вячеслав Вячеславович Щербина). Джермен Григорьевич Гвишиани был одним из создателей от СССР! Международного института прикладного системного анализа (МИПСА) в Лаксенбурге (Австрия), а затем и председатель научного совета МИПСА и член Римского клуба. Защитивший под его руководством кандидатскую диссертацию Аркадий Ильич Пригожин, возглавлявший секцию индустриальной социологии еще в Советской социологической ассоциации, в начале 90х годов начал подготовку и сертификацию консультантов.

Таким образом, заканчивался XX век уже со сформировавшейся Ассоциацией Консультантов по Управлению и Организационному Развитию (АКУОР), ставшим на ноги бизнесом в разных отраслях и появившемся понимании, что управленцы многое могут сделать сами, но есть сферы, в которых сотрудничество с управленческими консультантами позволяет повысить эффективность усилий в соответствующем направлении.

Потенциал гражданского общества

Левашов В.К., Шушпанова И.С., Афанасьев В.А., Новоженина О.П.

Центра стратегических социальных и социально-политических исследований

Института социально-политических исследований РАН, Россия, Москва

Тезисы подготовлены по результатам исследований, поддержанных РГНФ, грант № 14-03-00321 «Развитие гражданского общества и институтов демократии в России: социологический мониторинг».

Степень развития гражданского общества в той или иной стране проявляется как социальная реальность в многообразии признаков. Среди них выделяют базисные фундаментальные признаки, без проявления и наличия которых гражданское общество не может возникнуть. Во-первых, в социальном государстве, которым согласно Конституции РФ является Россия, потенциал гражданского общества определяется совокупностью мнений граждан, которые считают, что государство проводит экономическую политику в интересах большинства граждан, т.е. в интересах демократического общества. С этим признаком соотносится второй признак – совокупность мнений респондентов, о том, что государство выражает интересы большинства граждан в стране. Третий актуальный признак, по которому в обществе не прекращаются острые дискуссии – в чьих интересах в стране проведена приватизация? Четвертый признак – самоидентификация среднего класса по семи характеристикам: образование, профессия квалификация, работа, доход, качество жизни, участие в политике. Пятый признак – прямая самоидентификация среднего класса. Шестой признак – самооценка денежных доходов населения. Седьмой признак

– выполнение государством своих обязательств по охране прав и свобод граждан. Агрегирование значений семи индикаторов даст значение индекса гражданского общества, существующего в России. Особо подчеркнем, что все социологические измерения производятся на основе мнений населения о различных сторонах жизнедеятельности гражданского общества. В графическом виде величина индекса гражданского потенциала общества, измеренного с помощью семи социологических индикаторов, отобразится на графике площадью многоугольника.

Средняя величина индекса гражданского потенциала общества за весь период измерений составляет 6,7%. В совокупности своих базисных фундаментальных признаков этот индекс показывает величину сущностного ядра функционирующего в настоящее время в стране гражданского общества.

Вокруг этого сущностного ядра можно выделить, наблюдать и измерять другие характеристики, стороны жизнедеятельности гражданского общества. В своей теоретической конструкции ядро и оболочки составляют концептуальную модель гражданского общества, тогда как совокупность измерений ядра и оболочек дает эмпирическую модель гражданского общества в России.

Одной из таких важнейших сторон жизни современного гражданского общества является обеспечение государством норм демократической жизни в обществе.

Индекс обеспечения государством норм демократической жизни в обществе составлен из семи признаков – совокупности мнений граждан о соблюдении равенства всех граждан перед законом, личной безопасности, прав человека, социальных гарантий, свободы политического выбора, терпимости к чужому мнению, свободы слова. Средняя величина индекса обеспечения государством норм демократической жизни в обществе за весь период наблюдений составила 11,3%.

Вторая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса выполнения государством своих основных обязанностей перед обществом, который составлен из индикаторов:

регулирование производства и распределения товаров и услуг, обеспечение достойной жизни и всестороннего развития граждан, развитие науки, культуры и образования, охрана природы и использование ресурсов, налогообложение и взимание налогов, охрана прав и свобод граждан, прав собственности, правопорядка, оборона страны, обеспечение мира и поддержание мирового порядка, сотрудничество и укрепление связей с СНГ, защита жизни и прав соотечественников за границей, интеграция в мировую экономику, международное сотрудничество в решении глобальных проблем. Средняя величина индекса выполнения государством своих обязанностей перед обществом за весь период наблюдений составила – 13,8%.

Третья оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется величиной индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека гражданина: равенство перед законом и судом, свобода мысли и слова, право на выбор профессии, право на получение информации, право на отдых, защита государством материнства и детства, право на социальное обеспечение и пенсию, право на жилье, право на охрану здоровья и медицинскую помощь, право на благоприятную окружающую среду, право на бесплатное образование, право на судебную защиту прав и свобод гражданина. Средняя величина индекса обеспечения государством гарантий прав и свобод человека и гражданина за весь период наблюдений составила – 15,3%.

Наконец, четвертая оболочка эмпирической модели гражданского общества определяется с помощью индекса мнений граждан о развитии гражданского общества как оценка гражданами восьми сущностных критериев развития гражданского общества: правовое государство – господство закона, перед которым все равны, и который защищает права, свободы и безопасность граждан, право собственности – владение, пользование и распоряжение имуществом, политическое и идеологическое разнообразие политических партий, общественные организации, представляющие и защищающие интересы граждан, открытость и доступность информации о положении дел в стране и за рубежом, свобода слова – право граждан без ограничений выражать свое

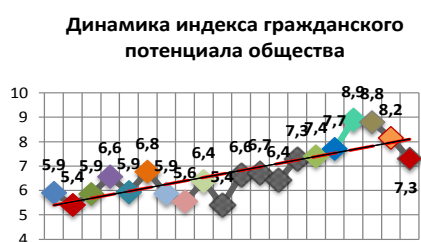
мнение, демократия, свобода политического выбора, самоуправление – инициативное участие граждан в управлении делами по месту жительства, работы, учебы и т.д. Средняя величина индекса развития гражданского общества составила за весь период наблюдений – 24,8%.

Эмпирическую модель развития гражданского общества в нашей стране можно построить в форме концентрических окружностей, площадь каждой из которых отражает числовое значение индексов ядра и оболочек. Площадь каждой предыдущей окружности учитывается в последующих.

Как видно из динамики представленных индексов, все они имеют повышательную тенденцию, т.е. российское гражданское общество расширяет свои социальные границы. Резервы строительства гражданского общества значительны – 75,2%. К современному историческому моменту развития российское гражданское общество в конкретных социально-политических формах своего бытия прошло приблизительно четверть вечного пути к идеальному гражданскому обществу.

Построенные диаграммы позволяют в выбранных измерениях составить представление о потенциале гражданского общества (см. график). Гражданское общество в России достигло пока скромного потенциала. Конечно, абсолютное гражданское общество в 100% значении всех признаков вряд ли когда-либо и кому-либо удастся построить. Но социополитический гражданский процесс в своем развитии будет всегда стремиться приблизиться к пространству идеального гражданского общества. На этом пути государству и обществу предстоит преодолеть целый ряд устойчивых устаревших политических стереотипов негативного мышления и действия.

Динамика индексов и модель развития гражданского общества в России

$S_0 = 6,7$

$S_1 = 11,3$

$S_2 = 13,8$

$S_3 = 15,3$

$S_4 = 24,8$

Источник: Центр стратегических социальных и социально-политических исследований ИСПИ РАН.

Институционализация социального творчества

Лесниковская Е.В.

Евразийский лингвистический институт, филиал Московского государственного лингвистического университета, Россия, Иркутск

В настоящее время, с развитием новых электронных технологий и популяризацией идей лидерства и социальной успешности, растет количество возможностей конструктивно преобразовывать социальную реальность. Значительная часть проектов, направленных на творческое, инициативное решение социальных проблем, использует возможности новых социальных медиа для популяризации или непосредственно реализации проекта. Среди социально активной части общества, особенно молодежи, получают распространение такие социальные практики, как социальные инициативы, социальное предпринимательство, социальные инновации. В методологических

целях объединим такие практики под концептуальным понятием «социальное творчество». Рассмотрим три измерения процесса институционализации таких практик: ценностно-нормативное измерение, функциональное и организационное.

Ценностно-нормативное измерение связано, прежде всего, с удовлетворением таких потребностей в обществе, как потребность в творческой самореализации и потребность в реализации гражданской активности. Данные практики содержат в себя творческую составляющую, следовательно, предлагают возможность творческой самореализации. Творчество является одним из немногих идеалов, воспринимаемых повсеместно положительно, и одним из наиболее популярных концептов на сегодняшний день, особенно среди молодежи. Другая потребность – реализация гражданской активности – связана с возможностью привнести конструктивные изменения в общество на разных уровнях, от «дворового» до федерального, посредством инициатив и социального предпринимательства. Предполагаем, что эта потребность актуализируется в индивидууме под влиянием разных идей и ценностей – от идеи личного лидерства до идеи социальной справедливости.

В функциональном измерении, целесообразно выделить функцию социальной интеграции. При рассмотрении механизмов реализации практик социального творчества – конкурсов социальных проектов, ярмарок социальных инициатив, площадок для социальных инноваций, форумов и ассоциаций социальных предпринимателей и т.д. – видим, что такие практики проходят в условиях активного межсекторного взаимодействия. В ходе процедур экспертной оценки предлагаемого проекта, дискуссии, неформального общения имеет место взаимодействие активных граждан, экспертов, представителей государственной власти, местных властей, некоммерческих организаций, бизнеса. Межсекторное взаимодействие в этих условиях целе-ориентировано и направлено на представление, оценку, обсуждение, информационную, экспертную и финансовую поддержку начинания, направленного на решение конкретной проблемы или улучшения

имеющейся ситуации; такое взаимодействие предстает более эффективным и «живым», поскольку предполагает реальное деловое сотрудничество.

Другая важная функция, реализуемая посредством практик социального творчества – функция «социального лифта». В контексте этой функции, успешная реализация проекта, социального предприятия, инициативы открывает путь к повышению социального статуса. Как правило, реализация проекта, особенно успешная, связана с получением опыта, прохождением тренингов и семинаров, повышения компетентности в сфере, например, фандрайзинга, выстраиванию сети личных контактов с самыми разными представителями общества. Данная функция особенно важна в свете определенной непредсказуемости работы «социальных лифтов», в современных условиях нестабильности.

В организационном измерении, отмечается разнообразие в путях организации таких практик. На наш взгляд, это связано в первую очередь с изменениями в отношении индивида к привычным организационным структурам социальной активности (общественным организациям, НКО). Как показывают исследования, в последние годы уровень доверия российского общества к некоммерческим организациям невысок [2, с. 13-14]. Более того, во всем мире в последние три – пять лет, в связи с глобальной экономической нестабильностью, отмечается снижение доверия ко всем институтам, в том числе и НКО. При этом, недостаток доверия мало зависит от информированности: информированная часть респондентов выказывает почти такой же уровень недоверия, как и не информированная [3]. Понижение уровня общественного доверия связано, в первую очередь, с непредсказуемостью мировых экономических, социальных и политических событий.

Для выражения другой отличительной черты организационного измерения институционализации социального творчества используем выражение «модульный человек». По мнению Э. Геллнера, именно благодаря «модульному» человеку возможно существование гражданского общества, ведь именно такой человек «способен встраиваться в эффективные институты и

ассоциации, которые не обязательно должны быть тотальными, ритуально оформленными», он может входить во временные союзы и покидать эти союзы [1, с. 118]. Действительно, в современных условиях человек склонен состоять в нескольких организациях или ассоциациях (или не состоять вовсе), легко входить и покидать разнообразные организации, согласно своим целям и по своему желанию. В последние годы растет роль событийно организованного социального творчества, в таких формах как конкурс, ярмарка, форум; популярная форма реализации практик социального творчества – проекты. Таким образом, существуют организационные структуры социального творчества, альтернативные привычным общественным организациям. Вместе с тем, проекты и события часто организуются именно общественными организациями, или с их участием.

Как итог, в функциональности, организационной структуре, ценностно-нормативном комплексе таких практик социального творчества, как социальные инициативы, социальные проекты и социальное предпринимательство, мы видим элементы институционализации. Нехватка исследований, посвященных этим практикам, отсутствие четкого концептуально-понятийного разграничения в этой сфере, затрудняет разработку методологии исследования элементов институционализации социального творчества. Возможным решением может послужить определение социального творчества именно через измерения институционализации, описанные здесь, а именно, ценностно-нормативную, функциональную и организационную структуры практик социального творчества. Это позволяет уточнить определение социального творчества и, в методологических целях, выделить их из категорий социальной активности и гражданского участия, в отдельную категорию и объект социологического исследования.

Литература:

1. Геллнер Э. Условия свободы. Гражданское общество и его исторические соперники / Э. Геллнер. – М.: Моск. шк. полит. исслед., 2004. – 240 с.

2. Задорин И. В. Социальная активность российской молодежи. Аналитический обзор результатов проведенных социологических исследований [Электронный ресурс] / И. В. Задорин. - Режим доступа: <http://www.zircon.ru/upload/File/russian/publication/4/081117.pdf> (28 янв. 2016).
3. 2015 Edelman Trust Barometer [сайт]. Режим доступа: <http://www.edelman.com/insights/intellectual-property/2015-edelman-trust-barometer/> (5 апр. 2016).

Мотивация персонала в условиях кризиса

Липатова А.Е.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Мотивация персонала является мощным рычагом управления человеческими ресурсами. Формирование позитивной мотивации способствует раскрытию творческого созидательного потенциала человеческих ресурсов и тем самым приводит к повышению конкурентоспособности организации.

В современных кризисных условиях проблема трудовой мотивации приобрела особую актуальность. По официальным данным Росстата, доля убыточных организаций в РФ в январе-феврале 2016 года составила 35,7%, в результате этого возникает ряд ограничений по повышению заработных плат в российских компаниях. Использование методов материальной мотивации становится затруднительным, и на фоне этого большинство исследователей выдвигают на первый план модели нематериальной мотивации, позволяющие повысить эффективность деятельности организаций без существенных финансовых затрат.

Одна из таких моделей основана на технологии коучинга. Коучинг способствует выявлению будущих лидеров, их развитию и продвижению. Данная технология подразумевает применение индивидуального подхода к разным группам сотрудников. Учитываются их ценностные профили, выстраивается четкая взаимосвязь между заработной платой и результатами труда [6]. При применении подобного подхода удовлетворяется потребность

сотрудников в самореализации, являющаяся одним из ключевых факторов трудовой мотивации в условиях современной организации.

Другим методом нематериальной мотивации персонала является формирование и поддержание мотивационного климата в организации. Под мотивационным климатом в данном случае подразумевается внутреннее стремление сотрудников к достижению целей организации, заинтересованность в целях организации. Н.А. Дривольская, предложившая данный метод, полагает, что в определенных условиях работник готов идентифицировать себя с компанией-работодателем, и задача менеджмента состоит в том, чтобы обеспечить эти условия. Для формирования мотивационного климата в компании исследователь предлагает включить в кадровую политику организации следующие мероприятия: создание оптимального мотивационного профиля работников по подразделениям и должностям, подбор сотрудников в соответствии с разработанным профилем и адаптация новых сотрудников, их имплементация в организационную культуру компании [2].

Важное место в системе нематериального стимулирования персонала занимает так называемая «мотивация на результат», т.е. поощрение работодателем определённых достигнутых сотрудником результатов. По результатам исследования И.В. Ильина, «мотивация на результат» лежит в основе любой мотивации сотрудников вне зависимости от занимаемой позиции [3]. Ряд исследований подтверждает, что активность работников возрастает, они начинают трудиться эффективнее, в том случае, если администрация замечает каждое проявление активности работника и поощряет его [1]. Действенным оказываются не только материальные методы поощрения (в виде премий и бонусов), но и нематериальные – например, публичная благодарность в устной форме или в виде e-mail-рассылки.

Рассмотренные модели представляют собой модели конструктивной мотивации. Но не менее важным аспектом управления мотивацией персонала является ограничение деструктивной мотивации. Под деструктивной мотивацией понимается побуждение работника к осуществлению деятельности

или бездействия, которые наносят ущерб организации [4]. В условиях кризиса работу персонала дестабилизирует, главным образом, их плохая осведомленность о том, что происходит в организации. Сотрудники теряют уверенность в своем будущем, из-за отсутствия достоверной информации о перспективах развития компании оказываются вовлечены в обсуждение слухов, что негативно сказывается на их работе. Кроме того, деструктивную мотивацию могут порождать и массовые увольнения. Для преодоления деструктивной мотивации сотрудников в кризисных условиях ученые рекомендуют информировать персонал о том, в какой ситуации находится компания, какие меры планируются менеджментом для выхода из кризиса. –Информация о текущей ситуации в компании и планах выхода из кризиса, распространяемая среди персонала, может повысить степень лояльности работников и способствовать росту производительности труда” [8].

В связи с ограниченными ресурсами в кризисных условиях организациям необходимо пересмотреть систему материальной мотивации. Материальное вознаграждение играет большую роль в процессе трудовой мотивации. Заработная плата воспринимается работниками не только как денежные средства к существованию, но и как свидетельство их ценности для организации, подтверждение их социального статуса [5].

И.Х. Багирова предлагает следующие принципы построения системы материального стимулирования в условиях кризиса:

1. Сокращение фиксированной части дохода и введение дополнительных выплат за достижение нужных компании результатов;
2. Доведение до сведения всех сотрудников их личных целей, напрямую связанных с целями бизнеса;
3. Разъяснение сотрудникам, каким образом теперь формируется их доход (условия получения премии, как рассчитывается премия и т.п.);
4. Регулярный контроль достижения работниками поставленных целей: в виде отчетов, общих собраний, совещаний [1].

Основной тенденцией материальной мотивации персонала в условиях кризиса является переход от оплаты труда к оплате результата. Это обусловлено тем, что зависимость переменной части зарплаты от результата мотивирует сотрудников к более эффективной работе. Так, например, С.Н. Федотов предлагает включить в систему мотивации весовые коэффициенты для различных групп компетенций и использовать оценочные баллы каждой из выявленных групп компетенций в определении индивидуального вознаграждения работника [7].

Эффективное проведение программы оплаты труда помогает компании удерживать квалифицированные кадры, без которых преодоление кризиса невозможно, и, более того, улучшить материальное положение сотрудников при повышении производительности и увеличении прибыли компании.

Литература:

1. Багирова И.Х. Мотивация персонала в условиях кризиса // Вестник Томского государственного университета. Экономика. 2011. № 4 (16).
2. Дривольская Н.А. Совершенствование кадровой политики организации на основе активизации мотивационных механизмов: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Дривольская Наталья Анатольевна; [Место защиты: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Юго-Западный государственный университет»]. - Курск, 2016. - 163 с.
3. Ильин И.В. Социальные и духовно-нравственные факторы трудовой мотивации: диссертация ... кандидата социологических наук: 22.00.08 / Ильин Илья Викторович; [Место защиты: Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ]. – Москва, 2012. – 114 с.: ил.
4. Нарожная Д.А. Деструктивная мотивация персонала: причины и пути ограничения: диссертация ... кандидата Социологических наук: 22.00.08 / Нарожная Диана Анатольевна; [Место защиты: Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова]. - Москва, 2016. - 168 с.

5. Сосновый А. Разработка внутрифирменных систем оплаты труда, мотивации и стимулирования персонала // Справочник по управлению персоналом. 2002. №1.
6. Стояновская И.Б. Управление мотивацией персонала на различных этапах развития организации: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Стояновская Ирина Богдановна; [Место защиты: Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2014. - 171 с.
7. Федотов С.Н. Формирование компетентностно-ориентированной системы мотивации и стимулирования труда работников предприятия: диссертация ... кандидата экономических наук: 08.00.05 / Федотов Сергей Николаевич; [Самар. гос. техн. ун-т]. - Москва, 2011. - 166 с.
8. Черни В. Как мотивировать персонал в условиях кризиса // Журнал «Финансовый директор». 2005. №11. [Электронный ресурс]. URL: <http://fd.ru/articles/15568-kak-motivirovat-personal-v-usloviyah-krizisa>

Использование SMM-менеджмента в коммуникационной политике организации

Лубяницкая Е.С.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В условиях современной России особое значение для организаций имеет эффективное управление изменениями, способность модернизировать «неуспешные» элементы системы с целью адаптации организации к постоянным внешним вызовам.

В этой связи стоит отметить влияние на организацию извне посредством трансформации такого социального института как массовая коммуникация. В настоящее время этот институт претерпевает ряд изменений, среди которых особо следует подчеркнуть развитие определенного «канала» осуществления массовой коммуникации – Интернета, как технического и организационного средства. Посредством данного канала любой социальный институт поддерживает коммуникативную связь с другими институтами и зачастую

посредством его же осуществляет свою деятельность. Одной из немаловажных причин этого процесса, помимо удобной связи с внешней средой при меньших издержках, является тот факт, что Интернет быстрыми и уверенными темпами становится платформой выражения общественного мнения граждан. Особенно это проявляется в социальных сетях, блогосферах, видео- и фото-блогах. Поэтому различные организации перемещают свой контент в социальные сети – это и политические партии, и образовательные учреждения, благотворительные фонды, теле- и радиоканалы, коммерческие организации и т.д. Они активно внедряют, так называемый, SMM-менеджмент в свои структуры, делая его одним из инструментов управления изменениями.

SMM-менеджмент (Social Media Marketing) можно свести к созданию и развитию сообществ, групп в социальных сетях; микроблогов; приложений и игр, «раскрутке» их среди пользователей; продвижению сайта организации в интернет-сообществах и т.д., что способствует повышению интереса аудитории к самой организации.

Следовательно, SMM - менеджер является специалистом, который ведет и продвигает бренд, продукт, услуги или любой вид информации в социальных сетях, видео-блогах и т.д., тесно общаясь с целевой аудиторией. В целом можно отметить два направления функционирования SMM-менеджмента: 1) привлечение и увеличение аудитории; 2) работа с аудиторией (не только привлеченной), заключающаяся в общении (ответы на комментарии), анонсировании новостей об организации, анализе негативных отзывов и разрешении конфликтов в социальных сетях. Замыкаются указанные направления на единой цели – повышение лояльности аудитории по отношению к организации [1]. В России SMM-специалисты работают со следующими платформами: 1) социальные сети (ВКонтакте, Одноклассники, Facebook, Мой Мир); 2) профессиональные социальные сети (LinkedIn, Профессионалы.ру, Мой Круг и др.); 3) блогосфера (Twitter, Живой Журнал, Я.ру); и 4) Видео- и фото- блоги – YouTube, Яндекс.Видео, Instagram и др.

На данных платформах разрабатываются специализированные социальные сети для определенных категорий пользователей по сферам интересов, профессии и т.д. В российских социальных сетях особенно популярны на данный момент, к примеру, сообщества любителей здоровой еды и фитнеса. Коммерческим организациям, специализирующимся на отмеченных категориях, очень выгодно запускать различные проекты на подобных платформах, так как это позволяет максимально полно охватить целевую аудиторию.

Говоря о SMM-менеджменте, следует подчеркнуть, что этот инструмент вызывает серьезные структурные изменения в организациях, создавая фактически новые «подразделения», функционирующие в виртуальном пространстве. Это имеет как положительные аспекты, так и отрицательные. Среди отрицательных сторон следует отметить формирование не критичного отношения целевой аудитории к деятельности организации. В частности, недостатки организации скрываются за положительным имиджем, сложившемся в сознании людей. В то же время можно сказать, что SMM-менеджмент является эффективным нововведением, так как позволяет осуществлять быструю и качественную обратную связь с целевой аудиторией (исходя из «заботы» об имидже). Кроме того, в дальнейшей перспективе он может привести к положительной динамике в структуре занятости российского населения, в связи с тем, что предполагает удаленную работу, для которой можно привлекать инвалидов. Несомненно, в данном случае требуется поддержка, как со стороны гражданских институтов, так и со стороны государства.

Литература:

1. Будаев А.Х. Инструменты интернет-маркетинга как основа эффективной деятельности компании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. Выпуск № 5-1 / 2015 [Электронный ресурс]. URL:

<http://cyberleninka.ru/article/n/instrumenty-internet-marketinga-kak-osnova-effektivnoy-deyatelnosti-kompanii> (дата обращения: 15.04.2016).

Особенности формирования модели взаимоотношений в системе «врач-пациент» в условиях институциональных изменений системы здравоохранения РФ

Лядова А.В., Лядова М.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, РНИМУ им.Н.И.Пирогова, 1 ГКБ № 1 им.Н.И.Пирогова, Россия, Москва

Трансформационные процессы, происходящие в российском обществе в последние годы, затронули все сферы и институты его жизнедеятельности, в том числе, и систему здравоохранения. Цель настоящей работы – выявить особенности влияния институциональных изменений в системе охраны здоровья населения РФ на эффективность ее функционирования.

Принятый в 2011 году «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» за № 323-ФЗ полностью изменил существовавшую ранее систему взаимоотношений между врачом и пациентом. Прежде всего, вся медицинская помощь, в том числе и экстренная, стала рассматриваться как «комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг» [6]. Поэтому, как верно отмечает эксперты, изменился сам характер взаимодействия врача и пациента [1,4,7,8]. До 2011 года оно рассматривалось как помощь, т.е. содействие, участие, приносящее облегчение. С принятием же нового закона оно перешло в разряд объекта продажи. Соответственно, пациент из статуса больного, которому требуется помощь, перешел в разряд потребителя медицинской услуги, а врач из статуса, оказывающего медицинскую помощь, в разряд ее поставщика.

В медицинской деонтологии эксперты выделяют несколько отличных моделей построения взаимоотношений в системе «врач-пациент» [4,5]. Так, по мнению американского исследователя Р.Витча, к ним относятся:

- патерналистская модель;
- коллегиальная модель;
- инженерная модель;
- контрактная модель [4].

До недавнего времени в российской системе здравоохранения наиболее распространенной была патерналистская модель, подразумевающая выстраивание взаимоотношений по типу опекунов, когда определяющей при выборе мер лечения является позиция врача, по причине наличия у него специальных знаний.

Принятый в 2011 году ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» за № 323-ФЗ, изменив ранее существовавшую систему взаимоотношений между врачом и пациентом, перевел их в поле рыночных отношений товаров и услуг. Поэтому на современном этапе развития все более очевидной становится тенденция ухода от существовавшей ранее патерналистской модели. Однако, в силу незавершенности процесса институциональных изменений в системе здравоохранения на современном этапе ее развития, новая модель взаимоотношений в системе «врач-пациент» пока не сложилась. Отсутствуют четкая структура, механизм ее реализации, что вызывает негативную реакцию в функционировании института медицины и, как следствие, способствует формированию недоверия к системе здравоохранения, в целом [2,3].

Литература:

1. Лядова М.В., Тучик Е.С., Лядова А.В. Медико-правовая осведомленность врачей-травматологов по оказанию экстренной помощи (по данным социологического исследования) // Вестник РГМУ. - 2015. - № 3. - С.29-33.
2. Лядова М.В., Лядова А.В. Этические аспекты профессиональной деятельности врачей: проблемы и их причины (на примере экстренной травматологической службы г.Москвы) // Human health as problem of medical sciences and hu-

manities: materials of the international scientific conference on April 20-21, 2015. - Prague : Vědecko vydavatelské centrum «Sociosféra-CZ». - P. 116-122

3. Решетников А.В., Стадченко Н.Н., Соболев К.Э. Удовлетворенность россиян качеством медицинской помощи в системе обязательного медицинского страхования // Социология медицины. - 2015. - № 1. - С.19-26.

4. Сурмач М.Ю., Тищенко Е.М. Коммуникационный процесс врач-пациент в современном здравоохранении // Журнал Гродненского государственного медицинского университета: ежеквартальный научно-практический журнал. – 2007. – № 1. – С. 198-201.

5. Тищенко Е.М., Шетин Н.В. Исторические модели биомедицинской этики // Журнал Гродненского государственного медицинского университета: ежеквартальный научно-практический журнал. – 2006. – № 2. – С. 91-93.

6. Федеральный закон Российской Федерации от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» // URL: <http://www.rg.ru/2011/11/23/zdorovie-dok.html> (дата обращения: 06.01.2016).

7. Чирикова А.Е., Шишкин С.В. Взаимодействие врачей и пациентов в современной России: векторы изменений // Мир России. - 2014. - № 2. - С.154-182.

8. Яковлев В.М., Ягода А.В. Взгляд клинициста на дегуманизацию отношений «врач-пациент» // Архив внутренней медицины. – 2013. – № 5 (13). – С. 32-34.

Исследовательская культура как основа для поддержания и развития научно-образовательной среды вуза

Майорова Л.В.

Российский государственный университет физической культуры, спорта, молодежи и туризма, Россия, Москва

Трансформационные процессы в обществе охватывают все социальные структуры. Наибольшую нагрузку в этом аспекте испытывают образовательные организации, так как они являются структурами, где усваиваются ценности

знаний, создающими предпосылки для формирования культуры, исследовательской культуры, необходимой специалисту с высшим образованием. Ведение интенсивной исследовательской деятельности в вузе, способствует поддержанию и созданию среды, которая уже потенциально содержит высокий импульс для развития инноваций, для возможности проявления научного интереса, с тем, чтобы определить пути управления вузом по созданию благоприятной среды для развития учебного заведения.

Теоретические основания средового подхода дают возможность его применения для разработки модели по формированию культуры субъектов научно-образовательного процесса. Среда вуза, являясь образовательной средой, в представлении В.А.Ясвина, представляет собой систему влияний, условий формирования и возможностей для развития личности [7]. Мануйлов Ю.С., в своей теории средового подхода, функционально определяет среду и показывает ее влияние на субъект [3, 4]. Человек, попадающий в определенную среду, усваивает ее ценности. Поэтому роль среды образовательного учреждения в управлении развитием личности субъектов научно-образовательного процесса заключается в том, что составляющими элементами модели можно управлять, создавать необходимые предпосылки для формирования исследовательской культуры. Для неустойчивой системы среда выступает средой развития, ибо открывает для системы новые горизонты, пути, ранее не замечаемые системой [6]. Н.В.Немова рассматривает среду, как управленческую систему, представляющую совокупность мотивационных условий, определенной организационной культуры коллектива или специально создаваемых руководителем учреждения. Человек в обществе проявляет себя через деятельность, общение и отношения, принятие определенных ценностных установок [5]. Рассматривая восприятие субъектом инновационной среды Кассина Р.А. в своей работе описывает четыре ее основных варианта, в зависимости от ее характеристик, и восприятия [1] Таким образом, роль среды различными исследователями оценивается по-разному, важно помнить, что в период реформирования образования роль среды значительно усиливается,

поэтому ее влияние нельзя игнорировать, и, следовательно, необходимо учитывать и использовать ситуацию кризиса для развития среды. А с помощью созданной модели или конструкции, можно управлять процессом формирования исследовательской культуры субъектов научно-образовательного процесса, а, следовательно, создавать необходимые предпосылки для создания инновационной среды вуза. Так, например, исследование, по изучению влияния преподавания методов исследования в учебном процессе на готовность преподавателя вуза к инновациям, показало, что среди преподавателей, активно использующих методы исследования в учебном процессе, обладающих высоким уровнем исследовательской культуры, высоким инновационным потенциалом, значительно повышается доля преподавателей, использующих мультимедийные материалы, готовность представить набор инновационных методических материалов по преподаваемым дисциплинам и участие во внедрении педагогических технологий, что говорит о влиянии исследовательской культуры на возможность конструирования научно-образовательной среды вуза [2].

Литература:

1. Кассина Р.А. Инновационная среда образовательного учреждения как интегральное средство профессионального развития учителя : автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.08 / Волж. гос. инженер.-пед. ун-т. - Нижний Новгород, 2006.
2. Майорова Л.В. Инновационный потенциал вуза // Стратегия инновационного развития России как особой цивилизации в XXI веке: VI Всероссийская научная конференция «Сорокинские чтения – 2010»: Сборник тезисов. – М.: МАКС Пресс, 2010. – С.944-947.
3. Мануйлов, Ю.С. Средовой подход в воспитании. Ю.С. Мануйлов. Костанай, 1997. 242 с.
4. Мануйлов, Ю.С., Шекк, Г.Г. Сравнительный метод освоения теории средового подхода в воспитании / Ю.С. Мануйлов, Г.Г. Шекк // Сборник статей

Международной НПК «Теория и практика освоения управленческих технологий в образовании». Костанай: ГорУО, 1999. 70 с.

5. Немова, Н.В. Управление методической работой в школе. Н.В. Немова. М., 1999. 176 с.

6. Синергетическая парадигма. Нелинейное мышление в науке и искусстве. М.: Прогресс-Традиция, 2002. 496 с.

7. Ясвин, В.А. Образовательная среда. От моделирования к проектированию. В.А. Ясвин. М.: Смысл, 2001. 365 с.

Особенности категории «руководство» при осуществлении внутриорганизационного управления в органах государственной власти

Макаров С.Н.

Смоленский государственный университет, Россия, Смоленск

Государственное управление находится в зависимости от качества его ресурсной базы, необходимой для оптимального взаимодействия государства с институтами гражданского общества. Это позволяет говорить об анализе управления по критерию «эффективность». В нашем случае эффективность – это возможность достижения цели государственного управления при использовании определенного набора имеющихся ресурсов. Это выводит анализ специфики государственного управления на новый уровень – изучения внутриорганизационных взаимодействий, что необходимо для реализации управленческой деятельности института государства.

Понятие «социальные ресурсы» в настоящее время представлено в двух взаимодополняющих значениях. Прежде всего, это направление, в соответствии с которым социальные ресурсы определяются как особый вид ресурсов из ряда так называемых смежных (материальных, природных, хозяйственных и т.п.). При этом подчеркивается их особенность как базового компонента для реализации остальных. Отличительными признаками социальных ресурсов в такой трактовке являются: неисчерпаемость (хотя данное утверждение может быть взято под сомнение, вследствие демографических катаклизмов),

способность к возобновлению (что можно отнести и к материальным ресурсам), регресс качества в результате не востребованности (характеристика может использоваться в отношении хозяйственных ресурсов), а также, на наш взгляд, специфические особенности – сложность критерия «достаточность-недостаточность» и большое многообразие, взаимозаменяемость. Такая интерпретация в большей степени соответствует пониманию социальных ресурсов как ресурсов человеческих, когда речь идет о количественных и качественных характеристиках общества или его отдельных групп.

Другая точка зрения связана с пониманием социальных ресурсов как механизмов осуществления взаимодействий, то есть характеристика, регулирующая отношения в различных подструктурах общества. В данном контексте социальные ресурсы тесно связаны с понятием управление, так как, по сути, являются обслуживающим компонентом управленческих функций. В этой связи изучение социальных ресурсов связано с компонентами управленческой деятельности: субъектом и объектом. В современной науке принято толкование процесса управления как субъект-субъектного взаимодействия, когда все объекты управленческих воздействий в той или иной мере являются их субъектами.

При анализе внутриорганизационных взаимодействий в рамках государственного управления социальные ресурсы приобретают новое значение. Это компиляция обоих направлений рассмотрения социальных ресурсов, которое выражается в кадровом составе организации, в нашем случае это органы государственной власти. Человеческие ресурсы органов государственной власти обладают возобновляемостью, возможностью изменения качественных характеристик, выраженным носителем – государственные гражданские служащие. Государственные гражданские служащие являются концентрированным предметным выражением социальных ресурсов управления, а без предметной концентрации оценить действенность и оптимальность набора социальных ресурсов невозможно. [2, С. 36-37]

Органы государственной власти представляют собой организационную структуру, которая характеризуется формализованностью отношений, централизацией управления, статикой структурных компонентов. Внутренним побудителем активности социальных элементов структуры (в нашем случае – служащих органов государственной власти) является социально-психологическая категория «мотив». Мотив – это внутренний двигатель деятельности, обусловленный потребностями и интересами, которые связаны с интеллектуальным и духовно-ментальным потенциалом компетентности субъектов и объектов управления. Под мотивационными ресурсами можно понимать внутренние мотивационные установки субъекта (человека, организационной системы), которыми он руководствуется при выборе предстоящих действий (усилий) по удовлетворению своих потребностей. [1, С. 28-29] Данную трактовку мотивационных ресурсов необходимо дополнить социальным основанием, так как деятельность государственных служащих связана, прежде всего, с реализацией потребностей граждан, что обусловлено гуманистической природой государственного управления: государство – поставщик социальных услуг. Содержательная сторона мотивационных ресурсов достаточно объемна и содержит ряд социально обусловленных характеристик, к которым относятся: процесс осознания и выявления потребностей, выработка целей по удовлетворению потребностей, формирование рациональных или эмоциональных ожиданий, выбор альтернативы действий или принятие управленческого решения, стимулирование общественного и/или индивидуального сознания. [1, С. 29] Таким образом, мотивационные ресурсы управления являются основанием для изменения социальной действительности в процессе управленческой деятельности. Для эффективного использования мотивационных ресурсов в государственном управлении важной составляющей является совпадение индивидуальных мотивационных ресурсов с социальными ожиданиями целевых аудиторий. В органах государственной власти, внутриорганизационные взаимодействия, направленные на взаимную

ориентацию мотивационных блоков, реализуется в понятии «руководство». Руководство – деятельностное воплощение внутриорганизационного процесса управления. Оно представляет собой совокупность социальных ресурсов государственного управления на макроуровне, адаптированных в ходе профессиональной социализации субъектами управленческой деятельности. Руководство – категория личностно концентрированная, и не может рассматриваться без внимания к индивиду – руководителю. Уровень руководства определяется успешностью действий руководителя в отношении реализации организационных целей и связан с его профессионализмом. Профессионализм выступает атрибутом экспертности. Таким образом, для осуществления эффективного руководства необходима личностная экспертность субъекта управленческой деятельности.

Тем не менее, руководство имеет формальную организационную природу. Механизм появления руководителя в организации обычно «назначенческий», статусная предопределённость дает руководителю определенную «фору» в отношении наделенности авторитетом, который в дальнейшем должен подкрепляться социально одобряемыми результатами деятельности. Иными словами, руководство можно обозначить вектором сверху вниз, рассматривая появление этой социальной позиции в структуре организации.

Литература:

1. Захаров, Н. Мотивационные ресурсы управления/ Н. Захаров// Государственная служба. – М.: «Типография «Новости», 2007, 3(47). – С. 28-29
2. Макаров, С. Экспертные системы в государственном управлении/ С. Макаров. – Смоленск: «Универсум», 2014. – 248 с.

Трансформирование корпоративной культуры организации в сторону инновационности как фактор повышения конкурентоспособности компании

Максимова А.М.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Одним из эффективных способов достижения лидерских позиций как страной, так и организацией является разработка инноваций. На сегодняшний день одной из проблем российского рынка является низкий уровень развития инновации. Компании зачастую покупают необходимое оборудование за рубежом, что никоим образом не способствует развитию собственных новейших разработок.

Инновационность способствует более эффективной работе организации и ее оптимизации. Одним из барьеров, не позволяющих развиваться инновациям, является отсутствие инновационного климата в организации.

Исходя из этого, можно сделать вывод, что необходимо обратить внимание на такое направление менеджмента компании, как придание инновационного характера корпоративной культуре организации.

Инновационная корпоративная культура содержит в себе следующие характеристики:

- руководство компании целенаправленно работает на достижение такого климата организации, который направлен на непрерывающуюся разработку инноваций;
- сотрудники готовы к возможным изменениям внутри компании и предлагают собственные идеи;
- служащие полностью осознают, что они могут и должны создавать инновации.

Корпоративную культуру компании нужно строить сверху. Сами менеджеры не должны быть сторонниками консерватизма, иначе они не смогут внедрить сотрудникам инновационное мышление. Для успешного построения инновационной корпоративной культуры необходимо разработать систему

мотивации действий сотрудников, направленных на инновации. Компания должна встать на более демократический путь управления.

Проблема заключается в том, что российские компании традиционно привержены административным методам управления, жесткому и формальному контролю всей деятельности сотрудников.

Шведский исследователь Горан Экволл выделил следующие характеристики, которые являются отличительными чертами новаторской корпоративной культуры [3, 236]:

- активность сотрудников организации и их причастность к корпоративной культуре;
- свобода действий сотрудников и готовность проявлять инициативу;
- открытость и доверие работников друг другу;
- наличие времени для разработки новых идей;
- юмор и игривость в климате организации;
- способы разрешения конфликтов между сотрудниками;
- свобода слова сотрудников, возможность вступать в дебаты;
- допустимость рискованных действий.

При сопротивлении как сотрудников, так и менеджеров внедрению инноваций целесообразно использование «концепции семи сил изменения культуры», которая была разработана консультантами компании Береншот (г. Утрехт, Нидерланды). В этой концепции описываются семь различных групп действий, приводящих в движение процессы изменения культуры [1, 248]:

- сила необходимости (необходимость побуждает к движению);
- сила видения (видение позволяет определить направление);
- сила успеха (успех порождает веру);
- сила духа (дух – источник силы);
- сила структур (структуры служат толчком);
- сила способности (возможность проявить себя);
- сила системы (системы способствуют укреплению).

Сегодня вперед выдвигаются те организации, в которых новаторство – это осознаваемая ценность и часть корпоративной культуры. Именно поэтому так важно изменять корпоративную культуру в этом направлении.

Литература:

1. Капитонов Э.А., Зинченко Г.П., Капитонов А.Э. Корпоративная культура: теория и практика. – М.: изд-во «Альфа-Пресс», 2005.
2. Ларичева, Е.А. Стратегическое управление инновационной деятельностью предприятия: монография / Е.А. Ларичева, Д.Г. Лагерева, А.Г. Подвесовский, Д.В. Ерохин. – Брянск: БГТУ, 2010.
3. Роббинс С. П. Основы организационного поведения. М.: Вильямс, 2006.
4. Стеклова, О. Е. Формирование инновационной составляющей организационной культуры предпринимательской организации. – Ульяновск: УлГТУ, 2012. – 158 с.

Умения и навыки работников: постиндустриальные императивы

Маркеева А.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Интенсивное внедрение новых информационно-коммуникационных технологий в деятельность современных организаций приводит к существенным трансформациям не только самих организаций, к изменению характера и форма организации трудовой деятельности, но и выдвигает на передний план новые требования к компетенциям работников. Опыт передовых предприятий (4.0 Industry) показывает, что внедрение новых технологий (мобильного интернета и облачных технологий, способов обработки больших данных (Big Data), Интернета вещей (IoT), краудсорсинга и технологии разделяемой («sharing economy» экономики)) способствует не только появлению новых инструментов и методов управления, но приводит к кардинальной перестройке функций управления. Внедрение новых технологических решений (от организации производства и логистики до маркетинга и коммуникационной политики) требует

принципиально новых решений в области организации взаимодействия человека и машин, новых квалификационных характеристик сотрудников и новых методов, прежде всего, социального управления. Речь идет не только о значительных затратах на организацию взаимодействия объединенных в сеть машин с работниками с помощью инструментов дополненной и виртуальной реальности, но на разработку и внедрение новых инструментов проактивного планирования в области человеческих ресурсов, на формирование новых образовательных программ и программ повышения квалификации сотрудников, на создание технологических платформ, направленных на организацию совместной работы с привлечением сотрудников внутри и за пределами предприятий (внутренние и внешние краудсорсинговые платформы), для поиска, отбора и внедрения инновационных решений более дешевым способом, для повышения конкурентоспособности организаций за счет формирования положительного имиджа и лояльности в широких аудиториях.

Сегодня внедрение новых информационных технологий в деятельность компаний в большинстве случаев связывают с деqualификацией существующих сотрудников и необходимостью либо их переобучения, либо ростом затрат на рекрутирование сотрудников с соответствующими знаниями и умениями из внешней среды. Ведущиеся в настоящий момент дискуссии по влиянию новых информационных технологий на занятость, на развитие существующего кадрового потенциала предприятий сильно поляризованы: между сторонниками новой технологической революции, видящих в технологиях лишь безграничные возможности для формирования новых профессиональных групп, для роста производительности сотрудников, снижения процессов рутинизации труда, и противниками, которые указывают на массовое замещение труда, значительное сокращение и даже исчезновения отдельных профессиональных групп, рост социального неравенства и повсеместное снижение трудовых гарантий работников (рост прекаризации) [2].

В этой связи интересным представляются результаты исследований, демонстрирующие эффект влияния новых информационных технологий на опре-

деленные виды индустрий и обобщенные группы профессий, изменений требований работодателей к знаниям, навыкам и умениям специалистов по 25 отраслям [3], выводы форсайт-сессий Агентства Стратегических Инициатив по динамике отдельных профессиональных групп в РФ до 2030 года [1]. Результаты исследований свидетельствуют о коренных сдвигах в запросах работодателей в отношении навыков и умений работников: уже к 2020 году компании в развитых и развивающихся странах различных секторов бизнеса (от энергетических отраслей и IT сектора до финансового, потребительского секторов) будут заинтересованы в сотрудниках, прежде всего, с развитыми социальными (social skills) навыками и навыками комплексного решения проблем (complex solving problem skills), в отличие от предыдущих десятилетий, где ключевые компетенции были напрямую увязаны с особенностями выполняемой работы (hard skills). Кроме того, согласно данным форсайт-сессий Агентства Стратегических Инициатив в ближайшие годы, в том числе и в России, будут усиливаться требования работодателей к мультикультурности современных специалистов, к наличию у них навыков межатраслевой коммуникации, клиентоориентированности и умений по организации проектной деятельности. Основная проблема в этой связи заключается в значительном разрыве образовательных стандартов высшего и среднепрофессионального образования, как в России, так и за рубежом и запросов рынка труда. В большинстве образовательных программ формирование навыков мультикультурной коммуникации, развитие социальных навыков (например, эмоционального интеллекта) не рассматриваются как ключевые, скорее являются в настоящий момент «исключением, редкостью». Поэтому в ближайшем будущем организации вынуждены будут развивать данные навыки у своих сотрудников самостоятельно, за счет внутренних программ обучения.

Выводы исследований представляют существенный интерес для современных организаций в части формирования стратегических планов, потому что изменения требований к работникам, их навыками и компетенциям рассмотрены не только в контексте усиления и развития технологических инноваций, по-

рождаемых 4 технологической революцией, но и в контексте глобальных социально-демографических изменений, связанных, как отмечалось выше, с изменением содержания работ, развитием гибких форм занятости, растущей урбанизацией, усилением экономической роли женщин в современной экономике и др..

Одним из важных выводов для современных организаций является то, что в отличие от предыдущих периодов влияние технологических и социально-экономических трендов на существующие бизнес-модели, на требования к работникам и к работе будет происходить значительно быстрее и затрагивать даже те сферы деятельности и сферы занятости, которые испытывали наименьшее их влияние. Эксперты сходятся во мнении, что переход от жестких требований и квалификаций к гибким, практико-ориентированным навыкам и компетенциям будет проявляться для стран с разным уровнем экономического развития, для большинства индустрий и существующих профессиональных групп.

Причины этого драматического смещения различны: для одних отраслей и сфер деятельности они напрямую связаны с усилением процесса технологизации (например, развитием Интернета вещей), для других - обусловлены новыми запросами целевых аудиторий. Так, финансовые и инвестиционные сектора экономики сталкиваются с новыми потребительскими ценностями («продуктовой» безопасностью, новыми трудовыми стандартами, защитой персональных данных и т.д.), что требует в перспективе необходимости развития у работников, занятых в данных отраслях «неспецифических» навыков, направленных на учет и выявление новых потребительских ценностей, совершенствование умений их использования в разработке и продвижении товаров и услуг.

Представленные результаты ставят перед практиками и учеными новые вопросы: как, когда и с помощью каких методов проводить переобучение персонала; готова ли существующая система образования к подготовке новых специалистов; что делать с высвобождающимися работниками, возможна ли их переквалификация в сложившихся условиях. С уверенностью можно говорить, что активное внедрение новых информационно-коммуникационных технологий

в деловых организациях будет связано с кардинальным пересмотром существующих стратегических планов работы по управлению человеческими ресурсами, модернизацией работы HR служб, активным внедрением новых управленческих технологий.

Литература:

1. Атлас профессий. Вторая редакция/ Агентство стратегических инициатив. Сколково.- Москва, (2014). (электр.ресурс) URL: <http://atlas100.ru/> Дата обращения: 15.04.2016.
2. [Стэндинг Г. «Прекариат: новый опасный класс»](#) М.: [Ад Маргинем](#) , 2014, ISBN 978-5-91103-209-8.
3. The Future of Jobs. Employment, Skills and Workforce strategy for The Fourth Industrial Revolution (report). World Economic Forum. January 2016. (электр.ресурс) URL: http://www3.weforum.org/docs/WEF_Future_of_Jobs.pdf Дата обращения: 20.04.2016.

Бренд работодателя как фактор конкурентоспособности современных организаций

Меремьянина Е.С.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В современном информационном обществе компании всё больше задумываются о важности такой составляющей как бренд компании. Важно ли что, вы производите высококачественный продукт, если о нём никто не знает? Сегодня, именно информация является главным ресурсом, а правильно сформированный имидж и система его продвижения - одними из ведущих инструментов развития предприятия, независимо от сферы его деятельности.

Бренд работодателя (employer brand) - совокупность функциональных, психологических и экономических преимуществ, предоставляемых работодателем и отождествляемых с ним [1].

Изучение бренда работодателя началось в 90-ые годы XX века, когда работодатели поняли, что необходимо расширять инструменты привлечения лучших сотрудников, от которых зависит будущее организации. В России активное изучение бренда работодателя и внедрение инструментов его формирования началось в последнее десятилетие и продолжает активно развиваться. Большинство организаций понимает, что для успешного функционирования им необходим узнаваемый бренд, вызывающий положительные ассоциации. Как крупные организации, так и средний бизнес, и даже представители start-up рассматривают необходимость формирования бренда как работодателя для привлечения «качественных», высокомотивированных и креативных сотрудников. Например, Сбербанк, занимаются продвижением своего бренда среди всех слоев населения, особенно молодежи.

Бренд работодателя традиционно подразделяют на внутренний и внешний, первый ориентирован на сотрудников, которые уже работают в компании. Второй на привлечение новых сотрудников и имидж компании в целом. Бренд компании как работодателя важен не только для привлечения потенциальных сотрудников, но и отражает её положение на рынке, способствует поддержанию её высокого статуса среди конкурентов. В данном исследовании мы рассматриваем формирование внешнего бренда работодателя. В качестве эмпирического объекта исследования выступает молодежь. Так, сегодня компании используют самые разные инструменты для того чтобы заинтересовать молодых людей, привлечь их внимание и отобрать лучшие кадры. В качестве наиболее популярных инструментов выступает продвижение через социальные сети и сайт компании, который направлен на очень широкую аудиторию. Так, почти все наиболее успешные компании имеют свою страничку/группу в таких сетях, как «ВКонтакте» или «Facebook». Другой формат формирования бренда - это участие в мероприятиях ориентированных на определенную аудиторию, примерами могут выступать участие в ярмарках вакансиях, которые напрямую ориентированы именно на бренд организации

как работодателя, лекции, чемпионаты, спонсирование и поддержка мероприятий. Данный инструмент направлен на более узкую аудиторию, но при этом более эффективен, так как позволяет максимально вовлечь аудиторию.

В тоже время для достижения максимального эффекта, необходимо сочетание разнообразных инструментов. Организациям необходимо постоянно поддерживать интерес к своей работе, делиться достижениями и возможностями. Развитие бренда работодателя с нуля требует серьезной подготовки и привлечения специалистов, но также важна и его поддержка.

Литература:

1. Ambler T., Barrow S. The employer brand // The Journal of Brand Management : журнал. 1996. Vol. 4. P. 185—206
2. Купцова Е. Создание адекватного HR-бренда требует немалых затрат (рус.) // Управление персоналом : журнал. 2010. № 6. С. 52-57.
3. Сидоркина С. Опыт построения бренда компании как работодателя (рус.) // Управление персоналом : журнал. 2007. № 18. С. 33-36.

Высококвалифицированная иммиграция в условиях меняющегося рынка труда: причины и последствия (на примере г. Санкт-Петербурга)

Михайлова А.С.

Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Санкт-Петербург

В условиях изменяющихся социальных, экономических и политических отношений внутри государств и за их пределами все больше внимание ученых уделяется глобальным процессам, их влиянию на социально-экономическое развитие общества, межкультурное взаимодействие и повседневную жизнь. Одним из таких глобальных процессов предстает миграция [4, С. 2-4], и с учетом нестабильности современного рынка труда, в первую очередь, интересным представляется изучение феномена глобальной трудовой

миграции. Однако в то время как большинство социологов увлечены анализом крупных потоков низкоквалифицированной миграции, мне представляется наиболее интересным рассмотреть высококвалифицированную миграцию, причем не потоковую, а точечную. Очевидно, что данное исследование актуально в научном, практическом и общественном плане. В современных исследованиях проблемы высококвалифицированной миграции представлены в основном западными учеными [2, С.342], тогда как отечественные социологи уделяют данной тематике недостаточно внимания. Более того фокус существующих исследований в этой области чаще всего направлен на экономическую, финансовую и политическую сторону вопроса, и редко социокультурные аспекты высококвалифицированной миграции являются центральной темой анализа. С практической точки зрения необходимость данного исследования она обусловлена и тем, что именно миграция иностранных специалистов высокой квалификации (экспатов), как носителей новейших знаний и уникального опыта, определяет дальнейшее развитие обществ, как экономическое, так и социокультурное [4, С. 104]. Реализация данного исследования, в первую очередь, обращена на выработку общих рекомендаций к работе организаций Санкт-Петербурга, ориентированных на развитие международного сотрудничества.

Таким образом, представляется необходимым проанализировать данную проблему с целью выделения и классификации наиболее часто используемых механизмов миграции и социокультурной адаптации экспатов, а также вынесения заключения о возможности осуществления контроля над данным социальным феноменом и о дальнейших перспективах в области высококвалифицированной миграции.

В качестве пилотажного исследования было проведено и проанализировано 12 интервью с высококвалифицированными иностранными специалистами на примере социокультурной среды Санкт-Петербурга как принимающей стороны миграции. Основная цель пилотажа заключалась в

определении предпосылок к формированию условных стратегий миграции и адаптации.

Руководящей методологией исследования выбрана классическая субъективистская теория идеальных типов Макса Вебера. Выбор методологии обусловлен существующей, по мнению автора, необходимостью социологизировать категорию миграции и адаптации. Веберовский конструкт позволяет очертить строгие рамки предполагаемых механизмов адаптации, при этом предоставляя возможность анализировать индивидуальное и групповое социальное поведение с точки зрения субъективного смысла.

Важно очертить пространственно-временные рамки миграции и адаптации экспатов. На основании анализа интервью можно сделать вывод о том, что процесс социальной адаптации мигрантов, как и фактически сам процесс миграции, берет начало с момента принятия решения о миграции, то есть субъективного построения мотивации. Таким образом, анализ основан на изучении всех этапов – от формирования мотивации до момента начала интеграции в среду. Исходя из того, что экспаты обладают устойчивым экономическим статусом и в большинстве своем ориентированы на построение карьеры, можно предположить, что определяющими их адаптивное поведение стратегиями будут ценностно и целерациональная.

Проведенные интервью показали, что 7 из 12 экспатов основывают свое адаптивное поведение на следующих характеристиках среды и социокультурной ситуации: представление о Санкт-Петербурге как о пограничной среде с европейскими чертами (инфраструктура, социально-экономические параметры, география расположения), ожидание от общества среднего уровня владения иностранными языками, «невосприятие» себя обществом как «чужого», и так далее. Очевидно, что такие экспаты руководствуются целью получения опыта в построении своей карьеры. Также при формулировке цели миграции и адаптации немаловажными оказываются и индивидуальные характеристики индивида: владение английским языком, подготовленность к определенным коммуникативным проблемам, опыт

международного общения и сотрудничества, ориентация на получение нового опыта в межкультурном взаимодействии. Действительно, целерациональная стратегия адаптивного поведения следует определению целерационального действия, согласно теории идеальных типов, - «если в основе его (действия) лежит ожидание определенного поведения предметов внешнего мира и других людей и использование этого в качестве «условий» или «средств» для достижения своей рационально поставленной и продуманной цели» [1, С.471]. Более того, интервью показали, что такая стратегия вызывает наиболее предсказуемую реакцию социокультурной среды города, а значит, и обуславливает меньшее количество проблем социального, культурного, коммуникативного характера.

Вторая наиболее «популярная» стратегия адаптивного поведения (3 из 12) – это ценностнорациональная стратегия, которая строится на «принципе максимальной защиты» [2, С.340]. Ценностная ориентация индивида часто обусловлена более твердыми культурными принципами, сформированными в консервативной семье (например, итальянской). Такой индивид основывает свое поведение на безусловной, по его мнению, самодовлеющей ценности определенного поведения как такового, независимо от того, к чему оно приведет [1, С.471].

Аффективная стратегия (2 из 12 респондентов) часто обуславливается сильным культурным шоком [3, С.22-23] и неподготовленностью индивида. Такая миграция чаще всего спонтанна и ведет к ряду проблем в межкультурной коммуникации и социальном взаимодействии со средой. В высококвалифицированной миграции такая стратегия встречается редко и не может быть рассмотрена как показательная.

В заключении необходимо отметить, что данный пилотажный анализ является лишь основой для более полного социологического исследования, направленного на выявление качественных показателей социальной адаптации иностранных высококвалифицированных специалистов. Итогом такого исследования будет не только определение социологического подхода к

высококвалифицированной миграции, но и разработка общих рекомендаций к организациям Санкт-Петербурга, ориентированным на развитие на международном уровне.

Литература:

1. Вебер М. Избранное: протестанская этика и дух капитализма. – 2 изд., доп. И испр. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2006. – 656с. (Серия «Книга света»)
2. Корель Л. В. Социология адаптаций: вопросы теорий, методологии и методики / Л.В. Корель. – Новосибирск: Наука, 2005. – 424с.
3. Тоффлер Э. Шок будущего - М.: Издательство АСТ, 2004, - 557с.
4. Morris L. Managing migration: civic stratification and migrants' rights – London: Routledge, 2002. – 178p.

Институт общественного контроля в современной России: проблемы становления на региональном уровне

Молодов О.Б.

Институт социально-экономического развития территорий РАН,

Россия, Вологда

В развитии гражданского общества в современной России особая роль предусмотрена для институтов общественного контроля. В последние годы на федеральном уровне предприняты определённые шаги, стимулирующие гражданское участие в механизмах контроля за деятельностью органов государственной власти, в том числе на региональном уровне. Важным показателем заинтересованности в формировании новых диалоговых площадок власти и общества стало принятие федерального закона «Об общественном контроле в РФ». Согласно данному закону, основными органами, осуществляющими общественный контроль, стали региональные общественные палаты и общественные советы при различных органах исполнительной государственной власти.

Вместе с тем, существуют некоторые проблемы, связанные с формированием и деятельностью новых институтов гражданского общества. Среди них можно выделить следующие.

Низкая гражданская активность населения. Некоторые исследователи объясняют пассивность большинства населения обстоятельствами историко-культурного характера, отсутствием в истории России практик индивидуальной гражданской активности и гражданского контроля [1, с. 30]. Основной предпосылкой является незначительная социальная база активных общественников, связанная с небольшой долей среднего класса в стране, особенно в экономически неблагополучных регионах. Известно, что именно эта категория населения, обладающая самодостаточностью, достойным уровнем финансового благополучия и свободным временем становится опорой развития гражданского общества. В условиях экономического кризиса доля среднего класса не только не возрастает, но и имеет тенденцию к сокращению [6].

Формирование органов общественного контроля без участия населения. Региональными нормативными актами предусмотрены различные способы формирования персонального состава органов общественного контроля. Так, Общественная палата Вологодской области на две трети формируется губернатором и Законодательным собранием области. В механизме пополнения оставшейся одной трети состава палаты участие населения региона предусмотрено также весьма опосредованно.

Общественные советы при органах исполнительной власти субъектов федерации созданы в основном в императивном порядке. В Вологодской области граждане не вовлечены в процесс их формирования, отсутствуют процедуры публичного голосования, не размещаются анкеты кандидатов в открытом доступе для обсуждения [4, с. 49].

Низкий уровень доверия к общественным институтам отчасти обусловлен вышеуказанными недостатками в способах их формирования. Всероссийское исследование гражданского общества, проведённое НИУ ВШЭ, включило Вологодскую область в группу из трёх регионов, где предпосылки

развития гражданского общества определяются как «очень благоприятные» [7, с. 32]. На начало 2016 г. на территории региона официально зарегистрировано 1943 общественных объединения. Однако их деятельность пока не получает высокой оценки у населения, поскольку большинство жителей в достаточной степени не информировано об их деятельности в регионе. Несмотря на значительную степень открытости в цифровом пространстве и выпуск своих печатных изданий, исследование показывает, что региональные и местные СМИ не уделяют достаточного внимания работе НКО, акцентируя внимание на формировании позитивного имиджа власти, событиях в культурной и спортивной сферах, криминальных новостях [8]. В итоге, дефицит информации об общественных институтах в традиционных медийных источниках порождает низкую степень доверия к ним, которая, по данным мониторинга ИСЭРТ РАН за 2015 г., составляет не более 30%.

Отрицательную роль в укреплении роли НКО в последние годы играет их разделение на «социально ориентированные» и «политические». Если первые представляются в качестве «конструктивных» организаций, которым «можно доверять», то вторые считаются «деструктивными», «нежелательными», иногда – «иностранными агентами» [2, с. 115].

Дефицит общественных экспертов. Для эффективного осуществления общественного контроля необходимо наличие экспертного сообщества из числа гражданских активистов. Наличие базы экспертов позволяет уйти от ситуации, когда независимо от тематического профиля диалоговой площадки её членами становятся одни и те же люди [3, с. 37]. Наиболее успешный опыт создания экспертного сообщества отмечается в Вологодской области, где при ключевой роли Общественной палаты в 2013 г. сформирован экспертный совет при Губернаторе. Кроме того, в настоящее время с целью формирования пула общественных экспертов путём народной оценки реализуется проект «Команда губернатора – команда профессионалов» [9].

Однако анализ состава региональной Общественной палаты и экспертного сообщества Вологодской области показывает, что власть опирается

на уже существующий «костяк» общественных объединений и их лидеров, положительно зарекомендовавших себя. В результате, создание и формальный характер деятельности «провластных» НКО производит раскол в некоммерческом секторе региона [5, с. 41].

Таким образом, в условиях современной России институционализация новых форм и механизмов деятельности гражданского общества происходит в основном «сверху», по инициативе государства, однако для его становления важно формирование системы презентации интересов со стороны активных граждан.

Необходимо обновлять состав общественных экспертов из числа граждан, имеющих потенциал для решения социальных проблем региона, повысить степень открытости общественных советов и предусмотреть участие граждан в процедуре их формирования. При утверждении кандидатур в органы общественного контроля необходимо учитывать заслуги кандидата в соответствующей профилю совета сфере деятельности, а также степень его гражданской активности.

Литература:

1. Бабинцев В.П., Давтян Д.В. Гражданский контроль в практике местного самоуправления: социокультурный аспект // Власть. 2016. №2. С. 29–34.
2. Бардин А.Л., Кокарева А.Н., Михайлова Е.В. Гражданское общество в России: опыт сравнительного анализа // Власть. 2016. №1. С. 109–118.
3. Исаева Е. Динамика развития диалоговых механизмов власти и общества в субъектах СЗФО России в 2013 г. // Власть. 2014. №1. С. 35–38.
4. Исаева Е.А. Механизм формирования общественных советов при органах власти в субъектах России // Власть. 2015. №11. С. 48–53.
5. Исаева Е.А. Нормативно закреплённые диалоговые площадки власти и общества в субъектах России: предпосылки эффективности // Власть. 2013. №8. С. 39–41.

6. Малева Т.М., Бурдяк А.Я., Тындик А.О. Средние классы на различных этапах жизненного пути // Журнал Новой экономической ассоциации. 2015. №3 (27). С. 109–138.
7. Мерсиянова И.В. Российское гражданское общество в региональном измерении // Мониторинг общественного мнения. 2009. Июль-август. С. 26–44.
8. Молодов О.Б. Региональные и местные СМИ Вологодской области: контент-анализ // Проблемы развития территории. 2014. №2 (70). С. 127–136.
9. Официальный сайт Губернатора Вологодской области О.А. Кувшинникова [Электронный ресурс]. Режим доступа: okuvshinnikov.ru

Занятость сельской молодежи в неформальном секторе

Муханова М.Н.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

Изменения в структуре собственности и занятости, порожденные процессами приватизации, трансформировали не только социальную структуру общества, но и систему наемного труда в целом и села в частности. В постсоветский период, в ходе реформирования российского агропромышленного комплекса, в сельском хозяйстве численность сельскохозяйственных предприятий снизилась на 56%, посевная площадь сельскохозяйственных культур сократилась на 41 млн. га от уровня 1990 г. После 20 лет реформ, более половины сельскохозяйственных предприятий агропромышленного комплекса убыточны. Уровень средней зарплаты в сельском хозяйстве составляет 50% от уровня средней зарплаты в целом по экономике.

Неформальная занятость сельского населения возникла на селе в результате радикальных перемен в 1990-е годы. Занятые в неформальном секторе классифицируются статистикой как «лица, которые в течение обследуемого периода были заняты, по меньшей мере, в одной из производственных единиц неформального сектора независимо от их статуса занятости и от того, являлась ли данная работа для них основной или

дополнительной. В качестве критерия определения единиц неформального сектора принят критерий отсутствия государственной регистрации в качестве юридического лица» [1].

Проанализируем структуру занятости сельской молодежи в неформальном секторе на основе данных обследования домохозяйств и индивидов «Комплексное наблюдение условий жизни населения», проведенного Росстатом в 2014 г. в 85 регионах страны. В нашем случае используются данные по сельской молодежи (15-29 лет) занятые в неформальном секторе. Выборочная совокупность составляет 845 человек.

Анализ возрастных групп на основе данных обследования домохозяйств на селе свидетельствует, что в неформальном секторе большинство занятых составляет молодежь: от 15 до 24 лет - 40%; от 25 до 29 лет – 30%. Для сравнения укажем, что старшие возрастные группы, работающие в неформальном секторе составляют только 24 %. Для трети молодых сельян работа в неформальном секторе является основной (33%). В структурах неформального сектора большинство из них работают по найму у физического лица и индивидуальных предпринимателей (46,5%), по найму на предприятиях индивидуального предпринимателя (34%). Остальные (19,5%) - работают самостоятельно на индивидуальной основе, в сфере предпринимательской деятельности без оформления юридического лица, в фермерских хозяйствах и в собственном домохозяйстве или в личном подсобном хозяйстве.

Рассмотрим структуру занятости молодежи по социально-профессиональным группам в неформальном секторе. Модальными профессиональными группами среди молодежи в неформальном секторе являются неквалифицированные рабочие (26,0%), квалифицированные рабочие сельского хозяйства и промышленности (24,7%), работники торговли, бытового обслуживания, ремонта авто-мототранспорта, ЖКХ (24,4%). В два раза меньше по численности идут операторы, машинисты установок и машин (11,7%). Остальные работники неформального сектора как руководители всех уровней, специалисты с высшим и средне-специальным образованием, а также

работники, занятые подготовкой информации, документов составляют всего лишь 11,3%.

Можно предположить, что для некоторой части сельской молодежи занятость в неформальном секторе станет своеобразной практикой для усвоения навыков самостоятельной работы в конкурентной среде и послужит основой для формирования рыночного поведения. Очевидно также и то, что современное общество потребления оказывают большое влияние на социальное поведение молодежи, ее ценностные установки. Принятие ценностей консюмеризма меняет образ жизни, стимулы, карьерные траектории молодых селян. Однако возможность реализации индивидуалистических ценностей молодых селян остается проблематичной, что иллюстрируют данные РМЭЗ НИУ-ВШЭ за 1994-2011 гг. На протяжении всего рассматриваемого периода подавляющее большинство (95%) сельской молодежи, как и старшее поколение, не пытались организовать свое собственное предприятие, начать свое собственное дело. Иначе говоря, на селе доминирует нерыночное поведение. Число тех, кто пытался открыть свое дело, но у него ничего не получилось (4%), превысило число тех, кто сумел организовать свой бизнес (1%). Одной из причин нежелания селян начать свое собственное дело и их неудач в его организации следует считать не только дефицит у них рыночного опыта, но и недоверие к власти и к богатым [2, с. 60-61].

На российском рынке труда неформальный сектор характеризуется высокой степенью уязвимости, где работники подвергаются различным рискам, вытекающим из нестабильной трудовой жизни. Причинами тому являются, прежде всего, низкооплачиваемый труд, не защищенный законодательством, отсутствие прав в сфере труда и социальной защиты. По данным обследования Росстата за 2014 г., большинство (около 65%) молодых работающих селян не удовлетворены оплатой труда; более половины из них не удовлетворена надежностью работы (55%), возможностью для профессионального роста (51%), условиями труда (40%), а также не получают морального удовлетворения (55%).

Анализ образовательного уровня сельской молодежи занятой в неформальном секторе позволяет сделать вывод, что среди них преобладают лица с начальным профессиональным, средним (общим) и неполным средним образованием. В совокупности они составляют 67%. Остальные (33%) имеют высшее и средне-специальное образование. Более половины молодых селян в неформальном секторе работают не по специальности (67%). Для сравнения в формальном секторе уровень образования молодежи с высшим и со средне-специальным образованием составляет 60%.

Большинство (50%) домохозяйств молодых селян, занятых в неформальном секторе, имеют доходы до 17,5 тыс. руб., из них 20% домохозяйств имеют доходы 12,5 тыс. руб. Из них 37% домохозяйств отмечают, что денег хватает только на еду, но покупка одежды и оплата жилищно-коммунальных услуг вызывают затруднения. Стоимость жилищно-коммунальных услуг на селе составляет в среднем 3 тыс. руб., т.е. практически половина или треть доходов в домохозяйствах уходит на оплату ЖКХ. Почти половина молодых работников (47%) отметили, что денег хватает на еду и одежду, но не могут себе позволить купить товары длительного пользования (телевизор, холодильник и др.). Сопоставление размера денежных доходов домохозяйств молодых селян, работающих в неформальном секторе, с величиной прожиточного минимума показывает, масштабы распространения бедности среди сельской молодежи, как и в целом среди сельского населения значительны. Стратегия выживания среди сельской молодежи остается преобладающей характеристикой социального поведения.

Литература:

1. Понятие и определение в обследовании населения по занятости. 2012.
URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b10_30/main.htm (дата обращения: 4 мая 2014 г.)

2. М.Н. Муханова, А.Ш. Жвйтиашвили, Г.П. Бессокирная. Российское село: социально-структурные процессы от прошлого к настоящему. М.: Книжный дом «Либроком», 2014.

Исследование модернизационных изменений в профессиональном образовании

Нархов Д.Ю., Хорова П.А.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России

Б.Н. Ельцина, Россия, Екатеринбург

Модернизационные изменения в образовании обусловлены необходимостью решения актуальных задач современного российского общества которые отчасти являются следствием социетального кризиса 90-х годов. Роль образования по-прежнему сложно переоценить как для отдельной личности, так и для всего общества в целом, но ситуационные изменения смещают акценты, расставляя новые приоритеты. От концептуализации образования зависит не только экономическое благополучие страны, но и состояние духовной жизни общества. Включение российского высшего образования в единое европейское образовательное пространство предполагает ряд изменений в высшей школе: разработка стандартов транснационального образования, принятие системы сопоставимых степеней, введения двухциклового обучения и внедрение европейской системы кредитов. С момента перехода к данной системе прошло более десяти лет, но отношение к Болонскому процессу до сих пор остаётся неоднозначным. Вместе с модернизацией произошло и изменение роли образования как социального института. На уровне социума отечественное образование, традиционно игравшее важную роль в воспроизведении интеллигенции (и, в первую очередь, творческой и научной), в настоящее время направлено на подготовку специалистов, востребованных на рынке труда.

Эффективным методом развития образования служит его одновременная институциональная, структурная и содержательная модернизация. В рамках

институциональной реформы предусматривается разработка единых условий доступа вузов к ресурсам в зависимости от результатов их деятельности при повышении уровня их самостоятельности. Структурная часть реформирования предполагает создание новых научно-исследовательских центров федерального уровня на основе существующих в настоящее время организаций – лидеров инновационных преобразований. Содержательная модернизация основана на идее перехода от лекционно-семинарной модели передачи готовых знаний к модели формирования профессиональной компетенции и дееспособности, перехода от коррекционной модели образования к модели предупреждающей [см.: 1, с. 11-12].

Неоднозначная оценка и отношение к модернизационным изменениям подтверждается исследованиями, что проявляется в научной литературе. Ряд авторов полагают, что образование переживает кризис, и подтверждают это такими аргументами, как отсутствие квалифицированных кадров, проблемы с оплатой труда преподавателей, ухудшение качества знаний и т. д. Другие убеждены, что образование находится в естественном неизбежном процессе изменения, подтверждая это тем, что прослеживается увеличение стремления к получению высшего образования, создание инновационных учебных заведений. Данные взаимоисключающие мнения иллюстрируют противоречивость современной ситуации в российском образовании [2, с. 143-144].

Особенно настораживает тот факт, что в ряде исследований сохраняется негативное отношение к модернизационным изменениям и высокая степень неудовлетворённости у основных субъектов образовательного процесса – студентов и преподавателей. Так, в исследовании, проведённом по заказу Федерального агентства по образованию компанией «Профессиональный проект» и Институтом молодёжной политики и социальных технологий "МАТИ" – Российского государственного технологического университета им. К. Э. Циолковского в 2008 году, отмечается: «Результаты нашего и других исследований показывают, что «верхи» и «низы» по-разному подходят к оценке реформ. «Верхи» – руководители и чиновники управленческих структур

считают, что в высшей школе начался и, хотя и медленно, но идёт процесс развития, совершенствования, обновления. «Низы» – студенты, профессорско-преподавательский состав и вспомогательный персонал вузов занимают консервативную позицию и в целом содержание реформ не понимают и не принимают. Они считают, что реформы высшей школы должны осуществляться в рамках всесторонне обоснованной и эффективной образовательной политики, базирующейся на наличном состоянии общества и его собственных культурных традициях, а не на традициях и стандартах, заимствованных за рубежом» [3, с. 52].

Данную точку зрения подтверждают результаты федерального опроса «Национальная идентичность российской молодёжи» (Интернет-опрос, март-апрель 2016 года, метод "снежного кома", распространение через социальную сеть «В контакте» N=1385, молодёжь в возрасте 14–30 лет, 61 % женщины, 39 % мужчины, 57 % жители Уральского федерального округа, остальные – пропорционально по всем округам и городам федерального подчинения. Вероятность ошибки 2,7 %). Респонденты высказали своё мнение относительно уровня современного образования. Ответы выглядят неутешительными: только 14 % опрошенных считают, что современное образование находится на подъёме или пике (12 % и 2 % соответственно). Каждый четвертый (точнее – 26%) респондент полагает, что образование испытывает застой. Большинство же полагают, что состояние образование находится в трудной ситуации: его состояние нужно оценить как спад (30%) и даже провал (30%). Данное исследование в значительной степени отражает мнение студенческой и работающей молодёжи Среднего Урала – той части молодёжи, которая имеет опыт профессионального образования. Тем самым она фиксирует дисфункциональную роль модернизационных изменений, происходящих в современном профессиональном образовании. Не акцентируя внимание на плюсах и минусах технологий, внедряемых в образовательный процесс, молодёжь своими ответами даёт знать о глубоких и не позитивных изменениях в реализации функций института образования по генерации и трансляции

новых знаний. В частности, очевидным стало, что минимизация общения преподавателей со студентами путём увеличения часов для самоподготовки студента и введением дистанционных форм обучения не оптимизирует образовательный процесс, в котором преподаватель всегда играл важную роль. Заинтересовать студента в предмете, «направить его на путь истинный» – всё это представляется возможным лишь при личном взаимодействии, живом общении.

На наш взгляд, для достижения целей модернизационных преобразований представляется необходимой консолидация взаимодействия всех субъектов образовательного процесса, их направленность на высокую степень включённости и удовлетворённости образовательным процессом, что способствует развитию и является индикатором функционирования образования как социального института.

Литература:

1. Нархов Д.Ю. Автореферат дисс. канд. соц. н. Екатеринбург 2014. – 24 с.
2. Зборовский Г.Е., Шуклина Е.А. Социология образования: учебное пособие. – М.: Гардарики, 2005. – 383 с.
3. Гегель Л.А., Зубков В.И., Николаев Г.Г. Ценностные ориентации российской студенческой молодёжи: социально-политический и образовательные аспекты (отчёт о всероссийском социологическом исследовании). – М.: Изд-во ООО Типография «Прадиз», 2008. – 200 с.

Перспективы применения принципов управления зарубежных организаций в России

Невенченкова А.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Для систем менеджмента конца прошлого века характерно повышение внимания к организационной культуре, демократизация управления, участие работающих в распределении прибыли и управлении предприятием,

формирование новых отношений между организацией и работающими в ней людьми.

Для неоклассического менеджмента организаций свойственны: сетевая структура управления; виртуальное управление; мотивация творчества персонала, способного генерировать новые идеи; активизация процессов самообучения в организации; опора на компьютерные технологии, фокус на потребителя. Основными принципами бизнеса XXI века становятся: привлечение талантов; поиск, отбор, поощрение высококвалифицированных и мотивированных на работу людей [1].

Значимый вклад в развитие принципов эффективного управления организациями внес С. Кови. Эффективными инструментами достижения успеха, согласно его мнению, являются соблюдение принципов делегирования и доверия, лежащих в основе повышения мотивации труда [2]. С точки зрения М. Портера, эффективная организация – это предприятие с отсутствием сложной вертикальной структуры, он полагает, что успешные организации XXI века представляют собой небольшие мобильные организации, конкурентоспособность которых определяется конкурентоспособностью их экономического окружения[3].

Для современной России эффективная деловая организация – это организация по типу открытой системы, способная в процессе организационного развития адаптироваться к динамично меняющимся и неопределенным условиям внешней среды.

Базовыми принципами управления, принятыми в деловых организациях, функционирующих на основе американской модели менеджмента, являются: создание и поддержание сильного бренда с уникальными преимуществами на рынке; постоянные инновации под будущие запросы клиентов; клиентоориентированный менеджмент; всестороннее внимание к персоналу организаций, продуманная кадровая политика и система управления персоналом; активная социальная позиция.

Азиатская модель менеджмента представлена японской, китайской, южнокорейской, сингапурской и другими национальными моделями, вносящими наибольший вклад в развитие мировой управленческой мысли. Но «классическим» примером азиатской модели, безусловно, является японская модель менеджмента. Японская модель менеджмента выстраивается на приоритете коллективных форм ответственности за результаты управления, отсутствии внутриорганизационной конкуренции, доминировании неформальных, выстраивающихся по типу семейных, управленческих отношений и прямой корреляции между эффективностью компании и благополучием каждого сотрудника организации.

Грамотное использование национальных и ментальных особенностей каждого общества в рамках универсальной и апробированной системы эффективного, наднационального по своей сути, менеджмента является оптимальным механизмом адаптации национальных деловых организаций в условиях глобализации мировой экономики.

В целом, управление в эффективных деловых организациях мира основывается на сочетании экономической, социальной и имиджевой составляющей делового успеха. В неоклассическом менеджменте социальные аспекты в управлении организацией влияют на ее конкурентоспособность на рынке, и потому в странах Западной Европы социальная ответственность бизнеса прошла стадию успешной институционализации, превратившись в устойчивый, рациональный и эффективный социальный институт.

В современной России существуют факторы, которые в одинаковой степени способствуют и препятствуют становлению эффективных моделей менеджмента. Среди препятствующих факторов можно выделить: отсутствие в России стратегии развития и национальной идеи; переходный этап становления рыночной экономики; региональная специфика развития; бюрократические барьеры; технократический подход к управлению, низкий уровень менеджмент-образования; своеобразие организационной культуры и менталитета российского народа. Среди способствующих становлению российской

модели менеджмента факторов следует назвать: интеллектуальный потенциал российского населения; предприимчивость, целеустремленность и креативный потенциал российского народа.

Для реализации имеющихся перспектив в области перехода российских деловых организаций к эффективному управлению на основе адаптации экспортированных управленческих принципов и формирования национальной системы менеджмента имеется ряд преград и барьеров социально-экономического, административного, идеологического и ментального характера. Основная причина заключается в том, что управление в деловых организациях России не выступает источником организационного развития, что и формирует их невысокую адаптивность, конкурентоспособность на внутреннем мировом рынке и устойчивую неэффективность.

При оценке современных российских деловых организаций, в работе наблюдается, что модель менеджмента в России до сих пор находится в стадии своего становления, а потому не имеет четкого характера, с устойчивыми параметрами и функциями. Отмечается состояние незавершенной трансформации отечественных организаций и в целом социально-экономического развития нашей страны. Анализ успешного функционирования и развития таких мировых компаний, как «IBM», «Procter&Gamble», «McDonald's», «IKEA» подтверждает вышесказанное. В России сохраняется значительный разрыв между прогрессивными передовыми российскими компаниями, к числу которых можно отнести ОАО «Газпром», ОАО «Сбербанк», «Росатом» уже внедряющими принципы эффективного менеджмента и освоившимися на рынке, и остальными деловыми организациями, которые не смогли порвать с командно-административным прошлым и демонстрируют архаические, в современных условиях неэффективные, принципы управления.

Литература:

1. Друкер П. Новые реальности. М.: Букембер Интернешенал, 1994.С.25.

2. Кови С., Меррилл Р. Скорость доверия: то, что меняет все. М.: Альпина Паблишер, 2013. С. 260.
3. Портер М. Конкурентная стратегия: методика анализа отраслей и конкурентов. М.: Альпина Бизнес Букс: Компания XXI век, 2007. С. 65.
4. Питерс Т.Дж, Уотерман Р. В поисках эффективного управления. М.: Издательский дом «Вильямс», 2005. С.38.
5. Файоль А. Общее и промышленное управление: Пер. с англ. М.: Контроллинг, 1992. С.21.
6. Щербина В.В. Проблема менеджмента в сфере управления человеческими ресурсами // Социологические исследования. 2003. № 7.
7. Эмерсон Г. Двенадцать принципов производительности // Управление – это наука и искусство. М.: Экономика, 1992. С. 151.

К вопросу о содержании и необратимости процесса трансформации моделей университетов

Обрывалина О.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В настоящее время в публичном дискурсе все чаще звучат высказывания о том, что университет должен трансформироваться, модернизироваться, отвечая вызовам времени. Классическая модель университета, как организации преимущественно реализующей обучение студентов по определенным стандартам и программам коллективом преподавателей-профессионалов, теряет свою привлекательность. Предметом рассмотрения в медиа и научной коммуникации становятся новые формы образовательных организаций, чья деятельность не ограничивается образовательной. Еще в XIX веке, благодаря стараниям В. фон Гумбольдта, появилась модель исследовательского университета, сочетавшего обучение, свободное преподавание и исследования. В середине XX века объектом обсуждений стал предпринимательский университет как активный и самостоятельный участник социально-экономического развития региона и страны в целом, реализующий подготовку

студентов, готовых к предпринимательской деятельности, и собственные бизнес-проекты. Благодаря стремительному развитию ИКТ сегодня можно говорить еще об одной новации – это виртуальный университет, свободный от территориальной и национальной привязки, существующий в интернет-пространстве, студентом которого может стать любой человек, где бы он ни проживал.

На наш взгляд, проблема заключается в том, что о классическом университете, в котором коллектив талантливых преподавателей профессионально занимается обучением студентов, просто забывают. Его воспринимают как пройденный этап, преодоленную ступень эволюции высшего образования. В то время, как к появляющимся новациям относятся не критично, зачастую превознося лишь преимущества новой оболочки образовательного процесса, без детального исследования его содержания.

В данной работе мы обратим внимание на те реальные перспективы, которые есть сегодня у классических российских университетов и их подразделений, в которых именно обучение студентов является приоритетной деятельностью как для самой организации, так и для преподавателей. Но прежде всего подчеркнем, что обсуждение организационных форм не может идти в отрыве от анализа социальной миссии и задач образовательной организации (университета). Первое, что должен сделать каждый университет (и его подразделения) – определить, какова цель его деятельности в современных условиях. И далее с этих позиций оценивать возможные новации в организации самого учреждения и процесса обучения.

Согласно нашему определению, социальная миссия классических университетов заключается в качественном обучении, социализации и культурном воспитании граждан, что служит социальному прогрессу, интеграции общества и трансляции стержневых культурных норм и ценностей. В аспекте же профессионального обучения, университет готовит людей, обладающих широким профессиональным кругозором, базовыми проектными и исследовательскими навыками, способных адаптироваться к различным видам

трудовой деятельности, в том числе выходящей за пределы направления профессиональной подготовки, заниматься преподаванием как на уровне общего, так и профессионального образования. Реализация этих функций обуславливает необходимость существования именно классических, а не исследовательских или предпринимательских университетов.

Далее приведены результаты авторского осмысления перспектив развития классических университетов в России. Выделены четыре причины, определяющие актуальность классического высшего образования, и соответствующие рекомендации для его эффективного функционирования:

Во-первых, спрос на знания, транслируемые университетом, есть и будет только расти в виду увеличения численности потенциальных абитуриентов всех возрастов, роста их уровня жизни и доступности образования (как физической, так и экономической). Тем самым при правильной «упаковке» транслируемых знаний университет может сохранить свою привлекательность. При этом не стоит ограничиваться рамками аудиторных занятий со своими студентами. Следует активно развивать онлайн-курсы (и, при наличии спроса, традиционные очные) для школьников, студентов других вузов, просто интересующихся.

Во-вторых, преимуществом классического университета всегда было сильное социально-гуманитарное образование. Его значимость в современном мире только возрастает. Усложнение социальной жизни бросает вызов субъектам, требуя формирования у каждого актуальных знаний и умений ориентации в стремительно меняющейся социальной реальности. Кроме того, повсеместно в качестве ключевых для профессионалов будущего признаются эмоциональные и социальные навыки (soft skills), а их полноценное формирование неотделимо от освоения социально-гуманитарного знания, аккумулирующего исторический опыт человечества. При этом университет может способствовать формированию «мягких навыков» и необходимых знаний о функционировании и тенденциях трансформации социальной жизни

не только у своих студентов, но и у всех желающих через систему специальных курсов, программ повышения квалификации и т.д.

В-третьих, классическое образование необходимо для подготовки исследователей, способных поддерживать развитие фундаментальной науки. Тем самым классические университет могут взять на себя функцию селекции одаренных и талантливых школьников по всей стране, чтобы в дальнейшем обеспечить благоприятные условия для раскрытия их творческого исследовательского потенциала.

И в-четвертых, представляется, что именно классический университет способен наиболее качественно и полно реализовывать культурную и интеграционную функции образования, транслируя стержневые культурные нормы и ценности и воспитывая достойных граждан, вне зависимости от направления профессиональной подготовки студентов.

Таким образом, говорить о «закате» классического университетского образования, безусловно, рано. Классические университеты должны найти свое место на весьма пестрой карте современного образования, наряду с исследовательскими, предпринимательскими, сетевыми, виртуальными университетами и иными актуальными формами образовательных организаций, и открыто об этом заявить. Подчеркнем, что выбор университетом той или иной модели функционирования и развития должен быть в явной форме и на понятном языке доведен до сведения потенциальных абитуриентов и их родителей. Последние зачастую не имеют полной и достоверной информации о состоянии системы образования, тенденциях её трансформации, особенностях образовательных организаций, программах обучения и проч. Неоднозначность, а тем более полное отсутствие, коммуникационной политики университета будут препятствовать завоеванию своей «ниши» в образовательном пространстве и, как следствие, «конкуренция за абитуриента» будет проиграна. Качественное информирование целевой аудитории, наоборот, обеспечит приток мотивированных (а не «случайных») абитуриентов и позволит университету в дальнейшем наиболее эффективно реализовывать свои задачи.

Трансформация института образования в современных условиях:

Болонский процесс.

Панич Н.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Постиндустриальная эпоха значительно трансформирует социально-политические, экономические и культурные сферы общества. Глобализирующееся сообщество предъявляет новые требования к институту образования, как единому механизму, способному преодолеть границы национального обучения и нацеленному на некую унификацию большинства образовательных систем, то есть создание единого образовательного пространства. Это обусловлено прежде всего развитием глобальной мировой экономики. В профессиональной деятельности все большую роль играет информационный и творческий фактор, возрастает роль краткосрочных проектов, для решения которых выгоднее иметь временные трудовые коллективы вместо постоянного персонала. Исчезает понятие карьеры, сделанной на одном рабочем месте, в штате одного учреждения или предприятия. Однотипность и взаимозаменяемость работников уступает место персонализации профессиональных задач; ценится «нестандартизированный» характер рабочей силы, утрачивается идентификация традиционных видов труда; разрушается замкнутость профессиональных каст, формируются так называемые «плавающие» границы профессий.

Интеграция России в европейское образовательное сообщество пошла по пути присоединения в сентябре 2003 года к Болонскому процессу в Берлине во время саммита европейских министров образования.

Суть договоренностей стран-участниц Болонского процесса можно коротко сформулировать следующим образом: из документов об образовании, выданных в любой стране - участнице Болонского процесса, должно быть ясно, чему именно и в какой степени научился выпускник, какие профессиональные действия он способен совершать и на какую работу его можно принять. В ходе

обучения формируются определенные компетенции, которыми должен владеть выпускник того или иного Вуза. Они вырабатываются благодаря сочетанию различных форм и технологий обучения - когда услышанное на лекции анализируется на семинарских занятиях, проверяется в процессе текущего контроля успеваемости, отрабатывается на практике.

Основополагающей целью Болонского процесса является «содействие мобильности путём преодоления препятствий эффективному осуществлению свободного передвижения». Для этого необходимо, чтобы уровни высшего образования во всех странах были максимально сходными, а выдаваемые по результатам обучения научные степени сопоставимыми. Для соотнесения объема трудозатрат на освоение отдельных образовательных программ, реализуемых в разных странах, существует единая унифицированная система зачетных (кредитных) единиц, не зависящих от форм обучения.

Вхождение в Болонский процесс потребовало от нашей страны реформирования системы обучения в целом и высшего образования в частности. Новое поколение российских образовательных стандартов создано на основе базовых принципов Болонского процесса: с ориентацией на результаты обучения, выраженные в формате компетенций, и с учетом трудозатрат в зачетных единицах. Обязательным условием разработки стандартов было участие в этом процессе профессиональных объединений работодателей, а где это возможно - использование новых профессиональных стандартов для формулирования требуемых компетенций выпускников.

Но самым большим новшеством для отечественной образовательной практики стал «рамочный» характер стандартов нового поколения. На протяжении почти всего XX столетия образовательный процесс в нашей стране велся по так называемым «типовым» учебным планам и программам дисциплин, единым на всем пространстве. Различия в учебных планах вузов не превышали 10—12%. В свою очередь, и предшественники ФГОС нового поколения, государственные образовательные стандарты (ГОС) первого (1997

г.) и второго (2000 г.) поколений в наиболее важном для вузов разделе 4 «Требования к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы» содержали (за отдельными исключениями), жесткий перечень дисциплин, практик и форм отчетности, отступать от которых вуз не имел права. Стандарты контролировали объем (выраженный в академических часах) и содержание каждой из дисциплин.

И все же доля самостоятельности вуза при создании учебного плана (за счет так называемых «региональных» и «вузовских» компонентов образовательной программы и курсов по выбору студента) в 1990-2000-х гг. постепенно росла и составляла в ГОС ВО первого поколения 15-20%, второго поколения - около 30%.

В новом поколении стандартов, ориентированных на реализацию Болонской системы образования, предусмотрено дальнейшее расширение свободы вузов. ФГОС определяет в качестве базовой (обязательной) по набору дисциплин (модулей) лишь половину (50%) образовательной программы бакалавра (для программы магистра так называемая «вариативная часть» составляет более 70%). На первое место поставлены не жестко закрепленные учебные курсы, а требования к формируемым у студента в результате изучения соответствующего цикла дисциплин компетенций. Содержательное наполнение второй (вариативной, или профильной) половины образовательной программы становится прерогативой вуза, в помощь которому компетентными группами экспертов должны быть созданы ориентировочные (рекомендованные) «примерные основные образовательные программы» по конкретным направлениям подготовки.

Подобный принцип построения стандарта позволили вузам разрабатывать новые образовательные программы с учетом потребностей местного рынка труда, научных и образовательных традиций, собственных методических наработок, инноваций и т.п. А это, в свою очередь, ведет к разнообразию

образовательных программ на территории Российской Федерации. Здесь же заложена и возможность создания программ, совместимых с европейскими.

Внедрение Болонских принципов в систему российского высшего образования нельзя охарактеризовать как однозначно положительный процесс. Расширение свободы вузов ведет к размыванию требований, предъявляемых к выпускникам высшего учебного заведения. Теряется специфика российского образования, построенного в лучших традициях немецкого классического университета. Уходит в прошлое получение определенной профессии, специализированных знаний, умений и навыков. Процесс унификации образовательных программ, ставящей целью высокую мобильность студентов, на деле оказывается одним из способов выезда талантливой молодежи за границу на постоянное место жительства.

Общество постмодерна приводит к значительным изменениям в структурных элементах целого, затрагивая и образование, как основу интеллектуального будущего нашего государства. Поэтому основной задачей высшего образования при его колоссальных трансформациях является все же попытка сохранить лучшие традиции классического университетского образования в России.

К вопросу о сущности института социальной ответственности бизнеса

Петренко С.Н., Бессарабов В.О.

Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, Донецк

В современных условиях управленческие решения, направленные на снижение социальной напряженности, улучшение качества жизни населения, защиту окружающей среды, участие в преодолении социальных проблем приобретают особую актуальность. Все это свидетельствует о росте значимости социальной ответственности при формировании стратегических интересов бизнеса.

Сущность, развитие и классификация социальных институтов в целом и характеристики отдельных институтов, их структура, функции и т.д. раскрыты в трудах таких зарубежных ученых, как М. Вебера, Т. Веблена, П.Бергера, Т. Лукмана, Э. Дюркгейма, Э. Гидденса, М. Кастельса, Н. Лумана, Ч.Р. Миллса, Т. Парсонса, Г. Спенсера, Дж. Хоманса. Среди российских ученых, занимающихся исследованием обозначенных проблем, следует отметить работы Н.Я. Данилевского, М.М. Ковалевского, П.А. Сорокина, Н.Н. Михайловского и других.

Анализируя зарубежную и отечественную литературу по проблемам социальной ответственности бизнеса и высоко оценивая имеющиеся разработки, необходимо признать, что определённый круг вопросов изучен недостаточно досконально. Должное значение не уделено институциональному подходу к изучению социальной ответственности бизнеса, не отражена взаимосвязь двух важных основополагающих институтов современного общества: экономических и социальных, а также роль и специфика институционализации таких отношений, которые свойственны современному бизнесу.

Отсутствие должного освещения в научной литературе теоретических и практических разработок в данном направлении обуславливает цель исследования, которая заключается в определении сущности социальной ответственности бизнеса с позиций институционального подхода.

В результате изучения экономического поведения отдельных индивидов, следует отметить, что традиционный институционализм и неоинституционализм акцентируют внимание на различных аспектах влияния институтов на индивида. В рамках неоинституционализма предполагается, что институты формируют ограничения действий индивидов, делая их более упорядоченными. По определению Д. Норта, «институты — это правила, механизмы, обеспечивающие их выполнение, и нормы поведения, которые структурируют повторяющиеся взаимодействия между людьми. Таким

образом, институты ограничивают и определяют спектр альтернатив, доступных экономическим агентам...» [1, с. 73].

Представители традиционного институционализма изначально предполагают, что институты влияют на сознание индивида, его предпочтения и потребности. Так, по мнению Т. Веблена, потребности и желания, цели и намерения индивидов во многом определяются институтами [2, с. 93].

Дж. Ходжсон характеризует институты как «структуры, которые обладают свойством преобразовывающей нисходящей причинной связи и которые действуют на укоренившиеся привычки к определенному образу мышления и поведения. Возможности и ограничения, связанные с институциональными структурами, могут провоцировать изменения в мышлении и поведении... Это, в свою очередь, связано с переменной индивидуального восприятия, целей и предпочтений» [6].

В свою очередь, экономический институт можно охарактеризовать как совокупность формальных и неформальных норм и правил, регулирующих поведение людей в экономической сфере деятельности [4].

Основываясь на вышеизложенном, можно утверждать, что институт социальной ответственности бизнеса имеет все характеристики экономического института, причем установление «норм и правил» может происходить как на законодательном уровне, так и на уровне отдельно взятого субъекта хозяйствования. Также институт социальной ответственности бизнеса может являться базисным экономическим институтом, так как одной из целей его функционирования в конечном итоге является оптимизация прибыли.

В соответствии с интерпретацией понятий «социальный институт» [3, 7], с учетом институционального подхода, социальная ответственность бизнеса обладает всеми признаками социального института, так как представляет собой:

- 1) совокупность социальных ролей (субъекты хозяйствования выступают в роли «создателей» социального эффекта, заинтересованные стороны – в роли «получателей» социального эффекта);

2) совокупность обычаев и традиций данного общества, а также норм поведения, регулирующих социально ответственную деятельность.

В этой связи можно утверждать, что институт социальной ответственности бизнеса, наряду с присущими ему характеристиками экономического института, также имеет признаки социального института. Главным признаком такого «социального института» является то, что институт социальной ответственности, функционируя в рамках системы норм и правил, а также различных социальных ролей, делает действия субъекта хозяйствования целесообразными, полезными и разнонаправленными.

В свете сказанного выше отметим, что институт социальной ответственности бизнеса является социально-экономическим институтом, под которым необходимо понимать форму организации деятельности субъекта хозяйствования, которая обуславливается комплексом норм, ценностей, процедур и принципов, а также наличием материальных и других ресурсов, что в совокупности обеспечивает удовлетворение интересов всех групп заинтересованных сторон на взаимовыгодных условиях с целью достижения как экономических, так и социальных результатов.

Таким образом, роль института социальной ответственности бизнеса заключается, прежде всего, в том, что образцы поведения, которые им создаются, составляют основу необходимых «правил игры» для долгосрочных перспектив бизнеса. Построение долгосрочных взаимоотношений между бизнесом и обществом позволяет согласовывать разнообразные интересы социальных субъектов (включенных в сферу деятельности бизнеса) и тем самым преодолевать антагонистическую природу их взаимоотношений, оказывать влияние на изменения в обществе, улучшать показатели деятельности, повышать инвестиционную привлекательность бизнеса.

Литература:

1. Норт Д.К. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д.К. Норт. – М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 118 с.
2. Веблен, Т. Теория делового предприятия / Пер. с англ. – М., 2007. – 288 с.
3. Герасимчук А.А. Социология [Текст] : курс лекций. / Герасимчук А.А., Шиян О.М. - К. : ЭУФИМБ, 2000. 88 с.
4. Економічна енциклопедія: У трьох томах. Т. 2 / Редкол.: С.В. Мочерний (відп. ред.) та ін. – К.: Видавничий центр «Академія», 2001. 848 с.
5. Ayres С.Е. The Theory of Economic Progress 1st ed. Chapel Hill, N.C.: University of North Carolina Press, 1944.
6. Hodgson G.M. Darwinism in Economics: From Analogy to Ontology // Journal of Evolutionary Economics. 2002. № 12 (3). P. 259–281.
7. Lundberg G., Schrag C, Largen O. Sociology. N. Y., 1968. P. 709.

Институционализация доверия в организации: управленческий аспект

Поздеева Е.Г.

*Северо-западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Россия, Санкт-Петербург*

Доверие в российском обществе в течение последнего времени остается проблемой. При высоком уровне проявления доверия высшему руководству страны россиянам свойственно не доверять государственным органам и структурам и оставаться скорее осторожными в межличностных отношениях. Дальнейшее развитие доверия требует учета механизмов, способствующих процессам, происходящих на личностном, организационном и институциональном уровне. Представляется, что именно организационное влияние, создание благоприятных условий в организационных системах и в коллективной деятельности людей является сегодня доступным и динамичным основанием для упрочения культуры доверия и расширения пространства

доверительных отношений.

В.В. Радаев подчеркивает, что доверие служит основой «низовых» неформальных экономических и социальных отношений в обществе, способствующих образованию социальных сетей [1]. Ф. Фукуяма рассматривает доверие как социальный капитал, сетевая форма проявления которого может рассматриваться как новая корпоративная версия спонтанной организации, источником которой, в свою очередь, является спонтанная социализированность, способствующая развитию гражданского общества [2]. Социальный капитал поддерживает потенциал общества, позволяет «экономить» на формализации отношений, заменяя формальности моральным консенсусом, общим видением, стремлением к достижению взаимовыгодных решений. С. Кови подмечает, что организационные процессы уже не идут преимущественно по линии иерархических централизованных структур, требующих воздействия «снаружи – вовнутрь», а объективно разворачиваются «изнутри наружу», вытекая из культурных, этических, символических оснований [3]. С. Кови раскрывает динамику доверия, прибегая к модели волнового эффекта, «от личности - во внешний мир», по ступеням: способность вызывать доверие (личность), поведение (доверие в отношениях), согласованность (организационное доверие), репутация (доверие на рынке), участие (общественное доверие) .

Динамические аспекты доверия как его технологические характеристики выделяет Дворянов А.А., обращаясь к анализу практики общения в организации. Он рассматривает доверие как процесс, состоящий из 5 фаз: доверительные экспектации, доверительное восприятие, доверительные коммуникации, доверительное сотрудничество, доверительное сообщество[4]. Последняя фаза – институциональная, характеризуется тем, что в сообществе формируются и закрепляются собственные правила и нормы.

Доверие пронизывает организацию, оно формируется на трех уровнях:

Общественном - макротехнологии поддержания и развития;

Организационном - корпоративные технологии поддержания;

Личностном - микротехнологии доверия в межличностном взаимодействии.

Поддержание межличностного доверия связано с вербальными и невербальными способами общения, с их специфическим сочетанием в рамках организационных культур. Развитие технологий доверия в организационных процессах происходит в системе взаимосвязи трех элементов: стратегического доверия, персонального доверия и внутрикорпоративного идентификационного доверия. В стратегическом ракурсе организация заботится о своей деловой репутации, стремится сохранить имидж надежной, хорошей компании, что в свою очередь зависит от степени открытости корпоративной информации. Персональное доверие – это, прежде всего, доверие, возникающее и поддерживаемое по линии отношений между руководителем и персоналом, а также в межличностной сфере. Внутрикорпоративное доверие является результатом проявления корпоративной идентификации, воплощения корпоративного дизайна, требует высокого уровня информационного менеджмента. Известно, что уровень доверия повышается с ростом информированности и получением качественной информации. В противном случае ситуация недоверия мешает исполнять функции и роли, выполнять поручения, поддерживать инициативу.

На доверие влияет характер институциональной среды организации, в которой находят отражение ключевые характеристики персонала, поведенческий репертуар, коллективистские или индивидуалистские установки, наличие социальной поддержки, удовлетворенность качеством жизни. Со стороны макросреды на организационное доверие влияют социальные институты, роль которых в последнее время значительно трансформируется. Так, например, поле для возникновения новых ожиданий создают государство, рынок. Также семья при ее меняющейся роли в современном обществе становится объектом сильных притязаний и последним оплотом доверительных устремлений.

Внимание к технологическим аспектам доверия вызвано потребностью

реализовать его функциональный потенциал. Представляется, что главным признаком управления доверием в организации, является развитие доверия менеджменту. Менеджмент здесь выступает как гибкая профессиональная система, функционирующая в совокупности элементов, связей и процессов, находящаяся в руках специалистов и лидеров, создающая поле институционализированных ожиданий и ценностно-нормативного порядка, поддерживаемая участием и приверженностью работников. Для запуска системы в доверительном режиме требуются: механизм гибкого и оперативного закрепления правил и норм в порядке регуляции поведения, информационная открытость и управление потоками информации согласно потребностям уровней и процессов; создание должностной (ролевой) поддержки процесса институционализации доверия с отслеживанием актуальных тенденций; отношение к конфликту как к драйву развития и атмосфера достижения соглашений. Можно сказать, что важным шагом для совершенствования управленческих систем в этом направлении является формирование и укрепление инфраструктуры доверия.

Литература:

1. Радаев В.В. Социология рынков: к формированию нового направления. М.: ГУВШЭ, 2003.
2. Фукуяма Ф. Доверие: социальные добродетели и пути к процветанию: пер. с англ. М.: АСТ, 2004.
3. Кови-мл С., Мерилл Р. Скорость доверия: То, что меняет все / С. Кови-мл., Р. Мерилл; Пер с англ. – М.: Альпина Паблишерз, 2010. – 425с.
4. Дворянов А.А. Доверие в системе социального управления М., 2006. <http://cheloveknauka.com> (Дата обращения 23.04.2016)

Социометрический подход к оценке эффекта от стандартизации

Преображенская Т.В.

Новосибирский государственный технический университет,

Россия, Новосибирск

Результативность институционального подхода (ИП) в экономической жизни общества доказана его широким общественным признанием. Это и Нобелевские премии создателям теории и тысячи исследований и публикаций по теме. За последние два десятка лет стало понятно, что использование ИП в решении экономических проблем гораздо эффективнее и результативнее чисто экономических и политических подходов. Дальнейший эконометрический анализ количественно подтвердил это утверждение [1]. Стандартизацию в полной мере можно назвать институциональным инструментом, ее используют в мировом сообществе и в России для совершенствования продукции, процессов, деятельности организаций и для управления изменениями [2,3]. Однако, если стандарты не узаконены как регламенты, они с трудом принимаются людьми - часто из-за сопротивления нововведениям. Одним из сильных аргументов преодоления сопротивления является иллюстрация доказательства эффективности их использования. Однако эффект влияния стандартов очень трудно измерить существующими количественными подходами (причины этого - социальная природа явления, - затраты на организацию количественного учета могут превосходить эффект от использования и др.).

В таких условиях полезным оказывается социометрический подход, опирающийся на анкетирование и экспертные оценки [4-6]. Современные методики оценки экономических преимуществ стандартизации опираются на процессное описание деятельности организации и использование экспертиз [7]. В работе [7] показано, что затраты на стандартизацию составляют, в лучшем случае, 4% - 5% (имеют размах от 0,2% до 4% - 5%) от общих затрат на производство продукции (для материальных производств). Рассмотрим для примера ситуацию с внедрением новых стандартов в организации. В

Новосибирском государственном техническом университете (НГТУ) создана информационная система (ИС) для дистанционной работы студентов. В рамках этой системы унифицированы (стандартизованы) правила разработки электронных учебных методических комплексов (ЭУМК). Одним из них является работа [8] (СПС: ЭУМК/ Преображенская Т.В., НГТУ.- Новосибирск, 2015. Рег. свидетельство ОФЭРНИО № 20761. - Режим доступа:

<http://dispace.edu.nstu.ru/didesk/course/show/4129>). Однако внедрение нового стандарта в деятельность преподавателей с трудом преодолевает сложившиеся традиции (и дело вовсе не в использовании ИС, так как все преподаватели в полной мере владеют современными ИТ). Сделана попытка оценить эффект от использования ЭУМК как стандарта в деятельности студентов и использовать это как дополнительный аргумент в защиту нововведений. Но воспринимают ли студенты ЭУМК в ИС НГТУ как корпоративный стандарт? Оказывает ли он влияние на деятельность студентов, и, если да, то как использование ЭУМК (только как стандарта без учета дистанционной работы) влияет на затраты времени при изучении дисциплин? Для получения ответов на эти вопросы была разработана анкета (фрагмент анкеты в Приложение А). Собраны данные (108 анкет) среди студентов разных курсов факультета бизнеса НГТУ направлений Прикладная информатика и Бизнес-информатика. Графическая иллюстрация результатов обработки анкет представлена на рисунках приложения Б).

Результаты анкетирования показали, что больше половины студентов (61% анкетированных) воспринимают ЭУМК как стандарт вуза. Ответы всех студентов свидетельствуют, что использование ЭУМК (только как стандарта без учета пользы от дистанционной работы) влияет на затраты времени при изучении дисциплины (гистограммы распределения ответов сдвинуты влево, в сторону уменьшения - рисунки в Приложении Б). В количественном выражении эффект от использования стандарта приблизительно (в пересчете по шкале Друкера) равен от 1,5% - 3% от общих затрат времени студента [6]. Эта цифра вполне соответствует исследованиям в работе [7]. Это не много, но и

немало, если подсчитать все затраты времени на изучение всех дисциплин, и это аргумент в защиту использования нового стандарта организации.

Такой прием оценки влияния стандартизации, по-видимому, заслуживает внимания. Он может быть использован как иллюстрация применения социометрических методов в оценке влияния факторов на качество в учебном процессе (при подготовке студентов направлений Бизнес- и Прикладная информатика). И в дальнейшем, при самостоятельной профессиональной деятельности специалисты по бизнес-аналитике могут использовать приемы институциональной экономики для построения моделей организаций и социометрические методы для оценки влияния факторов.

Литература:

1. Институциональная экономика: новая институциональная экономическая теория: Учебник/Под общ. ред. д.э.н, проф. А.А. Аузана. - М.: ИНФРА -М, 2010.-416с.-(учебники экономического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова).
2. Концепция развития национальной системы стандартизации Российской Федерации на период до 2020 года (одобрена распоряжением Правительства РФ от 24 сентября 2012 г. N 1762-р) [Электронный ресурс]. - Режим доступа: http://standard.gost.ru/wps/portal/lut/p/c4/04_SB8K8xLLM9MSSzPy8xBz9CP0os3gLNzeXUFNLYwMLD1dLA09vR39DD68g4-BAI_2CbEdFACiQY_Q!/ .- Загл. с экрана.
3. Преображенская Т.В. Информационный менеджмент [Текст]: учебник/Т.В. Преображенская. - 2-е изд., испр. и доп. - Новосибирск: Изд-во НГТУ, 2011. - 244с. (гриф УМО - рекомендовано).
4. Литвак Б.Г. Экспертные технологии в управлении: Учебн. пособие.-М.: Дело, 2004. - 400с.
5. Измерение в социологии : [учебное пособие для вузов] / Ю. Н. Толстова. - М.: КДУ, 2007. - 287 с. ил., табл.
6. Маркетинговые исследования: теория, методология и практика : учебник / Е. П. Голубков.М.: Финпресс, 2008. 496 с. ил., табл. 4-е изд., перераб. и доп.

7. Экономические преимущества стандартизации: международные целевые исследования/ Междунар. орг. по стандартизации.- Нижний Новгород: Юнион Принт, 2011.-296с. ил., табл.
8. Преображенская Т.В. РТО «Справочно-правовые системы: Учебно-методический комплекс»//.Навигатор в мире науки и образования. 2016.
9. №1(30). С. 228-231.

Модели сетевых структур и формы контроля

Рахманова Ю.В.

*Российский государственный педагогический университет имени А.И.Герцена,
Россия, Санкт-Петербург*

Современное общество можно охарактеризовать как, с одной стороны, глобальное, с другой – построенное по принципу сетевых структур. Совмещая эти две характеристики, можно сказать, что наиболее адекватными формами современного сложного производства благ и услуг являются сетевые структуры, которые выходят за пределы национальных границ.

В работе К. Бартлетта и С.Гошал «Управление между границ» [1, Р. 55-64] рассматриваются следующие модели таких сетевых структур.

1. Мультинациональная структура. Здесь центральный офис рассматривает свои филиалы как совокупность независимых подразделений, которые конкурируют, но не контактируют друг с другом. Каждый филиал обладает высокой степенью самостоятельности, ориентируется прежде всего на свой национальный рынок. Взаимодействие между центром и конкретным филиалом осуществляется по следующей схеме: центр осуществляет финансовый контроль; совместно с филиалами вырабатываются принципы использования прибыли и ресурсов. Данная модель наиболее полно реализует дихотомию «глобальное-локальное» [Подр. см. 2]. Связи между отдельными филиалами напрямую данной моделью не предусмотрены.

2. Интернациональная сетевая структура. В данной модели предпринимается попытка совместить сильный центр и достаточную степень

самостоятельности филиалов; центр аккумулирует ресурсы для разработки эффективных технологий (как производственного процесса, так и самого процесса управления); филиалы, в свою очередь, ответственны за внедрение и адаптацию этих разработок. У филиалов достаточные ресурсы, но и высокая степень ответственности, т.е. оперативное управление остается за филиалами, а вопросы стратегии и контроля – за центром. Горизонтальные связи между филиалами практически отсутствуют.

3. Глобальная сетевая структура. Данная модель является примером жесткой вертикальной структуры: центр контролирует свои филиалы. Вопрос об открытии нового филиала – это вопрос минимизации издержек для оптимального управления. Филиал рассматривается не как самостоятельный субъект отношений, а прежде всего как поставщик ресурсов. При этом подразумевается наличие глобального рынка, на который нужно поставлять унифицированные товары и услуги, практически не учитывающие локальную специфику потенциальных потребителей. Связей между филиалами нет.

4. Транснациональная модель предлагается как оптимальная, так как она предполагает устойчивые и равноценные связи между центром и филиалами, усиленные горизонтальными связями между филиалами. Данные связи характеризуются К.Бартлеттом и С.Гошал как достаточно жесткие и интерактивные. Предложенная модель наиболее адекватна современным транснациональным компаниям, опирающимся как на логику информационного процесса, так и соответствующую этому процессу диалогическую модель управления.

Новая логика сетевых структур диктует и новые принципы управления, включая и такую его составляющую, как социальный контроль. Рассмотрим известные формы социального контроля с точки зрения соответствия новым требованиям сетевых структур [Подробнее о формах социального контроля см.: 3].

1. Внешний контроль – это классическое понимание контроля, как наблюдения, отслеживания и, если необходимо, корректировки через санкции

чьих-либо действий. Данный вид контроля характеризуется жесткостью, необходимостью постоянного воспроизводства «контролеров». В результате мы получаем своеобразную «пирамиду контролеров» и практически неразрешимый вопрос «кто контролирует контролеров?». Этот контроль в большинстве случаев неэффективен и чрезвычайно затратен, кроме того он побуждает контролируемых к пассивному и безответственному поведению. Такой форме контроля из рассмотренных выше соответствует глобальная сетевая структура.

2. Внутренний контроль: нормы, правила интериоризируются объектом контроля, т.е. «контролер» проникает внутрь контролируемого. В отличие от предыдущей формы контроля, данная модель более экономна, с точки зрения ресурсозатрат, но требует доверия контролера (в нашем случае центра) к филиалам. С некоторыми оговорками к такому типу контроля можно отнести мультинациональную структуру.

3. Контроль через идентификацию с референтными группами: здесь контролируемым демонстрируются желательные или должные варианты осуществления деятельности. Например, в интернациональной структуре даются общие технологические разработки (как в менеджменте, так и в производственном процессе); филиалы их воспринимают и «доводят до ума». Хотя наличие административного контроля предполагает использование и первой формы контроля – внешнего.

4. Контроль как множество возможностей: контроль осуществляется посредством демонстрации и поощрения множества возможностей достижения цели. Транснациональная структура, предполагающая активное взаимодействие не только центра и каждого филиала, но и сотрудничество между филиалами, наличие двусторонних связей, возможность совместного принятия решений, может служить моделью, представляющей именно такую форму контроля как доминирующую при фрагментарном использовании некоторых элементов и трех других форм контроля.

Литература:

1. Bartlett Ch. A., Ghoshal S. Managing across Borders. The Transnational Solution. Second ed. – Boston; Massachusetts: Harvard Business School Press, 2002.
2. Кастельс, М. Информационная эпоха: Экономика, общество и культура. – М.: ГУ ВШЭ, 2000.
3. Рахманова Ю.В. Социальный контроль в современных условиях // Актуальные проблемы политологии и социологии: Герценовские чтения 2000: сборник теоретических докладов. - СПб., Изд-во РГПУ им. А.И.Герцена, 2000. - С. 156-158.

Влияние дискурсивных интернет-технологий на динамику общественных движений

Ребров А.А.

Московский государственный институт международных отношений (Университета) МИД России, Россия, Москва

В научный оборот термин «социальное движение» был введен немецким социологом Л. Фон Штейном в 1850 г [2, стр.184]. В дальнейшем его толкование зависело от взглядов того или иного исследователя на проблематику социальных движений [5, р.426].

А.Тюрэн задается вопросом о том, являются ли общественные движения особым объектом или центральной проблемой социологического анализа, может ли социология, уделить им внимание [3 стр. 55]. Ответ на него предлагают две основные современные теории, посвящённые общественным движениям. Теория коллективного поведения, в ее рамках причиной возникновения общественных движений является структурная напряженность [2, стр. 185]. И теория социального действия, где движения - акторы социальных изменений, обладающие характерной организационной структурой, методами действий. Я в след за А.Туреном, соглашусь с тем что, концепция социального действия должна быть центральной в анализе общественной жизни [3, стр. 10], и буду рассматривать современные движения

как агентов социального действия, так как они обладают специфическими формами организации, имеют рациональный характер.

Кроме того, И. Халий указывает на то, что европейская социологическая школа разработала парадигму новых общественных движений [4, стр. 12-14]. Учитывая, что по З.Бауману регламентированность общественной жизни «потекла» и человек сам определяет то, как он будет действовать [7, р.8], открылась дорога новым способам социальных изменений – новым общественным движениям. Однако современные движения - сложное явление, вобравшее в себя элементы различных теорий, в том числе теории мобилизации ресурсов [6], поэтому как утверждает И.Халий, при рассмотрении движений необходимо использовать синтез разных подходов [4, стр. 12–14], но опираться в основном на концепцию новых социальных движений и теорию социального действия.

Указанные движения функционируют в обществе, которое З.Бауман называет текучим, А. Турен программированным, другие постиндустриальным, информационным, главной информационной инфраструктурой которого является Интернет. Общественная жизнь западного и в значительной степени российского социумов, находится под его сильным воздействием. Различные институты общества, в том числе общественные движения, создают в социальных сетях сообщества через которые пользователи, вовлечены в функционирование данного института, а также обсуждают вопросы его функционирования. При этом Интернет содержит широкие возможности отслеживания коммуникативного поведения пользователей и препарирования циркулирующей среди них информации, причем не только в рамках упомянутых групп, но и формально независимых виртуальных объединений, общественно-политических движений, прежде всего. На их функционирование в электронной сети различные заинтересованные институты могут влиять посредством предоставления их членам определенной "информационной диеты", основанной на применении комплекса дискурсивных интернет-технологий. Кроме того, функционирование общественных движений в сети

может подвергаться не только субъективно-целенаправленному, но и объективно-направленному воздействию. При этом субъективно-целенаправленное воздействие может проводиться как со знаком минус так и со знаком плюс. Среди обоих видов дискурсивных технологий можно выделить следующие:

Ориентирование поисковых алгоритмов пользовательских компьютеров в пользу ресурсов, оппонировавших данному движению, или в пользу ресурсов, поддерживающих данное движение;

- модифицирование сетевых политических дискуссий через агентское участие институтов в них (боты – ложные пользователи) [9];

- трансмиссия на личные страницы и электронные адреса членов движений и их неформальных сторонников обзоров политических новостей, по форме – составленных с учетом интересов обоих типов общностей, но содержащих альтернативную "повестку дня";

- создание в социальных сетях внешне привлекательных форумов, с дискурсом вроде бы аналогичной сетевой коммуникации в рамках наиболее востребованных общественно-политических движений, но в действительности продиктованной иными кодами восприятия информации.

Создание и распространение вирусных изображений или текстов – мемов, которые могут иметь как мобилизующий эффект на участников движения, так и оппонировать данному движению [1].

- алгоритмы Facebook оказывают деструктивное влияние на идентичность общественного движения в сети, приводит к его фрагментации и распаду [8].

Основные выводы:

1. В условиях адаптации общественно-политических движений к электронно-сетевой инфраструктуре социума значительная часть социальной активности происходит в сети Интернет.

2. Сам Интернет не является нейтральным полем деятельности, так как в его фундамент изначально заложены некоторые смещения и структуризация

общения - распространяемых сообщений и информации.

4. Происходит корректировка информационной повестки и социального поведения отдельно взятого пользователя. Он погружается в мембрану, в которой отсутствует подлинное многообразие политических интересов.

5. Дискурсивные интернет-технологии деформируют аутентичную политическую коммуникацию. Они выступают в роли регулятора социального поведения, оказывая влияние на формирование идентичности движений – одного из ключевых факторов, определяющих динамику общественно-политических движений.

6. Существует как объективно-неизбежное, так и субъектно-целенаправленное влияние на динамику общественно-политических движений, при котором задействуются соответствующие технологии.

Литература:

1. А.А. Азаров, Е.В. Бродовская, А.В. Вахромеева, А.А. Глазков МЕМЫ И СОЦИОИНЖЕНЕРНЫЕ АТАКИ В ВИРТУАЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ Труды СПИИРАН. 2013. Вып. 7(30) Стр. 88-89.
2. Елисеев С. М. Политическая социология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М. : Издательство Юрайт, 2016. — 412 с.
3. Турен А. Возвращение человека действующего очерк социологии. М.: «Научный мир», 1998. – 204 с.
4. Халий И.А. Современные общественные движения: инновационный потенциал российских преобразований в традиционалистской среде. М.: Институт социологии РАН, 2007. – 300 с.
5. Lewis M. Killian Social movements. Handbook of modern sociology Edited. Chicago: Rand McNally and Co., 1964. P. 426-455.
6. McCarthy, John; Zald, Mayer N. (May 1977). "Resource Mobilization and Social Movements: a Partial Theory". American Journal of Sociology 82 (6): 1212–1241.

7. Zygmunt Bauman, *Liquid Modernity*. Cambridge: Polity Press. 2000. - 232 pages.
8. Il popolo viola [Электронный ресурс]. <https://web.facebook.com/popviola/info/> (дата обращения 20.12.2015).
9. Social Network Analysis Reveals Full Scale Of Kremlin's Twitter Bot Campaign [Электронный ресурс]. URL: <https://globalvoices.org/2015/04/02/analyzing-kremlin-twitter-bots/> (дата обращения 27.09.2015).

**Социальные изменения в организациях:
переход к ответственному лидерству**

Рыбина К.С.

*Национальный исследовательский ядерный университет «МИФИ», Россия,
Москва*

В настоящее время существенное воздействие на становление корпоративной культуры оказывает развитие глобализации, в результате которой у работников корпораций и вообще у населения возросло отрицание, нежелание принимать социальное расхождение, вызванное направленностью отдельных корпораций только на увеличение прибыли, также возросло недовольство экологическим безразличием многих компаний. Все это последовательно дало толчок к тому, что компании пришли к заключению о неизбежности создания концепции социальной ответственности, основанной на вовлечении в нее всех ведущих игроков делового общества, соблюдающих принципы и нормы цивилизованного бизнеса. Для России эта проблема является острой, очень важной, так как сейчас особенностью корпораций в стране является несоразмерно высокая доля сырьевого сектора, т.е. топливно-энергетических и металлургических компаний, причиняющих немалый экологический ущерб окружающей среде.

В настоящее время все больше компаний переходят к концепции корпоративной социальной ответственности бизнеса и ответственному

лидерству. Следовательно, с переходом организации на новый уровень, управленцы также должны менять свое отношение к менеджменту, они должны становиться ответственными лидерами. То есть лидер к своим обычным качествам должен добавлять ответственность, этичность, заботу об обществе.

Какие задачи стоят перед ответственным лидером? Первое это поддержание и одобрение творческой инициативности, креативности работников. В динамичных, быстро реагирующих на внешние вызовы компаниях такой подход к делу, такое отношение к работе становится главным требованием ко всем разрядам сотрудников и ко всем уровням руководства. Инновационность производства повышается, а интеллектуальный капитал развивается, если в компании создана обстановка твердой убежденности и веры работников в том, что их плодотворная деятельность действительно рассматривается и признается руководством.

Во-вторых, все сотрудники должны быть проинформированы о целях компании, чтобы иметь определенное представление направленности усовершенствования своей деятельности и сосредоточении своих трудов на выполнении новых заданий в соответствии с планами руководства.

Также ответственному лидеру стоит учитывать национальные, социальные качества работников в процессе создания общего корпоративного духа, который требуется в связи с мульти-культурным характером экономической деятельности компаний.

Вдобавок ко всему лидерам необходимо создавать условия, в которых работники смогут сами определять, как их производственные возможности могут быть совмещены с целями компании и приобрести новые виды сотрудничества.

Компаниям нужно устанавливать доверие к себе, а для этого необходимо увеличивать прозрачность бизнес-практик, измерять и демонстрировать положительное влияние компании на социальную жизнь общества и окружающую среду, создавать инновационные продукты и бизнес-модели для устойчивого развития. Участие в проектах в сфере устойчивого развития и

социальной ответственности как раз на стратегическом уровне имеет большое значение для поддержки конкурентоспособности компании, для поддержания репутации, имиджа, результативного риск-менеджмента, привлечения усердных работников.

Сегодня компании как и прежде уязвимы перед публичным мнением и общественной критикой. Для того чтобы оградить имидж и репутацию бизнеса от бесчисленных рисков и угроз, а управленцев – от натиска и вмешательства в процесс принятия бизнес-решений извне, необходимы прозрачность и соответствие всем правилам и стандартам бизнес-практики, поддержка высшего руководства компаний, от которых зависит материальное благополучие и преуспевание сотрудников, равновесие между собственными интересами и потребностями общества, взаимодействие идей корпоративной социальной ответственности и ответственного лидерства как с общей стратегией бизнеса, так и с основной, производственной деятельностью, четкая постановка целей бизнеса во внутренних и внешних коммуникациях – эти и другие аналогичные способы помогут компаниям создать твердые основания для надежной, стабильной деятельности в современном мире и обеспечить своей социально ответственной практикой настоящий успех компании.

Бизнес должен иметь более возвышенную цель, чем просто заработок для собственников, это и есть ответ на все вопросы, возникающие сегодня во многих компаниях. В наше время деловому миру нужны по-настоящему ответственные лидеры, только они смогут сделать модель ответственного лидерства востребованной и устойчивой в современных реалиях в крупных корпорациях.

Изучение феномена инновационности в контексте ценностей российской деловой культуры

Свердликова Е.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Для решения задач опережающего развития и перехода к новому, технологическому укладу, России предстоит справиться со сложными задачами. Для решения этих задач у нас имеются важные ресурсы развития. Во-первых, мы имеем передовой научно-технический уровень в медицине, ядерной физике, в атомной промышленности, в ракетно-космических технологиях, в инженерии. Во-вторых, в характере нашего народа есть важные традиции инновационной активности.

Многие исследователи отмечают, что русский народ всегда поражал многосторонностью своих способностей. Ему свойственны высокая религиозная одарённость, способность к высшим формам опыта, наблюдательность, теоретический и практический ум, творческая предприимчивость, изобретательность, тонкое восприятие красоты, которые выражаются, как в повседневной жизни, так и в великих творениях науки и искусства. [1,183]

Самобытность русских, как свидетельствуют наши философы первой волны эмиграции, проявляется в жажде, поиске абсолютного добра. Именно это свойство является источником и различного опыта, и упражнений разнообразных способностей. Отсюда - естественно возникает богатое развитие духа и обилие дарований. К западноевропейской культуре Россия приобщилась только при Петре, но быстро усвоила её и начала творчески развивать. В 18-19 веках в России творят выдающиеся учёные: М.В.Ломоносов, Н.И.Лобачевский, М.В. Остроградский П.Л.Чебышев, П.Н.Лебедев, Н.Е.Жуковский, Д.И.Менделеев, В.И.Вернадский, И.П.Павлов, П.Н.Яблочков, А.С.Попов и др. После революции во всех школах всех стран мира дети русских эмигрантов по способностям и успехам были первыми учениками. Практический ум русского человека реализовался в быстром и успешном развитии промышленности и

инженерного дела, в середине 19 – начале 20 века. Сметливость русского крестьянина и рабочего замечалась многими. А практический ум русского народа нашёл воплощение в пословицах и поговорках, собранных В.И.Далем в своей книге. Кустарное народное искусство содержит в себе немало проявлений талантливости. [1,185] Опираясь на указанные свойства русского характера и размышляя о современных формах его проявления, можно обозначить несколько важных выводов, связанных с темой инноваций.

На первый взгляд, наше исследование не связано с темой инноваций, т.к.проходило в рамках изучения традиций и ценностей российской деловой культуры. Однако, на основе анализа таких документов, как биографии известных российских предпринимателей и советских хозяйственных деятелей, удалось подтвердить уже не на теоретическом, а на эмпирическом уровне отмеченные выше качества русского народа. А именно, что инновационность, или особый тип делового поведения, является важной чертой русского характера. Это свойство и различные формы его проявления: в виде увлечённости какой-либо идеей, смекалистости, неспособности жить без «сверхзадачи», умения выжить в сложных условиях, проявляя при этом, чудеса изобретательности, склонности к штучной и уникальной работе, а не к массовой, монотонной, что обусловлено и потребностью в сверхзадаче, и традициями индивидуального ремесленничества крестьян (промыслов). Если, в эпоху традиционной России, смекалистые мастеровые, описанные Лесковым в образе Левши, не всегда находили себе применение. То, в эпоху НТП и превращения науки в непосредственную производительную силу, это свойство русского характера проявилось гораздо шире. Результатом чего можно считать создание и реализацию уникальных научных и технических проектов: ядерного, авиационного, ракетно-космического и др. Выделив, наряду с другими, эту важную черту русского характера, мы определили её как ценность российской деловой культуры. А затем, в целях изучения её преимущества в современном деловом поведении, проанализировали отражение указанной темы в зеркале российских СМИ. Для решения этой задачи был применён

метод контент-анализа. Объектом исследования стала массовая текстовая совокупность, составленная на основе российской бизнес-периодики, 2013-2015гг. В выборочную совокупность вошли статьи из деловых и общественно-политических изданий, отражающих деловое поведение российского бизнес-сообщества. Исходная категория исследования - «ценности российской деловой культуры», а одна из содержательных характеристик исходной категории - «инновационность». Единицами счёта или эмпирическими индикаторами выступили суждения о современных научных прорывах в бизнесе, и просто – о научных идеях, которые уже существуют, но ещё не нашли своих инвесторов, о превращении научных и любых других идей в бизнес, о прорывах в научной организации труда, об открытиях производственного бизнеса, об опытах и научных экспериментах на конкретных предприятиях. Исследование проходило в несколько этапов. Первый этап охватывал публикации 2013-2014гг. В результате проведения процедур квантификации и подсчёта частоты встречаемости всех содержательных и формальных характеристик получены следующие данные.

В 2014г. проанализировано 47334 строки о российском бизнесе, из них – 18878 строк – о ценностях российской деловой культуры, или 39,8%. В этом объёме, удельный вес информации об инновационных характеристиках делового поведения составил 10,8%.

Второй этап исследования проходил в 2015 г. и охватывал публикации бизнес-периодики, лишь осенних месяцев 2015 года. Проанализировано было значительно меньше информации: 10960 строк о российском бизнесе. Удельный вес информации о ценностях российской деловой культуры составил 35,5%. В этом объёме, удельный вес информации об инновационных характеристиках делового поведения составил 24,5%. Полученные данные, говорят о возрастании внимания коммуникатора к отражению темы инновационности. Если в 2014 году, эта тема занимала 6-ю позицию в иерархии внимания коммуникатора к теме ценностей российской деловой культуры, то, по данным 2015 г. тема инноваций занимает первое место. Можно утверждать,

что этот факт свидетельствует о возрастании интереса коммуникатора к теме инновационности, как - характеристике делового поведения, что, в свою очередь, отражает тенденции и запрос времени.

Какие выводы ещё можно сделать на основе полученных данных. Принято считать, что феномен инновационности является индикатором развития, изменения общества и, обычно, он противопоставляется традиции. Однако, на основе данных исследования, которое проводилось в рамках темы традиций российской деловой культуры, удалось выявить, что инновационность является традиционной базовой ценностью делового поведения русских; во-вторых, инновационность русских имеет самобытный уникальный характер. В-третьих, инновационность, как свойство русского характера воспроизводится в современном деловом поведении русских. Поэтому, дальнейшее осознание и использование самобытности российской инновационной активности можно рассматривать как важный социальный фактор опережающего развития.

Литература:

1. Н.О. Лосский. Характер русского народа. М, 2005. С. 183-186.

Социальный институт образования и науки:

динамика эволюции в нестабильных условиях меняющегося мира

Селезнёв И.А.

Институт социально-политических исследований РАН, Россия, Москва

Методологически данная работа исходит из положений функционализма, сформулированных Т. Вебленом. Социальный институт понимается как совокупность общественных обычаев, норм, устоявшихся привычек поведения, образ мысли и образ жизни, передаваемый из поколения в поколение. Возникает социальный институт из необходимости удовлетворения социальных потребностей общества и на пути своего развития претерпевает несколько стадий эволюции [1; 200-201, 217]. Динамика социальных институтов включает

взаимосвязь следующих процессов: жизненный цикл института от момента его зарождения до исчезновения/трансформации; функционирование зрелого института, выполнение всех его социально значимых функций, появление и преодоление дисфункций; эволюция института, изменение вида, свойств, формы и содержания на историческом отрезке времени, возникновение новых и отмирание старых функций и дисфункций, как явных, так и латентных. Преобладание латентных функций над явными свидетельствует о кризисе и дезорганизации социального института.

Социальный институт образования возник как ответ на коллективную потребность в передаче и получении знаний, в социализации подрастающего поколения, подготовке профессиональных кадров. Зарождение системы образования как самостоятельного социального института относится к периоду раннеклассового общества. И, с точки зрения динамики, социальный институт образования на пути своей исторической эволюции претерпел, по крайней мере, четыре жизненных цикла: (1) в эпоху античности, (2) в средневековье; (3) в эпоху Возрождения, Реформации, Великих географических открытий, Нового времени, Просвещения; (4) эпоху промышленной революции и развития крупной машинной индустрии. На каждом из этих циклов институт образования проходил фазы формирования, пика эффективности, бюрократизации и кризиса, дезорганизации, когда он терял свой динамизм, гибкость и жизнеспособность; вслед за чем институт каждый раз трансформировался, вынужденно преобразовывался в новый, отвечающий потребностям современности.

С конца XX в., на заре постиндустриальной эпохи мы снова можем засвидетельствовать кризис системы образования как социального института. В мировом масштабе возрастает диспропорция и в расходах на образование и в уровне образования между бедными и богатыми странами. Если рассмотреть динамику российской системы образования в современных условиях, можно обнаружить особенности связанные как с мировыми тенденциями в появлении дисфункций и латентных функций системы образования, так и кризисные

тенденции, специфически характерные для постсоветского пространства. Основными факторами, описывающими сегодняшнюю российскую (и шире постсоветскую) систему образования выступают четыре разнонаправленных вектора: (1) глобализация (трансграничное образование, присоединение к «болонскому процессу», ориентация на «индекс цитирования» и т.п.); (2) стремление к сохранению национальной идентичности; (3) коммерциализация и прагматизация образования; (4) структурный дисбаланс между подготовкой специалистов вузами и их целевым трудоустройством.

Обнажаются латентные функции социального института образования. Сегодняшние вузы превратились в учебно-сервисные комплексы, предлагающие услуги не только образовательные, но и сугубо социальные, например, молодые люди получают законную отсрочку от призыва в армию. По результатам опросов российского студенчества, проведённых ИСПИ РАН, за последние полтора десятилетия среди мотивов получения высшего образования у студентов преобладает стремление стать сделать карьеру, получить интересную профессию, получить диплом, стать материально обеспеченным, но менялась иерархия приоритетов, ранги значимости с I до IV. Обратим внимание на принадлежность к числу доминирующих чисто формального мотива поступления в вуз – необходимость получения диплома (варьировалось по разным годам от 39% до 47% респондентов) [2; 116-117] [3; 12-15].

Преодоление кризиса образовательной системы требует очередного радикального обновления, социального конструирования, которое даст возможность возродиться данному социальному институту. Если в условиях глобализации национальный интерес в существенной степени связан с поиском государством достойного места в мировом разделении труда. то если мы станем говорить (в терминологии «циклов Н.Д. Кондратьева») о переходе к 6-му технологическому укладу, то не должны забывать, что он подразумевает конвергенцию нано-, био-, информационных и когнитивных технологий, т.е. включает высокие гуманитарные технологии. Таким образом, на смену понятий «трудовые резервы», «кадровая политика» должно прийти понятие

«человеческого капитала», а сфера образования должна войти в число важнейших приоритетов, поддерживаемых государством. Это требует революционных перемен в содержании образования, направленных на то, чтобы они отражали достижения современной НТР, постиндустриального технологического уклада.

И наконец, в условиях провала как политики «плавильного котла», ассимиляции и интеграции инокультурных иммигрантов в европейские «гражданские нации», так и фиаско пришедшей ей на смену политики мультикультурализма и толерантности социальный институт образования, должен дать ответ на вызовы предложив модели как сохранения европейской национальной, культурно-этнической и религиозной идентичности так и межцивилизационного и транскультурного диалога.

Литература:

1. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984. С. 200-201, 217.
2. Ковалёва Т.В., Селезнёв И.А. Российская модернизация и реформа высшей школы// Россия: модернизация системы управления обществом. М.: ИСПИ РАН, 2012. С. 116-117.
3. Селезнёв И.А. Национальные интересы и реформа высшей школы// «Ректор вуза», 2012, №6. С. 12-15.

Политические процессы в контексте институционального кризиса и формирования новых политических систем

Слинько А.А.

Воронежский государственный университет, Россия, Воронеж

Монополизация крупным корпоративным бизнесом политических институтов постепенно привела к стиранию различий между главными политическими партиями [1]. Как отмечал В.Я. Швейцер, «Схема – левые-правые-центр не работает» [2]. Институциональный кризис ударил, прежде всего, по такому ключевому политическому институту, как политические

партии. Ярким свидетельством тому стали события на Пиренейском полуострове. Так, две ведущие силы Испании – Испанская социалистическая рабочая партия и Народная партия не смогли сформировать правительство. При этом две альтернативные политические силы «Подemos» – левые и «Граждане» – правые не смогли способствовать урегулированию кризиса [3]. Возник феномен «государство без правительства» означающий, что раскачать лодку в стране не дает институт монархии, доставшийся Испании от глубокого Средневековья. Странная, но характерная для политической истории Испании смесь анархизма и монархизма вновь выступила на первый план, выявив тенденцию архаизации политической жизни.

Португалия дала несколько иную модель институционального кризиса – модель «правого-левого равновесия». Романтическая традиция «единой левой» смогла возродиться на фоне деградации социальной системы. В итоге, в стране было сформировано правительство социалистов и коммунистов, объединившихся с другими левыми и левацкими группировками. При этом, институт президентства остался в руках правых социал-демократов, что обеспечило стране некоторую, во многом иллюзорную стабильность. Феномен «правительства левых сил» возник в Европе в конце 30-х годов на волне антифашистского единства, а потом сразу после Второй мировой войны, в Португалии он имел место после «Революции гвоздик» 1974 г. Ныне отчетливо фиксируется переломный момент политической истории страны.

Глубочайший институциональный кризис разворачивается в Великобритании, но фиксируется он в несколько иных формах, характерных для традиций островного королевства. Во-первых, в стране в рамках лейбористской партии полностью развалился и практически исчез «новый лейборизм» - продукт синтеза некорпоративистских стратегий и несоциалистических тенденций в лейборизме. Левые лейбористы победили абсолютно, не оставив ни одного сторонника Т. Блэра и Г. Брауна в руководстве партии. Во-вторых, абсолютную победу на парламентских выборах одержали шотландские националисты, получив все места в

шотландском парламенте. В-третьих, Д. Кэмерон удержался у власти только благодаря перехвату предвыборных лозунгов Партии независимости британских островов Н. Фараджа – представителя ультраправого спектра политики [4]. Старый конфликт Великобритании и Германии возродился в идее референдума о выходе страны из ЕС, при этом глобальный кризис лишь усугубляет проблему. Таким образом, Великобритания остается верной себе – ищет прагматический выход из тупиковой ситуации, осуждая неолиберальный популизм, прислушиваясь к национализму, но сохраняя некий здравый смысл.

В Германии А. Меркель – представительница блока ХДС/ХСС в 2008-2016 гг. совершила головокружительный скачок от признания необходимости «мира без Америки» в разгар кризиса 2008 г. до следования прямым указаниям США в 2014-2016 гг. вплоть до утраты своего политического лица. В итоге 2016 год ознаменовался электоральной катастрофой для ХДС/ХСС. Иммигрантский кризис подогрел правопопулистские настроения и на региональных выборах победу одержала «Альтернатива для Германии». Сохранение этой политической тенденции может привести к поражению партий «Большой коалиции» на всеобщих выборах, а это означает разрыв со всей послевоенной политической традицией страны.

Политическая катастрофа разразилась в первой декаде XXI в. в Италии. Последовал масштабный крах правых и правоцентристских элит во главе с С. Берлускони, которые доминировали на политической арене страны последние 20 лет. У власти на посту премьер-министра и на посту президента утвердились наследники коммунистов – представители Демократической партии, а роль квазиоппозиции стало выполнять движение «Пять звезд» - сетевая организация во главе с комическим актером Грилло. Модель «нестабильного левоцентризма» временно сцементировала Италию, но здесь работает скорее наследие последнего «великого левого страны» экс-президента Д. Наполитано – представителя легендарной серии партизан-президентов, в молодости участвовавших в антифашистской борьбе. Собственных политических побед у нынешних левоцентристов мало, и Италия может оказаться, как и в начале 90-х,

перед лицом краха очередной, на этот раз Второй республики.

Во Франции особенностью правления социалистов во главе с Ф.Олландом стал постоянный демонтаж социального государства, с одной стороны, и крах национальной системы безопасности – с другой. Социалистическая партия и руководство поэтапно сдавали социальные завоевания французского народа корпорациям и допустили масштабные теракты в Париже, несмотря на многочисленные предупреждения. В стране идет дело к институционализации правонационалистического и правореспубликанского мегатренда, что объективно оставит практически все левые тенденции за скобками политической жизни.

Наиболее глубокий крах пережила политическая система Греции, где движение «Сириза» вытеснило из политической жизни как правоцентристов, так и левоцентристов. Причем, правительство левых популистов продержалось у власти на протяжении двух всеобщих выборов, доказав состоятельность альтернативной политики.

Таким образом, можно говорить о начале формирования новых политических систем на всей территории Европы. Можно выделить следующие контурные черты постглобалистской Европы.

Первая. Формирование альтернативного политического мегатренда. В Греции таким мегатрендом оказался левый популизм. В Германии на это место претендуют правые.

Вторая. Новая особенность этих политических систем – равновесие. Так, в Португалии правый президент уравнивается левым правительством. В Испании правые популисты из «Граждан» уравниваются левыми из «Подemos». В Великобритании антиевропейская линия правых популистов уравнивается право-левым элитарным консенсусом лейбористов и консерваторов, а шотландский сепаратизм компенсируется проевропейской линией шотландцев.

Третья. Общий кризис правящих и правых, и левых проевропейских политических партий институционализировал умеренные антиевропейские силы.

Четвертая. Возникла реальная возможность полного переформатирования политических систем стран Западной Европы. Возникает попытка по-новому решить в том числе конституционные вопросы. Реален отказ от основ Пятой республики во Франции, переход к Третьей республике в Италии и к Четвертой в Португалии.

Пятая. На повестке дня формирование новой европейской идеологии, в которой уже не будет ощущаться американское влияние и мультикультуралистские ценности.

Шестая. Возникает шанс для Европы войти в более широкий тренд нелиберальных демократий, которые делают больший упор на социальной справедливости, а также обеспечивают поворот Европы к евразийскому вектору развития, тесно связанному с усилением экономических гигантов АТР.

Литература:

1. Крауч К. Странная не-смерть неолиберализма / К. Крауч. - М.: Дело, 2012. - С.152-188.
2. Роль социального государства в условиях экономического кризиса: европейский опыт и Россия М.: Весь мир, 2009 - 143 с.
3. El Pais 5. IV. 2014
4. Авилова А., Гутник А., Квашнин Ю., Оленченко В. Тоганова Н., Трофимова О. Выборы в Европарламент – 2014 // Мировая экономика и международные отношения. 2014. № 11. С. 5-20.

Исследование предпринимательства в постиндустриальной экономике

Смирнов В.П.

Дальневосточный федеральный университет, Россия, о.Русский

Изучение предпринимательства происходит в условиях динамичного развития методов научного познания, а также объекта, предмета, субъекта исследования.

В развитии науки, возникающей как социальный феномен в Новое время,

выделяются три этапа. Два первых этапа (классический и неклассический) завершились, наука вступила в третий постнеклассический этап с присущим ему типом научной рациональности. На этом этапе наука пытается не просто объяснить процессы, происходящие в окружающем мире, в том числе, в предпринимательстве, но предвосхитить их развитие, связать внутринаучные цели с социальными ценностями.

В экономике и в обществе происходят количественные и качественные изменения – идет процесс формирования постиндустриальной экономики и постиндустриального общества, происходит переход от преимущественного воздействия людей на природу или на видоизмененную природу к преимущественному взаимодействию людей друг с другом [10]. Соответственно, и в предпринимательстве усиливается контактная (межличностная) составляющая.

Специалисты отмечают приращение теоретических знаний и прогресс научных представлений о предпринимательстве. Развиваются три традиционных подхода к предпринимательству: шумпетерианский [8], чикагской школы [6] и австрийской школы [5].

Все большее признание и распространение получают современные трактовки предпринимательства. Так, под предпринимательством понимается новый вход [17]; создание нового предприятия [18]; создание новых организаций [13]; целенаправленная деятельность по инициированию, поддержке и развитию ориентированного на прибыль бизнеса [11]; процесс, посредством которого индивиды самостоятельно или в рамках организаций преследуют возможности вне зависимости от того, контролируют ли они в данный момент соответствующие ресурсы [21]; получение преимуществ от возможности таких новых комбинаций различных ресурсов, которые оказывают влияние на рынок [22]; процесс создания чего-то отличного по своей ценности, связанный с посвящением этому необходимого времени и усилий, с учётом сопровождающих процесс финансовых, психологических и социальных рисков и получением в результате отдачи в виде денежного и морального

удовлетворения [14]; открытие и использование прибыльных благоприятных возможностей для создания частного богатства и, как следствие, для создания общественного богатства [20]; конкурентное поведение, которое движет рыночным процессом и состоит во внедрении новой экономической деятельности, приводящей к изменениям рынка [3]; процесс создания ценности путем формирования уникального набора ресурсов через реализацию открывающейся возможности [7, с. 12].

Отмечается активное использование предпринимателями социальных сетей для привлечения необходимых ресурсов и расширения возможностей [9].

Разрабатываются сравнительно новые проблемы предпринимательской ориентации фирм, ищущих и реализующих новые возможности для создания ценности [19, р. 771].

Тем не менее, в научной литературе признается отсутствие общепризнанной трактовки содержания и сущности предпринимательства. П. Друкер пишет, что путаница в определениях предпринимателя и предпринимательства сохраняется [4]. Б. Карлоф отмечает, что экономическая теория до сих пор не имеет единой концепции, адекватно описывающей поведение предпринимателя [15]. А. Агеев указывает, что сохраняется полисемантизм понятия «предпринимательство» [1], А. Бусыгин признает отсутствие общепринятой экономической теории предпринимательства и общепринятого его определения [2]. На отсутствие единства подходов в этом вопросе указывают Г. Ландстрем, Г. Харирчи, Ф. Острем [16].

Причина сложившегося положения состоит в том, что предпринимательство на начальных стадиях развития постиндустриального общества еще не достигло зрелого состояния и сохраняет потенциал развития в обозримом будущем.

В этих условиях к познанию предпринимательства как динамично развивающегося процесса целесообразно применить интегративный подход, в наибольшей степени соответствующий новому типу научной рациональности. Системный подход может быть определен как интегративный подход, если он

органично включает в свой состав процессный, функциональный, ситуационный, целевой, рефлексивный, синергетический и другие методологические подходы.

Литература:

1. Агеев, А.И. 1991. Предпринимательство: проблемы собственности и культуры. Москва: Наука. 112 с.
2. Бусыгин, А.В. 1997. Предпринимательство. Основной курс. Москва: ИНФРА-Москва. 608 с.
3. Давидссон, П. 2014. Исследуя предпринимательство. – М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 399 с.
4. Друкер, П. 1992. Рынок: как выйти в лидеры. Практика и принципы. Москва: Book chamber international. 349 с.
5. Кирцнер И.М. 2001. Конкуренция и предпринимательство / Пер. с англ. Под ред. Проф. А.Н. Романова. Москва: Юнити-Дана. 239 с.
6. Найт, Ф. Х. 2003. Риск, неопределенность и прибыль. Москва: Дело. 360 с.
7. Широкова, Г.В. 2011. Управление предпринимательской фирмой. СПб.: Изд-во «Высшая школа менеджмента». 384 с.
8. Шумпетер, Й. 1982. Теория экономического развития. Москва: Издательство Прогресс. 455 с.
9. Aldrich H., Zimmer C. 1986. Entrepreneurship Through Social Networks. Sexton D., Smilor R. (rds.) The Art and Science of Entrepreneurship: Cambridge. MS: pp. 3–23.
10. Bell D. 1976. The Cultural Contradictions of Capitalism. N.Y.
11. Cole, A. 1949. Entrepreneurship and entrepreneurial history. In: Change and the Entrepreneur, Research Center in Entrepreneurial history. Harvard University Press; Cambridge, MA; pp. 88-107.
12. Covin J. G., Slevin D. P. 1989. Strategic management of small firms in hostile and benign environments. Strategic Management Journal. Vol. 10, no. 1: pp. 75–87.

13. Gartner, W. 1988. –“Who is an entrepreneur?” is the wrong question. American Small Business Journal. Vol. 12. 4: 11-31.
14. Hisrich, R. D., Peters M. P. 1989. Entrepreneurship, Irwin, Homewood, IL.
15. Karlof, B. 1989. Business Strategy. A Guide to Concepts and Models. MacMillan Reference Book. 240 p.
16. Landstrom H., Harirchi G., Astrom F. 2012. Entrepreneurship: Exploring the knowledge base. Research Policy. Vol. 41, pp. 1154–1181.
17. Lumpkin, G., Dess G. 1996. Clarifying the entrepreneurial orientation construct and linking it to performance. Academy of management Review. Vol. 21 (1): 135-172.
18. Low, M., MacMillan I. 1988. Entrepreneurship: Past research and future challenges. Journal of Management. Vol. 14: 139-161.
19. Miller D. 1983. The correlates of entrepreneurship in three types of firms. Management Science. Vol. 29, no. 7, pp. 770–791.
20. Shane, S., Venkataraman S. 2000. The promise of entrepreneurship as a field of research. Academy of management review. Vol. 25 (1): 217-226.
21. Stevenson, H., Jarillo J. 1990. A Paradigm of Entrepreneurship: Entrepreneurial Management. Strategic Management Journal. Vol. 11: 17-27.
22. Wiklund, J. 1998. The Sustainability of the Entrepreneurial Orientation – Performance Relationship. Entrepreneurship Theory and Practice. Vol. 24: 37-48.

**Политико-управленческие идеи к проектированию стратегии духовно-
нравственного преобразования российского общества, формирования рос-
сийского нравственного государства**

Теребихин В.М.

Общественная палата Республики Коми, Россия, Сыктывкар

Актуальность проектирования и осуществления политики духовно-нравственного преобразования российского общества детерминируется необходимостью преодоления сложившейся системы противоречий между кризисным состоянием духовно-нравственных процессов в российском

обществе и отсутствием эффективной государственной политики в этой сфере, с одной стороны, и между системной комплексностью проблем духовно-нравственного развития и узковедомственным характером государственного управления этими процессами, с другой.

Интегральной и интегративной характеристикой современной духовной ситуации в России, духовно-нравственного состояния нации, является духовно-нравственный кризис.

Духовно-нравственный кризис как составная часть общего системного антропологического кризиса, номинируется автором, как интегративная целостность, система относительно самостоятельных, но когерентных, взаимозависимых и взаимообусловленных кризисов: комплекса идентификационных кризисов (в том числе, кризиса социокультурной идентичности), «глубокого мировоззренческого, экзистенциального кризиса» (С.А.Храпов), ментального кризиса, «тяжелого психологического кризиса» (А.Л. Журавлев, А.В. Юревич), «рефлексивной катастрофы» (В.Е. Лепский), «общей кризисности интеллектуального пространства культуры» (В.А.Конец), ценностного кризиса общественного сознания постсоветской России, телеологического кризиса, кризиса доверия, кризиса условий продуктивной трансляции социокультурного и экзистенциального опыта, нормативного духовно-нравственного поведения» населения, кризиса системы воспроизводства морали, а также, кризиса (дисфункциональности) традиционных фидуциарных институтов – субъектов, призванных генерализировать ценности, транслировать идентичности и обеспечивать создание условий для духовно-нравственного развития населения: традиционной семьи (семейных отношений), массового образования (прежде всего, его аксиолого-воспитательных функций), масс-медиа, кризиса политики в сфере воспитания, обеспечения воспитательной функции государства, кризиса системы межпоколенческих отношений и др.

Духовный антропокризис свидетельствует о системных ошибках в государственном управлении, низком уровне научной обоснованности, а,

следовательно, и соответствующем качестве и эффективности реализации государственных политик, которые должны создавать условия для духовного развития социума.

По нашему мнению, в систему действий органов государственной власти и управления по демпфированию духовного кризиса, духовно-нравственного преобразению страны необходимо включить следующий комплекс первоочередных научно-организационных и государственно-управленческих решений:

В-первых, разработать и принять государственную доктрину «Формирование российского нравственного государства в XXI веке». Одним из теоретических оснований данной государственного документа высшего уровня может быть основательное научное (и пока единственное в гуманитарном научном пространстве России) монографическое исследование «Нравственное государство. От теории к проекту» Центра научной политической мысли и идеологии [1].

В государственно-управленческом «преломлении», понятие «нравственное государство», рассматривается нами, как «государство, в котором нравственная государственная власть («верховная», исполнительная, законодательная, судебная, правоохранительная), высший политический класс, система государственной службы и управления страны), обладая ресурсами и качествами духовной власти и высоким уровнем морально-политической легитимности, морально-компетентностного авторитета, политической этики и нравственности (превосходящей общий уровень и стандарты нравственного развития современного российского социума): осуществляет эффективное «нравственное государственное управление» (В.В.Ложко) системной научно-обоснованной, нравственной «человекоориентированной» государственной мегаполитикой, включающей, социокультурной политику духовно-нравственного развития народа, идейно-символическую политику наследия и памяти, фелицитарную политику, политику обеспечения духовной, нравственной, информационно-психологической безопасности населения,

политику управления «психологическим тонусом народа» (В.Э.Багдасарян), антикриминальную, антинаркотическую, антикоррупционную политики, обеспечивает «возрождение духовного, культурного кода нации» (Патриарх Кирилл), мобилизацию духовной «иммунной системы страны» (С.С.Сулакшин), «подъем духовных энергий» национального сознания (Агеев А.И.), «духовно-нравственную консолидацию общества» (Л.А.Гореликов), духовно-нравственное преображение, расширенное воспроизводство условий для свободного духовно-нравственного развития граждан.

Во-вторых, осуществить при активном скоординированном участии научных институтов РАН и научной общественности, институтов гражданского общества, в том числе, Общественной палаты РФ, проектирование и принятие концепции «Духовное преображение России в XXI веке» а, также, концепций и целевых программ государственных политик, обеспечивающих создание условий для духовного развития российского социума в том числе: политики духовного развития народа (Сулакшин С.С.), культурной политики, государственной образовательной политики, «политики в области воспитания подрастающего поколения» (Путин В.В.), политики в сфере государственно-конфессиональных отношений, свободы совести и вероисповедания, политики в сфере укрепления межпоколенческой толерантности и социальной солидарности, духовно-нравственной гуманистически ориентированной информационной политики, политики в сфере духовной безопасности, в том числе, информационно-психологической (В.Е.Лепский), «консциентальной» (М.Крупнов), идентификационной безопасности, политики безопасности в сфере идейно-мировоззренческого состояния общества, символической политики, государственной исторической политики, политики профилактики экстремизма, антикоррупционной, антикриминальной политики и ряда других гуманитарных, человекоориентированных субполитик.

В-третьих, для формирования институциональной системы государственно-общественной модели осуществления политики духовно-нравственного преображения рекомендуется создать

общественно-государственный Совет при Президенте Российской Федерации по проблемам духовно-нравственного развития для координации деятельности органов государственной власти и институтов гражданского общества в осуществлении политики духовно-нравственного развития страны. Подобные структуры необходимо также сформировать на региональном и муниципальном уровнях.

Литература:

1. Нравственное государство. От теории к проекту / Сулакшин С.С., Багдасарян В.Э., Вилисов М.В., Нетесова М.С., Пономарева Е.Г., Сазонова Е.С., Спиридонова В.И / под общ. ред. С.С. Сулакшина. М., Наука и политика, 2015 г. 424 с.

Корпоративные социальные инвестиции как фактор управления трансформацией организаций

Трегуб И.В.

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Россия,
Москва*

Развитие корпоративной социальной ответственности (КСО) в российском бизнесе в целом соответствует общемировой тенденции постепенной интеграции принципов КСО в корпоративную стратегию, перехода к идеологии социальных инвестиций, отвечающих долгосрочным интересам общества и бизнеса, что в конечном итоге приводит к определенной трансформации организаций.

Инвестирование в социальные проекты не направлено на получение дополнительной прибыли, однако реализация подобных проектов может привести к возникновению бизнес эффекта, который, в данном случае, понимается как польза основной деятельности компании от реализации благотворительных и социальных программ.

Впервые о социальной ответственности корпораций и эффекте влияния финансирования социальных проектов на прибыль компании упоминал Милтон Фридман в работе "The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits" (пер. «Социальная ответственность бизнеса заключается в увеличении своей прибыли») [1]. Позднее данная тематика получила широкое освещение в работах других исследователей, к числу наиболее значимых относятся труды Самуэльсона, Вильямса, Розенберга и др. [2-7]

На получение прибыли, а также на другие основные экономические показатели Компании, помимо традиционных факторов, значительное влияние оказывают факторы, не имеющие непосредственного отношения к производственно-хозяйственной и сбытовой деятельности предприятия. Для обеспечения экономической эффективности предприятиям недостаточно производить качественные товары и услуги, необходимо также активно участвовать в решении социальных проблем собственного персонала и местного сообщества, системно выстраивать отношения с деловыми партнерами, акционерами, средствами массовой информации, органами власти, потребителями, различными общественными группами.

Такие инвестиции рассматриваются обычно не как единичные мероприятия, целями которых служит ослабление восприятия сообществом негативных последствий деятельности компаний, а как проекты, проводимые на постоянной основе. Именно такие действующие программные мероприятия, могут привести к возникновению положительного социального эффекта.

В Российской Федерации развитие социально-ответственного бизнеса только начинает развиваться. Одновременно у компаний возникает потребность в анализе и оценке социальных инвестиций, которые являются основной формой выражения социальной ответственности компаний.

Особое значение социальные инвестиции приобретают для нефтегазовых компаний, деятельность которых оказывает существенное влияние на окружающую среду и местное сообщество, а реализация проектов по добыче ископаемых сопровождается высокими рисками реализации.

Деловая репутация - показатель, представляющий величину нематериальных активов Компании. Как и прочие нематериальные активы данный показатель входит в финансовый отчет Компании, отражается в бухгалтерском балансе (являются частью оборотных активов Компании) и, в итоге, является частью стоимости Компании.

Чем выше деловая репутация Компании, тем выше инвестиционная привлекательность, финансовые показатели, цена акций и капитализация. Компания проще может получить кредиты на развитие бизнеса, она становится выше в рейтинге кредитоспособности и рейтинге социально-ответственных компаний, повышается уровень лояльности к Компании в регионе и в целом по стране, растет доверие.

Исследуя взаимосвязь показателя деловой репутации и корпоративных социальных инвестиций, мы, в первую очередь, должны определить наличие функционального характера данной зависимости, что может быть осуществлено посредством корреляционно-регрессионного анализа.

Общий вид аналитической зависимости показателя «Деловая репутация» компании от величины социальных инвестиций может быть представлен логистической функцией

$$Y = \frac{k}{1 + be^{-ax}}$$

где k , b и a - оцениваемые коэффициенты, при этом k - уровень насыщения

Особое значение представляет интерес влияния доли выручки, идущей на социальные инвестиции, на деловую репутацию. Это, как относительный показатель, наиболее универсален. То есть решаемая задача ставит перед нами вопрос: «Какая доля прибыли, идущая на социальные инвестиции, влияет на деловую репутацию Компании и каким образом?»

Общий вид модели выглядит так

$$Y = 9,76 \frac{X_{\text{си}}}{X_{\text{выручка}}} + \varepsilon$$

(0,56)   (62,9)

$$R^2 = 0.96, F = 287,8$$

где отношение величины социальных инвестиций к выручке ОАО «Лукойл» и есть интересующий нас относительный показатель. Как видно из результатов, коэффициенты в модели значимы. 96% общей дисперсии признака Y объясняется в рамках построенной модели. Это указывает на то, что подобранная модель обладает высоким качеством спецификации, является адекватной и хорошо аппроксимирует исходные данные. Кроме того, показатель средней ошибки равен 18,9%, что говорит о достаточно хорошей точности модели.

Анализ модели позволяет сделать вывод, что увеличение доли социальных инвестиций в выручке Компании на 1% увеличивает показатель деловой репутации ОАО «Лукойл» на 9,76%.

Полученная модель может быть использована для прогнозирования величины бизнес эффекта, то есть изменения величин основных экономических показателей в зависимости от изменения объема социальных инвестиций в ОАО «Лукойл». Дальнейшие исследования могут быть направлены на изучение влияния величины социальных инвестиций на другие показатели компании.

Литература:

1. Friedman, Milton. "The Social Responsibility of Business is to Increase its Profits". The New York Times Magazine. 1970.
2. McWilliams, Abigail; Siegel, Donald. "Corporate social responsibility: A theory of the firm perspective". Academy of Management Review 26 pp. 117-127.
3. McWilliams, Abigail; Siegel, Donald; Wright, Patrick M. Corporate Social Responsibility: International Perspectives. Working Papers. Troy, New York: Department of Economics, Rensselaer Polytechnic Institute. 2006.

4. McWilliams, Abigail; Siegel, Donald "Corporate social responsibility and financial performance: correlation or misspecification?" *Strategic Management Journal* 21 (5) pp. 603-609.
5. Samuelson, Susan S. *Introduction to Business Law*. Cengage Learning. 2009.
6. Трегуб И.В. Оценка эффективности социальных инвестиций с применением корреляционно-регрессионного анализа // *Управленческие науки*. 2014. № 4. С. 62-66.
7. Трегуб И.В., Трубникова Н.И. Оценка влияния корпоративных социальных инвестиций на показатели основной деятельности компании // *Материалы докладов Всероссийской научно-практической конференции «Проблемы анализа и моделирования региональных социально-экономических процессов»*, 22-23 апреля 2010. - Казань, КГФЭУ, 2010. - С.291-294.
8. Трегуб И.В. *Математические модели динамики экономических систем: Монография*. М.: Финакадемия, 2009.
9. Система СПАРК <http://www.spark-interfax.ru/Front/Index.aspx>

**Мобильность трудовых ресурсов в условиях неравновесного развития
рынка труда**

Третьякова Л.А.

*Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Россия, Белгород*

Мобильность трудовых ресурсов – это качественная характеристика компетентностного профиля трудового потенциала работника, определяющая его фактическое или потенциальное движение по различным сферам и направлениям приложения труда в экономике, вызываемого социально-экономическими причинами смены места официального трудоустройства. В современных условиях развития системы образования, компетентностный подход выступает как инструмент формирования системно-оценочного подхода к объективизации трудового потенциала работников, так как представляет собой методолого-аналитические структурированные

формализации требований социально-экономической системы к высококачественной трудовой деятельности через подбор совокупности компетенций, представляющих собой объективно-контролируемые описания интеграции компонентов трудового потенциала работника и его проявлений в социально-трудовых отношениях на рабочем месте. При этом компетентность - это объективно-измеримая интегральная характеристика личности, определяющая ее способность предлагать многовариативные решения проблем и типичных задач, возникающих в реальных жизненных ситуациях, с использованием знаний, эмпирического опыта, ценностей и наклонностей. Исследователи в области компетентностного подхода, сходятся в том, что отличие компетентного специалиста от квалифицированного в том, что первый не только обладает определенным уровнем знаний, умений, навыков, но способен реализовать и реализует их в профессиональной деятельности. В условиях глобализации развития экономических систем, к которым относится и рынок труда унифицированный подход к оценке трудового потенциала через компетентностный профиль позволяет оптимизировать плотность миграционных потоков, делая акцент на мобильности трудовых ресурсов.

Мобильность трудовых ресурсов следует расценивать как положительное явление, объективно необходимое для устойчивого развития рынка труда, поскольку мобильность, основанная на компетентностном подходе определяет качество совокупного трудового потенциала общества, способствует сбалансированному развитию рынка труда и повышению эффективности использования трудовых ресурсов за счет их перераспределения.

Рассматривая рынок труда как экономическую систему, необходимо учитывать, что социально-инфраструктурные характеристики той или иной территории определяют степень замкнутости локальных рынков труда. Уровень и качество развития социальной сферы и инженерной инфраструктуры региона и территории играет ключевую роль для развития мобильности трудовых ресурсов как важнейшего качественного признака ее рыночной стоимости,

подтверждающей целостность базовых элементов рынка труда – цены трудовых ресурсов, спроса и предложения. [1, 2]

В связи с этим качественные и количественные характеристики развития рынка труда являются следствием мобильности трудовых ресурсов, посредством трудовой миграции, а также определяют компетентностные требования и условия роста мобильности трудовых ресурсов, что находит отражение в динамике тенденций развития рынка труда.

Причинами неустойчивого и неравновесного развития рынка труда являются не только специфические условия реализации трудового потенциала населения, характерные для каждой территориальной единицы, но в большей степени макроэкономические через несовершенную нормативно-правовую базу регулирования социально-трудовых отношений. Несмотря на общую положительную динамику сокращения уровня безработицы в РФ (численность безработных с 2010 г. по 2015 г. сократилась на 23,3 % и составила в 2015 году 4263,9 тыс. чел. (табл. 1).

Таблица 1

Уровень безработицы населения по субъектам Российской Федерации, 2010-2015 гг. (%)

Федеральные округа	2010г.	2011г.	2012г.	2013г.	2014г.	2015 г.	2015 г. к 2010 г., %
Российская Федерация	7,3	6,5	5,5	5,5	5,2	5,6	76,7
Центральный федеральный округ	4,6	4,1	3,1	3,3	3,1	3,5	76,0
Северо-Западный федеральный округ	5,9	5,1	4,0	4,3	4,1	4,7	79,6
Южный федеральный округ	7,6	7,0	6,2	6,5	6,2	6,6	86,8
Северо-Кавказский федеральный округ	16,5	14,5	13,1	13,0	11,2	11,1	67,3
Приволжский федеральный округ	7,6	6,5	5,3	4,9	4,5	4,8	63,1
Уральский федеральный округ	8,0	6,8	6,0	5,7	5,8	6,2	77,5

Сибирский федеральный округ	8,7	8,1	7,1	7,2	7,0	7,7	88,5
Дальневосточный федеральный округ	8,6	7,4	6,7	6,5	6,4	6,3	73,3
Крымский федеральный округ	-	-	-	-	-	7,4	-

Источник: составлено по данным Росстата

Особенности формирования, развития и функционирования регионального рынка труда определяет вектор и плотность мобильности трудовых ресурсов (повышение или снижение), факторно зависящее от внутренних условий экономического развития территории, так и вследствие различного влияния внешних факторов, часто достаточно агрессивного.

Необходимо учитывать, что устойчивое развитие рынка труда в Российской Федерации находится в прямой зависимости от демографических процессов: анализ динамики коэффициентов общего, естественного и миграционного приростов за 2015 год показал, что в ряде регионов, характеризующихся устойчивой положительной динамикой социально-экономического развития, отрицательная динамика прироста населения компенсируется положительным сальдо миграционных потоков.

Учитывая неравномерное прохождение стадий территориального развития в России, необходим дифференцированный подход к развитию рынка труда через стимулирование и позиционирование диверсификационного развития предпринимательской деятельности по выделенным группам территорий, с учетом не только производственно-экономических предпосылок, но в значительной степени в ориентации перспективных программных мероприятий на ментальные особенности населения. Как показывает мировой опыт реализации программ, направленных на обеспечение занятости и повышение доходов населения, определяющим в степени достижения объективно-контролируемых показателей является принцип локальности, согласно которому все вариации развития форм занятости лежат в плоскости развития местных производств на основе ресурсного потенциала данной локальной территориальной единицы. Это в полной мере позволяет не только

диверсифицировать рынок труда, но и усилить местные виды предпринимательства на основе реализации start-up проектов с максимальным развитием местной гражданской инициативы, формирующейся с учетом ментальности и общественной культуры. [3,4]

Важнейший фактор развития рынка труда – предпринимательство как катализатор инновационного развития региона через активное участие в реализации инвестиционных проектов всех участников региональной экономической системы. Его роль выражается в стремлении предпринимателей к наиболее эффективному использованию производственно-ресурсного потенциала территории, через создание новых предприятий, повышение занятости и уровня жизни населения, обеспечение роста доходов местных бюджетов, что в конечном итоге ведет к выравниванию диспропорций в региональном развитии. В отрыве от проблемы развития предпринимательства не могут рассматриваться вопросы динамичного развития всех сфер производства и социально-трудовой сферы, оптимизации параметров спроса на рабочую силу и ее предложения, при этом мобильность трудовых ресурсов наблюдается именно в те регионы, где наблюдается наибольшая положительная динамика развития доходных видов предпринимательской деятельности (табл. 2).

Таблица 2

Мобильность трудовых ресурсов в РФ по видам экономической деятельности в 2015 году, %

Регионы РФ с наибольшей плотностью внешнего притока трудовых ресурсов	Добыча полезных ископаемых	Строительство	Сфера услуг	Транспорт и связь	Операции с недвижимостью	Прочие виды экономической деятельности
Всего	8,7	25,4	11,9	13,7	11,9	28,4
Краснодарский край	2,1	38,6	11,5	15,0	3,6	29,2
г. Санкт-Петербург	0,1	20,4	18,8	18,3	10,9	31,4
г. Москва	0,2	22,8	15,1	12,8	17,6	31,5

Московская область	0,3	31,9	13,5	12,2	11,1	31,1
Тюменская область	45,7	24,9	2,1	11,5	2,9	12,9
Ханты-Мансийский авт. округ	47,5	24,7	2,8	11,2	3,0	10,7
Ямало-Ненецкий авт. округ	42,8	30,7	0,8	9,5	2,8	13,3
Тюменская область без вт. округов	45,7	21,7	2,3	12,9	2,8	14,6

Источник: составлено по данным Росстата

Важно понимать, что чем более высокий ранг инвестиционного потенциала имеет территория, тем большая плотность внешней мобильности трудовых ресурсов направляется в данные регионы. Рассматривая сущность формирования инвестиционно привлекательного имиджа региона в соответствии с принципами концепции динамической эффективности, основанной на системном учете изменения целей регионального развития и совокупности ресурсного потенциала в результате предпринимательской деятельности, региональный экономический рост определяется вариативной совокупностью альтернатив реализации предпринимательской инициативы при наличии единого регионального экономического пространства и общенациональных институтов. При этом инвестиционный потенциал является совокупной способностью региональной экономики к реализации инвестиционных проектов, направленных на удовлетворение потребностей населения, обеспечивая инновационное развитие производства и потребления. [5,6,7]

Рассматривая мобильность трудовых ресурсов как сложное социально-экономическое явление, отражающее качественную характеристику компетентностного профиля трудового потенциала работника, определяющую его фактическое или потенциальное движение по различным сферам и направлениям приложения труда в экономике, можно выделить ряд отрицательных моментов мобильности трудовых ресурсов: демпинг на рынке

труда, что ведет к снижению заработной платы работников, проживающих и имеющих постоянное место работы на данной территории; рост конкуренции за рабочие места; потенциальный рост безработицы, вызванный массовым притоком трудовых мигрантов; снижение эффективности и производительности труда из-за низких качественных характеристик компетентностного профиля трудовых мигрантов.

Несмотря на наличие отрицательных моментов, мобильность трудовых ресурсов оказывает и позитивное влияние на развитие регионального рынка труда: большее обеспечение занятости благодаря снижению дефицита трудовых ресурсов; положительная динамика показателей социально-экономического развития регионов РФ с наибольшей плотностью внешнего притока трудовых ресурсов; улучшение демографической ситуации.

В целом, мобильность трудовых ресурсов создает объективные предпосылки для структурного соответствия параметров спроса на рабочую силу и ее предложения по видам экономической деятельности в региональном, отраслевом и профессионально-квалификационном сегментах, не только развивая новые и сохраняя существующие рабочие места в стратегически важных отраслях экономики, но и создавая новые высокодоходные рабочие места во всех сферах предпринимательской деятельности. Предупреждение и принятие превентивных мер по недопущению кризиса рынка труда непосредственно зависит от системы мер по стимулированию трудовой миграции не только трудовых ресурсов низкой квалификации, а в большей степени для специалистов, способных работать на высокотехнологичных производствах. Реализация грамотной миграционной политики позволит не только расширить систему компенсационных мер формирования устойчивого рынка труда, но и обеспечит снижение себестоимости товаров и услуг, простимулирует рост поступлений в бюджетные и внебюджетные фонды, но и качественно модифицирует демографические процессы на территории РФ.

Литература:

1. Коровкин А.Г. Динамика занятости и рынка труда в рф в перспективе до 2030 г. // Проблемы прогнозирования. 2013. №4. С. 79-96
2. Единак Е.А., Коровкин А.Г. Построение баланса территориального движения занятого населения (на примере федеральных округов РФ) // Проблемы прогнозирования. 2014. № 3. С. 72-84
3. Garriga, E. (2014). Beyond stakeholder utility function: Stakeholder capability in the value creation process. *Journal of Business Ethics*, 120, 489–507
4. Фомин П.А., Жанказиева З.М. Малое предпринимательство и перспективы его развития в России // Вопросы экономики и права. 2015. № 4 (82). С. 55-60
5. Ansari, S., Munir, K., & Gregg, T. (2012). Impact at the 'bottom of the pyramid': The role of social capital in capability development and community empowerment. *Journal of Management Studies*, 49, 813–842.
6. Обертяева И.А., Стеценко А.И. Этноцентризм и миграция в полиэтническом российском обществе // Вестник Воронежского государственного технического университета. 2014. Т. 10. № 2. С. 90–93.
7. Аксенова Т.Н. Адаптация методологии разработки и оценки региональных целевых программ как элемента социально-экономической политики // Современные проблемы науки и образования. 2013. № 5. С. 432.

Новые формы занятости в современном обществе - трансформация экономических, социальных и правовых институтов

Тюхтяева К. Г.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Традиционно за стандартную форму занятости принимается работа полный рабочий день и полную рабочую неделю с определенным количеством выходных дней и отпусков. Принято считать, что такое трудоустройство обеспечивает работнику по сравнению с другими формами занятости, более высокий уровень оплаты и лучшие условия труда, относительно стабильную

занятость, перспективы служебного роста, установленные трудовым законодательством гарантии. Несмотря на это, как показывает практика, данная форма занятости не может абсолютно соответствовать не только потребностям индивидов в трудоустройстве, но и потребностям бизнеса. Новым, нестандартным формам занятости можно отнести следующие: частичная занятость, работа по совместительству, надомный труд, временная работа, телеработа и др.

Еще Кастельс отмечал, что одной из главных черт информационно-технологической парадигмы, является гибкость. Причем, гибкость относится как к системе производства и общества в целом, так и к системе труда и рабочего времени.[3]

В информационной экономике изменяется тип деятельности и характер труда. Развитие рынка труда на основе информационных технологий приводит к модернизации трудовых отношений путем придания им сетевых форм. Одним из следствий формирования горизонтальных экономических структур является децентрализация трудовой деятельности во времени и пространстве.[5]

Активное развитие гибких форм занятости сегодня можно рассматривать как проявление механизма саморегулирования экономики, форму адаптации населения к изменяющейся социально-экономической ситуации. Гибкая занятость и ее разновидности в значительной степени способствуют снижению безработицы.

Она позволяет работодателям быстрее реагировать на конъюнктурные изменения рынка товаров и услуг, изменять режим работы предприятий. Способствует внедрению гибкой организации труда и гибкого штата, увеличению производительности труда, новой мотивации, улучшенному обслуживанию заказчиков. Кроме того, она является элементом инновационного развития экономики.

В условиях новых типов занятости изменяется характер производственных отношений – если раньше владельцем средств производства

был предприниматель, то теперь, в постиндустриальной экономике любой специалист, обладающий компьютером и интернетом может сам выступать в качестве предпринимателя. Таким образом, меняется и образ жизни работников, – теперь они стали деятельными участниками рынка, вынужденными быстро адаптироваться и выдерживать конкуренцию, для этого они все время должны совершенствовать свои навыки. Отсутствие регламентированного графика и стирание границ работа-дом приводит, по мнению многих ученых, к наивысшей степени эксплуатации – «самоэксплуатации» работников.[1]

Однако есть и другая позиция, согласно которой новые формы занятости способствуют развитию творческих способностей, установлению оптимального рабочего графика, дает возможность работнику удачно сочетать обязанности по работе с личными делами, больше времени проводить с семьей, не тратить время на дорогу. Немаловажным преимуществом является то, что она позволяют шире привлекать к труду женщин, имеющих детей, пожилых и лиц с ограниченными физическими возможностями, ускоряет приток молодых специалистов на рынок труда и их адаптацию к работе.

Кроме того, в условиях широкого развития информационной экономики большое значение приобретает проблема интеллектуальной собственности. Другой правовой проблемой является несоответствие существующего трудового законодательства постоянно растущему многообразию форм занятости, а также его неспособность препятствовать стремлению работодателей уклониться от налогов с помощью использования нестандартных форм трудоустройства.

Литература:

1. Горц, А. Нематериальное. Знание, стоимость и капитал/ пер. с нем. и фр. М. Сокольской; М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 208 с.

2. Иноземцев В.Л. За пределами экономического общества. М.: Academia; Наука, 1998.
3. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: Наука, 2006.
4. Одегов. Ю.Г., Руденко Г.Г. Рынок труда. М., 2007.
5. Телеработа и теледоступ: Общие понятия и определения // ЕТО. 1997.

Развитие негосударственного сектора дошкольных образовательных учреждений как элемент институциональной трансформации (по материалам Иркутской области)

Чернышева Е. В.,

Иркутский государственный университет, Россия, Иркутск

В течение последних десяти-пятнадцати лет в России постепенно формируется средний класс, представители которого предпочитают отдавать детей и внуков на воспитание в частные образовательные учреждения: детские сады, школы, иногда и высшие учебные заведения. Например, в нашем регионе это связано, прежде всего, с тем, чтобы попасть в государственный детский сад, надо вставать на очередь, которая иногда длится очень долгий период времени, и малыш попадает в учреждение практически в школьном возрасте. Связано и с тем, что многие сознательно избегают государственных учреждений, считая, что услуги, которые они предоставляют на недостаточно высоком уровне. Многие родители считают, что воспитание находится в прямой зависимости от количества вложенных в этот процесс денег. Именно поэтому они вполне готовы оплачивать труд высокопрофессиональных педагогов, хорошие условия, качественный уход, полноценное питание.

Дошкольное образование – очень важный фактор социальной жизни в стране. От его качества зависит очень многое, именно поэтому дошкольное образование и его развитие сегодня – один из актуальных вопросов, требующих решения на государственном уровне. Дошкольное образование играет кардинальную роль в развитии и сохранении человеческого капитала страны.

Дошкольное образование и воспитание не заменяют, а дополняют семейное воспитание и образование. В настоящее время становится все более очевидным, что решать задачи воспитания и обучения ребенка можно только при объединении усилий семьи и системы образования, включая дошкольное

С середины 2000-х годов в России отмечается рост рождаемости. В 90-е годы сеть дошкольных образовательных учреждений перестала отвечать растущим потребностям семей в дошкольном образовании и присмотре за детьми, многие учреждения закрывались, вместо них открывались частные фирмы. Выходом из данной ситуации стали первоочередные меры по уплотнению групп в детских садах. Одним из стратегических решений нехватки детских садов - запуск крупномасштабной федеральной программы по строительству новых типовых зданий дошкольных учреждений. В соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 года №597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» в Иркутской области было распоряжение Иркутской области «Об утверждении Плана мероприятий ("дорожной карты") "Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки в Иркутской области», по которому повышается эффективность и качество услуг в сфере дошкольного образования[1].

Вместе с развитием государственных учреждений, которые исторически являются основой дошкольного уровня российской системы образования и присмотра за детьми, развивается такой сегмент, как негосударственные дошкольные учреждения[2]. Этот сегмент может позволить трансформировать систему государственных дошкольных образовательных учреждений, сделать их более устойчивой, снимая выше обозначенные институциональные, структурные проблемы труднодоступности дошкольного образования для детей и трудоустройства для их родителей.

Негосударственный сектор дошкольного образования может повысить гибкость размера сети дошкольного образования в имеющейся в Российской Федерации ситуации «демографических волн», в частности надвигающейся в

долгосрочной перспективе «демографической ямы».

Так у стран с рыночной экономикой негосударственный сектор является необходимым элементом дошкольного образования. В странах западной Европы этот сегмент составляет до 15%.

Система дошкольного образования Иркутской области по состоянию на 1 января 2016 года включает в себя 1102 образовательных организации, из них 22 частных дошкольных образовательных организаций, имеющих лицензию на право образовательной деятельности, контингент воспитанников увеличивается[3]. Тем не менее сектор частных дошкольных учреждений развивается медленно, в связи с этим основной целью развития негосударственного дошкольного образования и досуга являются увеличение количества негосударственных дошкольных учреждений и расширение этого сектора в общем объеме дошкольных образовательных и досуговых услуг.

В сфере негосударственных дошкольных учреждений необходимо проводить следующую работу:

1. Создать правовую основу для развития негосударственного сектора дошкольного образования в разных организационно-правовых формах – некоммерческих организаций и индивидуальных предпринимателей, а также в формах инвестиционного и прочего участия крупного бизнеса в развитии частных образовательных организаций.

2. Разработать и внедрить региональные и муниципальные модели взаимодействия и комплексной поддержки (финансовой, методической, правовой и пр.) частных образовательных учреждений и индивидуальных предпринимателей, оказывающих услуги по дошкольному образованию, а также по присмотру и уходу за детьми.

3. Содействовать развитию спектра образовательных услуг и услуг по присмотру за детьми, которые были бы сфокусированы на решении проблем образования и присмотра за детьми с особенностями в развитии (ограниченными возможностями в передвижении, психическими заболеваниями, особенностями в диете и пр.). Это особенно актуально в

ситуации отсутствия в подавляющем большинстве случаев подобных государственных услуг в шаговой доступности.

4. Содействовать развитию и аккредитации новых образовательных методик, разрабатываемых, апробируемых и успешно применяемых на базе отдельных передовых негосударственных учреждений.

5. Содействовать повышению уровня квалификации, компетенций и уровня оплаты труда работников негосударственных дошкольных образовательных учреждений.

6. Содействовать снижению стоимости услуг негосударственных учреждений посредством государственного субсидирования образовательных услуг, оказываемых по государственной программе дошкольного образования.

Однозначно можно сказать, что негосударственный сектор дошкольных образовательных учреждений будет существовать еще ни один год. Будет развиваться и трансформироваться, если не станет самостоятельным институтом, то будет тесно связан с институтом образования, за которым однозначно есть будущее.

Литература:

1. Распоряжение Иркутской области от 26 февраля 2013 года № 55-рп «Об утверждении Плана мероприятий ("дорожной карты") "Изменения в отраслях социальной сферы, направленные на повышение эффективности образования и науки в Иркутской области».
2. Постановление Правительства Российской Федерации от 12 сентября 2008 г. №666 г.Москва «Об утверждении Типового положения о дошкольном образовательном учреждении».
3. Федеральная служба государственной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/> Дата обращения: 26.04.2016
4. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. – Режим доступа: <http://irkutskstat.gks.ru/> Дата обращения: 26.04.2016

Трансплантация институтов и изменение институциональных условий в российском образовательно-воспитательном пространстве

Шестакова Н.Н.

Институт проблем региональной экономики РАН, Россия, Санкт-Петербург

Обращаясь к проблеме институциональных изменений, следует понимать, что совокупность формализованных и неформальных норм и правил (институтов) может оказывать и фактически оказывает воздействие на функционирование и/или развитие тех или иных объектов. В профильной литературе упорядоченный набор таких институтов принято рассматривать как институциональные условия.

Этот исходный тезис позволяет нам сформулировать понятие институциональных условий применительно к образовательно-воспитательному сегменту социального пространства.

Институциональные условия представляют собой форму влияния совокупности как исторически устойчивых и постоянно воспроизводящихся, так и вновь вводимых институтов на образовательно-воспитательное пространство, проявляющееся через возможности и ограничения, обеспечивающие существование, взаимодействие и развитие различных субъектов образовательно-воспитательного пространства.

В данном нами определении институциональных условий речь идет с одной стороны, об исторически устойчивых и постоянно воспроизводящихся, а с другой стороны, вновь вводимых институтах.

Это момент принципиальный.

И вот почему. В момент перехода нашей страны на рыночный путь развития в некоторых сферах специальные институты, регулирующие взаимодействие субъектов или агентов попросту отсутствовали. Например, в частном предпринимательстве или малом предпринимательстве каких-либо норм и правил попросту не было. Их пересаживали или трансплантировали^{††}

---

^{††} Под трансплантацией В.М. Полтерович понимает процесс заимствования институтов, развивавшихся в иной институциональной среде [1, с.24].

(в терминах В.М. Полтеровича), если так можно сказать, на «чистый лист». И это было в определенном смысле оправдано.

В системе образования и пространстве, в котором она функционировала, было не так. Совокупность определенных институтов там существовала и вполне успешно (как мы полагаем) действовала.

Попутно следует отметить, что образовательное пространство перманентно являлось объектом реформирования: еще до 1917 года каждый новый русский царь и каждый новый министр просвещения считал своим священным долгом провести те или иные реформы. Советский и постсоветский периоды продолжили традицию.

В частности, в постсоветском образовательном пространстве в 90-х гг. возник первый трансплантированный институт - сегмент коммерческого образования, причем практически на всех образовательных уровнях. Потом стали появляться/пересаживаться другие новые институты и сегодня мы можем перечислить целый их «букет». Помимо института коммерческого образования, это институты ЕГЭ и ГИА, ГИФО, ФГОС, бакалавриата и магистратуры, новые «статусы» высших учебных заведений (выделение федеральных, национальных исследовательских и обладающих особым статусом университетов) и ряд других. При этом немаловажно, что новые институты не добавлялись к уже существующим, а практически полностью заменяли их.

Таким образом, по нашему мнению, представляется верным говорить о принципиальной цели институциональных изменений, предпринятых в нашей стране в отношении отечественной системы образования: изменение ее базовой модели, исторически зиждившейся на государственной-общественной доктрине, на принципы модели либеральной.

Коротко поясним суть этих моделей. Среди множества различных доктрин образования крайними «полюсами» являются две ведущие доктрины: либеральная (классический образец – образование в США) и государственно-общественная (образец – системы образования в Германии и России, которые близки по своему генезису и эволюции) [2, с.3-8]. Согласно <немецко-

российской> общественно-государственной доктрине образования ответственность за образование, просвещение общества, за темпы «возвышения» среднего образовательного ценза населения, за обеспечение доступности образования, в том числе высшего, для всех слоев населения независимо от экономического положения и социального статуса несут государство и общество. Согласно же либеральной, <англо-американской> доктрине, образование является личным делом каждого гражданина, оно рассматривается только как «индустрия образовательных услуг», поставляемых на «рынок таких услуг».

Решающим шагом в направлении смены образовательной модели стало присоединение России к ВТО в июле 2012: именно в документе ГАТС (Генеральное соглашение по торговле услугами), регламентирующей эту сферу отношений, институт образования был из категории общественных благ переведен в разряд услуг.

Пытаясь реконструировать некую логику произошедшего, мы пришли к выводу относительно возможного наличия следующей логической связи. Отталкиваясь от тезиса о хроническом бюджетном недофинансировании системы образования (что в действительности имело место и не только в т.н. «советский», но и дореволюционный [3, с.59] периоды), исследователи обращались к поиску альтернативных источников финансовых средств, который вполне предсказуемо приводил их к либеральной модели образования, при которой за уровень своего образования отвечает каждый гражданин (или его родители/опекуны в случае не достижения им возраста совершеннолетия). И в основу которой положен принцип рынка образовательных услуг. Попутно отметим, что, исходя из тех же оснований, «на пути рыночных реформ» большая часть т.н. «достижений социализма» в части предоставления бесплатных услуг социального характера (здравоохранения, пенсионного обеспечения, а также образования) оказалась ликвидированной и/или ограниченной некоторым минимумом.

В этой связи важно обозначить один принципиальный момент: у

государства, естественно, есть множество интересов в самых различных сферах и областях. И государство, как правило, четко позиционирует свои интересы и цели путем их формализации в нормативно-правовых актах. То есть, говоря, например, об инновационном развитии, мы можем найти конкретный документ или ряд документов, в которых достаточно четко прописаны его цель, задачи, направления, источники финансирования и т.п. А в отношении сферы образования мы такого документа не найдем. Его нет.

Косвенным образом изменения модели прослеживаются в <новом> Законе об образовании в Российской Федерации (2012) и выражаются в ограничении декларируемого в более раннем (1992) Закона «Об образовании» безусловно бесплатного доступа ко всем уровням образования лишь уровнями общего среднего и начального профессионального образования.

Следовательно, можно констатировать не стабильное воспроизводство, но: принципиальное и неуклонное изменение институциональных условий функционирования и изменения/преобразования образовательно-воспитательного сегмента социального пространства. Более того, на нынешнем этапе эффективность трансплантированных институтов далеко не очевидна, и говорить о развитии образовательно-воспитательного сегмента социального пространства (как необратимом процессе, направленном на изменение материальных и духовных объектов с целью их усовершенствования) пока представляется преждевременным. Возможно, к настоящему моменту не прошло еще достаточного количества времени (хотя не ясно, сколько именно времени требуется для проявления их позитивных свойств и/или результатов их действия), а возможно и – скорее всего это и произошло, – перенесение такого рода институтов спровоцировало некую их дисфункцию.

Литература:

1. Полтерович В.М. Трансплантация экономических институтов // Экономическая наука современной России, № 3. 2001, с.24-50.

2. Субетто А.И. Образование: будущее России/ Первая научная сессия отделения образования Петровской академии наук искусств. Образование: будущее России и человечества. Проблемы становления системы наук и теорий об образовании (14-15 декабря 1993 г., С. – Петербург). Под науч. ред А.И. Субетто, В.А. Щеголева. – СПб.: ВИФК, 1993. – 128с.
3. Вольчик В. В., Скорев М. М. Институциональная инерция и развитие российской системы образования // Экономический вестник Ростовского государственного университета TERRA ECONOMICUS Выпуск № 4 / том 1 / 2003, с. 55-63, с.59.

Взаимодействие организаций высшего образования с рынком труда как фактор повышения функциональности выпускников

Шиняева О. В., Илямакова Е. А.

Ульяновский государственный технический университет, Россия, Ульяновск

В современных условиях процесс трансформации высших учебных заведений как поставщиков квалифицированной рабочей силы и рынка труда происходит в параллельном режиме. Сфера высшего образования претерпевает серьезные преобразования: внедряется компетентностный подход; вводится региональный компонент в учебные планы; разрабатываются программы практики студентов, которые согласовываются с предприятиями регионов. Подобные новации являются попыткой высших учебных заведений адаптировать образовательные программы к потребностям рынка труда; однако требуются не разовые акции, а постоянные партнерские отношения учреждений образования и работодателей.

В процессе усложнения технологий производства товаров и услуг отчетливо вырисовывается следующая проблема: с одной стороны, требуется специализированная подготовка будущих специалистов для конкретных производственных условий; с другой стороны, универсализация подготовки необходима для последующего роста выпускников учебных заведений. Решение данной проблемы лежит в плоскости повышения функциональности в

деятельности организаций высшего образования.

Функциональность образования связана с совершенствованием принципов, лежащих в основе интеллектуального отбора, а также с согласованием содержания профессиональной культуры с работодателями. Р. Мертон выделил в образовании «универсум функций», который постоянно меняется под влиянием времени «в ситуационно-временной плоскости»: социально-экономическая, инновационная, внедренческая [1, с. 250-251].

По мнению отечественных социологов, правильнее не противопоставлять профессионально-экономическую и внедренческую функции образования, а рассматривать их в соотношении причинности: «развить личность, чтобы получить хорошего работника» [2, с. 58]. Данный вывод подтверждается и зарубежным опытом: в системе высшего профессионального образования США подготовка высококвалифицированных кадров рассматривается как двойная инвестиция – в человека и в производство [3, с. 251].

Реформирование российской системы высшего образования в современных условиях напрямую связано с научно-техническим прогрессом и модернизацией общества в целом. Успешность проводимой реформы высшего профессионального образования обеспечена повышением его функциональности в экономическом и широком социальном контексте. Проблема изучения функциональности высших учебных заведений связана с тем, что высшая школа не получает обратной связи о профессиональном уровне и карьере выпускников. В итоге качество профессиональной подготовки не соотносится с социальным заказом.

Целью нашей статьи является определение влияния партнерства организаций высшего образования и рынка труда на функциональность выпускников. Реализация цели базируется на исследовании взаимодействия с работодателями выпускающих кафедр направления «Реклама и связи с общественностью». Эмпирический материал для анализа получен в ходе исследования «Взаимодействие вуза и работодателей как условие подготовки конкурентоспособного PR-специалиста» (опрос преподавателей и студентов

выпускающих кафедр университетов Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Ульяновска, Екатеринбурга, Красноярска; n=454).

По результатам опроса преподавателей выяснилось, что самые распространенные формы сотрудничества с работодателями - чтение лекций, мастер-классы; предоставление базы для прохождения практики, участие в работе государственных аттестационных комиссий. Эти формы работы заложены в образовательный стандарт подготовки и являются традиционными.

У всех кафедр наиболее развито учебное направление взаимодействия с работодателями, следом идет проектная деятельность; наименее активно в рамках партнерства реализуются научная и внедренческая функции. Эффективность сотрудничества с практиками преподаватели оценили неоднозначно. Общий уровень оценки эффективности такого сотрудничества выше среднего - около 4 баллов. Совместная организация учебно-производственной практики студентов получила более низкую оценку – в среднем 3,2 балла. Организация всех видов практик выгодна обеим сторонам, при этом работодатели относятся к этому делу равнодушно. Связь кафедры и организаций профессиональной деятельности значительно усиливает мотивацию будущего специалиста и способствует его дальнейшему трудоустройству. Выгодно оно и для вуза, который не только восполняет пробел в практических навыках студентов, но и презентует результат своей работы на рынке труда.

Результаты опроса показали, что факторами успешного трудоустройства выпускников являются не только профессиональные компетенции, но и личностные качества. По мнению преподавателей, самыми важными компетенциями являются – трудолюбие и ответственность (69%), коммуникабельность и культура речи (67%), способность к обучению (53%). Данные качества личности необходимы для адаптации выпускников в профессиональной сфере.

Анализ мнений выпускников относительно личностной самореализации показал, что саморазвитие присуще всем молодым специалистам, но в разной

степени. Уровень стремления к личному росту зависит от стажа работы по специальности: более опытные работники активнее стремятся к лидерским позициям. Наиболее распространенные формы личностной самореализации: чтение специальной литературы, вступление в профессиональные сообщества.

На основании имеющегося профессионального стандарта специалиста по рекламе и связям с общественностью, подготовленного Российской ассоциацией по связям с общественностью, в анкету были заложены вопросы, связанные с основными трудовыми функциями PR-специалистов.

Самая важная трудовая функция, по мнению преподавателей выпускающих кафедр «Реклама и связи с общественностью» - разработка коммуникационной стратегии. Выпускники подтверждают, что выстраивание коммуникаций – важное направление в сфере рекламы и связей с общественностью. «Коммуникационную стратегию разрабатываем на год, полностью отвечаю за реализацию коммуникативной деятельности», «Занимаюсь всеми видами коммуникационной деятельности».

По мнению выпускников, функции профессионального стандарта расходятся с реальной сферой деятельности. Половина опрошенных отмечает управленческую функцию самой главной. Аналитическая и проектная функции занимают вторую позицию. «На практике реализую больше функции специалиста-аналитика. Если говорить про мою нынешнюю работу, то как – то так: управленческая=>аналитическая=>информативная=> проектная=> исследовательская».

Трансформация института высшего образования и рынка труда ведет к изменению требований, предъявляемым к выпускникам с обеих сторон. На основе проведенного авторского исследования можно сделать вывод о том, взаимовыгодное сотрудничество вуза и рынка труда в современных условиях позволяет выстроить модель успешного выпускника, а вместе с этим повысить функциональность учреждений образования. Были выявлены основные требования рынка труда, предъявляемые к соискателям. «Модель» востребованного молодого специалиста направления «Реклама и связи с

общественностью» выглядит следующим образом: современный PR-специалист – универсальный менеджер информационных потоков организации, реализующий в своей профессии организаторские, аналитические и проектные функции. Ему необходимо реализовывать все трудовые функции профессионального стандарта с учетом специфики своей сферы деятельности. Интерес к своему делу, стратегическое мышление и стремление к профессиональному развитию – факторы успеха молодого специалиста. Формирование этих качеств не представляется возможным вне поля партнерства учреждений образования и компаний рынка труда

Литература:

1. Мертон, Р. Социальная теория и социальная структура / Р. Мертон. – М. : АСТ, Хранитель, 2006. – 880 с.
2. Бельчук, Е. В. Развитие системы образования в постсоветской России как ключевой элемент экономики знаний. - Вопросы регулирования экономики. – 2011, №2. –С. 45-55.
3. Исследовательские университеты США: механизм интеграции науки и образования. – М., 2012. – 399с.

Проектирование и разработка концепции перспективных территорий

Юрасова М. В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Особенностями современной жизни являются непрерывные изменения. В научном управлении и менеджменте они связываются с японским термином «кайдзен», который прочно вошел в деловой оборот. Эти изменения не носят глобальный характер, они лишь направлены на небольшие, но постоянные совершенствования, как подбор более оптимального рабочего места, сокращение пути перемещения по предприятию, рациональное размещение материалов и др.

Приведем пример, характеризующий подобные изменения – это

предоставление сотрудникам одного из предприятий, майских каникул. Предприятие подсчитало, что количество заявлений о предоставлении небольшого отпуска на майские праздники, подаваемых сотрудниками производства растет из года в год, спрос на продукцию предприятия имеет тенденцию к снижению в летние месяцы, таким образом, объявление майских каникул играет только положительную роль: сотрудники имеют вполне законное основание провести начало мая на собственных огородах, склады не перегружаются, и, всех эта ситуация устраивает.

Рассмотренный пример показывает каким образом формируются рациональные программы социальных изменений.

Рассмотрим другую ситуацию – становление новой Москвы. По сути, жителям присоединенной территории объявили, что они стали Москвой. Казалось бы, это хорошее изменение, однако оно привело к изменению уклада жизни многих «новых москвичей». Изменилась полностью территориальная структура, в область «пришла» Москва со своими стандартами практически во всем: в уборке территории, графике и интенсивности движения общественного транспорта и многого другого. Параллельно, это объединение совпало с реформой здравоохранения и закрытием фельдшерских, акушерских и аптечных пунктов в населенных пунктах и многое другое. Возможно, эти изменения прошли бы более спокойно, если бы изначально была продумана логистика перемещения. При проектировании мы всегда ориентируемся на свое прошлое. То, чего нам не хватало тогда, мы переносим в проект будущего. Если это небольшой проект, то, возможно, у нас будет возможность что-то поменять. Но, если это проектирование нового микрорайона, в котором не предусмотрены коммуникации разного уровня исправлять это будет крайне сложно. Так, во многих микрорайонах не предусмотрены места для парковки или их настолько ничтожно мало, что они не решают даже доли возникающих проблем.

Если вопросы с парковками как-то решаются за счет строительства отдельных паркингов далеко от жилой застройки, то вопросы подключения к инженерным коммуникациям – это уже намного сложнее. Не секрет, что

существует доля вновь возводимого жилья новой Москвы, в котором не предусмотрена центральная канализация, транспортная доступность, не построены социальные объекты, такие как детские сады и школы. Всю эту нагрузку получают коренные жители этих территорий, которые затрудняются назвать себя москвичами, как из-за транспортных проблем, так и из-за почти сельского уклада жизни. А еще кое-где сохранилось печное отопление (!), хотя на бумаге его нет.

Функционирование школ при кратном увеличении населения отдельных территорий новой Москвы (такая же ситуация в школах ближнего Подмосковья) подчинено новым реалиям: школьники учатся в две, а иногда и в три смены. При этом зарплата учителей до сих пор находится на уровне области, и не соответствует московским зарплатам. Этот вопрос неоднократно поднимается учителями и сотрудниками школ.

Транспортная логистика новых территорий тоже подверглась существенным изменениям. Автобусы стали ходить хорошо, но не везде. Стандартам работы московского транспорта должна соответствовать ширина полосы дорожного полотна, а это не везде так. Поэтому и существуют населенные пункты, полностью отрезанные от транспортного сообщения. Или такие, где транспорт вынуждено идет в обход, увеличивая время в пути на 1,5-2 часа только в одну сторону, хотя по сельской дорожке можно добраться до ближайшей станции метро за 10-15 минут.

Эта тема особенно актуальна в связи с реформированием медицинских учреждений, закрытие фельдшерских пунктов и присоединение территории к более крупному медицинскому центру. Однако, по той же новой Москве, перераспределение пациентов привело к тому, что дорога только до поликлиники может занимать до 1,5 – 2,5 часов и то через Москву (!)

Сами проектировщики зачастую видят территорию только на карте. Казалось бы, расстояние небольшое, но отсутствие транспортной доступности делает медицинские услуги практически недоступными.

Еще одна проблема, которую трудно даже себе представить – это

отсутствие банкоматов и отделения банка работающие по стандартам области с 10 утра до 17 часов. Чтобы снять деньги, переводимые на карточку, необходимо брать такси, а наличных денег может и не быть. Да магазины работают только за наличный расчет.

Перечень проблем, описанных выше, это только малая доля того, с чем сталкиваются местные жители. Они различны по масштабу, но так или иначе, их приходится решать. В связи с этим, хотелось бы отметить, что вопросы социальных изменений и проектирования будущего – это очень сложные вопросы, решать которые необходимо переработав большой объем необходимой информации, используя методы моделирования, социологические и системные исследования всех сфер жизни общества.

СЕКЦИЯ 3. ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СОЦИАЛЬНЫХ ИЗМЕНЕНИЙ

Современная динамика населения и приоритеты семейно- демографической политики

Антонов А. И.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Массовая малодетность как проявление стандартности, стереотипности, одномерности современного образа жизни везде в мире, ведет к одинаково низкой рождаемости на всех континентах, к постоянному и повсеместному сокращению рождаемости. Она связана с малодетным образом мыслей и чувств, с внесемейной системой ценностных ориентаций личности, социальных групп и общностей, общественного мнения. Именно эта направленность жизненных ценностей диктует реальные результаты семейного поведения – однодетность и двухдетность семьи.

Социологические исследования, проводимые представителями нашей научной школы фамилизма-натализма, показывают рост в нашей стране прежде осуждавшихся, а ныне привычных настроений вне-семейности и даже анти-семьетизма. Многодетность стала теперь объектом насмешек и издёвок. Вместо элементарного сочувствия к трудностям существования подобных семей сплошь и рядом на улице, в магазинах и на транспорте упреки в бескультурье, жадности и невежестве. Агрессивность по отношению к многодетным родителям поддерживается, увы, и врачами, учителями и чиновниками всех мастей и уровней. Чаще всего упрекают их, дескать, они «плодят нищету». Не антисемейная система экономики, а они сами. Нарастает противостояние родителей с 1-м ребенком всем остальным родителям с несколькими детьми. Но еще сильнее антагонизм родителей и не-родителей. Особенно в пенсионном отношении – «мы, родители выращиваем детей, надрываемся. А вы гуляете - отдыхаете, а когда на пенсию уходите –именно нами выращенные дети вам

платят пенсии, вы на шее их и нашей сидите...». Сейчас у нас в стране растут цены, снижается уровень жизни большинства людей. Говорят о кризисе экономики, бюджета. И сразу же появились предложения об отмене материнского капитала, детских пособий, об отказе компенсировать инфляцию. Внеfamilialной настрой чиновничества сразу же заявляет о себе - думают не где и как заработать деньги, а где и у кого их взять. Конечно же брать надо из семьи и у детей- не у себя же! Одновременно пошли разговоры об отмене пенсий у работающих пенсионеров т.е. у бабушек и дедушек, поддерживающих детей в семьях. Ценностный антисемьетизм проявляется и в коммунальных расчетах за свет, газ, воду, электричество и во многом другом. На словах все чиновники за семью и за детей – а на деле получается всегда против. Нас, фамилистов, часто упрекают, что мы обращаем внимание на количественный аспект семейных изменений. Но ведь за уменьшением числа детей, размера семьи, за ростом разводов и сожительств надо уметь видеть качественные, ценностные изменения. Вот мы, фамилисты, считаем движение чайлд-фри порочным, девиантным потому что добровольная бездетность это перечеркивание ценности жизни, ценности детей, любви к людям наконец. Семья без детей это нонсенс, не семья вовсе, сексуальное сожительство на время. А почему увеличивается доля этих сожительств? При кризисе семьи на первое место выходят не семейные роли отца=матери, мужа-жены, а гендерные, сексуальные роли. Сексуальность, ориентированная на удовольствие и наслаждение продуцирует легкую смену партнеров. Стало снижаться удовольствие – меняй партнера! Всё просто: в сексе всё заменимо и изменчиво. А вот в семье по другому обстоят дела. Роли отца-матери на первом месте, родительская ответственность перед детьми. Я тебя породил и за тебя отвечаю. Отец и мать для ребенка всегда незаменимы. А если это так, тогда надо отметить всё, что может нарушить эту незаменимость. Выход сексуальных ролей на первый план делает обычной не только заменимость сексуальных партнеров, но рутинной и измены по отношению к детям. После 10 лет супружества у нас в стране разваливается через развод более половины всех

семей и значительная часть браков распадается после рождения первенца – не могут приспособиться к новым ролям отца и матери. Постоянно растет число сожительства так, что большинство населения оказывается вне семьи. Из 40 млн. считающихся семейными домохозяйств у нас в России лишь 17 млн. действительных семей, т.е. полных семей с детьми и обоими родителями.

И структурно и функционально семья находится в кризисе – не выполняются функции по рождению детей (66% это семьи с одним ребенком, 28% с двумя детьми и лишь 6% с тремя). Воспитание детей также всё чаще осуществляется вне семьи и дома (в детсаду, в школе, в специнтернате, в детлагере) чужими дядями и тетями, а не самими родителями. Именно поэтому растут показатели девиантности и криминальности подрастающих поколений, поскольку усиливается ценностный конфликт отцов и детей на фоне снижающейся ценности семейно-детного образа жизни. Последний вывод можно проиллюстрировать следующими социологическими данными. За 40 лет с 70-х годов прошлого века и по 2015 г. нашей кафедрой социологии семьи было проведено несколько опросов по сложным методикам. Удалось сопоставить ценность СЕМЬИ С ДЕТЬМИ с ценностью БЕЗДЕТНОЙ СЕМЬИ. Если в 1976 г. семья с детьми оценивалась положительно, а бездетная семья негативно, то в 2015 г. высокая оценка семьи с детьми и негативная оценка бездетности понизились существенно (индекс различия между ними в 1976 г. был 14.3, в 2015 г. стал 8.20 т.е. почти в 2 раза меньше). Другими словами, семья детная стала терять свою положительную валентность, а бездетная семья – отрицательную. В массовом сознании людей они стали сближаться, стремясь к точке в которой их поляризация теряет всякий смысл. Есть дети или нет их – какая разница, всё едино. Вот такой поворот образа мыслей ярче всего обнаруживает ценностный кризис семьи и семейных ценностей, который является главной причиной сокращения детности и рождаемости, убыли населения.

Для того чтобы остановить глобальное шествие депопуляции в мире необходимо повысить ценность института семьи в обществе – надо радикально

изменить положение института семьи по отношению к институту государства и другим социальным институтам. Следует прекратить эксплуатацию семьи, когда на макроуровне действует патерналистский (средневековый) принцип взаимодействия всех институтов с институтом семьи. Выражаясь стоимостным языком за продукт семейного производства, за новые поколения работников, исполнителей социальных ролей, которые ежегодно вливаются в систему народного хозяйства, надо платить достойно. И деньги для этого есть и найдутся, если захотеть. Не вдаваясь в подробности исчисления прибыли и накопления капитала (это отдельный разговор) следует осознать настоятельность перехода к семьецентризму в экономике и политике. Иначе мы потеряем не только семью, но и нашу цивилизацию, доселе представлявшую собой человеческую организацию жизни людей.

Нужно создать монетарную поддержку родительству, прежде всего материнству. На повестке дня новый принцип заработной платы «за равный труд- равный уровень жизни». Дефицит людских ресурсов в условиях депопуляции диктует рыночной экономике невиданную инновацию – пришла пора платить за труд в семье по воспроизводству новой рабочей силы. Поэтому отец с тремя детьми за равный профессионально труд с отцом единственного ребенка будет получать более высокую зарплату. При этом основным ориентиром будет душевой доход семьи. В этом случае при рождении нескольких детей уровень жизни семьи не будет уменьшаться. С другой стороны перспективной является ориентация на профессиональное материнство – мать с тремя и более детьми должна получать среднюю по стране зарплату как воспитательница минидетсада и учительница домашней школы. В современном государстве рождение и воспитание детей в семье оказалось крайне затратным, а само родительство-направленное в конечном счете на воспроизводство населения- жертвенным и героическим, поскольку родительский вклад в будущее страны не находит в обществе надлежащего признания. Перед родителями вообще, а перед родителями нескольких детей в особенности общество в неоплатном долгу. Материнство и отцовство на

протяжении многих десятилетий продолжает обесцениваться, хотя плодами родительского труда по патерналистскому принципу продолжают пользоваться все государственные и социальные институты. Родительский труд в общественном мнении не делает человека, к сожалению, полезным членом общества.

По мнению ряда ученых современный тип общества с его государством и антисемейной экономикой, антидетной направленностью всех сфер жизни является причиной деградации института семьи и краха рождаемости. И отдельные индивиды, и различные социальные ассоциации едины в своей внесемейной ориентации, в неприятии семьи как гармонии родительства – супружества – родства. Более того, все составляющие элементы этого триумвирата обесценены –родительский труд не делает человека полезным членом общества, родство в системе одноклеточности стало анахронизмом, а супружество сводится к сексуальным связям. Семья прошлых эпох как стержень и центр человеческой культуры (воспроизводства поколений и их социализации), в стоимостной экономике и в монетарном социуме оказалась на обочине новых интересов, поскольку не приносила никакой прибыли, хотя и продолжала эксплуатироваться в качестве поставщика рабочей силы и людских ресурсов.

Дополнительно к сказанному необходимо создание мощной системы поощрения семейности, включая СМИ и искусство. Только комплексный подход со всех сторон сфокусированный на семью и детей способен сформировать, начиная с детского возраста положительный заряд семейности, поднять высоко престиж отцовства-материнства, стабильности отношений родителей и детей. Лишь сохраняя и укрепляя фамилистическую организацию общественной жизни, фамилистическую цивилизацию и культуру мы способны решать возникающие постоянно в ходе исторического развития проблемы. Без повышения потребности семьи в детях, ценности семейно-детного материнства и родительства, невозможно добиться преобладания в семейной структуре населения полных семей с тремя-четырьмя детьми, сокращения разводов,

абортов и сожительства. Это должно стать главной целью семейно-демографической политики в стране, если мы действительно стремимся к устранению депопуляции в предстоящие десятилетия. При этом семейно-демографическая политика строится на основе поощрения, а не принуждения, создания всех необходимых условий для населения по реальному выбору разных моделей семьи и семейно-детного родительства. Задача государства заключается в том, чтобы добиться приоритетного выбора населением тех семейных форм жизни, которые отвечают интересам нации по воспроизводству населения и полноценной социализации новых поколений.

Репродуктивное поведение молодежи в условиях трансформации института семьи

Акьюлов Р. И.

Уральский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Россия, Екатеринбург

Институт семьи играет важнейшую роль, которая напрямую связана с воспроизводством и обеспечением основных потребностей населения в области регулирования социальных отношений. При нынешней социальной, экономической, политической ситуации, при определенных социокультурных факторов в стране обостряется проблема в сфере семейно-брачных отношений особенно среди молодежи. Уже в настоящее время трансформация института семьи оказывает негативное влияние на демографические процессы.

В первую очередь изменение института семьи связано с причинами, которые оказывают влияние на отношении молодежи к рождению ребенка и наоборот. Для более полного исследования данной проблемы, рассмотрим некоторые определения.

Репродуктивное поведение – поведение личности, его физическое и психологическое состояние, которое направленно на продолжение рода или его отказ[1,с. 201].

Потребность в детях – это программы репродуктивного поведения, направленные на получение различных видов репродуктивных ресурсов [2,с.170].

Брак-это исторически обусловленная, санкционированная и регулируемая обществом форма отношений между женщиной и мужчиной, устанавливающая их отношения друг к другу и детям [3,с.60].

В настоящее время снижается рождаемость среди молодежи, которая обусловлена многими причинами

Первая причина – малодетные семьи.

Вторая причина - в настоящее время происходит рост семей, в которых есть только один родитель из-за большого количества разводов.

Третья - «старение браков». Так, по сравнению с 1995 годом в 2009 году в брак вступили на 31,5 % меньше мужчин возрастной группы от 18 до 24 лет, помимо этого, смертность среди мужчин в зависимости от возраста растет в большей степени, чем у женского пола. Значит, вступление в брак для женщин, возрастом 18-25 лет со временем становится проблематичным из – за того, что численность мужчин подходящего возраста с каждым годом уменьшается.[4,с.78]

Четвертая причина – изменившиеся ценности общества. Раньше, на первом месте для женщин стояло – образование семьи, продолжение своего рода, на сегодняшний момент, многие девушки в приоритет ставят - карьеру, образование или самоутверждение.

Пятая причина – падение заработной платы населения, увеличение безработицы. Так, например, в 2015 году уровень безработицы вырос по отношению к 2014 году (уровень регистрируемой безработицы на 01 августа 2015 года составил 1,44 процента, а на 01 августа 2014 года – 1,18 процента) без учета инфляции.

Шестая причина – недостаточная материальная помощь со стороны государства населению мегаполисов материнский капитал в малой степени способен стимулировать к рождению детей.

Седьмая причина – все чаще женщины, находящиеся в возрасте 17-20 лет прибегают к абортam, что в последующем может привести к бесплодию.

По данным пилотного социологического исследования, который проводился в 2015г. в УИУ РАНХиГС среди студентов в возрасте от 18-25 лет. В опросе приняло участие 30 человек, из них мужчин- 46,7%, а женщин-53,3%.

Основополагающими факторами, из-за которых молодежь не торопится заводить семью, детей являются: во-первых, проживание с родителями на одной жилищной площади. Так, в 2015г., большая часть студентов(87%) живет с родителями, и не имеет собственного жилья. Во-вторых, только 13,3% опрошенных имеют собственный доход, оставшаяся часть живет за счет родителей, что для многих студентов является основополагающим фактором, чтобы не заводить детей в настоящее время, не смотря на то, что они находятся в репродуктивном возрасте. В-третьих, выявлено, что, для подавляющей части респондентов важна поддержка со стороны государства, заключающаяся в предоставлении жилья на льготных условиях, гарантированном трудоустройстве молодежи с детьми, льготным кредитованием молодых супругов с детьми. В 2015г. 76% опрошенных респондентов совершенно недовольны качеством предоставляемой помощи и стимулированием со стороны государства в создании семьи.

По причине вышеперечисленных факторов, молодежь, которая опрашивалась в 2015 году, а именно 63,3%, считает, что наиболее благоприятный возраст для рождения ребенка это 25-29 лет.

Главными мотивами при решении родить ребенка, по мнению респондентов, опрошенных в 2012г., являются: увеличение семьи - 30,1%, желание супруга иметь от вас ребенка - 35,5%, необходимость продолжения рода - 22,0%. При этом наиболее важными аспектами при выборе супруга являются: внешность – 14,9%, личные качества – 30,2% и чувство любви к супругу - 31,6%. В 2015г. данные показатели изменились и составили: увеличение вашей семьи - 20,7%, желание супруга иметь от вас ребенка-37,9%, необходимость продолжения рода-34,5%. Что касается аспектов при выборе супруга по результатам

исследования в 2015г, то внешность – 12,0%, личные качества – 32,4% и чувство любви к супругу - 32,6%.

Опрос 2015г. показывает, что большая часть опрошенных - 76,7% в ближайшие 5 - 7 лет планируют завести собственную семью. За этот период к рождению одного ребенка готовы - 44,8%, но также респонденты утверждают, что при наличии всех необходимых условий, они предпочли бы за этот период родить 2 детей - 44,8%.

В 2012 г и в 2015 г. для молодежи наиболее ценным в жизни является семья – 26 %, здоровье – 19%, материальны достаток, богатство - 14%. Если рассматривать образ успешного брака, то у молодежи, в первую очередь, он ассоциируется с такими ценностями, как: взаимная любовь - 15,7%, что составляет подавляющее число ответивших, на второе место респонденты ставят согласие, лад в семье и верность друг другу - 14,6%, на третьем месте располагается сексуальная гармония - 12,4, которую молодежь считает неотъемлемой и очень важной частью в жизни супружеской пары. Следует обратить внимание, что в 2012г. успешный брак невозможен без взаимной любви, так ответило – 18%, на второе место респонденты ставят материально благополучие – 13%, в 2015г., молодежь не считает, что материальное благополучие является основополагающим фактором, который ведет к успешному браку и ставит лишь на 5 место, что составляет – 8% опрошенных. По результатам исследования в 2015 году молодежь стала ценить более высоко духовную и физическую совместимость брачных партнеров, нежели материальную сторону. Но можно выявить парадокс, который заключается в том, что люди откладывают создание семьи и рождение ребенка на более поздний срок, что связано с необходимостью достижения материального благополучия.

Отличительные черты современных моделей семьи.

В современном обществе все больше людей не вступают в брак в начале отношений или вовсе решают не оформлять свой брак, таким образом, возрастает количество молодых людей, которые стремятся к альтернативным формам

устройства своей жизни. Следует отметить, что изменяются не только формы брака, а прежде всего отношение к нему. [5,с.53]

Если рассматривать последние тенденции развития альтернативных форм брачно-семейных отношений в современном обществе, то выделяют традиционные и альтернативные формы брачно-семейных отношений:

1. Законные (юридически оформленные, фиксированные)
  - 1.1 одиночество
  - 1.2 незарегистрированное сожителство
2. Обязательно с желанием и наличием детей
  - 2.1 сознательно бездетный брак
3. Стабильные
  - 3.1. разводы, повторные брачно-семейные отношения
4. Мужская идеология (установка на главенство мужчины)
  - 4.1 Открытый брак
5. Сексуальная верность партнеров
  - 5.1 внебрачный секс
  - 5.2 свингерство
  - 5.3 интимная дружба
6. Гетеросексуальность
  - 6.1 гомосексуальность
7. Диадичность

Рассмотрим эти альтернативные формы подробнее, поскольку все больше детей рождается вне официального брака.

К группе «одиночество» относятся люди, которые никогда не состояли в браке. На сегодняшний день в целом установка на брак сохраняется, однако, увеличивается число людей, которые думаю иначе.

В 2010 г. был проведен социологический опрос представителями журнала «Социс», в результате которого было выявлено, что около 18% неженатых людей, были бы не против остаться самостоятельными и независимыми от второй

половинки. При этом 57% опрошенных девушек, проживающих в РФ считают, что замужество - необходимая часть жизни.

Есть люди, которые не хотят связывать свою жизнь браком по различным причинам, таким как, карьера, образование и возможность жить самостоятельно. Исследователи установили, что женщины переносят одиночество значительно легче, чем мужчины. Однако, следует уточнить, что установка человека на одиночество может и измениться в течение жизни. У женщин данная установка может измениться в 30-35 лет, у мужчин в 40-45 лет.[6,с.4]

Следующая форма это незарегистрированное сожительство.

В данной форме брака происходит проверка совместимости личностей, исчезает «эффект собственника», данный брак обеспечивает паре больше удовлетворенности в отношениях. Одной из причин возникновения «пробных браков» являются малодетность европейской семьи, в которой могут отсутствовать дети противоположного пола, или вообще с тем, что ребенок был единственным в семье.

Возможен также сознательно бездетный брак, который заключается в том, что молодые, а самое главное здоровые молодые люди не хотят иметь детей по каким-либо причинам.

Существуют отличительные признаки женщин, которые не хотят иметь детей:

- 1.Женщина поздно вступила в брак;
- 2.Разведенные женщины, то есть неудачный брак;
- 3.Женщина, имеющая психологические проблемы;
- 4.Женщины, в организме которых преобладают андрогены;
- 5.Женщины, имеющую престижную и высокооплачиваемую работу;

Аргументация бездетных семей:

- 1.Дети мешают отношениям супругов;
- 2.Дети мешают социально развиваться

Следующий вид браков - повторные. При разводе супругов, ребенок, как правило, остается с матерью. Когда мать начинает отношения с другим мужчи-

ной, может возникнуть проблема отчимов. Также возможна и обратная ситуация – когда отцы являются единственным родителем, данная ситуация становится все более распространенной в наши дни.

Следующая форма - открытый брак. Особенность данного вида брака состоит в негласном или озвученном договоре о личной жизни. Главный конфликт современного брака – невозможность сочетания близости и свободного личностного, карьерного роста. Цель открытого брака – увеличение открытости, подлинности и самовыражения каждой из сторон отношений.

Следующая форма брачно-семейных отношений - внебрачный секс и интимная дружба. Речь идет о наличии внебрачных связей интимного характера. Внебрачный секс предполагает некоторое участие в совместном ведении хозяйства, также возможно появление детей вне брака. Говоря об интимной дружбе, то можно отметить, что она редко угрожает стабильности первичного брака.

Особыми формами брачно-семейных отношений являются – свингерство и гомосексуальные пары. Данный вид брака подразумевает обмен брачными парами. Как правило, инициатором свингерства является мужчина. В данных парах высокая самооценка брака. Основой отношений в гомосексуальных парах является однополая любовь. Данные пары сталкиваются с теми же проблемами, что и гетеросексуалы, то есть это измены, ревность, отсутствие доверия. Кроме того в гомосексуальных парах невозможно рождение детей естественным образом.

Таким образом, трансформация института семьи затронула почти все аспекты семейных отношений и его поведения, которые непосредственно отразились на репродуктивных, брачных и других установках.

Трансформация семьи приводит к снижению рождаемости. Например, в России рождаемость за последние годы сократилась по всем возрастным группам, особенно среди женщин в возрасте 40 лет и старше, а именно – 72%. В возрасте с 35-39 лет рождаемость снизилась на 63%, с 30-34 на 51%, с 25-29 на 40%, с 20-24 на 34%. с 15-19 на 27%. [7]

Трансформация семьи также приводит и к другим эффектам: ухудшение здоровья (например, вследствие аборт), грамотности, увеличение количества разводов, семей с одним родителем, для многих одиночество – это стиль жизни. Следует отметить, что если один из супругов будет не удовлетворен своей второй половинкой, то, скорее всего, он предпочтет сменить партнера, нежели попытается разрешить проблемные вопросы и все наладить. Если же данная неудовлетворенность переживается партнерами совместно, то они могут гармонизировать свои отношения для сохранения семьи и обеспечения благополучия детей.

На основе выявленных проблем, предлагаются следующие пути решения. Для государства в сфере семейной политики основной целью должно стать – создание условий для формирования гармоничной семьи в России, что в свою очередь предполагает сменить акцент государственной демографической политики с достижения количественных параметров семьи к повышению ее качества. Данная семейная политика государства должна включать следующие элементы:

1. Создание условий, которые позволили бы семье обеспечивать себя самим без помощи государства.
2. Необходимо совершенствовать правовое семейное законодательство.
3. Должна осуществляться помощь семьям группы «риска» с детьми, которые воспитываются в неблагоприятных условиях (например, физические условия).
4. Обеспечение активного развития всех отраслей социальной сферы, которые отвечают за физическое, духовное состояние детей и семей (сфера образования, здравоохранения).
5. Развитие системы доступного консультирования семей для оказания семейной психологической помощи, которые оказались в сложной жизненной ситуации, например, профилактика распада семьи, правовая и экономическая поддержка опеки и усыновления, планирования образования семьи и деторождения, также должна своевременно и систематически осуществляться работа с

семьями группы «риска», включая неблагополучные семьи, семьи людей с ограниченными возможностями.

Литература:

1. Антонов А.И., Медков В.М. Социология семьи. М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления ("Братя Карич"), 1996. С. 201.
2. Ильясов Ф. Н. Потребность в детях и репродуктивное поведение // Мониторинг общественного мнения. 2013. №1. С. 170.
3. Большая советская энциклопедия / Под ред. А.М. Прохорова. 3-е изд. М.;1970. Т. 3. С. 634; См. также: Философский энциклопедический словарь / Гл. ред. Л.Ф.Ильичев, П.Н. Федосеев, С.М. Ковалев, В.Г. Панов. М.;1983. С. 60.
4. Демографический ежегодник России. М.,2012. С 78,94.
5. Шмельёва Н. Б О проблемах современной семьи и реализации основных направлений семейной политики // Отечественный журнал социальной работы. - 2006. - №2 С.53-59с
6. Шнейдер Л.Б. Семья. Оглядываясь вперед. М.: Изд-во Питер, СПб, 2013, С. 4.
7. Статистика. RU портал статистических данных [Электронный ресурс] URL: http://statistika.ru/zdr/2010/04/21/zdr_16418.html?curPos=30 (дата обращения 26.04.16)

Развод: «до» и «после». Сравнительный анализ установок брачности

Антонов Г. В., Лактюхина Е. Г.

Волгоградский государственный университет, Россия, Волгоград

В течение 2015-16 гг. авторами настоящей статьи проводится исследование, нацеленное на выявление особенностей функционирования в современной России такого сегмента брачного рынка, как рынок повторных браков, а также сложившихся социальных практик участников соответствующих типизированных взаимодействий. Одним из этапов данного исследования выступил массо-

вый социологический опрос по репрезентативной выборке среди категорий населения активного брачного возраста. Анкетирование проводилось на территории г. Волгограда и Волгоградской области, общий объём выборки – 1061 человек, тип – случайная многоступенчатая, предельная ошибка выборки не превышает 5%.

Выборочная совокупность содержит две категории населения: лица, имеющие опыт развода, и не имеющие такового, при этом и в той, и в другой подвыборке присутствуют как состоящие на момент опроса в браке, так и не состоящие в нём.

Одной их ключевых задач исследования стал сравнительный анализ брачных установок представителей двух выделенных групп. В свою очередь, важным компонентом таких установок представляется отношение к практике сожительства без юридической регистрации (что в странах Запада давно уже стало нормой). В таблицах 1-3 представлены сравнительные данные, характеризующие отношение как разведённых, так и не разведившихся к нерегистрируемому сожительству.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Что лично Вы думаете о распространённой сейчас практике совместного проживания с брачным партнёром без юридической регистрации брака?», % *

Варианты ответа	Категория опрошенных	
	Без опыта развода	С опытом развода
1.Это необходимая проверка отношений перед регистрацией брака	41,43	40,73
2.Это такие же полноценные отношения, как и зарегистрированный брак	29,07	34,04
3.Это такие же полноценные отношения, как и зарегистрированный брак, но только если у такой пары рождается ребёнок (дети)	6,32	5,16
4.Это новая, современная форма отношений, не равная традиционному браку, но не хуже и не лучше его	25,84	24,92
5.Если такие отношения предваряют зарегистрированный брак, то в этом ничего плохого нет, а если они выступают заменой зарегистрированного брака, тогда это плохо	23,73	25,84
6.Это боязнь и/или неготовность брать на себя от-	16,99	20,06

ветственность за свою семью и за свои поступки		
7.Это следствие падения нравов и недостатка семейного воспитания	9,55	8,51
8.Иное	0,98	1,21

* сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать любое количество вариантов ответа

Хорошо заметно большое единодушие в ответах представителей двух рассматриваемых категорий демографически активного населения. Статистически значимые различия присутствуют, но они не носят принципиального характера. Это означает, что отношение к необходимости юридической регистрации брака в целом не зависит от наличия опыта развода. В общем же отметим довольно высокий удельный вес (в обеих подвыборках) как одобряющих такую форму отношений – сожительство (варианты ответа 1, 2 и 4), так и не одобряющих её (варианты 5, 6 и 7).

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Чем лично для Вас представляется юридическая регистрация брака (при этом не важно, состоите Вы в браке или нет)?», %

*

Варианты ответа	Категория опрошенных	
	Без опыта развода	С опытом развода
1.Это начало совместного быта	41,29	34,35
2.Это начало сексуальных отношений	7,30	4,86
3.Это начало деторождения	35,25	26,44
4.Это появление ответственности за свою семью, своих близких	67,84	59,27
5.Это общепринятый способ узаконить свои отношения в глазах окружающих	30,20	31,31
6.Это способ юридически обезопасить себя или своих детей в случае разрыва отношений с супругом(ой) (например, не потерять совместно нажитое имущество)	20,93	29,79
7.Юридическая регистрация брака ничего не значит, это пустая формальность	13,06	12,77
8.Иное	0,84	0,61

* сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать любое количество вариантов ответа

Здесь различия в мнениях представителей двух групп несколько более заметны (по сравнению с таблицей 1), но и они не столь кардинальны, чтобы

можно было говорить о наличии/отсутствии опыта расторжения брака как о факторном признаке по отношению к рассматриваемым брачным установкам. Не имеющие опыта развода практически во всех случаях придают несколько большее значение юридическому оформлению супружеских отношений по сравнению с разведёнными, за исключением одного – имущественные споры. Здесь существенно более высокую значимость демонстрируют последние, наученные, очевидно, собственным опытом.

Таблица 3

Утверждения относительно юридической регистрации брака, с которыми согласны респонденты, % *

Варианты утверждений	Категория опрошенных	
	Без опыта развода	С опытом развода
1. Настоящая семья должна строиться только на основе юридически зарегистрированного брака	26,83	19,15
2. Если мужчина и женщина хотят быть вместе, они должны узаконить свои отношения	43,82	33,74
3. Брак обязательно регистрировать в ЗАГСе, только если есть (планируются) дети	20,64	22,49
4. Брак нужно регистрировать для того, чтобы потом было легче поделить имущество	6,74	9,12
5. Если мужчина и женщина любят друг друга, штамп в паспорте не имеет никакого значения	44,66	48,33
6. Штамп в паспорте только портит отношения	2,95	4,56
7. Иное	2,95	2,74

* сумма превышает 100%, поскольку респонденты могли выбирать любое количество вариантов ответа

Данные таблицы 3 демонстрируют ещё более выраженные различия в мнениях между разведёнными и не разведившимися по сравнению с таблицами 1 и 2. Указанные различия проявляются прежде всего в том, что респонденты, имеющие опыт расторжения брака заметно менее категорично высказываются против сожительства (варианты ответа 1 и 2), а также относятся к нему в целом несколько более одобрительно (варианты 3,4, 5 и 6). Но и эти различия нельзя назвать принципиальными, поскольку максимальная разница (вариант 2) составляет всего 10 процентных пунктов. Наличие/отсутствие опыта развода не может считаться фактором, определяющим отношение демографически активных категорий населения к традиционному браку. Глубинные брачные уста-

новки остаются неизменными, а ориентация на вступление в брак по-прежнему высока [1]. Однако очевидно влияние опыта развода на брачное поведение и стратегии реализации брачных установок, что требует дальнейшего исследования с помощью более «чувствительных методов», нежели традиционный анкетный опрос.

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда и Администрации Волгоградской области в рамках исследовательского проекта №15-13-34002 (а/В) «Постбрачные практики, структура и функционирование рынка повторных браков в современной России»

Литература:

1. Антонов Г.В. Статистическая модель постбрачного поведения в современной России (на примере Волгоградской области) // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2016. № 9. С. 47-64.

Противоречивый характер семейной политики Советского государства

Аракелян А. А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Семья на протяжении всей истории человечества остается ключевым социальным институтом, выполняющим функцию посредника между отдельной личностью и государством. Революционные события, охватившие страну с начала XX века, и дальнейшие преобразования во всех сферах жизнедеятельности отразились на развитии и функционировании института семьи. В результате появилась тенденция к разрушению устойчивых семейных связей, к трансформации моральных и нравственных норм внутри российской семьи, к изменению социальных ролей, к новым формам существования самой семьи и брачно-половых отношений. [2]

Советское государство с тоталитарным режимом правления и единой идеологией сформировало совершенно новое представление о семье. В период с 1917 по 1991 года процессы, происходящие в жизни страны и советском

обществе, ускорили ослабление института семьи и брака. Причина этой деинституализации заключается в отношении к семье, как к объекту манипулирования и управления. Занимаясь решением внутренних и внешних проблем и следуя общемировым тенденциям, государство воздействовало на советскую семью для реализации своих политических целей. Проследив эволюцию семейной политики Советского государства, можно заключить следующее: с развитием индустриального типа общества происходит возрастание роли государства в институциональных изменениях семьи.

Не случайно, одной из «жертв» революционных событий и Гражданской войны в России 1917- начала 1920 гг. стал институт семьи. Для вновь создаваемого коммунистического общества был необходим новый тип семейно-брачных отношений с иным представлением о семейных ценностях и о роли мужчины и женщины в семейной структуре. Придя ко власти, большевистское правительство установило курс на разрушение наиболее консервативного общественного института «буржуазной семьи». Достижение этой цели предполагалось осуществить за счет провозглашения равенства между мужчиной и женщиной, как в семейной, так и в профессиональной сфере. Семейная политика 20-х годов, допускающая свободу действий по отношению к семье и браку, привела к повышению уровня брачности и разводимости городского населения. Если в 1915 году уровень брачности на тысячу человек в Петрограде был равен 5‰, то к 1920 году уже составлял 27,6‰, также исследования показали, что на 10 000 браков в Петрограде приходилось 92,2‰ разводов. [3,4] Стоит отметить, что данные идеи получили поддержку и у части либеральной интеллигенции, которая никогда не была сторонником идеологии большевизма. В целом семейная политика в первые годы советской власти не смогла в полной мере достичь своих разрушительных целей, так как именно семья для многих граждан стала опорой и стимулом к выживанию в тяжелые революционные и постреволюционные годы.

Совершенно иной подход к восприятию семьи и, как следствие, особая семейная политика сформировались в конце 20-х - середине 50- годов XX века.

Так как государство установило за собой неограниченное господство в принятии решений, касающихся производства и распределения экономических благ, то наличие семьи как самостоятельного субъекта экономики больше не требовалось. Репрессивное законодательство Сталинского периода, минимизировавшее индивидуальные свободы граждан, затронуло и брачно-семейные отношения. Семейное законодательство было призвано решить две ключевые задачи. Демографическая задача заключалась в стимулировании рождаемости, показатели которой были сильно снижены в условиях военного времени. Идеологическая задача состояла в стабилизации общества и установлении приоритета государственных интересов над индивидуальными. Таким образом, тотальный партийно-государственный контроль опирался на правовую систему запретов и санкций, которая активно использовалась в послевоенный период. [1, 600]

Семейная политика последних двух десятилетий Советского государства сводилась к ряду протекционистских мер по защите и стимулированию материнства. Это было обусловлено тем, что перед советской женщиной стояла задача совмещения двух ролей: хорошей матери и трудолюбивой работницы. Но в то же время в советском обществе возобладали мотивы малодетности и массовая потребность в одном-двух детях, в результате этого с начала 90-х годов началась убыль населения. [5] Кроме этого в большинстве регионов страны возросло число разводов, увеличилась детская преступность. Еще одним результатом семидесятилетнего господства тоталитарной системы является современная нуклеарная семья, состоящая из родителей и несовершеннолетних детей, которая получает все большее распространение на территории нашей страны.

Безусловно, семейная политика, от которой зависит развитие, как отдельной личности, так и всего общества, является важным компонентом всей государственной политики. Если рассматривать главной задачей семейной политики укрепление института семьи и разработку эффективных мер по поддержке и защите членов семьи, то можно заключить, что в Советском

государстве данная задача не была эффективно реализована. Негативные социально-демографические процессы, которые были обусловлены различными кризисами Советского общества, и нестабильная политика по отношению к институту семьи заложили основы кризисных тенденций и многих проблем современной российской семьи.

Литература:

1. Социология семьи: Учебник/ Под ред. проф. Антонов А .И.- 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ИНФА-М, 2007 - Стр. 600
2. Семенов А. А. Кризис традиционной семьи и эволюция брачно-семейных отношений в годы Гражданской войны (1917-1920 гг.) // Научный журнал КубГАУ// №109(05). 2015 год
3. Сорокин П.А. «О влиянии войны»/ «Экономист» № 1, 1922.
4. Родин Д. О моральной статистике// Вестник статистики. № 9-12, 1922.
5. Антонов А.И. /Демографический кризис России и безотлагательность пронатализма/ <http://www.perspektivy.info/print.php?ID=36236>

Репродуктивные установки молодых женщин

Афонин М. В.

Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Россия,

Ярославль

Определяя причины низкого уровня рождаемости в России, большинство специалистов связывает их с трансформацией института семьи и брака. Для современного типа рождаемости можно выделить две характерные черты: широкое использование средств ее контроля и устойчивость желаемого числа детей в семье (двое детей разного пола). Особое внимание здесь следует уделить положению женщины в семье, которое трансформировалось вместе с изменением ее экономического и социального положений. С возрастанием интереса к образованию, профессиональной деятельности, самореализации в жизни женщине остается все меньше времени для традиционной роли жены и

матери. Именно в изменении социального положения женщины мы видим основную причину демографических изменений, причем изменения эти продолжают происходить в современном российском обществе и репродуктивные установки молодых женщин могут меняться.

В связи вышеизложенным, объектом нашего исследования стали современные молодые женщины. Предметом исследования – репродуктивные установки молодых женщин в 2015-м и 1960-х годах. Целью исследования мы стало выявление особенностей репродуктивных установок современных молодых женщин в сравнении с репродуктивными установками молодых женщин 1960-х. Выборочную совокупность составили 104 женщины в возрасте от 18-ти до 40-ка лет. Статистическая ошибка выборки – 8,49. Анкета состояла из 15 вопросов – 8 закрытых и 7 открытых.

Исследование проходило в несколько этапов:

Изучение темы, разработка инструментария (анкетный лист);

Проведение пилотажного исследования, доработка анкеты;

Проведение анкетного опроса;

Сбор и обработка полученных данных;

5. Анализ полученных данных.

В рамках проведенного социологического опроса были исследованы репродуктивные установки современных женщин, выявлены различия в сравнении с результатами обследования, проведенного в конце 1960-х годов Беловой В.А.

В ходе исследования были выдвинуты следующие гипотезы:

Основная: репродуктивные установки современных женщин не отличаются от установок женщин 1960-х годов.

Частные:

Для большинства женщин идеальное количество детей в семье - 2-3;

Существует связь между ожидаемым и желаемым количеством детей;

У разных поколений среднее ожидаемое количество детей уменьшается при переходе к более младшим возрастным группам.

Для большинства респондентов желаемое мужем количество детей будет больше ожидаемого женой количества детей;

Дополнительные:

Существуют значимые различия в ожидаемом количестве детей у женщин, которые состоят в браке и не состоят в браке.

Существуют значимые различия в желаемом количестве детей у женщин, которые состоят в браке и не состоят в браке.

Результаты проведенного исследования показали, что некоторые тенденции, выявленные в процессе обследования 1969 г., имеют место и в настоящее время, в частности:

Подтвердилась гипотеза о том, что для большинства женщин идеальное количество детей в семье – 2-3;

По-прежнему существует сильная связь между ожидаемым и желаемым количеством детей – чем большее количество детей женщина рассматривает в качестве желаемого (несмотря на все обстоятельства), тем большее количество детей она ожидает родить;

Среднее ожидаемое количество детей в нашем исследовании не отличается значительно от среднего ожидаемого количества детей, выявленного в процессе обследования 1969 г. (2,14 против 2,4 соответственно);

У разных поколений среднее ожидаемое количество детей уменьшается при переходе к более младшим возрастным группам, за исключением возраста 35-39 лет, ожидаемое количество детей у респондентов этого возраста ниже, чем у остальных.

Тем не менее, в процессе исследования были выявлены следующие различия:

Не подтвердилась гипотеза о том, что для большинства респондентов желаемое мужем количество детей будет больше ожидаемого женой количества детей – результаты совпадают в 68% случаев.

Также выявлена тенденция к переходу от многодетности к малодетности: сегодня значительно больше доля тех, кто считает, что лучше вообще не иметь

детей или что лучше иметь одного ребенка, а также значительно меньше доля тех, кто считает, что лучше иметь 5 и более детей.

Нужно также обратить внимание, что нет значимых различий в ожидаемом и желаемом количестве детей у респондентов, которые состоят и не состоят в браке – данный вывод мы сделали, основываясь на сравнении средних при помощи t-критерия.

Модели и удовлетворенность супругов своим браком (на примере супругов, находящихся от пяти лет в браке)

Багун С. В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Семья – главная ячейка общества, она учит и закладывает в индивида те основы жизни и деятельности, которые в будущем полностью определяют состояние общества на данный момент его существования и развития. Точки зрения ученых о том, что семья является значимым элементом в социализации индивида и важной сферой научения взаимодействию с окружающим миром, превалирующее множество[1]. Описание и характеристика семьи через призму психологического знания дает большое количество разного рода подходов, хотя можно уверенно сказать, что не все они используются. Так, существуют вопросы, которые по индивидуальным причинам каждого из существующих подходов просто не могут быть рассмотрены. Но с уверенностью можно сказать, что такие вопросы как удовлетворенность браком, устойчивость семейной жизни, стабильность отдельно супружеских и семейных отношений – главные и востребованные на сегодняшний день[4].

Изучаемая проблема межличностного взаимодействия раскрывается не только в психологии, но также затрагивается социологической наукой, так как конкретно брачно-семейные отношения нельзя точно свести к только взаимоотношениям между супруги по той простой причине, что супружеская пара образует семью, а сама семья выполняет множество функций. Отсюда следует, что те самые становящиеся в браке взаимоотношение, на основе

рождения семьи приобретают комплексный характер. Т.А. Гурко, Ю.Е. Алёшина [3] и ряд других авторов сделали попытку в изучении удовлетворенности браком, которые впоследствии дали положительные результаты и еще более подробную картину для дальнейших исследований.

Можно смело говорить о том, что семья создаёт свой, особенный психологический климат, который, конечно же, может носить как положительный, так и отрицательный характер.

Касаемо *положительного* характера, то сюда следует отнести:

Материальное положение семьи;

Длительность совместного проживания супругов;

Возраст самих супругов;

Наличие детей;

К *негативному* характеру можно отнести:

Развод;

Наличие \ отсутствие измен;

Материальная недостаточность;

Отсутствие детей;

Различные варианты исследований проблемы, касающихся взаимопонимания супругов, находящихся в различных формах брака, их совместная удовлетворённость и единое функционирование – актуальные проблемы, которые на данном этапе развития общества находятся в постоянном поле зрения не только психологов, но также и социологов и ряда других наук.[4],[5] Из этого следует, что сама по себе актуальность рассматриваемой проблемы корнями уходит в сторону существующих разнообразных трудностей брака, которые мы имеем возможность наблюдать, и в сторону малообразованности в данной ситуации, касающейся важных факторов и вытекающих из них условий, которые в будущем имеют все возможности влиять на отношения супругов. Иначе говоря, благодаря существованию такого рода проблем в обществе на данный момент оказания помощи супругам в моменты кризиса совместной жизни существует большое количество.

Предметом исследования является *взаимосвязь удовлетворенности браком с моделями взаимодействия исследуемых индивидов в браке*, а объектом - *межличностные отношения супругов в браке*.

Проанализированные по основным вопросам удовлетворенности браком между супругами, данное пилотное исследование дало достаточно обогащенные данные, на основе которых можно сделать ряд выводов:

Активность респондентов большую часть выпадает на женский пол, чем на мужской;

У мужчин чаще встречаются зарегистрированные отношения, чем у женщин ;

Количество детей у обеих сторон респондентов варьируется в одинаковом количестве;

Женщины чаще соглашаются с мнением мужчин в решении каких-либо проблем, чаще идут на уступки;

Мужчины в полной мере довольны тем, как женщины выполняют свои домашние обязанности;

Женщины больше недовольны тем, что мужчина не выполняет свои домашние обязанности;

Мужчины реже соглашаются с какой – либо тратой денег, в отличие от женщин;

Женщины считают, что их интересы и общение совпадают во многом с мужчинами, чем сами мужчины;

Мужчинам чаще действуют «на нервы», в отличие от женщин;

Исходя из заключенных выводов, картина удовлетворенности браком на данный момент складывается вполне лаконичная и не критичная. В совместной жизни супругов всегда были, есть и будут присутствовать разного рода проблемы, переживания и недовольства, но при этом они все равно ищут выходы и справляются с трудностями на пути своей счастливой семейной жизни.

Данное исследование дает только частичное представление о том, как на

данный момент представляется степень удовлетворения брачной жизнью у опрошенных индивидов. Для более подробного и глубокого анализа с раскрытием определенных аспектов удовлетворенности следует использовать психологические методики тестирования супругов на их удовлетворенность совместными отношениями и жизнью.

Литература:

1. Алешина Ю. Е. Удовлетворенность браком и межличностное восприятие в супружеских парах с различным стажем семейной жизни. - М.: 1995.
2. Алешина Ю. Е., Гозман Л. Я., Дубовская Е. М. социально-психологические методы исследования супружеских отношений. - М.: Изд-во МГУ, 1987. -120с.
3. Алешина Ю. Е. Цикл развития семьи: и проблемы//Вестн. Моск. ун-та. Сер.14, Психология. -1987.-№2.-с.60-72.
4. Алешина Ю. Е., Борисов И. Ю. Поло – ролевая дифференциация как показатель межличностных отношений супругов // Вестник исследования моск. Ун – та. Сер. 14 Психология. – 1989. -№ 2 – с. 44 – 53.

Влияние миграционных процессов на социально-экономическую ситуацию в регионе

Бутуева З. А., Козулин А. В.

Бурятский государственный университет, Россия, Улан-Удэ

В последнее время наблюдаются изменения миграционных предпочтений россиян. «Раньше уезжали за лучшей долей, сейчас уезжают, чтобы было еще лучше». §§ Миграционные процессы Республики Бурятии характеризуются оттоком населения в города республики и близлежащих регионов. По образному выражению «Рыба ищет, где глубже, а человек, где лучше». Республика Бурятия относится к территориям, которые принято называть

---

§§ Социологи выявили "опасную" тенденцию: из "Рашки валят" вовсе не из-за Путина // Новости России от 10 апреля 2013 г. <http://txt.newsru.com/russia/10apr2013/russiamigr.html>

«окраиной». Это исторически определило развитие миграционных процессов на протяжении XIX-XXI вв. До середины XX в. миграционные процессы в России в целом носили центробежный характер, это было определено политической моделью, сковывавшей объективное развитие социально-экономических процессов и вынуждавшее население центральной части страны к перемене места жительства. В конце XX в. ситуация изменилась диаметрально противоположно. Подобная политическая линия стала присуща периферийным регионам России. К этому добавились изменение характера труда, экономической модели, системы взаимоотношений между регионами в целом. Это привело к изменению направления и миграционные процессы приобрели центростремительный характер-направленность. Если политическая ситуация не изменится в ближайшее время, то периферийные регионы будут оставаться непривлекательным местом для переселения и ожидать миграционного притока с республику в ближайшее время не стоит. На повестке дня стоит задача удержать то немногочисленное коренное и старожильческое население, которое родилось и выросло в регионе. Поэтому представляется необходимым рассмотреть характеристики социально-экономического развития Республики Бурятия как среды развития миграции населения.

Формирование отличительных особенностей развития региона уходит глубокими корнями в историю заселения и начало формирования поселенческой структуры. Региональная общность населения республики, являясь территориально обособленной частью населения страны, имеет сложную структуру, внутренне организована, обладает отчетливо выделяющимися частями в виде местных сообществ отдельных поселений и локальных систем расселения.

Значительная удаленность от политического центра, суровые природные условия, слабая освоенность территории, малонаселенность, невысокая плотность населения (2,79 человек на кв.км) [8].

Переход к новой модели регионального развития в постсоветский период привел к небывалой диспропорции социально-экономического развития города

и сельской местности. Различие в качестве жизни и доступности к средствам жизнедеятельности между городом и деревней стало катастрофическим. Неблагоприятная социально-экономическая ситуация, уровень качества жизни влияют на миграционные предпочтения жителей республики. По данным рейтингового агентства «РИА Рейтинг» в 2014 г. по качеству жизни Республика Бурятия заняла 75 место из 83-х регионов России. Это место занимают регионы аутсайдеры [7]. Таким образом, региональное развитие как среды развития миграции населения характеризуется рядом проблем. Это объективные особенности региона, такие как: географическое положение, природные условия, наследие прошлых исторических эпох развития, особенности современной социально-экономической ситуации.

Миграционные процессы в республике имеют ряд особенностей. По мнению С.А. Ганифаевой «...миграция населения имеет два среза: она не только межтерриториальное, но и межпоселенное явление. Поэтому миграционные потоки можно рассматривать не только как межтерриториальный, но и как межпоселенный обмен населением» [4, с.101].

В связи с этим, интересен анализ миграционных процессов, происходящих в настоящее время в республике в городских и сельских поселениях. В настоящее время происходит значительное увеличение городского населения за счет фактического расширения городских поселений при сохранении административных границ. Те земли, куда переселяются городские жители «де-факто» уже являются территорией города, «де-юре» – сельской территорией. Основное место среди мигрантов занимают сельские жители, переезжающие в город на постоянное место жительства, на сезонные работы. Переезд на постоянное место жительства также связан с поступлением детей в высшие и средние профессиональные учебные заведения.

Процесс переселения жителей в город из сельской местности вполне закономерен и объективен. Это показывает мировая практика. Подобные процессы происходили по всей Европе, Америке, а также в Азии. Деревни и села исчезают как вид поселения. На их место приходят одиночные фермерские

хозяйства. В России эти закономерности были исследованы давно. В начале XX века такую реформу проводил П.А. Столыпин, переселяя крестьян из сел и деревень на хутора и отруба. В конце 50 – нач. 60-х гг. XX в. такая практика государственной политики продолжилась. [2, с.145].

Более релевантными для происходящих в городах трансформационных процессов являются сети, «протянутые» между городом и сельскими районами, а также между властными структурами и маргинализированными слоями. Как говорится в России, «у богатых друзья, а у бедных – родственники» [11]. Приезжая в город, сельские жители стараются всеми правдами и неправдами получить прописку, которая дает право на место в школе, медицинское обслуживание и другие муниципальные услуги. Проще прописаться в квартире уже проживающего в городе родственника [10].

Тем не менее, масса сельских жителей прописку получить не может, что, впрочем, не мешает им перебираться в город. Целые районы колонизованы мигрантами. Мы видим, как в городе формируется модель расселения по родственному принципу, в корне отличная от советской «производственной» модели.

Обосновавшись на месте, мигранты требуют от властей провести к их домам воду, электричество и т. д. Но немало новоприбывших, особенно молодежь без специального образования и опыта профессиональной деятельности, не могут найти в городе работу. Они питаются едой, присылаемой из деревни и/или живут за счет воровства и других незаконных промыслов; наконец, иногда они переносят в город традиции сельского натурального хозяйства⁹⁰. По мнению С. Галданова, поток мигрантов из села скоро иссякнет, поскольку все способные выжить в городе туда и переедут, а людям без образования трудно освоить городской образ жизни [12, с.63]. Г. Манзанова же могла бы с ним не согласиться⁹². Впрочем, каким бы ни было будущее сельской миграции в Улан-Удэ, один тип сетей будет постоянно воспроизводиться — это сети, строящиеся вокруг официальных должностей и недавно сколоченных состояний [11, с.55], т. е. на пересечении иерархической

вертикали с горизонталью личных и родственных связей. Такого рода сети пронизывают весь город, от периферии до центра, объединяя людей самых разного имущественного и социального положения.

Неуправляемая и стихийная межпоселенческая миграция обострила ряд проблем социально-экономического плана, о которых пишет М.С. Алексеева: «Сельская миграция в условиях кризиса стала индикатором социальной мобильности и конкурентоспособности жителей постсоветского села». <...> «Массовый приток в городской ареал мигрантов является естественным процессом не только в плане предпосылок, но и в отношении производимого им эффекта обострения конкуренции...». <...> «В контексте социально-экономических проблем, охвативших пространство постсоветских городов, особенно в так называемых «депрессивных», или дотационных регионах, сельская миграция стала восприниматься как угроза городскому гомеостазу, фактор усиления конкуренции». <...> «Тема угрожающего давления на городскую инфраструктуру при обсуждениях проблем сельской миграции стала «козырной картой» в игре против мигрантов и в современной Бурятии». «В ходе этой борьбы представители городских властей и определенная часть «коренных» горожан через различные информационные каналы распространяют такие негативные образы сельских мигрантов, которые бы форсировали их исключение из городского пространства» [1, с. 130-135].

Таким образом, социально-экономическая ситуация, сложившаяся в Республике Бурятия опосредованно оказывает решающее влияние на миграционное поведение населения. Изменение рынка труда, курса национальной валюты, рост безработицы и национальный вопрос являются решающими факторами принятия решения о переезде.

Литература:

1. Алексеева М.С. Сельско-городская миграция и проблема самовольных поселений в постсоветской Бурятии: социально-экологический подход // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2010. - Т. 13. - № 4. - С.128-

139.

2. Бутуева З.А., Козулин А.В. Особенности миграционных процессов в Бурятии в начале XXI в. и меры по их регулированию / З.А.Бутуева // Вестник Бурятского государственного университета. Вып.5 Психология, социальная работа. – 2013. – С.144-149.
3. Воробьев Н.В. Региональная миграция населения в сибирских условиях. – Новосибирск: Наука, 2001. – 158 с.
4. Ганифаева С.А. Функции и стадии миграционного процесса / С.А. Ганифаева // Обсерватория культуры: журнал-обозрение. - 2007. - N 3 (май-июнь). - С. 98-102.
5. Ильин В.И. Российская глубинка в социальной структуре России // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2010. - Т. 13. - № 4. - С.40-45.
6. Плотность населения РФ на 1 января 2015 г. - Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 14.05.2015). - Загл. с экрана.
7. Рейтинг регионов РФ по качеству жизни. Рейтинговое агентство «РИА Рейтинг». [Электронный ресурс]. – М., 2014. – Режим доступа: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2014.pdf (дата обращения: 14.05.2015). - Загл. с экрана.
8. Федеральная служба государственной статистики: - Электрон. текстовые дан. – Режим доступа: http://burstat.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_ts/burstat/resources/4592de804844f6ea83aeed3bc4492f/02-03-07a.htm (дата обращения: 20.04.2015). - Загл. с экрана.
9. Для современного общества миграция как вид пространственной мобильности населения является естественным, объективным явлением. Контрастность условий жизни стимулирует активизацию миграции, сложности обустройства на новом месте тормозят развитие миграционных процессов. Как пишет Н.В. Воробьев: «Движущие силы миграции предопределены диспропорциями между частями страны, между поселениями,

разбалансированностью отдельных сфер внутри городов и регионов. В современных условиях наиболее важными движущими силами-факторами миграции считаются территориальная дифференциация уровня и качества жизни, занятости населения, демографических структур, социально-политической обстановки, безопасности человеческой жизни, в некоторых случаях экологической ситуации». К общим функциям миграции относятся: ускорительная, перераспределительная и селективная [3, с.12].

10. Хамфри К. Постсоветские трансформации в азиатской части России. - М.: Наталис, 2010. – С. 317.

11. Штейнберг И. Психология неэквивалентных обменов в сетях социальной поддержки городских и сельских семей // Вестник общественного мнения. Иркутск, 2004. - №6.

12. Галданов С. Город без горожан // Этнополитическая ситуация в Байкальском регионе: мониторинг и анализ. – Иркутск, 2002. -№4.

Наркомания и наркотизации молодежи и подростков – угроза генофонду нации

Васильева А. С.

*Московский государственный психолого-педагогический университет, Россия,
Москва*

В настоящее время правительством РФ все чаще осознается необходимость уделить внимание будущему поколению, т.е. молодежи.

Одним из важных факторов эффективного развития государства является уровень наркотизации. Не смотря на принимаемые государством и общественными институтами усилия, незаконная деятельность, связанная с оборотом наркотиков, в сознании молодежи, к сожалению, все чаще становится социально престижным занятием.

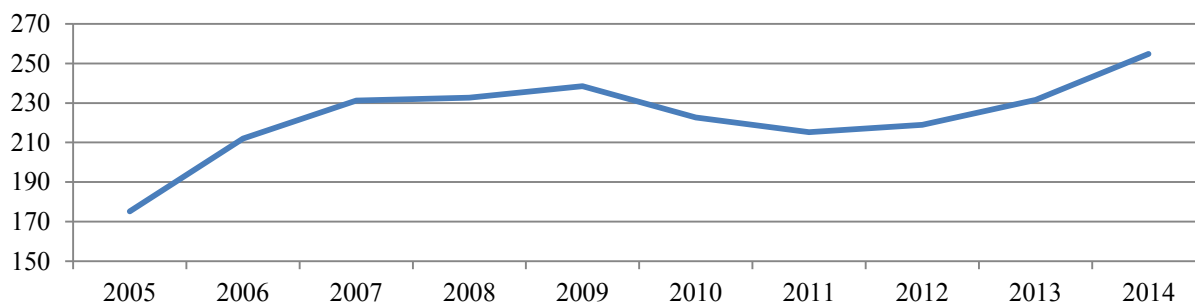
В последние 15 лет употребление молодежью наркотических и других психоактивных веществ превратилось в проблему, представляющую серьезную угрозу здоровью населения, социальной сфере и правопорядку страны.

К примеру, в небольшом российском городе Кимры на 56 тыс. человек населения приходится 7 тысяч наркоманов; каждая десятая женщина, ожидающая ребенка, ВИЧ-инфицирована. [2,187-188с.]

Рисунок 1.

Число преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков в РФ, тыс.

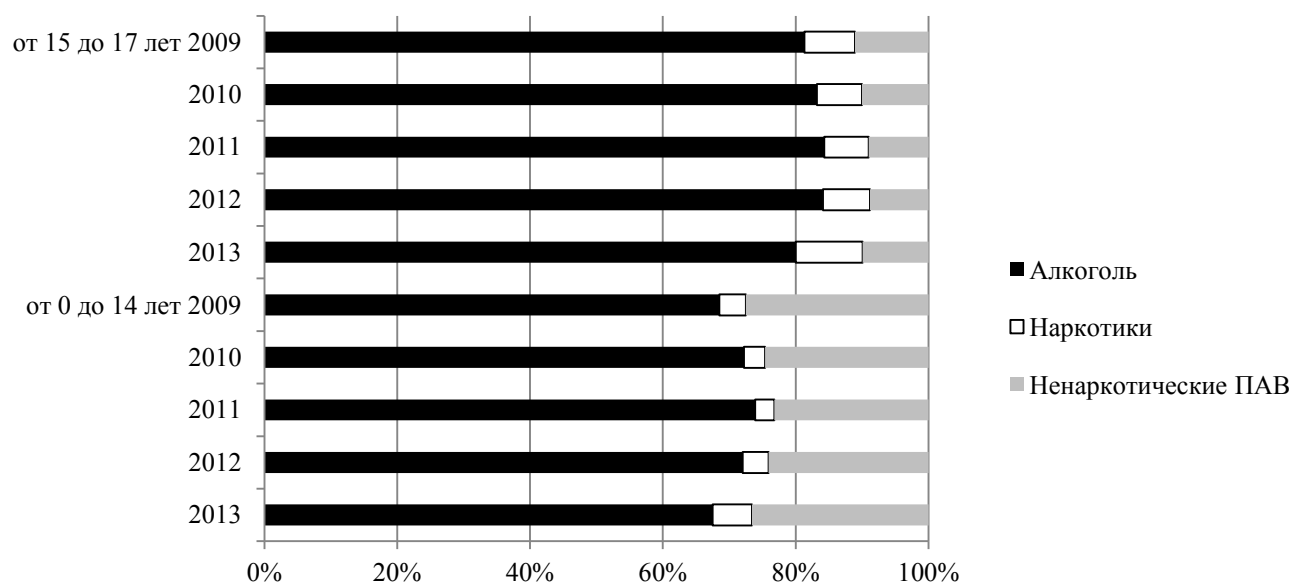

По статистике Федеральной службы государственной статистики с 2005 по 2009 г. в РФ наблюдался рост численности преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, до 2011 года происходил спад, а уже в 2014 году уровень преступлений вырос на 14,42% по отношению к уровню 2011 года.[6]

Негативные тенденции, возникшие по причине изменения уклада общества в постсоветской России: бесконтрольность, свободный доступ к наркотическим, психотропным веществам привели к росту употребления населением психоактивных веществ (далее - ПАВ). Наиболее явно данная тенденция прослеживается среди молодежи. [3]

С 2005 по 2013 гг. среди детей в возрасте 0-14 лет уменьшилась доля расстройств, связанных с ненаркотическими ПАВ (с 41,4% до 26,6%). Доля расстройств, связанная с наркотиками, сначала снижалась (с 4,9% в 2005 г. до 2,9% в 2011 г.), а затем снова начала расти (до 5,9% в 2013 г.). По сравнению с другими возрастными группами населения, именно среди детей до 15 лет часто применяются ненаркотические ПАВ.[1, 74 с.]

Структура распространенности наркологических расстройств в России
среди детей: 2009-2013 гг., %

Среди детей в возрасте 15-17 лет доля расстройств, связанных с наркотиками, сначала снижалась (с 10 % в 2005 г. до 7 % в 2011 г.), а затем снова начала расти (до 10 % в 2013 г.).

В 2012 г. употребление психоактивных веществ в Российской Федерации распределялось следующим образом (табл.1): наркотических веществ – 18 % и токсикоманических веществ – около 1 %.

Среди детей до 14 лет наркотизация встречается значительно реже (употребление наркотиков в 4% при 18 % в целом по России), а потребление токсикоманических средств – чаще (24 % против 1 %). [7]

Таблица 1.

Возрастные показатели суммарных данных зависимости и вредного действия ПАВ

Показатели потребления ПАВ (2012 г.)	Все возраста	Возрастные группы					
		10-14	15-17	18-19	20-39	40-59	60 и более
алкоголя*	1648,6	157	1672	907	1916	2795	849
%**	80,7	72	84	61	66	94	100
наркотиков*	372,9	8	132	491	951	189	3
%**	18,3	4	7	33	33	6	0,4
токсик.в-ва*	19,7	52	176	95	28	3,2	0,4
%**	1,0	24,0	8,8	6,4	1,0	0,1	00,5
ВСЕГО	2041,2	217,1	1989,2	1492,4	2894,1	2986,3	852,8

*- на 100 тыс. населения соответствующего возраста

** - в процентах к общему числу потребителей ПАВ

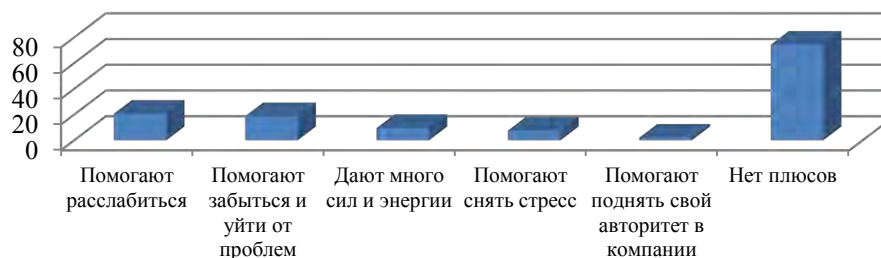
Из всего вышесказанного можно утверждать об опасности интеллектуальной деградации тех, кто в будущем составит образовательную и квалификационную элиту государства, а значит все общество в РФ находится под угрозой.

А как же относится само молодое поколение к употреблению наркотиков?

Если обратиться к одному из опросов на электронном портале, то наблюдаем следующую картину: 22,22% опрошенных пробовали наркотики, у 51,85 % среди знакомых есть люди, употребляющие наркотические вещества.

При этом одним из удручающих фактов является, что 12,96% опрошенных молодых людей имеют безынициативную гражданскую позицию (на вопрос об отношении к наркотикам ответили: «мне все равно»).

Какие на Ваш взгляд есть плюсы в употреблении наркотических веществ?

Из диаграммы наблюдаем, что основными плюсами в употреблении наркотиков подростки видят возможность расслабиться и уйти от проблем.

Среди минусов респонденты выделили: нарушение психики (83,33%), нарушение отношений с близкими (64,81%), возникновение проблем в учебе (44,44%).

Так же пугающий факт – 60,38 % респондентов считают, что наркотики, при желании, можно легко найти, а значит, молодые люди вполне осведомлены о местах сбыта наркотических средств.

Среди лиц, способствующих приему наркотиков, молодые люди выделили случайных знакомых (56,86%), друзей (41,18%) и родственников (1,96%). [3]

Современная концепция раннего предупреждения употребления наркотиков и роста наркомании среди подростков основана на том, что в центре внимания находятся личность несовершеннолетнего и три основные сферы его жизнедеятельности - семья, образовательное учреждение и досуг, включая связанное с ними микросоциальное окружение. [5]

В сложившейся ситуации необходимо уделить внимание первичной профилактике, целью которой будет воспитание психически здорового, личностно развитого человека, способного самостоятельно справляться с собственными психологическими затруднениями и жизненными проблемами, не нуждающегося в приеме ПАВ.

И в первую очередь необходимо обратить внимание на школы, как первичное звено в профилактических мерах по противодействию наркотизации молодежи и подростков.

Литература:

1. Абрамов А.Ю. Совершенствование механизма регулирования оборота наркотических средств и психотропных веществ в Российской Федерации [Текст]: дис. доктора мед. наук/А.Ю. Абрамов —Москва, 2015. – 316 с.
2. Кирсанов А.И. Противодействие наркобизнесу и наркомании в системе национальной безопасности России: политический анализ [Текст]: дис. доктора политич. наук/А.И. Кирсанов —Москва, Московский городской психолого-педагогический университет, 2010. – 349 с.
3. Кирсанов А.И. Смертоносный омут для наших детей: наркотики в школе и ВУЗе // Вестник Московской государственной академии делового администрирования. Серия: Философские, социальные и естественные науки. 2010. № 1. С. 75-79.
4. Портал опросов в интернете Online Test Pad: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://onlinetestpad.com/ru-ru/SurveyResults/Otnoshenie-molodezhi-k-narkotikam-891/Default.aspx>, свободный. – Загл. с экрана.
5. Приказ Министерства образования Российской Федерации от 28 февраля 2000 г. N 619 «О концепции профилактики злоупотребления психоактивными веществами в образовательной среде»
6. Федеральная служба государственной статистики: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.gks.ru/>, свободный. – Загл. с экрана.
7. Электронный научный журнал «Социальные аспекты здоровья населения»: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vestnik.mednet.ru/content/view/572/27/lang,ru/#1>, свободный. – Загл. с экрана.

Социальные изменения в городах Европы в контексте миграционных процессов

Вершинина И. А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Многие социальные изменения связаны с демографическими процессами. Жители некоторых европейских стран стали говорить о новом переселении народов вследствие резко возросшего количества мигрантов, однако, большинство из них оказалось не готово к социальным изменениям, которые уже начались. Предпосылки для интенсификации миграционных процессов существовали несколько десятилетий, многие социальные проблемы Европы можно понять, проанализировав демографическую ситуацию в регионе.

Довольно часто можно услышать вопрос: нужны ли мигранты Европе? Многие поспешно отвечают, что нет. Однако журналисты британской *The Guardian* провели опрос экспертов и предрекли Европе демографическую катастрофу [1]. В последние десятилетия уровень рождаемости в европейских странах резко снизился и не может обеспечить даже простого воспроизводства населения. Согласно данным Евростата, в 1960 году во всех европейских странах, по которым имеются сведения, кроме Эстонии, на одну женщину приходилось более двух детей, а в Нидерландах, Португалии, Ирландии и Словакии – более трех [8]. Даже Эстония лишь немного не дотянула до психологической отметки в два ребенка на одну женщину, остановившись на цифре 1,98 (причем в последующие десятилетия наблюдалась положительная динамика: 2,17 в 1970 году). Таким образом, население большинства европейских стран не только воспроизводило себя, но и обеспечивало прирост.

Однако уже к 1980 году ситуация изменилась: примерно в половине стран на одну женщину приходилось менее двух детей, и только в одной (Ирландии) – больше трех. Тенденция сохранилась в последующие десятилетия, коэффициент рождаемости продолжил снижаться, и к 2000 году лишь в одной из стран Европы (но не Европейского Союза) – Исландии – на одну женщину приходилось более двух рождений. Поэтому грядущая

демографическая катастрофа наметилась в Европе довольно давно, в последней трети XX века многие эксперты отмечали весьма тревожные тенденции. В 2013 году ни в одной из стран ЕС коэффициент рождаемости (*total fertility rate*) не превысил 2, а среднее значение для 28 стран ЕС составило 1,54 [8]. Интересно, что самая высокая рождаемость в ЕС в настоящее время отмечается во Франции (1,99 в 2013 году и 2,01 в 2014 году), где с 1975 года по 1995 год на одну женщину приходилось примерно 1,8 ребенка [3, p. 504]. Если же говорить о Европе в целом, то рождаемость в регионе падает, а жители стареют. Население ЕС стареет быстрее, чем в любом другом регионе мира, за исключением Японии [6, с. 22]

Таким образом, Европа переживает глубокий демографический кризис, смягчить который может, например, массовый прием мигрантов. Число желающих получить статус беженца или гражданство одной из европейских стран неуклонно растет с 2010 года (см. табл. 1).

Таблица 1.

Число мигрантов в странах ЕС [2]

2010	2011	2012	2013	2014	2015
259 400	309 000	335 300	431 100	627 000	1 321 600

Причем в некоторых европейских странах, например, в Германии, предпочитают говорить именно о беженцах, избегая термина «мигранты», стараясь подчеркнуть необходимость предоставления им помощи. Полагают, что одна из главных причин лояльности к мигрантам со стороны А. Меркель, – низкий уровень рождаемости в Германии [5]. В Германии самый низкий в ЕС процент населения в возрасте от 0 до 14 лет (13,1%) и самый высокий медианный возраст – 45,6 лет [7]. Как следствие, Германия гостеприимно распахивает двери перед мигрантами, 83% которых моложе 35 лет [2]: положительное решение о предоставлении гражданства было принято относительно 40 560 человек в 2014 году и 140 910 – в 2015 году [4]. Такого прироста положительных решений о предоставлении гражданства, как в

Германии, не было ни в одной другой стране ЕС (например, в Швеции разница незначительна: 30 650 в 2014 году и 32 215 в 2015 году). То есть можно говорить о том, что Германия ведет последовательную политику привлечения новых граждан, предлагая мигрантам привлекательные условия. Неудивительно, что Германия, одна из стран ЕС, принимает около трети миграционного потока.

Необходимо заметить, что количество мигрантов возросло не только за счет выходцев из тех стран, где идут военные действия. Лояльность властей по отношению к мигрантам приводит к тому, что воспользоваться ситуацией пытаются и жители некоторых других стран (например, Албании). По численности на первом месте, как в 2014 году, так и в 2015 – выходцы из Сирии, которых стало в три раза больше. На втором – так же стабильно Афганистан, но граждан этой страны в ЕС стало за год больше почти в пять раз. В восемь раз выросло количество мигрантов из Ирака, в четыре раза – из Албании, в два раза – из Пакистана и Косово, независимость которого не признается Россией. Данные по шести странам, из которых прибыло больше всего мигрантов в 2015 году, представлены ниже (см. табл. 2).

Таблица 2.

Страны происхождения мигрантов и их число [2]

	Сирия	Афганистан	Ирак	Косово	Албания	Пакистан
2014	119 000	37 900	14 800	34 100	16 100	20 600
2015	362 800	178 200	121 500	66 900	65 900	46 400

Мигранты в Европе селятся, в первую очередь, в городах, которые, как следствие, подвержены значительно большим социальным изменениям, чем сельские районы. Увеличение доли населения, рожденного за пределами ЕС, приводит к появлению и разрастанию этнических гетто, которые становятся источниками конфликтов. Европейские страны, следуя традициям толерантности, принимают не только мигрантов, но и новые культурные традиции и модели поведения. Меняется не только этнический состав европейских стран, но и идентичность их жителей.

Европейские страны оказались в сложной ситуации. Если закрыть границы для мигрантов, европейцы в скором времени начнут ощущать последствия старения населения и депопуляции. Приглашение же мигрантов на территорию ЕС приведет к значительному изменению социальной структуры населения. Большинство политических лидеров склоняется к выбору второго пути, однако, рост популярности правых партий свидетельствует о том, что не все европейцы готовы гостеприимно встретить мигрантов.

Литература:

1. *Нелюбин Е.* Обзор инопрессы. Есть ли чувство стыда у ЕС, и можно ли спасти РФ от катастрофы. URL: <http://www.bfm.ru/news/301474> (дата обращения: 09.03.16).
2. Asylum statistics. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics#Asylum_applicants (accessed: 29.04.16).
3. Demographic research. Volume 19, article 16. Max Planck Institute for Demographic Research, 2008. URL: <http://www.demographic-research.org/volumes/vol19/16/19-16.pdf> (accessed: 29.04.16).
4. First instance decisions on applications by citizenship, age and sex. Annual aggregated data. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/en/web/products-datasets/-/MIGR_ASYDCFSTA (accessed: 29.04.16).
5. *Gietel-Basten S.* Japan is not the only country worrying about population decline – get used to a two-speed world. URL: <https://theconversation.com/japan-is-not-the-only-country-worrying-about-population-decline-get-used-to-a-two-speed-world-56106> (accessed: 29.04.16).
6. People in the EU: who are we and how do we live? 2015 edition. Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/7089681/KS-04-15-567-EN-N.pdf/8b2459fe-0e4e-4bb7-bca7-7522999c3bfd> (accessed: 29.04.16).
7. Population structure and ageing. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Population_structure_and_ageing (accessed: 29.04.16).

8. Total fertility rate, 1960–2014 (live births per woman) YB16.png. URL: http://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/File:Total_fertility_rate,_1960%E2%80%932014_%28live_births_per_woman%29_YB16.png (accessed: 29.04.16).

Факторы социально-демографической безопасности современной России

Викторов А. Ш.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В условиях противоречивой динамики демографических изменений проблема демографической безопасности обретает особое значение, ибо от ее решения зависит социальное воспроизводство российского общества. В современной специальной литературе понятие «демографическая безопасность» определяется через состояние и тенденции развития народонаселения, при которых количественные и качественные изменения в нем сохраняют положительную направленность и не ослабляют возможности жизнедеятельности и развития социума; защищенность общества от неконтролируемых неблагоприятных изменений в народонаселении [1;333]. Ряд авторов рассматривают её как определенный процесс в контексте устойчивого или неустойчивого развития человечества, «когда рост народонаселения становится основной глобальной проблемой человечества, за которой уже следуют остальные, в том числе антропогенные изменения окружающей среды и возможность исчерпания ресурсов» [2;17] и как некий итог, ибо она «выражает суммарный результат всей экономической, социальной и культурной деятельности, составляющей историю человечества» [2;207].

Вышеотмеченные определения, на наш взгляд, не раскрывают полностью сути данного явления, поскольку в них практически не затрагивается содержательный, т.е. ценностный и организационный аспект демографической безопасности народонаселения. Поэтому мы будем исходить из того, что демографическая безопасность – это управление процессом различных (опасных, небезопасных и безопасных) исторически сложившихся видов

воспроизводства населения на основе конкретной идеологии безопасного развития человека и общества, которая будет способствовать сохранению и качественному улучшению населения планеты вне зависимости от места его проживания, экономических, социальных, этнокультурных и расовых отличий. Для России демографическая безопасность связана, прежде всего, с изменением негативных качественных (средний срок продолжительности жизни) и количественных (уровень рождаемости и смертности) показателей состояния как коренных российских народов и этносов, так и гражданского населения. Проблема резкого увеличения численности населения Земли как демографическая опасность стала впервые серьезно осознаваться человечеством в конце предыдущего столетия. Ведущие специалисты в этой области пришли к парадоксальному выводу: улучшение жизни человечества обусловило его численный рост и поставило под угрозу само существование человечества на планете Земля. Однако наиболее угрожающей составляющей этой проблемы был выделен неконтролируемый рост населения планеты, ибо он ведет к перенаселению и острой нехватке ограниченных ресурсов Земли для обеспечения возросших масс её жителей. Хотя в некоторых странах (в силу разных условий), таких как Россия, проблема демографической угрозы проявилась в негативной (обратной) тенденции снижения численности населения.

Важно отметить, что демографическая проблема имеет целый ряд нежелательных последствий, которые чреваты опасностями: 1) интенсивное старение населения и рост числа людей нетрудоспособных возрастов; 2) неуправляемая миграция и иммиграция населения; 3) неравномерность расселения и увеличение плотности населения в определенных регионах или городах; 4) деформация и разрыв традиционных взаимоотношений и крайняя неустойчивость новых отношений. Всё это, в известной мере, создает и формирует урбанизированную небезопасную среду обитания.

Проблема демографической безопасности России в современной научной литературе – одна из самых дискуссионных, ибо связана с неоднозначным

пониманием и осмыслением (научным, ценностным) характера будущего развития человека. Так, например, если для одних авторов снижение численности, прежде всего, русского народа (его депопуляция) является главной угрозой национальной безопасности России, то другие рассматривают её через призму естественной убыли всего российского населения (выделяя внутренние и внешние причины), а третьи – в контексте того или иного решения вопросов социальной защищенности граждан (помощь молодым семьям, развитие медицинского обслуживания населения и др.).

Однако в самом общем виде, несмотря на известные расхождения, авторы едины в том, что сложившаяся демографическая ситуация: устойчивый процесс депопуляции и высокие темпы естественной убыли населения – требуют эффективно социальной и национально-ориентированной политики государства в целях сохранения и выживания России.

Как показывает анализ специальной литературы наступление депопуляции в России вызвано рядом факторов, имеющих как фундаментальный, так и инструментальный характер (те или иные социально-идеологизированные решения). Фундаментальные факторы, т.е. сложившиеся к настоящему времени параметры самого населения (возрастная структура) и его воспроизводства таковы, что они и в XXI веке будут воздействовать на сокращение численности населения России. Эффект инструментальных факторов как в отношении рождаемости (определенный позитивный сдвиг под воздействием мер помощи семьям в 80-е годы), так и в отношении смертности (снижение под воздействием мер антиалкогольной кампании) полностью исчерпал себя к началу XXI века. Но самое главное заключается в том, что на этом фоне возрастает влияние на воспроизводственные процессы такого общего фактора как системный кризис, связанный с институциональным и структурным изменением российского общества, который и предопределил следующие характерные особенности сложившейся демографической ситуации в современной России, а именно:

значительные масштабы сокращения населения;

низкая рождаемость, массовое распространение однодетной семьи, не обеспечивающей воспроизводства населения;

продолжающееся старение населения, изменение соотношения работающих и пенсионеров, обостряющее проблемы пенсионного обеспечения;

огромные потери населения, вызванные сверхсмертностью мужчин, особенно от несчастных случаев, отравлений и травм;

кризис семьи, высокий уровень разводов;

зависимость темпов сокращения численности населения от уровня компенсации естественной убыли внешней миграции;

значительные объемы вынужденной миграции и нелегальной миграции.

сокращение объема внутренней миграции, снижение мобильности населения.

Таким образом, перед Россией встала необходимость проведения грамотной демографической политики, независимой от той или иной политической конъюнктуры.

Литература:

1. Безопасность Евразии 2003 // Энциклопедический словарь, Москва, 2004, с. 333.
2. Капица С.П., Курдюмов С.П., Малинецкий Г.Г. Синергетика и прогнозы будущего. Москва: Изд-во Едиториал УРСС, 2003. с. 17; 207.

Социально-экономические последствия демографических факторов в условиях глобализации

Винокурова Е. И.

*Институт русского языка и культуры МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В современном мире возросла роль демографических, экономических, политических факторов, которые оказывают влияние на все страны мира. В условиях глобализации эти факторы оказывают все большее влияние на

социально-экономическое развитие отдельных стран и регионов, с одной стороны. С другой стороны, сама глобализация оказывает все большее влияние на эти факторы, усложняя их взаимодействие, взаимонаправленность, неся риски и угрозы для национальных экономик. Речь идет о миграционных процессах, которые имеют различные причинно-следственные аспекты. В условиях глобализации процесс перемещения населения принимает масштабы планетарного перемещения населения. По данным ООН в настоящий момент мигрантами являются 60 миллионов человек. Причинами, побуждающими мигрантов к смене места жительства являются: экономические, исторические, политологические, географические, демографические, психологические и другие причины.

Ученые давно заметили, что «международная миграция населения формирует устойчивые социальные трансформации, как в принимающих странах, так и в странах происхождения, причем на разных уровнях: на уровне государства, общества в целом и местных сообществ» [1.С.69]. Эти трансформации в большей степени оказывают влияние на принимающее общество, поскольку мигранты должны интегрироваться или адаптироваться, т.е. каким-то способом «встроиться» в систему социально-экономических отношений принимающего социума.

Социальные трансформации проявляются в первую очередь в изменении этнического состава населения. В результате этого происходит внедрение в принимающее общество инородной для принимающего социума культуры, традиций, норм поведения, религии. Массовая миграция этнически отличного от принимающего общества населения несет угрозу сохранения идентичности и устойчивости национальной государственности принимающих мигрантов стран. Этот вопрос особенно актуален в настоящий момент, когда население мира растет в основном за счет стран Африки и Азии.

Таблица 1. Население мира.

<i>Major area</i>	<i>Population (millions)</i>			
	2015	2030	2050	2100
World	7 349	8 501	9 725	11 213
Africa	1 186	1 679	2 478	4 387
Asia	4 393	4 923	5 267	4 889
Europe	738	734	707	646
Latin America and the Caribbean	634	721	784	721
Northern America	358	396	433	500

Source: United Nations, Department of Economic and Social Affairs, Population Division (2015). *World Population Prospects: The 2015 Revision*. New York: United Nations.

Основной тенденцией европейских стран является старение населения и, особенно в части трудоспособного населения, когда, как в странах Африки и Азии происходит рост населения и средний возраст составляет 26,9 лет. По прогнозам доля численности населения стран Африканского континента в общей численности населения вырастет до 25 %, доля населения стран Азии будет составлять 54 % в 2050 году. Если учитывать факт, что рост населения происходит в беднейших странах мира, то социальные последствия могут оказаться непредсказуемыми для этих стран и для стран с более высоким уровнем жизни.

Европейские страны для поддержания высокого уровня жизни и сохранения высоких темпов роста экономики, в условиях снижения населения в трудоспособном возрасте, все больше будут нуждаться в иностранной рабочей силе, поэтому миграционный фактор все больше будет оказывать свое влияние на развитие экономик европейских стран. Однако, мигранты не торопятся интегрироваться в западную культуру. Это еще один из *факторов конфликта и противоречий*, формирующийся внутри принимающего общества и мигрантов. Мигранты – это конкуренты за социальные ресурсы.

Желание сохранить высокий уровень жизни, высокие социальные гарантии европейское общество может столкнуться с проблемой сохранения собственной идентичности и государственности. Актуальным является предположение профессора демографии Оксфордского университета *Д. Коулмена*. Изучая Великобританию и некоторые европейские страны, он

предположил, что из-за низкой рождаемости в некоторых развитых странах Европы происходит трансформация в этническом составе населения. По предположению Д. Коулмена, при сохранении этнической трансформации состава населения коренное население в будущем станет меньшинством. Затем, возможно, будет *«замещение» коренного населения* большинства стран Западной Европы различным *«пришлым населением»*[2]. Это подтверждается статистическими данными. Так, например, за счет естественного прироста населения число жителей Великобритании увеличится только на 3,5 млн. человек к 2035 году, прирост в 7,4 млн. человек будет последствием иммиграции[4]. Население Германии сократится с 80 млн. 689 тысяч человек в 2015 году до 63 млн. 244 тысяч человек в 2100 году[5]. Для поддержания баланса численности населения нуждам экономики, Германия будет вынуждена все более активно привлекать иностранную рабочую силу из государств Азии и Африки. Германия *является наиболее предпочтительной страной Европейского союза для мигрантов*. Сегодня Германия вторая по популярности принимающих мигрантов страна после США. Причинами этого являются: высокий уровень социальной защиты и заработной платы, правовые гарантии воссоединения семей, для членов которых предусмотрены льготы при получении образования и дальнейшего трудоустройства, содействие немецких властей в трудоустройстве.

Система социального обеспечения является одним из важнейших факторов в выборе стран для иммиграции. Придавая огромное значение миграционной политике, Д. Коулмен предлагал активные меры государств Европы по стимулированию рождаемости в своей стране, привлечения женщин к экономической деятельности, снизить уровень внешней миграции. Кроме того, актуальным является также его предположение о том, что активная политика европейских государств по интеграции мигрантов может привести к неблагоприятным результатам, как для иммигрантов, так и для коренных европейцев из-за больших культурных, расовых и религиозных различий[3]. В Германии, например, турецкая диаспора составляет примерно треть от 8 млн.

200 тысяч иностранцев, постоянно проживающих в Германии, турецкий язык стал вторым неофициальным языком в Германии, а ислам, по мнению канцлера Германии А. Меркель, стал частью Германии. В Германии, как и во многих европейских странах уже происходит рост правых настроений, что подталкивает общество к социальным потрясениям.

Исследователями, например, Ионцевым В.А., было также отмечено, что с массовой миграцией населения происходит формирования *нового населения*, основу которого составят дети, рожденные в семьях, где один из родителей является мигрантом.

К сожалению, Россия сталкивается с такими же демографическими проблемами, как и страны Европы: происходит сокращение численности населения в трудоспособном возрасте, поэтому нашей стране также необходимо учитывать социально-экономические риски при сохранении демографической нестабильности в стране.

Таким образом, демографические промахи в государственной политике ряда европейских государств и в России могут иметь серьезные социально-экономические последствия.

Литература:

1. Ивахнюк И. В. Международная миграция как ресурс развития (замечания в связи с глобальной дискуссией)// Век глобализации 2011 . № 1. С.66-79
2. Коулман Д. Европа на перекрестке дорог: должны ли население Европы и её рабочая сила зависеть от новой иммиграции? Международная миграция: Каир+10. М.:МАКС-Пресс.204.-Вып.12.С.23
3. Coleman D.A. Immigration and ethnic change in low-fertility countries: a third demographic transition // Population and Development Review. 2006. № 32(3). P. 401–446., Coleman, D. A. 2006. Immigration and ethnic change in low fertility countries: a third demographic transition. Population and Development Review 32(3): 401 - 446.
4. Office for National statistics. <http://www.ons.gov.uk/ons/rel/npp/national->

population-projections/2014-based-projections/rpt-5-migration-assumptions.html#tab-International-migration-assumptions

5. United Nations Department of Economic and Social Affairs // <https://www.un.org/development/desa/en/>

Культура участия и коллективное поведение граждан города Екатеринбурга: потенциал и перспективы.

Гильманова Е. М.

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н.

Ельцина, Россия, Екатеринбург

Работа посвящена потенциалу культуры участия в г. Екатеринбурге. Особое внимание уделено вопросу чувственного восприятия настоящей ситуации и его возможности отразится на характере коллективного поведения, формирующего политическое участие. Определены перспективы исследования для более глубокого анализа выявленного противоречия относительно положительной оценки коллективного действия и неготовности отстаивать свои права.

Государственные институты не всегда могут быстро и адекватно отреагировать на зреющие запросы, тогда как общество с развитой культурой участия может помочь агентам власти в получение важной информации на "входе" и "выходе". Отличительной особенностью культуры участия, введенной Г.Алмандом и С.Вербой, считается понимание гражданами их права влиять на власть, и связанная с этим активность. В работе планируется рассмотреть насколько развита культура политического участия в г.Екатеринбурге. Под *политическим участием* понимается непрофессиональная политическая деятельность, не связанная с функционированием государственного аппарата, но стремящаяся повлиять на его работу. **Цель исследования:** определить потенциал политического участия и его возможный характер. Для анализа были использованы методы анкетного опроса (опрос был проведен в декабре 2015 года, в ходе которого было опрошено 232 человека).

Тип выборки стихийная.

Мы использовали термин *коллективное поведение* так как именно оно определяет наличие политического участия и его характер, поскольку может исходить как от негативных эмоций (при недовольстве ситуацией) или человек желает улучшить положение (настоящая ситуация его устраивает, но он хочет большего). Ван Зомерен выделяет три фактора коллективной активности: 1. *гнев*; 2. *вера в коллективную эффективность*; 3. *социальная идентичность*. [2]

Основные вопросы анкеты, необходимые для оценки потенциала коллективного поведения, были разделены на пять основных групп, связанным с механизмами возникновения коллективного поведения: ***чувственное восприятие; оценка эффективности коллективного действия; основания для консенсуса, способные сформировать групповую идентичность.***

Исследование показало, что коллективная активность более присуща молодому поколению. Средний процент по всем проявлениям активности составляет максимум у учащихся почти 20%, что не является высоким показателем. Общий же средний процент - 16,6%. Мотивации участия в общественно-политической жизни выше у учащихся и студентов, которые не только видят больше перспектив данной деятельности, но и консолидируются во взглядах на общественно-политическую деятельность как на способ самоопределения и самовыражения. У учащихся самой большой популярностью пользуется ответ - "Возможность общения с единомышленниками", т.е. речь идет не только об индивидуальном самоопределении, но нахождение групповой идентичности. Однако, стоит отметить, что привлекательность участия все равно не очень высокая, с другой стороны пессимистичные оценки перспектив участия в общественно-политических движения ("ничего не могут дать") весьма низкие.

Консолидирована представлена оценка эффективности политических институтов - "2" ("не эффективно"). Такая оценка подтверждает недовольство сложившейся ситуацией и демонстрирует мнение респонденты разных возрастов о невозможности отстаивать свои права путем использования правовых

практик, через сложившиеся общественные институты. Здесь заметно главное противоречие: учащиеся и студенты в целом положительно оценивают коллективные действия и участие в политико-общественной деятельности, однако объединение с другими людьми они не рассматривают как возможный путь защиты своих прав. Здесь есть несколько возможных причин такой оценки: власть не услышит людей ("мы все равно ничего не изменим"); с людьми тяжело договориться (проблема доверия). Данное противоречие может демонстрировать глубокую системную проблему неэффективности институтов. Готовность молодых людей к позитивному объединению для самореализации наталкивается на неготовность общественных институтов дать такие возможности.

Таким образом, было выявлено отсутствие веры в коллективную эффективность, связанное с негативной оценкой существующими в настоящее время институтами и практиками. Однако, была выявлена позитивная оценка молодежи к культуре участия. Таким образом встает вопрос чем обусловлено противоречие низкого потенциала и хорошего восприятия культуры участия. Таким образом, для дальнейшего исследования представлено две траектории:

1. Замечено противоречие: молодое поколение оценивают коллективные действия намного положительнее, тогда как их эффективность в вопросе защиты своих прав отрицают. Необходимо подробнее рассмотреть возможные истоки такого противоречия, выяснить идет ли речь о системной проблеме неэффективности институтов. Здесь также необходимо определить что знают респонденты о своих правах, возможностях, обязанностях и о возможности влияния на систему. Проблема отсутствия веры может быть следствием как субъективного недоверия, так и простой неосведомленности. Более того, желательно разъяснение того, что респондент подразумевает под политическими ценностями.

2. Несмотря на то, что в оценках наблюдается определенная доля консолидации, результаты, связанные с нестабильностью поднимают вопрос об изучении доверия более углубленно. Именно доверие, и связанное с ним

взаимопомощь составляют социальный капитал, необходимый для качественного развития общества.

Таким образом, проделанное исследование открывает несколько направлений дальнейшей работы, связанной с выявлением потенциала культуры участия, вопросами социального капитала и такими важными характеристиками общества как согласие и доверие.

Литература:

1. Антология мировой политической мысли: В 5 т. М., 1997. Т. II. С. 593—600; Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура и стабильная демократия // Политические исследования. 1992. № 4.
2. Е.Р. Агадуллина, Коллективные действия: предикторы и модели. Социальная психология и общество. № 3/2013. С. 42.

Изменение в системе образования в условиях современной демографической ситуации

Глотов М. Б.

Российский государственный педагогический университет имени Герцена,

Россия, Санкт-Петербург

В ежегодном Докладе Фонда ООН в области народонаселения, современная демографическая ситуация в России определяется как демографический кризис. О существовании в России демографического кризиса свидетельствуют резкое падение рождаемости и увеличение смертности. Общий коэффициент рождаемости в современной России подтверждает наличие суженного воспроизводства, начавшегося в 1990-е годы. Согласно Всероссийской переписи населения 2010 года по сравнению с переписью 2002 года население России сократилось на 2,2 млн. человек. За последнее пятилетие в нашей стране каждый год умирает на 1 млн. человек больше, чем рождается. В Санкт-Петербурге смертность превысила рождаемость в 1,9 раза.

Незначительному увеличению общего коэффициента рождаемости в России за последние пять лет способствовали принятые правительством социально-экономические меры, направленные на ослабление негативных процессов в демографической ситуации, Однако общий уровень рождаемости все еще остается достаточно низким. При таком уровне рождаемости, по прогнозу ООН, к 2050 году население России по сравнению с 2010 годом может сократиться на 40 млн. человек.

Сложившаяся современная демографическая ситуация в России ставит перед государственной системой образования ряд важных проблем. Эти проблемы касаются учащихся всех ступеней образования. Из-за резкого сокращения рождаемости за последние 20 лет в России уменьшилась численность школьников, а, следовательно, и потенциальный контингент среднего профессионального и высшего образования.

Особенно остро в связи с демографическим кризисом в России встала проблема образования в сельской местности. За период между переписями населения 2002 и 2010 годов численность населения России сократилось на 1,6%, а сельского населения – на 3,1%, то есть в два раза больше. В сельском расселении преобладает мелкодисперсность – 72% сельских населенных пунктов имеют численность жителей менее 200 человек, а поселения с численностью свыше 2 тыс. человек составляют всего 2%.

В настоящее время 70% российских школ являются сельскими, в которых преподают более 40% учителей. Сегодня в 6000 сельских населенных пунктах отсутствуют школы. После того, как Министерство образования и науки РФ сочло, что содержание сельских школ требует слишком больших затрат, субъекты РФ планируют ликвидировать и реорганизовать в сельской местности в 2016 году 427 «лишних» школ, в 2017 году – 297, в 2018 году – 220.

Прежде всего, под ликвидацию попадут малокомплектные сельские школы. Закрытие малокомплектных школ порождает ряд дополнительных проблем в образовании сельских учащихся. Например, транспортная удаленность школ от места проживания учеников (940 сел находится далее, чем

за 25 км от ближайшей школы). Оторванность детей от их семей (в случаях, когда дети проживают в школе-интернате или у родственников) не только разрушают необходимый для воспитания детей привычный образ жизни в семье, но и негативно влияют на успешность обучения и на профессиональную ориентацию работы по прежнему месту жительства. Малочисленность в сельских поселениях учащихся также приводит к ликвидации некоторых ранее созданных там специальных профессиональных учебных заведений, готовящие для сельского хозяйства квалифицированные кадры. Большинство тех, кто выезжает в города для получения профессионального образования, в родные места возвращается редко.

Из-за резкого сокращения за последние 20 лет рождаемости в России уменьшилась численность школьников, а, следовательно, и потенциальный контингент среднего профессионального и высшего образования. В настоящее время предлагаемых некоторыми вузами число бюджетных мест для абитуриентов превышает количество выпускников средних школ. В связи с этим под предлогом оптимизации функционирования высших учебных заведений Министерство образования и науки РФ с 2012 года приступило к процессу ликвидации так называемых «неэффективных» государственных и негосударственных вузов и их многочисленных филиалов, непрофильных факультетов и кафедр. Наряду с этим происходит объединение вузов в университетские конгломераты, объединяются также факультеты и кафедры.

В соответствие с новым Государственным образовательным стандартом сокращен вдвое объем аудиторных занятий по ряду, главным образом, непрофильных дисциплин, резко уменьшился перечень изучаемых социально-гуманитарных дисциплин. Максимально увеличена почасовая учебная нагрузка преподавателей. В результате значительно сокращается преподавательский корпус высших учебных заведений. Для того чтобы сохранить штатную ставку преподаватели вынуждены соглашаться вести два-три, а в некоторых случаях и более смежных предметов. Некоторые преподаватели переводятся на половину и даже на четверть ставки. При существующей низкой оплате педагогического

труда в составе большинства кафедр резко сократилось число ассистентов и старших преподавателей, а также желающих поступать в магистратуру, аспирантуру и докторантуру, способных в будущем заменить доцентов и профессоров.

В качестве положительного момента изменения в системе образования в условиях современной демографической ситуации России можно признать меры по обучению иностранных мигрантов. По данным Всемирного банка, Россия в настоящее время занимает второе место в мире по количеству въезжающих в страну мигрантов. Согласно данным российских миграционных служб, в 2015 году официально насчитывалось более 10 млн. иммигрантов. 90% приезжающих в России трудовых мигрантов – мужчины (в возрасте 18-29 лет – 74%, 30-36 лет – 26%). Среди российских иммигрантов 24% имеют незаконченное среднее образование, 37% – среднее, 34% – среднее специальное и только 5% – высшее. Владеют русским языком свободно – 34%, говорят по-русски плохо – 52%, не знают русского языка – 14%. Среди петербургских мигрантов 60% не имеют профессионального образования, 20% – не могут говорить по-русски, 50% – знают отдельные слова и фразы.

В настоящее время в средних школах крупных городов России формируются классы для детей определенной национальности, в которых они одновременно изучают русский язык, историю и культуру России, а ряд предметов преподается на национальном языке. Взрослым мигрантам предлагается обучение на курсах по русскому языку и истории России. Для трудовых мигрантов введены экзамены по русскому языку, истории и основам законодательства Российской Федерации. В принятой 13 июня 2012 года «Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года» рекомендовано расширить контингент студентов в российских вузах и в учреждениях среднего профессионального образования из числа иностранных граждан, преимущественно граждан государств СНГ.

Представления молодежи о семье в условиях трансформации института семьи и брака в России

Гольдберг А. Я.

*Московский Государственный Университет имени М.В. Ломоносова, Россия,
Москва*

В настоящее время институт семьи и брака находится на этапе трансформации, что выражается в глубоких изменениях жизнедеятельности семьи, её ценностях, образцов поведения и норм. Новые явления в репродуктивных и брачных сферах уже не могут пониматься как отклонение от норм. Поэтому возникают трудности выбора подходящей модели семьи, как для общества в целом, так и для отдельного человека.

На протяжении XX века традиционный тип семьи заменяется модернизированным типом. Вместе с традиционными формами семейно-брачных отношений формируются и закрепляются альтернативные формы. Наиболее распространенными альтернативными формами семейно-брачных отношений являются: сознательно бездетный брак, одиночество, внебрачные сексуальные связи, незарегистрированное сожительство.

Возникающие трансформации не обходят стороной и Россию. Институт семьи в России переживает сложный процесс трансформации, который обусловлен как кризисным состоянием российского общества, так и глобальным переходом от традиционной семьи к семье модернизированной.

Развитие российской семьи имеет следующие особенности:

1. Рост числа нуклеарных семей.
2. Рост числа семей с одним родителем, среди которых преобладают семьи, состоящие из незамужней, вдовой или разведенной женщины с ребенком (или несколькими детьми).
3. Уменьшение числа семей сложного состава (расширенная семья).
4. Уменьшение среднего числа детей в семье.

Эти и другие процессы являются следствием трансформации института семьи в России. Что, к сожалению, ведет к негативным последствиям.

Последующее развитие института брака и семьи и ее трансформация во многом зависит от молодого поколения. Современное общество стоит на распутье – оно отказалось от ориентиров прошлого, но не выработало новых. Те ценностные установки, которые преобладают сейчас, перейдут к следующему поколению, именно поэтому так важно понять и узнать, какую семью молодое поколение считает приемлемой и каким образом они планируют или уже выстраивают семейные отношения.

Эмпирическим материалом для статьи послужили данные социологического опроса, проведенного автором в 2016 году. В опросе участвовало 150 человек из различных городов России. По половому признаку респонденты в исследовании разделились следующим образом: большинство участников опроса – женщины (117 человек, 78%). Мужчин - 33 человека (22%).

Современная молодежь в большинстве своем хотят вступить в законный брак. 70% участников опроса (105 человек) хотят вступить в законный брак. 18,7% респондентов уже состоят в законном браке (28 человек), остальные совсем не хотят связывать себя узами брака (11,3%).

Что касается желаний иметь детей, то в этом случае мы можем наблюдать следующую картину. Большинство респондентов хотят иметь детей – 88,6% (в данный процент включены также те, у кого есть дети, но хочет еще). 11,4% респондента не хотят иметь детей, из них 4% уже имеют детей.

В вопросе «Сколько Вы хотите иметь детей, включая уже имеющихся?» респонденты поделились следующим образом: 67,3% - 2-3 ребенка, 11,3% - 1-2 ребенка, и 7,5% - больше 3 детей.

Отношение к разводу может меняться в зависимости от различных факторов. В настоящее время мало людей считают, что развод недопустим в целом.

Таблица 1.

Как Вы относитесь к разводам?

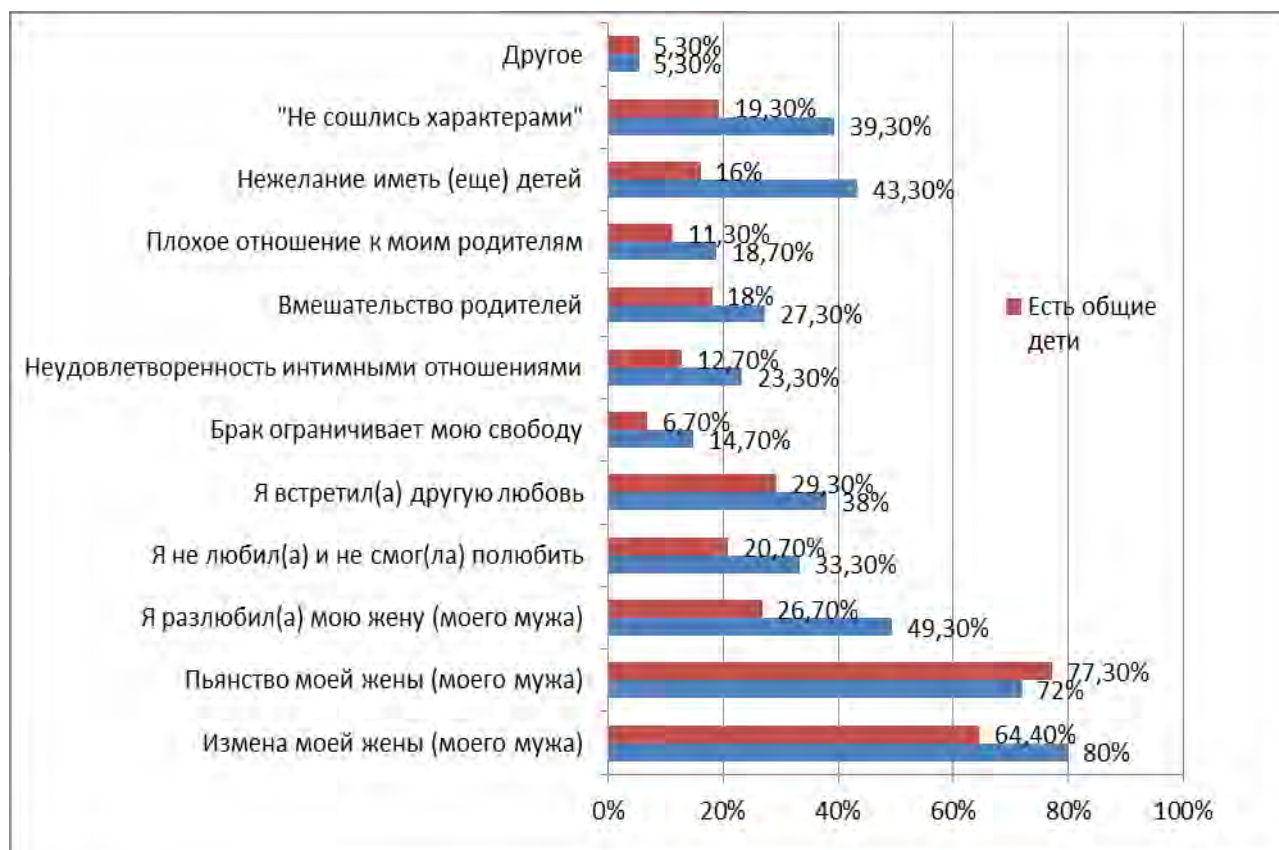
	В семьях без общих детей	В семьях с общими детьми
Считаю, что развод недопустим ни при каких обстоятельствах	5,3%	10%
Считаю, что развод возможен только по некоторым причинам	30,7%	52%
Считаю, что развод возможен по любой причине	55,3%	27,3%
Затрудняюсь ответить	6%	8%
Другое	2,7%	2,7%

Таким образом, мы можем наблюдать, что наличие общих детей в семье делает отношение к разводу более ответственным. Если большинство респондентов считают, что в браке без общих детей развод допустим по любой причине (55,3%), то если в браке есть общие дети, то развод возможен лишь по ряду причин (52%).

Далее, рассмотрим, какие причины являются уважительными для развода в семьях без детей и с детьми.

Рисунок 1.

Что, по Вашему мнению, является уважительной причиной для развода (если у супругов есть общие дети/нет общих детей)?

На рис. 1, видно, что в случае, если в семье есть дети, проценты выбранных причин уменьшаются. Это говорит о том, что на многие причины, которые могли бы привести к разводу, в случае если детей в семье нет, молодежь готова «закрывать глаза», если в семье есть общие дети.

Вопрос о главенстве в семье практически всегда стоит остро. Большинство респондентов считает, что главным в семье должен быть муж (68%). 26% выбрали вариант «другое», подразумевая в основном равенство в семье.

Несмотря на распространение альтернативных форм брачно-семейных отношений, в частности таких, как гомосексуальный брак, современная молодежь считает отношения между двумя людьми одного пола совершенно недопустимыми (41,3%). Причем это касается не только интимных отношений, но и создания гомосексуальных браков – в этом случае 46,7% респондентов полностью отрицают подобные союзы.

Таблица 3.

Как Вы относитесь к интимным отношениям и к созданию браков между людьми одного и того же пола?

Отношение к интимным отношениям		Отношение к созданию браков	
Это не допустимо	41,3%	Полностью отрицаю	46,7%
Скорее не допустимо	17,3%	Скорее отрицаю	12,7%
Скорее допустимо	9,3%	Никак не отношусь к таким союзам	22,7%
Это допустимо	22%	Скорее не отрицаю	8,7%
Затрудняюсь ответить	10%	Совсем не отрицаю	9,3%

По результатам проведенного исследования можно сделать следующие выводы:

Молодежь лучше относится к традиционным формам брачно-семейных отношений, чем к альтернативным.

Большинство молодых людей стремятся к официальному заключению брака.

Дети являются важной составляющей семьи, и их число должно составлять 2-3 ребенка.

Развод принимается по любой причине, которую кто-либо из партнеров посчитает нужной, но только в случае, если в семье нет общих детей. Иначе, развод возможен лишь по ряду причин, главная из которых – пьянство супруга или супруги.

Главным в семье должен быть муж.

Несмотря на распространение гомосексуальных союзов, отношение к таким парам российской молодежи скорее негативно.

Сравнив полученные данные с другими эмпирическими исследованиями, мы можем сделать вывод, что различия между ними либо полностью отсутствуют, либо незначительно различаются. Это дает нам возможность считать, что данные полученные в данном опросе сопоставимы с реальным положением дел в обществе.

Подводя итог можно сказать о следующем. Трансформация и кризис института семьи и брака, которые ведут к распространению в мире альтернативных форм брачно-семейных отношений, не оказывают существенного влияния на представления молодежи о семье в России. Мы можем наблюдать лишь некоторые отклонения от традиционной семьи, которые, при этом, не несут негативных тенденций или влияний.

Потенциал математических моделей в прогнозировании демографического поведения населения

Гончарова Н.П., Вараксина Н. В., Вараксин С. В.

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

Происходящие в стране демографические процессы увеличения продолжительности жизни и снижения рождаемости объективно способствуют старению общества и бросают вызов устойчивому социально-экономическому развитию России. Для адекватного реагирования на эти тенденции возникает необходимость в прогнозировании происходящих процессов. При этом многие

факторы имеют не количественные, а качественные показатели, для описания которых как нельзя лучше подходит теория нечетких множеств и нечеткая логика.

Выбранный аспект научной проблемы предполагает необходимость опоры на широкий круг источников как математического, так и социолого-демографического характера. Теорию нечетких множеств разработал Л. Заде и опубликовал в 1965 г. [1]. С 1980-ых годов начали активно разрабатываться сначала методы нечеткой регрессии временных рядов [2-4], а впоследствии методы анализа нечетких временных рядов [5-6] в приложении, как правило, к финансово-экономическим и техническим процессам. Они зарекомендовали себя как весьма эффективные методы. В нашей стране эти исследования связаны, прежде всего, со школой проф. Ярушкиной Н.Г. [7-9]. В то же время в социологических и демографических исследованиях эти методы, известные как Time Series Data Mining, как правило, не применяются. В качестве исключений можно упомянуть работы [10-11] построения моделей количества случаев террора и работу азербайджанских ученых Мамедовой М.Г., Джабраиловой З.Г. [12].

Существенный вклад в разработку теории и методологии исследований демографических процессов внесли как зарубежные исследователи (Г. Беккер, Г. Борстром, Р. Истерлин, Дж. Кейнс, Дж. Колдуэлл, А. Ландри, Ф. Осборн, Р. Пресса, Дж. Роббинс, А. Сови, Г. Тэйлор, У. Фогт, Дж. Хаксли, П. Эрлих, Т. Эспеншейд), так и отечественные ученые (Е.М. Андреев, А.И. Антонов, В.Н. Архангельский, И.В. Бестужев-Лада, В.А. Борисов, Д.И. Валентей, А.Г. Вишневский, А.Г. Волков, Н.В. Зверева, А.Я. Кваша, В.М. Медков, В.И. Переведенцев, Л.Л. Рыбаковский, Б.Ц. Урланис, Б.С. Хорев и др.). Методология и методы построения демографических таблиц разработаны такими учеными, как Д. Боуг, Ф. Виликенс, Г. Вунш, П. Демени, Я. Зигель, Н. Кейфиц, Э. Коул, Р. Пресса, С. Престон, А. Роджерс, Р. Схоен, М. Термот, Ч. Чанг, Г. Шройк, Дж. Хоем.

С целью выявления и оценки потенциала математических моделей в

прогнозировании демографического поведения населения реализуется проект, задачами которого являются построение математических моделей брачно-семейного, репродуктивного, самосохранительного и миграционного поведения населения, а также трудовой активности пожилых людей и отношения к изменению пенсионного возраста с помощью анализа нечетких временных рядов.

В проекте предполагается использовать методы интеллектуального анализа данных для нечетких временных рядов, интерпретируя качественные эмпирические данные как значения лингвистических переменных. Кроме этого будут использованы методы нечеткой регрессии временных рядов и авторегрессии нечетких временных рядов применительно к основным демографическим показателям, а также к индикаторам демографического поведения населения (брачно-семейного, репродуктивного, самосохранительного, миграционного), самооценки трудовой активности лиц пожилого возраста и отношения населения к изменению пенсионного возраста. Подобные исследования в отечественных социологической и демографической науках практически не проводились, за исключением работ Гурова А.А. и Пономарева И.В. в области исследования рынка труда [13-14].

Использование аппарата теории нечетких временных рядов может быть чрезвычайно полезным для построения математических моделей и прогнозирования описанных демографических процессов и внесет большой вклад в развитие социологической науки. Прогнозы и выводы, полученные в процессе исследования, могут быть использованы для корректирования социально-экономической и демографической политики органов государственной власти и социальной защиты населения.

Ожидаемые результаты научного исследования позволят углубить существующую систему знаний о демографических процессах для целого ряда наук, особенно демографии, социологии и их смежных отраслей, а также будут способствовать совершенствованию понятийного аппарата этих отраслей научного знания и дальнейшему развитию научных исследований в данной

предметной области, особенно в сфере математического моделирования и прогнозирования социально-демографических процессов.

Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект №16-06-00350 «Прогностический потенциал теории нечетких временных рядов в построении модели демографического поведения населения».

Литература:

1. Zadeh L.A., Fuzzy sets, Information and Control, № 3(1965), p. 338-353.
2. Tanaka H., Uejima S., Asai K., Linear Regression Analysis with Fuzzy Model, IEEE Transactions on Systems, Man and Cybernetics, № 12(1982), p.903-907.
3. Celmins A., Least Squares Model Fitting to Fuzzy Vector Data, Fuzzy Sets and Systems, № 22(1987), p.260-269.
4. Diamond P., Least Squares Fitting of Several Fuzzy Variables, Proceedings of Second IFSA Congress, Tokyo, 1987, p.20-25.
5. Song Q., Chisson B., Fuzzy Time Series and its Models Fuzzy Sets and Systems, №54(2004), p.269-277.
6. Avazbeigi M., Hashemi Doulabi S.H., Karimi B., Choosing the appropriate order in fuzzy time series: A new N-factor fuzzy time series for prediction of the auto industry production, Expert System with Applications, № 8(2009), 5630-5639.
7. Afanaseva T., Perfilieva I, Romanov A., Yarushkina N.G., Granular Time Series and Fuzzy Tendencies Forecasting, World Congress of International Fuzzy Systems Association 2011 and Asia Fuzzy Systems Society International Conference 2011, Surabaya-Bali, Indonesia, 21-25 June 2011.T.B.
8. Афанасьева Т.В. Моделирование нечетких тенденций временных рядов – Ульяновск: УлГТУ, 2013.
9. Ярушкина Н.Г., Современный интеллектуальный анализ нечетких временных рядов // Труды V Международной научно-практической конференции «Интегрированные модели и мягкие вычисления» (Коломна, 20-30 мая 2009 г.). – В 2 т. – Т.1. – М: Физматлит, 2009. с. 19–30.

10. Manikandan M, Senthamarai Kannan K., Deneshkumar V. Computational Method Based on Distribution in Fuzzy Time Series Forecasting, International Journal Of Scientific Research, № 2(2013), p.508-511.
11. Sivasamy R, Njoku Ola Ama, Mixed Average-Based Fuzzy Time Series Models For Forecasting Future Civilian Fatalities By Terrorist Attacks In South Asia, International Journal of Physics and Mathematical Sciences ISSN: 2277-2111 (Online) An Open Access, Online International Journal Available at <http://www.cibtech.org/jpms.htm>, № 4 (1)(2014), January-March, p.20-25.
12. Мамедова М.Г., Джабраилова З.Г. Нечеткая логика в прогнозировании демографических аспектов рынка труда. Искусственный интеллект, №3(2005), с.450-460.
13. Гуров А.В., Пономарев И.В. Моделирование численности вакансий на рынке труда Алтайского края, Известия АлтГУ, № 1.2-12(2014), с.81-85.
14. Пономарев И.В. Нечеткие временные ряды и их применение к моделированию социально-экономических процессов, сб.статей по материалам конференции «Ломоносовские чтения на Алтае-2014», Барнаул 2014, с. 511-513.

Экономический фактор рождаемости в условиях нестабильности

Грудина Т. Н.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Усугубление в современном обществе демографического и экономического кризиса ставит вопрос о рождаемости в России достаточно остро, а именно «каким образом улучшение или ухудшение условий жизни, рост или падение уровня материального благосостояния воздействуют на уровень рождаемости» [6, с. 8].

Существуют различные точки зрения по поводу связи числа детей в семье с уровнем ее благосостояния, то есть с доходами и жилищной обеспеченностью.

Суть одного из направлений состоит в попытке объяснить снижение рождаемости противоречием между ростом потребностей и отставанием

возможностей для их удовлетворения, побуждающим вынужденный отказ от большого числа детей, потребность в которых "первично" высока. Б.Ц. Урланисом была разработана схема, «объясняющая различную распространенность рождений первой, второй и третьей очередностей неодинаковой мерой "эластичности" потребности в каждом из этих детей для брачной пары. Довольно близка к этому другая позиция, основывающаяся на противоречии между растущим благосостоянием, способствующим реализации высокой потребности в детях, и возросшим культурным уровнем населения, что порождает новые потребности, вступающие в конкуренцию с потребностью в детях. Одновременно растет и ответственность родителей за воспитание детей, и цена их социализации, образования и т.д.» [5, с.150].

В западной демографической литературе это направление начал разрабатывать Г.Беккер. В первой половине 60-х гг. он сформулировал основы так называемой экономики рождаемости, базируясь на собственных исследованиях идеального и фактического числа детей в семьях с различным социальным статусом и уровнем дохода. Г. Беккер считал, что «поскольку в процессе экономического развития растет цена человеческого времени, оно превращается, наряду с материальными, в самостоятельный фактор благосостояния семьи и личности. Вследствие этого рождение каждого ребенка объективно снижает его "предельную полезность", что и является главной причиной снижения рождаемости. Одновременно экономический прогресс предъявляет дополнительные, постоянно растущие требования к качеству социализации детей, стимулирует рост затрат. Таким образом, и на уровне общества в целом, и на уровне отдельной семьи (домохозяйства) происходит альтернативный выбор между количеством и качеством "человеческого капитала" [7].

Действительно, наличие детей, определённого их числа выступает для индивида самоценным и одновременно является средством удовлетворения потребностей более высокого по отношению к детям иерархического уровня. В.А. Борисов поддерживает такую позицию: «...если дети нужны, т.е.

представляют собой ценность, с чем кажется, никто не спорит, то, значит, есть и соответствующая этой ценности потребность, потребность в детях» [2, с. 179].

В теории репродуктивного поведения разработаны теоретические представления о двойном влиянии материального благосостояния на семейное поведение. По мнению проф. А.И. Антонова, заведующего кафедрой социологии семьи и демографии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, при потребности в двух детях и при бурном росте благосостояния и дохода, растёт уровень притязаний у населения, который препятствует реализации потребности в детях. Не улучшение жизни как таковое вызывает падение рождаемости, а возникновение разрыва между потребностями и возможностями их удовлетворения. Во многом, ценностные ориентации влияют не только на потребность в детях, но и на восприятие условий её реализации: «важно именно субъективное восприятие (а не объективная характеристика тех или иных условий), так как именно из него индивид исходит в своём поведении» [1, с. 43].

Известно, что в семьях с низким уровнем дохода и образования итоговое число детей оказывается больше, чем в семьях с высоким уровнем дохода и образования. Этот феномен обратной связи рождаемости с уровнем благосостояния показывает влияние ценностных ориентаций на степень удовлетворения потребности в детях. Конечно, для качественного воспитания детей необходимо финансовое обеспечение, жилищные условия, благосостояние. Однако, попытка преодоления демографического кризиса только экономическими средствами [3]. без учета духовной составляющей, обречены на провал, поскольку причины демографического кризиса - не в кошельках, а в душах людей [4].

Литература:

1. Архангельский В.Н. Факторы рождаемости. М. 2006.
2. Борисов В.А. Перспективы рождаемости. М., 1976.

3. См. об этом: Вовк Е.А. Столкновение ценностей. Многодетность и ответственность. URL: http://www.ng.ru/scenario/2008-03-25/21_values.html
4. См. об этом: Патриарх Алексей: Причина кризиса семьи - не в кошельках, а в душах людей. URL: http://www.pravmir.ru/article_3071.html
5. Урланис Б.Ц. Проблемы динамики населения СССР. М.: Наука, 1974.
6. Фамилистические Исследования. Том II. Миллион мнений о семье и себе. Науч. ред. А.И.Антонов. М.: КДУ. 2009.
7. Becker G., Lewis G.H. On the interaction between the Quantity and Quality of Children // Journal of Political Economy. Vol 82, № 2. Part II.

Ценность семьи как фактор влияния на демографические процессы в современном обществе

Гусякова Л.Г., Говорухина Г. В., Яйтакова А. В.

Алтайский государственный институт культуры, Россия, Барнаул

В конце XX столетия ученые все отчетливее стали фиксировать признаки трансформации семьи [7 и др.]. В России к числу основных тенденций трансформационных процессов института семьи можно отнести: во-первых, переход от патриархальной к нуклеарной семье; во-вторых, уменьшение количества суммарной рождаемости, которая, прежде всего, обусловлена повышением занятости женщин; в-третьих, развитие нетрадиционной формы брака, как сожитительство; в-четвертых, распространение добрачных сексуальных связей [2-3].

Как нормальное явление современного этапа развития общества ученые фиксируют – сожитительство, частную смену партнеров, откладывание рождения ребенка и т.д. [5].

В настоящее время все более отчетливо проявляется такое семейное поведение, которое демографы и социологи называют «вторым демографическим переходом» [6; 8 и др.], что проявляется в девальвации традиционной формы совместной жизни – семьи, возникшей на основе заключения брака. Но в тоже время, как показывают результаты исследований,

семейная жизнь во всех ее формах остается в сознании большинства людей естественным образом жизни [1].

В Республике Алтай с 2010 года проводятся социологические исследования с целью анализа процессов регионального управления демографическими и семейными процессами. В 2010-2011 годах был проведен опрос населения, направленный на выявление особенностей трансформации института семьи в регионе. Результаты этого исследования свидетельствуют о том, что: во-первых, распространено сожителство, как альтернативная форма официального брака. Так, среди опрошенных респондентов в официальном браке состоят 58,3% респондентов. При этом большинство респондентов (62,4%) считают допустимым сожителство и лишь 4,7% - считают такую форму брака недопустимой. Сравнение отношения к сожителству между мужчинами и женщинами показало, что женщины в большей степени склонны считать такую форму брака допустимой (34,6%), нежели мужчины (27,7%).

Во-вторых, происходит обесценивание института семьи, что прослеживается и во мнении опрошенных по допустимости рождения ребенка вне брака. Проведенное исследование показало, что больше половины респондентов (55,3%) считают рождение ребенка вне брака допустимой ситуацией. Недопустимым такое рождение ребенка считают лишь 8,1% респондентов. При этом женщины в большей мере склонны считать внебрачную рождаемость допустимой – 33,5%, чем мужчины – 21,7%. Кроме того, 86,1% респондентов отметили, что среди их знакомых есть женщины, родившие ребенка вне брака и лишь 9,7% не имеют среди своих знакомых таких женщин [4, с. 120].

Одновременно с опросом населения был проведен экспертный опрос, в ходе которого было выявлено, что большинство экспертов (93,7%) считают, что только с развитием внутрисемейных ценностей возможно здоровое функционирование человека в обществе, в результате чего возможно преломление отрицательных тенденций в демографическом развитии региона. Но в тоже время большинство экспертов (62,4%) считают допустимым

сожителство (гражданский брак) и, соответственно, больше половины экспертов (55,3%) считает допустимым рождение ребенка вне брака, при этом женщины в большей мере склонны считать внебрачную рождаемость допустимой, чем мужчины [4, с. 112].

В 2014 году было проведено социологическое исследование с целью анализа демографической ситуации в Республике Алтай. Было опрошено 1200 жителей Республики Алтай [4, с. 132]. Среди опрошенных имеют: одного ребенка – 17,5%; двух детей – 25%; трех – 15,8%; четырех – 5%; пятерых – 1,7%; шестерых 1,7%; не имеют детей – 33,3%.

На вопрос: «Могли бы Вы усыновить или взять под опеку ребенка?», - были получены следующие ответы: да - 35,8%; нет - 31,7%; не задумывался - 32,5%. Как можно заметить, примерно равное количество опрошенных готовы (35,8%) и не готовы (35,8%) усыновить или взять под опеку ребенка, а также не задумывались над этим вопросом (32,5%).

На вопрос: «Как Вы считаете, какие формы брака в настоящее время являются наиболее предпочтительными?», - были получены следующие ответы: гражданский брак – 49,2%; зарегистрированный брак – 48,3%; другое – 0,8%; затруднились ответить - 1,7%. Опрошенные жители Республики Алтай примерно в равной мере предпочитают, как гражданский брак (49,2%), так и зарегистрированный брак (48,3%).

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что население региона, прежде всего, ориентировано на создание семьи на основе зарегистрированного брака и воспитание двух и более детей.

В настоящее время значимым для формирования новой стратегии демографической политики России является постановка и решение крупных национально-государственных задач сохранения, обеспечения безопасности общества, государства и человека, его семейно-демографического развития. В соответствии с этим представляется важной разработка стратегии и методологии региональной семейной политики, ориентированной на активизацию потенциала семьи. В основе построения эффективной

демографической политики должно быть целостное, комплексное видение развития российского общества, каждого отдельного человека, семьи, которая должна сохраниться как базовая социально-демографическая ячейка общества и его социальный институт.

Литература:

1. Митрикас А.А. Семья как ценность: состояние и перспективы ценностного выбора в странах Европы / А.А. Митрикас // Социологические исследования. - 2004. - № 5.
2. Население России в XX веке : исторические очерки : в 3 т. - Москва: РОССПЭН, 2005. - Т. 3, кн. 1 : 1960-1979.
3. Об итогах Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс] // Всероссийская перепись населения 2010 / Федер. служба гос. стат., 2010. – URL: http://www.perepis-2010.ru/results_of_the_census/results-inform.php
4. Основные направления исследования демографической политики в Республике Алтай: монография / под ред. Л.Г. Гусяковой. - Горно-Алтайск: РИО ГАГУ, 2014.
5. Синельников А.Б. Семья и брак на европейском фоне / А.Б. Синельников // Мониторинг общественного мнения. - 2010. - № 4 (98).
6. Lesthaeghe R. On the Social Control of Human Reproduction / R. Lesthaeghe // Population and Development Review. - Vol. 6. - 1980. - № 4.
7. Macura M. Eastern and Western Europe's Fertility and Partnership Patterns: Selected development from 1987 to 1999 / M. Macura, I. Mochizuki-Sternberg, J.L. Garcia // Dynamics of Fertility and Partnership in Europe / Ed. By M. Macura and G. Beets. - UN. N.Y. Geneva, 2002.
8. Van de Kaa D.J. Europe's Second Demographic Transition / D.J. Van de Kaa // Population Bulletin. - Vol. 42. - № 1. - Population Reference Bureau, Washington D.C., 1987.

Проблема оттока молодежи из Иркутской области

Дугаржапова Д. Б.

*Институт Социальных Наук Иркутского Государственного Университета,
Россия, Иркутск*

Каждый год Иркутская область лишается своих лучших молодых представителей. Кто-то, окончив университет, отправляется на заработки, кто-то продолжает учебу, но уже за пределами Прибайкалья. Уезжают очень многие, и практически никто не собирается возвращаться. Молодые семьи и сама молодежь, хочет реализовать свое светлое будущее, как для себя, так и для своих близких. Крупные города постоянно пополняются приезжими из малых городов, в том числе из Иркутской области, сел со всего региона. Этот процесс говорит о том, что молодые люди, уезжая, приносят ряд негативных последствий для городской структуры Иркутска, а именно: сокращается численность населения, город стареет, снижается интеллектуальный потенциал.

Миграция молодых людей, происходит из ряда причин: перспектива трудоустройства, возможность самореализации и продвижение карьерного роста, манящая инфраструктура городов мегаполисов. В наибольшей степени, именно карьерное стремление студентов, лежит в основе переезда на постоянное место жительства.

Демографическая и миграционная ситуация, сложившаяся в Иркутской области, как и по России в целом, по-прежнему остается достаточно сложной: наблюдается устойчивая тенденция ежегодного сокращения населения. По данным Иркутскстата за 2015 год, число выбывших с области превысило число прибывших на 6,1 тысяч человек. Так же стоит отметить, что львиная доля (более 80% человек), уезжают из Прибайкалья в возрасте от 20 до 30 лет. Самыми привлекательными для переселения территориями являются Центральный округ федеральный и особенно Москва, Северо-Западный округ и в частности Санкт-Петербург, а также Краснодарский край. Наибольший отток населения идет из городов Ангарск, Саянск и северных городов Иркутской области (Братск, Бодайбо, Усть-Илимск). [2]

Главными факторами оттока молодежи из Иркутской области являются отсутствие рабочих мест по специальностям, которые преобладают на рынке труда, бедность, низкие зарплаты, высокие тарифы на жилье и коммунальные услуги, отсутствие необходимого количества детских дошкольных учреждений. А главным барьером во внутренней миграции остается дисбаланс между реальной заработной платой и ценой жилья (аренда или приобретение).

Так, подавляющее большинство молодых людей выезжает на работу в Москву (свыше 80 процентов отъезжающих), которая представляет собой бурно развивающийся мегаполис, где можно найти работу по большинству специальностей – от педагогических до строительных и производственных. Данный фактор является главным, мотивирующим для молодых людей со специальным образованием, хотя, разумеется, оказывает воздействие и на другие категории населения. По данным социологического исследования в рамках государственного доклада "Молодежь Иркутской области" - 51,9% молодых людей работают не по специальности. В то же время на предприятиях Иркутской области, особенно в производственной сфере, наблюдается нехватка специалистов. Таким образом, молодые специалисты не находят работу по специальности, что становится причиной отъезда из региона.

Одним из основных механизмов регулирования миграционными процессами является разработка и реализация региональных миграционных программ. Таким образом, для снижения миграционного оттока молодежи, Правительство Иркутской области утвердило программу "Молодежная политика", рассчитанную на 2014-2018 годы. В программе предусмотрены мероприятия по решению проблем молодежи с жильем и трудоустройством. В частности, регион продолжит оказывать содействие молодым семьям в приобретении жилья и поддерживать деятельность центров профориентации. Программа также предусматривает мероприятия по профилактике экстремизма, наркомании и патриотическому воспитанию молодежи. [1]

Ожидаемыми конечными результатами программы являются:

увеличение численности молодежи, вовлеченной в реализацию мероприятий государственной молодежной политики, до 260000 человек в 2018 году;

снижение удельного веса безработной молодежи в общем числе молодежи до 1,1%.

снижение миграционного оттока молодежи из региона в общей численности молодежи до 0,25%;

создание условия для успешной социализации и эффективной самореализации молодежи в Иркутской области;

снижение количества молодежи с впервые установленным диагнозом "Наркомания" до 520 человек. [1]

Так же в области необходимо создание дополнительных рабочих мест с достойной заработной платой, строительство новых предприятий, где будут нужны как высококвалифицированные кадры, так и молодые специалисты. И первоочередной задачей руководителей всех уровней региона должна стать подготовка этих кадров и создание для них и их семей самых благоприятных условий.

Так, в целях содействия трудоустройству молодёжи - выпускников вузов и средних специальных учебных заведений Иркутской области министерством образования Иркутской области создан и ежегодно обновляется банк данных о наличии вакантных должностей в образовательных учреждениях Иркутской области.

Важно создавать необходимые условия для того, чтобы современная молодежь имела возможность разносторонне развиваться и применять все свои знания и умения на территории и во благо области. Для того чтобы изменить сложившуюся негативную ситуацию, важно разобраться в причинах, по которым она сложилась. Именно молодежь способна рассказать о них как никто другой, и именно молодежь может и должна предложить решение этих проблем и настоять на реализации своих идей.

Литература:

1. Официальный портал Иркутской области: «Постановление об утверждении государственной программы Иркутской области «Молодежная политика» на 2014-2018 годы (с изменениями на: 13.05.2015)» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.irkobl.ru/> (дата обращения 09.02.2016)
2. Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Иркутской области. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://irkutskstat.gks.ru/> (дата обращения 09.02.2016)

Региональные аспекты реализации демографической политики России*

Елизаров В. В.

Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Необходимость проведения демографической политики, учитывающей региональные особенности неоднократно декларировалась еще в правительственных документах СССР в 70-80-е гг. XX века. Первые региональные программы улучшения демографической ситуации появились в РСФСР во второй половине 1970-х годов: в Москве (1977 г.) и Башкирской АССР (1978 г.).[1,48]

Регионализация политики была частично реализована в комплексе мер, нацеленных на создание лучших условий для роста населения, введенном в СССР в 1981-1983 гг., а в РСФСР - в 1981-1982 гг. Во-первых, меры в разных регионах вводились не сразу, а в течение трех лет, поэтапно. Во-вторых, размер частично оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком до 1 года был дифференцирован: 50 руб. в районах европейского Севера, Сибири и Дальнего Востока и 35 руб. в других регионах. Подобная дифференциация была и при назначении пособий на детей в малообеспеченных семьях.[2,194-195]

В 1987 г. Госкомтуду было поручено «организовать подготовку

---

* Доклад подготовлен в рамках поддержанного РФФИ научного проекта №15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения».

региональных программ по народонаселению с учетом демографических особенностей районов».[3] В 1988 г. Госкомтруд СССР, НИИ труда Госкомтруда СССР и Центр по изучению проблем народонаселения МГУ подготовили методические рекомендации по разработке региональных программ развития народонаселения. Такие программы должны были учитывать специфику демографического поведения в районах с разным типом воспроизводства населения, теснее увязывать региональные цели и средства для их достижения. [4]

В современной России уделяется все большее внимание развитию региональной демографической политики. Это связано с осознанием того факта, что существенная дифференциация в показателях демографического развития будет сохраняться и далее.

10 лет назад в декабре 2006 г. перед регионами была поставлена задача «...разработать собственные региональные стратегии решения демографических проблем - стратегии, учитывающие региональную специфику, традиции и особенности.» [5]

Выступая на заседании Совета по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике 26 февраля 2013 г., Президент Путин В.В. подчеркнул, что «...успех демографической политики зависит от слаженных, целенаправленных усилий всех уровней власти». Правительству РФ совместно с регионами России было поручено «...проанализировать эффективность реализуемых мер как на государственном, общенациональном, так и региональном уровне, а регионам посмотреть, что делается в муниципалитетах», а также подготовить предложения «...какие дополнительные решения необходимы, чтобы сократить различия между регионами по основным демографическим показателям». [6]

Численность и структура населения, а также показатели воспроизводства населения в федеральных округах и субъектах Российской Федерации существенно различаются. Есть регионы с устойчивым естественным приростом населения, например Северный Кавказ, Татарстан, Якутия и др., а

есть регионы, где смертность более чем в полтора раза и более превышает рождаемость, например, некоторые области Северо-Запада России и ЦФО (Псковская, Ленинградская, Новгородская, Тульская, Тамбовская, Смоленская, Тверская, Рязанская). Большие различия между регионами в показателях ожидаемой продолжительности жизни, младенческой и материнской смертности, среднем возрасте матери и доле детей, родившихся вне брака, в семейной структуре и числе детей в семьях, в уровне разводов, в показателях аборт, в показателях старения и демографической нагрузки, в доле городского населения и т.п.[7] Отличаются в российских регионах и показатели миграции и миграционного прироста. Например, Москва и Московская область имеют устойчивый миграционный прирост, регионы Дальнего Востока, в основном, теряют население.

В Концепции демографической политики России на период до 2025 г., утвержденной в октябре 2007 г., в числе основных принципов был отмечен «...учет региональных особенностей демографического развития и дифференцированный подход к разработке и реализации региональных демографических программ. [8] Механизмы реализации демографической политики предполагают учет задач демографической политики при формировании федерального и региональных бюджетов, а также методическое обеспечение деятельности органов государственной власти регионов, направленной на управление демографическими процессами. [8]

Уже на первом этапе (2007-2010 гг.) в субъектах РФ предполагалось разработать региональные демографические программы, направленные на улучшение демографической ситуации. Такие программы должны учитывать специфику каждого региона (долю сельского населения, сложившуюся модель семьи, обычаи и традиции), уделять первоочередное внимание наиболее острым проблемам, характерным для конкретного региона, способствовать повышению миграционной привлекательности важных в геополитическом отношении регионов России. [8] По итогам реализации второго этапа (2011-2015 гг.) планировалось стабилизировать численность населения, увеличить

показатель ожидаемой продолжительности жизни до 70 лет, увеличить в 1,3 раза по сравнению с 2006 годом суммарный коэффициент рождаемости, на треть снизить уровень смертности населения, обеспечить миграционный прирост на уровне не менее 200 тыс. человек ежегодно.[8] Все целевые показатели, кроме снижения смертности, достигнуты.

В улучшении демографической ситуации сыграла свою роль и региональная демографическая политика, которая существенно активизировалась с 2010-2011 гг.: в регионах появился региональный материнский капитал, выделяются земельные участки многодетным, продолжается разработка региональных программ.

Чаще всего размер регионального капитала составляет 100 или 50 тысяч рублей за рождение третьего и последующего ребенка. В большинстве случаев региональный капитал можно тратить на улучшение жилищных условий (на территории региона) и образование детей. Некоторые регионы разрешают использовать его на другие направления: на ремонт жилья, оплату газификации жилого помещения, покупку земельного участка, на дачное строительство, на возмещение средств по приобретению семьей товаров длительного пользования, на лечение ребенка и получение платных медицинских услуг, на первоочередные нужды, получение единовременной выплаты и т.д.

В 2012 г. Указом «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации» руководителям субъектов РФ было рекомендовано установить нуждающимся в поддержке семьям ежемесячную денежную выплату до достижения ребенком возраста трёх лет, назначаемую в случае рождения после 31 декабря 2012 г. третьего ребёнка или последующих детей (в размере регионального прожиточного минимума для детей). [9] Субъектам РФ, в которых сложилась неблагоприятная демографическая ситуация и величина суммарного коэффициента рождаемости ниже средней по России, из федерального бюджета выделяют ассигнования на софинансирование выплат. В 2012 г. Правительство РФ утвердило перечень 50 субъектов РФ, которые с 1 января 2013 г. получают поддержку из федерального бюджета.

Число и состав этого списка регионов ежегодно корректируются. Так в 2015 году осуществлялось софинансирование денежной выплаты при рождении третьего ребёнка в 53 субъектах РФ. За счёт собственных бюджетных средств ежемесячная денежная выплата предоставлялась в 16 регионах. Средний размер данной выплаты составил на начало 2016 года около 9 тыс. рублей.

На 1 января 2016 года в регионах с неблагоприятной демографической ситуацией ежемесячная денежная выплата была назначена на 319 тыс. третьих или последующих детей. В регионах, которые ввели ежемесячную денежную выплату, количество третьих и последующих детей растёт быстрее, чем в тех, где такая выплата не производится. [10]

В апреле 2016 г. Правительство РФ утвердило План мероприятий по реализации в 2016-2020 годах Концепции демографической политики на период до 2025 года. Предусмотрены меры по повышению рождаемости, по снижению смертности и формированию мотивации к здоровому образу жизни, по регулированию миграции.

В Плане - 51 пункт, из которых 32 должны реализовываться при активном участии органов исполнительной власти субъектов РФ. Намечена разработка и реализация региональных планов мероприятий демографического развития, включающих целевые показатели по повышению рождаемости, снижению смертности и миграции, а также отработка эффективных мер по повышению рождаемости и снижению смертности на примере пилотных субъектов РФ. Отдельным пунктом выделена разработка и реализация Концепции демографической политики Дальнего Востока на период до 2030 года. [11]

Литература:

1. Елизаров В.В. Программы развития населения: условия и механизмы функционирования //Демографическая политика: региональный аспект. М., 1995 (Демография и социология. Вып.12).
2. Елизаров В.В. Демографическая политика в 1980-е гг. Семейная политика /

Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. Т.3, кн.2. – М.: РОССПЭН, 2011.

3. Постановление Правительства СССР «Об усилении работы по реализации активной социальной политики и повышении роли Госкомтруда СССР» (№ 825 от 17 июля 1987 г.) - http://tehnorma.ru/doc_ussrperiod/textussr/usr_14153.htm

4. Методические рекомендации по разработке региональных программ развития народонаселения. М.: Госкомтруд СССР, 1988.

5. Выступление Президента В.В.Путина на заседании Совета законодателей в Кремле 21 декабря 2006 г. - <http://archive.kremlin.ru/text/appears/2006/12/115776.shtml>

6. Заседание Совета по реализации приоритетных нацпроектов и демографической политике. 26.02.2013 г., Моск.область, Ново-Огарёво.- <http://kremlin.ru/transcripts/17586>

7. Елизаров В.В. Демографическое развитие России и ее регионов: общее и особенное // Уровень жизни населения регионов России. №1 (191), 2014. – С.57-72.

8. Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г. - <http://base.garant.ru/191961/>

9. Указ Президента РФ от 7 мая 2012 года №606 «О мерах по реализации демографической политики Российской Федерации». - <http://kremlin.ru/acts/15257>

10. Демографическая и семейная политика: некоторые важные результаты и показатели 2015 года. - <http://government.ru/info/22696/>

11. План мероприятий по реализации в 2016-2020 годах Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Утвержден Распоряжением Правительства РФ от 14 апреля 2016 г. № 669-р. - <http://government.ru/docs/22743/>

Некоторые аспекты реформирования пенсионной системы

Злотников А. А.

Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,

Беларусь, Гомель

Одна из актуальных социально-экономических и демографических проблем, как в современной Беларуси, так и России касается реформирования пенсионной системы, в том числе в части повышения пенсионного возраста. Как известно Указ Президента Республики Беларусь № 137 от 11 апреля 2016г. «О совершенствовании пенсионного обеспечения» предполагает постепенное повышение пенсионного возраста на 5 лет. Такой же низкий возраст выхода на пенсию, как до данного Указа, (55 и 60 лет для женщин и мужчин соответственно) был установлен только в Украине, Узбекистане и России. Еще в начале 2015 года в Беларуси насчитывалось 2 млн. 565 тыс. человек, получающих пенсию. Это на 30 тыс. больше, чем в начале 2014-го. В конце года их число составило 2 млн. 592 тыс. человек. В целом за период с 2009 г. число пенсионеров выросло почти на 140 тыс. человек. В стране, как известно, функционирует распределительная пенсионная система, когда выплаты пенсионерам складываются из отчислений занятых в экономике работников. Накопительная система, при которой работники в процессе трудовой деятельности формируют сбережения под свою будущую старость, в Беларуси не получила развития. В республике сегодня отсутствует система обязательного пенсионного страхования на основе открытия индивидуальных счетов. Размер пенсии по возрасту не должен опускаться ниже 40 % от средней зарплаты по стране, то есть не меньше 2,8 млн.рублей (примерно 140\$). Сумма незначительная, вместе с тем даже она может привести к дефициту пенсионного фонда. Для уменьшения давления на пенсионную систему, в стране уже начаты некоторые мероприятия. Так, на 5 лет, с 10 до 15, увеличили минимальный рабочий стаж для начисления пенсии. И на 5 лет позже стали назначать социальную пенсию тем, у кого отсутствует нужный рабочий стажа. Однако средняя продолжительность жизни растет, а количество занятых в

экономике белорусов снижается по демографическим причинам. Существуют прогнозы, что если не повысить пенсионный возраст, к 2020 году дефицит пенсионного фонда составит около 2 % ВВП, а к 2050 году – уже около 9 %. Увеличение количества пенсионеров может привести не только к финансовым проблемам, но и вызвать значительное сокращение трудоспособной части населения. По оценкам Научно-исследовательского экономического института (НИЭИ) Минэкономики, из-за старения населения страна потеряет около 600 тысяч человек к 2030 году. В результате же увеличения пенсионного возраста, количество занятых в экономике должно вырасти, что в свою очередь положительно повлияет на ВВП. Однако пенсионная реформа должна заключаться не только в повышении пенсионного возраста, но и в реформировании рынка труда, чтобы даже люди пожилого возраста могли достойно встретить старость. Речь должна идти о реализации программ повышения квалификации и переквалификации работников, чтобы люди даже предпенсионного и пенсионного возрастов смогли реализовать свой потенциал. Реформа пенсионной системы является крайне тяжелой, поскольку затрагивает уязвимые слои населения. Опыт многих стран подтверждает, что существуют разные модификации пенсионной системы. В ближайшее время, по мнению белорусских руководителей, изменений пенсионного возраста не планируется. Вместе с тем есть долгосрочная перспектива.

Реализация изменений пенсионной системы, так или иначе затронет прежде всего интересы будущих поколений, то есть тех, кому сегодня только около 20 лет. А поскольку по самым пессимистичным оценкам наибольшие сложности ожидаются к 2050 году, поэтому мы решили провести пробный проект по изучению мнения молодых людей, относительно возможного реформирования пенсионной системы. Опрос, как мы указали, носит разведывательный характер и не претендует на репрезентативность (всего было опрошено 200 молодых человек, являющихся студентами ГГУ имени Ф.Скорины). Однако полученные даже в ходе такой работы данные представляют на наш взгляд определенный интерес и заслуживают внимания.

Так, 41% респондентов сегодня считает, что наша страна может обеспечить нормальное функционирование пенсионной системы без повышения пенсионного возраста, противоположного мнения придерживаются 32% опрошенных (27% затруднились ответить/не ответили). Вместе с тем, подавляющее большинство (94% респондентов) считают, что сегодня у населения Беларуси отрицательное отношение к повышению пенсионного возраста. Распределение ответов на вопрос анкеты: «А как Вы лично считаете: надо ли повышать пенсионный возраст в нашей стране?» свидетельствует, что даже в молодежной среде отсутствует осознание необходимости повышения пенсионного возраста. Считают, что обязательно надо повышать пенсионный возраст только 12%, скорее всего – 14%, а 28 % - скорее всего, нет и категорически нет – 46%! В качестве основных причин противники чаще всего указывают, что продолжительность жизни не позволяет повышать пенсионный возраст (55% респондентов), что в таких мерах нет социальной справедливости (21%), кроме того есть мнение, что повышение пенсионного возраста не позволит высвободить («уступить») рабочие места для молодежи – 11%, также на некоторых респондентов влияет мнение их родителей, бабушек/дедушек-пенсионеров («я разделяю мнение и отношение своих родителей»). Интересно отметить, что среди тех, кто выступает за уравнивание пенсионного возраста мужчин и женщин почти 100% сторонников мужчины, и наоборот – противники женщины. Огромное значение, на наш взгляд, имеет тот факт, что рассуждая о будущем, на патернализм со стороны государства рассчитывает почти каждый третий респондент, чуть больше половины говорят, о том, что в будущем надо надеяться только на свои сбережения, и почти каждый десятый рассчитывает, прежде всего, на помощь гипотетических детей и родственников.

Полученные данные свидетельствуют в первую очередь о том, что в молодежной среде поддержка повышения пенсионного возраста в Республике Беларусь пока незначительна. И очевидно успешность этих мер в будущем во многом будет зависеть, в том числе и от уровня осознания факта их необходимости.

Семья и демографическая ситуация в Вологодской области в условиях социальных изменений

Караваева Ю. И.

Вологодский государственный университет, Россия, Вологда

Разработка семейной политики тесно связана с анализом демографической ситуации. Семья как важнейший многофункциональный компонент социальной структуры общества является постоянным объектом статистико-демографической аналитики. Текущие показатели рождаемости, смертности, брачности, разводимости, миграции населения, а также единовременные обследования и, в первую очередь, сплошные переписи населения дают разнообразную информацию о состоянии и тенденциях развития семьи, ее перспективах. Однако эти сведения достаточно быстро устаревают. Происходящие изменения в экономической, политической и социальной сферах общества оказывают весьма существенное влияние на динамику демографических процессов.

Демографическая ситуация Вологодской области характеризуется сокращением численности населения, уменьшением численности женщин детородного возраста и ростом доли лиц старших возрастов. Однако с 2009 года в области отмечены и некоторые позитивные перемены - увеличилась рождаемость, снизилась общая смертность, уменьшилась естественная убыль населения. Максимальное число смертей по Вологодской области было зафиксировано в 2010 году – 20226, в 2015 году эта цифра сократилась – 17659. Максимальное число рождений по Вологодской области было зафиксировано в 2012 году – 16869, что значительно больше показателей 2010 года – 15255. Но тенденция дальнейших изменений числа родившихся негативная. В 2015 году зарегистрировано 16525 (что меньше показателей 2012 года на 344). Численность населения Вологодской области сократилась за период с 2000 по 2015 годы на 108,6 тыс. человек и составила на 1 января 2015 года 1191 тыс. человек. Область в среднем теряла ежегодно 7,2 тыс. человек [1].

Волнообразное движение, которое мы наблюдаем, так называемое демографическое эхо. В детородный возраст вступило многочисленное поколение середины 80-х годов – создаются семьи, рождаются дети, отчасти это связано и с демографической политикой последних лет. Только одновременно с этим очень остро ощущается такое же эхо в отрицательном ключе: в 90-е годы в России открылась демографическая яма. Отражение этой тенденции фиксирует статистика по Вологодской области.

Наиболее значительным показателем, характеризующим уровень рождаемости в регионе, является суммарный коэффициент рождаемости, который показывает количество детей, рожденных женщиной за период её репродуктивного возраста (18-45 лет). Этот показатель характеризует не только уровень рождаемости, но и воспроизводство населения. Его величина, равная примерно 2,1-2,2, отделяет простое воспроизводство (на том же уровне от поколения к поколению) от сниженного (последующее поколение по численности меньше предыдущего). По сути, речь идет о рождении у женщины второго и последующих детей.

На территории Вологодской области вместе с реализуемой с 2007 года федеральной программы «материнский капитал», выплачивается региональный материнский капитал: семьи, в которых после 01.01.2011 родился третий ребенок получают 100 000 рублей. А если в семье одновременно рождаются трое или больше детей, то материнский капитал, выделяемый из бюджета региона, увеличивается до 500 000 рублей. На примере регионального центра Вологодской области города Вологды прослеживается стабильность рождения детей в семьях, где рождается второй и более ребенок. Зарегистрировано первенцев – 3056 новорожденных, в семьях, где ребенок рожден вторым – 2397 регистраций, третьим – 602, четвертым – 105. Возрастной показатель матерей в 2015 году соответствует предыдущему году. Самый репродуктивный возраст матерей остается 21-30 лет. Снижается количество обратившихся несовершеннолетних матерей. Показатель этого года 30 человек, из них 14-летних матерей - 1, 15-летних - 4, 16-летних - 9, 17-летних – 16.

В подростковом возрасте (14-19 лет) большинство рождений происходит в браке и у многих вступающих в брак в подростковом возрасте почти сразу же рождаются дети. Отмечая это, необходимо учитывать, что часть браков, заключенных в подростковом возрасте (особенно до 18 лет), является форсированным, и в этом случае сам брак является следствием беременности. Возрастные показатели вступающих в брак определяют ту же тенденцию, что и ранее: большинство мужчин и женщин вступают в брак в возрасте 25-34 лет, показатель этого года - 1788 мужчин, женщин – 1589 человек (по г. Вологде). Снижение регистраций заключения брака по Вологодской области с 2011 год – 11252 браков, до 2015 года – 8973 браков объясняется тем, что в настоящий период в брак вступает самое малочисленное поколение 90-х годов.

Наибольшее количество расторжений брака за период 2010-2015 годов зарегистрировано в 2014 году, когда было составлено 5610 актовых записей. В городе Вологде за 3 года с 2010 по 2012 годы наблюдалась общая тенденция к увеличению числа граждан, обратившихся с вопросом о регистрации расторжения брака. Так в 2012 году было составлено 1502 актовых записи о расторжении брака: из них по решению суда составлено 1134 актовых записей, по взаимному согласию 337 актовых записей, по заявлению одного из супругов составлено 31 актовая запись [2]. В 2015 году по Вологодской области по данному виду регистраций отмечено значительное сокращение (на 1230 единиц) и зафиксировано самое низкое значение - 4380 актовых записей. Браки и разводы оказывают самое непосредственное влияние на воспроизводство населения, поэтому так актуально отслеживать их динамику.

Задача формирования семейной политики и необходимость ее научного обеспечения определяются многими важными ролями, в которых выступает семья как социальная группа. В функционировании семьи как социального института определяются три важные роли населения как производителя, потребителя и избирателя, что обуславливает важность координирования различных направлений семейной политики и обеспечения развития общества в целом. Анализ демографических изменений и семейно-брачного поведения

населения крайне важен при создании региональных программ семейной политики, выработки эффективных мер по укреплению семьи и повышению рождаемости. Статистические данные необходимо дополнять данными, полученными в ходе социологических опросов населения. Использование арсенала современных социологических технологий позволит создавать более точную картину социально-демографической ситуации в регионе, выявлять мотивы и установки семейно-брачного поведения людей, что, безусловно, расширит возможности для разработки органами региональной власти социальных программ, адекватных развивающейся демографической ситуации.

Литература:

1. Демографический прогноз численности постоянного населения, застрахованных лиц и получателей трудовых пенсий в Вологодской области на период до 2050 года (инерционный сценарий) [Электронный ресурс]: офиц. сайт. – Режим доступа: http://www.pfrf.ru/files/branches/vologda/document/info_otdeleniya/doklad_dlya_sayta_ot_02_2015.pdf
2. Костоусов, С.Е. Публичный доклад о результатах деятельности Управления записи актов гражданского состояния Вологодской области за 2015 год/ Проект команда губернатора: ваша оценка/ С.Е. Костоусов – Режим доступа: <http://okuvshinnikov.ru/files/ocenka3/koustousov.pdf>

Семейные ценности и роль религиозного фактора в отношении к ним рабочих

Караханова Т. М.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

Изучение ценностей семьи, брака, воспитания детей, ведения домашнего хозяйства, семейного общения являлось одной из задач комплексного повторного исследования труда, быта и досуга рабочих, проведенного сектором изучения повседневной деятельности и бюджета времени ИС РАН на

промышленных предприятиях в пяти областных центрах РФ в 2014 г., являющихся модальными по уровню социально-экономического развития [1, с. 107].

Рабочим предлагалось определить значимость для них семейных ценностей и, таким образом, места их в иерархии остальных ценностей жизни и деятельности [1, с. 118] Семейные ценности заняли ранговые места в границах от 2 до 19 (всего 21). Самым высоким ранговым статусом обладает ценность *дети* (2-3-4), которая входит в состав ядра иерархии ценностей жизни и деятельности. Но ценность вида деятельности - *уход за детьми и их воспитание* – заметно ниже (8-9-10 ранг). *Брак, семья* по значимости также не входит в ядро иерархии ценностей рабочих (8-9-10 ранг). К этим ценностным ориентирам рабочих следует добавить, что «Верность семье, детям» в числе других нравственных качеств назвали нормой 95% опрошенных и, как минимум, 20% из этой доли к норме относят и «Внебрачные связи», считая допустимым сочетание первого и второго.

Общение, в т. ч. семейное, по важности занимает место примерно в середине общего списка ценностей (12 ранг). Значимость *домашнего труда* соответствует 14 месту в составе ценностей, а дополняющий его *труд на садовом участке, огороде* и т.п. вообще на 19 месте. При этом в реальности та и другая трудовая деятельность, выражающая экономическую функцию семьи, домохозяйства, составляет существенную часть общей трудовой нагрузки рабочих – 29,3 часа в неделю или 17% недельного фонда времени в среднем по трем областными центрами.

Среди всех религиозных конфессий верующими себя назвали 50% опрошенных, 95% рабочих отнесли себя к православным.

**Семейные ценности рабочих в зависимости
от отношения к религиозной вере
(индексы по 5-балльной шкале)***

Назвавшие себя верующими			Назвавшие себя неверующими		
Ранг	Ценность	Индекс	Ранг	Ценность	Индекс
3-4	Питание	4,44	2	Питание	4,48
3-4	Дети	4,44	3	Дети	4,47
6-7	Брак, семья	4,37	4	Права человека	4,46
6-7	Сон	4,37	6	Сон	4,41
8-9	Уход за детьми и их воспитание	4,36	7	Личная безопасность, правопорядок	4,39
8-9	Личная безопасность, правопорядок	4,36	8	Брак, семья	4,38
10	Труд для заработка	4,35	9	Труд для заработка	4,37
11-12	Общение с родными, друзьями	4,33	10	Уход за детьми и их воспитание	4,36
11-12	Права человека	4,33	12	Общение с родными, друзьями	4,33
13	Нравственные нормы, мораль	4,22	13	Нравственные нормы, мораль	4,08
14	Домашний труд	3,98	14	Домашний труд	3,86
19	Сельскохозяйственный труд (на даче, в огороде)	3,30	19	Сельскохозяйственный труд (на даче, в огороде)	2,91
18	Религиозная вера	3,34	20	Религиозная вера	2,36
21	Религиозная деятельность (участие в церковных службах, домашняя молитва, труд для церкви и т.п.)	2,91	21	Религиозная деятельность (участие в церковных службах, домашняя молитва, труд для церкви и т.п.)	2,10

* Примечание: ранги указаны по месту перечисленных ценностей в иерархии 21 ценности жизни и деятельности рабочих.

Данные табл. 1 иллюстрируют много общего в отношении рабочих из той и другой группы к семейным ценностям. Сходство обнаруживается не только по ранговым характеристикам ценностей, но и в индексах. Однако сравнение рядов ценностей жизни и деятельности (21) рабочих в зависимости от их отношения к религиозной вере показало, что у верующих в ядре иерархии ценностей – *материальное благополучие, физическое здоровье, питание, дети,*

а у неверующих – *материальное благополучие, питание, дети, права человека.*

В тоже время важность *домашнего труда, сельскохозяйственных работ* на земле для верующих выше (по значениям индексов), чем для неверующих, как выше и ценность *религиозной веры, религиозной деятельности, нравственных норм, морали.* Многие бы объяснили преобладание среди верующих лиц с низким уровнем достатка, но это не подтвердилось. Связь статистически не значима (коэффициент Крамера (V)=0,058*). Кроме того, отсутствует связь между отношением к религиозной вере и возрастом рабочих.

Таблица 2

Оценка рабочими значимости занятий с детьми для родителей в зависимости от отнесения их к верующим и неверующим
(% от числа ответивших)

Варианты суждений	Согласен	Отчасти согласен, отчасти нет	Совсем не согласен	Затрудняюсь ответить
1. Занятия со своими детьми, их воспитание является самым главным в жизни обоих супругов				
верующие	1	12	85	2
неверующие	2	13	81	4
2. Уход за своими детьми, их воспитание являются самым главным только в жизни женщины – матери, супруги				
верующие	58	22	11	9
неверующие	48	27	15	10
3. Эти занятия не являются самым главным в жизни				
верующие	75	8	4	13
неверующие	72	9	5	15

Из табл. 2 видно, какое единодушие демонстрируют верующие и неверующие в отношении (отрицательном) к занятиям с детьми как к главной сфере деятельности супругов. Однако статистически значимая связь между принадлежностью к верующим и неверующим и выбором позиции в первом и во втором суждениях обнаружена. В первом случае она – очень слабая (V=0,094*), во втором случае – более тесная (V=0,102*).

Трудности в воспитании детей, между тем, испытывает примерно шесть

из десяти верующих рабочих и семь из десяти неверующих. К главным причинам таких трудностей у первых относятся «Отрицательное влияние средств массовой информации» (43%), «Нехватка денег» (40%), «Сейчас трудно воспитать нравственно здоровых детей» (31%). Вторыми называются в основном те же причины и в той же последовательности, но с большей озабоченностью: 51%, 38%, 36%. Кроме того, для вторых такими причинами являются: «Неблагоприятная атмосфера в семье (например, кто-то из родителей пьющий)» (17%), «Неполная семья» (17%). Важно заметить, что лишь 6% верующих указали на «Отсутствие в семье религиозного воспитания» как причину трудностей в воспитании детей.

Предварительный вывод (требующий дальнейшего углубления анализа) состоит в следующем. Не столько верующие рабочие демонстрируют рассогласование в своем сознании между отношением к религиозной вере и следованием, хотя бы в вербальных оценках, тому, что вера постулирует, сколько называющие себя неверующими, по существу, определяют значимость семейных ценностей с позиции того же религиозного сознания, той же культурной традиции. Такое заключение подкрепляется и тем, что в числе неверующих есть рабочие, идентифицировавшие себя с группой «Стремящиеся к вере». Похожий вывод сделала В. Ф. Чеснокова в начале 2000-х, выделяя две категории «культурных людей» [2, с. 151-152].

Литература:

1. *Караханова Т. М., Бессокирная Г. П., Большакова О. А.* Труд и досуг рабочих (программа, инструментарий и некоторые предварительные результаты повторного исследования). [Электронный ресурс]. М.: Институт социологии РАН, 2014. 162 с. // Официальный сайт ИС РАН. URL: <http://www.isras.ru/publ.html?id=3224>.
2. Чеснокова В.Ф. Тесным путем: Процесс воцерковления населения России в конце XX века – М.: Академический проект, 2005. 304 с.

Социальные изменения и институт семьи

Каржаубаев С. С.

Академия государственного управления при Президенте Республики Казахстан, Казахстан, Астана

Семья как ячейка общества призвана решать многие проблемы стоящие перед государством. История человечества изобилует примерами влияния семьи на государство, как в положительном, так и в негативном свете. Любое вторжение агрессора на территорию государства во все времена характеризуется ожесточенным отпором со стороны простых граждан, которые создают ополчение, ведут партизанские войны против захватчиков. Достаточно вспомнить войну казахского народа против джунгарского нашествия, отечественную войну в России 1812 года, Великую отечественную войну 1941 – 1945 годов, то воочию можно убедиться в силе семейного воспитания. Народы могут преодолеть все проблемы, ставшие перед страной и в этом сила семьи, которая закладывает фундамент морально-нравственных основ каждого человека. Именно семья во все времена является основой любого государства, именно семья дает человеку возможность реализовать все лучшее, что есть в нем.

Политические и экономические изменения в стране и в последние десятилетия негативно отразилась на институте семьи. В настоящее время молодые люди не спешат создавать свои семьи, брать на себя ответственность. Брак перестал быть пожизненным, нормой жизни стали разводы, неполные семьи, матери и отцы одиночки. Из года в год растет число разводов, статистика показывает, что в Казахстане число разводов увеличилось на 9,7% по сравнению с предыдущим годом [1]. Ученые философы, социологи, психологи, экономисты и т.д., занимающиеся проблемами семьи, единодушны в том, что семья в современный период переживает кризис. Создание крепкой семьи вот залог успеха любого государства, способного преодолеть не только экономический и социальный, но и морально-нравственный кризис. Государство должно всячески содействовать и проводить политику,

направленную на создание условия для укрепления института семьи.

Первоначально необходимо создать нормативную базу для социально-экономического стимулирования института семьи. Самым важным фактором влияющего на институт семьи является наличия жилья. Проблема приобретения жилья в Казахстане остается еще напряженной. Снять напряженность на рынке недвижимости помогли Государственные программы жилищного строительства в Республике Казахстан. Однако проблемы есть и в этом секторе экономики и эти проблемы необходимо решать срочно, незамедлительно, так как вышеупомянутая программа заработает в полную мощность через несколько лет, а людям жить надо уже сегодня. Кроме того, по данной программе жилье будет предоставляться при наличии сбережений «Жилстройсбербанка» и за счет займов банка и что очень важно при достаточности платежеспособности человека [2]. Но жизнь диктует свои условия и не всегда семья, чаще всего молодая, так как она наиболее подвержена финансовой нестабильности, становится изгоем для данной программы.

Для решения жилищной проблемы, для семей с небольшим доходом, необходимо в рамках данной программы дополнительно запланировать строительство социального жилья в виде домов комнатного типа с отдельным сан. узлом и местом для плиты. Для примера можно взять проекты подобных общежитий семейного типа, которые имели место при строительстве городов в СССР. Советская власть строя подобные общежития преследовала цель экстренно, быстро и экономически недорого решить жилищную проблему и как показывает опыт эта проблема была решена в СССР. Строительство таких домов позволит государству решить ряд проблем, в первую очередь снять напряженность на рынке жилья, второе решить проблему дешевого арендного жилья, третье пополнить бюджет региона, четвертое позволит создать фонд рынка труда, для трудоемких производств, создаваемых по государственной программе индустриального развития Казахстана.

Создав фонд общежитий семейного типа, можно решить проблему

окупаемости этих домов, путем ежемесячных арендных платежей. Общежития семейного типа оснащенные водопроводами, канализацией, электричеством, системой отопления, в некоторых случаях и газопроводом для бытовых нужд, позволят конкурировать на рынке арендного жилья, имея при этом ряд преимуществ, как возможность выкупа, так и возможностью административной прописки, что позволит жильцам иметь ряд преимуществ в отличии от тех, которые не имеют такой прописки. Кроме того, проживание в таких домах позволит избавиться от проблемы досрочного прекращения договора аренды по различным причинам, известных только арендодателю.

Второе обязательное условие усиления института семьи – социальные льготы семьям. Необходимо по примеру Российской Федерации принять закон «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» в новой редакции, предусмотрев в нем институт «материнского капитала», который выплачивался бы родителям (супругам). Принятие такого института позволило бы повысить рождаемость и решить проблему жилья для семей. Кроме того необходимо, в целях укрепления института семьи, уделить внимание на состав семьи, предусмотрев льготы полным семьям. Именно наличие в семье отца и матери положительно сказывается на психическом здоровье ребенка и это является основой для здорового общества. По мнению Юрьева Е.Л. – советника Президента РФ по социальным вопросам «отсутствие отца или его маргинальное поведение, ненадежность — это просто катастрофическая проблема. В демографии она является одной из ключевых. Например, в США в 2006 году посчитали, во сколько американскому бюджету обходится отсутствие отца — получилось 100 миллиардов долларов (это различные социальные выплаты семьям, оставшимся без отцов)» [3].

Третье условие – создание в обществе атмосферы приоритета семьи, семейных ценностей. В этих целях необходимо принять государственную программу, нацеленную на культивирование семейных ценностей посредством средств массовой информации, проведения различных мероприятий направленных на поддержание семейных духовно-нравственных традиций,

воспитания в здоровой, крепкой семье. Необходимо ужесточить контроль за распространением посредством СМИ и через Интернет материалов содержащих сцены насилия, секса, эротики, порно во всех ее проявлениях. Цензура СМИ позволит избежать проблем с нравственным развитием несовершеннолетних. Кроме того, необходимо распространять материалы, формирующие духовно-нравственные традиции, ценности. В этих целях необходимо финансировать создание фильмов предназначенных для семейного просмотра и определить часы их вещания в период наиболее подходящий для просмотра ее семьей. Достаточно вспомнить советский опыт в данной сфере, то можно перенять полностью или часть механизма его реализации и воплотить в современное состояние. Кризис института семьи, переоценка ценностей могут привести к печальным последствиям, заключающегося в повальном падении нравов, всеобщем разврате и жажде наживы, что чревато катаклизмами мирового масштаба. Все это остановить может только семья, и только семья способна противостоять надвигающемуся хаосу и государство должно приложить максимум усилий в усилении института семьи. Государство должно проводить полноценную семейную государственную политику, как в центре, так и на местах.

Литература:

1. Число разводов в Казахстане превышает количество браков – Статагентство // <http://newskaz.ru/society/20120713/3503997.html>.
2. «Доступное жилье-2020» предлагает казахстанцам гибкую схему финансирования // <http://www.zakon.kz/4510009-dostupnoe-zhile-2020-predlagaet.html>.
3. Как государство может помочь семье? // http://www.demographia.ru/articles_N/index.html?idR=5&idArt=1830.

Некоторые причины современного социально-демографического кризиса

Кильмашкина Т. Н.

Академия управления МВД России, Россия, Москва

Социально-демографический кризис в современном мире проявляется как вымирание населения вследствие недостаточного его воспроизводства. Это многофакторное явление, связанное с системным кризисом экономики, социальных и политических институтов, межнациональных отношений, экологических, духовных и иных сфер.

Снижение рождаемости, увеличение смертности, старение населения, сокращение численности его трудоспособной части, сужение воспроизводственной базы (численности населения в основных репродуктивных возрастах) в свою очередь влечет за собой отрицательные социально-экономические и иные последствия. [1].

С другой стороны, сегодня главной демографической проблемой человечества, по мнению ряда ученых, является не недостаток людей, а их избыток. Представители данной позиции оценивают депопуляцию как следствие объективного хода демографической эволюции, не усматривая особой опасности в сокращении численности населения. Некоторые опасения у них вызывает лишь динамика смертности, и то считается, что это временное явление.

Сторонники данной точки зрения рассматривают депопуляцию как своеобразную плату за прогресс. По их мнению, «демографический переход», приводящий к снижению рождаемости до депопуляционного уровня, является прямым следствием поступательного социально-экономического развития. Он не является катастрофой для развитого общества, так как экономический рост достигается не за счет экстенсивного наращивания числа лиц, занятых в производстве, а за счет новейших технологий и развития науки. Отсутствие роста населения и сокращение его численности предоставляет возможность сконцентрировать социальные ресурсы на качественных параметрах здоровья, образования людей и т. д.

На Западе усиливается влиятельная доктрина «управления численностью населения Земли». Ее необходимость объясняется тем, что количество людей на нашей планете превысило 7,5 миллиардов человек, а биосфера Земли не приспособлена для такого объема проживающих. Перенаселение усугубляет процесс критического загрязнения биосферы, который в последние три десятилетия особенно ускорился. Точка невозврата, якобы, была пройдена в 2010-11 годах. С этого момента общепланетарная деградация, по одной из точек зрения, приобрела необратимый, математически доказанный характер. Ситуацию усугубляют глобальное потепление климата, растущий дефицит невозобновляемых природных ископаемых, особенно воды и пр.

Западные стратеги убеждены, что оптимальное количество населения планеты Земля к концу нынешнего века не должно превышать 2 миллиардов человек. Они обосновывают два способа решения этой глобальной задачи.

Первый - «глобальная война» - «мегавойна» с непосредственными военными потерями и последующими эпидемиями, болезнями, голодом, резким снижением жизненного уровня, растущей повседневной смертностью и т.д. В современном мире с острейшими глобальными противоречиями «большая война» может легко перерасти в термоядерный апокалипсис. Естественно, что для «хозяев жизни» этот вариант нежелателен.

Особое внимание уделяется второму стратегическому способу сокращения населения - целенаправленной политике реализации широкомасштабных долгосрочных проектов с целью максимального уменьшения рождаемости: естественная смертность позволит к концу столетия «гуманно» сократить человечество до требуемых двух миллиардов.

Наиболее апробированные в современном западном обществе проекты сокращения населения:

- «смерть традиционной семье!» - замена традиционной, разнополой семьи с ее многовековой системой взаимных экономических, социальных и культурных обязательств и взаимной ответственности мужчины и женщины как существенных препятствий для экспансии шестого технологического

уклада, формирования принципиально новой цивилизации, основанной на индивидуальной свободе атомарной креативной личности и активного распространения альтернативных моделей сексуального поведения;

- практика официальной, правовой институционализации однополых браков, активизировавшаяся на Западе;

- тотальная информационно-пропагандистская кампания высмеивания, а и травли традиционных браков как «устаревших», «рабских», «гнетущих» и т.д.

- реализация всемирной паутиной технологий и методов массивной информационной дрессировки и пропагандистского зомбирования для превращения «он» и «она» в стандартное «оно»; использование прямых и косвенных процедур программирования сознания, на определенной стадии превращающих мужчин и женщин в стандартизированных гермафродитов;

- проект «продовольствие для светлого будущего» - эксперимент над всем человечеством, реализуемый по двум направлениям: широкомасштабное использование генно-модифицированных продуктов питания и массовое применение пищевых добавок. Современная наука не отвечает на вопрос: приведет ли массовое потребление ГМО-продовольствия, через какой-то промежуток времени, к катастрофическим биологическим мутациям людей? Как отразится массовое употребление генно-модифицированных продуктов питания на здоровье населения к середине нынешнего века. В каких масштабах проявятся рост бесплодия, онкологических заболеваний и др. вследствие бесконтрольного поедания населением трансгенов уже через 10-20 лет. [3].

Технологиями борьбы с перепроизводством населения, вместе с распадом институтов семьи, материнства, отцовства, системы морально-нравственных и духовных ценностей в целом, независимые эксперты называют СПИД, вирус Ebola и др. заболевания.

Названным негативным технологиям должна противодействовать реанимация традиционных общечеловеческих ценностей, связанных с сохранением физической, психологической, социальной, духовной сфер отдельного человека и общества в целом.

Для преодоления демографического кризиса в России необходим комплекс мер по «оздоровлению нации», а именно:

- придание демографической проблеме статуса приоритетного направления в работе органов законодательной и исполнительной власти;
- проведение государственной политики по стимулированию рождаемости до уровня, обеспечивающего простое воспроизводство населения;
- осуществление программ в области развития медицины, здравоохранения, оздоровления окружающей среды, условий труда и т. д. с целью снижения смертности (минимизация издержек процесса воспроизводства населения);
- создание на федеральном уровне комиссии по мониторингу качества жизни в России с приданием ей функций по проведению демографической экспертизы государственных программ, проектов и законов, реализация которых связана с демографическими последствиями;
- использование миграционного потенциала стран нового зарубежья (возвращение русских и соотечественников на родину) для компенсации депопуляционных потерь и др. [2].

Литература:

1. Демографический кризис // URL: <http://socionauki.ru>journal/articles/130214/>.
2. Крылова И.А. Демографический кризис в современной России и его возможные негативные социальные последствия // Философия и общество. 2008. Выпуск № 3 (51). URL: http://socionauki.ru>journal/fio/archive/2008_3/.
3. Султанов Ш. Как сократить население Земли на пять миллиардов? // Завтра. №47 (1096). 20 ноября 2014.

Современная демографическая ситуация в России

Климова Е. В.

*Санкт-Петербургский Политехнический Университет Петра Великого,
Россия, Санкт-Петербург*

Демографические факторы оказывают существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику страны, на ее социально-экономическое развитие, на уровень воспроизводства населения, на формирование рынка труда и занятости, на развитие систем образования и пенсионного обеспечения.

Динамика демографических процессов является одной из острейших проблем современной России. В рамках реализации третьего этапа Концепции демографической политики России на период до 2025 года [1] предполагается к 2020 году достичь следующих статистических показателей:

Показатель	На 1.01.2016	В 2020 г.	Прирост
Численность населения, млн чел.	146,5	147,5	1
Ожидаемая продолжительность жизни при рождении (лет)	71,4	74	2,6

За счет присоединения в 2014 году Крыма к России общая численность населения нашей страны сразу увеличилась на 2,3 млн. жителей, что позволило преодолеть отметку в 146 млн. человек.

По данным Росстата только за последние 3 года в России наблюдается положительная динамика прироста населения. При этом средний годовой прирост численности за эти три года бы на уровне 29 тыс. человек. В 2015 году в России прирост населения составил 32,7 тыс. человек (родилось 1 944 100, а умерло 1 911 413 человек).

Простой расчет показывает, что при сохранении такой динамики изменения численности, запланированный прирост населения в 1 млн. человек может быть достигнут примерно за 34 года, т.е. не ранее 2050 года, если конечно не произойдет присоединение еще каких-либо территорий к России.

Чтобы обеспечить намеченный прирост населения к 2020 году,

необходимо неукоснительно и планомерно предпринимать эффективные меры, направленные на сокращение уровня смертности, снижение уровня социально-значимых заболеваний, повышение уровня рождаемости, увеличение продолжительности жизни, обеспечение доступности и повышения качества медицинской помощи, рост человеческого потенциала и уровня образования, сохранение территориальной целостности и национальной безопасности.

Одним из путей увеличения численности населения России является *уменьшение показателей смертности*. В приведенной ниже таблице представлены сведения об основных причинах смертности населения России за 2015 год [2].

Причина	Умерло, чел
Туберкулез	13 094
Онкология	293 499
Болезни органов дыхания, пищеварения, кровообращения и др.	1 417 647
ВИЧ /СПИД	27 564
Внешние причины:	
Транспортные, включая ДТП	42 325
Отравления, в т.ч. алкоголем	21 072
Гибель на воде	6 139
Самоубийства	24 982
Убийства	11 679
Прочие внешние причины	75730
Всего:	1 911 413

По оценкам экспертов Минздрава ежегодная смертность от болезней, связанных с курением составляет до 400 тысяч человек в год. На сегодняшний день в России курят до 34% населения, из них 54% мужчин и 19% женщин.

На конец декабря 2015 г. всего в России было зарегистрировано 1 006 388 человек, зараженных ВИЧ. Из них в 2015 году умерло 27 564 человек. В 2015 г. было выявлено 93 188 новых случаев ВИЧ-инфекции среди граждан РФ, среди которых 63 % составляли мужчины. Число ВИЧ-инфицированных женщин к концу 2015 г. насчитывало более 372 тысяч [3].

Каждая из приведенных в таблице причин требует незамедлительных мер по разработке специальных программ для сокращения общего уровня смертности и прежде всего граждан трудоспособного возраста.

Для повышения рождаемости, прежде всего, следует улучшать здоровье и качество жизни женщин. К сожалению, постоянный рост цен и снижение реальных доходов вынуждают многих не работавших ранее матерей выходить на работу, буквально становиться к станку, что вряд ли сможет способствовать росту рождаемости и тем более увеличению суммарного коэффициента рождаемости в стране.

К тому же, на протяжении последних 10 лет число разводов находится в интервале 52– 60 % от числа заключенных браков и число абортс среди россиянок имеет стойкую тенденцию неуклонного подъема [4].

Очевидно, что при решении демографической проблемы материальные меры государственной поддержки российских семей, воспитывающих детей, в форме материнского капитала являются необходимыми, но абсолютно недостаточными. Государству нужно уделять больше внимания решению жилищной проблемы в масштабах всей страны, увеличению числа детских садов, борьбе с бедностью, повышению качества медицинского обслуживания.

Человеческий потенциал и образование

При определении индекса человеческого развития (ИЧР) среди прочих показателей используются индексы ожидаемой продолжительности жизни и индекс образования. В 2015 году в рейтинге из 188 стран Россия заняла 50-е место с ИЧР 0,798 [5].

ИЧР, уровень образования и квалификации человеческих ресурсов, половые и возрастные соотношения в населении не только определяют возможности экономического развития, но и способствуют привлечению в страну иностранного капитала, а также созданию международных коммерческих организаций.

Уровень образованности и культуры человека способствует скорейшему развитию общества; влияет на состояние здоровья и продолжительность жизни

нации; содействует снижению уровня преступности в стране; влияет на показатели занятости. К сожалению, в последние годы в России отмечается стойкое снижение выпуска специалистов.

Кроме того, ежегодно около 60 тысяч российских граждан выезжают за границу. Из этого числа 94,5 % составляют мужчины преимущественно трудоспособного возраста (16 – 59 лет). 46% всех выехавших имеют высшее образование. В результате Россия несет существенные потери своего демографического, трудового и интеллектуального потенциала.

Территориальная целостность

Россия занимает первое место по площади в мире. После присоединения Крымского полуострова в России на площади 17125 407 км² проживает 146 544 710 человек. Плотность населения составляет 8,57 чел/ км², что объясняется большими незаселенными территориями Крайнего Севера и Дальнего Востока.

В Китае на площади 9 596 960 км² проживает 1 374 440 000 человек. Плотность населения составляет 143,2 чел/ км², что в 16,7 раза больше, чем в РФ.

Наша страна отличается большим числом природных ресурсов, обладать которыми хотели бы и другие государства, в том числе и Китай, имеющий к нам территориальные претензии.

Китайцы любыми способами стремятся проникнуть на территорию Дальнего Востока, покупают там делянки, вырубают всю древесину, выкапывают и перерабатывают корни, снимают весь плодородный грунт, сворачивают его как ковер и по подземным туннелям вывозят в Китай.

В отношении китайской миграции России необходимо проводить грамотную социальную и демографическую политику, защищать свою территориальную целостность.

Пенсионная система и продолжительность жизни

Рост продолжительности жизни неизбежно приведет к общему старению населения. Уже сегодня каждый четвертый житель нашей страны сегодня старше 60 лет.

Увеличение доли пожилых людей, незначительный рост рождаемости и существенные потери граждан в возрасте от 30 до 45 лет в результате алкогольных и наркотических отравлений, заболеваний туберкулезом и ВИЧ, суицидов, дорожных и бытовых травм способны существенно усилить дефицит рабочей силы. К тому же в 2015 году уровень преступности в стране вырос на 9%. Было зарегистрировано 2,3 млн. преступлений, что также негативно сказывается на предложении рабочей силы.

Уменьшение числа людей трудоспособного возраста увеличивает нагрузку на лиц, отчисляющих страховые взносы в пенсионный фонд, и может привести к дестабилизации всей бюджетной и пенсионной системы.

Все это требует принятия комплекса мер, направленных на нормализацию соотношения количества работающих и неработающих граждан за счет миграции, трудоустройства инвалидов и безработных, а также удержания пожилых людей в экономической деятельности.

Постоянный мониторинг демографической ситуации в стране, выявление текущих проблем и разработка мер по их разрешению чрезвычайно важны для дальнейшего социально-экономического развития России.

Литература:

1. <http://base.garant.ru/191961/>
2. Демографический ежегодник России, 2015. М.: Росстат. 2015. http://www.gks.ru/bgd/regl/B15_16/Main.htm
3. [http://aids-centr.perm.ru/ Статистика/ВИЧ/СПИД-в-РФ](http://aids-centr.perm.ru/Статистика/ВИЧ/СПИД-в-РФ).
4. Труд и занятость в России, 2015. М.: Росстат. 2015. http://www.gks.ru/free_doc/doc_2015/trud15.pdf
5. <http://gtmarket.ru/ratings/human-development-index/human-development-index-info>

Доминирование в семье: результаты социально-психологических измерений

Козлитина А. Е.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Институт семьи и брака в современном мире постоянно претерпевает изменения. Отношения в супружеской паре являются ядром данного института. Однако, сегодня, уже нет единого образца и модели супружеских отношений. Мы не будем затрагивать тему нетрадиционных браков, обратимся к традиционной (по половому распределению супругов) семье.

Кто глава семьи сегодня? Изучение вопроса лидерства тесно связано с социальной властью и распределением ролей в семье. Данная тематика является очень актуальной для современной науки, поэтому ей занимаются как отечественные, так и зарубежные социологи и психологи. Наибольший вклад в развитие данной проблемы внесли: А.И.Антонов [1], С.И.Голод [2], В.Н.Дружинин [3], Е.П.Ильин [4], Л.Н.Кузнецова [5], М.С.Мацковский [6], Н.Ф.Федотова [8] и др.

Было создано немало количество концепций и подходов к данному вопросу.

Основные тезисы:

Внутрисемейная ролевая структура как основа для выделения моделей лидерства.

Типология лидерства в супружеской семье.

При раскрытии первого тезиса будут освещены основные подходы к ролевой дифференциации супругов. Какие роли выделяют современные ученые, кто из супругов за что отвечает и как это влияет на семейные отношения.

При раскрытии второго тезиса основное внимание будет уделено моделям лидерства и типам браков, которые в зависимости от этих моделей выделяют. Среди них можно отметить следующие:

Симметричный, комплиментарный и метакомплиментарный типы браков;

Патриархальный и эгалитарный браки [4];

Заискивающий, обвиняющий, расчетливый, отстраненный и уравнивающий (гибкий) типы браков и др. [7].

Помимо теоретического анализа литературы на предмет типологий лидерства в семье, также было проведено исследование по данной проблематике. Целью данного исследования стало выявление определенных типов лидерства в паре и изучение особенностей этих типов. Исследование было проведено путем анализа имеющихся на кафедре материалов по изучению отношений методом семантического дифференциала.

Следует уточнить, что анализируемые материалы включали в себя анкету, которая состояла из 9 ролей, ежедневно выполняемых каждым из супругов или сожителей: «мать-отец», «муж-жена», «мужчина-женщина», «семьянин-хозяйка», «глава семьи». Оценка осуществлялась по 6 шкалам: «активное - пассивное», «быстрое-медленное» (фактор активности); «светлое-темное», «теплое-холодное» (фактор оценки); «твёрдое - мягкое», ««сильное-слабое» (фактор силы).

Объектом исследования стали 150 пар, из которых: 83 состоят в браке, 38 сожительствуют, 5 просто встречаются, а о 24 парах данной информации предоставлено не было. Возраст тестируемых колеблется в диапазоне от 18 лет до 62 лет.

Была предложена гипотеза, что в современных супружеских (сожительских) отношениях существует четыре основных типа лидерства: где оба стремятся к лидерству и принимают это, где мужчина стремится к лидерству и женщина подтверждает эту роль, где женщина стремится к лидерству и мужчина ей подтверждает эту роль, где оба стремятся к лидерству и отрицают позиции друг друга.

В ходе анализа данных эта гипотеза подтвердилась и было выделено, следовательно, четыре типа лидерства в парах:

Лидерство мужа (мужчины);

Лидерство жены (женщины);

Лидерство совместимости;

Борьба за доминирование в семье.

Также была выдвинута гипотеза, что меньше всего супружеских (сожительских) пар с типом отношений, где оба стремятся к лидерству и принимают это, т.е. с лидерством совместимости. Данная гипотеза тоже была подтверждена. Количественно типы распределились следующим образом: большего всего оказалось пар, где лидер жена – 50 пар и это составило 33% от общего числа респондентов; затем шли пары, где лидер муж – 43 пары (28,7%); и примерно по ровну разделились пары с противоположным типом лидерства: 29 пар (19,3%), где происходит борьба за доминирование и 28 пар (18,7%) с лидерством совместимости.

Затем был проведен анализ крайних типов лидерства - «борьба за доминирование в семье» и «лидерства совместимости» - на предмет количества диссонансов и консонансов в семье. Следует уточнить, что консонансом считается ситуация, когда человек оценивает себя в определенной роли хуже, чем своего партнера, то есть значение семантического дифференциала в позиции оценки «другого» арифметически меньше. Например, жена оценивает себя как мать хуже (ее арифметическое значение выше), чем мужа как отца.

Результаты данного аспекта исследования, а также более подробное описание характеристик типов лидерства будет непосредственно освещено в момент выступления.

Литература:

1. Антонов А.И. Микросоциология семьи (методология исследования структур и процессов): Учебн. пособие для вузов. – М.: Издательский Дом «Nota Bene», 1998.
2. Голод С.И. Будущая семья: какова она? – М.: Знание, 1990.
3. Дружинин В.Н. Психология семьи. – 3 изд., испр. и доп. – Екатеринбург: Деловая книга, 2000.
4. Ильин Е.П. Дифференциальная психофизиология мужчины и женщины. –

СПб.: Питер, 2002.

5. Кузнецова Л.Н. Кто сейчас глава семьи? // Хрестоматия по этике и психологии семейной жизни. – М., 1987. – С.143-151.
6. Мацковский М.С. Социология семьи. Проблемы теории, методологии и методики. - М.: Наука, 1989.
7. Сатир В. Как строить себя и свою семью. – М.: Педагогика – Пресс, 1992.
8. Федотова Н.Ф. Глава семьи: мотивы признания // Вопросы психологии. – 1983. – №5. – С. 87-94.

Влияние социальных изменений на демографические процессы

Козлова Т. З.

Институт социологии РАН, Россия, Москва

Социальные изменения, происходящие в обществе, влияют на его демографические процессы. В России в 90-е годы прошлого века произошла смена (ломка) прежних ценностных ориентаций, что в свою очередь привело к отрицанию молодым поколением нравственных ориентиров старшего поколения. Кризис семьи в значительной степени связан с нарушением традиционных межпоколенных отношений. Молодёжь стала строить новую постсовременную семью. В последние десятилетия сексуальные отношения между молодыми людьми иногда выливались в гражданские браки, однако, значительная часть их, не дожив до официального брака, распадалась.

Исследуя картину гетеросексуальной практики в России, известные учёные по проблемам молодёжи (Иконникова С.Н., Лисовский В.Т.) отмечали динамику отношения молодых женщин к добрачным сексуальным связям: «Обращает на себя внимание и интенсивность переосмысления взгляда на возможность добрачной сексуальной практики среди женщин: среди студенток доля оправдывающих в 1965 г. составляла 38%, а в 1972 г.- 48%; осуждающих соответственно 29 и 17%. Направленность изменений сохранилась и в последующие годы. В 90-х годах, апробируя новую методику, мы опросили 100 молодых женщин. Среди них оказались 75% оправдывающих добрачные

отношения и только 8% их осуждающие».[1, с.233-234]. Такое отношение к добрачным связям характерно для большей части молодёжи, которая считает современный брак «равноправным партнёрством». Изменение брачных отношений связано с трансформацией института семьи (большое число разводов, уменьшение числа детей в семье, изменение социальной роли женщины – хранительницы очага и др.). Складывается *постсовременная семья*, для которой характерна смена отношений между полами: от романтических к «чистым отношениям», которые не предполагают вступление в брак. Значительное число гражданских браков после непродолжительного существования распадаются, имея уже детей. Среди зарегистрированных браков и разводов в последнее десятилетие (2005-2014 г.г.) сохраняется такое соотношение: на 1000 человек населения около 8,5 браков и 4,7 разводов [2,83].

Для современных мужчин и женщин пишет известный учёный З.М.Саралиева «...пожизненное супружество не по силам. Всё более деструктивную роль играет осознание женщиной гендерного неравенства, пробить панцирь которого ей пока не удаётся. Наоборот, на неё обрушиваются в первую очередь все социально- психологические проблемы. Пока под бремено забот и быта, что тащат женщины, как муравьи, мало мужчин торопятся подставить плечо»[3,51]

Как следствие кризиса семьи, в стране увеличилось количество детей-сирот. Большинство из них - социальные сироты, т.е. сироты при живых родителях. К ним относятся дети: 1.Оставленные в роддомах; 2.Взятые из неблагополучных семей. Их родители лишены родительских прав; 3.Сами убежавшие из неблагополучных семей.

Социальное сиротство формирует ущербность, как личности детей, так и их здоровья. Исследования учёных показали, что человек, воспитанный в сиротском учреждении, имеет низкую самооценку, с трудом осознает свою идентичность. Он не имеет представления о положительной модели семьи и коллектива, хотя его жизнь проходит в окружение людей. Около половины выпускников детских домов пропадают для общества: одни становятся

алкоголиками, другие ведут криминальный образ жизни.

В настоящее время в России сформирован институт замещающей семьи, т.е. семьи, принявшей ребенка-сироту на воспитание. Цель замещающей семьи – обеспечить успешную социализацию ребенка.

Литература:

1. Социология молодежи: Учебник/Под ред. проф. В.Т.Лисовского.- СПб.:Изд-во С-Петербур.ун-та,1966.
2. Россия в цифрах.2015. Крат. стат.сб./Росстат-М., 2015.
3. Саралиева З.Х. Семья-клиент социальной работы: Учебное пособие.- Нижний Новгород: НИСОЦ, 2003.

Состояние и перспективы миграционных процессов в Краснодарском крае

Кочергин А. А.

ГУП КК "Телерадиокомпания "Новое телевидение Кубани", Россия, Краснодар

На 01.01.2016 численность постоянного населения Краснодарского края составила 5513,7 тыс. человек, увеличившись за год на 1,1%. Последовательный рост количества жителей региона является устойчивой тенденцией, но обеспечивается он преимущественно за счет миграционного прироста. Естественный прирост населения края стал положительным только в последние три года, при этом его доля в общем приросте остается незначительной (2-6%). В 2010-ые гг. миграционное сальдо населения Кубани оставалось одним из самых высоких в России, в 2015 г. составило порядка 58 тыс. человек, увеличившись на 26,1% по сравнению с предыдущим годом. Прирост происходит за счет увеличения числа прибывших в регион мигрантов. В 2015 г. таковых оказалось 141,8 тыс. человек (+1,7%). В структуре внешней для края миграции преобладает межрегиональная в пределах России, тогда как на международную приходится от четверти до трети (в 2015 г. доля иностранцев в миграционном приросте составила 27,8%). Положительное сальдо международной миграции обеспечивается главным образом за счет

обмена населением с государствами-участниками СНГ (самыми активными являются Украина, Армения, Узбекистан), на другие зарубежные страны приходится только порядка 10%.

Согласно данным оперативного миграционного учета, внутрироссийская, межрегиональная миграция составляла от 40% до 60% от числа граждан, регистрирующихся по месту жительства в крае, однако в 2010-ые гг. наблюдалось некоторое ее снижение. В 2015 г. она составила 35,8%, что практически на уровне предыдущего года (34,3%). Самый большой миграционный прирост фиксируется в г. Краснодаре и городах Черноморского побережья. Число постановок иностранных граждан и лиц без гражданства на миграционный учет постоянно растет, и с 2010 г. увеличилось более чем в полтора раза. В 2015 г. на такой учет поставлено порядка 540 тыс. ИГ и ЛБГ (прирост 6,5% к предыдущему году), подавляющее большинство – на учет по месту пребывания (95%). Однако и снято с него было более 453 тыс. человек (+43,6%). Миграционные потоки как на въезд, так и на выезд практически идентичны друг другу и сопоставимы и по абсолютным значениям, и по долям показателей: гражданство, цель пребывания. Большую часть иностранных мигрантов составляют граждане Абхазии, Армении, Украины. Основными целями пребывания при постановке на миграционный учет из года в год остаются работа – 34,5%, частная поездка – 25,4%, доли остальных целей менее значительны.

По состоянию на 31.12.2015 в Краснодарском крае находились 250112 ИГ и ЛБГ. В течение последних пяти лет отмечается стабильный рост числа постоянно и временно проживающих в регионе иностранцев с 14,5 тыс. человек в 2010 г. до 50683 в 2015 г., в том числе по разрешению на временное проживание 27808 ИГ и ЛБГ (прирост 27,6% к предыдущему году), по виду на жительство 22875 (+21,3%). Несмотря на то, что абсолютное число постоянно и временно проживающих иностранцев увеличилось на четверть, их гражданская принадлежность изменилась незначительно. По-прежнему, на первом месте стоят граждане Украины, далее – Армении, Узбекистана и Казахстана.

Высокой интенсивностью характеризуются потоки внешней трудовой миграции. Ежегодно разрешения на работу и патенты в крае получают от 50 до 120 тыс. иностранных граждан. Пик привлечения иностранной рабочей силы пришелся на 2012-2013 гг. – период активного завершения строительства олимпийских объектов. В 2015 г. по ряду причин интерес работодателей к данной категории работников значительно снизился: было оформлено только 4427 разрешений на работу (на 86,5% меньше, чем годом ранее), 49431 патент (-29,2%), из них 26507 – для работы у юрлиц, 22924 – для работы у физлиц.

Процентное соотношение иностранных работников по странам исхода практически стабильно. Максимальное количество разрешений на работу трудовым мигрантам, прибывшим в Россию в порядке, требующем получения визы, выдано гражданам Сирии – порядка 40%, КНДР – более 20%, Турции – порядка 15%. Доминирующее место среди трудовых мигрантов, прибывших в РФ в порядке, не требующем получения визы, и оформивших патенты, занимают граждане Узбекистана – порядка 60%, Таджикистана – более 20%, Украины – более 12%.

Большую часть трудовых мигрантов составляют мужчины (порядка 70%). Возрастной состав иностранных граждан, оформляющих разрешительные документы на работу: 18-29 лет – 46%, 30-39 лет – 27%, 40-49 лет – 19%, старше 50 лет – около 8%. В целом, качественные показатели ситуации в сфере трудовой миграции в Краснодарском крае на протяжении ряда лет практически не меняются. Традиционно иностранные работники сосредоточены в строительной отрасли – более 30%, осуществляли деятельность в домашних хозяйствах – около 30%, в сфере обрабатывающих производств задействовано менее 10%, в торговле – порядка 7%, в сельском хозяйстве – порядка 5%, в сфере услуг – от 3% до 5%.

Одним из основополагающих тезисов миграционного дискурса в регионе является дебатирование проблемы нелегальной миграции и ее повышенной криминальности. Однако данные официальной отчетности соответствующих контролирующих госорганов свидетельствуют об излишней мифологизации

вопроса. Из находившихся в крае на конец 2015 г. четверти миллиона иностранных граждан только порядка 90 тыс. человек превысили срок своего пребывания и входили, по мнению структур ФМС России, в так называемую «группу риска». Среди них граждане стран СНГ составляют подавляющее большинство (порядка 85%), в том числе: Украина – 26%, Узбекистан – 15,3%, Беларусь – 15%, Армения – 14,6%.

Согласно сведениям информационного центра ГУ МВД по Краснодарскому краю, анализ динамики преступлений с участием иностранных граждан показывает, что до 2010 г. она была подвержена колебаниям, после же отмечается устойчивая тенденция к росту: в 2010 г. доля преступлений ИГ составляла менее 1% от общего числа зарегистрированных, по итогам 2015 г. – 2,6%. При этом число совершенных ИГ преступлений выросло незначительно (1456, +15% к предыдущему году), число преступлений, совершенных в отношении них – увеличилось практически на треть (546, +34%). Основной категорией иностранцев, с участием которых на территории края совершаются преступления, также являются выходцы из стран «ближнего» зарубежья. Наибольшее число преступлений совершено гражданами Украины (28,6% от общего числа), Армении (17%), лицами без гражданства (16,4%), Узбекистана (10,7%), Абхазии – (7,8%). В свою очередь чаще всего преступления совершаются в отношении граждан Украины (43,8%), Узбекистана (15,2%). Таким образом, динамика и характер преступлений с участием иностранных граждан показывают, что связанная с ними противоправная деятельность не оказывает существенного влияния на криминальную обстановку в крае.

Миграционная политика краевых властей базируется на утверждении избыточности миграционных потоков в регион, оценки их как дестабилизирующего фактора социально-политического и социокультурного развития края и сконцентрирована на поддержании жесткого административного контроля над мигрантами. Вне повестки дня остаются вопросы адаптации и интеграции мигрантов, не дебатруется важнейшая проблема, требующая своего решения, – поиск механизмов включения

мигрантов в жизнь регионального сообщества. Учитывая эти обстоятельства, а также общее кризисное состояние российской экономики на ближайшую перспективу следует ожидать снижения интенсивности миграционных потоков в Краснодарский край, прежде всего сокращение количества иностранных трудовых мигрантов.

*Статья подготовлена в рамках деятельности Распределенного научного центра межнациональных и межрелигиозных проблем

Роль миграции в динамике численности населения в Сибирском Федеральном округе

Леденёва В. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Москва

Сибирь является стратегически важным объектом с точки зрения экономического и геополитического потенциала.

Валовый региональный продукт составляет 11,4% ВВП России. Доля округа в общем объеме промышленного производства РФ в 2014 году составила 12,4%. Доля СФО в общей протяженности железных дорог России - 17,5%.

На территории Сибири сосредоточены: 85% общероссийских запасов свинца и платины, 80% угля и молибдена, 71% никеля, 69% меди, 44% серебра, 40% золота. Кроме ресурсного потенциала наиболее важное значение имеет геополитическое значение этих территорий.

Территория СФО составляет 30% территории России, население - 20,06 млн человек, плотность населения – 3,78 чел. на 1 км². Доля городского населения – 71,1%, сельского – 28,9%. Несмотря на то, что Сибирь наряду с ДВ является наиболее большим регионом по площади, но плотность населения наименьшая. [1]

Проблема освоения Сибирских территорий не нова, но сегодня она не менее актуальна, чем это было 100 лет назад во времена Столыпинских реформ.

Столыпин П.А. говорил, что нельзя отсечь голову у двухглавого орла, смотрящую на восток. Столыпин понимал военную и живую силу и мощь Сибири, значение развития Сибири. Им были разработаны специальные программы переселения людей в Сибирь. В целом за время реформ было переселено около 3 млн. чел.

Одной из демографической особенностью СФО является то, что место рождения населения в основном связано с территорией проживания. Наиболее высока доля уроженцев своих регионов в населении Приволжского (88%), Северо-Кавказского (87%), Сибирского (85%),

Проблемы развития Сибири обсуждаются на самом высоком уровне, 5 июля 2010г. №1120р была принята Стратегия социально-экономического развития Сибири до 2020г. (с изменениями на 26 декабря 2014 года). И не случайно, от Сибири и регионов Дальнего Востока зависит геополитическая и экономическая стабильность России.

Основная проблема для СФО – поддержание необходимой численности населения. Численность в 2014г. – 19 млн. 281 тыс. чел. Постепенно увеличивается с 2013г. на 21 тыс. чел. Однако если сравнивать с 2000г. население сократилось на 1183 тыс. чел. Наиболее сокращения произошло в период с 2000 по 2011 гг. [2] Несмотря на то, что показатели на последние годы не уменьшаются, а наоборот увеличиваются, еще рано говорить о кардинальном изменении ситуации.

Положительная динамика увеличения численности населения за последние 10 лет отмечена только в 24 городах СФО из 126. В их числе 10 из 12 столиц (кроме Читы и Иркутска), скачок сделали Кызыл, Горно-Алтайск, Улан-Удэ, в Абакане дозревание урбанизации, переселение из сельских районов.

Что касается сельских территорий, их положение в основном зависит от близости к районным центрам. Доказано, что чем ближе к центру, тем лучше выше развитие. Однако бывает наоборот парадоксальная ситуация, центр депопулирует, а сельские территории развиваются. Районные центры влияют на

миграцию, они работают как пылесос, вымывая население из городов среднего окружения. Таким образом, районные центры являются основным реципиентами миграции и миграции молодежи. Например, Томск и Новосибирск, выигрывают у других регионов Сибири по учебной миграции, при этом рождаемость в этих регионах падает.

Помимо известных причин снижения населения (бедность, безработица, неконкурентоспособность территорий), важным обстоятельством является смена многочисленного поколения на малочисленное – «демографические качели».

Демографическую ситуацию определяет естественное и миграционное движение. Естественное движение является важнейшим компонентом изменения численности населения, но как показывают результаты исследований, миграционное (или механическое) движение играет определяющую роль. Миграция, является сложным и неоднозначным явлением, затрагивающим все важнейшие социально-экономические аспекты жизни региона. При анализе влияния миграции на численность населения, необходимо разделить миграционные потоки на две составляющие: внутреннюю и внешнюю миграции. Структурный анализ миграции для СФО является определяющим.

В частности в 2014г. международная миграция компенсировала 80% убыли населения СФО, наибольшие показатели в Новосибирской обл. около 20 тыс. чел., Томской обл – 4 600, Красноярском крае – 3 900. [3]

Для остальных регионов внутренняя миграция явилась негативным фактором. Таким образом, даже при положительном международном внешнем миграционном приросте – внутренняя миграция является основным фактором снижения численности населения.

Основные тенденцией современной миграционной ситуации в СФО можно считать:

Особенностью этого региона можно назвать разнонаправленный вектор миграций, он является прямо противоположным.

Внутренняя происходит в основном с востока на запад («западный дрейф»), внешняя в обратном направлении с востока на запад.

Через Сибирь проходит вектор главного западного направления внутрироссийских миграционных потоков.

Чем ближе территория к восточным и приграничным рубежам страны, тем интенсивнее в ней происходит сокращение численности населения.

Направления расселения от сельских территорий в крупные урбанизированные центры.

Существенные деформации по снижению численности россиян и увеличению титульных наций сопредельных государств – этнодемографические этнополитические деформации.

Происходит неэквивалентный (особенно после 2004г.) миграционный обмен. Россия теряет высококвалифицированных специалистов, а получает население низкоквалифицированное.

Активный отток молодежи снижает научный. Технический, творческий и культурный потенциал региона.(8,9)

Расширение зоны оттока населения, сокращение зоны притока населения.

Постепенное усиление поляризации территории страны по результативности миграционных потоков (для изучения данного явления по нашему мнению необходимо составления «миграционных карт»).

С одной стороны идут «центростремительные» перемещения населения, с другой стороны - сокращение численности населения.

Внешняя для СФО (внутрироссийская миграция) много лет служившая важнейшим фактором формирования структуры и прироста населения, сегодня становится фактором его убыли.

Внутренняя миграция приводит к колоссальным сдвигам в размещении населения – к деформации структуры расселения, «накапливаемой десятилетиями».

Восточная Сибирь теряет населения интенсивнее, чем Западная, оказывает больше влияния на отрицательные тенденции.

Меняется направление расселения: от заселенных восточных территорий с осваиваемыми природными ресурсами к переселению в крупные урбанизированные центры.

Усиливается процесс депопуляции и сокращается демографический и трудовой потенциал этих территорий.

Проблема приживаемости населения.

Все это порождает геополитическую опасность, грозит национальной безопасности страны. Обезлюдение обширной и богатой природными ресурсами планетарного масштаба территории может привести к тому, что другие государства найдут для аннексии десятки аргументов: восстановление исторической справедливости, обеспечение глобальной экологической безопасности и др. гуманитарные доводы.

Сегодня СФО является объектом внимания иностранных государств, например, К. Райс, и М. Олбрайт не раз заявляли, что Сибирь слишком большая для одной страны и несправедливо, что Сибирью владеет одна страна. Мировая экспансия проявляется в виде инвестиций капитала и трудовых ресурсов. Иностранные инвестиции со стороны ряда стран, в частности Китая и США, делают нас зависимыми от этих стран, а демографический вакуум может восполниться трудовыми ресурсами из других стран.

Литература:

1. Официальный сайт СФО. <http://sfo.gov.ru/>
2. Вершинина А.П. Роль малого предпринимательства в обеспечении экономической безопасности государства // Интернет-журнал «НАУКОВЕДЕНИЕ» Том 7, №5 (2015) <http://naukovedenie.ru/PDF/148EVN515.pdf> (доступ свободный).
3. Материалы круглого стола в Государственной Думе «Миграционная ситуация в Сибирском Федеральном округе», 26 февраля 2014г.

Демографический вызов молодежной политике: к вопросу о здоровье молодого поколения россиян

Лепин А. П.

Южный федеральный университет, Россия

Демографические вопросы в контексте государственной молодежной политики в настоящее время приобретают особую актуальность. Эксперты прогнозируют, что вплоть до 2025 года численность молодежи будет снижаться, а ее доля в населении страны уменьшится до 17,9% (для сравнения в 2014 г.-24%), до 25 млн. человек. Особенно сильным оно окажется в самых продуктивных и с экономической, и с социальной точек зрения, возрастах – с 23 до 28 лет – от 35 до 50% [1, с. 14, 127]. Авторы доклада «Молодежь и молодежная политика в России в контексте глобальных изменений» отмечают, что в ближайшие 20 лет численность трудоспособного населения может сократиться на 16 млн. человек. Прогнозируемая численность молодежи, вступающей в трудоспособный возраст в 2006-2025 гг. возместит убыль рабочей силы только на половину [2,18]. Демографическая ситуация в которой оказалась Российская Федерация, по мнению экспертного сообщества, является угрозой стабильного функционирования общества[1, 268].

Неблагоприятные демографические прогнозы ставят перед государством и обществом вопрос о том, смогут ли сегодняшние 14-17-летние граждане страны стать ее основным трудовым ресурсом, тем непосредственным «физическим» будущим, о котором так любят говорить общественные и политические деятели? Смогут ли они, через десять лет развивать экономику страны, являться гарантами ее национальной безопасности?

Доля молодежи во всем населении определяется тремя основными демографическими факторами: рождаемостью, смертностью и миграцией молодых людей вследствие учебы, вступления в брак или переездов в поисках работы. Последний фактор, хотя целиком и полностью относится к характеристике молодежи, но в условиях российского нестабильного социума

отличается высокой инертностью. Мобильность молодежи проявляется лишь в том случае, когда речь идет о получении образования в месте, отличном от проживания родительской семьи.

Усугубляют ситуацию высокие показатели заболеваемости среди молодых людей, качество их здоровья. Состояние здоровья молодых людей является ключевым индикатором и сказывается на экономическом, трудовом, культурном и оборонном потенциале страны. Так, растет число заболеваний, прежде не свойственных молодым людям, а теперь приобретающим все большее распространение (кардиологические заболевания, заболевания сосудов, нервной системы и пр.) [3, 24]. Данные тенденции проявляются не только на фоне высоких достижений мировой медицины, но и в ситуации увеличения доли платного сектора в системе отечественного здравоохранения.

В Основах государственной молодежной политики на период до 2025 года (приняты Распоряжением Правительства РФ от 29.11.2014 г., № 2403-р) – основополагающем документе, отражающем понимание молодежной политики со стороны федерального центра, говорится о том, что «в последние годы удалось переломить ряд негативных тенденций и достичь заметного улучшения социально-экономического положения молодежи в Российской Федерации», в частности, в молодежной среде «усилилось стремление к ведению здорового образа жизни» [4,с.3-4].

С учетом негативного демографического сценария формирование здорового образа жизни становится одной из приоритетных задач нового документа, решение которой предполагает осуществление ряда мероприятий, направленных, в первую очередь, на пропаганду здорового образа жизни и предотвращение поведения, влекущего угрозу здоровья молодого человека. Перечисленные в нормативно-правовом документе меры становятся не только актуальным направлением государственной молодежной политики, но и должны работать на признание высокой значимости здоровья, ответственности за его сохранение как со стороны государства, так и со стороны индивида. В настоящее время И.В. Журавлевой отмечается отсутствие планомерного

воспитательного процесса в этой области. Сегодня, по мнению указанного автора, такое воспитание имеет стихийный характер и ведется в основном в семье, которая формирует, поддерживает и развивает здоровье своих членов, оказывая тем самым влияние и на общественное здоровье [5, с.179; 6, с.38].

По мнению Т.А. Нигматулиной, мероприятия, популяризирующие здоровый образ жизни в современных условиях целесообразно разделить на несколько блоков:

1) *организационный блок*: поддержка действующих и создание новых молодежных организаций, пропагандирующих здоровый образ жизни в подростковой и молодежной среде. Поддержка инициативных проектов студенческих и педагогических отрядов, деятельность которых направлена на работу с молодежью по профилактике девиантных явлений в молодежной среде;

2) *научно-исследовательский блок*: проведение научно-исследовательских конференций, «круглых столов» по вопросам формирования здорового образа жизни среди молодежи, профилактики психоактивных средств.

3) *информационно-пропагандисткий блок*: организация и проведение акций среди молодежи по пропаганде здорового образа жизни, профилактике алкоголизма, наркомании, табакокурения, а также вируса иммунодефицита человека и заболеваний, передающихся половым путем.

4) *практический блок*: проведение мероприятий, способствующих социализации и оздоровлению молодых людей (летние лагеря, турпоходы, выездные занятия, фестивали, форумы и пр.). Развитие системы работы с молодежью «группы риска» и неформальной молодежью [7, с. 55-56].

Представляется, что в настоящее время современная государственная молодежная политика должна быть тесно интегрирована в государственную социальную политику, а не просто содержать формальные положения о необходимости реализации тех или иных задач без их финансового обеспечения. Не секрет, что в сфере молодежной политики отсутствие основополагающего закона о молодежи создает трудности организационного и

финансового характера между федеральными, региональными и местными органами власти, реализующими молодежную политику. Действующие в настоящее время многочисленные законодательные акты, регулирующие данную сферу носят фрагментарный характер. Базовый закон о молодежи не является «панацеей» молодежных проблем, поскольку в практики реализации молодежной политики прочно вошли другие механизмы социальной регуляции, но в иерархии официальных документов он занимает более высокое положение. По мнению К.В. Харченко, «законом должно определяться примерное содержание программ, принципы их построения, а также порядок разработки и реализации. Задача закона- вводить инновационные механизмы в рутинную практику» [8, с. 21].

На данный момент основополагающим документом федерального уровня, регулирующим молодежную сферу деятельности, являются Основы государственной молодежной политики на период до 2025 года. Утвержденные в конце 2014 года Основы стали преемником Стратегии государственной молодежной политики Российской Федерации, срок реализации которой истек в 2016 году и тем самым нивелировали оценки Стратегии как неоднозначного документа, нуждающегося в существенной переработке. Согласимся с мнением Т.К. Ростовской о том, что с принятием нового документа молодежная политика получила свое эволюционное развитие и теперь направлена на решение проблем молодежи в соответствии со стоящими перед страной вызовами в средне- и долгосрочной перспективе [9, с. 93-94].

Литература:

1. Молодежь России 2000-2025: развитие человеческого капитала. – М., 2013. - 187 с.
2. Молодежь и молодежная политика в России в контексте глобальных изменений: Доклад о положении молодежи и реализации государственной молодежной политики. Электронный ресурс: http://webcache.googleusercontent.com/search?q=cache:t5ZLnTjiD_IJ:www.ruy.ru/u

pload/documents/doklad.docx+&cd=1&hl=ru&ct=clnk&gl=ru&client=safari (дата обращения: 25.04.2016).

3. Основы работы с молодежью: учебное пособие / Под ред. Т.Э. Петровой. – М.: Альфа-М., 2010. -220 с.

4. Основы государственной молодежной политики на период до 2025 года. Электронный ресурс: <http://government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf> (дата обращения: 25.04.2016).

5. Журавлева И.В. Отношение к здоровью индивида и общества. – М.: Наука, 2008. -238 с.

6. Здоровье студентов: социологический анализ /Отв. ред. И.В. Журавлева. – М.: ИНФРА-М., 2014. – 272 с.

7. Нигматулина Т.А. Государственная молодежная политика в федеративной России: инновационные парадигмы. – Уфа: Изд-во БИСТ (ф-ла) ОУП ВПО «АТиСО», 2012. -188 с.

8. Харченко К.В. Настольная книга специалиста по молодежной политике: учебно-практическое пособие. – М.: Национальная гильдия профессиональных консультантов, 2013. – 168 с.

9. Ростовская Т.К. Принятие Основ государственной молодежной политики 2025 года: фактор эволюционного развития в современной России // Государственный советник. -2014.- № 4. – С. 93- 96.

Применение шкалограммного анализа при изучении семейно-детных ориентаций и установок

Ляликова С.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Одной из актуальных проблем современности является предпочтительная малодетность среди населения и наша страна не является исключением. По данным Росстат (на 15.04.2016) уже в 2017 году будет наблюдаться отрицательное значение показателя естественного прироста населения, а к 2030г. по некоторым прогнозам приведет к сокращению на 450,3 тыс. человек.

Однако, вопрос не стоит о полном исчезновении России с мировой карты, все это ведет к ее неуклонному ослаблению. Для того, чтобы данный прогноз не осуществился, необходимо подробно изучить проблему малодетности и найти рычаги, влияющие на повышение семейно-детных установок.

Опираясь на данные исследований, проведенных в 2014-15г. кафедрой социологии семьи и демографии совместно с институтом социологии РАН, отберем интересующие нас суждения о семье, браке, отцовстве и материнстве и дифференцируем респондентов на 5 типологических групп, в зависимости от степени фамилизма (очень высокая, высокая, средняя, низкая и антифамилистическая) (см.подробнее [1]).

В результате, ситуация зафиксированная в 2014г. на 10 регионах РФ представляет собой следующее: 14,7% - представители очень высокой фамилистической ориентации, 20,8% - высокой, 34,1% - относятся к средней, 18,8% обладают низкой ориентацией на семью и 11,7% - испытывают антифамилистические настроения. В 2015г., респонденты из Уфы (женщины с несколькими детьми) показали совершенно иные результаты. Столбики гистограммы резко смещены влево: представителей очень высокой и высокой фамилистической ориентации здесь максимальное количество – 59,3% (25,6% и 33,7% соответственно), в среднюю группу вошли 25,3%, респондентов с низкой фамилистической ориентацией 11,8%, а антифамилистов наименьшее количество 3,7%.

Прокоррелируем полученные группы 2014г. с половозрастной структурой. Более ориентированными на семью (очень высокая степень фамилизма) оказались молодые женщины от 16 до 29 лет (15,9%). С повышением возрастной группы, этот процент снижается сначала до 15,5%, а в следующей группе до 11,1%. Процент же высоко ориентированных на семью респонденток в целом остается на одном уровне, в среднем равным 21,8%. А вот процент антифамилистически настроенных, наоборот растет. Причем у молодых женщин (от 16 до 29) крайние группы более контрастны, а у женщин самого старшего возраста (50+) они различаются всего на 1,1%.

Среди респондентов мужского пола наблюдается иная картина. Процент обладателей очень высокой степени фамилизма несколько повышается, в зависимости от возрастной группы с 13,3% до 13,6%, а в следующей группе еще на 1,1%. Максимальное число респондентов с антифамилистическим настроем вошло в возрастную группу от 16 до 29 лет (24,0%), а минимальное от 50 лет и выше (11,8%).

Предполагается, что более высокая фамилистическая ориентация будет коррелировать с большим процентом фактической детности. А низкая и антифамилистическая установка - с меньшим. Результаты исследования подтвердили данную гипотезу. Процент респондентов, очень высоко ориентированных на семью, возрастает последовательно от бездетных семей (15,6%) к семьям с 3 и более детьми (22,7%) в 2014г. На примере опрошенных в Уфе было зафиксировано, что среди 3-детных семей процент высоко и очень высоко фамилистически ориентированных респондентов равняется 60,1%, среди 4-детных – 62,9%, самый высокий процент наблюдается у представителей семей с 5 и более детьми (78,9%).

При анализе вопросов о межпоколенной детности, наблюдается следующая картина: респондентки, которые выросли в семьях, где было 3-4 ребенка (3,42), сами рожают также более троих, но реже (3,09). Своим детям советуют еще уменьшить число рождений до 2,53. Эта тенденция, связана исключительно с сокращением потребности в трех и более детях, и в частности подтверждается результатами всероссийских исследований. Например, ФОМ [5] в 2001г. зафиксировал преобладание установки на двоих детей (44%), превосходящую в полтора раза ориентацию на третьего ребенка, в 2006г. данный процент незначительно сокращается до 40% [5]. Однако ориентация на двухдетность прочно закрепилась в массовом сознании, что подтверждается трендами последующих лет: в 2013 г. - 54% [5], в 2014 году 53% [4].

Объясняется эта вынужденная ориентация многодетных семей на меньшее число детей, в первую очередь неудовлетворенностью условиями жизни, внесемейной направленностью социальных сфер и жилищной

необеспеченностью. При низкой самооценке уровня своего достатка, 48% респонденток с 4 и более детьми определяют его ниже среднего. У частично и полностью удовлетворенных выше ориентация на третьего ребенка для своих детей (53,8%), у неудовлетворенных – на второго (49,0%). Двухдетные матери считают, чтобы не ущемлять себя материально нужно иметь не более 2 детей (67,6%), трехдетные респондентки, увы, разделяют аналогичную точку зрения (42,3%). Многодетные также считают, что нужно иметь двоих (35,7%) и троих (31,0%) детей, чтобы не чувствовать материального ущемления.

В региональном исследовании 2014г. было зафиксировано отсутствие прямой зависимости между материальным положением, уровнем фамилистических ориентаций и фактическим числом детей. Что опровергает распространенное мнение о том, чем лучше финансовое благополучие, тем выше установки на детность и фактическая детность. Благополучие в современном мире включает в себя целый ряд престижных благ, однако семья и дети в это понятие не входят. «В богатых странах всячески поощряемая ориентация на жизненный успех, на рост уровня жизни и комфорта не сопровождается поднятием планки семейности и детности, семейного образа жизни». [2]

Суммарный коэффициент рождаемости в Российской Федерации на 2014 г. составляет 1,75 [3], однако, данного значения недостаточно, даже для простого воспроизводства населения. Для достижения поставленной правительством задачи, а именно роста трехдетных семей среди населения, необходимо повысить значение данного коэффициента до 2,15 и выше. Для этого необходимо начать работу с населением уже на ранних этапах развития личности и обратить внимание на сегодняшних школьников и детей дошкольного возраста. Ведь только комплексный подход, включающий в себя материальное стимулирование, формирование системы семейных ценностей и установок на детность способно дать желаемый результат.

Литература:

1. Антонов А.И., Жаворонков А.В., Синельников А.Б. и др. «Семья, дети жизненные ценности и установки: итоги социологического опроса населения в регионах России» — Фонд Андрея Первозванного и Центр национальной славы Москва, 2015. С.270.
2. Антонов А.И., Сорокин С.А. Судьба семьи в России XXI века. М., 2000, С.234
3. Демография: как повысить рождаемость // Отчет по опросу ФОМ 25.05.2006 // <http://bd.fom.ru/report/cat/famil/dd062025#d062015>
4. Сколько детей нужно для счастья? «Омнибус ВЦИОМ». 30 мая 2014. <http://old2.wciom.ru/index.php?id=459&uid=114842>
5. Образ идеальной семьи. Много ли в России идеальных семей? И какую семью можно считать идеальной? «ФОМнибус» 14 июля 2013. <http://fom.ru/Rabota-i-dom/11024>

Личностная интерпретация половозрастных ролей в рамках социокультурного контекста

Маякова В.В.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

На современном этапе развития российского общества исследователи отмечают следующие трансформации института семьи и брака: распространение сожительства до (или вместо) зарегистрированного брака, частая смена партнеров, откладывание рождения первенца и снижение рождаемости в целом. Демографы, принадлежащие к фамилистической парадигме, трактуют данные изменения, как кризис института семьи, и прогнозируют возможную депопуляцию населения в России. В связи с этим, вопросы, касающиеся демографии, являются крайне актуальными, а указанные обстоятельства стимулируют проведение социолого-демографических исследований с целью поиска выходов из сложившейся ситуации.

Ключевые направления таких исследований – это анализ особенностей и

проблем брачного, сексуального и репродуктивного поведения. Это связано с тем, что для понимания и изучения современной демографической ситуации в России и в мире, а также для возможности прогнозирования будущего развития института семьи и брака, необходимо выявление и рассмотрение основных причин и тенденций, касающихся выбора партнера, смены партнера, регистрации отношений, сексуальной ориентации и рождения детей.

Брачное, сексуальное и репродуктивное поведение взрослого населения на макроуровне зависит от культурно-экономической ситуации в стране, а на микроуровне от того, какими установками относительно вступления в брак и рождения детей руководствуется личность. Содержание указанных установок непосредственно коррелирует с личностной интерпретацией половозрастных ролей. Поэтому основной проблемой, рассматриваемой в настоящей работе, является проблема интерпретации человеком своих половозрастных ролей в рамках социокультурного контекста.

Формирование указанных установок зависит от процесса социализации, в котором, по мнению психологов, концепции которых будут рассмотрены в настоящей работе, наиболее активным по количеству и качеству личностных трансформаций является этап подросткового возраста.

Сегодня этот вопрос становится особенно актуальным, в связи с господствующими в мире процессами глобализации, информатизации и массовизации культуры, а также с активной пропагандой гедонистических ценностей, приходящих, в культуры развивающихся стран, с Запада посредством СМИ. Процессы взаимодействия и коммуникации упростились, темпы жизни ускорились, а этика значительно трансформировалась. Но смогла ли адаптироваться к этому социокультурная система и ее нормы? Какие сложности в связи с этим испытывают подростки в процессе личностного развития? Какое влияние подобные процессы окажут на институт семьи? Этим и аналогичным вопросам посвящена данная работа.

Научная новизна настоящей работы заключается в раскрытии названной проблемы с применением альтернативной концепции социализации,

представленной Л.С. Выготским.

В ходе проведения научного теоретического и эмпирического исследований были сделаны следующие основные выводы:

1. Такие изменения института современной семьи, как тенденция к снижению рождаемости, легализация и популяризация однополых браков и популяризация сожительства, необходимо интерпретировать как проявления её глобального системного кризиса, порождённого современной индустриальной и постиндустриальной цивилизацией, ведущего к угрозе депопуляции населения.

2. Особенностью современности является возможность изменять свои половозрастные статусы и соответственно трансформировать роли.

3. Особую роль в половозрастной идентичности личности играет процесс первичной социализации, проходящий в семье, т.к. именно в этот период закладываются основные ориентиры для компетентной ориентации индивида в социальном пространстве. Следовательно, можно утверждать, что институт семьи играет первостепенную роль в процессе формирования личности подростка.

4. Процесс социализации и личностной интерпретации половозрастных ролей напрямую зависит от социокультурного контекста, который сегодня определяется гедонистическими и прозападными ценностями.

6. Точка зрения, предложенная Л.С. Выготским, о социализации, как о процессе движения от социального к индивидуальному, находит свое подтверждение в реальных фактах социальной жизни. В процессе личностной интерпретации половозрастных ролей человек не только обретает знания и опыт, необходимые для полноценной жизни в обществе, но и проходит путь индивидуализации, т.е. познания собственного Я. Что в дальнейшем позволяет актору свободно владеть ролевым репертуаром и избегать возможных психологических кризисов.

7. Подростковый возраст – это особенный период в процессе становления личности, во время которого происходит множество трансформаций, во многом

определяющих дальнейшую жизнь человека в обществе и, особенно, его будущее брачное поведение.

8. Ключевое понятие для анализа – это ролевые экспектации, поскольку именно от того, как воспринимает себя подросток и от того, как его воспринимают окружающие, зависит его функционирование в обществе. При этом в период подросткового возраста личностная интерпретация половозрастных ролей зачастую неадекватно отражает реальные возможности подростка, необходимые для полноценной взрослой жизни в социуме, многие формальные возрастные нормы кажутся подросткам излишними ограничениями.

9. СМИ пропагандируют прозападные и гедонистические ценности, которые легко усваивает подросток, и провоцируют тем самым, возникновение завышенных ролевых экспектаций. Родители и педагоги должны научить подростков критически подходить к осмыслению получаемой информации

10. Несоответствие внутренних экспектаций, в соответствии с которыми подросток осознает себя, как самостоятельного актора и внешних экспектаций, в результате которых подросток чувствует, что окружающие применяют к нему набор стереотипных требований, может привести к возникновению внутриличностного конфликта и негативных, а в редких случаях, и позитивных форм девиантного поведения, в некоторых случаях возможно возникновение и делинквентное поведение.

11. Согласно социологическим исследованиям в современной российской семье присутствует выраженная установка на авторитарный стиль воспитания, т.е. на предписывающие экспектации. Адекватные же воспитательные модели основываются в основном на предсказывающих экспектациях, позволяющих, учитывать индивидуальные особенности подростка. Именно благодаря этому дети приобретают ролевую гибкость и одновременно учатся находить оптимальное сочетание между ожиданиями окружающих, официальными предписаниями и собственными представлениями о том, как следует вести себя в той или иной роли.

12. По мнению экспертов, чтобы избежать диссонанс внешних и внутренних ролевых экспектаций подростка, а также возникновение негативных девиаций и внутриличностного конфликта, общество и семья должны научить подростка ответственности, уделять ему больше времени и внимания, интересоваться его увлечениями и хобби, и самое главное – постараться самим измениться в лучшую сторону, для того, чтобы подросткам было с кого брать пример.

Влияние демографических факторов на социальные изменения в обществе

Москалевич Г. Н.

Белорусский государственный экономический университет, Беларусь, Минск

Причинами социальных изменений в обществе могут выступать самые различные источники: экономические, демографические, технологические, социокультурные и другие факторы.

Остановимся на рассмотрении демографических факторов, которые сегодня выходят на первый план, и их влияния на социально-экономические отношения в обществе.

Цель демографической политики государства заключается в воздействии на формирование желательного для общества режима воспроизводства населения, сохранения или изменения тенденции в области динамики его численности и структуры, темпов рождаемости, смертности, семейного состава, расселения, внутренней и внешней миграции, качественных характеристик населения [1].

Определенную демографическую политику ведут крупнейшие международные организации — ООН и ее специализированные учреждения, такие как, например, Всемирная организация здравоохранения (ВОЗ), финансируя проекты планирования семьи.

На рождаемость, кроме природно-биологических, влияют и многие другие факторы: социально-экономические (уровень развития общества; урбанизация); социально-культурные и психологические (положение женщины

в обществе, уровень образования, развитие здравоохранения) и другие.

В свою очередь, и демографические факторы оказывают значительное влияние на социальные процессы в обществе.

В 1990-е гг. во всех бывших советских республиках резко обострились демографические проблемы, что было связано с ухудшением здоровья населения, сокращением продолжительности жизни людей, необходимостью адаптироваться к новым социальным условиям, вызванным перестроечными реформами. В свою очередь, необходимость адаптации к изменяющимся социальным условиям, трансформация ценностных установок, снижение уровня доходов населения, увеличение доли населения, чьи доходы ниже прожиточного минимума, послужили причиной появления новых стратегий демографического поведения.

Н.В. Ронжина считает, что воздействие демографического фактора на общественные отношения может быть опосредованным (в основном, через экономику) и непосредственным. Автор останавливает свое внимание на действии демографических изменений как непосредственном факторе политических процессов. Демографические процессы оказывают непосредственное воздействие на социальную политику государства, составной частью которой является демографическая политика, на социально-политические отношения. Их воздействие распространяется как на экономические, педагогические, бытовые и другие отношения, так и на межобщностные (национальные, религиозные, политические, демографические) отношения. Воздействие демографического фактора на данные отношения может быть и главной причиной их изменений (например, переселение народов), хотя, как правило, демографический фактор действует наравне с другими факторами, выступая как элемент системы [2].

Народы, которые в результате повышенной рождаемости стали многочисленными, могут вступать в конфликты, в том числе и в военные, с другими государствами, претендуя на их территории. В истории немало таких примеров.

В связи с перенаселением государство вынуждено проводить соответствующую политику, направленную на снижение рождаемости, как, например, в Китае. Однако в процессе проведения такой политики возникает целый ряд проблем морально-этического и финансового плана.

Финансовые трудности возникают и при проведении политики, направленной на стимулирование рождаемости, в частности в Республике Беларусь, которая переживает проблему старения населения и уменьшение количества трудоспособной ее части, что вызвано демографическими факторами, значительно влияющими на экономическое положение страны. В Республике Беларусь с целью стимулирования рождаемости применяются такие экономические меры, как денежные дотации, в том числе ежемесячные пособия семьям, имеющим детей, льготы одиноким родителям, пропаганда повышения престижа материнства, оплачиваемые отпуска по уходу за ребенком, выплаты за рождение ребенка, помощь многодетным семьям и т.п.

Экономические и демографические потребности страны в определенной степени может удовлетворить миграционная политика страны. В этой связи М.И. Артюхин в результате проведенного исследования пришел к выводу, что в Республике Беларусь необходимо разрабатывать меры по селективной иммиграционной политике — привлечению в страну молодежи и высококвалифицированной рабочей силы для решения задач инновационного развития страны и регионов [3, с. 122].

В Республике Беларусь на законодательном уровне принято решение увеличить пенсионный возраст с 01.01.2017 г. на три года (с 55 лет до 58 лет для женщин и с 60 до 63 лет для мужчин). Повышение пенсионного возраста связано с экономическими и соответственно с демографическими проблемами. Ситуация сложилась таким образом, что в Республике Беларусь на десять работающих трудоспособных граждан приходится шесть человек пенсионного возраста. Возникли сложности с выплатой пенсий пенсионерам.

С другой стороны, появились серьезные проблемы с рабочими местами. Эти проблемы возникли еще раньше — в связи со «старением» общества и

уменьшением возможностей для карьерного роста молодых людей. Уже не первый год мы наблюдаем такое положение на рынке труда, когда вакансий появляется меньше, чем кандидатов, которые желают их занять. По причине проводимой пенсионной реформы в Республике Беларусь ситуация в этом плане еще более ухудшится. Ведь теперь количество работников предпенсионного возраста значительно возрастет. А молодежь должна ожидать своего шанса для продвижения по службе еще дольше. Множество связанных с таким положением проблем ожидают своего окончательного решения, которое будут принимать органы государственной власти. Демографическая политика в Республике Беларусь, как и в любой другой стране, направлена на политико-правовое регулирование воспроизводства населения, на решение вопросов, касающихся не только рождаемости, но и оказания поддержки семье, здоровья, продолжительности жизни, миграции и иных аспектов демографического развития.

Таким образом, демографические факторы влияют на рост экономического благополучия (или на его снижение), а также на различные социальные изменения в обществе: на размер и структуру населения как производителя и потребителя; на трудовое поведение, характер потребления; на социальные отношения, на взгляды людей на прогресс человеческого общества и некоторые другие.

Литература:

1. Социально-демографические основы социальной политики. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.studfiles.ru/preview/3302147/>. Дата доступа: 12.03.2016.
2. Ронжина, Н.В. Демографический фактор и общественные отношения: Автореф. дис. ... канд. филос. наук; 09.00.11 / Н.В. Ронжина. — Екатеринбург, 1993.
3. Артюхин, М.И. Миграция населения как фактор демографической безопасности Беларуси / М.И. Артюхин // Журнал «Экономические и

социальные перемены: факты, тенденции, прогноз». — Вып. № 3 (27). — 2013. — С. 117—122.

Анализ факторов, влияющих на демографическую ситуацию Российской Федерации в Новейшее время

Мусихина И. А., Черепанина Н.В.

Государственный Университет «Дубна», Россия, Дубна

В настоящее время демографическая проблема остро стоит перед руководством нашей страны. Не позаботившись о трудовых ресурсах 25 лет назад, Россия сегодня переживает новый экономический кризис.

Демографическая ситуация играет важную роль в развитии нашей страны, т.к. она является необходимым условием обеспечения национальной безопасности, повышением уровня жизни населения, сохранности традиций и истории нашей многонациональной страны. Для принятия правильных решений в данной сфере необходимо знать факторы, влияющие на процессы естественного, а также механического движения населения.

Целью работы является исследование демографической ситуации России за последние 10 лет при помощи экономико-статистических методов. При анализе использовался корреляционный метод, показывающий взаимосвязь между показателями.

От 0 до +/- 0,3 – наблюдается слабая зависимость

От +/-0,4 до +/-0,6 – наблюдается средняя зависимость

От +/- 0,7 до +/- 1 – наблюдается сильная зависимость

Пик населения России пришелся на 1993 год и составил 148 561 694 человек. По данным переписи населения 2010 года численность нашей страны составила 142 905 200 человек [2], что на 4% меньше численности 1993 года. В течение 17 лет Россия переживала убыль населения. По данным Росстата в 2012 году образовался так называемый «демографический крест», после которого наблюдается маленький, но естественный прирост населения. Подтверждением этого являются слова председателя Госдумы Сергея Нарышкина: «Нам удалось

за последние годы выбраться из довольно серьезной демографической ямы, которая многим казалась просто непреодолимой".[1]

Факторов, влияющих на естественное движение населения, достаточно много, они могут взаимодействовать в комплексе или по отдельности.

Исходя из результатов проведенного анализа, первым фактором, влияющим на рождаемость, оказался чистый прожиточный минимум. Данный показатель напрямую сказывается на благосостоянии каждого россиянина. Чем выше размер прожиточного минимума, тем больше возможностей удовлетворить потребности человека. При расчетах корреляционный коэффициент составил 0,97, что говорит о сильной взаимосвязи между рождаемостью и чистым прожиточным минимумом.

Второй выделенный фактор – уровень безработицы. Следствием сокращения безработицы является увеличение ВВП. На территории страны начинают перемещаться капиталы, появляться новые рабочие места, у населения увеличиваются доходы и появляется возможность обеспечивать детей. Взаимосвязь между показателями составила (-0,76).

Также толчком к повышению рождаемости стало введение федеральной целевой программы «Материнский капитал», составляющая на сегодняшний момент 453026 рублей. Данная программа нацелена на повышение рождаемости и помощи семьям в воспитании детей. За 8 лет она дала положительные результаты, об этом говорил В.В. Путин, обращавшись к Совету Федерации в декабре 2015 года. Корреляционный показатель составил 0,97.

К факторам, влияющим на смертность, относятся также затраты на окружающую среду. Все мы понимаем, что наше здоровье зависит от экологии, чем больше государство будет вкладывать денег на охрану окружающей среды, тем меньше людей будут болеть, следовательно, умирать. Поэтому смертность населения в РФ и затраты на окружающую среду тесно взаимосвязаны между собой, т.к. коэффициент корреляции составил (-0,95).

Также на смертность влияет число станций скорой медицинской помощи,

следствием отсутствия или недостаточная оснащённость которых во многих глубинках нашей страны приводит к задержке по оказанию медицинской помощи. В ходе корреляционного анализа показатель составил 0,94.

Не только естественное движение населения влияет на демографическую ситуацию России, но и механическое, к которому относятся эмиграция и иммиграция. В России хотели использовать иммиграцию как средство борьбы с демографическим кризисом, но данная политика могла привести к дестабилизации социокультурной обстановки в ближайшем будущем, поэтому Правительство РФ активировало программу возвращения соотечественников.

Таким образом, с помощью метода корреляции мы выявили взаимосвязь между выделенными нами факторами и процессами естественного и механического движения в РФ. В.В. Путин сказал: «...А теперь о главном. ... О семье. И о самой острой проблеме современной России – о демографии. Проблемы экономического и социального развития страны тесно связаны с простым вопросом: для кого мы все это делаем? ... Мы неоднократно поднимали эту тему, но по большому счету мало что сделали. Для решения этой проблемы необходимо следующее. Первое – снижение смертности. Второе – эффективная миграционная политика. И третье – повышение рождаемости». Органам государственной власти, а также органам МСУ необходимо уделять особое внимание факторам, влияющим на данные процессы, хотя в настоящее время разработано множество федеральных программ поддержки населения, способствующих улучшению демографической ситуации. Россия смогла остановить вымирание населения, и этот результат нужно закрепить и превратить в стабильный рост.

Литература:

1. РИА Новости: «Спикер Госдумы Нарышкин: Россия выбралась из "демографической ямы"» от 17.03.2016
2. Социальное положение и уровень жизни населения России. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015

3. Природные ресурсы и охрана окружающей среды. 2015: Стат. сб. / Росстат. – М., 2015
4. Здравоохранение в России. 2015: Стат.сб. / Росстат. – М., 2015

Трансформация региональной системы расселения

Нежданов В. А.

Государственное казенное учреждение Республики Мордовия «Научный центр социально-экономического мониторинга», Россия, Саранск

Коренная трансформация социально-территориальной структуры и социально-территориальных отношений на протяжении XX в. наблюдались в РМ дважды. Изменение государственного устройства в 1917-1924 гг. привело к трансформации социальных отношений, постепенному разрушению традиционной общины, отрицанию религиозного фактора в формировании поселенческой структуры социума. Разрушение храмов и монастырей привело к утере ими роли центров притяжения населения. Основные направления политики советского государства в Мордовии на рубеже 20—30-х гг. XX в. сводились к снижению доли сельского населения (и сельских поселений), возрастанию роли городского населения (и формированию сети новых городских поселений), росту городов (с высоким коэффициентом естественного прироста), механическому перемещению сельского населения в города и поселки городского типа, организации специальных поселений для лиц, перемещенных насильно (по политическим и уголовным преступлениям), увеличению доли трудоспособного населения в возрастной структуре городского населения Мордовии за счет переселения сельских жителей. Такая политика привела к тому, что число мелких населенных пунктов нового производственного типа (пгт, сельских поселков, МТФ и МТС, отделений колхозов и совхозов, сети пенитенциарных поселений и т.д.) увеличилось в 1,4 раза, а численность населения Мордовии сократилась за 10 лет (1930-1940 гг.) почти на 300 тыс. чел. К концу 60-х гг. XX в. система расселения Мордовии трансформировалась из сельской в городскую, субгородскую и псевдогородскую, а отношения из общинных в городские и субгородские (в городах), семейно-клановые и псевдогородские в сельской местности, поселках город-

ского и сельского типа [1].

Вторая трансформация началась в 90-х гг. XX в. и продолжается до сих пор. Она ознаменовалась деградацией системы сельского расселения, отказом от общинных и семейно-клановых отношений в сельской местности, поселках городского и сельского типа в пользу рыночных, формированием агломерационной системы расселения центр-периферийного типа с рыночными отношениями и преобладанием инструментальных ценностей (характерный пример – отношение к труду).

Изменилось и само понятие «поселение». По критериям Федерального закона от 06.10.2003 № 131-ФЗ сельское поселение стало территорией, которая должна иметь численность населения до 1000 чел. Предоставленные властные полномочия по большей части не были обеспечены в финансовом плане. Сельские населенные пункты (СНП) упраздненных поселений продолжают деградировать, а новые центры укрупненных поселений пока не стали базой для развития сельских территорий. Поселенческий потенциал на 1 января 2015 г. насчитывает 1240 сельских населенных пунктов (в 1939 г. их было 2542). За 2005-2015 гг. из списка населенных мест республики были исключены 42 сельских населенных пункта без проживающего населения, а на очереди еще 71 СНП [2].

Городская системы расселения Мордовии трансформировалась под воздействием трех основных факторов: административных, транспортных (главную роль играли и играют железные и автомобильные дороги) и пенитенциарных. В первую волну трансформации только за счет административных преобразований 1928-1934 гг. мордовская автономия потеряла довольно большую часть опорного каркаса традиционного городского расселения (города Наровчат и Нижний Ломов) и сформировала обширную сеть псевдогородских поселений (пгт). В 1932-1947 гг. на территории западной Мордовии образовалась уникальная (сельско-городская) система поселений пенитенциарного типа («Дубравлаг» — УФСИН РМ и «Арзамас-16» - г.Саров).

Получил распространение процесс так называемой «ложной урбанизации», который представлял собой стремительный рост численности городского населения, не сопровождавшийся соответствующим ростом числа рабочих мест. Проис-

ходило «втягивание» (за счет миграции и административных изменений) в города сельского населения. Доля городского населения намного превышала долю экономически активного городского населения, занятого в производственной и непроизводственной сферах. Прибывающее в города сельское население пополняло армию лимитчиков, а недостаток жилья вызывал появление неблагоустроенных городских окраин с антисанитарными условиями жизни. Вторая волна трансформации городских поселений характеризуется превращением столицы МАССР г.Саранска в крупный город и формированием столичной протоагломерации, деградацией советских пгт и массовым административным переходом оставшихся в разряд сельских поселений, преобладанием городского населения и городского образа жизни [3].

В настоящее время в процессе трансформации СТО наблюдаются две разнонаправленные тенденции — модернизации и архаизации (неотрадиционализации). Модернизация региональной системы СТО проявляется на примере Саранско-Рузаевской агломерации в развитии инфраструктуры технопарка, формировании кластера электротехнического машиностроения, а в сельской местности – в образовании инновационных поселений. Трансформация социума и современных социально-территориальных отношений наблюдается и под воздействием информационно-технологического фактора. Развитие информационных технологий изменило структуру коммуникативных процессов. Информация стала основным ресурсом развития социума, отношения внутри которого реализуются через информационные сети (Интернет). Это позволяет говорить о современном обществе, как о сетевом [4].

Однако наряду с возникновением инновационных социально-территориальных общностей, происходит скатывание конфигурации системы расселения к примитивной «центр-периферийной» и возвращение к традиционным формам поселений. Поселок Красный Коноплевод был переименован в поселок Преображенский по названию мужского монастыря, поселок Санаксырь - в Санаксар по названию Рождество-Богородичного Санаксарского мужского монастыря, а количество религиозных СТО постоянно увеличивается.

Таким образом, сложный процесс трансформация СТО - модернизации и архаизации (неотрадиционализации) одновременно - требует дихотомичного анализа «объектной» информации через фиксируемые статистикой «объективные» изменения, и «субъектной» информации путем анализа изменений социально-психологических характеристик (ценностей и ценностных ориентаций, этно- и социокультурных стереотипов поведения) с помощью системы мониторинга и социального сопровождения управленческих решений для принятия нового Административно-территориального деления Республики Мордовия.

Литература:

1. Нежданов В.А. Гомеостатическое равновесие систем сельского расселения // Новые факторы регионального развития. Институт географии РАН. – М., 1999. С. 236-246.
2. Мордовия: Стат. Ежегодник /Мордовиястат. - Саранск, 2015. - 459 с.
3. Нежданов В.А. Урбанизация и поляризация как основные тенденции расселения в Республике Мордовия// Исследовательский комитет Российского общества социологов (ИК РОС) «Социология городского и регионального развития» и Центра социологии управления и социальных технологий ИС РАН. – М., 2012 http://www.isras.ru/index.php?page_id=1282
4. Шамсутдинов П. А. Трансформация социальных систем в условиях информационных взаимодействий: автореф. дис. канд. философ. наук: <http://www.dissers.info/dissertatsiya/transformatsiya-sotsialnyh-sistem-v-usloviyah-informatsionnyh-vzaimodeystviy.html>

Демографическое измерение социальных процессов в современном российском обществе: проблемы и перспективы

Новикова Л.В., Куликов А.М.

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого,

Россия, Санкт-Петербург

Социальные системы обладают, как известно, большим динамизмом, чем системы природные. Изменения в них возникают под воздействием огромного числа факторов, немалое значение среди которых имеют различные демографические процессы, так как именно они отличаются ярко выраженной нестабильностью. В данном исследовании мы проанализируем некоторые демографические показатели жизнедеятельности российского общества и оценим степень их воздействия на различные сферы социальной жизни и современную социальную политику государства.

Для достижения поставленной цели воспользуемся статистическими данными сайта РОССТАТ по основным демографическим показателям. Так, в соответствующем разделе данного документа содержится информация о распределении населения по возрастным группам. Возрастная структура населения – один из самых ярких индикаторов жизнедеятельности общества: преобладание в численности населения тех или иных возрастных групп предопределяет специфику функционирования и развития социальной системы. Комплексный анализ возрастной структуры населения выявил различные аспекты, которые уже повлияли на жизнь общества, а также в будущем неизбежно предопределят некоторые социальные изменения. Так, в настоящее время наиболее многочисленными возрастными группами, если не учитывать самую объемную по возрасту группу «70 лет и более», включающую в себя более 13,3 млн. человек, являются группы 25-29 и 30-34 лет, каждая из которых насчитывает более 12 млн. человек [1]. Эти показатели объясняют нынешние «успехи» в области рождаемости, так как именно представители данных категорий граждан в последние годы являлись основным генофондом страны. Но рассмотрев более молодые группы – 20-24 лет и моложе - необходимо

отметить, что их численность гораздо меньше, чем у вышеперечисленных групп. При этом минимальная из них приходится на возраст 15-19 лет и составляет менее 7 млн. человек [1]. В перспективе, в течение десяти лет, когда представители данных групп достигнут оптимального, по современным меркам, репродуктивного возраста, могут возникнуть проблемы в области рождаемости. Для решения этих проблем государству необходимо разработать новую стратегию социальной политики в данной сфере, которая будет содержать комплекс мер, мотивирующих население различных возрастных детородных групп заводить в среднем более двух детей, что явится важнейшим условием улучшения демографической ситуации в обществе. В связи с этим руководство страны, безусловно, должно продолжить реализацию программы «материнский капитал», и, как минимум, ежегодно индексировать сумму выплаты. Также для решения задач в данной области государству необходимо планомерно проводить большой объем работы в социокультурной сфере. В одном из исследований нами было выявлено, что следование национально-культурным обычаям, религиозным традициям и обрядам способствует ориентации населения на создание многодетной семьи, поэтому возрождение и поддержка традиционных культурных норм должны стать одним из основополагающих направлений социальной политики в данной области социальной жизни. Введение в некоторых регионах России в школах дисциплин «религиоведение», «основы православной культуры» и им подобных – только первые шаги для достижения успехов в данной сфере.

На основе анализа возрастной структуры нами была проведена оценка численности и доли трудоспособного населения, а также остальных двух категорий – тех, которые моложе трудоспособного возраста, и тех, которые старше. Как известно, трудоспособный возраст определяется рамками 16-60 лет для мужчин и 16-55 лет для женщин. Хотя и существуют примеры, связанные с тем, что среди трудоспособного населения есть в том или ином объеме различного типа безработица, что некоторые люди, достигшие пенсионного возраста, продолжают работать, - все же основными трудовыми ресурсами

являются представители именно данной группы. Так, после 2006 года, в котором наблюдалась максимальная численность трудоспособного населения за период 2002-2015 гг., насчитывающая более 90 млн. человек, наметилась устойчивая тенденция снижения данного показателя, в результате чего к 2016 году численность населения трудоспособного возраста уменьшилась почти на 5 млн. человек [1]. Что же касается доли данной возрастной группы в структуре населения, то она также снизилась на 4,64% [1]. Значительно увеличилась доля граждан старше трудоспособного возраста – более чем на 3,5%, а в абсолютном значении - более чем на 5 млн. человек [1]. Стоит отметить, что последние годы имеют «погрешность» в связи с вхождением в состав России полуострова Крым с населением более 2 млн. человек и с собственной возрастной структурой. Тем не менее можно сделать вывод о том, что в последние 10 лет в России происходит ярко выраженное старение населения! В результате, на сегодняшний день в нашей стране проживает население в следующих пропорциях относительно трудоспособного возраста: 58,4% составляет население трудоспособного возраста, 17,56% моложе и 24,04% старше данного возрастного периода [1]. Здесь необходимо упомянуть о таком понятии, как «демографическая нагрузка трудоспособного населения». Его смысл заключается в оценке нагрузки на трудоспособное население, которая определяется соотношением трудоспособного и нетрудоспособного населения. В научных концепциях существуют определенные критерии оптимального соотношения вышеупомянутых категорий жителей страны, а также экономические пределы нагрузки. Для гармоничного функционирования и развития государства доля трудоспособного населения должна в два раза превышать долю нетрудоспособного, то есть быть в соотношении 66% на 33% . При этом порог предельной нагрузки на трудоспособное население, с экономической точки зрения, заключен на уровне соотношения 60% трудоспособного населения к 40% нетрудоспособного. Учитывая тот факт, что уже в настоящее время доля нетрудоспособного населения составляет более 41,6% от всего населения страны с преобладающей долей граждан старше

трудоспособного возраста, можно сделать вывод о том, что в России сложилась весьма неблагоприятная ситуация в данной сфере [1]. Более того, есть ряд предпосылок к тому, что она ухудшится, поскольку большая часть нетрудоспособных граждан – люди пенсионного возраста, а остальные, которые в будущем должны стать основными трудовыми ресурсами, представлены в нашей стране в относительно малом количестве. Помимо этого, часть граждан трудоспособного возраста также в обозримом будущем перейдут в категорию людей пенсионного возраста, тем самым увеличив ее численность, и не будут в полной мере замещены представителями более молодых групп. Стоит также отметить, что средняя продолжительность жизни в России, начиная с 2005 года, стала ежегодно расти и к 2015 году составила 71,4 лет, увеличившись за указанный период на 6,1 лет [1]. При этом в перспективе в среднем прогнозируется увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении к 2030 году до 75,1 лет [1]. Хотя это далеко не самые высокие показатели в мире, данный фактор отразится на социальном развитии нашей страны, особенно с учетом всех тех неблагоприятных демографических показателей, которые были рассмотрены ранее. Государству предстоит предпринять ряд серьезных мер для решения данных проблем. Неизбежным шагом в этом направлении выглядит повышение пенсионного возраста. Для проведения данной реформы необходимо разработать стратегию, учитывающую все трудности ее реализации: в первую очередь она должна сгладить социальные противоречия между принявшей такое решение властью и недовольными проводимой социальной политикой в этой области гражданами. Пойдет ли нынешняя правящая элита на такой риск, и готово ли современное российское общество к таким серьезным изменениям - пока остается тайной.

Таким образом, в данной работе было рассмотрено влияние некоторых демографических факторов на социальные изменения, происходящие в России. Государству придется провести ряд социальных реформ, которые будут касаться вопросов увеличения пенсионного возраста и общего социального обеспечения, мотивации граждан по увеличению рождаемости, повышения

производительности труда, поощрения трудовой иммиграции и других. Для реализации необходимых мер необходима сильная и решительная власть, способная грамотно разработать концепцию социально-экономического развития России и суметь воплотить ее в жизнь, при этом сохранив доверие граждан и социальный порядок.

Литература:

1. www.gks.ru (Федеральная служба государственной статистики России)

Пенсионный возраст в России: демографический аспект

Новоселова Е.Н.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Одной из важнейшей демографической тенденцией современности охвативших практически весь мир является старение население, то есть увеличение доли пожилых людей в его структуре. В будущем ситуация только усугубится, менее чем через 40 лет люди старше 60 лет будут составлять более 20% общей численности населения планеты. Данный процесс является серьезным вызовом для современного общества, «требует реформирования экономических, социальных, политических структур, в особенности остро стоит необходимость пенсионной реформы» [10].

Проблема повышения пенсионного возраста и обеспечения финансовой устойчивости пенсионной системы в РФ крайне актуальна, т.к. хотя Россия столкнулась с проблемой старения населения несколько позже, чем страны Западной Европы, США и Япония, старение населения нашей страны имеет объективный, долгосрочный и глобальный характер. В ближайшее время по прогнозам специалистов обстановка только ухудшиться, старение население ускорится и к 2025 году доля россиян старше 65 лет может достичь 18%, т.е. старше 65 лет уже будет каждый пятый житель нашей страны [3].

В связи с этим, сегодня на повестке дня стоит принятие мер, непосредственно связанных со старением, а именно, увеличение занятости пожилых и по-

вышение пенсионного возраста, которое, казалась бы, обусловлено объективными демографическими предпосылками. Однако здесь встает вопрос - насколько справедливо и своевременно такое перекладывание части пенсионного бремени на самих пенсионеров, к каким социальным и экономическим последствиям это приведет? Большинство россиян - 80% не поддерживают увеличение пенсионного возраста, 75% против отмены выплат пенсий работающим пенсионерам [6], около 65% уверены, что существующий в нашей стране в настоящее время возраст выхода на пенсию оптимальный [7].

В России пенсионный возраст для женщин составляет 55 лет, для мужчин 60 лет, что значительно ниже, чем в большинстве развитых стран (См. Таблицу 1), во многих которых к тому же планируется его дополнительное повышение. При этом в нашей стране довольно существенные группы работающих имеют право на досрочный выход на пенсию. По данным Минздравсоцразвитие в 2010 году численность получателей досрочных пенсий достигла 34% от числа получателей трудовой пенсии по старости [5]. Нельзя забывать и тот факт, что значительное число людей пенсионного возраста продолжает работать. Так, среди тех, кто вышел на пенсию, продолжают работать каждый третий мужчина и более половины женщин [2].

Таблица 1

Установленный возраст выхода на государственную пенсию на общих основаниях в странах ОЭСР

Страна	Возраст нормативный	
	мужчины	женщины
Германия	65	65
Греция	65	64
Испания	65	65
Франция	65	65
Италия	66	62
Финляндия	65	65
Швеция	65	65
Великобритания	65	61
Норвегия	67	67
Швейцария	65	64

Канада	65	65
США	66	66
Польша	65	60

Источник: [9]

В свете вышеперечисленного, очевидным выходом из ситуации могло бы стать повышение пенсионного возраста, и тем не менее, в России все очень неоднозначно. Несмотря на то, что в странах Западной Европы возраст выхода на пенсию выше, до этой самой пенсии доживает большее количество людей, чем в нашей стране и «в 65 лет им предстоит почти такая же, а иногда и более долгая жизнь, чем в России в 60 или даже 55 лет» [1]. Разница между продолжительностью жизнью мужчины и возрастом выхода на пенсию в России одна из самых низких в мире (5,92 года). Это означает, что в случае перехода на общеевропейский пенсионный возраст огромное число россиян будет практически лишено права получения пенсии, т.к. до нее просто не доживут.

По данным на 2015 год продолжительность жизни россиянина составляет 71,39 года, (65,92 для мужчины и 76,71 для женщин) [11] таким образом, Россия занимает по разным оценкам 111 - 129-е место в мире по ожидаемой продолжительности жизни [4]. По этому показателю наша страна отстает не только от более развитых стран, но и от государств, с похожим уровнем развития экономики. Еще хуже дело обстоит с таким показателем, как - продолжительность здоровой жизни, в России она составляет 58,9 года для мужчин и 66,6 года для женщин [8]. При повышении пенсионного возраста просто увеличится количество людей, которые будут уходить на пенсию по инвалидности.

В целом в настоящее время в России нет тех демографических оснований для повышения пенсионного возраста, которое имеют страны Западной Европы, где люди живут дольше и находятся в более работоспособном состоянии в старших возрастах. Видимо, повышение пенсионного возраста в нашей стране в той или иной форме все-таки неизбежно, однако перед тем, как повышать пенсионный возраст, все же необходимо позаботиться о здоровье и продолжительности жизни Россиян, дабы они уходили на пенсию раньше, чем умирают.

Литература:

1. Васин С. Справедливо ли поднимать пенсионный возраст?
<http://demoscope.ru/weekly/2008/0357/tema05.php>
2. Дать в рост. Нужно ли повышать пенсионный возраст.
<https://versia.ru/nuzhno-li-povyshat-v-rossii-pensionnyj-vozzrast>
3. Доля россиян старше 65 лет к 2025 году достигнет 18 процентов // ПРАЙМ-ТАСС, 19.11.2007.
<http://www.demoscope.ru/weekly/2007/0311/rossia01.php>
4. Звездина Н.В., Иванова Л.В. Ожидаемая продолжительность жизни в России и факторы, влияющие на нее // Вопросы статистики, 2015 №7.
5. Итоги пенсионной реформы и долгосрочные перспективы развития пенсионной системы Российской Федерации с учетом влияния мирового финансового кризиса. http://pensionreform.ru/files/607959/minzdrav_25-10-2010.pdf
6. Невинная И. Большинству населения не нравятся пенсионные ограничения // Российская газета. 14.04.2015.
7. Пенсионный возраст и доходы на пенсии // <http://fom.ru/Ekonomika/12339>
8. Продолжительность жизни в России оказалась на уровне Ирака и КНДР // Информационное агентство «РБК» 27.08.2015.
<http://www.rbc.ru/economics/27/08/2015/55df0fea9a79473b8f372ad7>
9. Соловьев А. Повышение пенсионного возраста в российской федерации: демографические условия и макроэкономические последствия // Экономическая политика. 2015. Т. 10.
10. Ткаченко Л.Г. Демографические маркеры пенсионного возраста // Демографическое развитие: вызовы глобализации. Материалы международной конференции Седьмые Валентеевские чтения. Москва, МГУ им. М.В.Ломоносова 15-17 ноября 2012 г. / Под ред. В.А.Ионцева, Н.В. Зверевой, Г.Е. Ананьевой, В.П. Тышевич. М.: Макс Пресс, 2012.
11. Федеральная служба государственной статистики // <http://www.gks.ru>

Гендерные уязвимости: гуманистический поворот в исследованиях народонаселения

Носкова А. В.

*Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации,
Россия, Москва*

В современном мире гендерное равенство позиционируется как особый маркер общественного прогресса в отношении обеспечения прав человека. Для ранжирования стран в международной статистике разработаны специальные измерители гендерного равенства: индекс развития в отношении гендерного фактора (ИРГФ) и мера гендерного расширения [2]. В соответствии со значениями этих индексов каждая страна имеет свою позицию в международном рейтинге. В 2015 г. Норвегия заняла первое место, Австралия – второе, Германия – шестое, США – восьмое. Россия и Белоруссия разделили пятидесятое место. Последнюю (188) строчку в рейтинге занимает Нигер [8].

В общественном дискурсе выравнивание мужских и женских социальных позиций артикулируется как важное достижение современной цивилизации. Однако по мере того, как стираются традиционные гендерные неравенства (дискриминация в семье, сегрегация в сфере труда и профессиональной занятости, в политической сфере и т.д.), накапливаются новые гендерные витальные уязвимости мужчин и женщин. В связи с этим есть потребность в новом подходе к анализу гендерной проблемы – «гуманистическом повороте» [5] в исследованиях народонаселения. Подобный взгляд на проблему особенно востребован в условиях нашей страны, где проблема гендерных уязвимостей стоит остро и влияет как на демографическую ситуацию, так и на показатели индивидуального благополучия россиян.

В контексте гуманистического поворота обозначим некоторые мужские и женские уязвимости.

«Мужские уязвимости» в гендерной проблеме. В социальных науках гендерный вопрос, как правило, сводился к дискриминации и сегрегации

женщин. Ученые мало писали о стремительно прогрессирующих мужских проблемах. В нашей стране дискурс мужской уязвимости был вынесен на широкое обсуждение в 1968 г. после публикации нашумевшей статьи выдающегося советского демографа Б. Урланиса «Берегите мужчин!» [7]. В качестве интегрального показателя мужских уязвимостей Б. Урланис рассматривал ожидаемую продолжительность жизни мужчин при рождении. В среднем мужчины живут меньше женщин, поэтому демографически мужчины – это слабый пол. В те годы разрыв составлял около 8 лет. В постсоветские годы разрыв только увеличился. По данным Росстата за 2014 г. ожидаемая продолжительность жизни при рождении составила 70,93 года. При этом значение данного показателя для мужчин – 65,29 лет, а для женщин — 76,47 года [6], т.е. разность – 11 лет. Меньшая продолжительность жизни мужчин обусловлена различными обстоятельствами, в том числе их социально-психологической уязвимостью – более низкой (по сравнению с женщинами) устойчивостью к стрессам, их худшей адаптацией к меняющимся социальным условиям. Психологическая уязвимость обусловила деморализацию российских мужчин в 1990-е гг. В отечественной социологии даже появилось понятие «потерянное поколение 1990-х» (речь идет о поколении зрелых мужчин, которое не смогло перенести стресса социально-экономической ломки и адаптироваться к новым постсоветским реалиям жизни). В 1995 году ожидаемая продолжительность жизни мужского населения упала до рекордно низких значений и составила 58,12 лет. Зашкаливающие показатели смертности мужчин в трудоспособном возрасте – демографический результат социально-психологической уязвимости мужчин. К середине 1990-х – началу 2000-х гг. разрыв в продолжительности жизни мужчин и женщин достиг своих максимальных значений и составил более 13 лет [6].

Еще один демографический результат социально-психологической уязвимости мужчин – статистика психических отклонений, мужского алкоголизма, девиации, суицидного поведения. Глобальный тренд понижения социального статуса мужчины как в приватной (семье), так и публичной

(общественной) сферах жизни обуславливает состояние мужской депривации, ощущения социальной ненужности. На 100000 человек населения в России приходится 33 женщины и 130 мужчин, больных алкоголизмом. Аналогичные показатели по наркомании и токсикомании составляют 4 и 23 соответственно [8].

Женские уязвимости в гендерной проблеме. В упомянутой статье Б. Урланис ставит еще одну важную проблему взаимозависимости мужского и женского благополучия. «Перевес мужской смертности над женской означает сотни тысяч «осколочных» семей, сотни тысяч женщин, теряющих все блага нормальной семейной жизни» [7]. Следовательно, мужское неблагополучие тянет за собой шлейф женской неустроенности. Завесу над новыми видами женской уязвимости приоткрывает медицинская статистика заболеваемости венерическими заболеваниями и числа зарегистрированных злокачественных новообразований, установленных впервые в жизни [3].

В 2013 году было зарегистрировано всего 44 тыс. человек, заболевших сифилисом. Из них – 20 тыс. женщин и 22 тыс. мужчин [3]. При этом из всех заболевших в возрасте 0-14 лет женщины составили 58%, мужчины – 42 %. Печальное доминирование женщин усиливается в возрастной группе 15-17 лет: 74 и 26 %% соответственно. Перевес мужчин начинается с возрастной категории 30-39 лет. Здесь среди всех заболевших мужчины составляют 53%, а женщины 47%.

Что касается статистики злокачественных опухолей, то в 2010 г. женщины по этому показателю опередили мужчин [3].

Судя по всему, в недалеком будущем будут прогрессировать женские проблемы, обусловленные сложностями с реализацией потребности в браке и материнстве. Давление на женщину со стороны общества, навязывание ей образа независимой и свободной женщины – это одна причина. Другая причина – деформация института брака.

В заключение стоит сказать еще об одной новой гендерной проблеме. Выравнивание социальных статусов мужчины и женщины, обретение

женщиной экономической независимости и самостоятельности провоцирует новый тип социального противоречия – гендерный конфликт. «В доиндустриальном обществе, – говорит И.С. Кон, – «война полов» шла на индивидуальном уровне,... но мужчины и женщины сравнительно редко конкурировали друг с другом на макросоциальном уровне. Соперником мужчины был другой мужчина, а соперницей женщины – другая женщина. Сегодня в широком спектре общественных отношений и деятельности мужчины и женщины открыто и жестко конкурируют друг с другом» [4]. Кроме того, по мнению А.И. Антонова, создается среда социокультурных конфликтов между ролями мужчин и женщин....» [1].

Иными словами, новые гендерные уязвимости формируют неисследованное пространство вызовов для человека и общества. Поэтому назрела потребность анализа гендерных проблем через призму гармонизации витальных потребностей человека и социально-демографических запросов общества.

Литература:

1. Антонов А.И. Демография в эру депопуляции // Демографические исследования № 1 URL: http://demographia.ru/articles_N/index.html?idR=19&idArt=78.
2. Доклад о развитии человека 2009. Преодоление барьеров: человеческая мобильность и развитие / Пер. с англ.; ПРООН. М.: Издательство «Весь Мир», 2009.
3. Женщины и мужчины России – 2014 // URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b14_50/Main.htm (дата обращения 27.04.2016).
4. Кон И. С. Мужчина в меняющемся мире. М.: Время, 2009.
5. Кравченко С.А. Востребованность гуманистического поворота в социологии // Социологическая наука и социальная практика. 2013. № 1. С. 12-23.
6. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении // URL:

http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/population/demography/ (дата обращения 27.04.2016).

7. Урланис Б. «Берегите мужчин» // URL: http://www.lgz.ru/archives/html_arch/lg012007/Polosy/12_1.htm

8. Human development report 2015 // URL: <http://hdr.undp.org/en/composite/GDI> (дата доступа: 09.04.2016).

Безработица на рынке труда Белгородской области

Пархоменко Е.Я.

Белгородский государственный научный исследовательский университет,

Россия, Белгород

Безработица – это одна из составляющих рынка труда. Безработные люди вместе с занятыми нужны для формирования рабочей силы страны. С точки зрения экономики безработица есть ничто иное, как повышение предложения желающих работать над ее спросом, а именно безработица – экономическая ситуация, когда часть экономически активного населения не трудоустроена на рынке труда для производства экономических благ (товаров и услуг).

Безработица связана с такими понятиями как: экономически активное население и экономически неактивное население, а также занятость населения. Экономически активное население – это, в первую очередь, трудоустроенные люди, то есть занятые в экономике от 15 до 72 лет, как говорится в Международной Организации труда. В составе экономически активного населения выделяют категории населения, занятого экономической деятельностью, и категорию безработного населения.

Экономически неактивное население – это та часть населения от 15 до 72 лет, которые не считаются занятыми экономической деятельностью или безработными в течение рассматриваемого периода. То есть, безработная категория людей является экономически активным населением, в то время как экономически неактивное населения составляют лица, получающие какую-либо

пенсию, студенты и т. д. Следует отличать безработных и экономически неактивного населения – люди, которые не желают работать, это население, которое нельзя даже отнести к безработному.

У каждого автора экономического труда встречается понятие безработицы, которые определяют общее значение этого явления. Точное понятие можно найти в Международной Организации Труда. Безработные – это не просто люди без работы, а готовые к ней приступить в любой момент и зарегистрированные в разных службах занятости. Уровень безработицы - одна из самых главных характеристик, описывающая экономику страны или региона – чем выше уровень безработицы, тем хуже экономическая ситуация и ниже уровень жизни населения.

Ситуация в России – огромной стране, состоящая из большого количества округов, регионов и краев, - представлена ниже.

Численность экономически активного населения в 2015 г. составила 76,1 млн. человек или 52% от общей численности населения страны, занятые из них 70835 тыс. человек или 94,2 % от экономически активного населения, безработные – 4360 тыс. человек, то есть 5,7 % от экономически активного населения.

Информация о населении России в 2014 года немного другая. Можно наблюдать незначительную разницу в доле безработного населения страны 2014 – 2015 года. Экономическое активное население за 2014 года составляет 74979 человек В том числе занятые среди них – 70835 человек (94,5 %), безработное население составляет среди них – 4144 тыс. человек (5,5%).

Для наглядного представления разницы безработного населения за 2014-2015 годов, следует представить данные в табличной форме ниже. (Таблица 1)

Население России 2014-2015 г.

	2014 г., тыс. чел.	2015 г. (с Крымским Федеральным округом), тыс. чел.
Экономически активное население страны в возрасте 15-72 лет	74979	75962
Занятые	70835	71602
Безработные	4144	4360

Процент безработного населения страны 2014 года составляет 5,5% от общего числа экономически активного населения страны. Процент безработного населения страны 2015 года составляет 5,7% от общего числа экономически активного населения страны в возрасте от 15 до 72 лет. Количество безработного населения увеличилось на 216 тысяч человек или на 0,2%

Таким образом, в России наблюдается повышение уровня безработицы, что свойственно любой стране на данном этапе развития экономики. Несмотря на то, что данные 2014 года представлены без присоединенного Крыма, разница в безработном населении мала. Если учитывать после присоединения Крымского Федерального округа также увеличение не только безработного населения, но и экономически активного, куда входят и занятые, то ситуация в стране не критичная, безработица находится в медленной динамике. Следует отметить, что Российской Федерации присущ нормальный уровень безработицы (5-7%) для экономически развивающейся страны.

Касаемо белгородской области для отслеживания динамики безработицы возьмем данные за 2012, 2013, 2014, 2015 года, представленные ниже.

Таблица 2

Численность безработных, тыс. чел

	2012 г.	2013 г.	2014 г.	2015 г.
Экономически активное население	786,7	809,8	814,1	808,2
Безработные	29,5	32,2	32,5	31,9

Безработица в Белгородской области с 2012 -2014 года росла, в 2015 году наблюдается спад безработного населения по количеству людей на 0,6 тысяч человек по сравнению с 2014 годом. Вместе с показателями безработного населения наблюдаются изменения и в экономически активном населении. Как и с безработицей, количество экономически активного населения увеличивалось с 2012 по 2014, а в 2015 наблюдается его снижение.

За 2014 год процент безработного населения составил 3,99%, за 2015 год – 3,95%. То есть произошло сокращение безработицы на 0,4 %, в то время как по статистике всей России наблюдается её увеличение на 0,2 %.

Также следует обратить внимание на отдельные статистические данные по безработице для выявления категорий людей, которые больше всего подвержены этой проблеме. (Таблица 3)

Таблица 3

Структура численности безработных по уровню образования

Уровень образования	2012, %	2013, %	2014, %
Высшее профессиональное	21,1	22,8	30,7
Среднее профессиональное	23,9	17,9	20,5
Начальное профессиональное	26,9	27,5	20,3
Среднее (полное) общее	22,3	26,7	24,5
Основное общее	5,9	4,9	3,9

Анализируя представленные данные, следует вывод, что количество безработных, обладая высшим профессиональным образованием, увеличилось, в то время как статистика количества безработного населения с начальным профессиональным, средним общим и основным общим уменьшилась. Такая тенденция считается с одной стороны ожидаемой с другой – противоречивой для белгородской области. Требуются специалисты с высшим профессиональным образованием, однако по статистике численность безработных в этой категории больше, чем в других, более низких уровнях образования.

Известный факт, что безработице больше всего подвержено молодое население. По Международной Организации Труда принято делить население по возрастным группам. Молодежь относится к категории 20-24 лет.

Таблица 4

Численность безработного населения в возрасте от 20-24 лет

	2012	2013	2014
1. Численность безработного населения, в т. ч.:	40,6	33,2	29,5
2. Численность безработного населения в возрасте от 20-24 лет	23,1	20,4	25,4

Численность безработного населения в основном составляет молодежь по данным Белгостата. За три года наблюдаются колебания в численности безработной молодежи, но в целом молодежь – основная категория населения без работы.

Резюмируя, безработица в белгородской области на момент 2015 года находится в снижении, представленные данные показывают, что самый большой процент безработных был в 2014 году, в 2015 году наблюдается незначительное снижение уровня безработицы в то время, как в России уровень безработицы постепенно растет. Такая тенденция может оставлять положительные впечатления о регионе. Область заботится о своем населении, предоставляя ему рабочие места, с каждым годом разрабатываются региональные программы по снижению уровня безработицы, которые дают свои плоды. Но местной думе следует обратить внимание на молодую категорию населения, так как она – основная составляющая безработного населения по региону.

Литература:

1. Базылев Н.И. Экономическая теория: учеб. пособие / Н.И. Базылев - М.:ИНФРА-М, 2014. – С. 672
2. Третьякова Л.А Особенности развития рынка труда в современных условиях / Национальные интересы: приоритеты и безопасность, 2014, – №9, – С.26-32

3. Официальный сайт Федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]: – Режим доступа: www.gks.ru.

4. Официальный сайт Территориальный орган Федеральной службы государственной статистики по Белгородской области [Электронный ресурс]: – Режим доступа: belg.gks.ru.

Демографические факторы модернизационных преобразований российского макрорегиона (на примере Центрального Черноземья)

Пасовец Ю.М.

Курский государственный университет, Россия, Курск

Современная ситуация для российского общества отличается наличием ряда внешних и внутренних вызовов, от ответа на которые зависит успешность социально-экономического и социокультурного развития страны в целом и ее регионов. Внутренние вызовы представляют собой комплексную проблему, что предполагает наличие и объективных обстоятельств, связанных с уровнем предшествующего развития, и субъективных ограничений и возможностей, обусловленных социокультурными особенностями и интересами населения, а также интересами и компетенциями правящей элиты. Л.А. Беляева разделяет внутренние вызовы российского общества на три группы: 1) вызовы, обусловленные природной средой; 2) вызовы, определяемые качеством человеческого капитала; 3) вызовы, исходящие из состояния институциональной среды и социального капитала [1]. Ключевым способом преодоления этой проблемы выступает модернизация, понимаемая как комплексный способ решения политических и управленческих, экономических и социальных, культурных и личностных задач [3, с. 7] и связанная с обновлением различных сфер российского общества и его выходом на новый качественный уровень развития [2, с. 30–31]. При этом для современной России, отличающейся значимой пространственной асимметрией – социально-экономической и социокультурной дифференциацией российских регионов, актуальным направлением социальных преобразований выступает

региональная модернизация, которая предстает как одна из составляющих национальной модернизации, необходимое условие успешного осуществления последней [4].

В контексте необходимости для российского общества в целом и его регионов модернизационных преобразований особую роль приобретает обеспечение сохранения и эффективного использования ресурсного потенциала регионов, прежде всего их человеческого потенциала, когда имеющиеся ресурсы трансформируются в конкурентные преимущества регионов. Вместе с тем в настоящее время существенную угрозу снижения человеческого потенциала российских регионов составляют демографические риски, связанные с низким уровнем рождаемости, демографическим старением населения, миграционным оттоком. При этом для ряда субъектов федерации и макрорегионов страны эти риски оказываются достаточно высокими, что обуславливает их роль как препятствий модернизационным изменениям.

В этом плане следует обратиться к анализу демографических факторов модернизационных преобразований одного из российских макрорегионов – Центрального Черноземья (далее – ЦЧ), в состав которого мы включаем следующие регионы: Белгородскую, Воронежскую, Курскую, Липецкую, Тамбовскую и Орловскую области, принимая во внимание общность исторических, экономических и социокультурных связей последней с регионами Центрально-Чернозёмного экономического района.

На протяжении двух последних десятилетий в отдельных областях ЦЧ, за исключением Белгородской области, отмечается постепенное снижение числа жителей (депопуляция), что оказывается серьезным демографическим вызовом развитию макрорегиона [6, с. 37]. С середины 2000-х годов в естественном движении населения наблюдаются общие для всех регионов ЦЧ тенденции, способные при своем нарастании улучшить сложившуюся ситуацию:

– рост рождаемости (в 2014 г. в областях ЦЧ коэффициент общей рождаемости различался в пределах от 9,8 ‰ в Тамбовской области до 11,7 ‰ в Курской области, в которой уже произошло восстановление этого показателя

до уровня 1990 г.). При этом дальнейшее повышение уровня рождаемости выступит фактором преодоления демографического старения населения, которое сейчас характерно для всего ЦЧ;

– сокращение общей и младенческой смертности и соответственно увеличение ожидаемой продолжительности жизни при рождении. В 2014 г. в областях ЦЧ коэффициент общей смертности находился в пределах от 14,0 ‰ для Белгородской области до 16,6 ‰ для Курской области [6, с. 89]. В 2014 г. показатель ожидаемой продолжительности жизни при рождении применительно ко всему населению отличался по отдельным регионам ЦЧ от 69,88 лет в Орловской области до 72,25 лет в Белгородской области) [6, с. 50, 55].

Несмотря на эти благоприятные тенденции, оценка рисков этих демографических факторов для ЦЧ показывает их достаточно высокий уровень. По шкале величин общего коэффициента рождаемости, предложенной В.А. Борисовым и Б.Ц. Урланисом, значения этого показателя для макрорегиона составляют меньше 16‰, что соответствует низкому уровню рождаемости и свидетельствует о высоком уровне этого демографического риска. По расчетам Всемирной организации здравоохранения, уровень смертности, превышающий 15 ‰, считается высоким. Исходя из этого, для всех областей ЦЧ, за исключением Белгородской области, данный показатель имеет критические значения.

Миграция в силу специфики соотношения миграционных потоков оказывает неоднозначное влияние на демографическую ситуацию в конкретных регионах ЦЧ. Так, области первого типа (Белгородская, Воронежская и Липецкая области) отличаются положительным сальдо миграции на протяжении последнего десятилетия; второго типа (Курская и Тамбовская области) – переходом от миграционной убыли к постепенному притоку мигрантов в регион, что частично компенсирует убыль населения; третьего типа (Орловская область) – доминированием миграционного оттока населения из региона [6, с. 62]. В целом можно сделать вывод о критической значимости

риска миграционной убыли населения только для Орловского региона. Между тем с 2000 г. по 2014 г. в Белгородской и Липецкой областях, несмотря на сохранение положительных значений миграционного сальдо, коэффициент миграционного прироста на 10000 человек населения сократился в два раза; в Воронежской области – наоборот, увеличился [5, с. 70; 6, с. 62], что делает актуальной задачу снижения данного демографического риска для всего ЦЧ.

*Работа подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта №15-03-00506а «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья»

Литература:

1. Беляева Л.А. Социокультурные вызовы российской модернизации // Философские науки. – 2014. – № 11. – С. 32–45.
2. Горшков М.К. Социальные факторы модернизации российского общества с позиций социологической науки // Социологические исследования. – 2010. – №2. – С. 28–41.
3. Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010): пер. с англ. под общ. ред. Н.И. Лапина. – М.: Издательство «Весь Мир», 2011. – 252 с.
4. Проблемы социокультурной модернизации регионов России / сост., общ. ред. Н.И. Лапин, Л.А. Беляева; Институт философии РАН. – М.: Academia, 2013. – 416 с.
5. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2005: стат. сб. / Росстат. – М., 2006. – 982 с.
6. Регионы России. Социально-экономические показатели. 2015: стат. сб. / Росстат. – М., 2015. – 1266 с.

Роль женщины в управлении: российские стереотипы

Полетунова А.В.

Северо-кавказский институт-филиал РАНХиГС при Президенте РФ, Россия,

Пятигорск

В нестабильных условиях современности в руководстве страной и организациями на первый план выходит роль социальных факторов управления. Как правило, женщина в качестве руководителя государством, транснациональными корпорациями и холдингами стереотипно подразумевает определенные специфики руководства. Кто-то утверждает, что от настроения бизнес-леди будет зависеть ее стиль управления, другие, напротив, полагают, что женщина куда более осторожна в выборе стратегии и будет принимать решения после анализа всех имеющихся факторов.

Традиция женского профессионального руководства в нашей стране появилась относительно недавно: в советские времена женщина-начальник воспринималась скорее как исключение, а не как что-то привычное и естественное.[1] Но времена меняются, а значит, изменяется и отношение к нахождению женщины на руководящем посту в государстве или организации. XX-й век определяется яркими изменениями в мире предпринимательства, женщины перестают быть только домохозяйками и начинают играть заметную роль в сфере бизнеса. Исследователи женского предпринимательства американские исследователи Р. Петерсон и К. Вермейер назвали этот феномен "тихой революцией в мировом масштабе". Сегодня в России наблюдается довольно большое количество успешных женщин - директоров корпораций, руководителей частного предпринимательства, которые в профессиональном плане нисколько не уступают мужчинам, занимающим аналогичные посты.

Мужчины-руководители в основном ориентированы на решение поставленной задачи, женщины – на человека, которому данную задачу предстоит решить. В этом и заключается главное отличие женского стиля управления от мужского. Процесс руководства сочетает две стороны: «мужскую» - ориентированную на задачу и «женскую», направленную на

взаимоотношения людей. Ключ к успеху управления – в умелом соединении этих стилей.

Но при всем этом женщина вынуждена постоянно доказывать себе и окружающим, что она способна выполнять свою работу и соответствует занимаемой должности. От мужчин такого никто в большинстве случаев не требует. И всё же, женщины-руководители - это реальность. Тем не менее, женщина-руководитель окружена огромным количеством стереотипов, которые зачастую бывают ошибочными.

Первое утверждение: "женщина-руководитель - это плохо", руководители-мужчины более эффективны. Все развитые страны уже давно согласны с тем, что иметь начальника женщину ничуть не хуже, чем подчиняться мужчине. По статистике, среди российских руководителей на долю мужчин приходится 60%, остальные 40% - женщины.[2] Считается, что мужчина быстрее становится лидером в компании, легче завоевывает авторитет и лучше управляет предприятием. Объективным же ответом на вопрос о том, какой руководитель более эффективен - женщина или мужчина, служат данные исследований, говорящие о том, что успешное управление не имеет пола: как мужчины, так и женщины могут быть и прекрасными руководителями, и приводить компанию к краху.

Следующий тезис: женщина не способна быстро ориентироваться и выживать в российской «агрессивной» бизнес-среде. Однако, наблюдения показывают, что женщины принимают, зачастую, гораздо более волевые и рискованные решения, чем это делают мужчины. Женщина-руководитель не всегда отличается мягкостью, она скорее расчетлива, последовательна и действует более рационально. С позицией топ-менеджера в состоянии справиться лишь крайне амбициозная, гибкая в принятии решений женщина, обладающая огромными лидерскими амбициями.

Третий стереотип: женщины больше уделяют внимания межличностным отношениям в коллективе, нежели ориентированы на достижение цели. Однако, многие исследования говорят о равноценности интересов руководителей обоих

полов. Данное суждение является неправомерным, результаты деятельности компаний находятся в фокусе внимания как руководителей мужчин, так и женщин.

Существует еще одно утверждение, что женщина-руководитель обязательно имеет агрессивный «мужской» характер, а значит семейные дела у таких бизнесвумен обязательно будут довольно неудачные. Стоит согласиться, что дама с мягким характером вряд ли сможет успешно руководить крупной фирмой и отвечать на агрессивные действия конкурентов.

Некоторое время назад учёными Санкт-Петербурга проводилось тестирование женщин и мужчин-руководителей разных уровней: с помощью теста Лири изучались устойчивые психологические свойства - дружелюбие-агрессивность и доминирование-подчинение. Эти качества создают общее впечатление о человеке в процессе его общения.[3] Тесты показали, что чем выше была должность, которую занимала женщина, тем выше были показатели ее доминирования и агрессивности. А вот женщины, руководившие небольшим коллективом, использовали в большей мере дружественный стиль управления. Этот результат говорит о том, что женщины-менеджеры способны пластично подстраиваться и использовать комбинированные техники управления компаниями. Однако, семейная жизнь у таких женщин действительно не безоблачна. Работа вторгается в личную сферу, приходится жертвовать семьей ради высокой должности. Достичь гармонии позволяет четкое разделение карьеры и семейной жизни, что помогает реализоваться женщине сразу в двух областях.

Считается, что иметь начальника женщину – самое ужасное. Легче подчиняться руководителю мужского пола. Женщине-менеджеру часто приписывают излишнюю эмоциональность, нелогичность и непредсказуемость в принятии решений, что может усложнить работу ее подчиненным. Есть мнение, что женщины всегда живут эмоциями, и на работе это проявляется далеко не всегда с лучшей стороны. Например, имея определенное настроение на работе, раздражение, усталость, женщина часто выплескивает это на

подчиненных. Женщины могут «сломаться» под тяжестью забот и жесткими ударами со стороны конкурентов.

По мнению мужчин – вице-президентов крупных компаний, женщины действуют в кризисных ситуациях, стратегия их делового поведения менее амбициозна и быстрее предсказуема. Свыше 80% мужчин – вице-президентов не хотели бы смены женщины-лидера на руководителя-мужчину ни при каких обстоятельствах.

Таким образом, нет однозначной оценки качества управления женщины-руководителя и сложности работы под её началом. Зачастую женщины получают даже более высокий рейтинг руководителя именно из-за своих неповторимых качеств, необходимых для преуспевания в XXI веке, когда важны умение работать в команде и партнёрство.

Всё вышесказанное говорит, как минимум, о том, что мы ещё очень мало знаем об особенностях женского менеджмента и более склонны к стереотипам в восприятии возможностей женщин в управлении, чем люди развитых стран. Согласно последним исследованиям, успешный менеджер умеет хорошо слушать, поддерживать и мотивировать своих сотрудников. И те, кто наиболее качественно могут реализовать данные аспекты – именно женщины-руководители.

Как итог можно сказать одно – с каждым годом женщина все крепче и крепче стоит на жёсткой лестнице бизнеса. Ее значение в современном мире растет не только в качестве жены и мамы, но и в качестве бизнес-леди, что стали признавать даже самые «упертые» мужчины. А в некоторых отраслях сильный пол вообще сдал свои позиции и отдал главенствующую роль женщинам. Что же будет в будущем, остается только гадать. [4]

Литература:

1. Козмецки Р. Женщина в бизнесе: Женщинам, преуспевающим в качестве менеджера, профессионала или предпринимателя, а также начинающим свое дело / Пер. с англ. Жарского И.К.; под ред. Андреевой О.П. - СПб., 2003.

2. Борисова Н., Горшков А. Указ. соч. С. 45.; О социальной политике в современной России см.: Лапина Н. Уроки социальных реформ в России: Региональный аспект. М.: ИНИОН РАН, 2007
3. Мужчины и женщины управляют по-разному. – [Электронный ресурс] – Код доступа: <http://hr-portal.ru/article/muzhchiny-i-zhenshchiny-upravlyayut-po-raznomu>
4. Женщина и бизнес. – [Электронный ресурс] – Код доступа: http://linesa.ru/career/women_business/1185-zhenschina-i-biznes.html

Молодое и старшее поколения как потенциальный ресурс управления

Поплавская И. А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Согласно мировым тенденциям, экономические факторы будущего будут несколько иными, нежели сегодня. В отличие от России, где экономика – это цены на нефть, растущая бедность и неэффективные госкорпорации, ключевая тема для развитого мира – структурное изменение экономического уклада, сопоставимое с переходом от аграрного общества к индустриальному. В посткапиталистическом обществе будущего экономический рост не перестанет играть ключевую роль, ибо конкуренция и капитализм – единственные двигатели прогресса, но измерители его становятся разными. Принимая во внимание не только подушевой ВВП, но и продолжительность жизни, то очевиден сдвиг от чудовищного неравенства в сторону существенного роста равенства. Например, в США в XIX веке неравенство по доходам было таким же высоким, как и по продолжительности жизни. Сегодня индекс Джини по доходам находится на том же уровне, а по продолжительности жизни – снизился в несколько раз, что очень важно для общества. По прогнозам экономических аналитиков, значимость материальных ценностей, богатства, потребления со временем будет падать. Важность приобретет другой фактор – способность человечества прожить вместо 80- активных 100 лет, полных ярких впечатлений.

Таким образом, на фоне заметного роста уровня и продолжительности жизни населения, базовые социальные институты, сформировавшиеся на протяжении столетий, стремительно устаревают. Социальное государство становится тормозом развития в постиндустриальном мире, поскольку диктует высокие налоги, подрывая одно из базовых условий экономического роста. Это губительно для российского догоняющего развития вместе с изживенческими настроениями, бюджетным дисбалансом, пугающим инвесторов и растущими госрасходами, отнимающими ресурсы у общества (по итогам 2015 года рост общегосударственных расходов на траты аппарата, администрацию и бюрократию составил 19%). Россия может встретить отмирание социального государства, так и не построив его основательно. Актуальность пенсии как пособия, привязанного к возрасту, будет постепенно снижаться. Место классической пенсионной системы постепенно займут личные сбережения, инвестиции в свое здоровье и образование, чтобы дольше удерживаться на рынке труда, а также страховка от бедности в случае нетрудоспособности без привязки к возрасту человека.

Российская действительность показывает, что общество не готово к происходящим изменениям и не понимает, как можно использовать ресурсные возможности старшего поколения, реагируя на его изменяющиеся запросы. «Концепция демографического развития РФ до 2025 года» не рассматривает возрастающую группу пожилых российских граждан как перспективный ресурс преодоления социальных проблем. Об этом свидетельствуют стратегии противодействия последствиям старения населения, которые, в основном, носят экстенсивный характер. Между тем, статистические данные свидетельствуют об установлении тенденций повышения социальной активности взрослого населения, и подтверждают, что цивилизационный процесс переопределения старших возрастов затронул и российское общество. По прогнозу демографического развития РФ к 2025 году доля населения старше 65 лет составит примерно 18%, а сегодня каждый двенадцатый житель старшего возраста демонстрирует высокий уровень активности, хорошее состояние

физического и психического здоровья. Усилия государства по активизации незадействованных ресурсов социального развития в новых изменившихся современных экономических условиях должны быть направлены, в том числе, и на эту категорию граждан. Об этом говорил глава государства В.В. Путин, отмечая необходимость новой, адекватной современным требованиям политики в отношении людей старшего возраста, ориентированной на создание условий, обеспечивающих их активное долголетие [1].

Демографическая динамика отражается на российском рынке труда в виде трансформированных отношений людей 3-го возраста и работодателей. Нежелание работодателей иметь дело с пожилыми гражданами объясняется не только возрастными угрозами, не позволяющими делать долговременную ставку на подобного работника, но и распространенным мнением о низком качестве «возрастной рабочей силы», уступающим молодым в знаниях, современных технологических компетенциях. Исследование, посвященное изучению проблем россиян третьего возраста, проведенное Центром методологии федеративных исследований Института социального анализа и прогнозирования РАНХиГС, демонстрирует, что социальные и личностные факторы оказывают ощутимое противодействие природно-биологическим процессам и выявляет активизирующее действие фактора образования, определяющего большинство сфер жизнедеятельности человека, особенности его социальных практик и мировоззренческих установок[2].

В активную трудовую жизнь вступило новое поколение, значительная часть которого по-иному относится к работе, нежели их старшие коллеги. В HR-среде закрепился термин «поколение Y», введенный в 1991г. Авторы теории поколений У.Штраус и Н. Хоув, изучив различия и причины, породившие их (политическая и социальная обстановка, техническое развитие, глобальные события своего времени) определили, что примерно каждые 20 лет появляется новое поколение со своими ценностями, которое ведет себя не так, как их родители в том же возрасте.

Социальный портрет представителя X, на основе многочисленных

исследований, обобщенно выглядит так: это надежные целеустремленные люди, родившиеся в период с 1963 -83 гг., уверенные в том, что карьеру можно сделать только собственными усилиями, начиная подъем по карьерной лестнице с «низов». Наиболее важными приоритетами для них являются социальные гарантии и уверенность в завтрашнем дне. Могут трудиться в одной компании много лет. Они – «поколение одиночек», нацеленных на упорную работу и индивидуальный успех.

Представители «Поколение Y» родились в период с 1984 по 2000 гг. Им нужно «все и сразу», не умеют долго ждать и добиваться цели, верят в удачу, рассчитывая на быстрый успех, не готовы начинать карьеру с низов. «Игреки» не будут работать за «идею»: способны выполнить большой объем в сжатые сроки при условии достойного вознаграждения.

На поколение Z, формирующееся в век скоростей и технологий, возлагаются большие надежды: эти независимые и уверенные в себе люди обязательно проявят себя. Многие исследователи и HR- практики уверены, что именно они выведут экономику многих стран на высокий уровень[3].

Таким образом, молодые и пожилые люди являются необходимым ресурсом для рынка труда и жизнедеятельности общества на макро- и микроуровнях, государству надо только создать такие условия, при которых каждое поколение будет работать с максимальной отдачей.

Литература:

1. Российская газета (столичный выпуск) №6447. - 08. 2014. С.1.
2. Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены: Альманах (сборник) – М.: ОАО «ВЦИОМ», 2014
3. Эммануэль Коде. Статус в поиске: кризис под прицелом//Управление персоналом и Карьера. 2014,№26. С.12-13

Необходимость проведения социальных изменений, ориентированных на преодоление демографического кризиса в РФ

Потапов В.П.

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Россия, Москва

В сфере демографии, по мнению ряда исследователей, наблюдаются кризисные явления [1], во многом обусловленные снижением качества жизни народа. Как полагают социологи Финансового университета при Правительстве РФ, высокое качество жизни человека подразумевает: достаточную продолжительность здоровой жизни, поддержанную хорошим медицинским обслуживанием и безопасностью (отсутствием значимых угроз жизни и здоровью); приемлемый объем потребления товаров и услуг, гарантированный доступ к материальным благам; удовлетворительные социальные отношения, отсутствие серьезных общественных конфликтов и угроз достигнутому уровню благополучия; благополучие семьи; познание мира и развитие – доступ к знаниям, образованию и культурным ценностям, формирующим личность и представления об окружающем мире; учет мнения индивида при решении общественных проблем, участие в создании общепринятой картины мира и правил поведения человека; социальную принадлежность, полноценное участие в общественной и культурной жизни во всех их формах; доступ к разнообразной информации, включая сведения о положении дел в обществе; комфортные условия труда, дающего простор для творчества и самореализации, относительно короткий рабочий день, оставляющий человеку достаточно свободного времени для различных занятий[2].

Для относительно полного измерения качества жизни народа России социологами разработана многомерная система количественных показателей, приближение которых к предельно-критическим величинам означает, что демографическая ситуация за последние четверть века значительно ухудшилась [3].

В связи с началом «реформ», сопровождавшимся быстрым распадом

социальных основ повседневного существования людей, ускорились процессы старения и депопуляции населения. Происходило не только беспрецедентное для мирного времени вымирание народа, прежде всего русского, но и падение уровня и качества жизни абсолютного большинства жителей. Реальные доходы россиян снизились, по оценкам специалистов, в 2-3 раза. В нашей стране около четверти населения имеют доходы ниже прожиточного минимума, исчисление которого до сих пор вызывает споры у специалистов, считающих, что реальная доля людей, живущих за чертой бедности, достигает 50% (в первом квартале 2016 года прожиточный минимум предполагается довести для трудоспособного населения до 10436 рублей, а минимальный размер оплаты труда составляет всего 6204 рубля).

Вместе с тем усилился процесс такого имущественного расслоения социума, при котором богатство и бедность концентрировались на разных его полюсах.

Важнейшим следствием углубления социально-экономического кризиса становится безработица. По прогнозам экспертов, безработица в РФ достигнет в 2016 году 6% активного населения, а с учётом колоссальной по масштабам скрытой безработицы реальный уровень безработицы оценивается в полтора раза выше. Ситуация усугубляется тем, что Государственный фонд занятости способен обеспечить реальную поддержку занятости при уровне безработицы около 3%.

Массовое распространение алкоголизма, наркомании, психических расстройств и других девиаций привело к тому, что Россия становилась страной не только бедных, но и больных людей. Это сопровождалось падением престижа института семьи и деградацией общественной морали.

Между тем в Конституции РФ государство обозначило своей главной целью создание социально-ориентированного общества, т.е. такого, которое обращено к человеку, призвано обеспечить ему достойные условия жизни. В 2001 году была принята «Концепция демографического развития Российской Федерации на период до 2015 года», в которой констатируется плачевная

демографическая ситуация в России и сформулированы цели и задачи демографической политики, а в 2007 году — «Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года. Однако реальная практика убеждает, что оба эти документа во многом остались лишь благими пожеланиями.

В новых условиях, которые сложились на рубеже веков и тысячелетий (неоднозначные по социальным последствиям процессы глобализации, обострение военно-политической обстановки в мире, системный кризис российского общества и т.д.), возрастает важность осмысления не только причин негативных социально-демографических изменений и определения дальнейших перспектив развития, но и способов наиболее рационального применения ресурсов всех социальных институтов, которые могут содействовать преобразению нашей Родины, усилению её могущества и укреплению безопасности с учетом общецивилизационных закономерностей, практики развитых стран и многовекового опыта отечественной истории.

Необходимо существенно повысить эффективность демографической политики государства, рассчитанной на длительный период. Преобразование России должно способствовать повышению уровня и качества жизни и созданию более благоприятных возможностей для духовного возвышения **всех** граждан, поскольку наше Отечество остается самодостаточной страной, имеющей все необходимые предпосылки для выхода на передовые позиции. Важно лишь дать дополнительный импульс воспроизводству и совершенствованию важнейшей производительной силы — **человеческого ресурса**, значительно расширить расходы на развитие его потенциала: образование, науку, культуру, здравоохранение и т.д., что явится **главным стратегическим фактором**, который определит судьбу России в будущем.

Литература:

1. Антонов А. И., Медков В. М., Архангельский В. Н. Демографические процессы в России XXI века. — М.: Грааль, 2002.

2. Зубец А.Н., Тарба И.В. Качество жизни в России // Финансы. – 2013. - № 12. – С. 68-70.
3. Потапов В.П. Повышение эффективности управления – важнейший фактор преобразования России в XXI веке // Политическая система России: развитие в условиях современных внешних вызовов: Сб. материалов всероссийского научно-политического обсуждения за круглым столом в Государственной Думе Российской Федерации 16 октября 2015 года /под ред. А.П. Кошкина. - 2016. – С. 163-169.

Добровольно бездетные как альтернативная форма брачно-семейных отношений

Пчёлкина К.К.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Брачно-семейные отношения изучали и изучают многие исследователи в области социологии и смежных с ней наук, потому что это значимая сфера функционирования общества. Социологический подход к анализу брачно-семейных отношений состоит в том, что семья и брак рассматриваются с точки зрения их функционирования как подсистем общества, которые сосредотачивают свое внимание на совместной жизнедеятельности членов семьи, т.е. на семейном образе жизни.

Представление о браке длительный период времени было как о узаконенном половом альянсе женщины и мужчины, отвечающем требованиям нормам и ценностям общества, в результате существования которого совершалось воспроизводство социума. Долгое время в обществе преобладала точка зрения, что данный союз мужчины и женщины практически на всю их жизнь. Такая установка - прожить с супругом или с супругой вместе, «пока смерть не разлучит» - была определяющая в браке приблизительно до середины 40-х гг. XX в. К середине XX в. в социальной реальности стали происходить изменения, которые повлекли за собой образование нового образа современного брака, отличающегося многим от брака традиционного.

Одной, из набирающих популярность, альтернативных форм брачно-семейных отношений считается сознательно бездетный брак. Он зародился на Западе из такого движения, как «чайлд-фри». Данный термин буквально означает добровольную осознанную бездетность.

Рассматривая причины возникновения и усиления феномена «чайлд-фри», стоит отметить, что сама структура современного общества способствует его появлению и развитию. В настоящее время, многие социальные функции, которые раньше были присуще исключительно институту семьи (производственная; социализирующая, социального обеспечения, досуга) перешли к внесемейным институтам. Согласно теории институционального кризиса семьи историческая трансформация семьи как социального института происходит в четыре этапа [1]. И если на первом этапе характерно преобладание многодетных (5 и более детей) семей, то к четвертому прогнозируется массовая добровольная бездетность, только этот этап не продлится долго в связи с полным вымиранием населения.

В действительности давно стали появляться люди, откладывающие рождение ребенка из-за материальной нестабильности, неуверенности в завтрашнем дне или из-за жилищного вопроса и т.д. Истинные же «чайлдфри» утверждают, что не хотят иметь детей по общим философским убеждениям и своим принципиальным соображениям. Многие «чайлдфри» объясняют свое равнодушие к детям тем, что у них другая система жизненных ценностей. Для них стать родителями не играет никакой роли в жизни. Одни хотят заниматься любимым хобби, общаться с друзьями или путешествовать. Другие отдают все силы работе и карьере. Третьи вообще считают, что действуют на благо общества и Земли: 1) одни не хотят быть виновными в увеличении преступников, бандитов, больных детей в физическом и психологическом плане; 2) другие считают, что нашей планете вообще было бы гораздо лучше без людей и необходимо прекратить продолжать её заселять и губить.

Однако психологи считают, что в основе такой жизненной позиции скорее скрываются внутренние страхи из детства или убеждение: лучше уж не

рожать, чем оказаться плохим родителем.

На сегодняшний день по немногочисленным исследованиям процент добровольно бездетных даже в странах Евросоюза довольно низок и не может оказывать значительного влияния на демографическую обстановку, однако сам факт отказа людей от продолжения рода говорит о серьезном кризисе в самой основе структуры нашего общества. Этот факт нельзя оставлять без внимания ни с социологической, ни с демографической точек зрения. Опасность состоит в том, что институт семьи, находящийся в кризисе, и подвергающийся со всех сторон разрушению такими течениями как гомосексуализм, нетрадиционные семейные формы, высокий уровень разводов и т.п. не способен справиться еще и с отказом людей от рождения детей.

Литература:

1. Синельников А.Б. // Трансформация семьи и развитие общества // М: КДУ, 2008

Имидж семьи и брака в печатных средствах массовой информации: социологический анализ

Рогачева В.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В настоящее время кризисные явления в жизни современной семьи все более очевидны. Семья все хуже реализует свои главные функции – организацию супружеской жизни, репродуктивную функцию и функцию социализации. В современном обществе произошла резкая переоценка ценности семьи в сторону внесемейных ориентаций, семья постепенно деформируется как социальный институт. Эти изменения в России являются кардинальными и оказывают огромное воздействие на социальные и экономические аспекты жизни семьи.

Все большее влияние приобретает социальный институт средств массовой информации, одной из функций которого является – функция

социализации. Современный мир информационных технологий имеет в своем арсенале огромный выбор средств продвижения моделей поведения, ориентаций, ценностей человека. СМИ охватывают многие аспекты жизнедеятельности людей и демонстрируют образцы и модели поведения, в том числе способствуют формированию имиджа семьи и брака. Посредством идентификации и проекции человек неосознанно подражает образцам семьи, пропагандируемым СМИ и создает в реальной жизни то, что увидел, воспринял и захотел воплотить в своей личной, обыденной жизни. Для исследования были выбраны печатные средства массовой информации, так как они выступают значительным ресурсом тиражирования образцов поведения.

Целью настоящего исследования стал анализ имиджа семьи и брака, который создают современные печатные средства массовой информации, из всего разнообразия и выбора, мы остановились на категории «женские журналы». Была предпринята попытка провести контент-анализ одних из самых популярных женских журналов – «Cosmopolitan» и «Домашний Очаг». Данный выбор был продиктован тем, что у выбранных журналов целевая аудитория – это женщины репродуктивного возраста, но при этом в выбранных источниках информации акценты на проблемы женщин расставлены по-разному. В качестве единицы анализа использовалось не отдельное слово или высказывание, которое касается семейной темы, а вся публикация, где, так или иначе, обсуждается тема семьи. Учитывалось любое сообщение, в котором присутствовал фамилистический текст.

«*Cosmopolitan*». Исследовательский массив представлен годовой подпиской журнала «Cosmopolitan» за 2013 год – 12 периодических выпусков, объемом от 250 – 450 страниц, из них 65% текстовой информации, место семейно-брачной информации отводится мало, лишь 5-6% из всего текстового массива.

В большинстве текстов, которые так или иначе касаются взаимоотношений мужчины и женщины, дается просто повествование или описание семейно-бытовых ситуаций (негативно окрашенне 52%, нейтральные

21%, позитивные 27%) – 86%, а также на повествование о жизни «замечательных людей» (людей шоу-бизнеса) – 14%.

Проанализировав текстовую информацию глянцевого журнала «*Домашний очаг*», мы выявили, что в большей части журнал ориентирован на домашний быт и семейные отношения. Исследовательский массив представлен годовой подпиской журнала «Домашний Очаг» за 2014 год – 12 периодических выпусков, объемом от 170 – 270 страниц, из них 61% текстовой информации (из них 10% рекламного текста).

Тексты разбиты по нескольким разделам (рекламный текст не учитывался): по моде и красоте (12%); события и люди (10%); семья и отношения (24%); дом и интерьер (12%); здоровье и фитнес (17%); рецепты и кулинария (7%); путешествие (18%).

Это доказывает различие содержательной части журналов и их основной направленности. Что еще раз подтверждает удачный выбор эмпирического материала для проведения сравнительного анализа имиджа семьи и брака в печатных средствах массовой информации.

Семейно-демографические показатели состава семьи журнала «Cosmopolitan»:

Большинство статей, ориентированные конечно на женщин, так как основная аудитория женская; возрастной состав участников статей от 19 до 46 лет. Брачно-семейные сцены, в которых главная роль отводится старшему поколению, представляют 93% материала, лишь в оставшихся 7 процентах вскользь упоминается о детях.

«Домашний очаг»:

Так же как и в журнале «Cosmopolitan» большинство статей, ориентированы на женщин; возрастной состав участников статей в основном от 24 до 54 лет. В основном текстовая информация, касающиеся отношений в семье, связана с воспитанием и выстраиванию взаимопонимания с детьми (41%); 36% - это тематика взаимоотношений мужчины и женщины, при чем 90% - законных супругов, также значительная роль отводится «маме», именно

в русле взрослой дочери (чаще всего, которая тоже уже мама) и ее матери. В результате анализа мы видим, что журнал «Домашний очаг» уделяет внимание проблематике взаимодействия родителей и детей, что нельзя сказать о журнале «Cosmopolitan». Данную особенность «Cosmopolitan» можно связать с кризисными тенденциями семейно-брачных отношений, в которых детородная функция ставится на одно из последних мест, приоритет отдается самореализации индивида. «Cosmopolitan» больше направляет свое внимание на разрешение личностных проблем женщин, поощряет ее стремление к самоутверждению, самосовершенствованию и самореализации, результатом является демонстрация образа успешной женщины без детей, это способствует формированию стереотипа, что ребенок является помехой становления женщины как самостоятельной личности в современном обществе. Но данный момент имеет и обратную сторону, акцентирование внимание на проблемах отношений родителя и ребенка в журнале «Домашний очаг», преобладающее над отношениями супругов, демонстрирует нестабильность брачных отношений в современном обществе.

В журнале «Cosmopolitan» семейно-брачным отношениям уделяется мало внимания, но в тех случаях, когда разбирается данная проблематика, мы выделили, что официально зарегистрировали брак – 73,3% семей, (практически нет информации первый это брак или нет), сожительствовать предпочитают 26,7%. Но если взять всю текстовую информацию относительно взаимоотношений мужчин и женщин, то лишь 53% это семейно-брачные отношения, остальное просто связано с рассмотрением взаимодействия полов, чаще всего делается уклон в сторону проблематики сексуальных отношений.

Интересен тот факт, что хоть мы и наблюдаем тенденцию в журнале - примеров официально-зарегистрированных браков и полных семей, но встречались негативно окрашенные высказывания непонимания необходимости традиционного брака, соительство же больше имело нейтральную и позитивную окраску.

«Домашний очаг» более консервативен в отношении семейно-брачных

отношений, в данной журнале не было информации об альтернативных формах брака.

Проанализировав количество детей в семьях, представленных в журналах, мы получили подтверждение тенденции «единственного ребенка», однако в журнале «Домашний очаг» чаще фиксировался образ многодетной семьи позитивной окраски, что можно отметить как поддержание традиционных ценностей социального института семьи. А также большинство представленных звездных семей – имеют 2 и более детей.

В журнале «Cosmopolitan», рассчитанным на женскую аудиторию репродуктивного возраста, прослеживается следующая линия активного демографического поведения – разрушение семей, в случае простого недовольства супругой/супругом; ориентированность на карьеру (обоих супругов), а не на детей; нейтральное отношение к внебрачной связи; непонимание необходимости официального брака. Семья и брак занимают неустойчивые позиции, так как 2/3 исследованных текстов (которые в той или иной степени затрагивали тему взаимоотношений) акцентируют внимание на проблемах в семье, а не на ее положительных моментах. Тем самым мы не можем выделить ярко выраженных семейных ценностей, а результатом становится, что молодое поколение не знает к чему стремится.

Таким образом, в результате социологического анализа печатных средств массовой информации выявлено, что семейно-брачные отношения все больше уходят на второй план, хотя еще и преобладает модель семьи в глянцевах журналах – моногамная семья с одним/двумя детьми, но при этом все чаще как норма воспринимается: сожительство, альтернативные формы брака, развод, приоритет самореализации в карьере в ущерб семье. А это свидетельствует о том, что кризисные тенденции брачно-семейных отношений имеют место быть.

Проанализировав весь имеющийся материал, можно сделать вывод, что современные женские журналы достаточно мало внимания уделяют рассматриваемой нами теме, в публикациях, в основном, отсутствует какая-либо направленность на пропагандирование семейных ценностей, большая

часть исследуемого материала направлена на презентацию карьерного роста. Подтвердился феномен «единственного ребенка».

К сожалению, не часто встретишь в нашем обществе молодые многодетные семьи, особенно в больших городах. Молодое поколение было предоставлено само себе в период слома социально-политических формаций, и сейчас оно начинает создавать семьи. В связи с этим ценности современного молодого человека, например такие как долг, ответственность, семейные ценности, были заменены идеологией потребления и вседозволенности.

Представления молодежи о семейно-брачных отношениях: поколения 1980-х и 1990-х годов

Руденко Л.Д.

*Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, Россия,
Ярославль*

Формирование системы ценностей относительно семьи и брака у молодежи представляется сегодня актуальным в контексте происходящих в стране и мире сложных процессов, свидетельствующих о переоценке культурных ценностей предыдущих поколений, нарушении преемственности в передаче социокультурного опыта. Именно позитивные, традиционные ценности семьи и брака нуждаются в глубоком исследовании и популяризации среди всех социальных групп, а особенно среди молодежи.

Анализируя опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи, В.Т. Лисовский подчеркивал, что молодым сегодня приходится решать, что ценнее – обогащение любыми средствами или приобретение квалификации, обеспечивающей способность адаптироваться к новым условиям, отрицание прежних морально-нравственных норм или гибкость, приспособляемость к новой действительности, безграничная свобода межличностных, межполовых взаимоотношений или семья как оплот успешного существования.

С целью изучения представлений современной молодёжи о семейно-брачных отношениях и их сравнения с аналогичными представлениями молодежи 1990-х годов нами в 2016 году было проведено социологическое исследование. Объектом

исследования выступила молодежь г. Ярославля, предметом - представления молодежи о семейно-брачных отношениях. По таблицам В.И. Паниотто был определен объем выборки – 250 человек [1]. Фактическая ошибка выборки составила 7%. Объектом социологического исследования выступили жители города Ярославля в возрасте от 18 до 25 лет (47% мужчин и 53% женщин). Отбор респондентов осуществлялся с помощью неслучайной квотной выборки.

Выявление представлений молодежи среднего российского города на примере г. Ярославля осуществлялось посредством анкетирования по разработанной нами анкете, содержащей 36 вопросов. Для обработки результатов исследования была использована программа SPSS. Основой для сравнения выступили работы Голода С.И. [2], Елистраткиной С.С. [3], Чечота Д.М. [4], Красовского А.С. [5].

Итогом проведенного нами исследования стали следующие результаты.

Выявлены некоторые общие закономерности в ценностных представлениях современной молодежи, а именно:

- современная молодежь в большинстве своем позитивно относится к идее создания собственной семьи и в целом положительно оценивает свою будущую семейную жизнь;
- представления молодежи о дальнейших жизненных стратегиях зависят от пола: респонденты мужского пола более ориентированы на карьеру и успех, респонденты женского – на создание семьи;
- на содержание представлений молодежи о семейной жизни прежде всего влияет такая социально-демографическая характеристика как пол: ответы женщин более содержательны и структурированы в плане количества задействованных характеристик и структурных элементов семьи.

Более подробный анализ представлений молодежи 1990-х годов в сфере семейно-брачных отношений позволил выявить следующее:

- несмотря на достаточно либеральное отношение современного общества к так называемому «сожителству», подавляющее большинство

респондентов обоих полов считают наиболее приемлемым для себя официально зарегистрированный брак;

- оценивая опыт семейной жизни своих родителей, респонденты обоих полов продемонстрировали единодушие: положительно данный опыт оценили 53% мужчин и 51% женщин;
- оценки мужчин и женщин ряда функций супругов похожи и совпадают с некоторыми стереотипными утверждениями, например, что «финансовое обеспечение семьи – это обязанность мужа», «главное для женщины – муж и дети»;
- большинство респондентов обоих полов не согласны со стереотипным утверждением о главенстве мужчины в семье. В целом, представления мужчин более консервативны и патриархальны, чем девушек.

В результате сравнительного анализа представлений молодежи разных поколений о семейно-брачных отношениях, нами было установлено, что установки молодежи «старшей» возрастной группы отличаются меньшей демократичностью, чем взгляды и суждения молодежи второй возрастной группы, при этом установки девушек в обеих группах более эгалитарны, чем юношей.

Юноши в большей степени, чем девушки демонстрируют готовность следовать стереотипным представлениям о нормах поведения и ролях мужчин и женщин в семье, при этом гендерные установки юношей поколения 1980-х годов более консервативны и патриархальны, чем в старшем возрасте (поколение 1990-х годов).

Вместе с тем отношение к семейной жизни у поколения 1980-х и у современной молодёжи в некоторых вопросах отличается незначительно: так, например, практически каждый второй респондент испытывает трудности при общении с противоположным полом.

Среди мотивов вступления в брак, как и 30 лет назад, преобладает любовь. Данные результаты приводит С. И. Голод, исследовавший мотивы вступления в брак: около 40% женатых мужчин и 50% замужних женщин заключили свой семейный союз по любви, у остальных доминировали другие мотивы. В условиях современной России расширился список и других мотивов (безопасность, экономическая стабильность, мода), следовательно, отношение к браку стало более повседневным.

Судя по ответам, желание иметь детей по-прежнему занимает ведущее место среди качеств, необходимых для семьянина. Но когда речь идёт о собственных планах респондента как будущего супруга, то появляются различия: в 1980-е гг. респонденты более ответственно подходили к созданию семьи. Большинство же представителей современной молодёжи предпочитает не планировать рождение ребенка раньше 30-ти лет.

Что касается ценности роли дружбы, то результаты исследований совпадают: у значительной части опрошенных мало надёжных друзей. При этом молодёжь 1980 годов показала высокий результат по степени коллективистских ценностей, в настоящее же время респондентов интересуют в большей степени собственные проблемы. Результаты многих опросов 1980-х годов показывают, что респонденты обладали развитым чувством коллективизма.

Таким образом, идея нашего исследования подтвердилась - представления молодёжи о семье вариативны с точки зрения возраста респондента.

Литература:

1. Паниотто В.И. Количественные методы в социологических исследованиях. В соавт. с В. Максименко — Киев: Наукова думка, 1982.
2. Голод С.И. Стабильность семьи: социологический и демографический аспекты. Л.: Наука, 1984.
3. Елистраткина С.С. Семейные проблемы глазами замужних женщин // Семья сегодня. М.: Статистика. 1979.
4. Чечот Д.М. Социология брака и развода. Л.: Знание. 1973.
5. Красовский А. Представления десятиклассников о счастливом браке // СО-ЦИС. - 1986. - №3. -С.71-72.

Влияние семейно-демографических факторов на социальную сплоченность российского общества

Савинов Л.И.

*Национальный исследовательский Мордовский государственный университет
им. Н.П. Огарева, Россия, Саранск*

Социальная сплоченность — это человеческий продукт, результат непрерывного человеческого воспроизводства, ее динамизм происходит под влиянием реальной социокультуры.

Семья в качестве социально-психологической группы была и есть воспитателем человеческой природы, семье свойственны тесные, непосредственные связи включающие оба противоположных поведенческих комплексов: сотрудничество и противоборство. Индивидуальная человеческая природа немислима вне групповой природы, человек изначально существо общественное, свою человеческую природу он обретает благодаря общению с себе подобными.

В дальнейшем, под влиянием факторов «безжалостной необходимости», «получение удовольствий», «случайности», «полезности», «повторяемости» в среде реальных действий (Действия по Бергсону – орудия сознания) закреплялись приобретенные навыки сплоченности группы. В действиях направленных на сплоченность группы, правила, нормы и традиции стали играть направляющую роль.

Социальная сплоченность в семье наряду с процессом уравнивания членов группы, одновременно включала и другой социально значимый процесс- процесс индивидуализации. Индивид, осознавая себя членом семьи, зная, что он среди «своего круга», в то же время он понимал, что как индивид он отличается от других индивидов своей семейной группы. Она, с одной стороны перебрасывает мост к единству в обществе, с другой стороны указывают на имеющиеся отличия между семейной и общественной сплоченностями. Историческому процессу становления семейных групповых объединений изначально были свойственны признаки интеграции и обособления. Семья – это наглядный пример для понимания вершин и падений сплоченности.

Семья – это фундамент всей социальной сплоченности с сильным межличностным единением основным социокультурным вектором которого является любовь. Любовь, бесспорно, необходимо отнести к основному

фактору и основному критерию фундамента семейной сплоченности. Глубина единения возлюбленных и полнота их сплоченности не измеримы. Странно, но это особенно становится заметным при исчезновении любви. Это глубоко выразил Шелли в словах «Рознь любивших бездонна».

Сегодня традиционное единство семьи распадается. Современному процессу распада семьи способствует процесс ослабления социальной сплоченности и в самом обществе, и в семье. Сущность современного кризиса «состоит в углублении противоречия между семейными и внесемейными ценностями» [1,3]. Онтологическое единство семьи сопротивляется ослаблению её сплоченности. В качестве подтверждения наличия семейной сплоченности даже после развода, приведем тот факт, когда участились случаи похищения отцами детей, отнятых у них после развода. В процессе неравной борьбы с индивидуализацией, которой современное модернизированное общество отдает приоритет, семейная социальная сплоченность сумела спасти социальные связи объединившись вокруг основной ценности семьи, которой являются дети. Бесспорно, индивидуализм семейного человека, даже если эти качества оправдываются элементами созидания и творчества, в отечественной социокультуре редко соответствует семейным интересам [2, 261-265].

Социологический анализ групповой семейной сплоченности сегодня может быть многовариантным и разнонаправленным.

1. В зависимости от субкультур (национальных, религиозных, сельских, многодетных и т.д.) и в наше время; несмотря на явное недоброжелательное отношение к семейной групповой общности со стороны государства, индустрии, образования и практически повсеместной трудозанятости супругов на производстве, сохранились сплоченные семьи.

2. Семья, желая сохранить свою целостность, противостоит ряду сообществ, в первую очередь государству. Изначально, семья как малая группа и социальный институт старалась огородить человека от государства. Степень вторжения государства в семью постоянно возрастает; системы институтов попечительства и социальной политики выполняют по отношению к семье

«наместнические функции», но — то, что более древнее не может быть полностью подчинено более новому. Семья возникла раньше государства, многие семьи и сегодня выполняют основное историческое требование к этой группе — способствовать выживанию.

3. Родительская любовь к детям, супружеская любовь, ответственность родителей за детей и детей за родителей и многие другие связи и отношения, включенные в социокультуру свидетельствуют о единстве человеческого рода. Модернизированное современное общество, разрывая данные многовековые человеческие взаимодействия, старается вытеснить социальную сплоченность из социокультуры, семья реагирует тоской по родному очагу, тоской по былому единству, «растет тоска по другому».

4. Происходит – «рассеивание» семейной групповой сплоченности по поколениям, по индивидам, по обстоятельствам и случайностям. Целое теряется в своих частях, Аспекты семейной групповой сплоченности обособляются в человеческой повседневности.

Отечественные социологи Антонов А. И. и Медков В. М. В учебном пособии «Социология семьи» представили крайне интересный предмет для ученых о взаимосвязи семейного единства с жизненными циклами семьи [3, 114-124].

Из современных семейно-демографических факторов негативно влияющих на социальную сплоченность общества выделим следующие: низкий уровень рождаемости, широко распространенные однодетные семьи, высокий уровень разводимости, нежелание молодых супругов проживать совместно со своими родителями, отказ родителей от рожденных детей и отказ взрослых детей от своих родителей, низкая доля многодетных семей в большинстве регионов России, широко распространенные ценности индивидуализма, эгоизма и иждивенчества. В своей совокупности данные факторы не только определяют ту или иную степень сплоченности общества и семьи, но и создают неблагоприятные условия для экономики страны.

Сущность сплоченности семьи проявляется в ее функциях. Причем

измерить ту или иную степень сплоченности семьи посредством реализуемых ее функций явно не простая социологическая задача. Однако эффективное предназначение категории сплоченности как для семьи, так и в целом для общества не подвергается сомнению ни теорией, ни практикой.

Литература:

1. Савинов Л. И. Семейведение: Учеб. пособ. - Саранск Изд-во Мордов. ун-та, 2000. - 196 с.
2. Савинов Л. И. Российская семья в системе социальных рисков / Л. И. Савинов // Социология: учебное пособие / П. Д. Павленок, Савинов Л. И. - М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2007. С.261-265.
3. Антонов А. И., Медков В. М. Социология семьи / М.: Изд-во МГУ: Изд-во Международного университета бизнеса и управления («Братья Карич»), 1996. - 304 с.

Миграция и социальные сдвиги в восприятии мигрантов

Савинов Л.В., Шевцова Е.В.

Сибирский институт управления - филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Россия, Новосибирск

Миграция населения в современном мире является определяющим фактором этнополитических и социально-экономических процессов. Анализ количественных и качественных показателей миграционных потоков позволяет понять не только уровень социально-экономического развития региона, но и состояние межэтнических и межконфессиональных отношений, степень открытости принимающего сообщества, уровень этнической конфликтности. Современные миграционные потоки приводят к существенным социальным изменениям как в Европе, так и в России: увеличивается этническая и конфессиональная мозаичность, изменяется половозрастной состав и режим воспроизводства населения. Поскольку качественные характеристики мигрантов радикально отличаются от

характеристик коренного населения в местах вселения, происходят изменения в составе населения по образовательному уровню, социальному статусу, сферам деятельности. При этом встреча культур или цивилизаций (в представлении С. Хантингтона) имеет как минимум две формы:

- позитивную, как взаимное дополнение, развитие и коэволюцию народов, культур и традиций;
- негативную, как конфликт ценностей и образов жизни [1].

Со всей очевидностью становятся понятны риски, сопряженные с притоком иноэтничных, иноконфессиональных мигрантов с иным культурным кодом, иными традициями, ценностями и культурой взаимодействия [2, С. 239]. Ярким примером возникновения риска нарастания процессов мигрантофобии и ксенофобии является ситуация в Германии, складывающаяся вследствие практически неконтролируемых миграционных потоков. События в Кельне в новогоднюю ночь 2016 года, когда около тысячи молодых людей, преимущественно «арабской и североафриканской наружности», совершали нападения на женщин, а представители власти несколько дней замалчивали бессилие полиции противостоять злоумышленникам, показали как быстро может произойти разворот позиции коренного населения в отношении прибывающих мигрантов от полного принятия и поддержки до яростного противостояния.

В настоящее время Сибирь как макрорегион испытывает общероссийскую тенденцию «западного дрейфа» миграционных потоков, которая активным образом замещается внешними мигрантами в основном из азиатских постсоветских республик. Указанные направления и тенденции в миграционных процессах в Сибири приводят к изменениям в этнической структуре населения и мифологизации миграции и мигрантов. При этом усиливаются антимигрантские и ксенофобские настроения среди коренного населения, определяемые по оси «свои – чужие».

Наши исследования в регионах Сибирского федерального округа (2003-2015 гг.) выявили ряд позиций, связанных с мифологизацией миграции и

мигрантов в глазах принимающего сообщества.

Одним из основных мифов, связанных с представлениями о мигрантах, является мнение подавляющей части коренного населения о том, что «мигрантов слишком много». Причиной возникновения такого утверждения можно объяснить прежде всего тем, что существенная часть трудовых мигрантов осуществляет свою трудовую деятельность в публичных сферах, таких как ЖКХ, общественный транспорт, торговля, сфера услуг, клиринг. Происходит процесс так называемой визуализации мигрантов. И здесь также можно говорить о классической ситуации двойного рынка труда, описанной М.Пиоре [3].

Не менее распространенным мифом, является утверждение о том, что «мигранты усиливают криминогенную обстановку», хотя доля мигрантов в криминогенной статистике низка и стабильна. Основным объяснением существования данного мифа можно считать то, что дискурс СМИ в отношении миграции и мигрантов как таковых в большей мере связан именно с представлением негативной информации: особенно активно обсуждаются «жареные» факты мигрантской преступности, что искажает реальную картину.

Довольно стабильно существование мифа о том, что «миграция является экономически не обоснованной и представляет собой некое социальное зло». При этом экономические расчеты показывают, что на современном этапе развития страны экономике необходимы мигранты, они включены в формирование до 8% ВВП. Экспертные интервью, проведенные нами, показали, что значительная часть представителей органов государственной и муниципальной власти ряда регионов Сибирского федерального округа поддерживает данное утверждение, что сказывается на проводимой региональной миграционной политике. К примеру, в Новосибирской области стоимость патента для иностранных работников была резко увеличена в 1,67 раза в 2016 г. (первоначальное предложение министра труда НСО об увеличении в 3 раза, не было одобрено депутатами Законодательного собрания).

Новый миф, возникший на волне обсуждения европейского миграционного кризиса, касается реакционных утверждений: «миграция – угроза национальной безопасности» и/или «если не хотите видеть мигрантов, увидите боевиков». Основным объяснением в данном случае является особое освящение в СМИ террористических актов, где акцентируется внимание на организаторах как мигрантах.

Вследствие возникновения и стабильного существования подобных мифов коренное население регионов Сибири начинает ощущать себя как "этническое меньшинство", проживающее на своей территории, а мигрантское сообщество, регулярно пополняемое вновь прибывающими, начинает ощущаться как "этническое большинство". Подобные настроения, естественно, отрицательным образом сказываются на социально-психологическом климате. Поэтому преодоление негативных проявлений в общественных настроениях сибиряков (как и россиян в целом) должно быть связано с осуществлением эффективной политики по адаптации и интеграции мигрантов, а также осознанному пониманию того, что миграция населения становится долгосрочным трендом для регионов Сибири и Дальнего Востока.

Литература:

1. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; [пер. с англ. Т. Велимеева]. – М. : АСТ : АСТ Москва, 2006. – 573 с.
2. Мукомель В.И. Трансформация трудовой миграции: социальные аспекты / В.И.Мукомель // Россия реформирующаяся. 2012. № 11. С. 236-263.
3. Piore, M. J. (1979). *Birds of passage: Migrant labour in industrial societies*. Cambridge University Press, Cambridge.

Любовь как демографический фактор

Сазонова А.Л.

*Московский государственный университет путей сообщения (МИИТ), Россия,
Москва*

В ряду важнейших демографических факторов, таких как: темпы роста народонаселения, рождаемость и смертность, брачность и разводимость, дробление и укрупнение семей, миграции, изменение образовательного уровня людей, стоит, по нашему мнению, любовь между мужчиной и женщиной.

Способность любить это не только индивидуально-личностное свойство человека, а обязательный компонент совокупности социально значимых качеств индивида, способствующих гармоничной включенности личности в систему социальных отношений с одной стороны, осуществлению активной социальной деятельности по удовлетворению своих (не только в утилитарном смысле) потребностей, с другой. Отношения, основанные на любви (или каким-либо образом детерминированные любовью) - суть универсальный тип взаимодействия, заполняющий значительную часть нашей жизни с детства до старости. Любовь является важной составляющей внутреннего мира личности, особенным типом социальных взаимоотношений. Являясь одним из ключевых самовыражений жизни, любовь открывает человеку его сущность, отличную от других. Любовь является также важным компонентом смысла жизни, ибо занимает особое место в ряду главнейших свойств (смыслов) бытия людей, таких как самая жизнь человека, познание, труд, творчество, общение, свобода и ответственность, выполняя роль системно-образующего компонента, своеобразного общего знаменателя, дающего, по утверждению Эриха Фромма, – «единственный разумный и удовлетворительный ответ на вопрос о смысле человеческого существования»[7].

Любовь между мужчиной и женщиной занимает значительное место в жизнедеятельности россиян, о чём свидетельствуют, например, данные опросов ФОМ и «Левада-Центра» [9,10,11], собственных исследований [напр.1,3,4,5].

Большинство россиян (76%) признается, что для них важно ощущать себя любимыми[12]; более 80% довелось в жизни испытать настоящую любовь; почти $\frac{3}{4}$ имеют любимых женщин/мужчин [10].

Давая определение любви наши соотечественники, характеризовали любовь как "великое, высокое, самое главное чувство"; "важнейший элемент жизни, определяющий её суть»; нечто "возвышенное, светлое, прекрасное, невыразимое словами», без чего «..нет счастья", и даже "если нет любви, нет и жизни". Для многих любовь - это прежде всего понимание, доверие и уважение, постоянство в отношениях, верность и преданность, бескорыстие и самопожертвование. И, конечно, любовь - это семья, дети, теплые отношения между близкими родственниками, сексуальная гармония[3,9].

Исследования российских социологов-семьеведов и «молодёжников», начиная с 60-х гг. (в т.ч. наши собственные или с нашим участием), фиксировали прямую детерминацию любовью стабильности брака, брачно-семейных ориентаций, мотивацию вступления в брак и выбора супруга(см. работы А. Г. Харчева, С.И.Голода, И.С.Кона, В.П.Лисовского). Подавляющее большинство граждан видят в любви фактор супружеского счастья и условие удовлетворённости супружеством.

Занимаясь (на протяжении более 15 лет) проблематикой семьи, трансформаций ценностных систем в постсоветский период, феномена «любовь», анализируя результаты исследований по близкой проблематике, мы можем констатировать следующее.

Любовь присутствует во всех сферах жизнедеятельности общества, оказывая влияние на их функционирование и развитие, в свою очередь испытывая влияние культуры, религии, исторических традиций, экономических условий, ценностей общества, СМИ, ..., являясь, по сути, социальным концептом или социальным конструктом — порождением конкретной культуры или общества.

Любовь - безусловная ценность сознания, находящаяся на высоких и очень высоких ступенях ценностной иерархии сознания большинства (60-75%)

россиян.

Ценностное отношение к любви достаточно сильно детерминировано такими факторами как пол, возраст, уровень жизни, религиозность(традиционные для России конфессии).

Ценностное отношение к любви является достаточно сильной детерминантой личностных систем деятельности и поведения.

Среди людей (независимо от пола, возраста, региона проживания, других параметров), отнесших любовь между мужчиной и женщиной к высшим ценностям наблюдаются в среднем в 1,5-3,5 раза более высокие показатели оценки в группе гуманистических и гражданских ценностей как «высших» и, также, более высокие показатели в группе ценностей как «совсем не значимых». Т.е. относящие «любовь» к наиболее значимым ценностям, демонстрируют более высокий уровень социально значимых и нравственных качеств, характеризующих личность, чем группы мало или совсем не ценящих ее. Причем уровень устойчивый, т.е. по всей совокупности позитивных показателей. В описываемой группе меньше людей, находящихся на полюсах социально-статусной стратификации (бедные-богатые), больше работающих, высокообразованных, религиозных. Они более трудолюбивы, толерантны, бескорыстны, патриотичны, отзывчивы, сострадательны. В их окружении меньше циников, рвачей, эгоистов, прожигателей жизни, наркоманов и пьяниц. Представители этой группы больше верят в то, что для достижения успеха, благополучия в сегодняшней России, по-прежнему важны честность и принципиальность, способности и талант, образование и трудолюбие, отзывчивость к людям, и, меньше – в важность связей с нужными людьми, умения приспособиться, способности переступить законы и мораль, эгоизма, а также во власть денег (что полностью подтверждено компаративным анализом полученных в ходе ряда исследований данных последних лет).

Литература:

1. Возьмитель А.А., Осадчая Г.И., Красниковский В.Я., Сазонов А.А., Сазо-

нова А.Л. и др. Образ жизни в советской и постсоветской России: динамика изменений / Под общей редакцией А.А. Возьмителя и Г.И. Осадчей.- М., 2009.

2. Казакова Н.Д. Свобода и любовь как атрибуты бытия личности. Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 102-110

3. Киреев Е.Ю., Красниковский В.Я., Сазонов А.А., Сазонова А.Л. Молодежь Москвы: ценностные приоритеты, стратегии поведения и перспективы развития / под ред. А.А.Сазонова. – М., 2013.

4. Сазонова А.Л. Любовь и развитие личности. Социальная политика и социология. 2010. № 12 (66). С. 206-212.

5. Сазонова А.Л. Вопросы методологии и методики в исследовании социального феномена «любовь» в современном обществе. Материалы Ивановских чтений. 2015. № 5. С. 174-182.

6. Сазонов А.А. Методологические и методические вопросы построения социологической теории ценностей. Социальная политика и социология. 2007. № 3. С. 140-145

7. Фромм Э. Искусство любить.- М., «АСТ», 2014

8. Фромм Э. Иметь или быть.- М., «Прогресс», 1990

9. <http://pln-pskov.ru>

10. <http://fom.ru/TSennosti/10813>

11. http://bd.fom.ru/report/cat/val_/of010506

Миграция как фактор устойчивого развития сельских территорий

Сбитнева Н.А.

Алтайский государственный университет, Россия, Барнаул

В России сельская местность (обитаемая территория вне городских поселений) занимает две трети площади страны. Около 150 тыс. сельских населенных пунктов объединены в 24409 сельских администраций и 1865 административных районов. Вместе с тем, за последние 100 лет урбанизация России увеличилась более чем в 4 раза. А именно, доля населения в городских

районах увеличилась с 17,5% в 1914 году, до 74,2% в 2014 [8].

Для Алтайского края характерна высокая доля сельского населения – 45%. Это один из наиболее высоких показателей в Российской Федерации (в среднем по стране доля сельских жителей составляет 26%, по Сибирскому федеральному округу – 28%).

Рынок труда и миграция находятся в определенном взаимодействии. Влияние миграции на рынок труда проявляется в том, что миграционные потоки вносят заметные изменения в трудовой потенциал населения региона. В половозрастной структуре мигрантов около 2/3 трудоспособного возраста [4].

Для любой территории (субъекта РФ, города, села) наибольший интерес представляют такие объекты экономики, деятельность которых:

увеличивает/сохраняет доходы работающего населения;

создает/не сокращает дополнительные рабочие места;

увеличивает/ не уменьшает доходную часть бюджета;

сокращает/не увеличивает потребность в бюджетном финансировании содержания и ремонта жилья и других социальных объектов, благоустройства территории.

снижает/не увеличивает уровень цен и тарифов на товары и услуги, производимые в регионе (городе и т. п.) и используемые населением и всеми бюджетополучателями;

снижает/не увеличивает негативное воздействие хозяйствующих субъектов на окружающую среду, особенно в направлениях, наиболее значимых для данной территории;

улучшает/не ухудшает демографическую ситуацию (например, может снизить мотивации оттока населения) [3].

Созданию соответствующих условий по повышению уровня и качества жизни населения, устойчивому развитию сельских территорий способствует федеральная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года» (утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 15 июля 2013 г. № 598).

Программа это инструмент реализации государственной политики в области устойчивого развития сельских территорий, направления которой определены Концепцией устойчивого развития сельских территорий Российской Федерации на период до 2020 года (далее - Концепция), утвержденной распоряжением Правительства Российской Федерации от 30 ноября 2010 г. № 2136-р. Для её реализации на уровне региона используется механизм принятия долгосрочных и среднесрочных целевых программ [5].

В Алтайском крае постановлением Администрации Алтайского края от 02.08.2011 №420 утверждена долгосрочная целевая программа «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012-2020годы.

В результате реализации Программы предусматривается создание условий для увеличения занятости сельского населения и созданию новых рабочих мест, реконструкции и строительства объектов социальной сферы, развития транспортной инженерной инфраструктуры, развития местного самоуправления на селе [6].

Безусловно, цели и задачи сформулированные на федеральном и региональном уровнях стратегически важны, но практически упущен один из самых важных компонентов современной жизни, как в городской среде, так и в сельской местности – доступность основных направлений жизни.

Возможность свободно перемещаться между населенными пунктами, организуя свой путь: учеба – работа – дом – социальная жизнь. при этом не покидая пределы одного субъекта региона, является основой выбора места поселения.

Маятниковая миграция в Алтайском крае является важным источником формирования трудовых ресурсов, создает равноценные условия выбора места работы, профессионального обучения. На селе – способствует социальной мобильности населения, изменению социальной структуры сельских жителей, распространению городского образа жизни.

Выраженная маятниковая миграция, например, характерна для барнаульской городской агломерации благодаря развитой транспортной

доступности. Также в ряде организаций сложилась практика ежедневного подвоза работников из недалеко расположенных населенных пунктов собственным транспортом [2].

Этот положительный опыт мог быть использован и для сельской местности. Для этого необходимо решить проблему внутрирайонных маршрутов. Приоритетным направлением в данной работе должно стать не только предотвращение сокращения маршрутов, но и их увеличение, путем создания возможной альтернативы в виде «социального такси» для незащищенных слоев населения или в качестве одного из вариантов на базе дальнейшей диверсификации экономики сельской местности, развития несельскохозяйственной деятельности, повышение экономической активности населения и расширение источников формирования его доходов, организация предприятий по перевозке населения в самих селах. Также можно задействовать грантовую систему, значительно снизив их стоимость для сельской местности или применив льготные условия [1], [7].

*Работа подготовлена при поддержке РГНФ, проект №15-02-00367 «Внутрирегиональная миграция как фактор социально-экономической дифференциации муниципальных образований Алтайского края».

Литература:

1. Акишина М. Л., Фанненштиль А. А., «Формирование баланса трудовых ресурсов сельской местности в условиях роста маятниковой трудовой миграции» - Вестник Алтайского государственного аграрного университета №11 (109) / 2013 // [Электронный ресурс] <http://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-balansa-trudovyh-resurov-selskoy-mestnosti-v-usloviyah-rosta-mayatnikovoy-trudovoy-migratsii>.
2. В Алтайском крае растёт продолжительность жизни и отмечается «маятниковая» миграция // [Электронный ресурс] <http://www.doc22.ru/information/expert/4712-----lr->.
3. Внутренняя миграция: актуальные проблемы Фрагмент главы «Проблемы

удержания территории» из третьего тома монографии «Национальная идея России» // [Электронный ресурс] <http://rusrand.ru/ideas/vnutrennyaya-migraciya-aktualnye-problemy>.

4. Констанц Т. К. «Маятниковая трудовая миграция сельских жителей алтайского края» №43-2 Социологические науки // [Электронный ресурс] <http://novainfo.ru/article/5111>.

5. Постановление от 15 июля 2013 г. № 598 «О федеральной целевой программе "Устойчивое развитие сельских территорий на 2014 - 2017 годы и на период до 2020 года» Правительство Российской Федерации // [Электронный ресурс] <http://government.ru/media/files/41d47baf642258e68c1b.pdf>.

6. Постановление Администрации Алтайского края от 02.08.2011 №420 «Устойчивое развитие сельских территорий Алтайского края» на 2012-2020годы. [Электронный ресурс] http://www.altaregion22.ru/upload/iblock/638/497_14.pdf.

7. Стимулируем трудовую мобильность через маятниковую миграцию // [Электронный ресурс] http://trud22.ru/news/20160325_0405.html.

8. Урбанизация России // [Электронный ресурс] http://countrysmeters.info/ru/Russian_Federation.

Динамика этнической структуры США как фактор социально-экономических изменений

Сидорова Е.П.

Московский государственный лингвистический университет, Россия, Москва

На сегодняшний день Соединенные Штаты Америки занимают третье место среди крупнейших по населению стран мира. По данным ООН, на конец 2015 года в США проживало 321,8 млн. человек, что составляет 4,3% от населения земного шара. [1] По сравнению с 1950 годом, когда численность жителей США составляла 152,3 млн. человек, население увеличилось более, чем в два раза. Если подобная динамика сохранится, то население Соединенных Штатов увеличится до 438 миллионов человек к 2050 году. Темпы роста в

основном будут зависеть от интенсивности иммиграционных потоков, причем особенную роль будет играть их структура, так как большая доля лиц репродуктивного возраста среди иммигрантов еще более усиливает вклад миграции в прирост населения страны. Как отмечается в докладах Бюро информации по проблемам народонаселения, США сейчас стали «больше, старше и более разнообразны по этническому составу» [2], чем ранее. Сдвиги в демографической структуре неизбежно приведут к изменению лица нации в ближайшие десятилетия.

Стоит выделить несколько причин изменений этнического состава США в XXI веке в сторону большего разнообразия. Во-первых, на протяжении всего существования американского государства иммиграционные процессы в наибольшей степени влияли на прирост и возрастной состав населения США, и в ближайшие десятилетия роль этих процессов сохранится. В добавление к тому, что доля лиц трудоспособного и детородного возраста среди мигрантов выше, чем у коренного населения, и многие выходцы из других стран заводят первых детей уже прибыв в Соединенные Штаты, иммиграционная политика США также стимулирует мигрантов переезжать вместе со своей семьей. [3] Во-вторых, в связи с такими факторами, как репродуктивная способность и коэффициент смертности внутри групп, численность и, соответственно, доля представителей этнических групп в населении США будет меняться разными темпами.

Латиноамериканская группа, уже являющаяся самым значительным этническим меньшинством США, увеличится примерно в три раза и составит 29% от общего населения Соединенных Штатов в 2050 году. Азиатская этническая группа вырастет с 11 до 33 млн. человек, тем самым процент граждан США азиатского происхождения вырастет с 4 до 8% от общего населения страны. Афроамериканская этническая группа вырастет до 61 млн. человек к 2050 году, составив 15% от общего населения Соединенных Штатов. Численность «прочих рас» (американских индейцев, коренных жителей Аляски, гавайцев, уроженцев островов Тихого океана) вырастет с 7 млн. до 22 млн.

человек. Напротив, сегодняшняя титульная нация – белое население США в связи с замедлением темпов роста будет составлять менее половины (47%) от общего населения страны [4].

Существенные изменения произойдут также в возрастной структуре населения. Увеличение средней продолжительности жизни и снижение показателя рождаемости приведет к тому, что доля граждан старше трудоспособного возраста увеличится в два раза. В соответствии с существующими прогнозами, к 2030 году пятой части населения США будет 65 лет или больше. Количество американцев трудоспособного возраста снизится до 57%. [5]

Изменяющийся социально-демографический портрет американского общества влияет на целый ряд существующих социальных и экономических аспектов жизни государства. Увеличивающийся процент нетрудоспособного населения оказывает финансовое давление на систему государственного пенсионного обеспечения США. Рост населения и изменение его этнического состава также оказывают влияние на систему здравоохранения Соединенных Штатов и доступ населения к медицинским услугам. Существуют значительные различия в оказываемых видах медицинской помощи, состоянии здоровья и уровне смертности граждан, принадлежащих к различным этническим группам. Возрастет процент граждан США, страдающих тяжелыми заболеваниями, но не имеющих доступа к медицинскому страхованию.

Увеличение иммиграционных потоков станет существенным стимулом для экономики в связи с тем, что мигрируют как низкоквалифицированные, так и высококвалифицированные работники. Малообразованные иммигранты занимаются, преимущественно, физическим трудом и при этом, в силу плохого знания английского языка, не занимают ту нишу, в которой работают низкоквалифицированные американцы. Привлечение же высококвалифицированных мигрантов – ключевая составляющая экономического успеха Соединенных Штатов. Четверть американцев – лауреатов Нобелевской премии за последние 50 лет родились за границей,

также хорошо образованные мигранты внедрили треть инновационных разработок в США за последнее время [6]. Рост иммиграции при сохранении ее нынешней структуры может замедлить процесс старения населения, что дает на некоторое время возможность избежать политических, экономических и социальных проблем, связанных с этим процессом.

Можно с большой уверенностью утверждать, что к 2050 году восприятие роли иммиграции для США претерпит существенные изменения. В условиях, когда каждый пятый американец будет иммигрантом первой волны, иммиграция будет восприниматься обществом как основной источник прироста населения. В то время, как в среде коренного населения страны наблюдается снижение показателя рождаемости в условиях повышающегося уровня материального благополучия, дальнейший рост населения без притока мигрантов будет невозможен.

Литература:

1. United Nations, Department of Economic and Social Affairs World Population Prospects, the 2015 Revision. URL: <http://esa.un.org/unpd/wpp/>.
2. Scommegna P. U.S. Growing Bigger, Older, and More Diverse. URL: <http://www.prb.org/Publications/Articles/2004/USGrowingBiggerOlderandMoreDiverse.aspx>.
3. Wasem R.E. U.S. Immigration Policy on Permanent Admissions. URL: <https://www.fas.org/sgp/crs/homesec/RL32235.pdf>.
4. Passel J.S., Cohn D. U.S. Population Projections: 2005-2050. Report Feb. 11, 2008.
5. Colby S.L., Ortman J.M. Projections of the Size and Composition of the U.S. Population: 2014 to 2060. Population Estimates and Projections. URL: <http://www.census.gov/content/dam/Census/library/publications/2015/demo/p25-1143.pdf>.
6. Peri J. Berkeley Review of Latin American Studies, Fall 2013. The Economic Benefits of Immigration. URL: <http://clas.berkeley.edu/research/immigration->

economic-benefits-immigration.

Семья как система: состав, структура, функции

Сизоненко З.Л.

Уфимский государственный авиационный технический университет, Россия,

Уфа

Уникальное свойство семьи самовоспроизводиться изнутри, существовать и развиваться вопреки и под влиянием социальной и природной среды, традиционно анализируется в терминах социальной группы или института. Следует отметить, что в семье наилучшим образом проявляется системный признак: целое превосходит сумму частей, его составляющих, что, в свою очередь, детерминирует обращение к системному подходу и представление семейной системы.

Элементами семейной системы в практическом понимании выступают индивиды-члены семьи, в теоретическом – индивиды, обладающие семейными статусами и ролями. Последние являются элементами семейной структуры социокультурного происхождения. Биологически может быть обусловлено только родительство/родство. Соответственно в статусном наборе семейной системы присутствуют как биологические, так и социальные феномены, причем в современном обществе с демографическими характеристиками суженного воспроизводства последние, как правило, доминируют: это супружество, небιологическое родительство/родство, свойство, опекунство.

Направленные на них нормы-регуляторы социальных ролей и повседневных практик обусловлены потребностями прежде всего социума. Интересы и потребности индивида через семейную систему трансформируются и приводятся в соответствие с общественными требованиями. Последние декларируются и навязываются семейной системе через институты государства, образования, религии, бизнеса. Так социум, как система высокого порядка (по отношению к семье), формирует нормативный идеал самой семейной системы и индивида, воспроизводимого и управляемого посредством того же

механизма.

Ни одна семейная система сознательно не ставит целью воспроизводство общества и его структур. Эта мысль четко сформулирована в монографии Ф.А. Мустаевой: «Семья сама по себе не вырабатывает какие-либо особые функции по отношению к обществу... Вся деятельность, которой занималась и занимается в наше время семья, направлена в первую очередь на обеспечение ее собственного функционирования. Дети рождаются либо по естественным законам природы, либо на основе желания супругов иметь их, когда существуют какие-либо способы регулирования их численности. ...Никаких прямых обязательств перед обществом семья на себя не берет» [1, 21-22]. Но удовлетворяя индивидуальные потребности своих членов, семья способна выполнять функцию воспроизводства как физического, так и социального.

Для понимания функционирования семейной системы важно обозначить ее границы и с этих позиций охарактеризовать структурный состав. Визуально территориальной границей семейной системы может выступать жилище. Однако в условиях научно-технического прогресса «мобильный» индивид может находиться вне «семейного очага», но при этом не терять связи с другими членами семьи, быть в курсе событий и даже обладать властными полномочиями по отношению к некоторым из них (например, отсутствующий родитель может управлять детьми и контролировать их на расстоянии). Современные средства коммуникации позволяют не только слышать, но и видеть собеседника, находясь на другом конце планеты (или даже вне ее – на борту космического корабля).

Поэтому очертить границы семейной системы, назвав лишь координаты домохозяйства (домашний адрес), невозможно. Тем более, что семейная система может состоять из нескольких локальных домохозяйств, но поддерживающих тесные контакты и реципрокные обмены. Так выглядят семейные системы, включающие активную родительскую семью и семьи взрослых детей. Родительская семья здесь выступает в качестве «ядра» семейной системы. За ним(ядром) закрепляются жизненно важные для системы

в целом функции:

- 1) регулятора взаимодействий (как личных контактов, так и информационного обмена) между всеми элементами,
- 2) распределения и перераспределения ресурсов,
- 3) «связи с общественностью»: позиционирование семейной системы вовне с целью продвижения кого-либо из членов семейной системы, получение информации с целью обретения дополнительных ресурсов жизнеобеспечения (это особенно актуально для поколения социализированных при «этакратизме» прародителей, наиболее остро ощутивших правовую и финансовую безграмотность в настоящих социально-экономических условиях),
- 4) сохранения семейных традиций, организации и проведения ритуальных мероприятий (в терминах организационного подхода – формирование корпоративной культуры).

От «ядерной» семейной группы фактически зависит целостность и эффективность семейной системы. Она упорядочивает связи между элементами, придает целостность системе. Функции, выполняемые ею, подчиняются «коммунистическому» принципу «от каждого по способностям, каждому – по потребностям».

Ядерная группа может содействовать как интеграции, так и дезинтеграции семейной системы. Обладая информацией о ресурсах и потребностях остальных элементов, возможны действия (слова, поступки), ущемляющие чьи-то интересы, что может стать поводом для конфликта внутри семейной системы и даже ее разрушения. Это в большей степени психологический аспект проблемы функционирования семейной системы, но важный для социологического понимания ее динамики.

Элементный состав семейной системы изменчив, хотя большинство групп стремится в идеале к его сохранению и приумножению, но в случае, если индивиды не подчиняются правилам, нормам поведения, прежде всего внутрисемейным, система может «выбраковывать» отдельных элементов, что, в свою очередь, определенным образом характеризует саму систему.

«Исключение» из системы возможно и при недостаточности ресурсов для удовлетворения потребностей всех индивидов, входящих в ее состав первоначально. Это касается прежде всего недееспособных членов семьи, жизнедеятельность и обеспечение которых сопряжено как с материальными, так и иными издержками. В такой ситуации имеет место отречение (полное либо частичное) от неполноценного члена семьи (например, помещение его в интернатное учреждение). Семейная система может исключать отдельных членов и под внешним давлением: например, известные в истории факты принуждения к «отречению» от отца/матери/родителей/супруга или иных родственников в условиях тоталитаризма. Все это подтверждает уязвимость семейных систем от агрессивной внешней среды. Примеры сопротивляемости семейных систем внешнему давлению – суть свидетельство способности семейной системы в случае необходимости находить ресурсы для противостояния и защиты собственной целостности. Слабость либо, напротив, сила сплочения элементов системы обусловлена наличием соответствующих ресурсов, прежде всего социокультурных/интеллектуальных...

Литература:

1. Современная российская семья: противоречия функционирования и развития: монография / под ред. Ф.А. Мустаевой. – Магнитогорск: МаГУ, 2013. – 292 с.

Вопросы браков и разводов в работах В.В. Розанова

Силантьева А.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В патриархальной России, вплоть до 1914 года, разводы были редчайшим явлением, поскольку бракоразводные процессы находились в церковном ведомстве[2]. Добиться расторжения брака было практически невозможно, единственной весомой причиной считался факт измены, который необходимо было доказать. В связи с этим среди интеллигенции появилось множество людей, чувствующих потребность в изменении брачного законодательства.

В 1903 году выходит сборник статей В. В. Розанова под названием "Семейный вопрос в России", выразивший новый взгляд на проблему растущего числа незаконных сожительства и незаконнорожденных детей. Автор данного издания считает главной проблемой, повлекшей за собой вышеупомянутые последствия, свидетельствующие о кризисном положении института семьи, а именно затруднительную процедуру развода. По его мнению, причины развода определяют саму сущность брака: если основанием развода считать лишь измену, то и истинным браком можно назвать уже тот брак, где супруги хранят верность. Но при этом мужу и жене не обязательно, например, любить друг друга и уважать. Законные браки, а именно церковно признанные, во многом уступают сожительствам двух любящих друг друга людей, которым по каким-либо причинам не удалось получить развод и узаконить свой брак, поскольку такие союзы в большей степени существуют по любви и согласию, а не по принуждению. С точки зрения автора, облегчение процедуры развода решит проблему незаконных сожительства и, как следствие, снизит число незаконнорожденных детей.

В. В. Розанов в данной связи критикует Христианскую религию за традиции византизма, превратившую брак из сожития любящих людей (полосочетания) в некое таинство, основанное на обряде венчания. Ставить обряд выше чувств автору кажется неприемлемым. Спор с Христианством публицист продолжает в отношении материнства и деторождения. Рождения свято по природе своей, оно олицетворяет жизнь, а христианская религия проповедует девство и безбрачие, тем самым объявляя рождение грехом. Именно поэтому автор называет данную религию «религией смерти». Девушки и женщины, родившие вне брака, убивают младенцев, поскольку церковь с детства внушает им, что родить при таких обстоятельствах стыдно, с чем автор активно спорит, возвращаясь к теме «святости» факта рождения и материнства. В. В. Розанов выступает за упразднение термина «незаконнорожденный» в отношении детей, говоря, что все рождения законны [3].

Учение В. В. Розанова о семье имело достаточно радикальную направ-

ленность, противостояло укоренившейся церковной традиции. Оно не могло оставить равнодушным человека, ознакомившимся с ним. Публицисту приходило множество писем, с которыми также можно ознакомиться в фундаментальном вышеупомянутом сборнике, выражавших поддержку его реформаторских идей. В большинстве своём, это были люди, столкнувшиеся на личном опыте с трудностями развода или невозможностью усыновить собственных детей, как, собственно, и сам автор. Но и шквал критики был обрушен на автора. Многие считали, что он сам не ведает, что творит, свобода развода обернётся ещё большим количеством незаконных сожительства и возросшим в разы числом незаконнорожденных, что и произошло с приходом к власти большевиков, ответивших первыми изменениями брачного законодательства на требования интеллигенции выходом следующих документов: Декрет ВЦИК и СНК РСФСР «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» (1917 г.), «Кодекс законов об актах гражданского состояния, Брачном, Семейном и Опекунском праве» (1918 г.), «Второй советский Кодекс о семье, браке и опеке» (1926 г.) [1].

С уверенностью можно сказать, что великий русский публицист В. В. Розанов всю свою жизнь следовал благородной цели: боролся за чистоту и святость семьи и пытался спасти семейный институт от кризиса. К сожалению, предложенные им методы оказались неэффективными и возымели противоположный эффект.

Литература:

1. *Дорохина О.В. , Синельников А.Б.* Брак и развод в России с точки зрения формальных и неформальных норм // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. Т. 15. 2015 №3. С. 25 – 26.
2. *Иванова Е.И.* Трансформация брачности в России в XX веке: основные этапы // Население и общество. - №4. – 2002. URL: http://demoscope.ru/weekly/knigi/konfer/konfer_010.html
3. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Семейный вопрос в России./ Под общ.

ред. А.Н. Николюкина – М.: Республика, 2004.

Демографические последствия стремления к личной независимости

Синельников А.Б.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Некоторые социологи и демографы полагают, что сожитительство, – это особая форма брака, более подходящая, чем законное супружество, для многих современных людей, дорожащих своей личной независимостью [2; 4]. В 2015 г. в Уфе и Московской области Институтом социологии РАН совместно с кафедрой социологии семьи социологического факультета МГУ было опрошено 1001 человек (440 мужчин и 561 женщина). Респонденты должны были определить ранг каждой из 15 ценностей. Чем ближе средний ранг ценности к 1, тем большее значение она имеет. Мужчины, состоящие в «гражданском браке» (средний ранг 5,81) ценят свою личную свободу больше, чем официально женатые (6,99) и даже, чем холостые (6,55). Разница между состоящими в законном и в «гражданском» браке (1,18) значима ($t = 2,19$). Если мужчина не женился на своей сожительнице, то он, вероятно, опасается, что брак ограничит его личную свободу. Средний ранг ценности свободы и самостоятельности в жизни составляет у замужних женщин 8,02, а у незамужних – 6,83. Различие значимо ($t = 3,39$). Состоящие в «гражданском браке» - посередине между замужними и незамужними (средний ранг 7,26).

Мужчины и женщины по-разному понимают «гражданский брак». Среди мужчин, состоящих либо в законном, либо в «гражданском» браке, на долю последних приходится 14%, среди женщин – 20%. Различие значимо ($t = 2,05$). Многие женщины считают, что состоят в «гражданском браке», но их сожители утверждают, что сами в браке не состоят. Мужчины, состоящие в «гражданском браке», ценят личную свободу выше, чем женщины с тем же брачным статусом.

Среди женщин моложе 35 лет, состоящих в зарегистрированном браке и имеющих детей, средний ранг ценности «свобода и самостоятельность в жизни» составил среди состоящих в зарегистрированном браке – 8,30, а среди

матерей этого возраста, не состоящих в браке – 4,83. Различие значимо ($t = 3,79$). Матери, состоящие в «гражданском» браке (средний ранг 6,35), занимают промежуточное положение между замужними и незамужними. Если родители ребенка не зарегистрировали брак даже после его рождения, то, вероятно, они сомневаются в прочности отношений. Широкая распространенность и социальная приемлемость сожительских и неполных семей с детьми – это проявления кризиса семьи как социального института.

Многие женщины не хотят зависеть от супругов или сожителей, но согласны зависеть от детей. Они рожают вне брака, или разводятся с мужьями и вновь замуж не выходят, хотя и могут. Есть мужчины и женщины, которые готовы принять на себя обязательства, связанные с браком или сожительством, но не желают обременять себя заботой о детях и решают никогда их не иметь. Но полностью независимыми могут только совершенно одинокие люди.

На официальном сайте переписи населения 2010 г. (www.perepis-2010.ru) опубликована в открытом доступе база микроданных выборочного наблюдения поведенческих факторов, влияющих на состояние здоровья населения, проведенного Росстатом в 2013 г. и охватившего 15875 респондентов во всех субъектах РФ [6]. Это дает возможность строить в режиме онлайн таблицы по комбинации ответов на несколько вопросов анкеты, что и сделал автор этой статьи, используя такие признаки, как пол, возраст, число членов домохозяйства, а также вопрос: «Возникает ли у Вас чувство одиночества?». Ответившие «очень часто» и «скорее возникает, чем нет» считались ощущающими одиночество. Среди респондентов, живущих в частных домохозяйствах из двух и более лиц (т.е. в семьях), таких оказалось 22%, а тех, которые живут одни – 54%. Среди семейных мужчин – 17%, среди тех, которые живут без семьи, – 45%, а у женщин соответственно 31% и 57%.

В возрастах до 29 лет только 13% мужчин, живущих в семьях, ощущают свое одиночество, а в возрастах старше 60 лет – 21%, т.е. лишь на 8% чаще. Среди мужчин, которые живут одни, доля психологически одиноких повышается от 25% у молодых до 62% у пожилых, т.е. на 37%. Среди молодых

женщин, живущих в семьях, ощущают одиночество 22%, а среди пожилых – 31%, т.е. на 9% больше. Среди женщин, которые живут одни, доля ощущающих это чувство, повышается от 33% у молодых до 60% у пожилых, т.е. на 27%.

Неженатые мужчины и незамужние женщины, живущие с родителями, могут считать себя одинокими из-за отсутствия собственных семей, если иметь свою семью считается в обществе нормой, а у большинства людей в их возрасте есть супруги и дети. Среди женщин, которые живут в семьях, процент психологически одиноких не так уж мал: 25% во всех возрастах от 30 до 59 лет и 31% – после 60 лет. Однако гораздо выше эти показатели у тех женщин, которые живут одни: 45% - в возрастах от 30 до 39 лет, 55% у 40-49 летних, 54% - у 50-59-летних, 60% - у 60-летних и старше. (Рассчитано по: [6])

Социальные нормы, которые многие люди считают устаревшими, всегда требовали, чтобы все здоровые взрослые люди (кроме принявших церковный или монашеский обет безбрачия и некоторых других категорий лиц) вступали в брак и имели детей. Эти неписанные законы необходимы для выживания общества [5, с. 139]. Современное российское общество может позволить себе лишь минимальный уровень безбрачия и бездетности, так как в нашей стране очень мало многодетных семей, которые являются как бы демографическим противовесом для тех, у кого детей нет [4, с. 290]. Но даже среди демографов есть люди, считающие эти социальные нормы насилием общества над личностью и нарушением прав человека, в число которых они включают право на безбрачие и бездетность [1; 3]. Однако если поставить демократические критерии прав человека и свободы личности выше демографического критерия выживания общества, то оно совершит демографическое самоубийство и пользоваться правами человека будет некому.

Литература:

1. Вишневецкий А. «Семья эволюирует...» // Иностранная литература. №5. 2011. С. 256-264.
2. Исупова О. Российские консенсуальные союзы начала XXI века (по дан-

ным международного сравнительного исследования) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 2 (126) 2015. С. 153-164

3. Исупова О.Г. "Чайлдфри", или добровольная бездетность // Демоскоп Weekly. 2010, № 427-428. <http://demoscope.ru/weekly/2010/0427/gender01.php> (дата обращения: 11.04.2016).

4. Население России 2010–2011: восемнадцатый—девятнадцатый ежегодный демографический доклад / отв. ред. А. Г. Вишневский; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2013. – 530 С.

5. Синельников А.Б. Супружество, отцовство и материнство в российском обществе // Социологический журнал. № 4. 2015. – С. 132-148.

6. Федеральная служба государственной статистики / Построить таблицу.../Выбрать тему/ Выборочное наблюдение поведенческих факторов. URL: <http://std.gmcrosstata.ru/webapi/jsf/tableView/customiseTable.xhtml>, (дата обращения: 12.04.2016).

Причины разводов по материалам региональных обследований 2011-2015 годов*

Синица А.Л.

Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Вступление в брак и его прекращение являются сложными и в настоящее время недостаточно изученными вопросами. В значительной степени это связано с недостаточным объемом собираемых Росстатом сведений и малым числом социологических обследований на региональном уровне. Дополнительную сложность им придает либерализация семейных отношений в общественном сознании, которая особенно ярко проявилась в новых социально-

---

* Публикация подготовлена в рамках гранта РФФИ № 15-06-09027 «Причины и последствия дифференциации демографического развития регионов России и возможности ее сокращения».

экономических условиях. В результате потребность в работах, в которых изучаются установки брачности и разводимости, крайне высока.

Целью нашей работы является изучение причин, которые могут служить поводом для развода или препятствовать ему. Базой для нее послужили три обследования, проведенные в г. Тольятти (2011 г.), Астраханской области (2011 г.) и Волгоградской области (2014-2015 годы). В них было опрошено 240, 1000 и 1728 человек соответственно (всего 2928 человек).

Статистический анализ разводимости в России в целом проводился во многих работах, однако, ее причины изучены не столь подробно. Существует много работ, в которых изучаются последствия развода для детей или причины вступления в брак (а уж тем более существует много работ, посвященных изучению репродуктивных установок). Социологических обследований, в которых изучаются мотивы расторжения брака гораздо меньше. Между тем, они важны для разработки эффективной демографической политики.

Какие причины развода выделяются в обследованиях?

По данным обследования студентов, проведенного в г. Тольятти, у девушек доля ответов относительно причин, могущих послужить причинами развода распределились так: неверность (37,1%), конфликты (23,6%), разные взгляды (16,4%), финансовое положение (9,3%), ревность (8,6%), другое (5,0%). Ответы юношей различались долями, а не порядком мест: неверность (45,6%), конфликты (19,9%), разные взгляды (17,1%), финансовое положение (11,4%), ревность (5,7%), другое (0,3%) [1, с. 192].

В обследовании населения, проведенном в Волгоградской области, рассматривались как причины, ведущие к разводу, так и факторы, препятствующие ему, в разбивке по возрастным группам (18-23, 25-30, 35-45, 50-60 лет), но без выделения пола респондента. К наиболее важным причинам развода были отнесены: постоянная (многократная) супружеская неверность (64,6-81,4%), грубое, жестокое обращение в семье (64,9-72,9%), возникновение чувства любви к другому человеку (35,6-47,9%), изначальное отсутствие чувства любви между супругами (32,9-47,3%), злоупотребление спиртными

напитками (34,0-37,6%), безответственность перед семьей (29,1-34,3%), однократная супружеская измена (18,4-30,3%), утрата чувства любви между супругами (19,9-23,2%). 10-20% также признали уважительной причиной для развода лишение свободы или длительное безвестное отсутствие [2, с. 138].

Среди факторов, препятствующих разводу, наиболее значимыми оказались: наличие общих детей (68,5-76,8%), чувство любви друг к другу (53,2-75,6%), устранение причины развода (45,0-51,6%), вмешательство родственников, друзей или знакомых (10,7-18,1%), несогласие одного из супругов расторгнуть брак (11,8-17,0%), боязнь одиночества (8,6-15,3%) [2, с. 139].

В обследовании, проведенном в Астраханской области, также изучались причины разводов и факторы, препятствующие этому. Основными причинами развода являлись вмешательство родственников в дела семьи (20%), отсутствие собственного жилья (17%), невозможность прокормить семью (16%), алкоголизм, наркомания одного из супругов (16%). Длительное раздельное проживание и тюремное заключение набрали 10% и 3% соответственно [3, с. 124].

К факторам, препятствующим разводу, были отнесены невозможность «поделить» детей между родителями (14%), сложности с разделом жилья, имущества (12%), материальная зависимость, несамостоятельность одного из супругов (12%), несогласие на развод одного из супругов (11%). При этом 18% респондентов отметили, то непреодолимых препятствий нет и развестись можно всегда [3, с. 124].

Среди ответов о причинах развода наблюдается отсутствие единства: общих для всех трех обследований причин нет. Более того, два первых обследования проводились среди обычных людей, а последнее – среди лиц, уже оформляющих развод в органах ЗАГС. В частности, среди реальных причин отсутствовала супружеская неверность, что удивительно, так как она занимает одно из первых мест среди потенциальных причин разводимости, а рождение ребенка является одним из важных факторов вступления в брак. Возможно, это

связано с методологией обследования и требуется дополнительная работа для прояснения данного вопроса.

Среди реальных причин развода также отсутствует близкая потенциальная причина – любовь. Более того, реальные причины развода имеют очень практическую направленность, что также поднимает вопрос о необходимости более тщательного изучения причин разводимости.

Следовательно, необходимы региональные обследования с большим числом респондентов и максимально унифицированной методологией.

Наиболее серьезным фактором, препятствующим разводу, являются наличие детей. Второй общей причиной для обоих обследований является нежелание развода одним из супругов.

Прочие причины различались. Следует отметить, что среди потенциальных факторов, препятствующих разводу, не были отмечены материальные, что также свидетельствует о необходимости более глубокого изучения таких факторов и проведении обследований среди людей, столкнувшихся в своей жизни с разводом.

Крайне негативным результатом является наличие большой доли людей, для которых причин, препятствующих разводу, нет. Это свидетельствует о значительной слабости института семьи и необходимости его более активной государственной поддержки.

Литература:

1. Шингаркина Д.А. Изучение представлений современной студенческой молодежи о браке // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2012. – № 2. – С. 188-193.
2. Антонов Г.В. Сравнительный анализ брачно-семейных установок разных поколений: на примере Волгоградской области // Научный диалог. – 2015. – № 3 (39). – С. 134-149.
3. Рогов А.В. Особенности брачно-семейного поведения: региональный аспект // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. – 2013. – № 3 (6). – С. 122-125.

Риски демографических факторов развития пенсионной реформы

Соловьев А.К.

Пенсионный фонд Российской Федерации, Россия, Москва

Учитывая демографические изменения в структуре населения для принятия экономически обоснованного решения по пенсионному возрасту необходимо рассматривать в непосредственной взаимосвязи с наиболее важным фактором сбалансированности страховой пенсионной системы – макроэкономической стратегией государства, поскольку пенсионные обязательства перед населением являются самыми долгосрочными в стратегических программах развития любой страны. Поэтому пенсионные параметры должны применяться как базовые факторы долгосрочного социально-экономического развития государства и целевые макроэкономические параметры.

Повышение пенсионного возраста рассматривается как важнейший инструмент преодоления «бюджетного кризиса» и залог долгосрочной устойчивости государственной пенсионной системы. Повышению пенсионного возраста придается статус структурной реформы, обеспечивающей соответствие ПФР рыночным экономическим и социальным отношениям. При этом традиционно ссылаются на благополучные во всех отношениях западные эталоны пенсионных систем, где возраст назначения пенсий установлен на уровне 65 лет и даже выше, не акцентируя внимания на макроэкономические и социальные условия, в которых функционируют все успешные западные пенсионные системы.

Анализ именно этих условий, профессиональное изучение институциональных особенностей образцовых западных пенсионных систем с целью сопоставления с отечественными характеристиками позволяет выявить принципиальные различия. Большинство экспертов предлагают установить линейную зависимость динамики общей продолжительности жизни населения с нормативным пенсионным возрастом, а также с пенсионной «нагрузкой» на экономику. Другие экспертов обосновывает необходимость повышения

пенсионного возраста на основе той же динамики ОПЖ с социологических позиций, исходя из нехватки рабочей силы на рынке труда и роста числа работающих пенсионеров сокращения рождаемости и т.п.

Исследования автора доказывают обратное: 1) пенсионный возраст должен рассматриваться как одна из параметрических характеристик национальной пенсионной системы, которая является производной не только и не столько от демографических условий, сколько от макроэкономических особенностей конкретной страны; 2) сторонники линейной зависимости возрастного норматива назначения пенсии от общей продолжительности жизни игнорируют законодательно установленный факт – страховой механизм формирования пенсионных прав работников, который в отношении пенсионного возраста имеет ключевое значение. Поскольку в страховой пенсионной системе возраст назначения пенсии является производной величиной от продолжительности трудового стажа и продолжительности периода выплаты страховой пенсии. Однако при установлении этой возрастной границы исходными параметрами должны служить фонд зарплаты и структура рынка труда.

Взаимозависимость факторов определяет условия реализации базового страхового принципа современной пенсионной системы - эквивалентность пенсионных прав и пенсионных обязательств, который означает, что увеличение пенсионного возраста автоматически приведет к увеличению пенсионных прав, которые неизбежно придется «отдать» каждому застрахованному лицу. А экономия бюджетных расходов на невыплате отложенного назначения пенсии достигается исключительно за счет недоживших до нового возраста граждан. Однако такой «источник» бюджетной экономии имеет жесткие социально-демографические ограничения – сохраняется высокий уровень смертности пожилого населения, особенно – мужчин. При действующем пенсионном возрасте до пенсии доживают только две трети мужчин, начавших трудовую деятельность в 20 лет. При сдвиге возраста на 5 лет – до пенсии доживет значительно меньше половины мужчин,

что не соответствует международно-принятым нормам и рекомендациям МОТ по минимальным нормам социальной защиты цивилизованного государства, и превращает государственную пенсионную систему.

Кроме демографии необходимо учитывать неуклонно возрастающую в условиях рыночной экономики значимость таких внешних факторов, как *макроэкономика и уровень развития рынка труда*, в которых эти пенсионные права будут формироваться. Успешная зарубежная практика материального обеспечения пенсионеров показывает, что именно макроэкономика и социально-трудовые отношения определяют институциональный формат пенсионной системы, который регламентирует экономические отношения между всеми ее участниками: работника, работодателя и государства.

В нашей стране, которая до сих пор не завершила переходный период от «развитого социализма» к «развитому рынку» именно макроэкономические и трудовые факторы играют ключевую роль в создании нормальных условий для любых изменений сложившихся параметров выхода на пенсию, как на «общих основаниях», так и на «льготных».

Как наглядно демонстрирует сравнение России с странами ОЭСР в сопоставимых условиях периода «дожития», в течение которого должна выплачиваться государственная пенсия, ни в обозримом прошлом, ни в настоящее время демографических оснований для аврального повышения возраста назначения пенсии нет. Кстати говоря, долгосрочный прогноз Росстата также показывает о наличии большого отставания темпов увеличения продолжительности жизни старших возрастов от западного населения. Экономической и социальной политики цивилизованного государства нормативный показатель пенсионного возраста рассматривается как важнейший, если не ключевой инструмент долгосрочного регулирования не только пенсионной системы, но и макроэкономической системы страны. Поэтому пенсионный возраст должен быть поставлен в один ряд с тарифной политикой формирования пенсионных прав (отношения работника и работодателя) и институциональной формацией пенсионной системы

(отношения застрахованного лица и страховщика: солидарного или индивидуально-накопительного).

Основные выводы заключаются в том, что решение проблемы пенсионного возраста необходимо принимать исходя из экономических расчетов, а не популистских соображений, ориентированных на «западный опыт». Поэтому критерием экономической эффективности пенсионного возраста следует считать не достижение тактических (конъюнктурных) результатов (сокращение текущих расходов госбюджета, привилегии отдельным категориям граждан), а обеспечение выполнения главной функции страховой пенсионной системы – долгосрочной (актуарной) эквивалентности пенсионных прав застрахованных лиц и пенсионных обязательств государства. Для этого необходимо завершить страховую пенсионную реформу, которая позволит в процессе стратегического планирования и прогнозирования вывести бюджет ПФР из сферы влияния госбюджета, со всеми вытекающими последствиями.

Сравнительный анализ: портрет современной женщины 18-30 лет и современного мужчины 18-30, на основе результатов исследования "Влияния социальных сетей на формирование отношения современной молодежи к семье"

Сонюшкина К.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

В современной науке семья рассматривается, как один из основных социальных институтов, который выполняет возложенные на него функции, в том числе и функцию воспроизводства поколений и воспитания детей. По сути, семья представляется уникальной структурой, которая удовлетворяет множество потребностей человека.

По определению А. И. Антонова, семья — это основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство

населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи. [1, стр. 44]

Для современной семьи характерна ориентация на личностные, а не только на статусные характеристики индивидов в ситуации брачного выбора. Изменяются отношения и родителей с детьми.

Е. Вовк в рамках своей работы провела социологическое исследование, в котором выявила составляющие отношения россиян к реализации семьей репродуктивной функции и многодетности семьи. Согласно полученным результатам более половины респондентов ассоциировало многодетность с нищетой, девиантным поведением, проявлением безрассудства, аморальностью, неспособностью к самоконтролю. Положительные ассоциации возникли только у пятой части опрошенных. [2]

Во многом система ценностных ориентиров относительно семьи у молодежи формируется в целом исходя из положения данной социальной группы. Социальное положение современной молодежи определяется уровнем ее экономического благосостояния, статуса, личностных приоритетов. Приоритеты молодежи определяются системой ценностей, наиболее предпочтительных для каждого отдельного молодого человека либо группы людей, а так же социальными проблемами, которые являются приоритетными для современных молодых людей.

Таким образом, семья на современном этапе является и продолжает оставаться одним из базовых социальных институтов. Процесс трансформации семьи приводит к изменению роли и статуса семьи в современном обществе, а также приоритета проблем семьи, тенденций и стратегий ее развития, в том числе и на уровне выполнения ей функций. Современная семья утратила часть своих функций, однако, при этом, на нее также возлагаются и новые дополнительные функции, которые актуальны для современного общества.

Гипотеза исследования - молодежь использует социальные сети только общения и развлечения, они не могут коренным образом повлиять на формирование семейных ценностей молодежи

В исследовании влияния социальных сетей на формирование отношения современной молодежи к семье приняли участие 285 женщин и 45 мужчин в возрасте от 18 до 30 лет.

Большая часть современной молодежи, принявшая участие в исследовании влияния социальных сетей на формирование отношения современной молодежи к семье, проживает в Москве. Большинство современных молодых людей обладает высшим образованием. Они религиозны, в основном являются представителями православного христианства.

Современные женщины 18-30 лет чаще вступают в брак, чем мужчины в этом же возрасте. 56% женщин состоят в официальном браке, а 61% мужчин никогда не вступали ни в гражданский, ни в законный союз. Более половины женщин имеют одного или нескольких детей, в то время, как лишь 16% мужчин являются отцами. Однако для большинства молодежи создание семьи является либо главной целью, либо одной из ключевых. Образование является наиболее значимым для женщин, а построение карьеры для мужчин.

Одними из наиболее важных ценностей среди современной молодежи является здоровье и любовь. Сожительство является приемлемой формой отношений для половины современной молодежи, однако все же является наиболее привлекательной для мужчин.

При выборе будущего супруга/супруги для молодежи в наименьшей степени значимым критерием является внешность. Таким образом, результаты данного исследования опровергают известный стереотип о том, что женщинам от мужчин нужны лишь деньги, в то время как мужчины падки лишь на красивую женскую внешность.

Необходимо отметить, что мужчины проявляют больший уровень терпимости к недостаткам и вредным привычкам своей партнерши. Женщины в свою очередь проявляют категоричность, и в большей степени склонны к прекращению матримониального союза и разрыва сожительства по причине невозможности принятия вредных привычек супруга или сожителя.

Современная молодежь является активными пользователями социальных сетей. Там они проводят более 3 часов день. Как правило, молодые люди в социальных сетях общаются с друзьями, читают новости, слушают музыку и смотрят фильмы.

Тема семьи и семейных ценностей представлена в социальных сетях. Около половины респондентов регулярно видят публикации о семье в социальных сетях, причем из них 53% женщин и 25% мужчин следят за новостями пользователей, делающих подобные посты. Делать публикации о своей семье допустимо для половины респондентов, однако другая половина женщин и мужчин считают, что посты о своей семье нельзя «выкладывать на всеобщее обозрение».

По мнению современной молодежи в социальных сетях в наибольшей степени транслируются материальные ценности, а также значимость юмора, самореализации, любви и путешествий. Мужчины и женщины обратили внимание на то, что социальные сети также являются транслятором пошлости и развязности современного общества. 1\10 мужчин и 1\4 женщин отметили, что в социальных сетях отражаются семейные ценности. Получается, что в социальных сетях присутствует тема семьи и семейные ценности транслируются там, однако иные ценности, например, юмористические, отражаются в значительно большем объеме вне зависимости от тематики того или иного сообщества в социальных сетях. Однако другие ценности, нашедшие свое наибольшее отражение в социальных сетях, способны оказывать влияние на ценностные категории современных мужчин и женщин. Так, например, представители современной молодежи отметили, что одними из ключевых ценностей на данный момент для них является значимость индивидуальности и самореализации. Эти ценности также были выделены современными мужчинами и женщинами, как ценности, транслируемые в социальных сетях.

Таким образом, гипотеза о том, что молодежь использует социальные сети для развлечения и общения, и они не могут коренным образом повлиять на формирование отношения современной молодежи к семье, подтверждена

частично. С одной стороны, социальные сети оказывают воздействие на формирование ценностно-категориального аппарата молодежи, но только в том случае, если определенные темы крайне широко и полно раскрыты и задействованы в социальных сообществах и группах. С другой стороны, тема семейных ценностей далеко не является одной из центральных в социальных сетях, в связи с этим они не могут коренным образом повлиять на формирование отношения современной молодежи к семье.

Литература:

1. Антонов А.И. Социология семьи.- Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М, 2007, стр. 44.
2. Вовк Е. Многодетность как ценность и практика: образы многодетных семей //Социальная реальность – 2007 - № 3.

Демографический фактор как ограничитель социально-экономического развития периферийной зоны Ростовской области

Сухинин С.А.

Академия строительства и архитектуры Донского государственного технического университета, Россия, Ростов-на-Дону

Ростовская область является одним из регионов Юга России, в пределах которого выделяет обширная периферийная зона. Она включает в себя 33 из 43 муниципальных районов, расположенных на значительной пространственной удаленностью от административного центра области (максимально до 400 км на север и до 500 км на восток) и наименьшей транспортной доступностью от областного центра [4]. В силу ряда факторов, в том числе и демографических, уровень развития экономики и социальной сферы здесь заметно ниже, чем в других частях области, что вызывает существенные проблемы.

Особенности демографического развития периферийной зоны Ростовской области является ведущей детерминантой, определяющей размещение объектов

инфраструктуры на их территориях и развития отраслей как производственной, так и непроизводственной сферы. В пределах периферийной зоны проживает около 1/3 населения Ростовской области и главной отличительной чертой является преобладание сельских жителей – они составляют 85% населения [1]. Районы периферийной зоны на протяжении последних двух десятилетий демонстрируют затяжную депопуляцию по причине как естественной убыли населения, так и миграционного оттока (близки к простому воспроизводству только г. Волгодонск и Волгодонской район).

Депопуляционная тенденция в сельской местности значительно ослабляет демографический потенциал периферии. Данная особенность демографического развития периферийной зоны Ростовской области совпадает с общероссийской закономерностью воспроизводства населения для руральных территорий. В то время периферийная зона при сравнительно более низкой естественной убыли населения не отличается миграционным приростом в силу общего отставания в уровне социально-экономического развития и более низком качестве жизни населения [3]. В итоге, именно периферийная зона обеспечивает миграционную убыль населения всей Ростовской области.

Негативными последствиями затяжного демографического кризиса в пределах периферии является значительная деформация половозрастной структуры населения – снижения доли детей и молодежи (15,5% от населения региона) при более высокой доли пожилых людей (27,4% населения), что формирует высокую демографическую нагрузку (75 чел. старше и младше трудоспособного возраста на 1000 трудоспособных) и повышенный уровень демографической старости (37,7%) [1]. Интенсивная внутренняя эмиграция в пределах периферийной зоны отразилась и на заметно более низкой доле населения в трудоспособном возрасте.

Демографический потенциал является основой трудовых ресурсов, использование которых отражается через **занятость населения**. В пределах периферийной зоны отмечается явное несоответствие ее доли в общей численности занятых и доли в численности населения области. Это указывает

на негативную ситуацию на рынке труда, связанную с ежегодным уменьшением численности трудовых ресурсов и миграцией рабочей силы, сокращением рабочих мест [1, 3].

«Выкачивание» рабочей силы из сельских муниципалитетов в города области отражается в более низком уровне занятости в районах периферии. В целом, проблемы местного рынка труда связаны с острым дефицитом рабочих мест, более низкой оплатой труда, низким трудовым потенциалом субъектов периферии вследствие затяжного демографического кризиса, и как итог – общей трудоизбыточностью при сохранении трудодефицитности по ряду квалифицированных профессий.

Зона периферии на протяжении трех десятилетий демонстрирует снижение экономической активности в ходе деиндустриализации. Она проявляется не только в уменьшении числа предприятий, которое за 2008-2015 гг. снизилось на треть, но и объемов производства и доли муниципальных образований периферийной зоны в общих макроэкономических показателях области [1, 2]. Так, в рамках периферийной зоны единственным крупным производственным центром является г. Волгодонск, а на долю 33 муниципальных районов периферии в совокупности приходится всего лишь 8% среднегодового объема продукции [1], что связано не только с дисперсностью размещения предприятий промышленности, но и их деградацией. Ограниченность величины трудовых ресурсов выступает одной из детерминант, лимитирующих создание в пределах периферии Ростовской области крупных предприятий, ориентированных на трудоемкие производства, что не позволяет существенно расширить экономический профиль региона.

В итоге, затяжная депопуляция в силу как миграционного оттока, так и естественной убыли населения, в купе с низким уровнем производственной активности и инвестиционной привлекательности негативно влияют на социально-экономическую ситуацию в периферийно зоне Ростовской области, вызывая другие проблемы, ставшие типичными для периферийной экономики – превалирование аграрного сектора, низкий уровень доходов населения,

недостаточную степень коммунального благоустройства населенных пунктов. Улучшение демографической ситуации здесь возможно посредством активизации мер демографической и трудовой политики не только на национальном уровне, но и региональном, планомерном поиске точек экономического роста периферийных территорий в форме перспективных специализаций в наиболее крупных и обеспеченных ресурсами населенных пунктах. Это позволит в перспективе преодолеть тенденцию депопуляции, улучшить социально-демографическую и экономическую ситуацию в регионе на основе имеющихся предпосылок, активизирует рынок труда, улучшит уровень и качество жизни населения, а в конечном итоге – минимизирует негативные проявления периферийности.

Литература:

1. Ростовская область в цифрах 2014: Стат.сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2015. 792 с.
2. Статистический ежегодник. Ростовская область 2005: Стат.сб. / Ростовстат. Ростов-на-Дону, 2006. 854с.
3. Сухинин С.А. Проблемы и перспективы социально-экономического развития периферийных районов северо-востока Ростовской области // Региональная экономика. Юг России. Научно-практический журнал. 2014. № 4. С. 158-163.
4. Сухинин С.А. Социально-экономическое районирование северо-восточной периферии Ростовской области в интересах формирования территориально сбалансированной концепции ее развития // Региональная экономика. Научно-практический и аналитический журнал. 2015. № 21. С. 36-47.

Распространение незарегистрированных партнерских союзов как показатель кризисного состояния института семьи и брака

Сущенко О.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Современное российское общество характеризуется глубокими структурными изменениями. Происходит процесс перестройки социальных институтов, смены общественных ценностей и уклада жизни.

Последствия изменений для взаимоотношений полов в брачно-семейной сфере определили тенденцию ослабления официально регистрируемых связей. Новые представления о сексуальной и супружеской жизни, в частности возросшая терпимость к гражданским союзам со стороны общества, привели к тому, что брак перестал рассматриваться единственной законной формой семейных отношений, рождению ребенка не обязательно предшествует заключение брака, увеличилось число партнерств и внебрачных рождений. Такая плюрализация типов семьи и родительства меняет нормативность жизненной стратегии российских граждан.

Анализ современных тенденций в развитии института семьи указывает на процессы деинституционализации семейных отношений в мире. Преобразования семьи как социального института сопровождаются растущей популярностью альтернативных форм отношений между полами, таких как материнские семьи, гостевой брак, сожительства, бигамные и полигамные семьи. Подобные явления ведут к снижению рождаемости, росту числа разводов, увеличению числа людей, сознательно выбирающих бездетность или безбрачие [5].

Среди разнообразия альтернативных форм наиболее популярной заменой брака и, как показывают исследования, наиболее принимаемой обществом формой партнерских отношений является сожительство. Рост популярности добрачных сожительства – одно из наиболее важных демографических изменений XX века, касающихся семьи [6]. При этом исследования зарубежных социологов, занимающихся изучением данного феномена, обращают внимание на негативные черты подобных союзов (непродолжительность, нестабильность,

негативное влияние на последующие брачные отношения, низкую рождаемость в них и т. д.). Это позволяет говорить о том, что совместное проживание до брака приводит к ухудшению отношений молодых после вступления в брак, к низкой удовлетворенности браком, высокому уровню насилия в семье и повышению вероятности развода.

Увеличение доли сожительствующих пар в последние десятилетия как в большинстве европейских стран, так и в России не может не вызывать опасений: не является ли это уходом от семьи современного человека?

Согласно материалам общероссийского опроса населения, проведенного в 2004 году «для одних сожительство — это «приватизированный» брак, полноценная замена брачному союзу. Для других — это неполноценный, «пробный» брак, возможность проверить прочность чувств и совместимость характеров. Для третьих — это возможность лучше узнать друг друга, чтобы впоследствии принять (или не принять) решение о браке с полной ответственностью и адекватным представлением о партнере. Для четвертых сожительство — это до определенного срока удобный, но не заменяющий брак способ быть вместе с близким человеком» [1].

Не стоит заблуждаться, полагая, что сожительство — исключительно удел молодых людей, совместно проживающие без регистрации пары встречаются и в средних возрастах, и среди пожилых. Причем вероятность отказа от регистрации каждые последующих отношений возрастает. Сожительство разнообразно и часто содержит многие характеристики брака: совместное проживание, разделение ресурсов, исключительность отношений, наличие детей [3]. Но это лишь иллюзорное сходство.

Распространение незарегистрированных союзов фиксируется в России данными демографической статистики и результатами специальных социологических исследований [2]. Рост таких союзов в нашей стране в последние десятилетия требует к себе более пристального внимания. В первую очередь, это связано с ответом на вопрос — является ли распространение сожительств временным явлением или долгосрочной тенденцией? А также,

каким образом рост доли сожительствующих пар может отразиться на функционировании института семьи?

Исходя из сказанного, можно сделать вывод, что в российском обществе происходит деформация брачных отношений. Современные отношения добрачного сексуального и репродуктивного поведения отражают ослабление ценностей традиционной семьи, основанной на единстве отношений супружества, родительства и родства.

Под влиянием социально-экономических, политических и культурных изменений в жизни общества к концу столетия сожительство стало приемлемой социально одобряемой нормой. Сформировалась тенденция распространения этой формы связи между мужчиной и женщиной.

Результаты исследований показывают, что распространение незарегистрированных партнерских союзов влечет за собой реальную угрозу семье и обществу. Семья, основанная на сожительстве, не может полноценно выполнять присущие ей функции, прежде всего, — деторождения. Следствием является снижение рождаемости, старения населения и неполное воспроизводство общества. Более того, распространение незарегистрированных отношений влечет за собой такие явления, в которых переплетается: свободные половые отношения — неустойчивые связи — социальное сиротство — снижение рождаемости — одиночество — социальные болезни — неудовлетворенность жизнью, и как следствие всего этого — дисгармония общества [4].

Фактически гражданский брак противоречит самосохранению и развитию общества. Таким образом, семья стремительно теряет свое институциональное значение, традиционные ценности, и отношения в семейно-брачной сфере оказываются невостребованными обществом. Данные обстоятельства определяют возрастающее внимание к проблемам брака и семьи, необходимость формирования семейных традиций с учетом социально-экономического развития общества, выработки обоснованной, эффективной, с расчетами и оценками последствий, позицию государства и общества по

системе желательных улучшений.

Литература:

1. Вовк Е. Смыслы и значения незарегистрированных отношений: разновидности брака или альтернативы ему? (часть 2), Журнал «Социальная реальность» № 2, 2005.
2. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб.: ТОО ТК Петрополис, 1998. С. 240–241.
3. Михеева А.Р. Брак, семья, родительство: социологические и демографические аспекты: учеб. пособие. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т, 2001. 74 с.
4. Петрова Л.Н. Незарегистрированные браки *и* их социальные последствия // *Учен. зап. РГСУ*. – 2009. – № 10. – С. 202-207.
5. Шпаковская Л.Л. Политика институционализации и практики приватизации семейной жизни: партнерство и брак в России // Журнал исследований социальной политики. – 2012. – Том 10. – № 3. – С. 309–322.
6. Smock Pamela. Cohabitation in the United States: An appraisal of research themes, findings and implications // *Annual reviews sociology*. - P. 1–20. 2000. № 26

Здоровье как фактор демографических изменений в России

Фомичева Т.В., Салистая Г.С.

Российский государственный социальный университет, Россия, Москва

В теоретической и эмпирической отечественной социологии, здоровье изучается как на макроуровне (здоровье популяции), так и на микроуровне (индивидуальное здоровье личности). Интегральным показателем популяционного здоровья является «продолжительность предстоящей жизни (ППЖ)». Круг индикаторов при оценке динамики популяционного здоровья дополняется также некоторыми показателями смертности, а именно: а) младенческая смертность (число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми); б) материнская смертность (число женщин, умерших от

осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми); в) умершие по основным классам причин смерти.

Таблица 1

**Динамика показателей продолжительности
предстоящей жизни россиян
(ожидаемая продолжительность жизни при рождении)
(число лет) [1], [2]**

Год	1990	1994	2003	2014	Динамика, число лет
Все население	69,2	63,9	65,1	70,9	1,7
Мужчины	63,8	57,6	58,8	65,3	1,5
Женщины	74,3	71,2	72,0	76,5	2,2

Наблюдаемая динамика показателей (в таблице 1), говорит о повышательной тенденции в сторону незначительного увеличения продолжительности жизни россиян за последние 24 года.

За последние девять лет коэффициент младенческой смертности циклично дважды снижался (см. таблицу 2) – с 11,0 в 2005 году до 7,4 в 2011 и в 2014г. В итоге, можно отметить существенное снижение показателя.

Таблица 2

**Коэффициент младенческой смертности
(число умерших в возрасте до 1 года на 1000 родившихся живыми),
Россия, [2]**

2005	2007	2008	2009	2010	2011	2012	2013	2014
11,0	9,4	8,5	8,1	7,5	7,4	8,6	8,2	7,4

Исходя из данных, (изложенных в таблице 3), можно отметить, что относительно благополучное положение в аспекте материнской смертности населения наблюдается в тех странах, где имеется наиболее высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни населения (70–80 лет) и сравнительно высокий уровень душевого ВВП, а также в тех странах, где доступно

качественное медицинское обслуживание для широких слоев населения и уровень развития медицины в целом, достаточно высок; осуществляется борьба с массовыми инфекционными и эпидемиологическими заболеваниями.

Таблица 3

Выдержки из сравнительной таблицы суммарных коэффициентов материнской смертности (страны мира 2009-2014гг) (число умерших женщин от осложнений беременности, родов и послеродового периода на 100 000 родившихся живыми) [2]

Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости	Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости
Россия	2014	10,8	<i>Страны ЕС, из них:</i>		
<i>Страны БРИКС, из них:</i>			Австрия	2013	1,3
Бразилия	2011	59,5	Болгария	2012	4,3
Индия	2013	167,0	Германия	2013	4,3
Китай	2013	23,2	Италия	2011	2,6
ЮАР	2009	187,9	Литва	2013	6,7
<i>Другие страны, из них:</i>			Нидерланды	2012	3,4
Аргентина	2011	42,0	Польша	2013	1,0
Норвегия	2013	3,4	Румыния	2013	13,6
Республика Корея	2012	11,6	Соединенное королевство (Великобритания)	2011	6,6
США	2010	20,6	Финляндия	2013	1,7
Турция	2013	23,5	Франция	2011	5,7
Япония	2011	4,1	Швеция	2013	6,2

Факторами и группами факторов, которые формируют здоровье россиян можно назвать следующие: биогенетические, экологические, социально-экономические, социальные и другие. Как мы видим, отмечается незначительный естественный прирост населения России, наметившийся с 2012г. (см. таблицу 4).

Коэффициенты рождаемости, смертности и естественного прироста населения (на 1000 чел. населения), Россия [2]

Родившиеся						Умершие						Естественный прирост населения					
2005	2010	2011	2012	2013	2014	2005	2010	2011	2012	2013	2014	2005	2010	2011	2012	2013	2014
10,2	12,5	12,6	13,3	13,2	13,3	16,1	14,2	13,5	13,3	13,0	13,1	-5,9	-1,7	-0,9	0,0	0,2	0,2

Учитывая статистические данные, (изложенные в таблице 5), можно отметить, что относительно благополучное положение в сфере рождаемости населения в тех странах, где наиболее высокий уровень ожидаемой продолжительности жизни населения (70–80 лет) и сравнительно высокий уровень подушевого ВВП, а также ярко выражена значимость религиозной мотивации поведения населения, (в том числе такие страны, как Индия, Турция, Аргентина).

Выдержки из сравнительной таблицы суммарных коэффициентов рождаемости (страны мира 2011-2014гг) [2]

Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости	Страна	Год	Суммарный коэффициент рождаемости
Россия	2014	1,8	<i>Страны ЕС, из них:</i>		
<i>Страны БРИКС, из них:</i>			Австрия	2012	1,4
Бразилия	2013	1,8	Бельгия	2012	1,8
Индия	2013	2,3	Германия	2012	1,4
Китай	2012	1,7	Италия	2012	1,4
ЮАР	2013	2,6	Литва	2012	1,6
<i>Другие страны, из них:</i>			Нидерланды	2012	1,7

Аргентина	2011	2,4	Польша	2012	1,3
Норвегия	2012	1,9	Румыния	2012	1,3
Швейцария	2012	1,5	Соединенное королевство (Великобритания)	2012	1,9
США	2013	1,9	Финляндия	2012	1,8
Турция	2012	2,1	Франция	2012	2,0
Япония	2012	1,4	Швеция	2012	1,9

Говоря об основных причинах смертности населения, необходимо отметить, что в нашей стране смертность среди мужчин традиционно выше, чем смертность среди женщин. Одной из основных причин смерти россиян выступают «внешние причины смерти», в частности алкоголизм (и его последствия), курение, отравления, дорожно-транспортные происшествия. В странах с относительно низким уровнем жизни высок показатель «внешние причины смерти» (см. таблицу 6). Региональный аспект (в частности, проживание в сельских регионах), также отмечается как фактор, косвенно снижающий продолжительность жизни россиянина [1].

Таблица 6

Выдержки из сравнительной таблицы «Смертность населения по причинам смерти» (умершие на 100 000 человек населения) (страны мира 2004-2014гг) [2]

Страна	Годы	Инфекционные и паразитарные болезни	Злокачественные новообразования	Болезни системы кровообращения	Болезни органов дыхания	Болезни органов пищеварения	Внешние причины смерти
Россия	2014	17,7	114,8	320,5	31,5	42,2	102,4
Страны БРИКС, из них:							
Бразилия	2010	26,6	99,5	184,1	66,5	32,1	71,8
Индия	2004	175,2	100,4	381,5	107,5	39,7	116,4
Китай	2004	35,6	142,7	279,5	135,9	25,1	73,4
ЮАР	2009	318,6	101,4	285,2	196,8	38,4	104,1

<i>Другие страны, из них:</i>							
Аргентина	2010	27,8	118,0	173,2	86,0	25,4	43,6
Норвегия	2012	8,5	115,4	106,4	35,7	12,2	30,7
США	2010	13,8	116,2	136,4	42,3	18,7	50,3
Япония	2011	7,0	105,1	83,7	41,5	13,2	43,2
<i>Страны ЕС, из них:</i>							
Австрия	2011	4,1	118,2	143,0	19,6	17,9	31,6
Германия	2012	8,5	118,2	142,6	26,1	20,9	23,1
Италия	2010	6,7	119,9	116,2	20,2	15,4	21,9
Великобритания	2010	4,7	130,0	121,8	49,8	24,6	23,5
Финляндия	2011	3,4	102,9	149,4	16,2	24,7	50,0
Франция	2010	7,4	123,9	83,5	18,7	17,7	37,0
Швеция	2010	7,8	107,4	132,2	20,2	12,5	30,4

Итак, выделим основные характеристики, значимые для продолжительности жизни россиян: пол: женский организм более устойчив, женщины менее подвержены стрессам, вредным привычкам, инфекциям; образ жизни менее подвержен «отклонениям»; регион проживания: отмечается приоритет городского региона (город-мегаполис, крупные и средние города), прежде всего, с точки зрения качества оказания медицинской помощи и более широких возможностей трудоустройства и повышения уровня жизни населения; образ жизни россиянина.

Литература:

1. Римашевская Н. Здоровье человека-здоровье нации. Экономические стратегии. 2006. № 1. С. 36-41
2. Российский статистический ежегодник, 2015: Стат.сб./Росстат. Р76.М, 2015. С. 669-672.

Современное состояние института семьи в России

Хромачева А.Ю.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Нынешнюю ситуацию во всех сферах жизни Российской Федерации можно описывать как кризисную – нестабильная экономическая ситуация, рост разногласий с властными структурами, проблемы в сфере медицины и образования, и многие другие. Те же кризисные тенденции наблюдаются и в сфере семьи: увеличение числа аборт и разводов, снижение репродуктивных установок у женщин в детородном возрасте, распространение приемного родительства как средства заработка, увеличение количества неблагополучных семей, живущих за чертой бедности, распространение сожительства как обязательной формы добрачных отношений, рост детской преступности, увеличение количества беспризорников и прочие. Стоит однако отметить, что все эти тенденции не являются следствием одного лишь экономического кризиса, эти тенденции были сформированы в советский, перестроечный и постсоветский период в связи с уничтожением и расформированием ряда институтов и структур. Механизмы адаптации перестали работать в рамках сформировавшейся социальной реальности, а новые формировались стихийно и не вписывали в себя культурное наследие и традиционно почитаемые модели поведения. Подобное явление породило глубочайший межпоколенческий конфликт, который не улучшает кризисное положение семьи.

В нынешних условиях рыночных отношений и свободного рынка, молодые люди предпочитают сначала строить карьеру, и лишь потом заводить семью.

Таблица 1.

Распределение вступающих в брак в младших возрастных группах в РФ (в %) [1. С. 57-71]

Годы	До 18 лет		18-24 года		25-34 года	
	женихи	невесты	женихи	невесты	женихи	невесты
1980	0.3	2	62	68	25	19
1990	1	5	52	59	30	21

1994	0.8	6	54	59	27	19
1999	0.4	4	47	58	33	22
2004	0.2	2	38	53	39	28
2006	0.2	2	37	53	41	30
2007	0.1	1.5	35	51	43	32
2008	0.2	1.4	34	49	44	34
2009	0.1	1.2	32	47	45	36
2010	0.1	1.0	31	46	47	37
2011	0.1	1.0	29	44	48	39
2012	0.1	1.0	27	41	49	41
2013	0.1	0.9	25	38	51	43
2014	0.1	0.7	22	36	52	44

По данным Росстата за 2014 год, доля девушек и молодых людей, вступающих в брак в возрасте от 18 до 24 неуклонно снижается – если в 1980 годах более 60% невест и женихов (68% для женщин и 62% для мужчин) вступали в брачные отношения именно в этом возрасте, то в 2014 показатель для этой возрастной группы уменьшился вдвое, в то время как основным возрастом вступления в брак была выделена группа от 25 до 34 лет. Представленные данные наглядно демонстрируют неуклонное увеличение возраста вступления в брак.

Отдельно стоит сказать про разводы. В 2014 году всего было зарегистрировано 1,2 млн. браков, а расторгнуты были 693 тысячи. Число браков и разводов на протяжении пяти лет остается почти неизменным, что говорит о том, что каждый второй брак в России расторгается. Для сравнения, в начале 90-х было заключено 1,4 млн. браков, а расторгнуты были 559 тысяч. Еще одна из тревожных тенденций свидетельствует о неуклонном росте числа разводов; не только количественно, но и в процентном соотношении, становится очевидно, что количество заключаемых браков совершенно не свидетельствует об их качестве [2].

Еще один показатель – анализ среднего желаемого и ожидаемого числа детей у девушек детородного возраста. По данным Федеральной службы городской статистики [Росстата], девушки в возрасте от 18 до 29 лет хотели бы иметь больше двух детей (показатель доходит до 2,30 [3]), и что интересно,

женщины более старшего возраста – от 30 до 39 лет так же были бы не против завести двое детей при удачных семейных обстоятельствах. Мужчины так же хотели бы иметь не менее двух детей. По данным государственной статистики (см. Табл. 2), ожидаемое число не значительно ниже планируемого, хотя интересно то, что значение для мужчин выше, чем для женщин. Однако мы наблюдаем тревожную тенденцию снижения количества планируемых детей ниже показателя в два ребенка, необходимых для естественного воспроизводства населения.

Таблица 2.

Ожидаемое число детей на 1 женщину, 2012 год

Пол	Возраст				
	до 25 лет	25-29	30-34	35-39	40 и старше
мужчины	1,93	2,02	2,08	1,99	1,82
женщины	2	1,99	2,01	1,87	1,71

Следует отметить так же и тот факт, что в современном российском обществе существует так называемый «культ молодёжи». По мнению выдающегося социолога начала 20-го века Ортега-и-Гассета для «массового» человека характерны такие черты как стремление избежать ответственности и привязанности и эгоизм, стремление всегда оставаться молодым [4]. Сегодня, как никогда, стали популярны фитнес-клубы, различные диеты, пластическая хирургия. СМИ постоянно пропагандируют образ «вечно молодого» человека. Сегодня многие молодые люди хотят сначала «для себя пожить, а уж потом семью заводить». Они гораздо больше озабочены поиском разнообразных развлечений, новых ощущений, чем созданием семьи [5].

Интересные тенденции наблюдаются и в сфере семейных ролей. Увеличивается доля мужчин, задействованных в процессе воспитания детей. Постепенно происходит отход от модели «отстраненного отца», женщины активнее включены в сферу труда, выступая равноправными участниками трудовой деятельности, серьезно воспринимаемыми партнерами по бизнесу. Но не смотря на это, все еще сохраняется внутрисемейное распределение

обязанностей на женские и мужские. В подобных условиях, женщине приходится выбирать между продвижением по карьерной лестнице или рождением ребенка, из-за невозможности совместить сразу оба рода деятельности. Как ни странно, в последние годы наблюдается увеличение числа домохозяек, предпочитающих воспитание ребенка – таким образом, они могут уделять больше времени его образованию, воспитанию, расширению культурного кругозора (благодаря занятиям в различных секциях) и физическому здоровью, с другой стороны – они замыкаются на своем ребенке, исключая себя частично или полностью из любой трудовой сферы.

Можно привести в пример еще ряд интересных данных. Не смотря на кажущееся катастрофическое положение дел относительно брачных отношений, количество рожденных в незарегистрированных отношениях детей в России составило 24,6%, что относительно европейских стран немного: так в Эстонии это число достигает 59,7%, во Франции – 55,8%, в Норвегии – 55%, в Дании – 49% [6].

Однако существует и иная неутешительная статистика, связанная с тенденцией отдачи детей в детские дома. На момент 2012 года по данным Генпрокуратуры РФ, всего насчитывалось 654 тысячи детей-сирот, 84% которых там оказались при живых родителях. 71% этих детей находятся в детских домах. При этом тревожным остается тот факт, что опять же по данным 2012 года, лишь 61 тысяча детей были отданы под опеку из детских домов, усыновленными стали лишь 6564 детей, а обратно в детские дома были отданы 4500 детей. Показатель детей-сирот в России один из высочайших среди развитых стран (а Россия, как известно, относится к развитым странам по ИЧР). Сейчас при поддержке правительства, разрабатывается проект оплачиваемых приемных семей, которые должны исправить эту угнетающую статистику, однако перспективы данного проекта пока до конца не ясны [7].

В 1970-х годах постулировали смерть большой семьи. Не смотря на наличие большого количества дальних и близких родственников, теснота связей с ними значительно снизилась [8]. Особенно это характерно для

крупных городов – человек ограничивается общением с близкими родственниками, коллегами по работе и друзьями, в то время как на дальних родственников может не хватать времени в условиях быстрого темпа жизни. Дополнительной трудностью выступает высокая мобильность современных людей, которая создает препятствия для поддержания тесных связей с большим количеством людей на протяжении долгого времени [9].

Но когда именно начался кризис семьи? Традиционно считается, что капитализм стал причиной ослабления связей внутри семьи, и не смотря на ярко окрашенный экономический характер резких перемен внутри семьи, именно социальные последствия ощущаются до сих пор. Но почему именно капитализм?

Во-первых, в условиях конкуренции, свободного рынка и широкого спектра профессиональных сфер, в работнике в первую очередь воспитывается креативность – хороший работник должен придумывать что-то новое – будь это обслуживание техники на заводе или разработка высокотехнологичных устройств. Эта креативность требует от человека отвергать все старое в поисках новых решений. Но все старое – это и традиции, и культура, передающаяся от предков. Креативность порождает межпоколенческий конфликт – люди, выросшие в условиях капиталистического общества менее зависимы от своей семьи при достижении совершеннолетия, чем их отцы и матери, выросшие при индустриальном обществе.

Во-вторых, капитализм породил огромное количество малого и среднего бизнеса, так же как и крупных фирм и корпораций. Если раньше семейный надел можно было спокойно передавать по наследству, то сейчас предприниматель и владелец часто выбирают в качестве приемников профессионалов, заточенных на ведение дел в конкретной сфере.

В-третьих, капитализм породил высокую степень мобильности, которая, как говорилось выше, снижает количество связей не только социальных, но и семейных.

В-четвертых, конкуренция – бич всех проблем. Когда в рамках одной

семьи, ее члены могут стать непосредственными конкурентами друг другу на рынке труда, не приходится говорить о тесноте эмоциональной связи.

Таким образом, можно говорить о кризисе состояния института семьи. В связи с этим, требуется отслеживать динамику изменений, происходящую с семьей, дабы вовремя замечать деструктивные моменты происходящих трансформаций или, наоборот, подвижки в сторону укрепления ее структуры.

Литература:

1. Гурко Т. А., Хромачева А. Ю. Студенты-социологи о семье, гендере и отношении к родителям // Вестник Института социологии. 2015. № 15, С. 57-71
2. Разводы [Электронный ресурс]. Росстат. 09.06.2015. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/dem2_raz.htm (дата обращения: 21.11.2015 г.)
3. Желаемое и ожидаемое число детей по возрастным группам [Электронный ресурс]. Росстат. 05.06.2008. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN/Publisher/Documents/Tables/tab-34.pdf (дата обращения: 10.11.2015 г.)
4. Зыкова А. Б. Учение о человеке в философии Х.Ортеги-и-Гассета. — М., 1978.
5. Причины кризиса современной российской семьи [Электронный ресурс]. Socio city – университет социологии. URL: <http://www.sociocity.ru/scitys-222-1.html> (дата обращения: 25.01.2016 г.)
6. Share of live births outside marriage [Электронный ресурс]. Eurostat. 28.09.2015. URL: <http://ec.europa.eu/eurostat/tgm/table.do?tab=table&plugin=0&language=en&pcode=tps00018> (дата обращения: 25.03.2016 г.)
7. Замахина Т. В России могут появиться профессиональные приемные семьи [Электронный ресурс]. 13.11.2014. URL: <http://rg.ru/2014/11/13/deti-site.html> (дата обращения: 30.03.2016 г.)

8. Галецкий В. Встретит ли институт семьи XXII век? // Журнал «Дружба народов», 2005. №6.
9. Тоффлер Э. Шок будущего. М.: АСТ, 2002.

**Социально-демографические детерминанты развития
современного российского общества**

Цыплакова О.Г.

*Российский государственный педагогический университет имени Герцена,
Россия, Санкт-Петербург*

Демографические процессы лежат в основе многих долгосрочных тенденций, определяющих социально-экономическое развитие страны. Одна из главных проблем современной демографической ситуации в России - низкая рождаемость, которая в решающей степени предопределяет сокращение численности и постарение населения и изменяет внутри- и межпоколенные взаимодействия. Причины сокращения рождаемости следует искать как в изменении общих социальных ценностей, и в том числе в потребности иметь детей, так и в существовании барьеров, которые не позволяют людям реализовать их репродуктивные планы. Изучение причин трансформации репродуктивных установок имеет важное значение в контексте масштабной государственной демографической политики, которая в настоящее время реализуется в России с целью изменения тенденций рождаемости.

Низкая рождаемость не есть специфическая черта только российской действительности. Новый демографический режим суженного воспроизводства населения сегодня характерен для большинства стран развитого мира. Для выявления общих и специфических детерминант репродуктивного поведения возникает необходимость обратиться к концептуальным научным разработкам в этой области и реальной практике реализации демографической политики в других странах, с тем, чтобы осуществить объективную оценку сложившейся ситуации в современной России.

Существующие теоретические концепции детерминации рождаемости

можно разделить на две большие группы: к первой относятся так называемые «факторные» теории, авторы которых осуществляли поиск причинно-следственных связей между рождаемостью и различными, прежде всего, экономическими факторами. [4]

Вторая группа теорий подразумевают комплексное изучение репродуктивного поведения, и связывает его трансформацию с общим изменением образа жизни в современных обществах, которые предоставляет индивиду самые широкие возможности в плане свободы его жизненного выбора. Человек постсовременный становится человеком рефлексии и выбора своей социальной самостности, включая степень его вовлеченности в социальную жизнь, семейные функции, сексуальную идентичность и многое другое. Само же постсовременное становится терпимым и толерантным к этой свободе личности, а тем самым само становится обществом рефлексизирующим, в широком смысле обществом свободного выбора. [1]

Современный человек настраивает календарь важнейших событий в своей жизни все более сообразуясь с индивидуальными склонностями и возможностями, согласует их с конкретными обстоятельствами своей личной жизни и экономической ситуацией в стране, все менее оглядываясь на традиционные представления и нормативные ограничения. [2]

Опыт реализации демографической политики должен основываться на концептуальных теоретических положениях и не ограничиваться факторным (экономическим) подходом, а исходить из наличия тех фундаментальных изменений, которые коснулись современных обществ в последние десятилетия, а, следовательно, носить комплексный характер.

Сугубо материальные меры воздействия способствуют лишь досрочной реализации уже сложившихся планов относительно числа детей в семье, изменяют «тайминг» рождений, но не могут заставить пересмотреть эти планы, существенно не влияют на итоговую рождаемость в реальных поколениях. Для изменения норм детности в сторону существенного повышения нужно добиться фундаментальных сдвигов в существующей системе ценностей на уровне не

только отдельной личности, семьи и брака, но и общества в части расширения и реализации, личных прав и свобод.

Современная семья изменением установок на детность лишь отвечает на изменение структуры общественных ценностей и приоритетов, приспособляясь к меняющимся и постоянно возрастающим требованиям постиндустриального общества.

Опыт государственной демографической политики ряда Европейских стран наглядно показывает, что попытки прямого стимулирования рождаемости если и давали кратковременный эффект, то в последующем он компенсировался дальнейшим снижением числа рождений.

Универсального способа решения демографических проблем не существует. Перед каждой страной открывается коридор возможностей формирования демографической политики, границы которого определяются институциональной структурой общества, ресурсной базой социально - демографической политики и т.д.

Уже в ближайшие годы Россия столкнется с последствиями катастрофического спада рождаемости конца 1980-х – начала 1990-х годов («демографической ямы 90-х»). Через 10 лет численность женщин в активном репродуктивном возрасте (20–29 лет, на которые приходится почти 2/3 рождений) сократится почти вдвое, что неминуемо приведет к сокращению числа рождений. Несмотря на рост суммарного коэффициента рождаемости – до 1,75 ребенка на женщину, рождаемость все еще остается ниже уровня простого воспроизводства. [5] А потому следует признать, что целевые показатели и меры, предусмотренные в Концепции демографической политики Российской Федерации на период до 2025 года, недостаточны для преодоления демографического кризиса и должны быть пересмотрены.

При этом необходимо учитывать ряд принципов, на которых должна основываться демографическая политика государства в долгосрочной перспективе: во-первых, государственно-общественный принцип разработки и реализации демографической политики, предполагающий, что основная

ответственность за проведение демографической политики ложится на органы государственного управления, наделяемые соответствующими властными полномочиями и бюджетными ресурсами. Однако, существует потребность более активного задействования институтов гражданского общества в лице неправительственных организаций, институтов социального партнерства; должен поощряться и пропагандируется опыт работодателей, проводящих на своих предприятиях политику человеческих ресурсов, благоприятную для работников, имеющих детей. Во-вторых, семейно-демографический принцип, который предполагает значительные меры по помощи семье, которые должны выражаться в достаточном уровне расходов на семейную политику; увеличении пособий для семей с детьми и налоговых вычетов для родителей; обеспечении доступности услуг по уходу за детьми, особенно до 3 лет; обеспечения возможности работы по гибкому графику для матерей; обеспечение жильем на льготных основаниях для молодых семей с детьми. В-третьих, принцип адресности, который предполагает, что демографическая политика должна разрабатываться с учетом специфики потребностей различных групп общества.

Реализация этих принципов должна помочь преодолению негативных тенденций, повлиявших на трансформацию репродуктивных установок, и привести к нормализации демографической ситуации в России, что будет способствовать дальнейшему продуктивному социально-экономическому развитию нашей страны.

Литература:

1. Демографическая модернизация России 1900–2000. / Под ред. А. Г. Вишневского.- М.: Новое издательство, 2005.
2. Захаров С. В. Второй демографический переход и изменение возрастной модели рождаемости. [Электронный ресурс] /Электронная версия бюллетеня «Население и Общество» «Демоскоп Weekly». — 2012. — №495–496. — Режим доступа: <http://demoscope.hse.ru/zaharov>

3. Осипов Г.В. Российская социологическая энциклопедия / под. Ред. Г.В. Осипова. – М., 1998.
4. Фахрисламова Р.Т. Низкая рождаемость: теории и подходы к объяснению. / Вестник ЮРГТУ (НПИ). - 2015.- № 2.
5. Через 10 лет будет поздно. Демографическая политика Российской Федерации: вызовы и сценарии. - 2013. [Электронный ресурс] / - Режим доступа: http://www.oprf.ru/files/Doklad_cherez_10_let_budet_pozdno.pdf

Пространственная дифференциация социально-экономического развития регионов

Шапошников Е.С.

*Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления,
Россия, Улан-Удэ*

В современной экономике остро стоит проблема усиления неравномерности развития центральных и периферийных районов. Сосредоточение в «центре» большего количества ресурсов и достижений научно-технического прогресса образует резкий контраст между центральными и отдаленными районами. Так, в статье О.В. Бондарской и Т.А. Бондарской отмечается, что «в целом ресурсный баланс между центром и периферией складывается в пользу центра»[4]. В условиях рецессии дифференциация усиливается за счет внешней и внутренней миграции населения. В связи с этим снижается не только текущее благосостояние периферийных районов, но и уровень их потенциала развития, что ведет к негативным последствиям для экономики в целом. Концентрация ресурсов в центральных регионах, ведет к снижению привлекательности отдаленных районов, как для населения, так и для предпринимательской деятельности.

Главной причиной существенной дифференциации является распределение ресурсов в пространстве и особенности географического расположения. П. Кругман говорит о том, что пространство это «абстрактный экономический ландшафт динамического распределения ресурсов в

зависимости от конъюнктуры и их местоположения»[2]. В связи с этим особое внимание среди отечественных и зарубежных ученых, изучающих данную проблему, уделяется пространственной экономике, в частности используется понятие «экономическое пространство». Сам термин «экономическое пространство» до сих пор не имеет четкой и однозначной трактовки. Так Е.Г. Анимца и Н.М. Сурнина дают развернутое определение экономическому пространству: «это та государственная территория, в пределах которой создается, используется и воспроизводится система жизнедеятельности человека, осуществляется деятельность людей в целях удовлетворения потребностей. В широком смысле слова экономическое пространство охватывает территорию суши, внутренние и территориальные воды (акватории), которые необходимы для поддержания и улучшения условий населения. В узком смысле этого слова – экономическое пространство – это хозяйственно освоенная территория страны, на которой осуществляется деятельность, связанная с производством, распределением, обменом, потреблением товаров и услуг»[8].

Схожее определение дает академик А.Г. Гранберг. Он говорит о том, что «Экономическое пространство - это насыщенная территория, вмещающая множество объектов и связей между ними: населенные пункты, промышленные предприятия, хозяйственно освоенные и рекреационные площади, транспортные и инженерные сети и т.д.»[6]. Таким образом, экономическое пространство практически отождествляется с территорией государства (административное пространство) без учета анклавов на данной территории и с учетом анклавов на территориях других государств, не учитывая отношения между субъектами, а также ресурсы, что вносит существенные ограничения на возможности проведения исследований.

Иной подход в определении данного понятия использует профессор О.А. Бияков, он представил его как: «Экономическое пространство определено как система отношений между субъектами, реализующих частные экономические процессы, и субъектом совокупного экономического процесса по

формированию ожидаемых результатов их деятельности»[4]. Также О.А. Бияков сформулировал целый ряд понятий, отличных от традиционных, такие как: экономический процесс, экономическое время и другие. Это позволило сформировать систему показателей хозяйственной деятельности для оценки потенциала регионального экономического пространства и разработать модель, дающую его количественную и качественную оценку. О результатах своего исследования, профессор О.А. Бияков говорит: «Важнейшим условием перехода экономики регионов к этапу устойчивого развития, новому качеству экономического роста являются структурно-инновационные преобразования, без которых регионы России и страна в целом останутся в стороне от протекающих процессов глобализации и встраивания в мировой рынок»[7].

Е.В. Кочкурова о структурных изменениях в современной экономике России: «Таким образом, анализ макроэкономической динамики показал, что структурные изменения в современной экономике России не могут быть названы прогрессивными, соответствующими вектору перехода от индустриального общества к постиндустриальному, а саму экономику – стабильной»[3]. Таким образом, отсутствие прогрессивных структурных изменений, влечет за собой экономический спад, который в первую очередь отражается на периферийных регионах, следовательно, повышается уровень миграции населения (таблица 1).

Таблица 1.

- Внутренняя миграция по Федеральным округам за 2009-2013 гг. (по данным Госкомстата за 2009-2013 года)[1].

Регион прибытия	Центральный	Северо-западный	Южный	Уральский	Дальневосточный	Северо-Кавказский	Сибирский	Приволжский	Итого пришло/убыло	Населения ФО на 01.01.14
Центральный		44,997	67,581	57,643	61,130	69,680	87,312	195,207	583,550	38,819,874
Северо-западный	-44,997		6,873	24,698	30,547	24,525	37,370	39,951	118,967	13,800,658

Южный	-67,581	-6,873		26,723	36,033	40,549	46,790	23,651	99,292	13,963,874
Уральский	-57,643	-24,698	- 26,723		5,108	27,045	21,626	24,017	-31,268	12,234,224
Дальневосточный	-61,130	-30,547	- 36,033	-5,108		-341	- 16,501	-11,485	-161,145	6,226,640
Северо-Кавказский	-69,680	-24,525	- 40,549	- 27,045	341		-3,068	-4,995	-169,521	9,590,085
Сибирский	-87,312	-37,370	- 46,790	- 21,626	16,501	3,068		-10,195	-183,724	19,292,740
Приволжский	- 195,207	-39,951	- 23,651	- 24,017	11,485	4,995	10,195		-256,151	29,738,836
Итого выбыло	-583,55	- 118,967	- 99,292	31,268	161,145	169,521	183,724	256,151		

Таким образом, данные Госкомстата за 2009—2013 гг. свидетельствуют о том, что наибольший отток населения произошёл из Приволжского ФО, что во многом обусловлено близостью Центрального ФО (в первую очередь Москвы и Московской области), которые привлекли большую часть мигрантов из Приволжского ФО. В субъектах РФ, входящих в состав федеральных округов, миграция тоже носит неравномерный характер, в частности, из четырнадцати регионов Приволжского федерального округа миграционный прирост в 2009 г. сохранила только Республика Татарстан (2,2 тыс. чел.).

Отток демографических ресурсов из региона делает затрудненным дальнейшее инновационное развитие региона, в связи с миграцией высококвалифицированных, а также молодых специалистов, что ведет за собой превращение региона в сырьевую базу для развивающихся регионов, со стремительно стареющим населением и еще более стремительным оттоком экономически активного населения.

Как итог демографического кризиса, регион может потерять инвестиционную привлекательность с остановкой развития инфраструктурных проектов, что в свою очередь ведет к общему спаду экономики региона. В свою очередь снижение инновационного потенциала региона, в связи с отсутствием людей, способных генерировать инновации, способно вызвать еще больший отток населения из данного региона.

Для стабилизации экономического развития периферийных районов

необходимо более интенсивное внедрение и использование передовых технологий в экономике. В связи с широким распространением телекоммуникационных сетей, появляются новые способы взаимодействия между субъектами экономических отношений. Виртуальная занятость позволит существенно снизить поток миграции высококвалифицированных специалистов в центральные регионы, повысит доступность экономических благ, и уровень квалификации участников экономических отношений во всем экономическом пространстве. Наличие обратной связи между производителем и конечным потребителем в реальном времени снижает вероятность ошибки в процессе производства и распределения благ.

В целом, более широкое использование и внедрение информационно-коммуникационных технологий позволит снизить темпы экономического спада периферии, будет способствовать росту социально-экономического развития регионов и уменьшению диспропорций между центрами и периферией.

Литература:

1. Внутрироссийская миграция по территориям прибытия и выбытия http://www.gks.ru/free_doc/new_site/population/demo/migr3.xls
2. Krugman P. Complex landscapes in economic geography // American Economic Association, Papers and Proceedings. – 1994. – № 84.
3. К вопросу о структурных изменениях в современной экономике России / Е.В. Кочкурова // TERRAЕCONOMICUS – 2012. – т.10 – №2-2.
4. Место малого города в пространственно-иерархической системе «центр-периферия» / О.В. Бондарская, Т.А. Бондарская // Социально-экономические явления и процессы. – 2014. – т.9, № 8.
5. Организованное рекреационное пространство в регионе: методология исследования и механизм формирования / В.Б. Брюханова, И.В. Антохонова. – Улан-Удэ, 2014. – 188с.
6. Основы региональной экономики: Учебник для вузов. / А.Г. Гранберг. - М.: ГУ ВШЭ, 2000. - С. 25.

7. Экономическое пространство региона: процессный подход / О.А. Бияков. – Кемерово: Кузбассвузиздат, 2004.
8. Экономическое пространство России: проблемы и перспективы / Е.Г. Анимидца, Н.М. Сурнина // Экономика региона – 2006 - № 3.

Антисемейный характер первых декретов Советской власти

Янкина Е.А.

Социологический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, Россия, Москва

Общеизвестный факт, что в 1917 году в нашей стране произошли две мощнейшие по своей исторической значимости революции-февральская и октябрьская, последняя из которых с ног на голову перевернула всё существующее тогда мироустройство. Изменения коснулись абсолютно всех сфер жизни социума: и экономической, и социальной, и духовной, и, конечно же, политической.

Новая власть, дабы не быть голословной, начала активно издавать свои законы, которые в историографии получили название Первых декретов Советской Власти. А они в свою очередь, как и сама доктрина большевистской партии, оказали колоссальное влияние на институт семьи и брака. Сама семья же понимается нами как основанная на единой общесемейной деятельности общность людей, связанных узами супружества-родительства-родства, и тем самым осуществляющая воспроизводство населения и преемственность семейных поколений, а также социализацию детей и поддержание существования членов семьи.

Исключительную важность в данном контексте имеет анализ процесса трансформации института семьи и брака под влиянием первых декретов Советской власти, под которыми принято понимать ряд декретов, выпущенных большевистской политической элитой, и имеющих хронологические рамки с ноября — декабря 1917 года по январь 1918 года. Безусловно, не каждый декрет оказал влияние на институт семьи, в связи с чем логически необходимо перечислить те, которые, в свою очередь, оказали прямое или косвенное

влияние на сферу брачно-семейных отношений: о суде, о земле, о расторжении брака, о гражданских браках и так далее.

Для того, чтобы достичь понимания данного процесса необходимо глубинное рассмотрение содержания декретов большевистской власти через призму существующего политического режима. Активное реформирование брачно-семейных отношений осуществлялось практически в полном соответствии с марксистско-ленинской программой построения коммунистического общества, предполагавшей полную ликвидацию политического, экономического и социального неравенства, обобществление экономики и быта, постепенную ликвидацию таких социальных институтов, как семья и государство.

Опрометчиво было бы рассматривать семью раннего Советского периода, не проанализировав многовековую семью Имперской России. Это очень интересный, но имеющий двойственный характер процесс слияния жесткой коммунистической доктрины с многовековой патриархальной семьёй, представляющей из себя уникальную систему взаимоотношений, обычаев и устоев.

Основными направлениями, которые можно выделить, на основе анализа декретов являются:

- Уход от патриархальных традиций;
- Брак - товарищеский союз (в котором главенствуют три позиции - равноправие, независимость, свобода);
- Становление феминистических позиций;
- Дети - забота коллектива (появление общественных столовых, детских садов, яслей);
- Значительное освобождение от эмоциональных привязанностей внутри семьи;
- Исключение религиозных элементов (гражданские браки);

- Влияние урбанизации на характер взаимоотношений (процесс нуклеаризации);
- Уменьшение количества расширенных семей;
- Изменение иерархии статусных ролей внутри семей;
- Резкое увеличение случаев разводов;
- Делегирование полномочий семьи государству

Итак, проанализировав целый ряд декретов, которые имели пагубное воздействие на институт семьи в целом и трансформировали его в качественно новый субстрат. Семья, которая имела место быть в Российском государстве и та семья, которую мы увидели в Советском Союзе – две разные вещи. Из патриархальной, достаточно консервативной и религиозно-направленной структуры, семья превратилась в мощный инструмент, двигатель Советского государства. Эксплуатация семьи в государственных интересах стала нормой.

Основные черты современной урбанизации, ее перспективы

Яровенко А.А., Бочанов Э.С.

Дальневосточный федеральный университет, Россия, о.Русский

Первой чертой современного процесса мировой урбанизации является прекращение экстенсивного ее развития.

Согласно последним оценкам экспертов ООН, в ближайшие десятилетия произошло:

- 1) прекращение роста и последующая убыль абсолютной численности сельского населения;
- 2) глобальный урбанистический переход, когда численность городского населения стала больше численности сельских жителей.

Городские отношения во всей широте своего социального содержания количественно закрепились и официально признаны в качестве доминирующих.

На сегодняшний день общая численность городского населения достигла 3,8 млрд. чел., т.е. 51% всего населения мира. При этом для размещения

городского населения характерны крайняя неравномерность и пространственная дифференцированность.

На карте мировой урбанизации резко выделяются три основных региона - США, Западная Европа, Япония. Их дополняют довольно дисперсно-распространенные по большинству районов крупнейшие центры городские агломерации с населением свыше 1 млн. жителей (в мире их 398).

В последние два десятилетия эту картину несколько меняют быстрорастущие, достаточно мощные городские агломерации в Восточной и Южной Азии, в странах Латинской Америки и меньше - Африки. Это связано с высокими темпами роста и концентрации в них городского населения. Около половины горожан мира (46%) ныне сосредоточено в Азии (в 1950 г. – их было около 30%), более 20% - в Европе. По оценкам экспертов ООН, к 2020 г. в Азии городское население достигнет 2166 млн. человек, а в Африке - 584 млн.

В результате разнородности и разнотемповости развития процесса урбанизации в различных странах и регионах городской ландшафт мира в последнее время испытывает глубокие трансформационные подвижки, в том числе в распределении городского населения между развитыми и развивающимися странами. В развитых странах в 1950 г. проживали почти 60% всех горожан, в 1970 г. – 50%, ныне - около 32%.

Вместе с тем территориальная контрастность урбанизации имеет устойчивую тенденцию к сокращению. Она уменьшается благодаря динамичному приросту горожан в развивающихся странах при его стабилизации и даже стагнации в большинстве развитых стран. При том, что среднегодовые темпы роста в мире составляют около 2%, из них 0,4% - в развитых странах, 2,4% - в развивающихся.

Второй чертой современного процесса мировой урбанизации является динамичный рост числа крупных городов и концентрации в них населения.

В середине XX в. городами-«миллионерами» располагала только каждая 7-ая страна мира, а в настоящее время они есть уже в каждой 3-ей. Ныне на планете существуют более 398 агломераций людностью свыше 1 млн. человек,

и в них проживают более 40% горожан и 17% всего населения мира.

Постоянное увеличение доли крупных городов в демоурбанистической структуре мира свидетельствует об опережающих темпах роста в них населения сравнению с более мелкими городскими образованиями. Особенно ярко проявляется этот процесс в странах «третьего мира».

За последние 50 лет в развитых странах численность как всего, так и крупногородского населения увеличилась только в 2 раза, а в развивающихся странах 6-кратное увеличение общей численности горожан сопровождалось 10-кратным ростом крупногородского населения.

Еще в 1950 г. на долю развивающихся стран приходилось $\frac{2}{5}$ (41%) всех агломераций людностью более 1 млн. жителей и только $\frac{1}{3}$ (34%) всего крупногородского населения, в настоящее время - около $\frac{2}{3}$ (65,5 и 66%) в обоих случаях.

Начиная с 1950-х гг. каждые 20 лет происходило практически удвоение общего числа крупнейших агломераций мира. Однако в территориальном плане их прирост распределялся крайне неравномерно. Здесь отчетливо прослеживается усиление азиатского вектора. Причем надо учитывать особую многочисленность своего рода переходной группы агломераций, как бы подпирающих сверхгорода Азии. В регионе насчитывается более 160 городов людностью от 500 тыс. до 1 млн. жителей. По прогнозам экспертов ООН, здесь до 2020 г. возникнет еще более 80 новых крупногородских образований [2].

В большинстве староурбанизированных регионов мира, напротив, отмечается уменьшение или стабилизация темпов прироста числа городов-«миллионеров».

В результате такой динамики, вопреки глобальной тенденции к нивелированию уровней урбанизированности стран и регионов, происходит процесс увеличения территориальной контрастности и существенной трансформации структуры глобальной системы крупногородского расселения мира.

Показательны и процессы роста мегагородов (население более 8 млн.

чел.) по развитым и развивающимся странам. Так, в развитых странах в период с 1970-х гг. по 2014 гг. число мегагородов изменилось незначительно (с 6 до 10) (по 3 - в Европе, Северной Америке, Японии, 1 – в Республике Корея).

Совсем другая ситуация в развивающихся странах. Если в 1970-х годах мегагородов было всего 5, то в 2014 г. – уже 23.

С середины XX в. 30 крупнейших городов планеты постоянно обновлялись. В 1950 г. агломерации европейских стран и США занимали в ней почти 65% мест, а в XXI в. - меньше 30%.

В этот период список ведущих агломераций мира покинули Милан, Берлин, Санкт-Петербург, Детройт, Неаполь, Манчестер, Бирмингем, Франкфурт, Бостон, Гамбург. Вошли в этот список Сеул, Джакарта, Дели, Манила, Карачи, Лагос, Стамбул, Лима, Дакка.

В 2015 г. среди 36 мегагородов только 10 остались в развитых странах, а 26 представлены мегагородами развивающихся стран, прежде всего, Азии.

Более того, стремительные темпы роста численности горожан ведут к возникновению системы сверхгородов (людностью более 10 млн.) в развивающихся странах. Полагают, что уже через 10 лет в них разместятся 22 из 27 городов, а также появятся первые агломерации с населением свыше 30 млн. чел. (Дели, Мумбаи и др.).

Таким образом, продолжается концентрация населения в агломерациях свыше 1 млн. и особенно в сверхкрупных агломерациях свыше 10 млн..

Третьей чертой мирового процесса урбанизации является укрупнение городских форм расселения, который в некоторых случаях носит полицентрический характер и ведет к формированию урбанизированных зон наагломерационного уровня (мегалополисов).

По мнению специалистов [1], мегалополис обладает признаками, отличающими его от городской агломерации:

- 1) по площади любой мегалополис многократно превосходит самую крупную агломерацию;
- 2) мегалополисы на порядок превосходят агломерации по численности

населения;

3) в отличие от агломераций, которые в большинстве своем тяготеют к концентрическим формам, мегалополис представляет собой ареально-линейное образование в виде гирлянды городов, «нанизанных» на естественные или искусственные транспортные пути. Более того, как показывает опыт, формирование современных расселенческих структур идет по пути не столько заполнения имеющихся межагломерационных пространств, сколько по принципу сетевого развития.

4) тогда как для крупных моноцентрических агломераций типично убывание всех социально-экономических и плотностных показателей от центра к периферии, в мегалополисе, предстающем в виде каскада агломераций, подобное распределение невозможно и носит по главной оси образования «волнообразный», а в поперечном разрезе - поясной характер.

С одной стороны, существует точка зрения, что мегалополис дает расширенные возможности для развития крупных центров, умножает преимущества крупных городских агломераций.

С другой стороны, как показывают некоторые исследования, спектр, масштабы и основная специализация видов деятельности для мегалополиса и крупной агломерации принципиально не различаются.

Литература:

1. Анимица Е.Г., Власова Н.Ю. Градоведение. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. экон. ун-та, 2006. – 417 с.
2. Перцик Е.Н. Геоурбанистика: Учебник. – М.: Академия, 2009. – 435 с.